ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

К. Сэндберг

ЛИНКОЛЬН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Имя выдающегося государственного деятеля, президента США Авраама Линкольна уже более ста лет справедливо связывается с лучшими демократическими традициями американского народа. Его жизнь сама по себе представляет увлекательный роман. Безграмотный дровосек, сплавщик леса, он овладевает знаниями, становится крупнейшим политическим деятелем, выступая защитником интересов бедных фермеров и негров-рабов.

Биография Линкольна, написанная видным американским поэтом Карлом Сэндбергом (род. в 1878 г.) и переведенная почти на все языки мира, считается одной из выдающихся литературных биографий. Ширено используя документы и воспоминания современников, Сэндберг воссоздает образ человека сильного, упорного, с чисто американским грубоватым юмором, воссоздает атмосферу политической борьбы того времени, широко показывает военные события.

- Карл Сэндберг
  - В ПРЕРИЯХ
    -
    - 1. Детство и юность на диком Западе
    - 2. Жизнь в Нью-Сейлеме
    - 3. Молодой законодатель
    - 4. Адвокат в Спрингфилде
    - 5. «Я женюсь»
    - 6. Кандидат в члены конгресса
  - КОНГРЕССМЕН ЛИНКОЛЬН
    -
    - 1. Дорога в Вашингтон
    - 2. Снова дома в Спрингфилде
    - 3. Неугомонная, растущая Америка
    - 4. Проблема рабства усугубляется
    - 5. Горячие дебаты
    - 6. Странный друг и дружественный странник
    - 7. «Только события выдвигают президента»
  - ЛИНКОЛЬН ПРИНИМАЕТ ПРИСЯГУ
    -
    - 1. «Мэри, нас избрали
    - 2. Дом разделенный
    - 3. «Счастливо оставаться!»
    - 4. Куда идет Америка?

- 5. Линкольн принимает присягу
- ВОЙНА
  - 1. Форт Самтер и угроза войны. Мобилизация
  - 2. Джефферсон Дэвис, его правительство
  - 3. Суматоха. Страхи. Опасности
  - 4. Битва при Булл-Рэне. Мак-Клеллан. Фремонт. Дело с почтовым судном «Трент»
  - 5. Военная политика. Коррупция
  - 6. Форт Донелсон, Грант. Шайло. «Монитор» и «Мерримак». Семь дней
  - 7. Второй Булл-Рэн. Кровавая битва при Антьетаме. Хаос
- ВОПРОС О РАБСТВЕ
  -
  - 1. Предварительное провозглашение свободы для негров
  - 2. Медлительность Мак-Клеллана. Потери на выборах. Фредериксберг. Послание 1862 года
  - 3. Буря над кабинетом министров. Мерфрисборо
  - 4. 1863 год. Декларация об освобождении негров
  - 5. «Лошадей больше, чем овса». Искатели теплых местечек
  - 6. Хукер. Чанселорвилл. Большая беда
  - 7. Возьмет ли Грант Виксберг?
  - 8. Черные тени. Линкольн в первые месяцы 1863 года
  - 9. Человек в Белом доме
  - 10. Геттисберг. Осада Винсберга. Глубокие течения 1863 года
- ЛИНКОЛЬН — ЦЕНТР БУРИ
  - 1. «Масса Линнам, он есть везде»
  - 2. Чикамога. Победа на выборах 1863 года
  - 3. Речь Линкольна в Геттисберге
  - 4. Эпическая повесть 1863 года подходит к концу
  - 5. 1864 год. Грант назначен главнокомандующим
  - 6. Выставит ли партия снова кандидатуру Линкольна?
  - 7. Джэй Кук, деньги на войну, трудные времена и крупные успехи
  - 8. Чэйз жаждет баллотироваться в президенты
- КРОВЬ И ГНЕВ
  -

        - 1. Весна 1864 года
        - 2. Наступление Гранта в 1864 году. Свободная пресса
        - 3. Список кандидатов партии Национального союза: Линнольн — Джонсон
        - 4. Вашингтон в обороне. Болтовня о мире
        - 5. «Самый мрачный месяц войны» — август 1864 года
        - 6. Жестокие сражения осенью 1864 года
        - 7. Юмор Линкольна… и его религия
        - 8. Линкольн амнистирующий
        - 9. Человек, ставший предметом спора
        - 10. 8 ноября 1864 года — день выборов
        - 11. Линкольн выдвигает кандидатуру верховного судьи
    - СВОБОДНЫ НАВСЕГДА
        -
        - 1. «Пропавшая армия». Юг в огне и крови. Военные тюрьмы
        - 2. Конец тяжелого 1864 года
        - 3. «Свободны навсегда» — тринадцатая поправка
        - 4. Густой дым — черный дым
        - 5. Второе вступление в должность
        - 6. Нескончаемый повседневный труд президента
        - 7. Линкольн посещает армию Гранта. Прорыв Грантом фронта армии генерала Ли
        - 8. Падение Ричмонда
        - 9. «Не в печали, а в радости сердечной»
    - СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА
        -
        - 1. Переговоры. Зловещий сон
        - 2. Страстная пятница
        - 3. Кровь на луне
        - 4. Потрясение… Кто убийца?.. Пораженный горем народ
        - 5. «Дерево лучше всего измерить, когда оно повалено»
        - 6. Шествие и вечное молчание
    - Послесловие
    - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. ЛИНКОЛЬНА
    - КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
- notes
    - 1

- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4

Карл Сэндберг
Линкольн

В ПРЕРИЯХ

1. Детство и юность на диком Западе

В 1776 году, когда тринадцать американских колоний приняли знаменитую Декларацию независимости, в графстве Рокингхэм жил капитан виргинского народного ополчения Авраам Линкольн. Он владел там 210 акрами земли, доставшимися ему от отца, Джона Линкольна, одного из многих переселенцев, приехавших из Англии, Шотландии, Ирландии, Германии, Голландии, которые захватывали зеленые холмы и склоны долины Шенандоа и взрезали своим плугом девственные земли, издавна принадлежавшие индейцам. Эти Линкольны были спокойными, мирными и упорными людьми.

У Авраама Линкольна было трое сыновей: Мордехай, Джошуа, Томас — и две дочери. Вот с этой семьей Авраам Линкольн в 1782 году переселился в Кентукки. Давно уже его друг Даниэл Бун, побывавший в Кентукки, рассказывал ему о богатых черноземом и травами долинах, где масса дичи и рыбы, где отличный лес и чистые быстрые реки. Его влекла эта сторона, о которой рассказывал Бун, где акр земли стоил 40 центов. Авраам Линкольн продал свою ферму, упаковал пожитки и присоединился к группе переселенцев, направлявшихся по Дикой дороге через Камберлендский перевал на север и затем на запад, в Кентукки. Он обосновался на берегу Грин-ривер и занял там участок земли более чем в 2 тысячи акров.

Однажды — это было через два года, — когда Авраам Линкольн работал на поле со своими тремя сыновьями, мальчики услышали ружейный выстрел, свист пули… Отец с криком упал на землю. «Индейцы!» — крикнул кто-то из них; Мордехай бросился в хижину, Джошуа пустился через поле и лес за помощью, а шестилетний Том остался над истекающим кровью отцом, не зная, что делать. Он поднял голову и увидел рядом с собой индейца. В ту же минуту индеец взмахнул руками, со стоном согнулся пополам и рухнул наземь. Его настигла пуля Мордехая, который стрелял сквозь щель в стене хижины. Маленький Том стоял так близко, что слышал, как пуля ударила краснокожего.

Томас Линкольн вырос, живя у родных и знакомых; время от времени он нанимался работать к фермерам. Между делом он овладел плотничьим и столярным ремеслами. Иногда он бывал молчалив, а порой говорил без умолку, шутил и рассказывал всевозможные истории. Он умел немного читать и мог подписать свою фамилию.

В девятнадцать лет Томас Линкольн вступил в ополчение

штата Кентукки и в двадцать четыре года был назначен констеблем в графство Камберленд. В 1803 году он купил за 118 фунтов наличными участок земли в 238 акров около Милл-крика, в семи милях от Элизабеттауна.

В 1806 году Томас Линкольн женился на двадцатидвухлетней Нэнси Хэнкс, которую иногда звали Нэнси Спарроу, потому что она выросла в доме Томаса и Элизабет Спарроу и фактически была их приемной дочерью. Сыграли свадьбу; молодой муж посадил новобрачную на лошадь и повез ее по красноватой глинистой дороге в Элизабеттаун. Там он купил полдюжины ножей, вилок и ложек, иголок и ниток, три куска шелка и три фунта табака — шелк для Нэнси, табак для себя. Они были счастливы. Том плотничал, мастерил комоды, шкафы, двери, окна, а когда приходилось — то и гробы.

В 1807 году Нэнси родила девочку, которую назвали Сарой.

Через год Томас Линкольн с Нэнси и ребенком переехали из Элизабеттауна на новое место — у ручья Нолин-крик. в двух с половиной милях от Ходжин-вилля, где он приобрел 348 с половиной акров нетронутой земли. Здесь Том построил хижину из бревен, которые сам срубил неподалеку. Полом служила утрамбованная земля, одна-единственная дверь висела на кожаных петлях. Сквозь крохотное окошко можно было выглянуть наружу и посмотреть, что за погода на дворе, увидеть солнце и деревья, уходящие вдаль холмистые прерии.

Однажды февральским утром 1809 года Том Линкольн вышел из своей хижины на дорогу, остановил соседа, попросил его зайти к бабке Пегги Уолтерс и передать ей. что Нэнси скоро потребуется ее помощь. Утром 12 февраля — это было воскресенье — бабка пришла в хижину Линкольнов, и вместе с Томом и стонущей Нэнси Хэнкс они приветствовали приход в этот мир жестокой борьбы и крови, мир мечтаний и разочарований нового ребенка, мальчика.

Несколько позже в то же утро Том Линкольн подбросил побольше дров в очаг, укрыл Нэнси лишним одеялом и зашагал по дороге, где в двух милях от его хижины жили Том и Бетси Спарроу. Деннис Хэнкс, девятилетний приемный сын Спарроу, встретил его на пороге. «Нэнси родила сына», — сказал Том, и на лице его появилась застенчивая улыбка.

Деннис со всех ног бросился к хижине Линкольнов. Влетев туда, он увидел Нэнси, лежащую на постели, устроенной в углу из жердей. Она оторвала свой взгляд от ребенка и слабо улыбнулась Деннису. А он стоял и смотрел, как спокойно и мерно дышит это маленькое существо. «Как ты решила назвать его, Нэнси?» — спросил он. «Авраамом, — ответила она, — в честь его

деда».

Весной 1811 года Том Линкольн перевез свою Семью на новое место, в 10 милях северо-восточнее Нолин-крика. У ручья Ноб-крик он купил участок в 230 акров. Почва здесь была чуть получше, да и соседей было больше. Неподалеку от новой хижины Тома проходила знаменитая Камберлендская тропа, основная дорога, связывавшая Луисвилл с Нашвиллем. На этой дороге можно было видеть крытые фургоны с переселенцами, двигавшимися на юг, на запад, на север, коробейников, торговавших всевозможными скобяными изделиями и галантереей, партии рабов, бредущих во главе с надсмотрщиком или в сопровождении работорговца верхом на лошади; иногда можно было увидеть конгрессменов или членов законодательного собрания, проезжавших в роскошных экипажах на заседания в Луисвилл.

Здесь, на этой ферме, маленький Эйб вырастал из одной рубашонки в другую, здесь он научился ходить и говорить, а когда стал немного старше, привык к домашней работе — бегал со всякими поручениями, таскал воду, дрова, выносил золу из очага. Он узнал, как появляются на ладонях мозоли от мотыги, когда трудишься над грядками фасоли, лука, помидоров. Он научился ходить за жеребцом и двумя кобылами, которых купил его отец.

Эта ферма на Ноб-крике, в долине, окруженной высокими холмами и пересеченной глубокими оврагами, была первым домом, который запомнил Эйб Линкольн.

Школа находилась за четыре мили от их дома, и когда она была открыта, а Сара и Эйб не были заняты по хозяйству, они ежедневно проделывали этот путь. Там, в бревенчатой хижине с земляным полом и единственной дверью, сидя на грубо сбитых скамьях без спинок, они выучили азбуку и научились считать до десяти. В этой школе всегда было шумно: ученики громко повторяли свои уроки, чтобы показать учителю, какие они прилежные. Первым учителем Эйба и Сары был Захария Риней, католик, вслед за ним появился Калеб Хазед, до этого содержавший таверну. Впоследствии Эйб вспоминал, что «всюду, где только можно было нарисовать линии, он тренировался в письме». Он выцарапывал слова углем, выводил их в пыли, на песке, на снегу. Он находил особую прелесть в письме.

Том Линкольн трудился всегда изо всех сил, и у него была репутация человека, который платит свои долги. Однако в 1814 году из-за ошибки в документе на право владения землей ему пришлось продать свою ферму на Милл-крике, получив за нее на 18 фунтов меньше, чем он сам когда-то заплатил. Началась тяжба

по поводу его участка на Нолин-крике, затем другой процесс, грозивший потерей фермы на Ноб-крике. К тому же и здесь все больше и больше применялся труд негров-рабов. В 1815 году в графстве Хардин насчитывалось уже 1 238 рабов. На каждого налогоплательщика приходилось 58 негров-рабов — мужчин, женщин и детей, которые в описях оценивались наравне с лошадьми, коровами и другим домашним скотом. Поэтому, когда Том Линкольн в 1816 году решил перебраться в Индиану, это было, как писал впоследствии Эйб, «в известной степени из-за рабства, но главным образом из-за тяжб по поводу его прав на землю».

В декабре 1816 года Том Линкольн с Нэнси, Сарой, Эйбом, четырьмя лошадьми и самым необходимым домашним имуществом тронулись из Кентукки на север, пересекли реку Огайо и добрались до Индианы. Путь их пролегал через дикие, не тронутые рукой человека местности, по холмам, покрытым густым лесом, в котором росли мощные дубы и вязы, клены и березы. Туман и зимняя сырость мешали идти; мелкая поросль леса так густо сплеталась ветвями, что Тому, вероятно с помощью Эйба, приходилось иногда прокладывать дорогу топором. «Это были глухие места, — писал впоследствии Эйб, — где в лесах еще водились медведи и другие дикие животные, где рев пантеры наполнял ночь ужасом». В этой пустынной местности на квадратную милю приходился один человек, а дом от дома находился в двухтрех милях.

Наконец в 16 милях от реки Огайо, у ручья Литл Пиджен-крик, они нашли более или менее открытый участок земли. Здесь всей семьей соорудили из жердей временную хижину, у которой было только три стены, а у входа день и ночь горел костер. В последующие недели Том с помощью соседей и маленького Эйба, которому еще не исполнилось восьми лет, срубил и поставил бревенчатую хижину 18 на 20 футов, с чердаком. Эйб вспоминал потом, что «хотя ему было совсем мало лет, выглядел он гораздо старше и тогда-то получил в руки топор — этот самый полезный инструмент, который он с тех пор не выпускал из рук».

Когда Том Линкольн строил свою хижину, он не владел землей, на которой собирался обосноваться. Он был скваттером. Только в октябре 1817 года, проделав путь в 90 миль до Винсенса, он оформил документы на землю, внеся четверть всей стоимости. Правительство продало ему землю по 2 доллара за акр, и он мог стать полным хозяином этой земли, как только выплатит остальные три четверти.

Это был тяжелый для них год, «время отчаянной нужды», как вспоминал потом Эйб. Им приходилось валить деревья,

расчищать участок от кустарника, вспахивать неподатливый вековой дерн и на этих отвоеванных у природы клочках сеять. Питались они главным образом тем, что удавалось подстрелить в лесу — оленей, медведя, диких индюков, уток, гусей. Иногда небо закрывали стаи диких голубей. По ночам хижина освещалась горящими в очаге поленьями, сосновыми шишками или свиным салом. С ранней весны и до осенних морозов Сара и Эйб ходили босиком, разыскивая орехи и дикие фрукты. Иногда они с восторгом наблюдали, как отец выкуривал из дупла дерева пчел и доставал мед. Хуже всего обстояло дело с водой. Эйбу и Саре приходилось ходить по воду без малого милю. Отец выкопал несколько колодцев, но воды в них не оказалось.

Они были маленьким звеном в той линии цивилизации, которая именовалась американской границей, — огромное множество людей, подобно им, вспахивало никем и никогда не тронутую землю, обживая Средний Запад. В фургонах по тысячам дорог через проходы в восточных горах, на плоскодонных лодках, шаландах и пароходах по реке Огайо пробирались эти люди на запад ради земли, которую правительство продавало по два доллара за акр. Вдоль дорог, проселков и троп, ведущих на запад, валялись разбитые колеса от фургонов, и трава прорастала между спиц, а неподалеку можно было найти истлевшие кости людей и лошадей. Многие из˜тех, что шли сюда, жаждали земли, мечтали о земле. Немало среди них было и искателей счастья, авантюристов, преступников, беглецов от правосудия.

Однажды в конце 1817 года к участку Линкольнов подъехал крытый фургон, в котором оказались их старые кентуккийские друзья Том и Бетси Спарроу и весельчак Деннис Хэнкс, которому уже исполнилось семнадцать лет. В течение многих лет он будет ближайшим товарищем Эйба. Пока Спарроу не нашли себе участок и не устроились, они поселились в хижине Линкольнов. Однако не прошло и года, как Тома и Бетси Спарроу унесла «молочная болезнь», начинавшаяся с того, что на языке появлялось белое пятно. Предполагали, что болезнь эта происходит оттого, что коровы поедают белый змеиный корень или какие-то другие травы, от которых их молоко становится ядовитым. Том и Бетси Спарроу были похоронены неподалеку, на маленьком холме, расчищенном от леса.

А вскоре белое пятно на языке появилось и у Нэнси Линкольн. Внутри у нее все жгло, язык стал коричневым, руки и ноги холодели, пульс слабел. Она знала, что умирает, позвала детей и, задыхаясь, слабеющим голосом попрощалась с ними. Это случилось 5 октября 1818 года, когда осень покрыла своими багряными знаменами дубы и клены.

Миновал еще один тяжелый год. На плечи двенадцатилетней Сары легло все домашнее хозяйство, а отец с помощью Денниса и Эйба старался расчистить побольше земли, вскопать и засеять ее.

Пришел ноябрь, и Том Линкольн оставил дом и детей и отправился в далекий путь через леса, за реку Огайо, в Элизабеттаун, в Кентукки, в дом вдовы Сары-Буш Джонстон. Говорят, что он прямо заявил ей: «У меня нет жены, а у тебя нет мужа. Я пришел, чтобы жениться на тебе. Я знал тебя еще девочкой, и ты знаешь меня с давних пор. Я не могу тратить время попусту, и если ты согласна, давай сразу же решим это дело». Она ответила кратко: «У меля есть кое-какие долги». Том Линкольн заплатил ее долги, и 2 декабря 1819 года они обвенчались.

Однажды утром Эйб и Сара были приятно поражены, когда на их участке появился фургон, который везли четыре лошади; с козел соскочил их отец, за ним вылезла Сара-Буш Линкольн, а вслед высыпали трое ее детей от первого брака — тринадцатилетняя Сара, десятилетняя Матильда и девятилетний Джон. Затем из фургона появились матрас и подушки, шифоньер из черного ореха, ящик с одеждой, стол, стулья, горшки, ножи, вилки, ложки.

— Вот это твоя новая мама, — сказал отец, когда Эйб уставился на крепкую, большую, цветущую женщину с добрым лицом, добрыми глазами и тихим, спокойным голосом.

Она сразу же понравилась Эйбу. Кроме того, он с любопытством ощупывал пуховый матрас и пуховые подушки.

Теперь в их однокомнатной хижине ютились, спали и ели восемь человек.

В те годы Эйб носил штаны из оленьей кожи, мокасины, полотняную рубаху и шапку из шкуры енота. Для зимних морозов и слякоти у него были, как вспоминал Деннис Хэнкс, «стельки из древесной коры, которые подкладывались под вязаный носок».

Одиннадцати лет Эйб опять пошел в школу. Много лет спустя он вспоминал: «Была так называемая школа, но от учителей никакой квалификации не требовалось, лишь бы они умели читать, писать и считать. Если случалось забрести в эти края человеку, о котором говорили, что он разбирается в латыни, то его уже считали ученым». Школа в Пиджен-крике работала только тогда, когда там оказывался какой-нибудь учитель. Обычно это случалось зимой. А когда такой бродяга учитель уходил дальше, школа закрывалась. Родители оплачивали труд этих учителей олениной, окороками, зерном, звериными шкурами и другими подобными продуктами. Эйбу приходилось шагать четыре мили в школу и четыре обратно. Вообще все его учение в школе, как он

сам впоследствии писал, продолжалось в общей сложности меньше года.

Как только Эйб научился читать, он проглотил все книги, какие только мог достать. Много лет спустя Деннис рассказывал о страсти к чтению своего племянника: «После того как Эйбу исполнилось двенадцать лет, не было случая, когда бы я его видел без книги в руках. Он засовывал книгу за пазуху, набивал карманы кукурузными лепешками и отправлялся пахать или пропалывать. В полдень он усаживался под деревом, читал и ел. По ночам в хижине он опрокидывал стул, заслонял им свет, усаживался на ребро и читал. К нему, бывало, кто-нибудь приходил, но Эйб никого не замечал и старался ускользнуть, словно кошка. Это было просто странно, чтобы парень мог столько читать. Тетя Сара никогда не разрешала детям докучать ему. Она всегда говорила, что из Эйба когда-нибудь выйдет большой человек».

Эйб не раз говорил: «Все то, что я хочу знать, написано в книгах. Мой лучший друг — человек, давший мне книгу, которую я еще не читал». Однажды вечером он отправился за 20 миль в Рок-порт к адвокату Джону Питчеру, чтобы попросить у него книгу, которая, как он слышал, имелась у того. Несколько дней спустя он вместе с отцом, Деннисом и Джоном Хэнксом с рассвета и до темна лущил кукурузу, после ужина до полуночи читал, а на следующий день вряд ли понимал, что он ест, так как перед ним опять лежала книга. Много часов провел он, читая библию — единственную книгу, которая была в их хижине. Прочитал он басни Эзопа, «Путь пилигрима», «Робинзона Крузо», «Историю Соединенных Штатов» Гримшоу, «Жизнь Джорджа Вашингтона», написанную Уймом. Книги освещали ему мрачные часы жизни.

Когда однажды «Жизнь Вашингтона», которую он одолжил у Джошуа Кроуфорда, вымокла под дождем, Эйб признал свою вину и три дня отрабатывал стоимость книги.

Шли годы. Эйб Линкольн рос. В семнадцать лет он уже был шести с лишним футов роста, у него были длинные руки и крепкие мускулы. В восемнадцать лет он мог взять топор за рукоятку и легко держать его на вытянутой горизонтально руке. Один из соседей говорил, что «никто не может вонзить топор так глубоко в дерево, как Эйб».

Ему приходилось выкорчевывать пни, вырубать и жечь кустарник, обтесывать бревна, пилить их, налегать на рукоятку плуга, боронить, копать землю, сеять, мотыжить, молоть зерно, доить коров, помогать соседям строить бревенчатые хижины, перетаскивать бревна, лущить кукурузу, колоть свиней. Он обнаружил, что он проворнее и сильнее других парней. Время от

времени, работая на соседних фермах, он зарабатывал себе на харчи и одежду.

Образование свое молодой Линкольн получал многими путями, помимо школы и книг. Как он сам потом говорил, он «подбирал» образование. Он писал письма для всей семьи и для всех соседей. При этом Эйб обычно прочитывал вслух то, что написал, и спрашивал: «Что вы хотите выразить в этом письме? Вы уверены, что это правильно выражено? А может быть, это можно сказать лучше?» Таким образом он набивал себе руку в грамматике и стилистике.

Он ходил за 30 миль в суд, чтобы послушать адвокатов и посмотреть, как они ведут себя. Он ходил слушать политических ораторов и подражал их напыщенной декламации. Он слушал странствующих проповедников-евангелистов, которые размахивали руками и сотрясали воздух своими воплями, и подражал им. Он старался читать в сердцах людей так же внимательно, как он читал книги.

Он попробовал пить виски и понял, что вкус его ему не нравится и что это ничего не дает ни уму, ни здоровью. Он пробовал курить и понял, что его не тянет к табаку.

В его жизни мачеха заняла большое, хотя и неприметное место. Родные и соседи уважали ее за проницательность и практический ум; она штопала и обшивала всю семью, в доме у нее все блестело. Она лучше, чем кто бы то ни было другой, понимала мрачные раздумья, овладевавшие временами Эйбом, и он всегда говорил о том благотворном влиянии, которое она оказала на него.

Однажды Эйб отправился работать на ферму Джеймса Тейлора, жившего в устье Андерсон-крика и державшего перевоз через реку Огайо. Здесь Эйб увидел пароходы, караваны плоскодонок, груженные сельскохозяйственными продуктами, суда, привозящие товары из промышленных центров. Здесь Эйб сколотил свою первую лодку и стал подвозить пассажиров с берега на пароходы.

Джеймс Джентри, у которого были самые большие фермы на Пиджен-крике и пристань на Огайо, присмотрелся к Эйбу и решил, что ему можно доверить сплавить груз продуктов вниз по Миссисипи до Нового Орлеана. Эйб смастерил большую плоскодонную лодку, срубил дубовые бревна, которые пришиваются к бортам для большей устойчивости, построил на палубе хижину для жилья, сделал два длинных весла на нос и на корму, шест для управления. Командовать лодкой Джентри поручил своему сыну Аллену, а девятнадцатилетний Эйб был там, как он сам говорил, наемной силой. Они нагрузили лодку и

пустились в тысячемильный путь по широкой и извилистой реке. По ночам они причаливали к берегу, а днем плыли вниз по течению мимо меняющихся берегов, караванов плоскодонок и гордых белых пароходов. На изгибах реки надо было внимательно управлять лодкой при помощи весел и шеста, иначе можно было налететь на берег. Сильные ветры угоняли лодку в сторону от курса, временами швыряя ее на берег; в таких случаях один должен был на челноке спешить к берегу, чтобы закрепить трос за дерево или за пень, а второй крепил его на кнехт на носу лодки. По ночам надо было зажигать фонарь или костер, чтобы сигнальный свет предупреждал команды других судов. Так плыли они вниз по течению Отца Вод со скоростью четырех-шести миль в час; парни сами поджаривали себе свинину и кукурузные лепешки, сами стирали рубашки.

В Новом Орлеане они продали груз и лодку и провели там несколько дней. Впервые молодой Эйб Линкольн увидел большой город, откуда морские суда увозили в Европу хлопок, сахар, табак и всевозможные продукты. На пристанях и причалах толпились плантаторы, клерки; грузились и разгружались суда. Моряки самых различных наций, из всех портов мира толклись здесь, бродили по улицам, разговаривали, шумели, бесчинствовали; чужая и непонятная речь, звучавшая со всех сторон, завораживала юношу из далекой Индианы. На улицах города можно было встретить англичан, янки, французов, испанцев, мексиканцев, креолов, изредка свободных негров, а большей частью рабов. Партии закованных рабов проходили по городу, направляясь на хлопковые плантации. Женщины здесь носили яркие туфли и пестрые платья. Креолы отличались глазами с поволокой, квартероны обращали на себя внимание мягким, едва уловимым акцентом. На каждом шагу попадались салуны и притоны, где мужчины пьянствовали, а женщины, потягивая французские вина или ямайский ром, строили глазки прохожим или просто жестами зазывали моряков, матросов речных судов; повсюду были игорные дома, где шла игра в карты или в кости.

Над этим старинным городом когда-то развевались французские, потом английские флаги, теперь он принадлежал американцам. Здесь были богатейшие дворцы, огромный и знаменитый собор, узкие улицы, длинные кварталы хижин и лачуг. В этом городе был еще жив дух старых времен и обычаев, отмиравших традиций, здесь все было не похоже на молодую, почти первобытную Индиану.

Обратно Эйб Линкольн и Аллен Джентри плыли вверх по Миссисипи на красивом речном пароходе. Все, что Эйб заработал за эти три месяца — по 8 долларов в месяц, — он по приезде

согласно обычаю отдал отцу.

Вернувшись после столь длительного путешествия, Эйб в 1829 году работал некоторое время в лавке у Джеймса Джентри. Но его ожидала новая перемена в жизни. Том Линкольн решил перебраться со всей семьей в Иллинойс, куда еще раньше уехал Джон Хэнкс. Тома испугала новая эпидемия «молочной болезни», разразившаяся в окрестностях. Ферма приносила мало дохода, а Джон Хэнкс писал о плодородных землях и богатых урожаях. Купив в свое время 80 акров земли по 2 доллара за акр и в течение четырнадцати лет обрабатывая эту землю, Том Линкольн продал ее теперь всего за 125 долларов. За зиму они построили фургоны, в которых только ободы на колесах были из железа, а все остальное, даже втулки и шипы, соединявшие различные детали, были из дерева. Погрузили домашние вещи, печки, мебель, и рано утром 1 марта 1830 года они тронулись в путь. За несколько дней до этого Эйб стал совершеннолетним и получил право участвовать в выборах. Он уже не обязан был отдавать заработанные им деньги отцу, он мог уезжать куда хотел.

Опять они были в пути, останавливались там, где их заставала ночь, готовили ужин, спали, а на рассвете двигались дальше. По ночам земля подмерзала, а днем оттаивала, волы и лошади скользили и с трудом тащили фургоны, оси жалобно скрипели, деревянные втулки визжали. Это было, как вспоминал Линкольн, медленное и утомительное путешествие. Им приходилось перебираться через реки и ручьи, зачастую по льду.

Великие прерии открылись им огромным пространством, где не было ни оврагов, ни холмов; степь простиралась до горизонта. Густая трава поднималась на шесть-восемь футов в вышину. Встречавшиеся переселенцы рассказывали, что они сломали немало плугов, чтобы поднять эту целину, но в первый же год земля давала 50 бушелей кукурузы с акра, 25–30 бушелей пшеницы, 40–60 бушелей овса.

Проделав путь в 200 миль, они добрались до графства Мейкон в Иллинойсе, где нашли Джона Хэнкса. Он показал выбранный им участок на северном берегу реки Сэнгамон, в 10 милях от городка Декейтер. Прерии перемежались здесь с лесом. Джон Хэнкс заранее приготовил бревна для хижины Линкольнов. Вскоре дом был готов. Они построили коптильню и амбар, расчистили около 15 акров земли, обнесли их изгородью и посеяли кукурузу. После этого Эйб с Джоном Хэнксом заготовили еще 3 тысячи кольев для двух соседей и вскопали 30 акров прерии для брата Джона Хэнкса — Чарльза.

Эта однообразная жизнь, заполненная монотонным и тяжелым трудом, была нарушена одним событием — летом 1830

года Авраам Линкольн выступил со своей первой политической речью. До сих пор он тренировался, произнося речи перед деревьями, стеблями кукурузы или грядами картошки. И вот однажды, когда на избирательном митинге в Декейтере перед лавкой Реншоу выступали два кандидата в законодательное собрание штата, Авраам поднялся и произнес речь, в которой требовал провести работы по исправлению русла реки Сэнгамон, чтобы по ней могли ходить суда.

Осенью пошли несчастья одно за другим. На семью Линкольнов обрушились болезни — простуды, лихорадка, малярия. В декабре пронеслась снежная буря, и снег покрыл землю на два с половиной фута. Новый снежный ураган нанес сугробы высотой в четыре фута. Затем хлынули дожди, ударил мороз, и новый снег покрыл ледяную корку. Волки загрызали рогатый скот; животные проваливались сквозь ледяную корку и, беспомощные, становились жертвами хищников. Коровы, лошади и свиньи не могли добраться до подножного корма и гибли в поле. Связь между домами, поселками, мельницами прекратилась, люди были отрезаны друг от друга и питались только поджаренными зернами. Были случаи голодной смерти. Те, кто выжил, многие годы спустя все еще называли себя зимородками. Семьям вроде Линкольнов, у которых не было больших запасов мяса, зерна и дров, пришлось особенно тяжело. В феврале Авраам решил попытаться добраться до дома Уильяма Уорника; переходя через реку Сэнгамон, он провалился под лед и промочил ноги. С почти отмороженными ногами он прошел еще две мили до дома Уорника. Жена Уильяма оттирала ему отмороженные места снегом, а потом смазала их топленым салом.

Девять недель снег покрывал землю. Наконец пришла весна, началось таяние снегов, и вода на многие мили затопила прерии.

Как только подсохли дороги, семья Линкольнов переехала на сто миль юго-восточнее, в графство Коул. Однако Авраам не поехал с ними, у него были свои собственные планы.

Юность кончилась.

2. Жизнь в Нью-Сейлеме

В феврале 1831 года Джон Хэнкс договорился с неким Дэнтоном Оффетом, предприимчивым дельцом и пьяницей, который умел наобещать семь верст до небес, что Джон Хэнкс, Эйб Линкольн и Джо Джонстон проведут для него лодку и груз. Они договорились встретиться на реке Сэнгамон около деревни Спрингфилд, как только стает снег. Добираться до Спрингфилда пешком было чрезвычайно трудно из-за разлива, поэтому они купили каноэ. Так двадцатидвухлетний Авраам Линкольн отправился по реке Сэнгамон к новому месту жительства. Он был молод и весел, в сердце он таил мечты, а в голове его роились идеи, которые он вряд ли мог рассчитывать осуществить.

На своем каноэ они добрались до Джуди Ферри, не обнаружили там Дэнтона Оффета и пешком двинулись в Спрингфилд. Там, в кабачке «Олений рог», они нашли Оффета, переполненного обещаниями и виски, но лодки, как выяснилось, у него не было. Оффет нанял их за 12 долларов в месяц и отправил в лес, где им пришлось валить деревья и перевозить их на лесопилку, чтобы там распиливать на доски. Здесь, на берегу реки Сэнгамон, неподалеку от их лагеря, в апреле месяце податной инспектор Эрастус Райт видел Линкольна «На нем не было ни башмаков, ни шляпы, ни куртки, ни жилета. Только засученные до колен штаны и мокрая от пота рубашка. Волосы он отбрасывал со лба рукой».

За четыре недели Эйб с товарищами сделали лодку в 80 футов длиной и 18 футов шириной, нагрузили ее свининой в бочках, мешками с зерном и тронулись вниз по течению. 19 апреля, проходя изгиб реки Сангамон, их лодка налетела на мельничную плотину и застряла на ней. Нос лодки свесился с плотины и медленно наполнялся водой, а бочки со свининой начали постепенно сползать туда же на нос. Жители Нью-Сейлема сбежались поглазеть на это зрелище. Они увидели, как Линкольн перетащил часть груза на берег, пробил в днище отверстие, сквозь которое ушла вода, заделал дыру, столкнул лодку с плотины и вновь загрузил ее. В Нью-Сейлеме долго еще говорили о хладнокровии и сообразительности этого молодого длинноногого парня.

Когда они приплыли в Новый Орлеан, Линкольну, чтобы сойти на берег, пришлось целую милю идти по палубам других судов. В Новом Орлеане Линкольн мог увидеть такие объявления: «В любое время готов купить за высокую цену любых негров, беру также на комиссию негров; имею тюрьму и двор,

приспособленный специально для содержания невольников. Плачу наличными». Висели также всевозможные объявления о продаже: «Продаю несколько красивых девушек в возрасте от 10 до 18 лет, женщину 24 лет и ценнейшую женщину 25 лет с тремя красивыми детьми». Покупатели, в свою очередь, помещали такие объявления: «Требуется — куплю двадцать пять красивых негров от 18 до 25 лет, мужчин и женщин, плачу хорошую цену наличными».

Вновь Авраам увидел узкие, вымощенные булыжником улицы, женщин с грубыми лицами и визгливыми голосами, негров всех оттенков черного цвета, оборванных белых бедняков, пьяных матросов, изъясняющихся на дюжине самых разных жаргонов, — ослепительный парад человеческого безобразия и красоты. И все, что он видел в этом старинном и странном городе, заставляло его задумываться и размышлять. Через месяц он сел на пароход, плывущий на север.

Всю дорогу на пароходе до Сент-Луиса и дальше пешком до Нью-Сейлема Линкольн думал об этой деревне, где он теперь будет жить, о людях, с которыми ему придется сталкиваться, о новой работе, о новой жизни. Оффет арендовал мельницу на реке Сэнгамон чуть ниже селения и купил в Сент-Луисе запас товаров для новой лавки, которую он решил там открыть. Линкольн взялся за 15 долларов в месяц быть приказчиком в лавке и на мельнице. Жить он должен был в комнатке за лавкой.

В августе 1831 года Линкольн впервые в своей жизни принимал участие в выборах. Голосование проходило устно, каждый избиратель называл судьям, проводившим выборы, имя кандидата, за которого он голосует, судья выкрикивал имя избирателя и его кандидата, а клерки заносили это в списки. Линкольн провел у избирательного участка почти весь день, болтая, рассказывая всяческие истории, заводя знакомства, запоминая имена и лица почти всех жителей окрестностей Нью-Сейлема.

Из бревен, купленных на 10 долларов, Оффет вместе с Линкольном построил хижину для новой лавки. Прибыли заказанные товары, и Линкольн принялся делать полки. Вскоре по округе пошли рассказы о честности Эйба Линкольна, о том, как он прошел шесть миль, чтобы вернуть одной женщине несколько центов, которые она переплатила; как он однажды обнаружил, что положил на весы четырехунцовую гирьку вместо восьмиунцовой, и отправился к покупательнице за несколько миль, чтобы вручить ей недоданный чай.

В свободные часы Авраам подолгу занимался с Грэмом, учителем местной школы. Однажды Грэм сказал ему, что у Джона

Вейнса, который жил в шести милях от Нью-Сейлема, есть грамматика. Эйб отправился туда за книгой, принес ее домой и стал штудировать по ночам при свете сосновой лучины.

Почти одновременно с Линкольном приехал в Нью-Сейлем доктор Джон Аллен, окончивший медицинский колледж в Дортмуте; он перебрался на запад из-за климата. Аллен очень быстро проявил себя как опытный врач и серьезный человек, который упорно и спокойно выступал против рабства. Он отправлялся на вызов к больному в любую погоду, брал деньги только с людей состоятельных, а плату за визиты, которые он делал по воскресеньям, отдавал беднякам, больным, на нужды церкви. Это был один из первых янки, с которым познакомился Линкольн.

Среди пионеров этих мест были значительные и интересные люди, с которыми стоило познакомиться. Отец хорошего приятеля Эйба Джеймс Шорт был участником войны за независимость. Другой ветеран войны, живший неподалеку и занимавшийся плетением корзин, служил когда-то под начальством Вашингтона. Эти люди в глазах Эйба были воплощением истории, он читал о них в книгах.

В эти годы Авраам Линкольн с помощью своего друга Боулинга Грина, местного мирового судьи, изучал право и учился писать различные документы.

9 марта 1832 года Линкольн написал самый смелый и самый ответственный документ из всех, какие ему когда-либо приходилось писать, — это было заявление о том, что он начинает политическую деятельность и выставляет свою кандидатуру в законодательное собрание штата Иллинойс. Спрингфилдская газета «Сэнгамо джорнэл» напечатала это заявление, кроме того, оно было отпечатано в виде листовки. Тон этого документа свидетельствовал о том, что молодой кандидат немного стесняется того, что делает, но что он не боится заявить о своих идеях, своей платформе и готов защищать их.

Строительство железной дороги до Нью-Сейлема стоило бы слишком дорого, единственной надеждой была организация пароходного сообщения, и Линкольн выступал за проведение работ по углублению русла реки Сэнгамон и заявлял, что «если он будет избран, то будет поддерживать в законодательном собрании любые мероприятия в этом направлении».

Касаясь в своем заявлении «практики ссуды денег под огромные проценты», Линкольн с горечью писал, что «мы никогда не покончим с этой гибельной и порочной системой». Он упоминал о «прямом налоге в несколько тысяч долларов, который ежегодно накладывается на каждое графство в пользу нескольких

лиц», и считал, что нужно «установить закон, ограничивающий ростовщиков».

Он был молод и допускал, что «обещает больше, чем сможет сделать». Какова была его цель? «Я не хочу ничего большего, чем уважения со стороны моих сограждан, если я смогу заслужить это уважение». Он рассчитывал «исключительно на независимых избирателей нашей страны». При этом Линкольн подчеркивал: «Я родился и вырос в самой простой семье. У меня нет связей среди богатых или влиятельных людей, которые могли бы рекомендовать меня». Его заявление кончалось такими словами: «Если народ в своей мудрости сочтет нужным не избирать меня, то я слишком часто сталкивался с разочарованиями, чтобы пасть духом».

В том же марте все графство Сэнгамон было взволновано тем, что из Цинциннати в Бердстаун по реке Иллинойс с грузом товаров прибыл небольшой пароход «Талисман», чтобы, когда сойдет лед, подняться вверх до Нью-Сейлема и Спрингфилда. Капитан парохода обратился за помощью, и группа мужчин, в том числе и Линкольн, вооружившись топорами на длинных рукоятках и вагами, расчистила русло реки от коряг и нависавших над водой ветвей деревьев. «Талисман», тихо попыхивая дымком из трубы и давая время от времени свистки, двинулся вверх по Сэнгамону; в Нью-Сейлеме и других местах толпы людей приветствовали криками и смехом маленький пароход, первым прошедший по их реке.

Однажды апрельским утром 1832 года в Нью-Сейлем прискакал на взмыленной и забрызганной грязью лошади всадник. Он привез приказ губернатора Джона Рейнолдса, чтобы 400 человек из ополчения графства Сэнгамон к 24 апреля явились в Бердстаун. Иллинойс, как и почти всякий пограничный штат, должен был принять участие в войне с индейцами. 67-летний Черный Ястреб, воинственный вождь двух индейских племен, переправился через Миссисипи и вторгся в Иллинойс, заявив, что его народ будет обрабатывать землю вдоль реки Рок. Он вел за собой 368 воинов с раскрашенными лицами, около тысячи женщин и детей и 450 лошадей. Так сообщалось в донесениях.

В течение ста лет эти племена охотились, занимались рыбной ловлей и сельским хозяйством в этих прериях, пока белые люди не заставили их подписать договор, по которому индейцы должны были уйти на запад от Миссисипи. Теперь Черный Ястреб утверждал, что «земля не может быть продана», что «продавать можно только то, что человек может унести», и что белые люди обманули индейцев, напоив их допьяна и заставив подписать договор о продаже земли.

Линкольн одолжил лошадь и отправился за девять миль в Ричланд-крик, чтобы присоединиться к группе друзей и соседей. Когда дошло дело до выборов капитана, было названо две кандидатуры — Линкольна и человека по имени Киркпатрик. Три четверти собравшихся сразу же встали на сторону Линкольна, и тогда сторонники Киркпатрика один за другим тоже перешли в лагерь Линкольна. Много лет спустя Линкольн писал, что он был поражен результатом этих выборов и ни один успех в его жизни с тех пор не доставлял ему такого удовлетворения.

Два с половиной месяца продолжалась эта мучительная война, принесшая много жертв обеим сторонам, война с бесконечными пешими переходами, в течение которых ополченцы недоедали и недосыпали. Ополчение оттеснило Черного Ястреба на север. В конце концов Черный Ястреб был захвачен в плен и доставлен в Вашингтон. Там, встретившись с президентом Джексоном, индеец сказал президенту: «Я человек, и ты человек… Я поднял топор войны, чтобы отомстить за оскорбления, которые нельзя было дольше переносить… Больше я ничего не скажу, ты все знаешь сам».

В ту ночь, когда Линкольна отпустили из ополчения, у него и его товарища Джорджа Гаррисона украли лошадей, и они должны были идти пешком 200 миль до Пеории; только изредка им удавалось подсесть на лошадь к кому-нибудь из товарищей. В Пеории они купили каноэ, доплыли до Гаваны, продали там каноэ и опять пешком добрались до Нью-Сейлема.

Восемьдесят дней провел Линкольн на войне, и за эти дни он глубоко заглянул в душу американского ополченца, узнал, почему люди идут на войну, маршируют по грязи, спят под дождем на холодной земле, едят сырую свинину, если ее нельзя сварить, и убивают, когда это требуется. Много лет спустя один из современников Линкольна заметил, что когда тот говорит об ополченцах, его глаза наполняются слезами.

6 августа должны были состояться выборы, и Линкольн перед этим много ездил по графству, выступая с речами. В Папсвилле, где ради аукциона собралась большая толпа, Линкольн только успел влезть на ящик, чтобы начать речь, как увидел, что начинается драка. Он соскочил с ящика, плечом проложил себе дорогу через толпу, растащил дерущихся за шиворот и усадил их на скамейки. После этого он вернулся на ящик, обвел слушателей спокойным взглядом, словно такие вещи случались с ним каждый день, и начал свою речь. Встречаясь во время выборной кампании с фермерами, Линкольн вместе с ними косил сено, убирал пшеницу, и фермеры видели, что он один из них.

На выборах Линкольн провалился, заняв восьмое место, но в

своем Нью-Сейлеме он собрал 277 голосов из 300.

Впоследствии Линкольн вспоминал о периоде после выборов, что он остался без всяких занятий и без дела, однако ему хотелось остаться с друзьями, которые отнеслись к нему с таким великодушием. Он размышлял над тем, чем бы ему заняться: хотел изучать кузнечное ремесло, подумывал об изучении права, хотя и понимал, что вряд ли преуспеет в этой области без должного образования.

Как раз в это время Линкольн купил у Роуана Герндона его долю в лавке Герндона и Берри, выдав Роуану вексель. После этого Линкольн и Берри приобрели партию товара при несколько странных обстоятельствах. Реубен Рэдфорд, державший другую лавку, однажды, уходя из лавки, сказал своему младшему брату, что если придут парни из Клари Гроува, не давать им больше, чем по два стаканчика. Парни эти пришли, выпили по два стаканчика, потом поставили молодого приказчика вниз головой, приперев его бочками, разгромили лавку, выбили стекла и с победными криками ускакали прочь. Рэдфорд поглядел на эти разрушения и тут же продал свои запасы Уильяму Грину за 400 долларов, из которых 23 доллара Грин дал наличными, а на остальную сумму выдал векселя. В тот же день Линкольн и Берри купили у Грина товары, заплатив ему 265 долларов наличными и переписав на себя его векселя Рэдфорду. В последующие месяцы они наделали новые долги, судились несколько раз и, как писал потом Линкольн, «все больше и глубже залезали в долги, а лавка все хирела».

Осенью и зимой 1832 года дела отнюдь не стали лучше. Берри потерял интерес к лавке, а Линкольн занимался тем, что читал и мечтал.

Пришла пора уборки урожая. Фермеры копошились на своих полях, которые приобрели в это время красновато-коричневые краски. С сейлемского холма видна была вся долина Сэнгамона, окутанная легкой дымкой; по вечерам всходила полная умытая луна. У Линкольна не было никаких дел, и он мог днями напролет сидеть наедине со своими думами, никто не тревожил и не отрывал его. Под этой внешней неподвижностью бытия проходило умственное и моральное созревание, медленное и неуклонное, как созревание зерна в плодородной иллинойской земле. Прислонившись к дверному косяку лавки, в которую редко кто заглядывал, он часами стоял молча, набираясь сил, как набирает соки росток пшеницы. На аукционе в Спрингфилде Авраам купил начальный учебник по праву и тщательно изучал его.

Впоследствии Линкольн вспоминал о том, как он учил право:

«Любимым местом его занятий был лесистый холм неподалеку от Нью-Сейлема, где он растягивался под развесистым дубом и клал перед собой на землю книгу. Здесь он день за днем, с утра и до захода солнца, сосредоточенно изучал учебник права, передвигаясь вокруг дуба вместе с его тенью. Все окружавшее его, за исключением законов общего права, переставало существовать. Мимо проходили люди, он их не замечал, молча отвечая на приветствия знакомых или глядя на них отсутствующим взглядом».

Дела в лавке шли все хуже и хуже. Наконец в марте 1833 года Берри получил разрешение на торговлю спиртными напитками. Не очень-то интересно было Линкольну продавать свинину, соль, порох, ружья, ситец и шляпки, а уж торговать виски и другими крепкими напитками было совсем невмоготу. Через несколько недель после получения разрешения на торговлю спиртным Линкольн уступил Берри свою долю в лавке.

7 мая 1833 года Линкольн был назначен почтмейстером в Нью-Сейлеме. В его обязанности входило находиться в почтовой конторе ровно столько, сколько было нужно для того, чтобы получить почту у почтальона, который дважды в неделю приезжал в Нью-Сейлем сначала верхом, а впоследствии в почтовой повозке. Конвертов тогда еще не было, и листки бумаги просто складывали и запечатывали воском. Отправитель письма ничего за него не платил, деньги взимались с получателя.

Прежде чем передать приходившие газеты подписчикам, Линкольн успевал прочитать их. Раньше он никогда не интересовался статьями по политическим вопросам, а теперь внимательно изучал их. Это вошло в привычку. С интересом читал он даже речи в конгрессе, которые полностью печатались в газете «Конгрешнл глоуб», которую выписывал Джон Вейнс. Он с огорчением вынужден был сообщить издателям, что «ваш подписчик Джон Бейнс умер и газету с почты не забирают».

У него было немало друзей. Среди них примечательной фигурой был Джек Келсо, кузнец, рыболов, траппер, великолепный стрелок и страстный любитель Шекспира и Бернса. Линкольн любил посидеть рядом с Джеком Келсо, когда тот удил, читая наизусть, Шекспира и Бернса.

В свободное от работы на почте время Линкольн зарабатывал себе на жизнь, как и прежде: разделывал бревна, работал на мельнице и фермах, помогал в лавке. Много времени он отдавал чтению. Он проштудировал Уолнея «Остатки империи», Гиббона «Упадок и гибель Римской империи», Пэйна «Век разума».

В конце 1833 года Линкольну пришлось взяться за самую сложную и самую ответственную работу из всех, какие ему до сих

пор попадались. Позднее он писал о себе: «Главный землемер графства Сэнгамон предложил передать Аврааму ту часть его работы, которая приходилась на близлежащую к Нью-Сейлему часть графства. Авраам принял это предложение, достал компас и рулетку, подчитал немного Флинта и Гибсона и взялся за дело. Эта работа обеспечивала ему хлеб, удовлетворяла и душу его и физические потребности». В его обязанности входило четкое определение границ ферм, дорог, городов и нанесение их на карты — со всем этим один землемер графства справиться не мог. Прежде чем принять это предложение, Линкольн отправился за 18 миль в Спрингфилд, чтобы выяснить для себя, не окажется ли он тем самым связанным в своих политических выступлениях и сможет ли он выступать так, как считал нужным.

Согласившись работать землемером, Линкольн в течение шести недель днями напролет, а зачастую и ночами изучал «Теорию и практику топографического дела» Гибсона и «Курс геометрии, тригонометрии и топографии» Флинта. Эти книги привели его от десятичных дробей к логарифмам, к пользованию математическими инструментами, работе с рулеткой, к навыкам по изменению масштаба карт, к употреблению нивелира и т. д. Дочь местного учителя Грэме рассказывала, что, просыпаясь по ночам, она часто видела, как отец сидел у огня с Линкольном, объясняя ему непонятные места, а мать время от времени подбрасывала в очаг побольше дров, чтобы им было светлее. Много ночей Авраам проводил один за книгами, досиживая до рассвета, и это подорвало его здоровье. Он переутомился, и друзья стали убеждать его, что он выглядит, как беспробудный пьяница после двухнедельного запоя. «Вы же убиваете себя», — говорили ему люди, хорошо к нему относившиеся.

И все-таки за шесть недель Линкольн разобрался в книгах, и ему была поручена работа в северном участке графства. Солнце и свежий воздух при работе в поле и в лесах помогли ему поправиться. Он провел топографическую съемку городков Питерсберга, Бата, Нью-Бостона, Олбэни, Хьюрона и др. Он обмерял и наносил на карты дороги, школьные участки, земельные участки под фермы, начиная с делянок в четыре акра и кончая фермами в 160 акров. Тщательность и точность, с которой Линкольн делал свою работу, принесла ему еще более широкую известность, и его стали приглашать для разрешения споров о границах участков. Однако известно, что в Питерсберге он наметил одну улицу не по прямой, а криво, потому что если бы эта улица прокладывалась так, как полагалось, то пришлось бы снести дом Джемаймы Элмор и выбросить ее вместе с детьми на улицу. А Линкольн знал, что она вдова рядового Тревиса Элмора,

который служил вместе с Линкольном в одной части во время войны с Черным Ястребом, и с трудом перебивается с детьми на своем крохотном участке.

Когда бывали перерывы в работе, Линкольн по две-три недели жил у Джека Армстронга, жена которого Ханна чинила ему штаны, рубашки и кормила его.

Ему было уже двадцать пять лет. Занимали ли в его жизни какое-нибудь место женщины? Его мачеха Сара-Буш Линкольн говорила, что он любил людей вообще, любил детей и животных, но женщинами он особенно не увлекался. Своему спрингфилдскому другу Т. Кидду он однажды рассказал о своей первой любви. Когда он еще был мальчишкой, в Индиане однажды неподалеку от их дома сломался фургон, и хозяин фургона с женой и двумя дочерьми жил некоторое время в хижине Линкольнов. «У этой женщины, — рассказывал Линкольн Кидду, — были с собой книги, и она читала нам разные истории. Одна из девочек очень понравилась мне. Когда они уехали, я много думал о ней и однажды, сидя на солнышке перед домом, сочинил такую историю». Он вообразил, что взял лошадь отца и догнал фургон. «Я поговорил с этой девочкой и убедил ее сбежать вместе со мной. В ту же ночь я посадил ее к себе на лошадь, и мы ускакали в прерии. Через несколько часов мы доехали до какого-то лагеря и обнаружили, что вернулись туда, откуда бежали. На следующую ночь мы опять убежали, и произошло то же самое — лошадь вернулась на то же место. Тогда я остался там, пока не уговорил ее отца отпустить ее со мной. Мне всегда хотелось написать этот рассказ и напечатать его, но потом я решил, что это вовсе и не рассказ. Вероятно, это просто была моя первая любовь».

3. Молодой законодатель

19 апреля 1834 года имя Линкольна вновь появилось на страницах «Сэнгамо джорнэл» в списке кандидатов в законодательное собрание штата. И до и после этого он посещал все политические митинги и собрания, независимо от того, много ли, мало ли там было народу, кроме того, он никогда не упускал случая сообщить, что он будет баллотироваться, всем тем, кому он вручал письма на почте или делал обмеры их участков. К этому времени он стал активным деятелем партии вигов, руководителем которой в графстве Сэнгамон был спрингфилдский адвокат Джон Т. Стюарт.

4 августа 1834 года состоялись выборы, и из списка в 13 кандидатов, выдвинутых в графстве Сэнгамон, Линкольн занял второе место по количеству собранных голосов. Таким образом, в двадцать пять лет он впервые добился избрания на политический пост. Ему платили деньги, каких он еще никогда в жизни не зарабатывал. Ему предстояло постигать сложную, но привлекательную для него парламентскую игру с ее политическими лабиринтами.

После выборов Эйб по-прежнему сидел в своей почтовой конторе и обмерял и оценивал земельные участки. Он еще больше сблизился с Джоном Стюартом, который во время индейской войны был майором в том самом батальоне, где Линкольн командовал ротой. Стюарт уже в течение двух лет был членом законодательного собрания, у него была репутация способного адвоката. Это был красивый мужчина шести футов роста, родом из Кентукки. Он умел втихомолку обделывать политические махинации — недаром его прозвали «Лукавый Джерри». Стюарт всячески поддерживал в Линкольне стремление овладеть юридическими науками и давал ему читать книги по праву.

Колеман Смут, один из состоятельных фермеров, одолжил Эйбу 200 долларов. Тот расплатился с некоторыми самыми неотложными долгами и купил себе приличную одежду. Линкольн говорил, что эти 200 долларов — штраф со Смута за то, что он голосовал за Линкольна. Итак, на последней неделе ноября Линкольн вместе с другими членами законодательного собрания отправился в дилижансе за 75 миль в столицу штата Вандейлию. Впоследствии, когда Линкольн прочитал где-то рассказ о том, что он проделал этот путь пешком, он написал на этой страничке: «Ничего страшного, если бы это было так, но в действительности это было не так».

Вандейлия производила впечатление старинного города,

уставшего от жизни, хотя на самом деле она существовала всего 15 лет, а столицей штата была только 14 лет. Население ее насчитывало 800 человек, улицы были застроены в основном деревянными хижинами; в пяти или шести домах побольше располагались трактиры и меблированные комнаты, заполненные в те дни членами законодательного собрания и лоббистами. В городе издавались две газеты: одна — демократов, вторая — вигов. Они печатали объявления о сдающихся в наем комнатах, рекламы спиртных напитков и извещения о бежавших неграх. Город стоял на пересечении больших дорог, пыльные и грязные дилижансы привозили сюда пассажиров из самых разных мест.

Линкольн поселился в одном номере со Стюартом, и благодаря Стюарту их номер стал штабом вигов. Здесь, в меблированных комнатах, и в помещении законодательного собрания Линкольну довелось повстречать множество людей, большей частью молодых, которым предстояло стать губернаторами, конгрессменами, сенаторами, людьми влиятельными и могущественными. Многие депутаты привезли с собой жен и дочерей, и Линкольну пришлось приобщиться к неизвестной ему дотоле светской жизни — званые вечера, котильоны, музыка и цветы, изысканная еда и напитки, блеск шелковых платьев, разговоры, в которых пустая светская болтовня велась вперемежку с беседами о судьбах страны и государства. Повсюду — в ярко освещенных трактирах, в кофейнях, в притонах — слышались смех и разговоры пьющих, жующих, курящих людей; здесь завязывали знакомства, особенно усердствовали в этом отношении искатели всяческих тепленьких мест.

1 декабря на первом этаже обветшалого двухэтажного кирпичного здания открылись заседания законодательного собрания. Депутаты сидели за столами по трое; на каждом столе — чернильница, гусиные перья и бумага. На полу — жестяной ящик в качестве плевательницы. Печка и камин обогревали зал. У бака с водой для питья висели три жестяных ковша. Во время вечерних заседаний зажигали свечи в высоких подсвечниках. Случалось, что во время выступлений или перекличек с потолка валилась штукатурка — депутаты привыкли к этому.

При формировании 11 постоянных комитетов Линкольна избрали в Комитет по общественным расходам.

5 декабря Линкольн поднялся во весь рост и предупредил законодательное собрание о проекте закона, который он намерен предложить. В соответствии с правилами через три дня он положил на стол проект закона об ограничении юрисдикции мировых судей. Прошли дни, потом недели, линкольновский проект был переделан в специально выделенном для этого

комитете, доложен законодательному собранию, где обсудили дополнения к нему, затем проект был вновь передан в другой специальный комитет, в состав которого вошел и Линкольн. Когда, наконец, доработанный проект с поправками доложили законодательному собранию, он был принят 39 голосами против 7 и передан в сенат, где и похоронен на вечные времена.

Больше повезло Линкольну с двумя другими его проектами: по одному из них его приятелю Самуэлю Музику было поручено построить мост через речку Солт-крик с правом сбора пошлины за проезд, а второй билль поручал трем его друзьям из графства Сэнгамон «осматривать и содержать в порядке» дорогу из Спрингфилда в Миллере Ферри.

Линкольн принимал участие в разработке закона о создании в Спрингфилде нового банка, с которым он впоследствии в течение многих лет поддерживал связь. Голосовал он и за постройку канала, который соединил бы реку Иллинойс с озером Мичиган и обеспечил бы водный путь от Иллинойса до Атлантического океана. Как правило, Линкольн голосовал вместе со Стюартом и остальными вигами, составлявшими меньшинство в законодательном собрании.

Среди этого множества людей Линкольн не остался незамеченным. Один из лоббистов упомянул о нем как о «костлявом, угловатом человеке с резкими чертами лица, неловком, пожалуй даже неотесанном, в котором тем не менее есть притягательная сила и энергия, сделавшие его всеобщим любимцем».

Проекты следовали за проектами, обсуждались вопросы о повышении заработной платы, о фондах на школы, о муниципальной типографии, о милиции штата, о правилах, регулирующих азартные игры, об использовании труда арестованных.

Наконец 13 февраля вечером была принята последняя порция обкатанных и улучшенных биллей, и Линкольн по морозной дороге отправился обратно в Нью-Сейлем.

После перегруженных делами дней в Вандейлии, после накуренных комнат, после шума и гама Линкольн опять колесил по пустынным сельским дорогам, дышал морозным воздухом полей, которые ему опять приходилось обмерять. Вот он и окунулся в водоворот политики, приобщился к людям, которые пишут законы, и теперь в его голове зрели еще неясные решения. Как вспоминал Линкольн впоследствии, он «по-прежнему продолжал выполнять обязанности землемера для того, чтобы зарабатывать себе на еду и на одежду»; учебники по праву, заброшенные, когда началась сессия законодательного собрания,

«вернулись на свое место сразу после ее окончания».

Газета «Сэнгамо джорнэл» сообщила, что Авраам Линкольн является ее представителем в Нью-Сейлеме и что «мясо, гречиха, мука и свинина будут приниматься в счет подписки».

Как он жил эти месяцы? Опять и опять учебники по праву — он надеется, что на будущий год его допустят к адвокатской практике. Пройдет немало лет, и Линкольн посоветует молодому студенту: «Находите книги, читайте их и изучайте до тех пор, пока не разберетесь в их основных проблемах, — это самое главное. Самым важным является ваша решимость добиться успеха». Его решимость изучить право была столь непреклонна, что друзья опасались за его здоровье. Он был так занят, что не мог подолгу видеться с Энн Рутледж — ведь она жила за семь миль.

У этой первой женщины, которую любил Авраам Линкольн, была трагическая судьба. Года два с половиной назад, когда ей было девятнадцать лет, она обручилась с приезжим дельцом из Нью-Йорка по фамилии Макнамар. Правда, в Нью-Сейлеме он фигурировал под фамилией Макнил, но когда выяснилось, что это его ненастоящая фамилия, он сказал своей невесте и своему приятелю Линкольну, что переменил фамилию, дабы укрыться от своей семьи, которая живет в Нью-Йорке. В сентябре 1832 года он уехал, сказав, что едет развязаться с семьей, скоро вернется и обвенчается с Энн. Шли месяцы, они складывались в годы, а Макнамар не возвращался и не подавал о себе никаких вестей.

Линкольн и Энн были хорошо знакомы; одно время они даже жили под одной крышей, когда Линкольн ютился в таверне, которую содержал отец Энн — Джеймс Рутледж, один из двух основателей Нью-Сейлема. С тех пор он успел разориться, и семья переселилась на ферму, принадлежавшую Макнамару.

Они редко виделись — Линкольн и Энн Рутледж, оба ждали, что принесет им будущее. У Линкольна были свои заботы, учебники по праву, начинающаяся политическая деятельность, у нее свои трудности, ложное положение, в котором она оказалась по вине Джона Макнамара.

Пришел знойный и засушливый август, посевы и травы чахли без капли влаги, среди местных жителей свирепствовала малярия. Линкольн боролся с болезнями, глотая хину и каломель.

В один из этих августовских дней в Нью-Сейлеме стало известно, что Энн Рутледж лежит в тяжелой лихорадке и врачи опасаются за ее жизнь. Прошло еще несколько дней, и в Нью-Сейлем прискакал двоюродный брат Энн, чтобы сказать Линкольну, что положение Энн становится все хуже. Линкольн немедленно помчался на ферму. Это были последние часы,

которые они провели вместе. Он смотрел на ее бледное, изнуренное болезнью лицо, на голубые глаза и каштановые волосы. Вряд ли было сказано много слов, скорее всего он просто держал ее маленькую слабую руку в своей большой и сильной руке.

Через несколько дней, 25 августа 1835 года, Энн Рутледж умерла.

Когда Линкольну пришлось следующий раз ехать в Вандейлию, глубокий снег покрывал холмы и прерию, сам город был укутан в белый наряд. Чрезвычайная сессия законодательного собрания открылась 7 декабря 1835 года. Сенаторы, заседавшие на втором этаже, чувствовали себя совсем неважно, потому что в стенах зияли свежие трещины, сквозь них задувало снег, а пол посередине осел на полфута. В течение шести недель сессия законодательного собрания рассмотрела 139 биллей. Города Иллинойса, жаждавшие увидеть поезд и услышать свисток паровоза, получили семнадцать железных дорог. Половина предложенных биллей была принята, и среди них — особенно важный закон о строительстве канала, который должен был соединить Иллинойс с озером Мичиган, — ведь бушель пшеницы, стоивший в Иллинойсе 50 центов, после путешествия по Великим озерам в Буффало стоил уже 1 доллар и 25 центов. Линкольн был не совсем согласен с законом, увеличившим количество членов законодательного собрания с 55 до 91, но его не могло не радовать то, что графство Сэнгамон вместо четырех представителей будет теперь иметь семь.

18 января сессия закончилась, и Линкольн отправился домой. В кармане у него лежало 262 доллара — его жалованье как члена законодательного собрания. Стояла удивительно мягкая и теплая иллинойская зима, когда в воздухе носится обещание близкой весны.

Вновь потянулись топографические съемки, занятия правом, политикой. 30 мая 1836 года Линкольн в последний раз роздал почту жителям Нью-Сейлема и объявил им, что отныне их почтовая контора будет находиться в Спрингфилде.

В июне, когда началась новая предвыборная кампания, Линкольн вновь выставил свою кандидатуру в законодательное собрание штата.

Как раз в это время Линкольну пришлось столкнуться в спрингфилдском суде с адвокатом Джорджем Форкуэром, который переметнулся от вигов к демократам и после этого получил назначение от правительства демократов на высокий пост с окладом 3 тысячи долларов в год. На крыше своего изысканного дома Форкуэр установил первый в этой части

Иллинойса громоотвод, посмотреть на который специально съезжались люди.

После того как в судебном заседании выступил Линкольн, Форкуэр начал свою речь с того, что молодой человек, выступавший только что перед ним, слишком занесся и придется его осадить; жаль, что эта задача выпала на долю его, Форкуэра. После такого вступления он произнес эффектную речь. Тогда поднялся Линкольн со скрещенными на груди руками, спокойно ответил на все аргументы противника и неожиданно закончил свою речь разящим ударом: «Я хочу жить, — сказал он, — я хочу достигнуть положения и признания, но я предпочел бы умереть сейчас, чем дожить, подобно этому джентльмену, до такого дня, когда я изменю своим политическим убеждениям ради должности, за которую платят три тысячи долларов в год, и после этого мне придется устраивать на своем доме громоотвод, чтобы защитить себя от гнева господа бога». Присутствовавшие на этом заседании суда рассказывали, что друзья вынесли Линкольна на плечах.

1 августа выборы состоялись. Графство Сэнгамон из 17 кандидатов в законодательное собрание штата наибольшее число голосов отдало Линкольну. Виги вообще одержали в графстве полную победу, завоевав семь мест в конгрессе штата и два места в сенате.

Вскоре после этой блистательной победы Линкольн держал экзамен перед двумя судьями из верховного суда штата на право заниматься адвокатской практикой, выдержал его, дал своим экзаменаторам обед и 9 сентября получил на руки диплом, дававший ему право выступать в качестве адвоката во всех судах штата Иллинойс. 5 октября Линкольн впервые выступал в спрингфилдском суде вместо Джона Стюарта. С этого времени началось их длительное содружество как юридической фирмы.

В октябре и ноябре Линкольн провел еще три последние топографические съемки и навсегда распростился с этим делом.

Все девять вигов, избранных от графства Сэнгамон в законодательное собрание, были один к одному — ростом в среднем по шесть футов, Линкольн самый высокий, и их прозвали «Долговязой девяткой». Пока они два дня добирались в почтовой карете до Вандейлии, они со всех сторон обсудили тактику, которой следовало придерживаться на предстоящей сессии, — эти представители графства Сэнгамон хотели провести чрезвычайно важный для них закон о переводе столицы штата Иллинойс в Спрингфилд. Когда же они приехали в Вандейлию, то увидели, что жители, испуганные разговорами о переносе столицы в другой город, сломали старое здание законодательного собрания

и только-только успели построить в центре главней площади новое. Линкольн обошел все здание, шагая между рабочими, еще заканчивавшими свои дела, и, вероятно, посмеялся тому, что здание едва ли вместит законодательное собрание в его нынешнем составе, не говоря уже о будущем.

Сессия открылась 5 декабря 1836 года. Губернатор штата Дункан в своем послании предлагал оказать финансовую поддержку строительству всех каналов и железных дорог. Между тем к строительству запланированных на прошлой сессии семнадцати железных дорог и двух каналов никто и не думал приступать — не было уложено ни одной шпалы, не вынуто ни одной лопаты грунта. Впервые избранный в законодательное собрание энергичный депутат Стифен А. Дуглас внес новый большой законопроект. Почти каждый город штата хотел получить для себя железную дорогу или канал, и новый законопроект должен был удовлетворить всех путем выпуска и продажи облигаций на сумму в 10 миллионов долларов. В первый же день сессии этот проект был одобрен комитетом, в котором были представлены богатые и власть имущие бизнесмены, в том числе и Томас Матер, президент Спрингфилдского банка.

Вокруг нового законопроекта начались обычные интриги и торговля по принципу: «ты мне почешешь спинку, я — тебе». Линкольн оказался в положении руководителя вигов в законодательном собрании и вместе с «Долговязой девяткой» старался заключить как можно больше выгодных сделок, с тем чтобы обеспечить поддержку при голосовании самого главного для них вопроса — о переводе столицы штата в Спрингфилд. Прошло несколько недель. За это время законопроект был изувечен, расчленен, вновь склеен, пока, наконец, каждый город и каждое графство не получило свой кусок пирога — железную дорогу, канал, право сбора подорожной пошлины или еще что-нибудь в таком роде. В конце концов законопроект был принят.

С огромным трудом «Долговязой девятке» во главе с Линкольном удалось провести через собрание и проект перенесения столицы в Спрингфилд. Был один драматический момент, когда собрание большинством в один голос решило отложить рассмотрение этого вопроса. Ночью Линкольн созвал своих друзей на совещание и каждому из них дал поручение. В течение всей ночи, несмотря на сильную метель, они ходили по домам депутатов законодательного собрания, уговаривали, заключали сделки. В результате делегаты Сэнгамона все-таки добились своего — Спрингфилд стал столицей Иллинойса.

За три дня до закрытия сессии Линкольн выступил с весьма важным и знаменательным для него заявлением. Дело касалось

проблемы рабства.

В южных штатах законы запрещали выступать против рабства, агитаторов ловили и вешали. Три миллиона негров-рабов, насчитывавшихся в южных штатах, представляли собой домашний скот, оценивавшийся более чем в миллиард долларов. Вопрос об отношении к рабству раскалывал страну на два лагеря, этот спор возникал внутри политических партий, внутри церкви, ссорил компаньонов по делу и членов одной семьи.

Через всю страну, от рабовладельческих штатов через северные штаты, где рабства не было, и вплоть до канадской границы, протянулась Подпольная дорога. Борцы против рабства скрывали беглецов негров у себя в доме, в погребе или в амбаре; ночью или днем, спрятав беглеца в повозке под сеном, они доставляли его до следующей «станции» Подпольной дороги. Рабовладельцы отправлялись на север охотиться на беглых рабов, часто появлялись они и в Иллинойсе. Бандиты, маскировавшиеся под охотников за беглыми неграми, похищали в Южном Иллинойсе свободных негров, увозили на юг и продавали там. Губернатор Иллинойса представил записку, подтверждавшуюся приложенными к ней материалами из шести других штатов, в которой обращал внимание на то, что вопрос о рабстве становится весьма жгучим.

В свете этих событий Линкольн мог понять своих коллег, когда они приняли резолюцию, в которой заявляли: «Мы решительно протестуем против создания обществ, выступающих за отмену рабства… право на владение рабами гарантировано рабовладельческим штатам Федеральной конституцией, и они не могут быть лишены этого права без их согласия…»

Но Линкольн голосовал против этой резолюции, к нему присоединились только лишь пять членов законодательного собрания, в том числе Дан Стоун, янки, окончивший Миддлбурский колледж, адвокат, приехавший в Спрингфилд в 1833 году. Линкольн и Стоун опубликовали свой протест в выражениях спокойных, но не оставлявших места для кривотолков:

> *«Мы, нижеподписавшиеся, выражаем свой протест против резолюций, принятых обеими палатами законодательного собрания на настоящей сессии по вопросу о рабстве.*
>
> *Мы считаем, что институт рабства зиждется на несправедливости и политически вреден; однако распространение аболиционистских доктрин ведет скорее к укреплению, нежели к ослаблению этого зла.*

Мы считаем, что конгресс Соединенных Штатов согласно конституции не имеет права вмешиваться в вопрос о рабстве в отдельных штатах.

Мы считаем, что конгресс Соединенных Штатов имеет право согласно конституции отменить рабство в округе Колумбия, но это право не может быть применено иначе, как по требованию населения указанного округа.

Расхождения между данной точкой зрения и точкой зрения упомянутых резолюций и послужили причиной данного протеста».

Один из членов «Долговязой девятки», Роберт Уилсон из деревни Афины, писал о Линкольне, что в нем было какое-то особое своеобразие, «зачастую он удивлял нас». Он казался прирожденным политиком. «Мы подчинялись, — писал Уилсон, — его руководству, но сам он никому не подчинялся. Можно даже сказать, что он думал за нас. Он вызывал уважение, хотя был небрежен и неряшлив… Несмотря на свою бедность, он был независим».

В Спрингфилде Линкольн прочел комплименты в свой адрес в местных газетах, а на банкете, где он в составе «Долговязой девятки» сидел в обществе еще 60 гостей, он услышал тост: «За Авраама Линкольна, который оправдал надежды своих друзей и разрушил ожидания своих врагов».

В апреле он упаковал свои вещи, чтобы покинуть Нью-Сейлем, куда шесть лет назад его, как он сам говорил, забросило, «как щепку речным потоком». Теперь он уезжал отсюда адвокатом, членом законодательного собрания штата, лидером местных вигов. Эта деревушка на вершине холма, которая фактически уже стала городом, в свое время приютила его, здесь он оставлял множество людей, которые навсегда останутся дороги ему. Немало горьких часов пришлось ему здесь пережить, но радостных было все-таки больше. Здесь он ощупью выбирался из мрака и искал свет образования. Здесь газеты, книги, математика, право, пути людей, сама жизнь — все приобрело для него новое значение.

4. Адвокат в Спрингфилде

В 1837 году в Спрингфилде насчитывалось 1 400 человек населения, и он снабжал восемнадцатитысячное население графства продовольствием, сельскохозяйственными машинами, бакалейными товарами, покупая, в свою очередь, зерно, свинину и другие сельскохозяйственные продукты. В городе было 19 галантерейных магазинов, универсальные магазины, 6 церквей, 11 адвокатов и 18 врачей. Жены фермеров, обычно ходившие босиком, отправляясь в город, надевали туфли, мужчины сменяли свои мокасины на сапоги из сыромятной кожи или ботинки. Таким, уже вполне цивилизованным городом, увидел Спрингфилд двадцативосьмилетний Авраам Линкольн, когда 15 апреля 1837 года он приехал сюда.

Линкольн остановил свою лошадь у универсального магазина Джошуа Спида и спросил, сколько стоит комплект постельных принадлежностей. Спид назвал цену — 17 долларов. «Хоть и дешево, — сказал Линкольн, — но у меня и таких денег нет. Вот если вы поверите мне в долг до рождества и мой дебют здесь в качестве адвоката окажется успешным, то я тогда расплачусь с вами. Но если меня постигнет неудача, то я, вероятно, так и не сумею отдать вам долг». Спид вспоминал впоследствии: «Голос у него был полон такой меланхолии, что я пожалел его… Никогда еще в своей жизни я не видел такого печального и унылого лица». Спид предложил Линкольну поселиться вместе с ним в комнатке над лавкой. Линкольн отнес свои седельные мешки наверх, и когда он спустился, немного оживившись, то сказал Спиду: «Ну, вы меня растрогали».

Так началась эта дружба, продолжавшаяся многие годы. Тогда же завязалась дружба Линкольна и с Уильямом Батлером, клерком окружного суда графства Сэнгамон, который предложил Линкольну столоваться у него дома, предупредив, что денег он с него никогда не потребует.

Окружной суд помещался в двухэтажном здании на улице Гофмана. Здесь на втором этаже и разместилась контора новой адвокатской фирмы «Стюарт и Линкольн». Это была маленькая комната, в которой помещалось несколько пустых полок для книг, старая печка, стол, стул, скамья, шкура бизона и узкая кровать.

Стюарт был поглощен выдвижением своей кандидатуры в конгресс, поэтому Линкольн в меру своих сил один тянул на себе всю их адвокатскую практику. Когда у него не было дел, он занимался политикой, писал много писем.

Спрингфилд процветал. 19 апреля Линкольн писал Леви Девису в Вандейлию: «Здесь, в наших местах, мир, процветание, изобилие и полное отсутствие новостей». Только вот душевного покоя у него в это время не было.

Еще три года назад в Нью-Сейлеме он познакомился с Мэри Оуэнс, дочерью богатого кентуккийского фермера, которая приезжала к своей сестре. В 1836 году она опять приехала в Нью-Сейлем, и тогда-то молодой Авраам Линкольн влюбился в нее. Он, в свою очередь, заинтересовал ее — слишком он был не похож на всех, кто окружал ее. Когда она уехала из Нью-Сейлема, он тосковал и писал ей письма, в которых сквозь скупые слова прорывалась глубокая тоска этого очень одинокого человека. К тому же его одолевали сомнения.

7 мая 1837 года он писал ей из Спрингфилда, что готов жениться на ней, если она согласится, но старался объяснить ей, что ее ожидает бедность.

«Друг мой Мэри!

Дважды я начинал писать вам, но, не успев дописать до половины, рвал эти письма. Первое показалось мне недостаточно серьезным, а второе, наоборот, ударилось в другую крайность. Это письмо я решил послать, каким бы оно ни получилось…

…Я много думаю о нашем разговоре, о том, чтобы вы переехали жить в Спрингфилд. Боюсь, что вам не понравится эта жизнь. Здесь есть избранное общество, и вам было бы тяжело не иметь возможности встречаться с этими людьми. Вас ожидала бы бедность, и вы не могли бы никак скрыть ее. Уверены ли вы, что сумеете терпеливо переносить это? Если когда-нибудь случится, что женщина решит связать свою судьбу с моей, я намерен сделать все, что в моих силах, чтобы она была счастлива и довольна; и если это мне не удастся, то ничто не сделает меня более несчастным. Я знаю, что с вами я буду гораздо более счастлив, нежели сейчас. То, что вы мне говорили, могло быть шуткой, или я, быть может, неправильно понял вас. Если это так, забудем об этом; если же нет, я очень прошу вас серьезно подумать, прежде чем принимать решение. Что касается меня, то я уже решил. Я никогда не откажусь от своих слов, если вы, конечно, согласитесь. По-моему, вам все-таки лучше не делать этого шага. Вы не привыкли к трудностям, а они могут оказаться гораздо более суровыми, чем вы их себе сейчас представляете. Я знаю, что вы способны

тщательно обдумать любой вопрос, и если вы, прежде чем принять решение, все взвесите, я с готовностью подчинюсь вашему решению.

После того как вы получите это письмо, вы должны написать мне подробное длинное письмо. Вам больше нечем и заниматься, и хотя для вас оно может показаться неинтересным после того, как вы его напишете, для меня оно будет немалой радостью в потоке скучных дел. Скажите вашей сестре, что я не хочу ничего слышать о продажах и передачах имущества. Когда я думаю об этих делах, у меня начинается ипохондрия.

Ваш и т. д.

Линкольн».

Летом Линкольн вновь встретился с мисс Оуэнс, но они, видимо, так и не поняли друг друга, и отношения их прервались.

В этом 1837 году по всей стране прокатилась волна финансовой паники: лопались банки, разорялись вкладчики, все искали займов, а с деньгами повсюду было весьма туго. Спрингфилдский банк прекратил выплату звонкой монетой. Губернатор штата Дункан созвал 10 июля в Вандейлии специальную сессию законодательного собрания штата, которая аннулировала план вложения 10 миллионов долларов в строительство железных дорог и каналов. Губернатор назвал этот проект «источником всех бед». Законодательное собрание одобрило прекращение Спрингфилдским банком выплаты звонкой монеты; Линкольн поддержал мероприятия банка.

По окончании сессии Линкольн вернулся в Спрингфилд и оказался замешан в грязнейшую политическую драку, которую когда-либо видел Спрингфилд. Тут уж были все средства хороши, не одна старая дружба разбилась в бурях этого скандала.

Партия вигов выдвигала на пост судьи Энсона Генри, эгоцентриста, оратора, острого и блестящего полемиста, любившего вступать в схватки с противником. Его соперником на этот пост был генерал Джеймс Адамс, адвокат, ветеран войны 1812 года и другой малой войны против индейцев, один из старейших жителей Спрингфилда. Сторонники Адамса обвинили Генри в том, что он, будучи уполномоченным по строительству нового здания законодательного собрания, растратил общественные деньги. Виги созвали публичный митинг, назначили двухпартийный комитет по расследованию этого дела и полностью обелили Генри. Принадлежавший к партии вигов шериф Гаррет Элкин отказался от своей подписки на новую газету демократической партии «Иллинойс Рипабликан» из-за

того, что в ней была напечатана подлая статья о Генри. Когда газета напечатала еще одну такую же статью, шериф Элкин явился в редакцию газеты и отхлестал редактора Джорджа Вебера. Брат Вебера запасся ножом, разыскал Элкина в обществе другого человека и ухитрился порезать обоих. После этого всех трех арестовали.

Как раз в это время в Спрингфилд приехала некая вдова миссис Андерсон, чтобы продать десять акров земли, оставленных ей покойным мужем. Однако она столкнулась с тем, что генерал Адамс предъявил свои претензии на эти десять акров, утверждая, что покойный передал ему эту землю в уплату за долг. Стюарт и Линкольн взялись защищать интересы вдовы в суде. Линкольн покопался в архивах и написал шесть статей, печатавшихся еженедельно в «Сэнгамо джорнэл», в которых разоблачал генерала Адамса. За два дня до выборов по городу распространялась листовка, написанная Линкольном, в которой перечислялись все факты, связанные с десятью акрами, на которые претендовала миссис Андерсон, и доказывалось, что документ о передаче земли покойным Андерсоном Адамсу написан только недавно и, по-видимому, собственной рукой Адамса. Таким образом, Линкольн публично обвинил Адамса в подлоге и мошенничестве, рассчитывая, что этим ударом он сбросит Адамса с политической арены. Однако он просчитался. На выборах судьи 7 августа победил Адамс.

Теперь Адамс выступил в газете «Рипабликан» с большой статьей, в которой отвечал Линкольну. После этого Линкольн опять опубликовал статью, в которой заявлял, что все доказательства, представленные Адамсом, являются фальшивыми. Через две недели после выборов «Сэнгамо джорнэл» опубликовала на своих страницах линкольновскую предвыборную листовку. Однако вместо того чтобы привлечь Линкольна и газету за клевету, Адамс опять опубликовал большую статью в «Рипабликан». Линкольн, видимо, умышленно вел к тому, чтобы дело попало в суд, рассчитывая представить суду свои доказательства. Наконец «Сэнгамо джорнэл» в ноябре еще раз напечатала эту листовку с прямым намеком на то, что Адамс является мошенником. Адамс и на этот раз не ответил. Промолчал Адамс и тогда, когда в «Сэнгамо джорнэл» была напечатана передовая статья, написанная, по-видимому, Линкольном, где приводилась копия с обвинительного акта против Адамса, обнаруженного в графстве Осуиго (штат Нью-Йорк) и относящегося к 1818 году, в котором Адамс обвинялся в подделке завещания. Во всяком случае, иск вдовы Андерсон никогда не попал в суд, и она своих десяти акров так и не

получила.

А в адвокатской конторе «Стюарт и Линкольн» шла своя рутина. Линкольн принимал под присягой свидетельские показания, оформлял сделки, заполнял исковые заявления, жалобы. Кто только не перебывал в этих стенах: у одних были неприятности из-за земли, у других — из-за денег, у третьих — из-за любви; свидетели, убийцы, скандалисты и клеветники выкладывали здесь истории своей жизни.

Одним из самых острых вопросов политической и общественной жизни оставался вопрос о рабстве. В октябре 1837 года священник Иеремия Портер должен был произнести в церкви речь против рабства. Перед церковью собралась толпа, которая угрожала ему расправой. Портер все-таки произнес свою речь, но толпу с трудом удалось уговорить выпустить Портера из города без каких-либо телесных повреждений. Через несколько дней после этого на митинге граждан Спрингфилда в здании суда, где председательствовал судья Томас Браун, была принята резолюция, в которой заявлялось, что «идея немедленного освобождения рабов… противоречит духу христианства» и что «аболиционисты…. являются опасными для общества людьми, которых должны остерегаться все добрые граждане».

В расположенном неподалеку Сент-Луисе свободный мулат по фамилии Макинтош оказал сопротивление при аресте и при этом убил помощника шерифа. Толпа настигла его на улице, уволокла на окраину города, приковала к дереву и сожгла.

В другой близлежащий городок Олтон переехал пресвитерианский священник Оуэн Ловджой, аболиционист, издававший до того газету в Сент-Луисе. Его печатный станок прибыл в воскресенье, и в ту же ночь неизвестные лица сбросили его в Миссисипи. Расположенные к священнику граждане купили ему новый печатный станок — его постигла та же участь. После того как священник организовал иллинойское общество против рабства, толпа выбросила в Миссисипи и третий станок. Аболиционисты из Огайо послали священнику новый печатный станок. Когда он прибыл, его поместили в складе под охраной. Ночью толпа пыталась ворваться в склад, а когда это не удалось, склад хотели поджечь. Брат священника Элия Ловджой выбежал, чтобы предотвратить поджог, и упал мертвым от пули, выпущенной кем-то из толпы. Оуэн Ловджой, стоя на коленях у могилы, поклялся «никогда не оставить дела, окропленного кровью брата». Линкольн тогда не мог подозревать, что через много лет среди непостижимых политических лабиринтов он и Оуэн Ловджой поймут друг друга и станут ближайшими друзьями.

В январе 1838 года Линкольн выступил в Обществе молодых мужчин с речью на тему «Укрепление наших политических установлений». В этой речи Линкольн протестовал против нарушений законов. Он напоминал о людях революции, которые ценой жизни завоевали свободу для тех, кто теперь нарушает ее.

> «Правительство, — говорил Линкольн, — при котором худшей части населения разрешено собираться и жечь церкви, громить продовольственные лавки, сбрасывать в реку печатные станки, стрелять в редакторов, безнаказанно вешать и сжигать ради собственного удовольствия беззащитных людей, не может дольше существовать».

Летом 1838 года Линкольн вновь выставил свою кандидатуру в законодательное собрание штата, но выступал он на митингах главным образом за Стюарта, который выставил свою кандидатуру в конгресс против Дугласа. Предвыборная борьба сопровождалась порой весьма забавными эпизодами. Однажды в лавке Арчера Герндона Стюарт и Дуглас сцепились друг с другом врукопашную. А за три дня до выборов, когда Дуглас выступал перед зданием Маркет-Хауза, его речь вывела из себя Стюарта, и этот высокий и ловкий человек ухватил маленького и толстого Дугласа за шиворот и протащил его вокруг всего здания. На память об этой схватке у Стюарта на всю жизнь остался на большом пальце шрам от укуса Дугласа.

На выборах 6 августа Линкольн прошел первым из 17 кандидатов, а Стюарт большинством в 36 голосов победил Дугласа.

В декабре, когда открылась сессия законодательного собрания в Вандейлии, виги выдвинули кандидатуру Линкольна на пост председателя законодательного собрания, но он не прошел при голосовании и стал руководителем вигов.

В марте Линкольн вернулся в Спрингфилд и опять занялся своей адвокатской практикой.

Он убедился на примере демократической партии в пользе партийных съездов и добился созыва первого съезда партии вигов. Съезд этот состоялся в Спрингфилде, и Линкольн был на нем избран одним из пяти выборщиков на президентских выборах и членом центрального комитета партии вигов штата Иллинойс.

В декабре 1839 года Линкольн выступил с почти двухчасовой речью по поводу плана президента Ван Барена заменить Национальный банк отделом казначейства. Линкольн перечислил крупных чиновников, членов демократической партии, которые обогатились за счет воровства из казны. «Посмотрите на

Свартаута, который украл миллион двести тысяч долларов, — сказал он, — на Прайса, укравшего семьдесят пять тысяч долларов, на Гарриса, похитившего сто девять тысяч долларов». Все они и многие другие «удрали с этими деньгами, принадлежащими народу, кто в Техас, кто в Европу». В заключение своей речи Линкольн произнес следующую клятву: «Перед лицом бога и людей я клянусь всегда оставаться верным делу справедливости, как я его понимаю, во имя моей родины — страны свободы, страны, которую я люблю».

В декабре 1839 года национальный съезд партии вигов выдвинул кандидатом в президенты Уильяма-Генри Гаррисона, бывшего конгрессмена и сенатора, ветерана войны 1812 года. Виги широко разрекламировали, как это ни было сомнительно, что Гаррисон живет в простой деревянной хижине и пьет только сидр. Гораздо меньше говорили о том, что Гаррисон потерял свое место в конгрессе после того, как он голосовал против принятия Миссури в Союз до тех пор, пока в Миссури будет существовать рабство. Как раз это обстоятельство и привлекло Линкольна, который стал горячим агитатором за Гаррисона.

Предвыборная кампания разворачивалась вокруг споров о кризисе 1837 года, провалов демократической администрации, криков со стороны вигов, что демократы слишком долго находятся у власти и что настало время сменить их. Страсти разгорались. В марте 1840 года Линкольн писал Стюарту: «Вчера Дуглас, решив, что его оскорбили в «Сэнгамо джорнэл», набросился с палкой на Френсиса (редактора). Френсис поймал его за волосы и прижал к повозке. Дело кончилось тем, что Френсиса в конце концов оторвали от Дугласа. Вся история была настолько нелепой, что и Френсис и все вокруг (исключая Дугласа) помирают до сих пор от смеху».

Кампания президентских выборов кончилась тем, что победил Гаррисон, получивший голоса. 234 выборщиков против 60 голосов, полученных Ван Вареном. Гаррисон оказался первым человеком с Севера или Запада, попавшим в Белый дом.

Во время сессии законодательного собрания в январе 1841 года Линкольн в течение нескольких дней присутствовал только на части заседаний, а потом пять дней вообще не появлялся в законодательном собрании. В письме от 22 января одному из вигов — членов собрания, который уехал домой, сообщили последнюю новость: «Мы все очень огорчены в связи с Линкольном, мы слышали, что у него было два желудочных припадка и обморок. Правда ли это?»

24 января адвокат Джеймс Конклинг писал одной знакомой: «Бедняга Л.! Как его подкосило! В течение недели он страдал, и

хотя теперь начал выходить, выглядит он слабым и изнуренным, похоже, что у него нет сил даже говорить, он может только шептать. Он испытал на себе смысл стихов: «Самая страшная боль — любить и не быть любимым».

Линкольн встретил женщину, и его сердце и разум были в смятении.

Ниниан В. Эдвардс, один из «Долговязой девятки», изысканный аристократ и сын бывшего губернатора Иллинойса, был одного возраста с Линкольном, и они много времени проводили вместе. Двухэтажный кирпичный дом Эдвардса мог вместить дюжину фермерских домов. В этот дом в 1839 году из Лексингтона (Кентукки) приехала девушка. Два года назад она уже была здесь с кратким визитом, теперь же она приехала, чтобы обосноваться здесь. Это была мисс Мэри Тод, младшая сестра Элизабет — жены Ниниана Эдвардса. Их дед был участником революции, а отец — капитаном во время войны 1812 года, сенатором и президентом Кентуккийского банка в Лексингтоне.

Мэри Тод исполнился 21 год, это была полненькая, быстрая и вся словно светящаяся девушка. В доме своей сестры она оказалась в центре внимания гостей. Когда Линкольн познакомился с ней, она притянула его как магнитом. Мэри Тод была первой по-настоящему обаятельной женщиной, встретившейся на его пути. Он потерял голову. Одна из знакомых дам сказала как-то о Линкольне, что в отличие от других молодых мужчин он не очень ищет женского общества. Мэри Тод, с ее розовой нежной кожей, пышными каштановыми волосами с оттенком в бронзу, одержала своего рода триумф.

Она окончила школу, где учили хорошим манерам, говорила и читала по-французски. Она была порывиста, умела подметить смешное или слабое место в том, кто ей не нравился, и метко сказать об этом. Мэри уехала из своего дома в Кентукки из-за разногласий с мачехой.

В 1840 году Линкольн и Мэри Тод обручились. Эдвардс и его жена убеждали Мэри, что она совершает ошибку, что Линкольн не партия для нее — они из разных слоев общества. Однако в Мэри заговорило ее врожденное упрямство. Она знала, чего она хочет, и заявила об этом — у Линкольна есть будущее, она никогда еще не встречала более подходящего для себя мужчины.

Шли месяцы. Линкольн был занят своими делами, отдалился от Мэри Тод — он не мог посещать все вечера, танцы, концерты, куда она ходила. Из ревности она проводила время в обществе других мужчин, при встречах обвиняла его, начинались слезы, недоразумения. Они мирились, опять ссорились и вновь мирились. Наконец на новый, 1841 год была назначена свадьба.

Но что-то произошло. Жених ли, невеста, или, быть может, оба отказались. Поползли сплетни, слухи. Линкольна совсем затравили. В эти дни он написал своему партнеру Стюарту: «Я сейчас самый несчастный человек на земле. Если бы то, что я чувствую, разделить поровну между всем человечеством, на земле не было бы ни одного радостного лица».

В другом письме Стюарту он писал: «Я не знаю, станет ли мне легче. Боюсь, что нет. Такое состояние, как у меня сейчас, продолжаться не может: я должен или умереть, или выздороветь, так мне кажется… Боюсь, что здесь я уже ничем не смогу заниматься и что перемена места будет для меня полезной. Больше писать не в силах». По просьбе Линкольна Стюарт просил нового государственного секретаря Даниэла Вебстера назначить Линкольна поверенным в делах в Боготу, но из этого ничего не вышло.

Сессия законодательного собрания закончилась, Джошуа Спид продал свою лавку и уехал к родным в Кентукки. Линкольн в августе поехал в Луисвилл и провел у Спида три недели. Линкольн говорил тогда Спиду, что ничего не сделал в жизни такого, чтобы его вспомнила хоть одна душа. Он говорил своему другу, что хочет прожить свою жизнь так, чтобы связать свое имя с событиями времени и с интересами его соотечественников.

Постепенно он поправлялся. Ласковая и мудрая старуха, мать Джошуа, ухаживала за ним, беседовала с ним.

В середине сентября Линкольн вернулся в Иллинойс.

5. «Я женюсь»

Джошуа Спид и Авраам Линкольн обменивались своими тайнами — о женщинах. Линкольн писал Спиду: «Твои печали я переживаю не менее остро, чем свои… Ты знаешь, что мое желание всемерно помочь тебе неизменно».

Уже был назначен день свадьбы Спида и Фани Хенинг, а Спида все еще обуревало опасение, что он ее не любит. Эта мысль изводила его. День свадьбы угрожал стать для него часом неприятной сделки с совестью. Он написал Линкольну, что ему тошно.

И Линкольн в письме объяснил Спиду, что именно подрывает его физическую и нервную систему. Письмо было нежным, как любящие руки, бинтующие голову больного, и в то же время оно прямолинейно оценивало факты. Из этого письма стало ясно, что Линкольн в неудачной своей любви изведал сложные и тяжкие страдания.

Прошел месяц с лишним, и Спид ему написал, что свадьба прошла удачно, свадебные колокола весело звенели и что Спид счастлив гораздо больше, чем он предполагал.

В свою очередь, Линкольн писал Спиду о Мэри Тод: «…мне кажется, я был бы вполне счастлив, если бы не неизбывная мысль, что есть та, которую я сделал несчастной. Это меня убивает. Я не могу не ругать себя за то, что у меня даже появляется желание быть счастливым в то время, когда она несчастна. На прошлой неделе она с большой группой знакомых совершила поездку по железной дороге в Джексонвилл; вернувшись, она сказала подруге так, чтобы я слышал, что ей очень все понравилось. Благодарение богу за это». В другом письме он написал: «Я так беден, у меня так мало хороших дел, что за месяц безделья я теряю все, что заработал за год».

Миссис Френсис, жена редактора «Сэнгамо джорнэл», пригласила Линкольна к себе на вечеринку, свела его с мисс Тод и сказала: «Пора возобновить дружбу». Был ли это перст судьбы или проявление женской сообразительности, однако, несмотря на колебания и мрачные раздумья, терзавшие сердце Линкольна, они с Мэри снова стали друзьями. Но утаили это событие от всего мира.

Непременным членом вечеринок в доме Френсисов была Джулиа Джэйн. Совместно с Мэри Тод они стряпали статьи, которые печатались в «Сэнгамо джорнэл». Будучи сторонницами вигов, они критиковали финансового ревизора штата мистера Шилдса — его привычки, манеры, одежду. Одно из писем в

газете, высмеивавшее Шилдса, написал Линкольн.

Шилдс, 32-летний холостяк, юрист с десятилетним стажем, ирландец и драчун, вызвал Линкольна на дуэль.

Рассказывали, что когда секунданты Шилдса сообщили об этом Линкольну и предложили в соответствии с обычаями выбрать оружие, он спросил: «Как насчет коровьего помета? Дуэль на расстоянии в пять шагов?»

Потом секунданты Линкольна передали секундантам Шилдса, что Линкольн готов драться на палашах на доске длиной в 10 футов и шириной от 9 до 12 дюймов. 22 сентября обе стороны прибыли на песчаную отмель реки Миссисипи в трех милях от Олтона, находящуюся в черте штата Миссури, на которую не распространялись антидуэльные законы штата Иллинойс.

Линкольн уселся на бревно, начал размахивать палашом и с силой рассекать воздух. Адвокаты, друзья, секунданты от обеих сторон долго совещались. После главного совещания последовали короткие с участием то Линкольна, то Шилдса. Затем было согласовано коммюнике, в котором говорилось, что хотя Линкольн и написал статью за подписью «Ребекка» в «Сэнгамо джорнэл» от 2 сентября, однако у него не было намерения оскорбить личность Шилдса или нанести ему ущерб в частной жизни и что упомянутая статья была написана исключительно в политических целях. Дуэль стала темой для анекдотов, и Линкольн никогда больше об этом не упоминал; его друзья видели, что Линкольн болезненно воспринимал расспросы об этом случае и что лучше оставить его в покое.

Однажды в доме Френсисов Мэри Тод потребовала от Линкольна, чтобы день свадьбы был назначен в ближайшее время, а не как раньше — когда-нибудь в далеком будущем. Несколько недель спустя Линкольн зашел к своему другу Джеймсу Матэни и сказал ему: «Сегодня я женюсь». В тот же день Линкольн встретил на улице Ниниана Эдвардса и сказал ему, что вечером состоится свадьба с Мэри Тод. Эдвардс ответил: «Я опекун Мэри, и свадьба должна быть сыграна в моем доме».

Линкольн купил кольцо, внутри которого было выгравировано «Любовь вечна», и 4 ноября 1842 года в доме Эдвардса состоялась церемония, которую исполнил преподобный Дресер, священник епископальной церкви. Жениху было тогда 33 года, а невесте скоро должно было исполниться 24.

Впоследствии рассказывали, что Линкольн вовремя венчания выглядел так, как будто его вели на заклание. Неделю спустя Линкольн в письме Сэму Маршалу в Шоунитаун подробно разобрал два судебных дела и потом коротко закончил: «У меня

никаких особых новостей — я женился, и это для меня источник нескончаемого удивления».

Молодая пара платила за полный пансион 4 доллара в неделю. Комнату им предоставили в трактире «Глоуб», где и родился у них 1 августа 1843 года первенец, получивший имя Роберт. Вскоре они переехали в собственный в полтора этажа дом, купленный за 1 500 долларов. Дом стоял недалеко от центра города. Он был окрашен в «квакерский светло-коричневый тон», как выразился один посетитель. В задней части усадьбы находились цистерна, насос, колодец, амбар и каретный сарай. Через три квартала к востоку начинались бескрайные поля, засеянные кукурузой.

Восьмой судебный округ, или «восьмой выездной», как его называли, охватывал 15 графств, и в большинстве из них для Линкольна находилась практика. Он разъезжал верхом или в двуколке по плохим дорогам. Иногда можно было проехать час-другой и не встретить ни одной фермы. Неприятные это были поездки в весеннюю распутицу или под мокрым снегом, под порывами ледяных зимних ветров. Тяжелое пальто, одеяла, пледы из буйволовой кожи на коленях, шаль на плечах защищали тело, но оставляли незащищенными лицо и глаза: нужно было следить за конем и просматривать дорогу, лежавшую впереди. Если случались ливни или шел нескончаемый мелкий дождь, Линкольн иногда останавливался на ферме, чтобы обсушиться. Но если суд должен был состояться на следующий день, то приходилось тащиться до городка в промокшей насквозь одежде.

Номера в трактирах обычно были весьма скудно обставлены: кровать, плевательница, два стула средними планками вместо сиденья, умывальник с тазом и кувшином для воды; в холодную погоду путешественникам приходилось разбивать ледок в кувшине, чтобы умыться. В некоторых трактирах были большие номера, в которых иногда на ночь укладывалось с дюжину, а то и больше юристов.

Компаньон Линкольна Стюарт месяцами заседал в конгрессе, дома его отвлекали политические дела, и вся тяжелая повседневная работа падала на плечи Линкольна. Правда, все свои познания в юриспруденции Линкольн почерпнул у Стюарта.

Они мирно расстались, и Линкольн стал партнером Стифена Логана, признанного ведущего адвоката в Спрингфилде.

Линкольн выступал в верховном суде штата по знаменитому делу Бэйли против Кромвела. Последний продал Бэйли негритянскую девушку, выдавая ее за рабыню. Бэйли обязался уплатить за девушку наличными. Линкольн утверждал, что девушка — свободный человек, поскольку не доказано, что она

рабыня. А раз таких доказательств нет, то ни продать, ни купить, ее нельзя. Суд принял точку зрения Линкольна.

В партнерстве с Логаном у Линкольна прибавилось много дел в верховном суде в Спрингфилде. В 1841 году из 14 дел он проиграл только четыре, в 1842 году и 1843 году он из 24 дел проиграл только семь.

Логан был вигом; в 1842 году его избрали депутатом законодательного собрания. Ему очень хотелось попасть в конгресс, так же как и Линкольну. По совету Линкольна. фирма приняла в качестве практиканта молодого человека Уильяма Герндона, который был на девять лет моложе Линкольна. До этого он служил клерком у Спида и жил в комнате над лавкой. В декабре 1844 года, когда Герндон уже достаточно подучился, Линкольн открыл свою контору и взял его в партнеры. Молодой человек был чрезвычайно этим изумлен. Линкольн сказал:

— Билли, я доверяю вам, и вы можете довериться мне.

6. Кандидат в члены конгресса

> «Если вы услышите от кого бы то ни было, что Линкольн не хочет пройти в конгресс, прошу вас, как личного моего друга, скажите ему, что, по имеющимся у вас данным, он ошибается».

Так в середине февраля 1843 года писал Линкольн активному деятелю партии вигов Ричарду С. Томасу. Линкольн, как лидер партии штата, совместно с другими видными вигами написал в марте месяце листовку для выборной кампании «Обращение к населению Иллинойса», в которой дал анализ вопросов общегосударственного значения. Он высказался за введение косвенных налогов вместо прямых, за поддержку Национального банка, противниками которого были демократы, и за увеличение доходов штата за счет продажи свободных государственных земель.

С помощью делегатов от графства Сэнгамон — участников предстоявшего окружного собрания — Линкольн пытался в 1842 году добиться одобрения своей кандидатуры в члены конгресса, но собрание обязало всех поддержать кандидатуру бывшего сенатора штата Эдварда Д. Бейкера, уроженца Лондона, участника войны с индейским вождем Черным Ястребом. Бейкер был адвокатом, аттестованным в Каролтоне, в Иллинойсе. Линкольн был также избран делегатом на партийное собрание выборщиков, и его самого обязали поддержать кандидатуру Бейкера. По этому поводу Линкольн писал своему другу Спиду: «Я окажусь в таком же трудном положении, как парень, назначенный шафером к товарищу, отбившему у него любимую девушку и женившемуся на ней».

На окружном собрании в Пекине, в Иллинойсе, появился третий соперник — Джон Дж. Гардин, у которого оказалось необходимое для выставления кандидатуры большинство. Линкольн, чтобы избежать раскола партии, снял кандидатуру Бейкера.

Гардин и Линкольн соперничали за звание лидера фракции вигов в законодательном собрании штата. Гардин был преуспевающим адвокатом в Джексонвилле; он страстно желал стать конгрессменом.

Линкольн добился большинством в 18 голосов принятия резолюции, которая обязывала собрание рекомендовать Бейкера кандидатом в члены конгресса от партии вигов в 1844 году. Очевидно, Линкольн договорился с Бейкером и Гардином о том,

что в 1844 году вместо Гардина в конгресс пойдет Бейкер, а в 1846 году Бейкера сменит Линкольн. Во всяком случае, у части делегатов создалось впечатление, что три лидера вигов договорились о попеременном выставлении кандидатур в конгресс, «каждого в свою очередь».

Гардин прошел в конгресс, проводил политическую линию партии вигов и в 1844 году отошел в сторону, чтобы облегчить Бейкеру выдвижение в кандидаты и обеспечить его успех на выборах.

Когда Бейкер вернулся в 1846 году из Вашингтона, он не решился открыть Линкольну, что он, Бейкер, решил снова выставить свою кандидатуру, так как опасался, что Гардин предложит свою и в конечном счете могут остаться с носом и Бейкер и Линкольн. Однако вскоре Бейкер снял свою кандидатуру. Он сказал об этом Линкольну, и когда в следующем году у Линкольна родился мальчик, его назвали Эдвард Бейкер Линкольн.

Линкольн опасался, что Гардину захочется вторично пройти в конгресс. Когда Гардин убедился, что делегации от графства качнулись в сторону Линкольна, он предложил вместо выдвижения кандидатуры на общем собрании голосовать отдельно по каждому графству при условии, что каждый кандидат имеет право проводить выборную кампанию только в своем графстве. Линкольн написал Гардину: «Старая система, с помощью которой кандидатуры ваша и Бейкера были выдвинуты и проведены в конгресс, меня вполне удовлетворяет, тем более что все виги округа прекрасно знакомы с этой системой».

Линкольн сел за рабочий стол в своей конторе, окунул гусиное перо в чернильницу и отправил письма редакторам, политическим деятелям, избирателям, функционерам избирательного округа. В одном письме он подсчитал, сколько участков будет голосовать за его выдвижение и сколько против. Узнав, что в одном городке зародилось движение против выставления его кандидатуры, он написал редактору местной газеты: «Если ваше отношение ко мне такое же, каким оно было при последнем нашем свидании (а у меня нет оснований сомневаться в том, что все осталось по-прежнему), прошу вас не печатать на страницах вашей газеты каких-либо материалов против. меня. Вы меня поняли — все осталось по-прежнему».

Эта грубоватая короткая фраза встречалась часто: «Вы меня поняли?» Некоторые письма заканчивались так: «Все это, конечно, строго конфиденциально», или: «Не упоминайте об этом, пока они каким-нибудь образом сами не узнают», или: «Только для вас лично». Это было время, когда приходилось мягко ступать. Нельзя

было допустить никаких выпадов против Гардина. «У меня кет никаких аргументов, которые заставили бы отдать предпочтение мне, за исключением одного: «Поочередность — самая честная игра».

Гардин почувствовал, что его переигрывают, что его планы проваливаются, и он написал Линкольну письмо, полное жалоб. 7 февраля 1846 года Линкольн ответил самым длинным в своей жизни политическим письмом — шедевром неумолимой логики. Пункт за пунктом он припер Гардина к стенке.

Несколько дней спустя Гардин устранился от борьбы, и 1 мая окружное собрание в Питерсберге под шумные одобрения делегатов наметило Линкольна кандидатом в конгресс в этом единственном округе Иллинойса, где победа вигов была наиболее убедительной из всех одержанных ими.

Демократы выставили против Линкольна знаменитого, старомодного, грубоватого, странствующего неистового евангелиста Питера Картрайта. Он был проповедником и приверженцем демократа Джексона. В своих путешествиях он не разлучался ни с библией, ни с ружьем. Неоднократно он самолично выбрасывал из церкви какого-нибудь пьяницу, прерывавшего его проповедь. Он был коренаст, круглолиц и любил вспоминать свое безнравственное поведение на бегах, в азартных карточных играх и похождения на танцульках в годы, предшествовавшие его обращению на путь истины.

Приспешники Картрайта распространяли слухи: Линкольн считает пьяниц равноценными людьми, наравне с добрыми христианами или членами церковной общины; жена Линкольна — прихожанка модной епископальной общины; сам Линкольн — деист, он верит в бога, но отрицает Христа и доктрины искупления грехов или наказания; Линкольн сказал, что «Христос — незаконнорожденный».

Линкольн выпустил листовку, в которой впервые публично наиболее полно и точно сформулировал свое отношение к религии. В частности, он в ней заявил: «Я не принадлежу ни к одной христианской церкви, это правда; но я никогда не отрицал истин священного писания; и я никогда не высказывался намеренно неуважительно о религии вообще или о какой-либо разновидности христианского вероисповедания в частности».

Он посетил религиозное собрание, на котором выступал Картрайт. Заканчивая проповедь, Картрайт воскликнул: «Пусть встанут все, кто готов открыть свои сердца богу и вознестись на небо!» Несколько мужчин, женщин и детей поднялись со своих мест. Проповедник снова призвал: «Пусть встанут все, кто не хочет попасть в ад!» Все вскочили на ноги… кроме Линкольна.

Тогда Картрайт очень мрачным тоном сказал: «Я заметил, что многие откликнулись на мой призыв открыть свои сердца богу и отправиться со временем на небо. И еще я замечаю, что все вы, кроме одного, выказали свое нежелание попасть в ад. Единственное исключение — мистер Линкольн, который не откликнулся ни на одно из приглашений. Разрешите вас спросить, мистер Линкольн, куда вы собираетесь попасть?»

Линкольн не спеша поднялся на ноги. «Я пришел сюда, как почтительный слушатель. Я не думал, что брат Картрайт выделит меня одного из всего собрания. Считаю, что вопросы религиозные требуют серьезного рассмотрения. Допускаю, что вопросы, предлагаемые братом Картрайтом, являются очень важными. Я не видел необходимости откликнуться на них, как все присутствующие. Брат Картрайт задал мне прямой вопрос, куда я намерен попасть. Я хочу также без обиняков ответить: я хочу попасть в конгресс».

Партийные друзья собрали 200 долларов на личные расходы Линкольна в выборной кампании. После выборов он им вернул 199 долларов и 25 центов, заявив, что он истратил всего 75 центов. Подсчет бюллетеней показал, что Линкольн получил 6 340 голосов, Картрайт — 4 849 и Уолкот (аболиционист) — 249. Линкольн писал Спиду: «Меня избрали в конгресс. Я очень благодарен моим друзьям, что они помогли мне пройти, но меня это радует меньше, чем я предполагал».

Через одиннадцать дней после выдвижения кандидатуры Линкольна конгресс объявил войну Мексике, санкционировал организацию пятидесятитысячной армии добровольцев, вотировал кредиты в 10 миллионов долларов, которые предстояло собрать по подписке на заем.

Линкольн, как он писал в октябре 1845 года, «техасским вопросом никогда особенно не интересовался». Казалось, что он только смутно догадывался о разнообразных и мощных силах, пущенных в действие фактами и далеко идущими помыслами. Факты говорили о том, что Техас, Нью-Мексико и Калифорния — это огромные потенциально богатые территории и что Соединенные Штаты страстно желали присоединить их к своим владениям. А помыслы вели «к республике, окруженной океанами», к Америке «от моря и до моря».

Когда в марте 1845 года конгресс принял постановление аннексировать Техас и в июне техасская конференция единогласно голосовала за присоединение его к Соединенным Штатам, мексиканское правительство предупредило, что Техас остается территорией Мексики. Мексиканский конгресс вотировал 4 миллиона долларов на войну за Техас.

Президент США Полк отдал приказ американским войскам оккупировать и «защищать» полосу спорной территории в районе Рио Гранде. Начались неизбежные стычки, и вскоре война развернулась полным ходом. У американцев были лучшие пушки, стрелки и стратегия. Сражения закончились 14 сентября 1847 года, когда пал Мехико.

Техас, Нью-Мексико и Калифорния были включены во владения Соединенных Штатов.

Линкольн считал, что эта политика и действия принесли Соединенным Штатам больше позора, чем славы. Он внимательно изучил слова сенатора Томаса Корвина: «Если бы я был мексиканцем, я сказал бы: «Разве вам не хватает места в собственной стране для погребения своих мертвецов? Если вы вторгнетесь в мою страну, я встречу вас окровавленными руками и приглашу в гостеприимные могилы».

С окончанием войны снова первенствующее значение приобрели внутриполитические проблемы.

Линкольн был человеком ищущим, пытливым. Он неоднократно излагал свои самостоятельные выводы о покровительственных тарифах, которые виги отстаивали всеми силами. «С самого начала сотворения мира всемогущий сказал первому человеку: «В поте лица своего добудешь ты хлеб свой», и с тех пор, за исключением воздуха и света небесного, не было и нет ни одной полезной вещи, которая не явилась бы прежде всего результатом труда. И поскольку все полезные вещи сделаны трудом, то, следовательно, они по праву должны принадлежать тем, кто их произвел. Но так случилось, что с тех пор, как мир существует, во все века, одни работают, а другие, не работая, пользуются значительной частью продуктов чужого труда. Это несправедливо, и так продолжаться не может. Отдать каждому трудящемуся весь или почти весь продукт его труда — вот достойная цель любого хорошего правительства».

Каким образом может правительство достичь этого? Одним из способов он считал «елико возможно не допускать бесполезный труд и искоренить безделье». Например: «Железо и все изделия из него могут быть произведены в достаточном количестве в Соединенных Штатах при тех же трудовых затратах и не хуже качеством, чем где-либо в другом месте; следовательно, весь труд, потраченный на то, чтобы перевезти в Соединенные Штаты из чужой страны железо или железные изделия, и есть труд бесполезный». Что касается хлопковой продукции, то «почему нельзя заниматься прядением, ткачеством и т. п. в том же районе, где хлопок произрастает и продукты его потребляют, и, таким образом, избавиться от необходимости лишних

перевозок?.. Если в какой-нибудь период прекратилась бы всякая работа и все имеющиеся продукты были бы поровну распределены населению, то уже к концу одного лишь года вряд ли остался бы в живых хотя бы один человек — все погибли бы из-за отсутствия средств к существованию… Всеобщая праздность быстро привела бы к всеобщей гибели; и… бесполезный труд в этом смысле равнозначен праздности». Следовательно, доказывал Линкольн, отказ от покровительственных тарифов «приведет к увеличению как непроизводительного труда, так и праздности».

Большой интерес вызвало у Линкольна дело Роберта Матсона из Чарлстона. Молодой Матсон, холостяк, происходил из почтенной кентуккийской семьи. Он управлял крупной фермой в штате Иллинойс, на которую весной привозил рабов из Кентукки, а после уборки урожая отсылал их обратно. Таким образом, он согласовал свои действия с законом штата Иллинойс, гласившим, что любой негр или мулат, проведший в штате Иллинойс несколько лет, не мог там оставаться «без законного свидетельства об освобождении от рабства». Лишь одного негра Матсон держал при себе безвыездно — надсмотрщика Антони Брайанта.

В 1845 году на летние работы вместе с рабами на ферму приехала жена Брайанта — Джейн, красивая, полная величия мулатка. Считали, что она дочь одного из старших братьев Матсона. Из шести ее детей трое явно были смешанной негритянской и белой крови, у одной девочки были голубые глаза и длинные рыжие волосы.

Экономка Матсона Мэри Корбин, горя ревностью и гневом, как-то прикрикнула на Джейн Брайант: «Тебя скоро отправят в Кентукки и там продадут, будешь рабыней на хлопковых плантациях Юга». Перепуганный Антони Брайант ночью бежал с женой и детьми под защиту сторонника отмены рабства Гидеона А. Ашмора. Молодой доктор из Пенсильвании Хайрам Рутерфорд предложил другим противникам рабовладельчества быть готовыми к отпору на случай преследования и розысков со стороны Матсона. Вскоре Матсон добился ареста Джейн Брайант и ее детей, которых продержали в тюрьме 58 дней. Следующим событием был арест самого Матсона по обвинению в незаконном сожительстве с Мэри Корбин.

Основной иск был предъявлен Матсоном, потребовавшим от Рутерфорда возмещения убытков в сумме 2,5 тысячи долларов в соответствии с существовавшими тогда ценами на рабов.

Доктор Рутерфорд рассказал Линкольну о своих неприятностях, но тот ответил, по словам самого Рутерфорда, что «не может защищать меня, так как Матсон уже консультировался

с ним».

В выступлениях на суде Линкольн явно стремился больше к исследованию фактов и основных элементов дела, чем решению в пользу истца. Он не пытался разбить доводы противной стороны и практически проиграл дело открытым признанием, что поскольку кентуккийский рабовладелец послал своих негров в Иллинойс для работы и использования в качестве рабов на ферме графства Кол, негры тем самым получили право на освобождение.

Второй адвокат, Линдер, доказывал, что согласно федеральной конституции рабы рассматриваются как движимое имущество и не могут поэтому по закону быть отобраны у Матсона. Тем не менее суд постановил, что Джейн Брайант и ее дети «подлежат освобождению из тюрьмы, так же как и из-под опеки шерифа или Роберта Матсона и всех лиц, предъявляющих права на них, как на рабов; они будут свободными от любого вида рабства у любого лица или лиц, отныне и во веки веков».

В эти годы Линкольн уже носил бакенбарды, заканчивавшиеся у мочки уха, ходил в костюмах из тонкого черного сукна, белых рубашках, белых воротниках с черными шелковыми галстуками. Но одевался он небрежно, брюки уползали вверх к лодыжкам и выше, волосы всегда были взъерошены, жилет морщился.

Рассказывая что-нибудь, он обнимал руками колени, поднимал колени к подбородку и покачивался из стороны в сторону.

У себя дома, в Спрингфилде, он пилил дрова, обслуживал домовые печи, чистил лошадей, доил корову.

Линкольн почти никогда не пел, но голос его отличался чистыми и приятными тонами; когда он произносил речи, голос его изредка поднимался до удивительно высокого дисканта, придавая каждому слогу незабываемый, ясный смысловой оттенок.

Как-то Линкольн спросил одного кентуккийца, почему рабовладение все больше становится нормой респектабельности. Кентуккиец ответил: «Вы можете владеть огромными земельными массивами, иметь много денег или акций, но когда вы путешествуете, никто этого не знает, не видит. Однако один черный, плетущийся за вами, виден всем, и сразу ясно, что вы рабовладелец. Это самое замечательное богатство в мире. Если молодой человек начинает ухаживать за девушкой, первое, о чем спрашивают: сколько у него или у нее рабов? Рабы — это не просто богатство, а доказательство праздности джентльмена, его презрения к труду, его возможности не унизиться до трудовой деятельности».

Линкольн не прошел мимо факта, что в Кентукки 600 тысяч белых не имели рабов и лишь 33 тысячи были рабовладельцами, но политическая власть целиком находилась в руках у рабовладельцев.

Однажды Линкольн ночевал в гостинице с адвокатом из Чикаго. У них возник спор; Линкольн доказывал, что рабство приведет к расколу нации. Далеко за полночь они, наконец, легли спать. «Рано утром, — вспоминал адвокат, — я проснулся и увидел Линкольна в ночной рубахе все еще сидящим в постели».

— Дикки, — сказал Линкольн, — а ведь наш народ не может существовать наполовину из рабов, наполовину из свободных.

Чикагский адвокат только и мог сказать:

— О Линкольн, ложись ты спать в конце концов.

В той маленькой группе, которая захватила контроль над партийными делами вигов в Спрингфилде, существовала оппозиция, прозвавшая Линкольна «Голиафом клики», так как на улицах, среди толпы или на митингах высокая фигура Линкольна всегда выделялась. Он не мог пройти незамеченным, на него указывали пальцами, о нем неизменно расспрашивали. Стоило ему появиться среди какой-нибудь группы людей, как взгляды всех приковывались к нему. Его голова как бы плыла над толпой; видевшие его запоминали жесткие, густые, спутанные черные волосы, худое, необычное лицо — высокие скулы, глубоко запавшие глаза, большой, хорошей формы нос, полные губы и рот, незаметно менявший выражение лица, которое то сияло широкой улыбкой, то бесстрастно застывало. Линкольн свободно и легко двигался, часто применял комические обращения к людям, пускал в ход уличный жаргон и разные диалекты, которые можно было услышать на площадях городков, где фермеры обычно привязывали своих лошадей к столбам коновязи.

Линкольн сдал внаем свой дом в Спрингфилде и 25 октября 1847 года сел в дилижанс с женой, четырехлетним Робертом и девятнадцатимесячным Эдди и отправился в Сент-Луис. Затем, после недельного путешествия на пароходе и по железной дороге, они приехали в Лексингтон; Кентукки. Там Мэри Тод-Линкольн с удовольствием показала родственникам и друзьям себя и своего мужа-конгрессмена, которым она очень гордилась. Они прожили там три недели. Линкольн осмотрел хлопчатобумажные фабрики «Олдгама, Тода и компании», на которых работали негры-рабы.

Он увидел, что в Кентукки неуклонно нарастало движение против рабовладения. Он присутствовал на аукционах, где продавались рабы; он видел рабов, скованных вместе, которых партиями отправляли на хлопковые плантации Юга; он слышал зловещий рассказ о Касили, девушке-рабыне, арестованной по

обвинению в том, что она «смешала унцию толченого стекла с подливой» и подала это блюдо своему владельцу и его жене. Ему рассказали о продаже в Лексингтоне с аукциона Элизы, девушки-красавицы с темными блестящими глазами, прямыми черными волосами, с прекрасным оливковым цветом кожи, в жилах которой текла всего лишь одна шестьдесят четвертая часть африканской крови, и все же она была рабыней. Молодой священник методистской церкви Кальвин Фэйрбанк и его противник из Нового Орлеана, француз с толстой шеей, наперебой набавляли цену. Когда она поднялась до 1 200 долларов, француз спросил: «Сколько вы намерены отдать за нее?» Фэйрбанк ответил: «Больше, чем вы дадите, мосье». Цена сразу подскочила, и Фэйрбанк не спеша произнес: «Одна тысяча четыреста пятьдесят долларов». Француз заколебался, и вспотевший аукционист, сорвав платье с плеч Элизы, обнажив ее шею и грудь, крикнул: «Кто же собирается отказаться от такого шанса?» Француз предложил 1 465 долларов, но священник немедленно поднял цену до 1 475. Аукционист, не слыша больше надбавок, шокировал толпу, «подняв ее юбки» и «обнажив ее тело от пят до пояса».

Похлопывая по бедру девушки, аукционист выкрикивал: «Кому же достанется этот приз?» Сквозь поднявшийся шум и ропот толпы послышался голос француза. Он медленно произнес: «Одна тысяча пятьсот восемьдесят долларов». Аукционист поднял молоток и начал считать: «Раз… два…» Элиза жалобно, страдальчески взглянула на Фэйрбанка, и он сказал: «Одна тысяча пятьсот восемьдесят пять». Аукционист закричал: «Я сию же минуту продам эту девушку. Будете набавлять?» Француз отрицательно покачал головой. Элиза упала в обморок. Аукционист сказал Фэйрбанку: «Чертовски дешево она вам досталась, сэр. Что вы намерены с ней сделать?» Фэйрбанк воскликнул: «Освободить ее!»

Большая часть толпы орала и вопила от восторга. Потом выяснилось, что Фэйрбанк действовал по поручению двух жителей из Цинциннати, ассигновавших на освобождение рабов 25 тысяч долларов. Впоследствии Фэйрбанк за активную деятельность против рабовладения все же был осужден к 17 годам тюремного заключения.

Линкольн читал книги из большой библиотеки Роберта Тода, посещал вечеринки и встречался в столице штата Кентукки со многими видными деятелями штата и страны. Он слушал речь Генри Клэя, выступившего 13 ноября перед огромной аудиторией. В своей речи Клэй сказал, что мексиканская война «была ненужной и оскорбительной агрессией». Он утверждал, что «не

мы, а Мексика защищала свои очаги, свои замки и алтари». Он считал, что Соединенные Штаты не имеют права захватить и подчинить себе всю Мексику, на чем многие тогда настаивали. Во всяком случае, это привело бы, по его мнению, лишь к дальнейшему распространению рабства на вновь приобретенные территории.

КОНГРЕССМЕН ЛИНКОЛЬН

1. Дорога в Вашингтон

На переезд в Вашингтон дилижансом и железной дорогой ушло семь дней. Семья Линкольнов прибыла в столицу 2 декабря и поселилась сначала в отеле Брауна, а затем переехала в пансион миссис Сприг, стоявший на участке, где впоследствии построили здание библиотеки конгресса.

Линкольны впервые увидели город, построенный по плану, с широкими улицами, площадями и парками; несколько прекрасных зданий стояло на просторных лужайках, и все-таки, несмотря на это, оставалось впечатление чего-то незаконченного, в особенности от Капитолия с его темным деревянным куполом и недостроенными двумя флигелями, от покрытой булыжником широкой Пенсильвания-авеню, простиравшейся от Капитолия до Белого дома. В день ввода Полка в должность президента сильный ливень размыл мостовую, образовались выбоины, солдаты на параде скользили и растягивались во весь рост на грязных камнях.

Среди сорокатысячного населения Вашингтона насчитывалось 8 тысяч свободных негров и 2 тысячи рабов. Здесь рядом стояли дворцы и трущобы; коровники, свинарники и уборные красовались на задних дворах; боровы, гуси и цыплята бродили по улицам и аллеям. Тротуары большей частью были покрыты гравием или золой. Тридцать семь церквей различных вероисповеданий состязались с многочисленными кабаками и игорными притонами, где резались в карты, играли в кости, с домами, в которых женщины и девочки старались всячески угодить клиентам.

На грузовых фургонах восседали рабы в оборванных одеждах; время от времени по улицам проходили закованные в цепи партии невольников. Недалеко от Капитолия Линкольн видел тюрьму, которую он назвал «своеобразной негритянской платной конюшней», где негров, «точно гурт рабочего скота», держали до отправки на юг. И рядом с этим уживались библиотеки, музеи, фонтаны, сады, залы и кабинеты, в которых принимались важные исторические решения, устраивались церемониалы, приемы, балы, происходили серьезные государственные события. Здесь звучали все американские диалекты, бывшие в ходу на территории от Луизианы до Мэна, — протяжная южная речь, гнусавый говор янки, различные жаргоны Запада.

Линкольну нравились пансион миссис Сприг и обедавшие там члены конгресса — виги-аболиционисты, в особенности боевой конь аболиционизма из Огайо Джошуа Р. Хиддинг. Однако

жена Линкольна не нашла здесь подходящего для себя общества, интересов, приятельниц или увлекательных затей. Муж ее был одним из самых занятых людей в конгрессе — в период первой сессии он лишь семь раз не ответил на перекличках. Миссис Линкольн не смогла долго выдержать такую жизнь. Через три месяца она забрала обоих мальчиков и уехала к своему отцу в Лексингтон.

Линкольн принял присягу и занял место на последней скамье палаты представителей, позади всех вигов. За одним из столов впереди него сидел невысокого роста восьмидесятилетний человек с реденькими бакенбардами, с приятным, но строгим лицом. Это был профессор риторики в Гарвардском университете, сенатор от штата Массачусетс, который был президентом США в 1825–1829 годах и после этого 17 лет заседал в конгрессе. Он служил в посольстве в Париже и был очевидцем возвращения Наполеона с Эльбы. Это был Джон Куинси Адамс, один из самых выдающихся и пламенных вигов, утверждавших, что война с Мексикой спровоцирована рабовладельцами с целью расширения районов рабства.

В сенате Стифен А. Дуглас цитировал слова Фридриха Великого: «Сначала захват, потом переговоры», и заявил: «Именно так поступил президент Полк».

Американские армии закреплялись на захваченной мексиканской территории. Война обошлась правительству в 27 миллионов долларов, а народ США заплатил за нее жизнью 27 тысяч солдат. Когда Мексику разбили, возникли вопросы: «Какую сумму мы можем заставить заплатить Мексику? И раз у нее нет денег, сколько еще земли должны мы у нее забрать? Или, может быть, захватить всю Мексику?»

12 января 1848 года Линкольн отстаивал в палате представителей точку зрения вигов, что «война с Мексикой, начатая президентом, была ненужной и антиконституционной… Когда началась война, я считал, что все те, кто знает слишком мало или, наоборот, знает слишком много, не могут по совести одобрить действия президента, приведшие к войне, но они должны тем не менее как настоящие патриоты и честные граждане не касаться этого вопроса по крайней мере до конца войны».

Революция помогла Мексике сбросить власть правительства Испании; революция в Техасе отвергла власть мексиканского правительства, и Линкольн обсуждал право народов на революцию. «Любой народ в любой стране, имеющий силу и желание, вправе восстать, сбросить существующее правительство и образовать новое, более для него подходящее. Любая часть

такого народа может и имеет право восстать и образовать свое управление на той части территории, которую она населяет. Более того, большинство такой части народа имеет право революционным путем подавить меньшинство, которое живет смешанно с ним или где-то близко, но противящееся движению большинства… Свойство революций — не считаться со старыми традициями или старыми законами, а отбросить и то и другое и создать новые».

В течение ряда месяцев президент колебался. В его дневнике есть такая запись, сделанная после выслушивания бесконечных советов захватить всю территорию мексиканского народа: «Я ответил, что я не готов предпринять такой шаг; более того, я не хочу, чтобы любое мое заявление было настолько неясным, чтобы оно могло дать повод для сомнений или дискуссий по поводу действительного их смысла; и в моем последнем обращении я заявил, что я не намеревался покорить Мексику».

Линкольн голосовал за всемерное снабжение и помощь солдатам на поле брани и за любые резолюции, в которых обвинялись Полк и его администрация. Он надеялся, что люди у него на родине правильно поймут его действия. Однако многие земляки, даже Билл Герндон, не поняли Линкольна. Белвиллская газета «Адвокат» 2 марта сообщила, что митинг «патриотических вигов и демократов» в графстве Кларк принял решение: «Эйб Линкольн есть автор «пятнающих» родину предложений в конгрессе; да будут они долго в памяти избирателей Линкольна, но да забудут они своего избранника, а если вспомянут, то разве только для укора».

Три недели спустя после выступления Линкольна Александр Стифенс (повторяя в известной степени слова и мысли Линкольна) в прочувствованной речи 2 февраля выразил всю глубину презрения вигов к президенту: «Принцип ведения войны против соседнего народа с целью заставить его продать часть своей страны — принцип не только постыдный, но и позорно бесчестный. Неужели будут говорить, что честь американцев можно купить куском земли?.. Никогда я не думал, что увижу день, когда руководитель страны заявит во всеуслышание, что наша слава так отвратительна и непристойна, что не может удовлетвориться воинскими подвигами, пусть самыми блестящими и славными, а обязательно хочет насытиться землей — грубой, простой грязью — и даже требует, чтобы поверженный враг был ограблен, чтобы у него отняли его каменистые горы и пустынные равнины!»

А южанин сенатор Джон С. Калгун из Южной Каролины утверждал, что «народ не понимает ни свободы, ни тирании

большинства. Воля большинства — воля сброда. Прогрессивная демократия несовместима со свободой». Джефферсон Дэвис заявил в сенате, что если безрассудство, фанатизм, ненависть и коррупция приводят к нарушению мира и уничтожению процветания Союза штатов, то «пусть Союз распадется на части, лишь бы остались мир и добрая воля».

С этой готовностью разрушить Союз не могли согласиться ни виги юга, ни Тумбе, ни Стифенс, ни тем более Генри Клэй. На севере в нескольких штатах у демократов не было единства по вопросу о том, следует ли распространить рабство на все новые и осваиваемые огромные территории. Среди демократов Нью-Йорка был разброд, появились «искатели», о которых говорили, что они беспринципно охотятся за любой государственной должностью; была и группа «сжигателей амбаров», названных так в связи с тем, что некий голландец однажды сжег свой амбар, чтобы избавиться от крыс. Существовала в Нью-Йорке и группа радикалов.

Поправка, предложенная Уилмотом, разделяла партии на фракции, восстанавливала южных вигов против северных. Тридцатичетырехлетний Дэвид Уилмот из Пенсильвании, демократ, приверженец Джексона, человек, боровшийся за права рабочих и против заключения в тюрьму за долги, еще в 1846 году предложил поправку-«кочевницу» к финансовому законопроекту. Поправка гласила, что рабство не должно быть допущено ни в один район земель, захваченных в результате мексиканской войны. С тех пор снова и снова эта поправка — ибо конгресс ее не принимал — «кочевала» из законопроекта в законопроект. Линкольн как-то писал, что он голосовал за эту поправку по крайней мере 40 раз. Эта настойчивость борцов против дальнейшего распространения рабства вызвала протесты, вопли о несправедливости и угрозы лидеров Юга выйти из Союза.

Изучение деятельности Линкольна в палате представителей говорит о том, что он много и добросовестно работал и хлопотал по поводу прошений, назначений на должности, определения пенсий в интересах своих избирателей, над различным» документами, над проведением таких мероприятий, как благоустройство поселений, строительство дорог, каналов, пристаней и очистка рек. Он пришел к выводу, что пререкания и попытки замазать суть вопроса в палате представителей Соединенных Штатов проводятся по тому же трафарету, что и в иллинойском законодательном собрании.

Однажды вечером в библиотеке верховного суда Линкольн копался в книгах и документах. Когда пришла пора закрывать библиотеку на ночь, он сложил все непрочитанные книги, связал их большим цветным платком, просунул палку под узел, закинул

книги за спину и унес их к себе в пансион, чтобы там продолжать работу.

В апреле он написал жене: «Дорогая Мэри, в этом беспокойном мире мы никогда не бываем довольны. Когда ты была здесь, я думал, что ты мне мешаешь отдаться делу целиком, а теперь, когда я занят только делами и нет ничего отвлекающего, я потерял всякую охоту заниматься ими. Я ненавижу садиться за стол и переадресовывать бумаги, я ненавижу свое одиночество в этой ветшающей комнате… Допустим, в дальнейшем ты не будешь в своих письмах ко мне писать: «Достопочтенному»… Что думают Бобби и Эдди о коротких письмах отца к ним? Не дай им забыть отца, да будут они счастливы». Он подписывал свои письма к жене: «Любящий А. Линкольн», а она подписывалась: «Преданная вам М. Л.».

27 июля Линкольн в связи с предстоящими выборами президента заявил в палате: «Я надеюсь и верю, что если будет избран генерал Тейлор, он не наложит вето на поправку Уилмота… Но если будет избран генерал Касс, рабство обязательно распространится на захваченные территории». Линкольн прибегнул к резким сатирическим приемам, применяемым уличными ораторами, когда они выступают перед разношерстной толпой. Он подчеркнул, что генерал Касс в течение девяти лет выписывал себе ежедневно десять казенных продовольственных рационов стоимостью 730 долларов в год. «Он выказал удивительные способности в еде. С октября 1821 года до мая 1822 года он съедал десять рационов в день в Мичигане, десять рационов здесь, в Вашингтоне, и почти на пять долларов в день в пути между этими двумя пунктами. Мы можем говорить о великом открытии, сделанном генералом Кассом: он нашел способ получать деньги за съеденное им, вместо того чтобы платить за всю эту еду… Мистер председатель, мы все слышали о животном, стоявшем в нерешительности между двумя стогами сена и сдохнувшем от голода. Этого никогда не случится с генералом Кассом; поставьте эти стога на расстоянии тысячи миль один от другого, генерал будет стоять между ними и есть от обоих сразу и прихватит еще зелененькую травку между ними». В заключение Линкольн рассказал анекдот, и, как сообщила балтиморская газета «Американ», палата ревела от хохота.

В феврале мексиканская война кончилась договором: Нью-Мексико и северная часть Калифорнии были аннексированы США; по нижнему течению Рио Гранде, от устья до Эль Пасо, легла новая граница Техаса. За приобретенную территорию США обязались уплатить Мексике 15 миллионов долларов. Калгун, Дэвис и Рэт открыто пытались организовать выход южных штатов

из Союза. На Севере большой силой стала новая партия фрисойлеров, которая выдвигала кандидатом бывшего президента, демократа Мартина Ван Барена. Их платформа отстаивала «права свободного труда против произвола рабовладельческого государства», дешевый почтовый тариф и главное — «дарственную землю» обрабатывающим ее поселенцам. Их лозунг гласил: «Свободная, то есть бесплатная, земля, свобода слова, свободный труд и свободные люди». Аболиционисты-виги и демократы нескольких штатов валом валили в новую партию, говоря, что теперь есть программа, за которую стоит бороться, между тем как виги и демократы в своих партийных платформах всего остерегались, всегда колебались и ничего конкретного не предлагали по любому актуальному вопросу.

Линкольн, Стифенс и другие создали группу под названием «Молодые индейцы». Они возглавляли всех тех, кто видел в Захарии Тейлоре единственного кандидата, который должен победить на ближайших выборах.

Виги в Иллинойсе по-прежнему, придерживались политики: «Поочередность — самая честная игра», и поэтому Линкольн не выставил свою кандидатуру в конгресс.

В штаб-квартире национального комитета партии вигов Линкольн был занят отправкой и оплатой писем, помогал выпускать газету вигов «Батарея», издавал литературу для различных кампаний, писал политические воззвания. Его послали в Новую Англию, где ему предстояло выступить против фрисойлеров, ставших грозной силой. 12 сентября в Вустере, Массачусетс, он заявил, что Тейлор «как раз тот человек, которому можно спокойно доверить интересы, принципы и благополучие страны», а программа фрисойлеров была в общем похожа на кальсоны, которые продавали разносчики-янки: «Достаточно велики для любого мужчины, достаточно малы для любого мальчика». Он выступил в Нью-Бедфорде, Бостоне, Челси, Кембридже. Один молодой виг писал по поводу его выступления в Дедгаме: «…Линкольн подвернул рукава своего альпагового сюртука, затем подвернул манжеты сорочки. Спустя некоторое время он распустил галстук и вскоре снял его совсем. Он заворожил свою аудиторию. Я никогда не видел такого восторга у мужчин. У него был самый фамильярный и бесцеремонный стиль».

Тонтонский репортер писал: «Его неуклюжие жесты, нелепые интонации голоса, комическое выражение лица — все приводило к тому, что слушатели хохотали от одного лишь предвкушения анекдота еще до того, как он начинал его рассказывать».

В двухчасовой речи в Чикаго, где Линкольн выступил за

список вигов, в судебный зал набилось столько народу, что пришлось перенести митинг на городскую площадь. О его двухчасовом выступлении в Пеории «Демократик пресс» писала: «Мистер Линкольн усиленно сморкался, дергал головой, отбрасывал фалды фрака и устроил колоссальное извержение шума и ярости. Накануне дня выборов он выступил в десяти иллинойских городах за список вигов и везде доказывал, что голосовать за бюллетень фрисойлеров все равно, что отдать голоса генералу Кассу. Что касается стремления правительства США захватить побольше земли, то это напоминает одного фермера, который говорил: «Я не жадный; я хочу прибрать к рукам только ту землю, которая лежит рядом с моей».

Результаты голосования (за исключением Южной Каролины, где законодательное собрание избирало выборщиков) показали популярность Тейлора. Он получил 1360 752 голоса, Касс — 1 219 962, Ван Барен — 291 342.

В своей спрингфилдской конторе Линкольн занимался изобретательством; он строгал и отделывал модель парохода с «регулируемыми плавучими воздушными камерами… скользящими реями», снастями и блоками. Он как-то видел пароход, застрявший на песчаной отмели реки Детройт; при помощи бочек, бочонков и ящиков, подведенных под корабль, его сняли с отмели. Линкольн закончил модель парохода, описал систему его работы и в следующем году запатентовал свое предложение.

В палате он часто выступал с краткими, выдержанными в умеренном тоне речами в пользу лучшего устройства рек и причалов за счет федеральных средств, за более щедрую политику в вопросе наделения поселенцев государственной землей; неизменно он голосовал за более свободное управление в Калифорнии и Нью-Мексико и, когда представлялась возможность, за поправку Уилмота. Он часто голосовал и против радикальных, слишком прямолинейных предложений аболиционистов, требовавших немедленного, безоговорочного освобождения негров в округе Колумбия.

Он предлагал запретить ввоз новых рабов на постоянное жительство в округе Колумбия, за исключением «необходимых слуг» государственных чиновников, прибывающих временно из рабовладельческих штатов. Начиная с 1 января 1850 года все дети, рожденные негритянками, должны получить свободу, должны получать «в пределах разумного образование и поддержку» со стороны владельцев их матерей, и, со своей стороны, дети до определенного возраста должны оказывать «услуги в пределах разумного» таким владельцам. Принятие этих

двух предложений: запрещение ввоза новых рабов и установление, что все дети, рожденные от рабынь, должны стать свободными (и имея в виду, что все рабы, живущие в районе, со временем неизбежно умерли бы), должно было подвести к определенному, поддающемуся» исчислению дню, когда рабство исчезло бы здесь само собой.

Одна поправка принесла ему много неприятностей не только в тот период, но и в течение ряда последующих лет. Он предлагал, чтобы вашингтонские власти имели «право и обязанность» арестовать и отправить владельцам «всех беглых рабов, скрывающихся в упомянутом районе».

Разгневанные фрисойлеры, встревоженные виги и демократы, аболиционисты и защитники рабства схватывались в ожесточенных спорах, а Линкольн молчал. Он выжидал.

Он взялся за письма и в течение ряда месяцев направлял президенту или начальнику департаментов просьбы о назначении того или иного вига на различные должности. Он добился назначений для нескольких старых друзей, но у него появились и враги.

7 марта Линкольн, получив разрешение выступать в верховном суде США, взялся за защиту апелляции, поступившей из иллинойского суда, и проиграл дело.

Он вернулся в Спрингфилд и много месяцев подряд проводил бешеную, хитрую кампанию: писал письма, созывал конференции, заводил политические интриги, направленные на получение для себя или для какого-нибудь другого иллинойского вига назначения на пост комиссара Главной земельной конторы в Вашингтоне с окладом 3 тысячи долларов в год. В первых числах июня он многим писал: «Согласны ли вы с тем, чтобы я или любой другой иллинойсец получил Главную земельную контору? Если вы «за», напишите мне об этом в Вашингтон, куда я скоро приеду. Медлить нельзя».

Когда же государственный секретарь Джон М. Клейтон 10 августа 1849 года известил Линкольна, что он Назначен секретарем территории Орегон, Линкольн ответил: «Я почтительно отклоняю назначение», но добавил, что он будет весьма обязан, если эта должность будет предоставлена Симеону Френсису, редактору старейшей ведущей газеты штата.

2. Снова дома в Спрингфилде

Вернувшись в Спрингфилд, Линкольн возобновил свою адвокатскую деятельность. Чувство юмора не оставляло его, и он следовал совету, который он сам когда-то дал Спиду: когда огорчен, лучшее лекарство — работа. Он был прирожденным адвокатом и любил юриспруденцию. Линкольн изъездил 8-й округ, оставаясь в главном городе каждого графства от двух дней до двух недель. Он знакомился с людьми, с их семьями, интересовался их работой, кухнями, амбарами, полями, церквами, школами, гостиницами, пивными, вникал в религиозные убеждения.

В феврале 1850 года умер его четырехлетний сын Эдвард. Мать очень убивалась, и на Линкольна пала трудная доля утешить сломленную горем жену.

Линкольны уплатили за место в церкви; миссис Линкольн причастилась и стала членом церковной общины. Когда Линкольну предложили последовать примеру жены, он сказал, что не видит в этом необходимости.

Близкие друзья, такие, как Герндон и Матэни, видели в Линкольне некоего язычника, — ведь он заявлял, что не может понять, почему библия есть божье откровение или как это Иисус является сыном бога. Однако Линкольн внимательно читал библию от корки до корки, знал наиболее распространенные цитаты, притчи, псалмы; он часто цитировал библию в своих выступлениях перед присяжными заседателями, в речах, в письмах.

В течение 1850 года Линкольн читал в газетах и «Конгрешнл глоб» об опасных, драматически "бурных событиях политической жизни Вашингтона. Целостность Союза не раз висела на волоске, и только случайные обстоятельства спасали Союз от распада. В сенате и палате представителей раздавались угрожающие крики, люди потрясали кулаками. Сенатор из Миссисипи Фут обозвал сенатора Миссури Бентона клеветником и лжецом. Бентон двинулся на Фута, который выхватил револьвер и взвел курок. Бентон откинул борта сюртука, обнажил грудь и крикнул: «Я считаю ниже своего достоинства носить оружие. Пусть стреляет! Прочь с дороги, пусть убийца стреляет!» Сенаторы вмешались, отобрали у Фута револьвер, и дебаты возобновились.

Последним законопроектом, который вызвал наиболее яростные возражения и споры, был новый «Закон о беглых рабах»: негр, в отношении которого есть обвинение, что он беглый раб, не может быть судим с участием присяжных заседателей и не имеет

права давать показания; право решать вопрос о том, является ли такой негр действительно рабом, получает федеральный чиновник, и, если он высказывается в пользу негра, чиновник получает 5 долларов, но если он решает в пользу рабовладельца, гонорар увеличивается вдвое; лица, помогающие беглому негру, подлежат штрафу и тюремному заключению.

Даниэл Вебстер 7 марта выступил с трехчасовой речью; галереи были переполнены. «Отделение?! Мирное отделение?!. Расчленение нашей огромной страны якобы без потрясений?!. Мирное отделение немыслимо!»

Президент Тейлор сказал южным вигам — Тумбсу и Стифенсу: «Если вы восстанете против Союза и мы вас захватим в плен, я вас повешу с меньшими колебаниями, чем в свое время вешал шпионов и дезертиров в Мексике». Сенатор Дуглас маневрировал, выступая против открыто выраженных угроз отделиться, и ратовал за республику от океана до океана.

Большинством в одну треть голосов был принят компромиссный законопроект. В Вашингтоне гремели пушки, пылали костры, улицы заполнили орущие демонстранты, процессии останавливались у домов Вебстера, Дугласа и других, произносились речи, записные пьяницы требовали, чтобы все патриоты в честь события напились по крайней мере до положения риз, и многие из них так и поступили. По всей стране установился своеобразный мир. Во многих семьях люди легче дышали и крепче спали, ибо угроза отделения и, возможно, войны была устранена.

В конце мая 1849 года Деннис Хэнкс сообщил Линкольну о болезни его отца Томаса Линкольна. Несколько дней спустя пришло письмо: опасность миновала, отец скоро поправится.

Когда спустя несколько месяцев пришло известие, что отец умирает, Линкольн в январе 1851 года написал своему сводному брату Джону Д. Джонстону:

> «…я не могу сейчас оставить семью, так как моя жена прикована болезнью к постели… всем сердцем надеюсь, что отец выздоровеет; во всяком случае, передайте ему, чтобы он помнил, надеялся и доверился нашему великому, благому и всепрощающему Создателю, — он не отвернется от него в любом крайнем положении… С божьей помощью все мы скоро встретимся с отцом там, куда он уходит».

Отец умер 17 января 1851 года; его единственный родной сын, перегруженный судебными делами, в том числе тремя в верховном суде США, не смог приехать на похороны.

От отца Авраам Линкольн унаследовал его остроумие. Местная газета сообщила, что однажды миссис Линкольн сказала: «Томас, мы с тобой прожили вместе много лет, но ты еще ни разу не сказал мне, кто тебе больше нравился — твоя первая жена или я». Томас ответил: «О Сара, это напоминает мне старого Джона Гардина из Кентукки. У него была прекрасная пара коней; однажды сосед зашел к нему и, любуясь конями, спросил: «Джон, какой конь тебе больше нравится?» Джон сказал: «Право, не знаю. Один из них брыкается, другой кусается, и я не знаю, какой из них хуже».

Четвертого своего мальчика, родившегося в 1853 году, Линкольны назвали по деду Томасом.

Прошло одиннадцать лет совместной жизни Линкольна и Мэри Тод. Вместе они склонялись над колыбелями четырех младенцев и над могилой одного.

Муж и жена познали сильные стороны и слабости друг друга. Он был в плену привычек, и бесплодны были ее попытки их нарушить. Ему нравилось читать, лежа на ковре гостиной на спине. Это у него вошло в привычку. Он обычно садился за стол без пиджака, ел, не видя, что он ест, — взгляд и мысли были где-то далеко. Она пыталась уговорить его не открывать самому дверь на каждый звонок, так как считала, что для этого есть слуга. Но он неизменно направлялся к входным дверям без пиджака, в ковровых туфлях и интересовался, зачем пришли. Однажды две чинные дамы пришли с визитом к миссис Линкольн; он попросил гостей войти, поискал жену и протяжно сказал: «Она сойдет, как только наденет парадную сбрую».

Когда жена вступала в пререкания с развозчиком льда, настаивая на том, что он берет слишком дорого, или когда она кричала Джону Мендонсу, что уплатит ему за корзинку ягод только 10 центов, ибо они никак не стоят 15, Линкольн мягко произносил: «Мэри», и всемерно старался уладить конфликт. Мэри сама шила свои платья и одежду для детей; он предоставил ей управлять домом. Миссис Линкольн как-то сказала: «Деньги?! Он мне никогда не дает денег; он вручает мне бумажник, и я беру сколько надо».

Герндон во многом осуждал ее, но и он отмечал: «Она была для мужа стимулятором в хорошем смысле слова. Она восставала против медлительности Линкольна, она требовала от него постоянной борьбы. Она хотела быть ведущей фигурой в обществе. Осознав, что возвышение Линкольна в мире политики может возвысить и укрепить ее положение, она всеми мерами старалась продвинуть дела мужа, заставляла его энергично действовать, чтобы стать популярным».

Генри Клэй умер в июне 1852 года. На собрании Американского колонизационного общества, посвященном памяти Клэя, Линкольн цитировал слова умершего: «Идея возвращения Африке ее детей имеет моральное основание. Их предки были оторваны от родной земли безжалостной рукой обмана и насилия. Теперь негры, вернувшись на родину, привезут обильные плоды религии, цивилизации, закона и свободы». Насколько безнадежным оказался этот план, Линкольн узнал на личном горьком опыте. На Юге жили 3 миллиона 204 тысячи рабов, оцененных в налоговых книгах более чем в полтора миллиарда долларов. Стояла проблема — заплатить за рабов, как за имущество, если бы это было возможно, и затем переселить их в Африку. Все же о реализации именно этого плана мечтали Генри Клэй и Линкольн.

Герндон писал, что Линкольн был «самым скрытным человеком», которого он когда-либо знал. Один из знакомых Линкольна, житель Данвилла, сказал: «Линкольн никогда не раскрывает своих замыслов». Адвокат, выступавший совместно с ним в суде, утверждал: «Никогда нельзя было знать, как Линкольн поступит». Друг Линкольна, адвокат, выразился так: «Линкольн безобиден, как голубь, и мудр, как змий», а другой добавил: «Он почтительно выслушивал все советы и редко, если вообще когда-либо, следовал им».

Герндон приходил в контору к восьми утра. Линкольн, когда бывал дома, появлялся к девяти. Герндон писал: «Первым делом он брал газету, ложился на старый диван, клал ногу на стул и читал вслух, чем очень мне мешал». Как-то Линкольн ему объяснил: «Когда я читаю вслух, два моих чувства подхватывают мысль: во-первых, я вижу, что читаю, во-вторых, я слышу прочитанное, что дает мне возможность лучше все запоминать».

В конторе они готовились к защите дел; Линкольн писал большую часть всех бумаг для представления в суд, а Герндон часто занимался кропотливыми поисками прецедентов и доказательств. Шелковый высокий цилиндр Линкольна был одним из рабочих аксессуаров адвоката: цилиндр исполнял функции стола, записной книжки, в нем хранились чековая книжка, письма, а за ленту засовывались записки.

Несмотря на кажущуюся безалаберность, фирма «Линкольн и Герндон» в 1850 году обслужила 18 процентов всех дел в суде графства Сэнгамон, в 1853 году — 34 процента, в 1854 году — 30 процентов. Их фирма считалась ведущей в городке с шеститысячным населением. У Герндона бывали приступы отвращения к юриспруденции. Однажды он написал: «Если вам нравятся истории убийств, изнасилований, мошенничества, тогда

адвокатская контора подходящее для вас место».

Компаньоны не вели бухгалтерских книг, деля гонорар поровну. Линкольн часто вкладывал деньги в конверт, писал на «ем фамилии клиентов и добавлял: «половина Герндона».

Герндону туго приходилось, когда по воскресным дням Линкольн приводил в контору своих мальчиков Вилли и Теда; ребята вытаскивали книги с полок, опрокидывали бутылки с чернилами, стреляли карандашами в плевательницу. А Линкольн работал за своим письменным столом, как будто, кроме него, никого в конторе не было.

Как-то Джошуа Спид сказал, что у Линкольна быстрый ум, но тот отрицал это: «Я с трудом запоминаю, но зато потом уже не забываю… Мой мозг как кусок стали — на нем трудно сделать царапину, а потом почти невозможно стереть ее».

Линкольн всегда помнил своих клиентов, их глаза, лица, голоса: целая семья, раздраженная завещанием и добивающаяся объявления его недействительным; мужчина, ударивший другого ножом в глаз; клиент, обвиненный в непредумышленном убийстве и приговоренный к восьми годам каторжных работ; другой клиент, одноногий ветеран мексиканской войны, признанный виновным в ограблении почты на 15 тысяч долларов и приговоренный к десяти годам.

В графстве Де Витт Линкольн защищал девять женщин, обвиненных в нарушении общественного порядка; на суде присутствовало более ста женщин. Они потребовали от кабатчика закрыть свой бар, и когда он не подчинился, женщины разбили бочонки и бутылки; обвиняемые не оставили ни капли виски для продажи. Присяжные заседатели признал» их виновными, но судья отпустил их, наложив на каждую штраф в 2 доллара.

Однако большей частью дела были банальными: вопросы имущественные и платежные, о земельных участках, долговых обязательствах, банкротствах, о возмещении убытков, выкупе закладных, лишении права выкупа закладной, о выселениях.

На митинге в Спрингфилде Линкольн написал резолюцию, выражавшую сочувствие Кошуту и венграм, восставшим против надменной и жестокой монархии. В своих записках, предназначенных для возможного использования, Линкольн писал об «обществе равных», в котором каждому предоставлялись одинаковые права.

Он узнал, что южане утверждают: на Юге рабам живется лучше, чем наемному рабочему на Севере. Линкольн сказал, что «у нас нет постоянного класса наемных рабочих. Двадцать пять лет тому назад я был наемным рабочим. Вчерашний наемный рабочий сегодня стал хозяином и завтра сам будет нанимать

рабочих, чтобы трудились в его интересах… Много томов было написано, чтобы доказать, какая замечательная штука — рабство. Но мы еще ни разу не слышали, чтобы кто-нибудь пожелал воспользоваться привилегиями раба и попросился в невольники… Труд — повседневное бремя нашей расы. Огромное, постоянное проклятие общества в том, что некоторые стараются переложить бремя труда со своих плеч на плечи других».

Линкольн разбирался в происходивших в стране переменах. Он видел, как граница цивилизации передвигалась все дальше на запад. Он видел, как Сент-Луис со своими 5 тысячами жителей за двадцать лет превратился в город с населением в 74 тысячи, а в Спрингфилде количество жителей с 700 увеличилось до 6 тысяч. Поток людей в Иллинойс шел из Европы: немцы, ирландцы, англичане — десятками тысяч. Четырнадцать пароходов, затертых льдами на Миссисипи вблизи Кайро зимой 1854 года, привезли 2 тысячи немецких и ирландских иммигрантов.

В период между 1850 и 1860 годами население страны увеличилось с 23 до 31 миллиона, что превышало на 2 миллиона население Великобритании. За десять лет из-за океана приехало 2 миллиона 600 тысяч; в отдельные годы количество иммигрантов достигало 400 тысяч человек. Городишки густо возникали в прериях, где до того резвились суслики да зайцы.

Рост населения Америки тесно связан был с событиями в Европе. В Америку стремились мужчины, женщины, дети, испытавшие на себе трудный 1848 год, когда баррикады и батальоны революционеров возникли на всем пространстве от Лондона до Москвы, от Пруссии до Сицилии.

В Англии поднялось чартистское движение. Семнадцать тысяч полицейских в Лондоне и войска переданы в распоряжение не кого иного, как герцога Веллингтона, победителя Наполеона. Англия пускает в ход оружие и против сикхов в далеком Афганистане и против негритянских племен в Южной Африке. Одновременно англичане захватывают поселения буров.

Англия ищет новые территории, новые рынки и контингенты потребителей для продукции своей мощной текстильной промышленности. Британский пароход расстреливает встретившиеся на его пути 13 китайских джонок. Англия блокирует порты Бирмы; английские штыки заполонили террасы Великой Пагоды в Рангуне, над ее священным куполом развевается воинское знамя победителей.

Когда русский царь пытается утвердиться в Константинополе, британская армия и флот совместно с союзными войсками воюют в Крыму. Повсюду Англия бронированным кулаком расчищает пути для пароходов с грузами текстильных фабрик Манчестера и

Ланкастера.

И когда периодически текстильные фабрики вынуждены уменьшать выпуск продукции, тысячи рабочих выбрасываются на улицу. Их манят дешевые земли прерий Америки, где плодородный слой бывает толщиной в шесть футов.

Французская февральская революция 1848 года нашла отклик во всех странах Европы. Короли, императоры, цари и султаны помогают друг другу деньгами, оружием, войсками. Тысячи восставших рабочих захватывают Париж и Вену.

Когда весть о парижских баррикадах доходит до царя Николая, он мобилизует армию и издает манифест, заканчивающийся словами из пророка Исайи: «Внемлите, язычники, и покоритесь, ибо с нами бог». В Италии и Венгрии правительства исчезают, как фигуры на шахматном поле сражения. Становятся знаменитыми имена Гарибальди, Мадзини, Кошута.

Этот калейдоскоп событий, неустойчивость положения заставляют сотни тысяч бездомных, безземельных крестьян, рабочих Англии, Ирландии, Германии, Италии, Франции продавать своих поросят и птицу, копить деньги, одалживать у родных и друзей в Европе и Америке, чтобы уехать в страну удивительных возможностей.

В конгресс вносится законопроект, согласно которому любой белый, обрабатывавший 160 акров свободной земли на Западе в течение пяти лет, получает эту землю в собственность бесплатно. Но богачи конгрессмены добиваются внесения поправки: за землю должно платить.

Власть имущие ухитряются повернуть дело так, что в течение двадцати лет, в период между 1840–1860 годами, из почти 270 миллионов акров государственных земель правительство продает лишь около 70 миллионов. Остальные земли раздаются крупным компаниям. Только одна железнодорожная компания получает бесплатно два с половиной миллиона акров земли и в последующие семь лет продает половину этого массива за 14 миллионов долларов.

Философы, фермеры, мастеровые требуют принятия закона о бесплатной земле для тех, кто ее фактически обрабатывает. Но промышленники проваливают этот закон они боятся, что бесплатная земля на Западе отвлечет слишком много рабочих с фабрик и заводов и придется увеличить заработную плату. Крупные землевладельцы Севера и Юга также противятся этому закону.

Эмбрион гигантской индустриальной и транспортной цивилизации растет и набирает силу.

Общество рвет путы, связывающие его с кустарным производством феодального строя, родившего в своих недрах капитал и капиталистов. Приходит конец феодальному обществу, всем этим широким штанам до колен, шелковым мужским чулкам и серебряным коробочкам с нюхательным табаком. Их место занимают брюк», сюртуки, цилиндры и гаванские сигары. Финансисты и промышленники становятся хозяевами стран, в которых господствуют белые расы.

Появляются усовершенствованные сельскохозяйственные машины, дающие возможность одному фермеру работать за десятерых.

В Англии Бессемер ищет способы усовершенствования артиллерии; он находит метод дутья, превращающий чугун в крепкую сталь, которую он может продать на 100 долларов дешевле любой другой стали такого же качества. Бессемеровский процесс вскоре осваивают в Америке, и вся продукция из стали сразу дешевеет.

Удивительные вести приходят из Калифорнии: в течение одной недели десятеро мужчин намывают золота на миллион долларов. Городская управа в Сан-Франциско немедленно прекращает свое существование, закрываются церкви, пустеют редакции газет, матросы бросают корабли, коки и солдаты дезертируют: все несутся сломя голову к золотым приискам, где одна лопата песку приносит тысячи долларов.

Затем эта дикая паника кончается. Первоначальная, всеохватывающая золотая лихорадка уходит в прошлое. Убийцы, воры, мошенники захватывают власть в Калифорнии и Сан-Франциско. Они подкупают губернаторов, контролируют их, так же как мэров, судей. Тогда 2 500 частных лиц организуют Комитет бдительных, проходят военную подготовку, учреждают свои суды. Игнорируя легально существующую администрацию, комитет вешает или высылает убийц, поджигателей, воров.

Проложены были трансконтинентальные железные дороги, строились океанские пароходы с железной обшивкой, на фабриках и заводах возводились силовые установки, а хозяева и управляющие становились новыми властителями мира. Между морским побережьем и Миссисипи носились «железные кони». Они возили свинину и зерно к фабричным городам на востоке страны, к кораблям, уходящим в Европу; товарные вагоны возвращались со швейными машинами, маслобойками, ножницами, пилами, стальными инструментами. Появились новые молотилки и жатки, паровые пожарные машины, газовое освещение, вращающийся цилиндрический пресс, вулканизация резины, фотография, начинали пользоваться анестезией.

Организовалась территория Канзаса. Южане, вооруженные ружьями, скакали из рабовладельческого штата Миссури, чтобы воевать за политический контроль с аболиционистами, приехавшими из Новой Англии. В эти годы в любую погоду Авраам Линкольн, сидя в своей расшатанной двухместной коляске, странствовал по прерии, углубившись, по всей вероятности, в водоворот своих мыслей, занятый попыткой разгадать грядущие события.

Линкольн купил книгу по логике, искал в ней способы исправлять ошибки и получать абсолютно правильные выводы из установленных фактов. В чужом городе во время выездной сессии суда, когда юристам приходилось останавливаться в гостинице по восемь-десять человек в одном номере, по двое на кровать, едва все засыпали, Линкольн зажигал свечу и читал Евклида.

Джон Т. Стюарт видел в Линкольне безнадежную жертву меланхолии. Генри К. Уитни, коллега Линкольна, писал: «Я… увидел Линкольна в углу; он сидел одиноко… охваченный унынием… его лицо омрачалось глубокими горестными переживаниями».

Однажды Герндон увидел Линкольна склоненным над листом бумаги, который он покрывал цифрами, знаками, геометрическими фигурами. Линкольн сказал Герндону, что хочет найти квадратуру круга. Два дня бился он над решением проблемы, затем, обессиленный, сдался.

Линкольн делал записи, из которых видно, что он пытался применить законы математики к отношениям между людьми: «Если А может решающим образом доказать, что он имеет право поработить Б, почему же Б не может подхватить этот же аргумент и также доказать, что он имеет право поработить А? Вы говорите, что А белый, а Б черный. Следовательно, это вопрос цвета: более светлый имеет право поработить более темного? Остерегайтесь. Согласно этому закону вы станете рабом первого встречного, у которого кожа светлее вашей. Вы хотите сказать, что дело вовсе не в цвете? Вы имеете в виду, что интеллектуально белые стоят выше черных и поэтому они вправе сделать черных рабами? Повторяю: остерегайтесь. По этому закону вы станете рабом первого встречного, который интеллектуально выше вас. Но вы утверждаете, что это вопрос заинтересованности и если вам это выгодно, вы имеете право сделать рабом другого. Прекрасно. Но если он может доказать свою выгоду, то он имеет право поработить вас».

Он писал, что задача правительства «сделать для народа все необходимое, то, чего люди не могут сделать личными усилиями, в одиночку», а именно, «строительство и поддержание в порядке

дорог, мостов и т. п.; обеспечение малолетних и больных; начальное образование; распоряжение имуществом умерших». Необходимы военные и гражданские министерства. «Раз находятся люди, которые убивают, избивают, отнимают у других имущество силой или посредством обмана или не выполняют договоров, то общая задача мирных и справедливых людей препятствовать им в этом».

Любезно, деликатно, но твердо Линкольн сказал своим сторонникам, которые хотели выставить его кандидатуру в члены законодательного собрания штата или конгресса, что он против этого.

3. Неугомонная, растущая Америка

По огромным равнинам двигались вереницы повозок с земледельцами. Тысячи фургонов устремились на земли Айовы. За одну неделю железные дороги привезли в Чикаго 12 тысяч иммигрантов. Завод Маккормика продал в 1854 году 1 558 сельскохозяйственных машин и запланировал выпуск 3 тысяч машин в следующем году. Только иммигранты из Ирландии за три года послали своим семьям на родину 15 миллионов долларов. Неугомонная, молодая, растущая Америка шла к будущему.

Успокоение, которое принес Миссурийский компромисс 1820 года, нарушалось бесконечными протестами аболиционистов против закона о беглых рабах. Случай с рабом Антони Бернсом потряс всю страну. Он убежал с плантации в Виргинии, спрятался на корабле, шедшем в Бостон, был арестован и по решению федерального комиссара подлежал отправке обратно в Виргинию. Толпа под предводительством священника ворвалась в зал суда и пыталась выручить Бернса. В схватке с федеральными чиновниками был убит заместитель судебного исполнителя. Закрыли магазины, окна и двери домов задрапировали черным, толпы стояли шпалерами на улицах, когда осужденный негр шел к кораблю, который должен был отвезти его в Виргинию. Одного-единствен-ного раба эскортировал отряд из драгунов, морской пехоты, артиллерии с заряженными пушками, 12 рот пехоты, 120 личных друзей убитого чиновника с обнаженными саблями и заряженными пистолетами. Вся эта история обошлась правительству в 40 тысяч долларов.

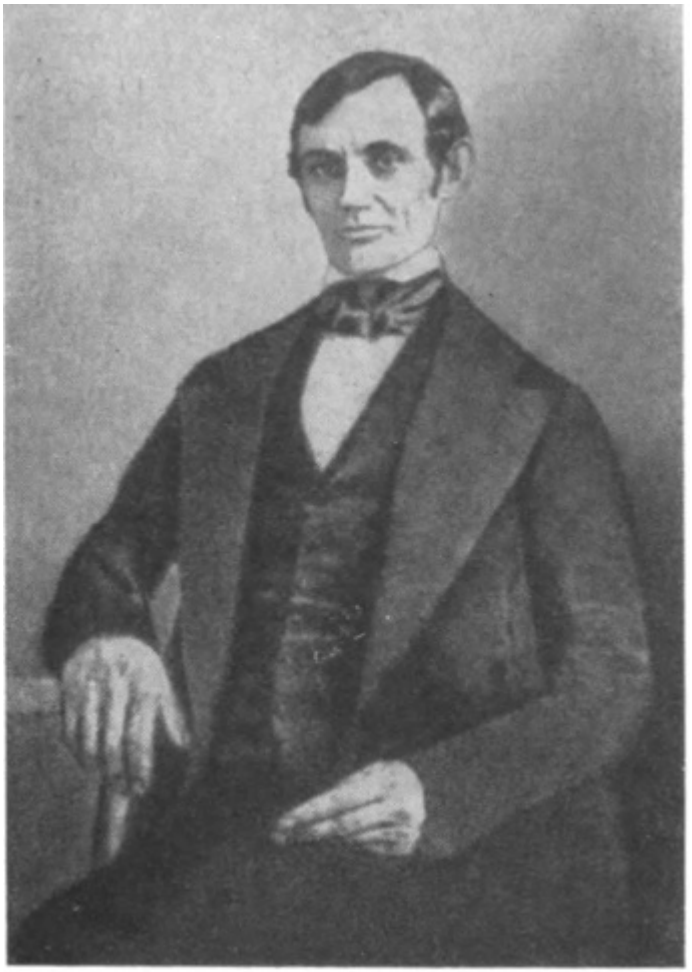
Подобные инциденты, но менее драматические, происходили повсюду. В Чикаго беглый раб выскользнул из судебного зала через окно, и когда федеральный комиссар спросил: «Где арестант?», ему в ответ последовало: «Община приняла его в свое лоно».

В этой напряженной обстановке лидером демократической партии стал Дуглас. Партийная молодежь выдвинула его в 1852 году кандидатом в президенты. Ему было всего тридцать девять лет, когда на съезде демократической партии он получил, правда при 31-й перебаллотировке, больше голосов, чем другие кандидаты. Он поселился в Чикаго, купил там за несколько долларов участок земли и продал небольшую его часть за 80 тысяч долларов. После этого он подарил 10 акров Чикагскому университету. Он был тесно связан с кругами, весьма заинтересованными в строительстве железной дороги к Тихому

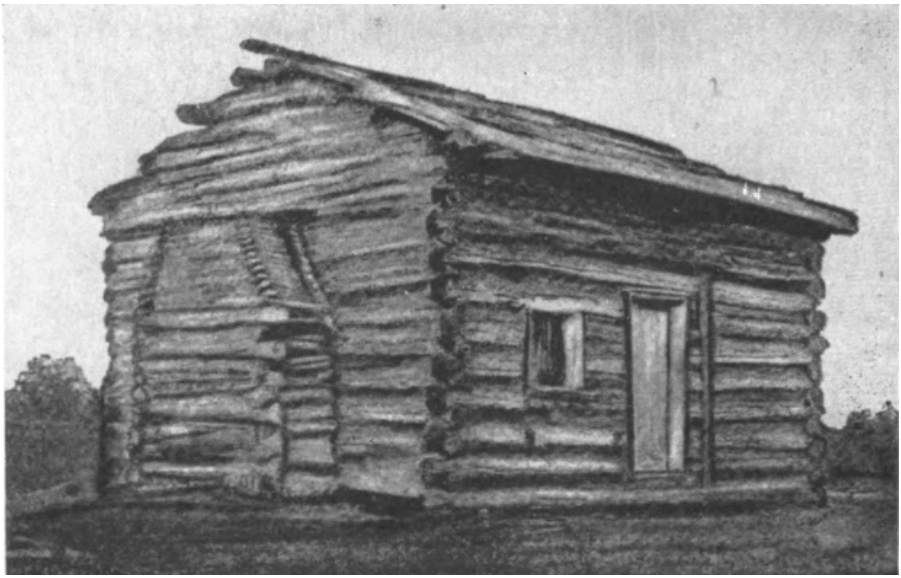
океану. В результате его настойчивости была построена линия от Великих озер к Мексиканскому заливу; Иллинойская центральная железная дорога отблагодарила его, предоставив служебный вагон в его пожизненное бесплатное пользование.

В начале 1853 года, после смерти жены, в тяжелом настроении, Дуглас уехал за границу — побывал в России и на Ближнем Востоке. Через несколько месяцев вернулся прежний Дуглас, любивший при встрече со старым коллегой или начинающим работником избирательного округа положить ему руку на плечи и сказать, словно другу: «Вы… на вашу помощь я рассчитываю!»

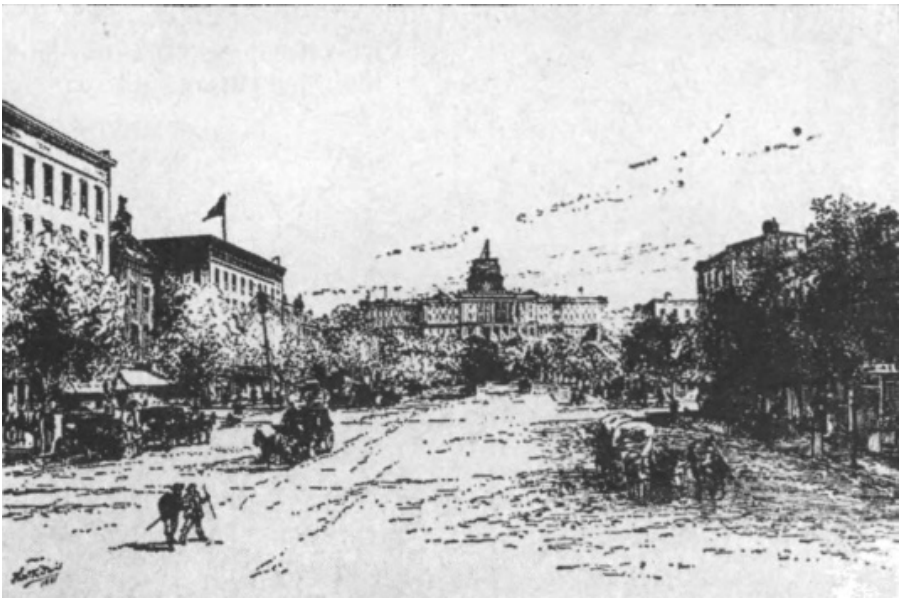
Обливаясь потом, усиленно работая, он направлял, проводил и, наконец, пропихнул в конгрессе законопроект, который потом стал известен как «билль Канзас — Небраска». Этот закон создавал два новых штата: на юге — Канзас, на севере — Небраску. В каждом новом штате избиратели должны были решить — быть ли их земле свободной или рабовладельческой. В те времена Небраска охватывала огромное пространство, включавшее в себя полностью или частично земли будущих штатов — собственно Небраски, а также Северной и Южной Дакоты, Вайоминга и Монтаны. Конгрессмены-южане настояли и добились поправки, которая отменяла священный, неприкосновенный доселе Миссурийский компромисс; граница, проложенная этим компромиссным законом между свободными и рабовладельческими штатами, была стерта.



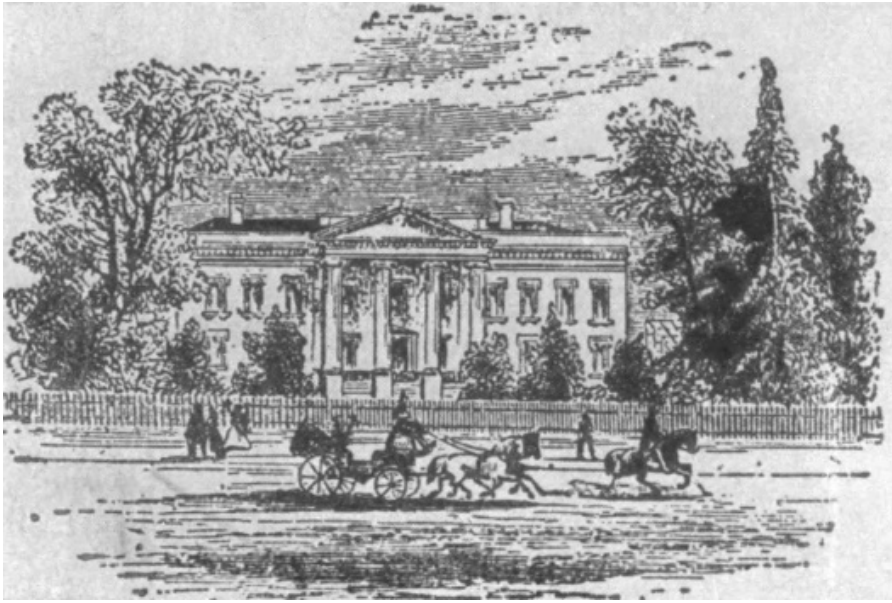
Самый ранний портрет А. Линкольна — дагерротип 1848 года.



Хижина, в которой родился А. Линкольн (реконструкция).



Вашингтон. Пенсильвания-авеню.



Вашингтон. Белый дом.

По мере того как известие о принятии «билля Канзас — Небраска» распространялось по стране, во многих штатах возникали такие вспышки народного гнева, высказывалось столько разноречивых мнений, разбушевались такие страсти, какие на памяти старожилов не вызывались до тех пор ни одним политическим событием или идеей. Линкольн встряхнулся, как будто «его разбудил набатный звон в ночи».

В Новой Англии 3 050 священнослужителей подписали меморандум сенату: «Во имя всемогущего Бога и в его присутствии», мы «торжественно протестуем против принятия… Небраска-билля». Несколько старейших лидеров в Иллинойсе заявили, что они антинебраскинцы. Во время поездки в Иллинойс Дугласу видно было из окна вагона, как толпы людей сжигали чучела с его именем. В Огайо группе женщин удалось преподнести ему 30 сребреников. В Чикаго, на площади перед зданием Северного рынка, 1 сентября жарким вечером Дуглас бросил вызов своим противникам. Восьмитысячная толпа прерывала его речь вопросами, шипением, стонами, мычанием, мяуканием. Улюлюканье и вой продолжались до тех пор, пока Дуглас не вынужден был посмотреть на свои часы, водрузить цилиндр на голову и ретироваться.

Среди тех, кто руководил обструкцией, были «ничего-не-знающие» члены тайного «Ордена Знамени, усеянного звездами». Когда спрашивали о целях общества, члены его отвечали: «Я ничего не знаю». Каждый член ордена давал клятву, что он

никогда не отдаст свой голос иммигранту или католику. Их лозунгами были: «Америка должна управляться американцами» и «Нет места папистам в республике». Среди миллионов немецких и ирландских иммигрантов было много католиков; в городах они стали большой силой и часто отдавали свои голоса демократам, таким, как Дуглас.

Две католические церкви в Массачусетсе были разрушены и разграблены, монастырь сожжен. Двухтысячная процессия протестантов в Ньюарке, в штате Нью-Джерси, сошлась в драке с толпой ирландцев. В результате был один убитый и много раненых. Буйствующие «ничего-не-знающие» разгоняли демонстрации ирландцев.

В конце года «ничего-не-знайки» удивили страну тем, что им удалось выбрать своих мэров в Филадельфии и Вашингтоне. В союзе с фрисойлерами и бывшими вигами они добились в Массачусетсе большинства в 63 процента голосов и избрали «ничего-незнайку» губернатором штата. Законодательное собрание также было в их руках. Линкольн публично не высказывал своего отношения к «ничего-не-знающим», но когда они обратились к нему, он заявил, что настоящими природными американцами были краснокожие с томагавками и в заплатанных штанах. «Мы их согнали с их земли, а теперь набрасываемся на тех, кому не привелось приехать с нами или с нашими дедами». Ой рассказал, как однажды спросили ирландца, почему он не родился в Америке. Последовал ответ: «Клянусь честью, я хотел этого, но мама не дала мне».

В день ярмарки штата в Спрингфилде тысячи противников и сторонников Дугласа собрались в прохладный вечер 2 октября, чтобы послушать его. Он стоял на крыльце, факелы освещали его лицо. Глаза его сверкали, губы дрожали.

— Я вам говорю, что не пришло еще время, чтобы кучка изменников в нашем стане обратила великий штат Иллинойс со всеми его славными традициями и историей в негро-обожающее, равноправное с неграми общество.

На следующий день Дуглас говорил три часа в Стейт-хаузе. «Если народ Канзаса и Небраски в состоянии управлять собой, они в состоянии управлять и несколькими жалкими неграми». Толпе эти мысли понравились; раздались крики: «Правильно!», «Дай им еще!» Линкольн утешал красивую молодую аболиционистку:

— Успокойтесь, леди. Завтра мы повесим шкуру Дугласа сушиться на заборе.

Назавтра Линкольн выступил перед той же аудиторией.

— Везде, где. существует рабство, оно было введено

незаконно… Когда южане говорят, что они в ответе за введение рабства не больше, чем мы, я признаю этот факт. Когда говорят, что этот обычай существует давно и что очень трудно от него избавиться так, чтобы удовлетворить всех, я могу это понять и оценить. Я, конечно, не буду обвинять их за то, что они не поступают так, как нужно, раз я сам не знаю, как нужно поступить… Что дальше? Освободить негров? Уравнять их политически и социально с нами? Мои личные чувства не допускают этого.

И все же, хоть он и не знал, как поступить с рабством в тех штатах, где оно было установлено и действовало, Линкольн был уверен, что будет несправедливо дать ему распространиться на север.

> «Так как вы не возражаете против того, чтобы я привез своего борова в Небраску, — говорил он, — следовательно, я не должен возражать против того, чтобы вы ввезли своего раба. Я допускаю, что это абсолютно логично, если бы не было разницы между свиньями и неграми».

Двенадцать дней спустя в Пеории он повторил свою речь перед многотысячной аудиторией, переписал ее для печати, и она стала широко известна как «пеорийская речь».

На выборах в октябре 1854 года избиратели антинебраскинцы всех оттенков — бывшие виги и демократы, «ничего-не-знающие», фюзионисты (сторонники слияния политических партий) — добились сенсационной победы. Их объединение в Пенсильвании избрало в конгресс 21 антинебраскинца; сторонникам Небраска-билля удалось получить только 4 места. Антинебраскинцы победили в Мэне, Айове, Вермонте и других штатах. В Огайо были избраны все антинебраскинцы, а в Индиане только двое сторонников билля попали в конгресс.

Линкольн в своей речи в Пеории упомянул об этом огромном, сокрушительном разгроме и подчеркнул, что это результат перемены в общественном мнении народных масс.

На митингах в Рипоне, Висконсине и Джексоне, в штате Мичиган, противники распространения рабства, члены различных партий приняли решение об организации новой партии, которая объединила бы всех антинебраскинцев под одним знаменем — «Наше содружество будет известно как «республиканское». На съездах в Висконсине и Вермонте это название было утверждено.

Созданная в 1854 году новая республиканская партия была комбинацией из аболиционистов, руководимых Ловджоем, ортодоксальных вигов под руководством Линкольна, Ейтса и

других, а также из бросивших демократическую партию деятелей во главе с Памером, Джадом и другими. В октябре 1854 года Грили писал: «Мы считаем партию вигов несуществующей».

Группа радикальных аболиционистов собралась в Спрингфилде, чтобы организовать республиканскую партию в Иллинойсе. Герндон поднялся, подошел к Линкольну и сказал: «Уходите сейчас же домой… Поезжайте куда-нибудь и задержитесь там, пока эта история не кончится». И Линкольн уехал на своей одноконной коляске. Герндон записал: «Из политических соображений ему не следует занимать сейчас слишком радикальную позицию. С другой стороны, так же опасно было бы отказаться выступить с речью за аболиционистов». Несколько позже, когда Линкольна выдвинули кандидатом в члены центрального комитета новой республиканской партии штата, он отказался от этой чести, мотивируя отказ тем, что решение принято в его отсутствие; он и на собрания республиканцев долгое время не ходил.

В конце 1854 года Линкольн разослал много писем примерно одного содержания: «Я вбил себе в голову, что нужно мне попробовать стать сенатором Соединенных Штатов; если бы вы меня поддержали, мои шансы стали бы лучше». В феврале 1855 года Линкольн получил 45 голосов. Набери он еще шесть голосов, он стал бы сенатором. При перебаллотировке он получил уже только 15. Наступила минута, когда Линкольн увидел, что если он будет держаться за свои 15 голосов, пройдет сторонник Дугласа, демократ-небраскинец. Линкольн попросил своих стойких приверженцев отдать голоса Лайману Трамбулу, антинебраскинцу, сбежавшему из демократической партии. Десятая перебаллотировка принесла победу Трамбулу. Этот тактический шаг сделал многих друзьями Линкольна.

Миссис Линкольн наблюдала за ходом выборов с галереи и была рассержена тем, что ее муж потерпел поражение. Джулиа, жена Трамбула, была подружкой на ее свадьбе; они совместно писали стихи и письма в «Сэнгамо джорнэл», но после той ночи, когда Трамбул был избран сенатором, миссис Линкольн никогда больше не разговаривала с Джулией и отказалась принимать ее у себя.

Линкольн писал Спиду: «Я теперь занимаюсь только одним — работаю против распространения рабства. Я не считаю себя «ничего-не-знающим». Это определенно. Как я могу им быть? Как может кто бы то ни было, ненавидящий угнетение негров, одобрять унижение целых прослоек белых? Мы стремительно вырождаемся. Как нация, мы начали с декларации, что «все люди рождены равными». На практике теперь мы произносим ее так:

«Все люди рождены равными, кроме негров». Если «ничего-не-знающие» добьются власти, то декларация будет читаться так: «Все люди рождены равными, кроме негров, иммигрантов и католиков». Если это случится, я предпочту уехать в какую-нибудь страну, где не притворяются свободолюбивыми, — в Россию, например, где деспотизм можно принять в чистом виде без низкопробной примеси лицемерия».

Полли, свободная негритянка в Спрингфилде, пришла со своим горем к Линкольну и Герндону. Ее сын работал на пароходе. У него не оказалось документов, подтверждавших, что он свободен. Сына арестовали. Адвокаты обратились к губернатору Матесону, но тот сказал, что бессилен что-либо сделать. Линкольн, Герндон и другие пустили подписной лист, собрали деньги на уплату за содержание негра в тюрьме, и сын Полли вернулся к ней.

В августе 1855 года Линкольн писал Оуэну Ловджою: «Даже вы не так страстно, как я, стремитесь предотвратить распространение рабства. И все же политическая атмосфера сейчас такова, что я боюсь сделать хоть шаг из боязни ошибиться». «Ничего-не-знающие» могли пригодиться для борьбы с демократами — сторонниками «билля Канзас — Небраска». «Что касается наших дел, то «ничего-не-знающие» в большинстве своем мои старые политические и личные друзья; я надеялся, что их организация распадется без мучительной для меня необходимости открыто выступить против них».

Сенатор Чарльз Самнэр от Массачусетса бичевал сенатора от Южной Каролины Эндрю П. Батлера: «Он избрал себе в любовницы… особу, противную для других, но всегда любезную его сердцу: я имею в виду проститутку — Рабство». Сенатор Престон Брукс, племянник Батлера, вошел в зал заседаний сената, подкрался сзади к сидящему, ничего не подозревавшему Самнэру и обрушил град ударов на его голову и спину. Брукс избил свою жертву почти до смерти и отошел лишь после того, как гуттаперчевая трость рассыпалась. Север неистовствовал, Юг открыто ликовал.

Эти события происходили в период, когда политические элементы Иллинойса и других штатов созывали съезды для учреждения новых партийных организаций сначала в штатах, а затем в общенациональном масштабе. В Блумингтоне съезд состоялся в Мэйджорс Холле. Не успели выступить несколько делегатов, как послышались крики: «Линкольн! Линкольн!» Он встал со своего места. Раздались требования: «На трибуну!» Линкольн прошел на подмостки. «Мы переживаем трудное время, — сказал он, и затем неожиданно последовал удар. —

Если общественное мнение не будет достаточно сильным и не добьется перемены в нашем теперешнем курсе, кровь прольется из-за Небраски, брат поднимется против брата». Он подчеркнул, что присутствующие делегаты представляли различные элементы общества, но все они были согласны в одном: «Не допустить рабство в Канзас!» «Билль Канзас — Небраска» — это узурпация власти; он приведет к тому, что рабство утвердится во всей стране». У журналистов карандаши выскользнули из рук. Герндон и Уитни бросили записывать речь, слушатели придвигались все ближе к оратору. «Однажды, — продолжал Линкольн, — мне попалась юридическая формулировка: «Раб — это человек, который легально признан не личностью, а вещью». Если мы не защитим свободу, а на нее сейчас покушаются, они превратят всех свободных негров в вещи, и сколько вы думаете им понадобится времени, чтобы превратить в вещи также и белых бедняков?»

Линкольн сделал краткий экскурс в историю, чтобы показать, что свобода и равенство — священные завоевания американской революции — превратились в слова, глумиться над которыми считается хорошим тоном. Он перечислил последние бурные события. Нужно ли отвечать насилием на насилие? Он не мог это решить. «Время для этого еще не пришло, и, если мы будем верны себе, может никогда и не прийти. Но не обманывайте себя — пушечное ядро сильнее баллотировочного шара». Речь Линкольна то и дело прерывалась рукоплесканиями. Он высказывал то, что хотелось выразить съезду. Он объяснил, почему нужно было организовать республиканскую партию. Пока длились овации и гремели аплодисменты, оратор, не торопясь, расхаживал по сцене, заглядывал в свои заметки и тут же снова, возвращаясь к трибуне, начинал говорить. Что бы ни случилось, «мы скажем юным раскольникам: мы сами не выйдем из Союза и вам не позволим».

Делегаты вскочили со своих мест, аплодировали, топали ногами, кричали, махали платками, подбрасывали вверх шляпы, давая волю своим чувствам. Линкольн был выразителем их мыслей. Он вызвал к жизни страстность, объединил приверженцев и возродил веру в правое дело.

Все понимали, что если напечатать высказывания Линкольна, его страстные декларации будут восприняты как дикие и слишком радикальные, вызовут яростные обвинения и оттолкнут умеренных от партии. Тем не менее антинебраскинец «Длинный Джон» Вентворт, который был ростом на пять сантиметров выше Линкольна, предложил, чтобы «мистер Линкольн напечатал свою речь и распространил ее в народных массах». И от некоторых других знакомых слышал Линкольн такие же советы, но

отказывался им следовать. Он знал, что его речь, драматичную, полную иронии, гнева, горячности, можно повернуть к выгоде его противников. Он слишком рискованно сопоставлял свободу и Соединенные Штаты. Для данного политического момента лучше было не обнародовать свои взгляды в печати.

Все это время Линкольн продолжал свою адвокатскую деятельность.

При этом он довольно легко относился к получению денег у своих клиентов. Как-то ему пришлось защищать интересы некоего Флойда, который послал ему чек на 25 долларов. Линкольн ему написал: «Вы, вероятно, считаете, что я дорогой адвокат. Вы слишком щедры. Пятнадцать долларов вполне достаточно. Посылаю вам расписку на 15 долларов и возвращаю 10». Совместно с другим адвокатом он отстоял ферму спрингфилдца Айзака Хоулея; тот готов был уплатить 50 долларов. Линкольн улыбнулся своему клиенту и протяжно произнес: «Нет, Айзак, я вам посчитаю только 10 долларов». Другому клиенту он сказал: «Уплатите мне 25 долларов, но, если вы полагаете, что это слишком много, я уменьшу сумму гонорара».

Однажды Линкольна попросили дать консультацию по одному пункту кодекса. Он сказал, что ему придется покопаться в книгах. Когда он снова встретился с клиентом, тот получил искомый совет и собирался уплатить адвокату, но Линкольн отказался взять деньги, мотивируя отказ тем, что он должен был знать этот параграф, не заглядывая в кодекс.

В тюрьме графства Шампэйн конокрад предложил местному адвокату Сомерсу пригласить Линкольна в качестве защитника. Когда Линкольн и Сомерс приехали в тюрьму, они встретились с женой клиента, очень хрупкой и болезненной. Конокрад дал Линкольну 10 долларов и сказал, что больше у него нет. Линкольн спросил клиента: «А как же с вашей женой? Ведь они ей больше нужны». — «Ну, она как-нибудь перебьется», — последовал ответ, который, однако, не удовлетворил Линкольна. Он дал женщине 5 долларов, а остальные 5 долларов поделил с Сомерсом.

Один новосел в Спрингфилде поручил Линкольну предъявить иск эксцентричному неудачнику адвокату, который остался ему должен 2 с половиной доллара. Линкольн посоветовал истцу не возиться с такой мелочью. Клиент заявил, что он найдет более покладистого адвоката. Тогда Линкольн согласился предъявить иск, потребовал и получил авансом гонорар в 10 долларов, зарегистрировал дело, разыскал ответчика, вручил ему половину гонорара, предложил ему пойти в суд и уплатить долг, что тот и сделал. Обе стороны и сам адвокат получили полное

удовлетворение.

Линкольн был скромен. В гостиницах он безропотно довольствовался тем, что ему предлагали. Своему коллеге Гилеспи он как-то сказал, что всегда чувствует себя неловко, когда около него вертится официант или лакей.

Биржевые спекуляции привлекали других, но не Линкольна. Выступая на импровизированной трибуне перед уличной толпой или перед присяжными заседателями, он то и дело лохматил волосы на голове. Белье у него всегда было безупречно чистым. Линкольн сам ваксил свои ботинки, но почти не обращал никакого внимания на грамматику, этикет и на своевременную стрижку волос на голове. Во время серьезных споров перед присяжными или перед толпой в Спрингфилде он вытирал пот на лице большим шелковым платком.

Линкольн и Генри Гров из Пеории защищали в Метаморе 70-летнюю Мелису Гоингс, обвиненную о убийстве своего мужа — состоятельного фермера 77 лет. Свидетельские показания говорили о том, что он душил свою жену; она вырвалась из его рук, схватила полено и разбила ему голову. Умерший был известен как пьяница и скандалист. Перед смертью он сказал: «Считаю, что она меня убила. Но если я выживу — уж я ей отомщу». Мелиса Гоингс внесла залог в тысячу долларов и была выпущена на поруки.

Общественное мнение в основном было на ее стороне. Были слухи, что у Линкольна до суда состоялась беседа с прокурором и что в день суда миссис Гоингс разрешили свидание с ее адвокатом мистером Линкольном. Затем она скрылась, и больше ее в Метаморе не видели. На следующий день иск против ее поручителей был вычеркнут из списка дел, назначенных к слушанию. Судебный пристав, который не смог представить суду обвиняемую Гоингс, обвинил Линкольна в пособничестве ее побегу. Линкольн ответил: «Ничего подобного, Боб, я не помогал ей бежать. Ей хотелось узнать, где можно выпить воды, — и я ей сказал, что очень вкусная вода в реке Теннесси».

4. Проблема рабства усугубляется

Национальный съезд демократической партии открылся 2 июня 1856 года в городе Цинциннати. Съезд единогласно одобрил «билль Канзас — Небраска», высказался 138 голосами против 120 за отказ от проведения Тихоокеанской железной дороги и не дал ни Бьюкенену, ни Дугласу двух третей голосов, необходимых для выдвижения кандидатом в президенты от партии. Лишь после 17-й перебаллотировки Бьюкенен получил единодушную поддержку. Однако и он и политическая платформа демократической партии были обращены в прошлое.

Платформа вновь организованной республиканской партии была обращена в будущее: она провозглашала запрещение распространения рабства на новые районы, признание Канзаса свободным штатом, требовала постройки железной дороги к Тихому океану по самому прямому и целесообразному маршруту. Кандидатом в президенты избрали Джона С. Фремонта, в прошлом сенатора от свободного штата Калифорния, исследователя и «следопыта» дебрей западной, почти безлюдной части материка. Он создал себе репутацию человека смелого и умеющего переносить лишения, отличался чрезмерным чувством собственного достоинства, самомнением и абсолютной неопытностью в политике. Кандидатом в вице-президенты был намечен адвокат и бывший сенатор Вильям Л. Дэйтон, получивший при первой же баллотировке 259 голосов. Линкольн получил 110. Когда эта новость дошла до него, он рассмеялся: это, наверное, был «какой-то другой Линкольн», — сказал он. Его поразило, что он получил так много голосов.

Политическая борьба вокруг проблемы рабства все обострялась, и Линкольн становился все более приметной фигурой в этой борьбе. Журнал «Уикли адвокат» называл Линкольна «сообщником» Фредерика К. Ф. Геккера, революционера, изгнанного из Германии за то, что он склонен был сменить абсолютную монархию конституционным правительством. Дом Геккера в графстве Сент-Клэйр сожгли как раз в тот момент, когда он выступал за Фремонта. Линкольн собрал по подписке деньги на строительство нового дома.

23 июля 1856 года Линкольн выступил с одной из своих наиболее откровенных политических речей, впервые открыто заявив, что в будущем неизбежно применение силы. Поводом для этого выступления послужило заявление Филмора в Олбэни с угрозой, что если президентом будет избран республиканец, Союз штатов распадется. «Кто же ищет разделения: вы или мы? —

спросил Линкольн. — Мы, большинство, не хотим разделения, но если вы попытаетесь отделиться, мы вам не позволим. В наших руках кошелек и меч, армия и флот, мы распоряжаемся казначейством — вы не в состоянии отделиться. Итак, мы не разделим Союз, а вы не посмеете отделиться».

Амбойская газета «Таймс» писала, что рост Линкольна достигает «почти шести футов, ноги у него кривые, он сутулится, телосложение худощавое, а лицо его красивым назвать нельзя», однако «в мире нет человека, превосходящего его в правильной оценке обстановки, в умении убедить слушателей, хотя, может быть, найдутся считанные политики, равные ему. Он не нападает на человека, на его характер или побуждения; оружие Линкольна — аргументы».

Но в собственном доме аргументы Линкольна силы не имели. Миссис Линкольн писала сестре: «Мое слабое женское сердце слишком полно теплых чувств к южанам, чтобы симпатизировать кому бы тони было, кроме как Филмору… он так хорошо понимает необходимость держать иностранцев в узде».

В этот период Линкольн мало занимался адвокатурой. Он разъезжал по стране в поездах, колясках, фургонах и выступал в десятках городов, иногда по два раза в день; в одном только Спрингфилде он выступил четыре раза.

В октябре и ноябре состоялись выборы. Победил Бьюкенен. После выборов нью-йоркские «Таймс» и «Ивнинг пост» сообщили, что рабовладельческие штаты послали о Пенсильванию 150 тысяч долларов; Огаст Белмонт из Нью-Йорка внес в фонд демократов 50 тысяч; другие банкиры и маклеры Уолл-стрита, опасаясь беспорядков и спада деловой активности в результате отделения Юга, собрали еще 100 тысяч; по расчетам «Таймс», демократы израсходовали около полумиллиона, республиканцы — несколько меньше. Стало ясно, что за кулисами борьбы в Пенсильвании действовали крупные фирмы, внесшие огромные суммы, чтобы добиться нужного им результата.

6 марта 1857 года в верховном суде США притихшая толпа в течение трех часов вслушивалась в каждое слово документа, который зачитывал верховный судья Роджер-Брук Тэйни, родом из Мэриленда.

Решение верховного суда гласило, что конгресс не имеет права запретить рабство на Территориях (землях, не имеющих прав штата); что Миссурийский компромисс противоречит конституции; что раб — имущество, и если владелец переводит свое имущество на любую территорию, где конституция США является основным законом, его нельзя лишать этого имущества; что негр-раб или свободный негр, чьи предки были рабами, не

могут стать гражданами США; что по конституции негры намеренно не включены в понятие слова «граждане».

Из девяти судей верховного суда четверо не согласились с этим решением; утвердили его пятеро судей, происходивших из рабовладельческих штатов. Тэйни надеялся, что это решение верховного суда принесет успокоение, однако оно лишь обострило проблему рабства. Нью-йоркская «Трибюн» недоумевала: неужели 6 миллионов человек в южных штатах имеют больше веса, чем 16 миллионов в северных свободных штатах?

Линкольн ставил вопрос: «Если те, кто написал и принял конституцию, считали, что рабство хорошая штука, то почему они 1вписали поправку, запретившую ввоз рабов после 1808 года?» Конечно, те, кто подписал Декларацию независимости, вовсе не утверждали, что «все люди равны во всех отношениях», но они, безусловно, считали, что все люди равны «в некоторых неотъемлемых правах, таких, как право на жизнь, на свободу, на стремление к счастью». Он напомнил, что Дуглас «в ужасе от мысли, что может смешаться кровь белой и черной рас», и добавил: «В 1850 году в США было 405 523 мулата. Весьма незначительное количество их произошло от белых мужчин и свободных негритянок; почти все они родились от черных рабынь и белых господ».

Между тем в Канзасе уже в течение многих месяцев продолжалась борьба вокруг вопроса, быть ли этому новому штату свободным или рабовладельческим. За период между 5 ноября 1855 года и 1 декабря 1856 года около 200 человек было убито и значительно больше ранено ружейными выстрелами и ножами наемников рабовладельцев. Конгресс послал комиссию в Канзас, которая выслушала сотни показаний и написала доклад в 1 206 страниц. В этом докладе излагалась история мошеннических выборов, диспутов, потасовок, поджогов домов и сараев, стрельбы и поножовщины, трагедий и хаоса в стонущем от страха Канзасе. Регистрационные книги избирателей выкрадывали, избирательные комиссии разгоняли, засчитывали сотни незаконных бюллетеней, избиратели шли к урнам под выкрики вооруженных ружьями и ножами людей: «Перережь ему горло!», «Вырви у него сердце из груди!»

> «Ричмонд инквайрер» писала: «Свободное общество Севера обременено рабским классом ремесленников и чернорабочих, не способных к самоуправлению и тем не менее они облечены атрибутами и властью свободных граждан. Между тем общественные отношения хозяина и

раба так же естественны и необходимы, как отношения матери и ребенка; и северным штатам придется в конце концов установить такие отношения».

Линкольн прочел книгу виргинского социолога Фитцхью. Автор утверждал, что свободное общество в Европе потерпело крах и есть признаки, что крах неизбежен и в Америке.

Фитцхью написал еще одну книгу, под названием: «Рабы без хозяев или всеобщее каннибальство». Автор предупреждал, что аболиционисты готовят революцию, которая окажется смертельной как для Юга, так и для Севера. «Люди, которые первоначально агитировали только против рабства… теперь связаны обязательством пропагандировать крайние доктрины социализма и коммунизма: никакой частной собственности, никакой религии, никаких законов и правительств. Они требуют свободной любви, свободной земли и свободных женщин, а также свободы от веры».

Фитцхью излагал план создания сильного, решительного правительства, которое раздаст государственные земли ответственным собственникам; земли должны переходить по наследству старшим сыновьям. Безземельных и безработных нужно закрепить на землях собственников в качестве пожизненных арендаторов. «Сделайте человека, имеющего капитал в тысячу долларов, опекуном (термин «владелец» неприятен) одного белого нищего средней ценности; дайте человеку с десятью тысячами долларов десятерых нищих, а миллионеру тысячу. Это будет актом простой справедливости и милосердия; капиталисты все равно уже сейчас получают свои доходы от продукции, вырабатываемой бедняками».

Линкольн вырезал из газеты «Мускоджи (Алабама) геральд» следующий абзац: «Свободное общество! Меня тошнит от этого термина. Что это как не конгломерат из промасленных ремесленников, грязных станочников, мелкотравчатых фермеров и сумасшедших теоретиков? Все северные штаты, и в особенности Новая Англия, лишены общества, подходящего для благовоспитанных джентльменов».

Линкольн видел, что жестокость и снобизм усиливали свои позиции в американской философии. В Эдвардсвилле, перед аудиторией в 300–400 человек, он выступил с речью, насыщенной анализом событий и проникнутой грустным юмором: «Наше спасение в сохранности духа свободы, которую мы ценим как наследие всех народов, всех стран мира. Уничтожьте этот дух, и вы посеете семена деспотизма у дверей собственного дома. Привыкая к цепям рабства для других, вы готовите их для

собственных рук и ног. Привыкнув топтать права окружающих вас людей, вы теряете собственную свободу и становитесь сами подходящим подданным любого коварного тирана, появившегося в вашей среде. И разрешите мне вам сказать, что вам это уготовано самой логикой истории…»

Впервые за десять лет Линкольн забросил адвокатуру. Неделями, месяцами его контора была на замке. Человек, который некогда изучал фолианты законов, пошел в народ, чтобы узнать, какие законы нужно переделать, какие восстановить в полной силе. Он поведал людям, что самые лучшие законы подменялись хитростью или насилием; он разъяснил, что некоторые законы были, по-видимому, установлены для того, чтобы они служили барьерами, тайниками, могилами, куда прятали великие принципы гуманизма.

Дуглас пытался принизить Линкольна, сообщив слушателям, что его соперник был бакалейщиком и торговал виски. «Разница между мной и Дугласом, — сказал в ответ Линкольн, — заключалась в в том, что я стоял с одной стороны стойки и продавал виски, а он его пил, стоя с другой стороны».

8 сентября, выступая в Клинтоне, Линкольн сказал: «Можно некоторое время обманывать весь народ, можно все время обманывать часть народа, но невозможно обманывать все время весь народ».

5. Горячие дебаты

Съезд республиканской партии штата Иллинойс состоялся 16 июня 1858 года в Спрингфилде. Многие делегаты решительно заявляли: «Мы знаем Дугласа, мы с ним много лет боремся и теперь зададим ему перцу». Съезд принял решение выдвинуть Авраама Линкольна, как «первого и единственного избранника республиканцев Иллинойса в сенат США», на место, которое до сих пор занимал Стифен А. Дуглас. Вечером в зале законодательного собрания в ответ на аплодисменты и овации Линкольн поклонился и пробормотал: «Мистер председатель и джентльмены — делегаты съезда». Затем он зачитал свою речь по рукописи.

Перед этим он советовался с друзьями, и они рекомендовали ему не выступать с такой речью. Он не послушался.

> «Если бы мы знали, — читал по бумажке Линкольн, — где мы находимся, куда мы идем, мы могли бы правильнее решить, что делать и как делать. Прошло почти пять лет с тех пор, как мы открыто объявили, что целью нашей политики является прекращение агитации за институт рабства. Мы дали твердые обещания. С тех пор как эта политика стала проводиться, агитация не только не прекратилась, а непрестанно усиливалась. Я думаю, что она не прекратится, пока не наступит и не будет разрешен кризис. «Дом разделенный выстоять не может». Я думаю, что не может выстоять и правительство нашей страны, частично рабовладельческой и частью свободной. Не думаю, что наш Союз распадется, но я полагаю, что он не будет вечно разделенным. Он станет целиком либо одним, либо другим… Пройдет немного времени, и верховный суд, быть может, примет новое решение, в котором будет заявлено, что конституция США запрещает любому штату противиться введению у себя рабства… Такое решение — все, что нужно для узаконения рабства во всех штатах Союза».

Эта речь получила в народе название «Дом разделенный».

В период, когда была произнесена эта речь, страна все еще не могла прийти в себя после паники предыдущего года, когда лопались банки, акции стремительно обесценивались.

Сорок тысяч безработных прошли демонстрацией по улицам

Нью-Йорка с плакатами: «Голод — острая боль», «Мы хотим работать». Толпа, руководимая агитаторами, угрожала атаковать банки на Уолл-стрите, в сейфах которых хранилось 20 миллионов долларов в золотых и серебряных монетах. Отряды из 50 солдат и 50 человек морской пехоты были посланы для охраны этих правительственных валютных запасов. В Чикаго 20 тысяч человек оставались без работы всю зиму; городской совет снизил жалованье уличным уборщикам с 75 до 50 центов в день. Сэкономленные деньги совет обещал распределить между семьями голодающих. Белые квалифицированные рабочие потребовали, чтобы негров использовали на заводах только в качестве чернорабочих.

Однако на фермах в западных прериях продовольствие было в избытке.

И северяне и южане понимали необходимость постройки железной дороги к Тихому океану. Чарльз Дана доказывал в «Нью-Йорк трибюн», что эта дорога наилучшим образом обеспечит расширение торговли с Индией, Китаем и другими восточными странами. Джефферсон Дэвис, в бытность его в 1852–1856 годах военным министром, провел огромную работу и добился издания правительством десятитомника под названием: «Отчеты об изыскательных и топографических работах, произведенных по определению наиболее целесообразной и экономической трассы для постройки железной дороги от реки Миссисипи до Тихого океана».

Дуглас был гордым, независимым, решительным человеком. В бою под Буэна Виста, во время мексиканской войны, его ранило в ногу, но он оставался в седле до конца сражения. После окончания военной академии Уэст-Пойнт он двенадцать лет служил в кадровых частях армии США в чине полковника миссисипских стрелков, в прославленном полку молодых аристократов штата. Дуглас владел тысячами акров хлопковых плантаций.

К концу войны с Мексикой он потребовал у конгресса ассигнований на посылку десяти полков в города и провинции Мексики, чтобы успеть оккупировать значительную часть ее территории до того, как вашингтонское правительство решит — аннексировать захваченное или нет.

Выступая в сенате 17 марта 1848 года, он заявил, что считает войну с Мексикой справедливой, а захват ее территорий — обоснованным неписаным законом, существующим со дня зарождения человеческого общества. Больше того, если дальнейшему продвижению американцев по перешейку будут противиться англичане — объявить Британии войну. Если

Британия попытается ступить ногой на Кубу, Америка должна немедленно вмешаться.

Он считал, что поскольку глупость, фанатизм, гордыня, ненависть и коррупция грозят нарушить мир в Союзе и снизить благосостояние, пусть лучше Союз распадется. Если рабство — грех, то не это поколение за него в ответе. Когда северные штаты обеспечат более дешевую рабочую силу, нежели невольники, — рабство само отомрет.

В Вашингтоне Дуглас сказал группе республиканцев: «Вы выдвинули очень способного и очень честного человека». Джону В. Форни он признался: «Теперь у меня будет много хлопот. Линкольн самый решительный человек в их партии, самый лучший уличный оратор на западе».

В июне Дуглас отправился на запад. В 60 милях от Чикаго его встретил специальный поезд, разукрашенный флагами и вымпелами. Под гром духового оркестра политические деятели проделали остаток пути до Чикаго, куда въехали 9 июля. Когда Дуглас вышел на балкон Тремонт-хауза, улицы осветили красные огни и фейерверк. На улице возникла драка между толпой и кучерами наемных экипажей, которые привезли гостей Дугласа и прокладывали себе путь сквозь толпу. Кого-то сшибли ручкой бича, какого-то кучера трижды стаскивали с облучка. Когда, наконец, распутали узел из кучеров, лошадей и слушателей, судья Дуглас начал свою полуторачасовую речь.

Линкольн слышал, как Дуглас назвал его «сердечным, дружелюбным, разумным джентльменом, добропорядочным гражданином и достойным соперником». Тысячи людей слышали и другие слова Дугласа: «Линкольн смело и открыто пропагандирует междоусобную войну, войну Севера против Юга, свободных штатов против рабовладельческих — войну на уничтожение, с тем чтобы безжалостно продолжать ее до тех пор, пока та или другая сторона не будет покорена и все штаты не станут либо свободными, либо рабовладельческими».

Линкольн письменно предложил Дугласу принять участие в диспуте. Дуглас вызов принял. Оба они будут сходиться на подмостках и спорить по различным вопросам в семи различных пунктах Иллинойса, с тем чтобы их выступления стали достоянием всей страны. Используя недавно изобретенную стенографию, репортеры дадут народу «полный дословный отчет», как сообщили газеты своим читателям.

Первые дебаты состоялись 21 августа в палящий солнечный день. На площади в Оттаве собралось 12 тысяч человек. Из Чикаго прибыл специальный поезд, люди приехали на поездах, пароходах, фургонах, колясках, пришли пешком. Толпа запрудила

площадь в несколько акров и слушала речи три часа подряд. Когда речи кончились, республиканцы подняли Линкольна на плечи, и толпа, возглавляемая духовым оркестром, проводила его к дому мэра Гловера. Враждебная Линкольну демократическая газета писала: «Его длинные руки висели у плеч носильщиков, длинные ноги болтались у самой земли, его длинное лицо непрестанно кривилось — он пытался обаятельно улыбаться, но ему не удавалось выглядеть менее ужасающим». Нью-йоркская «Ивнинг пост» делилась впечатлениями: «Конфиденциально мы должны признать, что внешность «длинного Эйби» непривлекательна; но расшевелите его, и свет гениальности одушевляет все черты его лица. Слушая его спокойно и беспристрастно, мы пришли к убеждению, что никто не превосходит его в уличных выступлениях».

Следующим пунктом был Фрипорт, приютившийся в северо-западном углу Иллинойса. Дугласа встретила факельная процессия — чикагская «Таймс» насчитала 1 000 факелов, а «Пресс» и «Трибюн» только 74. Линкольн подъехал к эстраде в крытом фургоне, запряженном шестеркой больших белых лошадей. 15 тысяч человек, стоя и сидя, слушали выступления в течение трех часов, несмотря на холод и моросящий дождь.

Затем диспутанты и репортеры-стенографисты спустились на 300 миль к югу от Ричмонда, штат Виргиния. Аудитория в Джонсборо состояла из 1 400 человек, большей частью равнодушных к горячей дискуссии. Этот городок вклинился между рабовладельческими штатами Кентукки и Миссури — многие приехали из этих штатов, чтобы послушать ораторов. В Чарлстоне, на ярмарочной площади, собралось 12 тысяч.

7 октября 20 тысяч человек пришли на диспут в Гэйлсборо. Сырой северо-западный ветер рвал в клочья флаги и знамена, влажный воздух студил кости тех, кто забыл надеть пальто, но люди, застегиваясь на все пуговицы, укутывались плотнее и продолжали слушать. Они пришли из районов рек Сидар-Форк, Спун, Иллинойс, Рок и Миссисипи, у многих руки загрубели от плугов. Их обветренные, загорелые лица говорили о том, что это были люди земли — холодный ветер был им нипочем.

Шесть дней спустя в Куинси на Миссисипи собрались люди из Иллинойса, Айовы, Миссури. Последний диспут состоялся через два дня в Олтоне.

Проблемы рабства и другие вопросы занимали умы людей и разделяли их на всех ступенях общественной лестницы, в политике, литературе, религии, морали: «Это вечная борьба между двумя принципами… — говорил Линкольн. — Первый из них — нормальные права человечества, второй — божественные

права королей. Мы теперь могущественная нация; нас 30 миллионов. Но, пожалуй, не больше половины нашего народа — потомки тех, кто воевал за победу американской революции; другая половина — люди, приехавшие из Европы: немцы, ирландцы, французы, скандинавы или их дети».

Но есть охотники считать иммигрантов низшей расой, и поэтому многие считают, что «…им нужно дать ту меру свободы и привилегий, которые соответствуют их положению. Так ведь это же доводы монархов. Они испокон веку пользовались такими доводами, чтобы порабощать народы. Они всегда садились на шею народам не потому, что монархам это было приятно, а потому, что народам было полезно, когда на них ездили верхом. Этой аргументацией государей пользуется и Дуглас, и смысл ее таков: «Ты работай, а я буду есть; ты трудись, а я воспользуюсь плодами твоего труда…» Я прошу об одном: если вам негр не нравится, оставьте его в покое. Безусловно, негр не может с нами сравняться цветом кожи, может быть, еще и во многом другом, но все же он вправе есть заработанный им хлеб… Вы хотите доказать, что вам дано больше, но это не оправдывает ваше намерение отнять у него то немногое, что ему дано».

Те, кто желал мира в вопросе о рабстве, и те, кто этого не хотел, одинаково понимали суть вопроса, поставленного Линкольном Дугласу: «Не вы ли все время твердите… что здесь не место для выступлений против рабства? Вы утверждаете, что незачем в свободных штатах возражать против рабства, потому что его нет в этих штатах. Незачем также восставать против рабства в рабовладельческих штатах, потому что оно там существует на законном основании. Не стоит поднимать вопрос о рабстве в политике, потому что вы боитесь возбуждения умов. Нельзя проповедовать против рабства и в церкви, так как это не религиозный вопрос. Где же в таком случае можно? По-вашему, получается, что нет такого места, где можно было бы выступать против рабства».

Двенадцать дней спустя Линкольн повторил свою речь перед многотысячной аудиторией в Пеории. Речь была напечатана полностью. Теперь политические деятели и народ Иллинойса увидели, что в штате есть лишь один человек, способный схватиться на равных с «маленьким гигантом» Дугласом. И тысячи простых людей инстинктивно чувствовали, надеялись, что голос Линкольна является их голосом.

Когда во время диспута Дуглас пытался обвинить Линкольна в том, что его требование освобождения рабов, по сути, сводится к установлению равенства рас, Линкольн тут же возразил, что это утверждение похоже на попытку человека доказать посредством

перестановки слов, что «конский каштан — это конь каштанового цвета».

После выступления в Пеории. Дуглас посетил Линкольна и сказал ему, что он (Линкольн) доставил ему больше беспокойства, чем все его противники в сенате. Он сказал, что готов вернуться домой, прекратить выступления в пользу своего компромиссного билля, если и Линкольн больше не будет выступать против этого билля. Линкольн принял предложение. Один из его друзей заметил: «Это означает, что Дуглас признал себя побежденным».

Линкольн знал, что Гэйлсборо на севере отдаст ему две трети голосов, а Джонсборо на юге проголосует три к одному против него. И он повернулся лицом к Джонсборо, а не к Гэйлсборо: «Южане имеют право требовать возвращения своих беглых рабов — это я всегда допускал».

Проблемы стояли очень серьезные, принимать решения было очень трудно: это был момент, когда соображения личного характера должны были отступить на второй план.

Генри Вилард из нью-йоркской «Штаатс цайтунг» вспоминает, что накануне дня выборов гроза настигла его и Линкольна на маленькой станции в 20 милях к западу от Спрингфилда и они забрались в крытый товарный вагон. Они сидели на полу, упершись подбородками в колени. В темноте Вилард услышал своеобразный смешок Линкольна. Он болтал о себе и о своем предполагаемом сенаторстве: «Я уверен, что вполне подхожу, и тем не менее я каждый день говорю себе:, это слишком много для тебя, ты никогда этого не добьешься. Мэри (миссис Линкольн), однако, настаивает, что я буду не только сенатором, но и президентом Соединенных Штатов». Он расхохотался. «Подумать только, иллинойсец, такой, как я, и вдруг президент!»

Настал день выборов — 2 ноября. И хотя Линкольн получил на 4 085 голосов больше, Дугласу благодаря различным махинациям и подтасовке выборов удалось получить мандат.

Помрачневший Линкольн был все же рад, что принял участие в борьбе. «Хотя я теперь и уйду со сцены и буду забыт, но я верю, что оставил след, который даст себя почувствовать в деле борьбы за гражданский свободы даже тогда, когда меня уже не будет в живых». Он даже шутил, что похож на мальчишку, который ударился ногой о камень: «Слишком больно, чтобы смеяться, и слишком он большой, чтобы плакать».

5 января законодательное собрание штата утвердило кандидатуру Дугласа. Когда Линкольн узнал об этом, он посидел у себя в конторе один со своими мыслями, потом потушил свет, закрыл дверь, вышел на улицу и направился домой. Тропинка

шла вверх, было мокро. Нога поскользнулась, и Линкольн чуть не упал. Он мгновенно извернулся, выпрямился и удержался. Усмехнувшись, произнес тихо: «Значит, я лишь поскользнулся, но не упал». Повторил: «Поскользнуться — еще не значит упасть».

В ноябре 1858 года «Иллинойс газетт» в Лэйконе, чикагский «Демократ», «Таймс» в Олнее в штате Иллинойс стали называть Линкольна как подходящего кандидата в президенты. Цинциннатская «Газетт» напечатала письмо, в котором выдвигалась кандидатура Линкольна. На массовом митинге в Сандуски в штате Огайо было решено просить его возглавить список республиканцев в 1860 году.

В декабре в Блумингтоне Джес Фел встретил Линкольна у дверей суда. Фел спекулировал земельными участками по тысяче акров каждый, организовывал железнодорожные компании, продавал шпалы со своих лесных участков. Он был республиканцем, аболиционистом, выходцем из квакеров. Фел сказал:

— Линкольн, я был на востоке, объездил все штаты Новой Англии, за исключением Мэна; в Нью-Йорке, Нью-Джерси, Пенсильвании, Огайо, Мичигане, в Индиане — везде я слышал разговоры о вас. Часто меня спрашивали: «Кто этот Линкольн из вашего штата?» Судья Дуглас широко известен. Из-за диспута с ним вы тоже стали известны… ваши речи полностью или частично печатались и издавались на востоке. Из вас можно сделать грозного, даже победоносного кандидата в президенты.

Линкольн выслушал его и, как передает Фел, ответил:

— О Фел, какой смысл говорить о моем президентстве, когда есть такие люди, как Сьюард, Чэйз и другие. Их знают все, а меня мало кто знает за пределами Иллинойса.

Фел занялся анализом.

— Чтобы победить на выборах в 1860 году, республиканской партии нужен человек хорошего происхождения, с безупречной репутацией, с определенными способностями, преданный борьбе против распространения рабства, у которого нет радикализма наступательного характера. Вы вышли из низших слоев общества… Если только нам удастся ознакомить публику с фактами вашей жизни, будьте уверены, у вас появятся шансы. — Фел продолжал: — Я хочу, чтобы была написана хорошо продуманная, хорошо составленная статья для газеты — нужно рассказать народу, кто вы, что сделали. Нужно распространить статью не только в нашем штате, а и повсюду, с тем чтобы помочь обработать общественное мнение в вашу пользу. Я знаю ваши заслуги перед обществом и готов представить такие материалы, которые ваша скромность не позволит вам самому предложить.

Линкольн выслушал собеседника и сказал:

— Фел, я признаю логичность большей части ваших аргументов, признаю, что я честолюбив и хотел бы стать президентом. Я благодарю вас за ваши комплименты, за интерес, который вы проявляете ко мне, но не мне уготовано такое счастье — быть президентом наших Соединенных Штатов.

Он покрепче натянул на свои костлявые плечи серый плед и пожелал Фелу спокойной ночи.

Вскоре газеты в городках среднего запада начали ставить вопросы: «А почему бы Аврааму Линкольну не быть президентом США?» Из Канзаса, Буффало, Де Мойна, Питсбурга пришли требования, чтобы он, как ведущая фигура среди республиканцев запада, выступил в этих городах. Торлоу Уид, нью-йоркский политический босс, телеграфировал в Иллинойс: «Немедленно пришлите Авраама Линкольна в Олбэни». Длинный Джон Вентворт, редактор чикагского «Демократа», республиканской газеты, разглядел выросшую на горизонте фигуру Линкольна. Он взвесил ситуацию и сказал, что Линкольну «нужен организатор для управления делами»; в Нью-Йорке у Сьюарда организатором был Уид. Линкольн усмехнулся. «Только события создают президента», — сказал он.

6. Странный друг и дружественный странник

Линкольну исполнился 51 год.

Рассказы о нем, о его манерах и поступках уже становились достоянием простых людей и их детей. Этот высокий и костистый человек с характерной сутуловатостью, с легкой походкой, такой печальный, чудаковатый и смешной, казался существом из иллюстрированной книжки для детей, этакий странный друг или дружественный странник.

Одежду он не носил — она просто висела на нем, как на раме для сушки. Люди говорили, что Линкольн — огромный скелет, обтянутый кожей, которая, в свою очередь, прикрыта одеждой. Его высокая, как печная труба, шляпа, казалось, тихонько насвистывала: «Я вовсе не цилиндр; я чердачок, куда он прячет свои мыслишки, записанные на бумажонках».

Подкладка в шляпе частично состояла из имитации стаиновой бумаги, на которой виднелась карандашная подпись: «А. Линкольн, Спрингфилд, Илл.». Это на тот случай, если какой-нибудь рассеянный джентльмен по ошибке ее наденет, — чтобы знать, кому вернуть. Был у него и зонтик, выцветший и потертый в постоянных странствиях под щедрыми дождями, но и на нем было выстрочено: «Авраам Линкольн».

В Спрингфилде, да и в других местах, с прошлым Линкольна, с его рождением и происхождением связывали что-то необычное, таинственное. Регистрацию брачного удостоверения его родителей не нашли. Шептались о том, что он «низкого» происхождения, настолько туманного и странного, что его политические друзья рады были бы выяснить обстоятельства и добиться необходимой респектабельности. Брачный контракт когда-то переслали в новое судебное здание графства, и никто не удосужился произвести там розыски.

В тот период, когда происходили горячие дебаты, однажды на улице мальчишка крикнул: «Вот идет старик Линкольн!» Это он услышал и сказал своему приятелю: «Когда мне только минуло тридцать, они уже так кричали».

Соседский мальчик, Фред Дюбуа, собрал компанию мальчишек; с помощью веревочки они сбили цилиндр с головы Линкольна. «Из шляпы выпали письма и бумажки, — рассказывал потом Дюбуа, — они разлетелись по пешеходной дорожке. Линкольн наклонился, чтобы их поднять, а мы, мальчишки, взгромоздились на него». Будучи молодым человеком, он играл с

ребятами в камешки. В пожилом возрасте он все еще запускал волчки со своими сыновьями.

Когда однажды Тед задержался с молоком, Линкольн разыскал сынишку, взял у него ведро с молоком, посадил мальчика на плечи, и так они вернулись домой. В другой раз он нашел пропавшего Теда и принес домой, держа его над землей на вытянутой руке; мальчик изворачивался, стараясь попасть отцу в лицо ногой, а Линкольн довольно посмеивался. Как-то он волок орущих Вилли и Теда. Сосед спросил его:

— Мистер Линкольн, в чем дело?

Последовал ответ:

— В том же, что и со всеми в нашем мире. У меня только три ореха, а каждый из моих сыновей хочет получить обязательно два.

Он любил рассказывать забавные истории и анекдоты. Одна из его историй была о воздухоплавателе, который в Новом Орлеане поднялся на воздушном шаре. Группа негров, собиравших хлопок, увидела человека, спускавшегося с небес в синем шелковом одеянии, унизанном серебристыми звездочками, и с золотыми туфлями на ногах. Все убежали. Все, кроме одного старика, пораженного ревматизмом и не сумевшего скрыться. Он подождал, пока аэронавт коснулся земли, и проковылял к нему. «Как поживаете, масса Иисус? — пробормотал он. — Что поделывает ваш папа?»

Любил он рассказывать и об одном строгом судье-формалисте: «Он готов был повесить человека за то, что тот сморкался на улице, но мог отменить приговор, если ему не удавалось установить, какой рукой прохожий сморкался».

Линкольн мог написать гневное письмо, обругать в нем адресата, не стесняться в резкости эпитетов и затем бросить письмо в печку. Он говорил, что иногда хорошо написать письмо с перцем и затем сжечь его.

«Демократия» — это слово часто употреблялось. Языкастые политики играли им. У Линкольна была своя точка зрения. «Я не хочу быть рабом, но в той же мере я не хочу быть и господином. В этом выражено мое понятие о демократии. Все, что не совпадает с этим понятием, противоречит демократии».

Его толкование Декларации независимости, в особенности раздела, в котором утверждается, что «все люди рождены равными» и имеют «неотъемлемые права на жизнь, свободу и стремление к счастью», запало в сердца людей. «Те, кто написал этот документ, — говорил он, — …имели в виду не только всех людей, живших тогда, но они заглянули в будущее, обратились к самым дальним своим потомкам… Будучи мудрыми государственными деятелями, они знали, что процветание имеет

тенденцию к созданию тиранов; поэтому они утвердили эти великие и очевидные истины. И если когда-нибудь в далеком будущем какой-нибудь человек или группа заинтересованных людей установят доктрину, что никто, кроме богатых, или никто, кроме белых, не имеет права на жизнь, на свободу, на счастье, чтобы потомки авторов могли заглянуть в Декларацию независимости и мужественно возобновить борьбу, некогда начатую их предками… Я требую, чтобы вы отбросили все ничтожные и жалкие заботы об успехе какого бы то ни было индивидуума. Все эти старания — ничто. Я — ничто. Судья Дуглас — ничто. Главное — сохраните бессмертный символ Человечества; Декларацию Американской Независимости».

В том же году он прочел лекцию в Блумингтоне об «Открытиях и изобретениях», которую он потом повторил в Спрингфилде. Он напомнил о первых открытиях и изобретениях человека: одежды, речи, алфавита, печати, об использовании ветра для передвижения судов. В прошлом правители и законы установили, что хранить книги, читать их — преступление. «Нам трудно сейчас и здесь представить себе, как сильно было тогда рабство мысли и сколько потребовалось времени, чтобы сбросить эти оковы, чтобы установить привычную свободу мысли». Не обошел он и политику, иронически упомянув «изобретение в 1434 году негров и современного способа их использования». Главным в лекции была любовь к книгам, к науке, к знаниям, любовь к человечеству, выползающему из мрака и тумана к свету и ясности.

Как-то на вечере у мэра Сандерсона в Гэйлсборо Линкольна обвинили в том, что он боится женщин. Линкольн улыбнулся: «Женщина — единственное, чего я боюсь, хотя знаю, что она не может причинить мне вреда». Однажды в доме мэра Бойдена, в Юрбэйне, после чаепития мужчины, извинившись, оставили Линкольна в обществе миссис Бойден, миссис Уитни и ее матери. Когда м-р Уитни вернулся, он увидел, что Линкольну «не по себе»: он был смущен, как деревенский мальчик, его глаза блуждали от потолка к полу и обратно, руки он прятал то за спиной, то сплетал их впереди, как будто он не знал, как от них избавиться, его длинные ноги свивались и развивались».

Герндон был уверен, что Линкольн скрывал свое отношение к женщинам за превосходным и редким кодексом морали. Он писал: «У Линкольна сильная, можно сказать, неутолимая страсть к женщинам. Он с трудом сдерживался, чтобы не касаться женщины руками, и все же, к его чести, должно сказать, что он жил чистой и добродетельной жизнью. Он считал, что женщина имеет такое же право нарушать супружеский обет, как и

мужчина, — ни больше, ни меньше. Его чувство должного, справедливого, его честь запрещали ему нарушить супружеский обет. Судья Дэвис сказал мне: «Благородство мистера Линкольна спасло многих женщин». Это и мне известно. Я видел, как Линкольна соблазняли и как он отвергал авансы женщин!»

Миссис Линкольн и Герндон ненавидели друг друга. Герндону было безразлично, где плюнуть; миссис Линкольн была скрупулезна в вопросах чистоты и аккуратности.

Она знала, что Герндон однажды в компании с двумя приятелями напился и разбил оконное стекло и что ее мужу пришлось выложить деньги, чтобы уберечь своего партнера от ареста. Ей не нравилось то, что у ее мужа был компаньон-пьяница, швырявший деньгами, а потом бравший в долг у Линкольна. Герндон был у нее на подозрении; она ждала всяких неприятностей от этого чванливого выскочки, радикала в политике, трансценденталиста в философии, антицерковника.

На приемах, балах, общественных собраниях она блистала, была полна жизненной энергии, часто без необходимости бросала порочащие людей намеки или открытые и неожиданные оскорбления; недоразумения возникали вокруг нее волнами, и она часто бродила одна.

Мэри Тод вышла замуж за гения, требовавшего особого внимания: когда ему нужно было работать, нельзя было отрывать его или давать ему поручения. Она этого не знала, хотя была его женой, экономкой и советником в личных и политических делах, конечно в допущенных им пределах. Многие годы она вела хозяйство сама — они были слишком бедны, чтобы нанять прислугу; тогда они еще вынуждены были пользоваться дровами. Теперь у них в плите на четыре конфорки горел уголь и был резервуар для подогревания дождевой воды.

Она узнала цену деньгам в 1858 году, когда он забросил почти полностью адвокатуру, месяцами разъезжал по стране, покрыл 4 200 миль и оплачивал сам все свои расходы в отелях. По окончании кампании он в одном письме сообщал: «Я остался совсем без денег. У меня нет средств даже на домашние расходы». Иногда он ходил за покупками. Герндон вспоминал, что его можно было видеть зимним утром на базаре с корзиной в руке; «своей старой серой шалью он закутывал шею».

Когда их доходы выросли, когда он уже занял положение выдающегося лидера партии, Мэри Линкольн в последние месяцы 1850 года имела удовольствие устраивать приемы, на которых иногда присутствовали 200–300 человек. Вместе с ним она прошла путь от невзгод бедных лет до комфортабельной жизни состоятельного среднего класса. Они стали владельцами дома и

участка, на котором он стоял, фермы, земель; вместе с надежными долгами по счетам за проведенные дела имущество Линкольна в 1859 году оценивалось больше чем в 15 тысяч долларов.

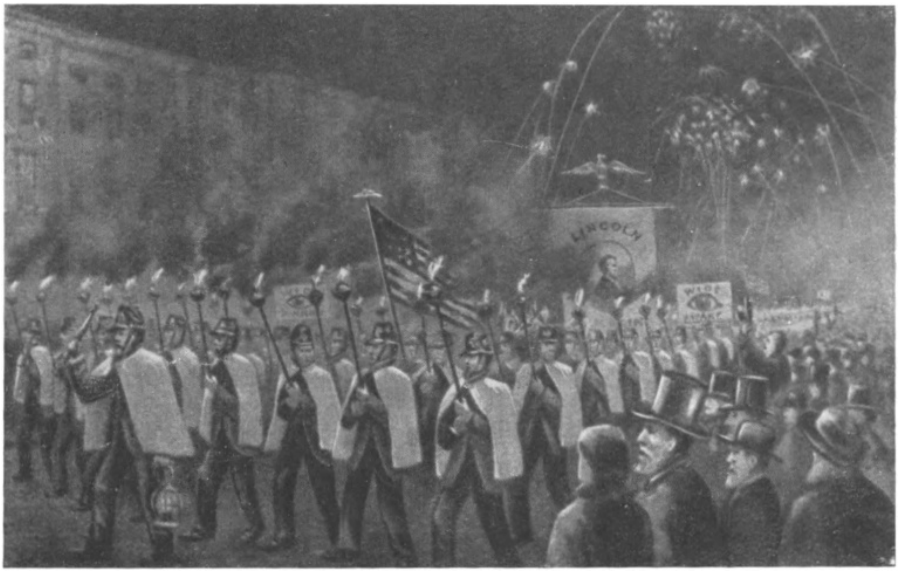
7. «Только события выдвигают президента»

Слава Линкольна как мыслителя и оратора распространялась все больше и все дальше. В 1859 году он выступал в Иллинойсе, Индиане, Огайо, Висконсине, Канзасе; при этом он вынужден был отклонить много других приглашений. Во время поездок он встречался с руководителями республиканской партии; они могли судить о том, есть ли у него качества и достоинства, необходимые для президента. Он как-то сказал: «Только события создают президента». Его друзья говорили, что события могут и в самом деле диктовать, если среди кандидатов один окажется слишком старым, другой слишком радикальным, третий слишком консервативным. Тогда выяснится, что самый подходящий — Линкольн. В этих поездках Линкольн лично знакомился с подводными течениями в политике и общественными настроениями. Он, наконец, встречался с теми, кого предстояло избрать в будущем году делегатами на национальный съезд республиканской партии.

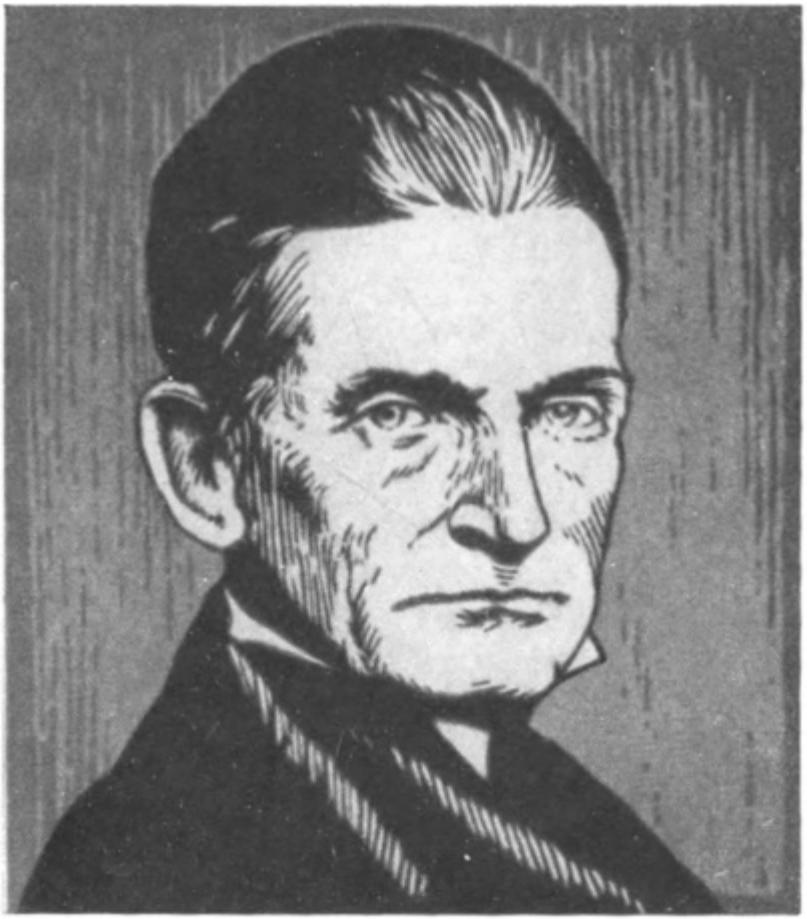
Он пытался исправлять политическую линию партии. В июне 1859 года он написал губернатору Чэйзу письмо по поводу пункта программы республиканской партии штата Огайо, который требовал «отменить зверский закон о беглых рабах». «Это предложение, — писал Линкольн, — уже повредило нам здесь», в Иллинойсе. Он доказывал, что на следующем национальном съезде республиканцев этот пункт «взорвет» съезд и партию.

В мае 1859 года банкир Джейкоб Бан устроил продажу Линкольну за 400 долларов газеты «Иллинойс штаатсанцайгер», издававшейся на немецком языке в Спрингфилде. Согласно договору Линкольн стал владельцем шрифта, машин и другого оборудования, а Теодор Канисиус, редактор, продолжал выпускать республиканскую газету на немецком языке, периодически печатая статьи и на английском. Участники сделки умолчали о ней; Линкольн даже Герндону ничего не сказал; не было и обычной публикации.

Перепись следующего года должна была показать, что в стране живут 1 миллион 300 тысяч иностранцев, из них 700 тысяч немцев, осевших главным образом в северных штатах. Во многих штатах политически они были очень сильны. Многие редакторы и политические лидеры окончили немецкие университеты, принимали участие в революциях 1830 и 1848 годов в Германии, некоторые сидели в тюрьмах или бежали от преследований в Америку и считались беженцами или беглыми; они были резко настроены против закона о беглых рабах.



Парад приверженцев А Линкольна во время избирательной кампании 1860 года



Джон Браун.

Гарриет Бичер-Стоу.

В 1856 году Линкольн помог немцам написать резолюцию, принятую впоследствии республиканским съездом штата. В резолюции говорилось, что «наши законы о принятии гражданства… принципиально, справедливы, и мы против каких-либо изменений, которые могут привести к удлинению сроков, необходимых для получения прав гражданства». Эту резолюцию один немец-редактор предложил также национальному съезду республиканской партии в Филадельфии, где она в основном была принята.

30 сентября 1859 года Линкольн выступил на ярмарке штата Висконсин в городе Милуоки. «Я много думал, отвлеченно конечно, о паровом плуге». За прошедшие четыре года урожаи кукурузы в Иллинойсе не превышали 20 бушелей с акра земли. «Земля дает меньше половины того, что может дать», — говорил Линкольн. Он советовал «глубже пахать, анализировать почву, экспериментировать с удобрениями, различными сортами семян, практиковать севообороты».

Ему виделась новая, молодая страна, где наемный рабочий может купить землю. «Нет такого положения, чтобы свободный человек оставался вечно, фатально наемным рабочим». Линкольн утверждал, что «труд предшествует капиталу и независим от него; фактически капитал есть результат труда и никогда не мог бы

существовать, если бы не было труда. Труд без капитала может существовать, но капитал без труда — никогда. Следовательно… труд стоит выше капитала».

Был ли рабочий класс тем камнем, на котором покоилось здание капитализма? «По этой теории, — говорил Линкольн фермерам, — слепая лошадь, вращающая мельничное колесо, прекрасная иллюстрация того, каким, по их мнению, должен быть рабочий: лучше, чтоб он был слеп, чтоб он не смел бросать свое место, чтоб он не мог сознательно брыкаться». По этой теории считается опасным давать образование рабочим. «Янки, который изобрел бы человека с сильными руками, но без головы, получил бы вечную благодарность адвокатов теории «рабочего-лежня». Линкольн произнес простые слова: «Каждый человек должен иметь возможность развиваться и улучшаться, с тем чтобы умножать свою способность выполнить свой долг. Одним словом, Свободный Труд настаивает на универсальном образовании».

Горас Грили, розовощекий, похожий на добродушного фермера, редактор «Нью-Йорк трибюн», имел 5 тысяч подписчиков в Иллинойсе. Он требовал, чтобы республиканцы Иллинойса не выставляли кого-либо против Дугласа, баллотировавшегося в сенаторы на предстоящих выборах. Линкольну не понравилось то, что республиканская газета систематически восхваляет Дугласа за его разрыв с президентом Бьюкененом и за его энергичную инициативу в расколе демократической партии. Кое-кто из республиканцев подозревал, что Грили готов поддержать кандидатуру Дугласа в президенты на выборах в I860 году. Герндон предупреждал восточные штаты: «Дуглас сегодня республиканец потому, что он видит сильные позиции этой партии на севере, а где сила, там и политические ястребы».

В письме к сенатору Трамбулу Линкольн энергично протестовал против деятельности Грили, стремившегося поставить Дугласа во главе республиканской партии штата Иллинойс.

Герндон отправился в Вашингтон, чтобы поговорить с Дугласом с глазу на глаз и узнать его истинные намерения. Не раз до этого Герндон и Дуглас вместе пьянствовали и вместе опохмелялись. При встрече Герндон потребовал прямого ответа. Покуривая сигару, Дуглас сказал, что не собирается становиться на пути у Линкольна.

— Передайте мистеру Линкольну мой привет и скажите ему, что я переправился через реку и сжег свою лодку.

Герндон поехал и к Грили в Нью-Йорк и услышал его мнение, что уровень республиканской партии стал очень высок и поэтому

он за Дугласа. Дуглас — смелый человек. Пора начать что-то делать.

Из Бостона Герндон привез Линкольну книгу Хинтона Хелпера под названием: «Угроза кризиса на юге». Автор посвятил ее белым южанам, не имеющим рабов. Он выставил в качестве свидетелей против рабства англичан Мэнсфилда, Локка, Питта, Шекспира, Каупера, Мильтона, французов Ла Файета, Монтескье, короля Луи X, Руссо, голландца Гроциуса, немцев Гёте и Лютера, римлянина Цицерона, греков Сократа, Платона и Аристотеля. Он вызвал тени прошлого: южан — Вашингтона, Джефферсона, Мэдисона, Монро, Клэя и северян — Франклина, Гамильтона, Адамса и Вебстера. Он доказывал, что библия — книга против рабства.

Он приводил статистику, доказывавшую, что сельское хозяйство, основанное на рабском труде, приносит значительно меньше дохода и продукции, чем сельское хозяйство северян, основанное на свободном труде. Он перечислил десятки предметов широкого потребления: метелки, ведра, книги, мебель, посуда, игрушки, пианино, ботинки, шляпы, носовые платки и т. п., которые южане за отсутствием своей промышленности вынуждены закупать на севере.

В рабовладельческих штатах в 1850 году из 6 184 477 человек только у 347 525 были рабы. «Как правило, к белым беднякам относятся с меньшим уважением и вниманием, чем к неграм, и хотя положение последних настолько ужасно, что не поддается описанию, положение подавляющего большинства первых неизмеримо хуже». Юг был возмущен и потрясен книгой, ее продажу запретили; южане в конгрессе нападали на всех, кто читал книгу или цитировал ее.

Книга Хелпера оказалась слишком радикальной, слишком революционной, и никто не осмеливался перепечатать ее или продавать на юге, ибо существовал закон, согласно которому написание или выпуск памфлета, газеты, листовки или любого другого печатного издания возбуждающего характера или имеющего тенденцию к возбуждению недовольства или поднятию бунта цветного населения есть уголовное преступление, караемое каторжной тюрьмой от 2 до 20 лет. «Юг не может иметь своей литературы до тех пор, пока существует рабство. Рабовладельцы слишком ленивы и невежественны, чтобы писать, а не имеющим рабов — тем немногим, кто хоть сколько-нибудь культурен, — не разрешают сделать такую попытку. Господа с бичами в руках не только ничем не ограниченные хозяева черных… они также и судьи и господа всех белых, не имеющих невольников. Свобода этих белых чисто номинальна. Подавляющее большинство бедной

белой швали знает только то, что их высокомерные хозяева находят нужным им сообщить. Заносчивые кавалеры «Ордена кандалов и наручников» не унижают себя настолько, чтобы по-дружески поговорить с теми, у кого нет ни денег, ни наследственного имущества в виде человеческого скота».

С большим волнением читал Линкольн весной 1858 года эту печальную, неистовую книгу. Большая часть ее положений вызывала у него одобрение, но были и места, специально подчеркнутые им, с которыми он не мог согласиться: «За наш счет вы уже давно вернули себе стоимость ваших рабов. И теперь, господа, вы обязаны освободить их, или мы сами их освободим». И еще один абзац он счел слишком крайним: «И в самом деле, всех рабовладельцев — сторонников рабства… следует немедленно низвести до положения подлых преступников, закованных и брошенных в камеры государственных тюрем».

Эдвин А. Полард из Виргинии в своей книге «Черные бриллианты» призывал к узаконению торговли рабами — тогда можно, будет вновь ввозить свежий товар из джунглей в южные порты и продавать там негров по 100–150 долларов за штуку, «тогда и бедняк может надеяться стать владельцем негра». Сенатор Джеймс Х. Хамонд, сын янки из Коннектикута, переехавшего в Южную Каролину, сказал северянам: «Наши рабы наняты на всю их жизнь и хорошо вознаграждаются. Ваши нанимаются поденно, о них не заботятся, и труд их плохо оплачивается. Ведь в одном Нью-Йорке увидишь за день больше попрошаек, чем на всем юге за сто лет».

Шагая по улицам Спрингфилда, разъезжая с выездными судами, останавливаясь в отелях и судебных учреждениях, Линкольн часто встречал людей, потрясенных и взволнованных существованием рабства. Они прочитали книгу, которая воспламенила их сердца ненавистью. Люди возненавидели юг и народ юга. Ненависть эта коснулась и собственной страны, ее законов, ее флага. Они были убеждены, что их родина повинна в преступлении более ужасном, чем преступления любой другой страны, любой другой эпохи.

В 1849 году недалеко от Цинциннати, в поселке Уолнат Хиллс, жила 38-летняя женщина, мать шестерых детей. Последние тринадцать лет своей жизни она шила и стирала на всю свою семью. Она сама полировала мебель, набивала подушки, шила постельное белье и одеяла, собственные платья, костюмы для мужа и обувь со шнуровкой на заднике.

Муж ее был профессором в теологической семинарии. В 30-летнем возрасте она переводила Овидия, а в следующем году преподавала латынь в Хартфордской женской семинарии.

Одновременно она изучала французский и итальянский языки, рисование и живопись.

Уже будучи замужем и обслуживая всю семью, она находила время для написания статей, которые печатались и оплачивались журналами. Был издан альбом с ее рисунками.

Однажды она заболела и после полугодичного лечения из-за боли в глазах вынуждена была жить в затемненных комнатах. В 1849 году во время холерной эпидемии она потеряла ребенка.

Ее жизнь проходила на границе с рабовладельческим штатом, и часто, стоя на пороге своего дома, она видела огни пожарищ, озарявших небо над горизонтом. Она неоднократно была свидетелем того, как гнев и ненависть людей искали выхода в поджогах и погромах.

В самом Цинциннати некто Джеймс Бирни, освободивший всех своих рабов на плантации в Алабаме, издавал еженедельный журнал «Филантроп». Редакция помещалась в огнеупорном здании. Редактор, брат описываемой нами женщины, не расставался с заряженными револьверами.

Женщина слышала рассказы о жизни негров в Новом Орлеане, о том, как мать, у которой хотели отнять и продать дочь, бросилась вместе с ней с парохода и ушла от погони.

Тем временем в Вашингтоне был принят закон, обязывавший северян помогать южанам в розыске и поимке беглого живого имущества. Огонь, тлевший в сердце матери семейства, вспыхнул и обратился в стремление к жертвенности, даже к мученичеству.

— Я должна об этом написать… и напишу, если только я буду жить.

Однажды в церкви, пока священник читал свою проповедь, она начала писать первую главу своей книги. Используя свободное от семейных забот время, она писала главу за главой и тут же отсылала их в журнал «Нэшнл эра», где произведение печаталось под названием «Хижина дяди Тома».

Книга полностью была издана в 1852 году; восемь мощных машин безостановочно печатали книгу, тираж которой вскоре достиг 300 тысяч. Автора засыпали письмами и поэмами Уинтер, Холмс, Лонгфелло и многие другие. Пришли восторженные письма и из Англии — от Диккенса, Маколея, Кингсли.

В Англии в течение одного лишь года раскупили 150 тысяч экземпляров. В Париже осуществили инсценировку книги в 8 актах, и зрители сидели до половины второго утра, пока не опустился занавес после финальной сцены.

Переводы книги появились во Франции, Германии, Дании, Швеции, Италии и Уэльсе. Еще через год книгу перевели на русский, армянский, бенгальский, персидский, японский и

китайский языки.

Эта книга появилась в Америке как раз вовремя, чтобы сделать поход против рабства сильным и непримиримым. Маленькая Гарриет Бичер-Стоу увековечила в своей книге позор цивилизованной, христианской Америки. В дяде Томе она видела черного Христа. Он был распят бичами у позорного столба. Своей книгой она раскрыла глаза миллионов на жестокость и зверства плантаторов юга.

В течение тридцати лет аболиционисты писали, говорили, пели, молились; «Хижина дяди Тома» продавалась сотнями тысяч экземпляров. Сотни дел, связанные с бегством рабов на север, заканчивались малыми и большими бунтами, потасовками. В Канзасе свирепствовали гражданская война и террор.

Но вот в Канзасе появился человек, который действовал — он уводил лошадей, рисковал жизнью, когда сопровождал беглых рабов на всем их пути к свободе, жег амбары, терроризировал сторонников рабовладельчества, убивал людей без суда и следствия. На вопрос, почему он убивал и молодых, он ответил: «Из гнид вырастают вши». До приезда в эти края он жил в Огайо и Нью-Йорке, его предками были пилигримы с «Мэйфлауэра»; два его деда были участниками войны за независимость. Семья его прошла суровую школу воспитания: девятнадцать его детей утром и вечером молились и читали библию. Общаясь с аболиционистами восточных штатов, он доказывал, что нужны действия, смелые деяния. Он не был ни Моисеем, провозгласившим законы, ни стенающим Иеремией, а Самсоном, не страшащимся свалить храм небожителей, даже если это грозило ему смертью. Часто он говорил, что «даже один человек с божьей помощью может перевернуть мир».

Наконец ему надоели пустые разговоры. В понедельник 17 октября 1859 года телеграф повсеместно разнес странные и страшные вести. На слиянии рек Шенандоа и Потомак, где смыкались границы штатов Виргиния и Мэриленд, в каменистом городке Харпере Ферри, были перерезаны телеграфные провода, захвачены арсенал и оружейный завод. Двери были взломаны, стража и рабовладельцы арестованы, брошены в тюрьму, а рабы освобождены; им было предложено распространить слово свободы по всей стране.

Все это произошло воскресной ночью. Утро понедельника таило много непонятного для Америки. Что случилось? Было ли это началом восстания рабов? Последуют ли за этой еще вести о мятеже широкого масштаба, с длинным списком мужчин, женщин и детей, убиенных на пороге разграбленных и сожженных домов?

Страна облегченно вздохнула лишь во вторник, когда пришли

вести, что полковник Роберт Ли во главе 80 солдат морской пехоты атаковал и захватил цех завода, превращенный в импровизированную крепость, которую защищали 18 человек. Все они, за исключением двоих, были ранены или убиты.

В углу цеха солдаты нашли старика с длинной окладистой бородой; он назвался Джоном Брауном.

— Кто вас сюда послал? — спросили старика.

— Не люди меня послали. Я пришел сюда по собственному побуждению и по указанию творца или, если вам нравится, по велению самого дьявола. Я не признаю над собой ни одного человека.

— Какую цель вы преследовали?

— Я пришел освободить рабов.

— И вы считаете, что действовали законно?

— Да, мои друзья. Я уверен, что вы виновны в огромном преступлении против бога и человечества. Я считаю себя вправе нарушить ваши законы и освободить тех, кого вы держите в рабстве.

— И вы утверждаете, что верите в библию?

— Безусловно, да.

— А знаете ли вы, что вы бунтовщик, что вы подняли оружие против правительства Соединенных Штатов?

— Я хотел освободить рабов. Я пытался нравственно усовестить людей, но убедился, что жители южных штатов никогда не согласятся с тем, что они преступники.

— Вы фанатик и сумасшедший!

— А я считаю, что вы, южане, фанатики и сумасшедшие. Разве здравые умом будут держать в рабстве 5 миллионов человек? Только сумасшедшие могут думать, что такая система не обречена на гибель. Разве не лишены ума люди, которые преследуют всех выступающих против этой системы и убивают всех, кто хочет ее уничтожить? Разве здраво затевать войну вместо того, чтобы покончить с рабством?

Правительство штата Виргиния судило Брауна по всем правилам. Его обвинили в убийствах, в государственной измене, о подстрекательстве рабов к мятежу. Друзья с севера наняли способных адвокатов. Суд признал его виновным, и были произнесены слова: осужденный подлежит повешению за шею и должен висеть до тех пор, пока он не будет мертв, мертв, мертв.

Джон Браун не отводил взгляда от судьи и спокойно излагал свою мысль, как будто он давно все обдумал. Он обращался ко всей Америке, ко всему миру, к будущим поколениям:

— Если бы я поднял оружие в защиту богатых, могущественных, образованных, так называемых великих, или в

защиту их друзей, или принадлежащих к их классу людей, все участники этого суда сочли бы мои действия достойными награды, а не наказания. Суд признает действенность законов всевышнего. Здесь целовали книгу — библию, которая учит меня, чтобы я поступал с другими так, как я хотел бы, чтобы они поступали со мной. Я пытался выполнить это наставление. Я боролся за бедных, и это было справедливо, ибо они не хуже любого из вас: бог не терпит лицеприятия. Я знаю, что, встав на защиту презираемой вами бедноты, я не согрешил против бога, а поступил по справедливости. Но если вы считаете необходимым, чтобы я расстался с жизнью ради престижа законности, если вы хотите, чтобы моя кровь и кровь моих детей слилась с кровью миллионов рабов в нашей стране, чьи права растоптаны злонравными, жестокими и несправедливыми законами, воля ваша.

Друзья Брауна дали ему знать, что они готовы выкрасть его из тюрьмы. Он им ответил, что мертвый он принесет больше пользы для дела свободы. Он был уверен, что сумеет показать, как нужно умирать за свободу, не дрогнув, без тени страха. Потом его призрак вернется и будет носиться по земле и терзать сердца людей вопросами о свободе, справедливости, боге. Молодежь будет помнить о Брауне. А именно молодежь нужно принимать в расчет. Брауну было пятьдесят девять лет, а средний возраст захвативших Харпере Ферри, считая и его самого, лишь немногим превышал двадцать шесть лет, и это они проливали кровь на глазах у всего мира.

Да, он пойдет на виселицу. Он напишет последнее обращение; перед тем как стать под петлей, он передаст соседу по камере клочок бумаги со следующей записью: «Я, Джон Браун, теперь твердо знаю, что преступления этой греховной страны могут быть искуплены только кровью. Я теперь вижу, что напрасно надеялся, что этого можно достичь малой кровью».

В роковой день долина Шенандоа была прибрана и украшена небесами и погодой. За спинами 3 тысяч гвардейцев с примкнутыми штыками он видел голубую дымку тумана и лучи солнца, освещавшие хребет Голубых гор. «Это действительно прекрасная страна. У меня раньше просто не было времени, чтобы насладиться этой красотой». Но он не был грустным. Он был человеком Судьбы, верившим в свое право решать судьбы других.

— Подать ли вам знак перед тем, как отпущу пружину люка? — спросил шериф.

— Нет, нет, — ответил белобородый Браун, — и кончайте свое дело поскорее.

Губернатор Виргинии, его тюремщики рассказывали о том,

как он умер, не дрогнув, бестрепетно, спокойно, невозмутимо.

Предвидение Джона Брауна оправдалось. Эмерсон, Торо, Виктор Гюго сравнивали его с Христом, с Сократом, с великомучениками, мужественно встретившими смерть. Уэнделл Филлипс сказал: «Остается одно — восстание». Аболиционисты пели ему аллилуйю.

Противники рабства с сожалением оценивали грядущее: южан отхлестали, и теперь сторонники рабства начали мстить.

Дуглас потребовал издания закона, карающего конспираторов. Цитатами из линкольнской речи «Дом разделенный» и из речи Сьюарда «Непримиримый конфликт» Дуглас пытался доказать, что политические деятели республиканской партии и их «революционные доктрины» побудили Брауна действовать.

2 декабря, в день, когда повесили Брауна, Линкольн выступил с речью в Трое, штат Канзас.

Линкольн сказал: «Старик Джон Браун, так же как и мы, считал рабство злом. Он боролся с рабством, нарушая законы. Его повесили, как преступившего закон штата Виргинии, и мы не можем протестовать. Но если вы, южане, вознамеритесь разрушить, расколоть, уничтожить, ниспровергнуть Союз вопреки закону, если вы совершите государственную измену против Соединенных Штатов, наш долг будет состоять в том, чтобы поступить с вами, как поступили с Джоном Брауном».

Уход Джона Брауна в долину смерти нашел отклик во всей стране. Обаятельная Луиза Олкрт называла его «Святой Джон-справедливец». Лонгфелло записал в своем дневнике, что повешение Брауна установило «день новой революции, необходимой не менее, чем первая». Губернатор Виргинии, выступая в Ричмонде, сказал: «Это был человек с ясной головой, отважный, сильный духом, фанатик, полный самомнения, разговорчивый, но твердый в своих убеждениях, честный и умный». Бостонский юрист сказал на съезде демократов, что целью Брауна было «вызвать социальную революцию и гражданскую войну» в Виргинии.

Вооруженное выступление Джона Брауна окрасило всю политику страны. «Нью-Йорк геральд» напечатала рядом сообщение о событиях в Харпере Ферри и полностью речь сенатора Уильяма Сьюарда, в которой он предсказывал «непримиримый конфликт». Потом в сенате Стюард выступил с разъяснениями: он был против заговоров, засад, нарушения права собственности, насилия по примеру Брауна; он предпочитал разум, избирательное право и дух христианской религии. Но никакие разъяснения уже не могли смыть с него пятно радикала

— кандидат в президенты от республиканской партии Сьюард оказался сильно подмоченным. Джеас Фел и судья Дэвид Дэвис неутомимо готовили планы выдвижения своей темной лошадки в мае месяце.

К этому моменту штат Канзас уже имел свою конституцию и законодательное собрание. Предстояли выборы местных чиновников и делегата в конгресс. Линкольн выступил за республиканский список в Трое, Донифане, Ачисоне и Ливенворте. Местная газета «Таймс» сообщила: «Его симпатии были на стороне Брауна в его ненависти к рабству, но попытку к восстанию он категорически порицал. Он полагал, что старик безумец. Линкольн еще не встретил ни одного республиканца, который одобрил бы проектируемое восстание».

Его решения и выбор политических средств диктовались быстро меняющейся обстановкой. В июле 1859 года он писал коллеге-адвокату: «Должен признаться, что в президенты я не гожусь». В ноябре он отправил приятелю в Пенсильванию письмо, в котором намекал, что он, пожалуй, будет баллотироваться. «Конечно, я буду добросовестно работать рядовым членом партии, если только решением партии — а я считаю это возможным — мне не будет предусмотрено другое назначение».

В декабре пришло письмо от лидеров республиканской партии в Огайо с просьбой разрешить «опубликование» знаменитых дебатов 1858 года. Линкольн ответил, что он благодарен за «очень лестные отзывы», заключенные в этой просьбе. «Мое желание состоит в том, чтобы копии речей, которые я препровождаю, были напечатаны точно, без изменений и комментариев». Целый год до этого момента работал он, вырезая из газет наиболее важные речи Дугласа и свои.

Спрингфилдский «Джорнэл» писал: «Имя «Старого Эйби» — лидера великой армии республиканцев Северо-Запада — стало символом силы и могущества». Другие газеты присоединились к этой оценке. Линкольн знал, что по выходе из печати книга будет прочтена огромным количеством людей.

На титульном листе было напечатано: «Политические дебаты между почтенным Авраамом Линкольном и почтенным Стифеном А. Дугласом во время прославленной избирательной кампании 1858 года в Иллинойсе». В книге дано описание страстной преданности Дугласа республике свободных белых людей от. океана до океана, с непременным условием, что «низшие расы», как он их назвал, — негры, индейцы, китайские кули будут лишены гражданства, а также воспроизведены решительные протесты Линкольна против распространения рабства и всесторонняя защита им параграфа, гласящего, что «все люди

рождены равными».

16 февраля 1860 года чикагская «Пресс и трибюн» безоговорочно поддержала кандидатуру Линкольна в президенты; газета утверждала, что его репутация «столь же прекрасна, как и у лучших людей страны… Иллинойс и Индиана скорее отдадут свои голоса ему, нежели кому бы то ни было другому… колоссальная широта мысли и острый интеллект», и дальше: «Линкольн никогда не станет президентом посредством интриг и меркантильных сделок». 23 февраля, в день, когда Линкольн уезжал в Нью-Йорк, газета «Иллинойс стейт реджистер» разразилась следующими строчками по поводу предстоящего его выступления в Плимутской церкви: «Тема неизвестна. Вознаграждение — 200 долларов и дорожные расходы. Цель — президентство. Результат — досада».

Вечером 27 февраля в Нью-Йорке разбушевалась метель, нарушившая движение транспорта, и зал Купер Юнион не был полон. Пришло около полутора тысяч человек, уплативших за вход по 25 центов; сбор составил 367 долларов. «Трибюн» сообщила, что «со времен Клэя и Вебстера в Нью-Йорке не было такого большого собрания «интеллектуальных и морально-культурных» людей.

Редактор газеты «Ивнинг пост» Уильям-Колен Брайант напомнил аудитории, что Линкольн был избран народом Иллинойса в сенаторы, но что законодательное собрание послало Дугласа. В заключение он сказал: «Друзья мои, мне остается только произнести имя Авраама Линкольна из Иллинойса (громкие овации), чтобы обеспечить ему ваше глубочайшее внимание». Раздались аплодисменты; оратор улыбнулся, ухватился левой рукой за борт сюртука и стоя выжидал, пока приветствия затихли.

«Мистер председатель», — сказал он с характерным кентуккийским акцентом. Он не торопился начинать. Некоторые республиканцы не знали, огорчаться из-за этой заминки или смеяться. Но когда он заговорил, настроение изменилось. Они поняли, что он глубоко продумал острые проблемы момента и разобрался в чувствах, так волновавших людей. Он цитировал слова Дугласа: «Наши предки, когда они создавали правительство страны, разбирались в этой проблеме (рабства) не хуже, а может быть, и лучше нас». Линкольн много цитировал, оглашая известные исторические документы, чтобы доказать, что у «предков» была республиканская точка зрения по вопросу о распространении рабства.

Он доказывал, что республиканцы не были ни радикальны, ни революционны, а просто консервативны, ибо они проводили

линию «предков», составивших Конституцию.

> «И все же, — говорил он, — я не думаю, что мы обязаны безоговорочно следовать по пути наших предков. Поступать так — значит отвергать весь современный опыт, отказаться от прогресса. А теперь, если южане захотят меня выслушать, — а я полагаю, что они не захотят, — я скажу несколько слов народу юга… Хотя мы и считаем, что рабство — зло, мы все же можем позволить себе оставить его в том положении, в каком оно сейчас находится, ибо мы не можем не считаться с фактом его существования. Но можем ли мы, имея такую силу, как голосование, позволить ему распространиться на другие национальные территории и захлестнуть нас здесь, в свободных штатах? Если чувство долга запрещает нам это, тогда выполним наш долг бесстрашно и эффективно». Закончил он так: «Преисполнимся веры, что правые вершат правые дела, и с этой верой будем стоять до конца, смело выполним наш долг так, как мы его понимаем».

Загремели аплодисменты, раздались приветственные крики, овации, о воздух полетели шляпы, замелькали платочки. Люди столпились вокруг оратора, чтобы пожать ему руку. Какой-то репортер ляпнул: «Он величайший человек со времени святого Павла», — и поспешил написать: «До сих пор ни один человек еще не производил такого впечатления в Нью-Йорке первым своим выступлением».

Утром Линкольн увидел свою речь полностью напечатанной в четырех газетах и узнал, что она будет выпущена брошюрой. Брэйди фотографировал его; на портрете он выглядел несколько самодовольным, не было обычного печального выражения; но публике портрет понравился.

На той неделе Медил послал из Вашингтона передовицу для чикагской «Пресс энд трибюн», в которой он доказывал, что не Сьюард, а Линкольн будет избран в этом году президентом.

По поручению своей партии Линкольн выступал в Новой Англии. В Хартфорде он сказал, что одна шестая часть населения США считается движимым имуществом и только имуществом. «Стоимость этих рабов наличными, по скромным подсчетам, составляет 2 миллиарда долларов. Естественно, что сумма стоимости этого имущества в огромной степени влияет на умы рабовладельцев. Если бы мы владели этим имуществом, то в равной степени и мы поддались бы этому влиянию. Человеческая природа везде одинакова, люди на юге такие же, как мы на

севере, но обстоятельства другие».

Рабочие обувной фабрики бастовали — они не могли прожить на заработную плату в 250 долларов в год. Дуглас бросил им обвинение, что эта забастовка — следствие «несчастной борьбы разных групп населения». Линкольн ответил: «Я не верю в закон, препятствующий человеку разбогатеть; такой закон причинил бы больше вреда, чем пользы. Итак, поскольку мы не собираемся объявить войну капиталу, мы намерены предоставить самому бедному человеку равную возможность разбогатеть (аплодисменты)».

ЛИНКОЛЬН ПРИНИМАЕТ ПРИСЯГУ

1. «Мэри, нас избрали

Уильям Х. Сьюард считался первым кандидатом в президенты от республиканской партии. Он был ньюйоркцем. Его друг Торлоу Уид; издатель газеты «Ивнинг джорнэл» в городе Олбэни, штат Нью-Йорк, руководил пресс-бюро Сьюарда, был связан с крупными предпринимателями и мог свободно тратить деньги на агитацию за Сьюарда.

Будучи губернатором Нью-Йорка, Сьюард ввел закон, предусматривавший судебное разбирательство дел о беглых рабах с участием присяжных заседателей; защитники оплачивались штатом. В октябре 1858 года он сказал: «Существует непримиримый конфликт между антагонистическими, стойкими силами, а это означает, что США должны стать, и раньше или позже станут, целиком нацией рабовладельцев или нацией свободного труда».

Южане и их газеты называли его «дьяволом, чудовищем»; консультанты заметили ему, что он высказался слишком радикально. Он потом объяснил, что он вовсе не такой радикал, как это могло показаться, но клеймо на нем осталось.

Другим кандидатом был Саймон П. Чэйз из Огайо, аболиционист, радикал, дважды избиравшийся губернатором и один раз — сенатором США.

Третьим — Эдвард Бэйтс из Миссури, отец 17 детей; его сторонники твердили, что, будучи фрисойлером и вигом из штата, пограничного с рабовладельческими, он сумеет предотвратить их отделение. Бэйтс в свое время поддерживал партию «ничего-не-знающих» и не учел силу немецких редакторов и политических лидеров, припасших для него топоры избирателей.

Джон Маклин, демократ из Огайо, товарищ прокурора в верховном суде США при президенте Джексоне, также назывался как кандидат в президенты; в его активе было выступление в пользу беглого негра Дреда Скотта. Маклину было семьдесят пять лет. Линкольн писал о нем Трамбулу: «Будь он на десять лет моложе, он был бы лучшим нашим кандидатом».

Все эти кандидатуры обсуждались лидерами республиканцев. Линкольн в списке не фигурировал.

Издание дебатов Линкольна и Дугласа должно было выйти четырьмя выпусками примерно в середине мая. Стоила книжка 50 центов в бумажном переплете и доллар в холщовом. Брошюра с речью Линкольна в Купер Юнионе продавалась по 1 центу. По стране все шире распространялась легенда о высоком некрасивом

человеке, который родился в простом бревенчатом доме, работал матросом на плоскодонке и дровосеком, но достиг такого положения, что его речами и идеями интересовалась вся страна. Все это создало вокруг Линкольна известный ореол. Людям вдруг приходило в голову: «А ведь если подумать: почему бы не Линкольн? Чем больше к нему присматриваешься, тем больше убеждаешься, что он подходит больше всех».

В 1859 году Линкольн покрыл 4 тысячи миль и произнес 23 речи. Он трудился больше любого другого кандидата в президенты от республиканской партии. Он выступал в Новом Орлеане и в Канзасе, в Нью-Йорке и в Новой Англии. Он затаил свои надежды на выдвижение и только ждал, что в ближайшие недели скажутся результаты его выступлений.

Он написал одному делегату (из Огайо) на предстоящий чикагский съезд, что Сьюард «самый лучший наш кандидат для штатов к северу от Иллинойса и самый плохой для штатов к югу». Таково же положение Чэйза, а у Бэйтса — наоборот. «Я не самый подходящий человек, чтобы ответить на ваши вопросы (о кандидатах). Когда не очень крупный деятель выдвигается на высокий пост, у него начинается легкое головокружение». Но с Трамбулом он был вполне откровенен и писал ему: «Это мне по вкусу».

Марк Делагэй, канзасский лидер, сторонник Линкольна, обещал помочь ему, но потребовал денег. Линкольн ответил: «Разрешите мне сказать, что я не могу войти в компанию на денежной основе: во-первых, потому, что это принципиально неправомерно, и, во-вторых, у меня денег нет и достать их я не могу. Я говорю, что принципиально это неправомерно, но для достижения определенных целей в политической борьбе использовать некоторую сумму и правомерно и обязательно». Он недвусмысленно предложил: «Если вас изберут делегатом в Чикаго, я вам дам 100 долларов, чтобы покрыть расходы на поездку».

9 мая Джон Хэнкс явился в город Декэйтер на съезд республиканцев штата с двумя стойками для ограды, перевязанными флагами и лентами, на которых было написано: «Авраам Линкольн, кандидат дровосеков в президенты в 1860 году. Две стойки из партии в 3 000, наколотых в 1830 году Томасом Хэнксом и Эйбом Линкольном, отец которого был первым поселенцем в графстве Мэйкон».

Последовали выкрики: «Линкольн! Линкольн!

Речь!» Линкольн выразил свою благодарность делегатам. Вспыхнула овация: «Трижды три здравицы за честного Эйби, нашего следующего президента». Делегаты спросили Линкольна:

«Узнаете свою работу?» — «Возможно, что я колол эти брусья, — отозвался Линкольн и, тщательно осмотрев их, добавил: — Знаете, ребята, я очень много наколол брусьев, но те были ровнее этих». Таким образом был выдвинут кандидат дровосеков. Он получил прозвище «Кололщик брусьев».

Тем временем демократическая партия разделилась на две фракции, которые созвали отдельные съезды: в мае собирались демократы-аболиционисты, в июне — сторонники рабства. При наличии такого раскола в демократической партии победа республиканцев в ноябре была обеспечена.

Иллинойские делегаты шили себе из черного тонкого сукна костюмы к съезду республиканской партии, покупали шелковые цилиндры. Линкольн сказал: «Я слишком крупный кандидат, чтобы остаться дома, и не совсем еще кандидат, чтобы поехать на съезд».

Джад и другие положили много сил, чтобы съезд состоялся в Чикаго. Они уверили центральный комитет, что если съезд состоится в каком-нибудь восточном городе, партия «может потерять голоса Запада». Быстро растущий Чикаго стал символом смелости, предприимчивости и движения вперед.

16 мая 1860 года поезда привезли на съезд 40 тысяч гостей и 500 делегатов. На месте снесенного отеля Соганаш, стоявшего на углу улиц Лэйк и Маркет, было возведено огромное, хаотично построенное, громоздкое здание на 10 тысяч мест, прозванное Вигвамом. Чикагские девушки и дамы с помощью молодых людей украсили помещение флагами, транспарантами и красно-бело-синими лентами.

Судья Дэвид Дэвис прекратил работу восьмой выездной сессии суда, снял весь третий этаж лучшего в Чикаго отеля — Тремонт-хауза и уплатил 300 долларов за предоставление просторной штаб-квартиры Линкольну и его штату, состоявшему из евангелистов, коммивояжеров, неутомимых организаторов, агитаторов, увещевателей, прожектеров. Джес Фел встречался с лидерами делегатских групп, занимавших ключевые позиции, был их референтом. Джад, адвокат, тесно связанный с делегатом из Пенсильвании, поверенным железнодорожной компании, не задумываясь, раздавал всевозможные обещания крупным капиталистам, заинтересованным в постройке дороги к Тихому океану. Лионард Свэтт, молодой человек из Мэна, старательно разбивал единство про-сьюардских делегатов из этого штата. Ричард Дж. Оглсби, в качестве фрисойлера и вига, выросшего в Кентукки, делал все возможное, чтобы произвести впечатление на делегатов из Миссури своим грудным грубым кентуккийским говором. Джон М. Памер эффективно действовал среди бывших

демократов, а Густав Кернер, немецкий эмигрант, работал как демон, чтобы разрушить шансы Бэйтса в отместку за то, что тот в 1856 году поддержал «ничего-не-знающих».

В гостиной штаба Линкольна любого делегата или важного гостя угощали сигарами, вином, портером, бренди, виски; счет на 321 доллар 50 центов был оплачен Хатчем и Лэймоном. Они приглашали делегатов и конфиденциально с ними беседовали или выступали с речами перед небольшими группами.

Торлоу Уид в штаб-квартире Сьюарда применял те же методы.

По Чикаго маршировали духовые оркестры; на оркестрантах сверкали пышные мундиры. Огромные толпы осаждали Вигвам, который мог вместить меньше трети всех собравшихся; ораторы непрерывно сменяли друг друга. В тысяче баров выборщики праздновали и разглагольствовали.

Накануне открытия съезда Дэвис и Дюбуа телеграфировали Линкольну: «Мы не шумим, но ставим вверх дном землю и небо».

Во второй половине дня 17 мая помощники Сьюарда потребовали провести голосование по кандидатурам, но председатель заявил, что «счетные листы еще не готовы». Незамедлительно было внесено предложение отложить заседание. Голоса специально не подсчитывались, председатель Джордж Ашман заявил, что предложение принято; заседание перенесли на следующий день. Это был решительный момент, ибо помощники Сьюарда могли бы протащить своего кандидата.

В ночь на 18-е сторонники Линкольна в течение всей ночи заключали весьма важные политические сделки. Дэвис телеграфировал Линкольну из чикагского штаба: «У меня большие надежды. Не волнуйтесь. Подыхаем от усталости. Телеграфируйте и пишите сюда как можно меньше».

Дюбуа и другие помощники Линкольна организовали совещание с делегатами из Пенсильвании и Индианы. Рэй из «Трибюн» пришел к своему шефу Медилу: «Индиана будет голосовать за старину Эйба». — «Почему вы так решили?» — спросил Медил. «Боже мой, мы им обещали дать все, что они просили». Калеб Б. Смит должен был стать секретарем в министерстве внутренних дел, а Уильям П. Дол комиссаром по делам индейцев; в результате вся группа из Индианы обещала целиком голосовать за Линкольна при первой же баллотировке. Пенсильванская группа из 54 делегатов, все в белых цилиндрах, при первом голосовании собиралась отдать свои голоса Саймону Камерону, а затем кому-нибудь другому. Судья Дэвис торговался с ними; Дюбуа телеграфировал Линкольну, что можно получить голоса камеронцев, если их лидеру будет обещана должность

министра финансов. Линкольн телеграфно ответил: «Я не даю санкции ни на какие сделки и не считаю себя связанным ими».

Возможно, что он считал все-таки допустимым заключение бесчестных сделок и ему нужны были оправдательные документы. К тому же, базируясь на многолетних деловых взаимоотношениях с судьей, Линкольн хорошо знал ход мыслей, волю и совесть Дэвиса, а именно, что никакие самые решительные запрещения не заставят судью отказаться от своего намерения провести Линкольна кандидатом в президенты.

Уитни рассказал, что произошло после ознакомления с телеграфным ответом Линкольна: «Грубоватый Дюбуа выругался: «Будь проклят Линкольн!» Изысканный Свэтт проронил: «Я абсолютно уверен, что если бы Линкольн знал наше положение…» Критически настроенный Логан в сердцах плюнул: «Основная трудность с Линкольном — это…» — и он не закончил фразы. Герндон осмелился; вступиться: «Друзья, я попробую объяснить». Дэвис разрубил гордиев узел: «Линкольна здесь нет, и он не знает, с чем нам приходится сталкиваться. Мы будем продолжать наше дело так, как будто мы от него ничего не получали, и он потом будет вынужден утвердить это все».

С таким настроением они пошли к руководителям пенсильванцев, договорились с ними и спустились в вестибюль Тремонт-хауза, где сидел Медил из «Трибюн». Он курил и думал над замечанием Линкольна, что Пенсильвания — очень серьезный фактор на съезде. Наконец Медил увидел судью Дэвиса; тот с трудом передвигался и изрядно пыхтел: его вес превышал 110 кило. Была уже полночь. Медил бросился к судье и спросил его, как собираются действовать пенсильванцы. Судья крикнул: «Будь я проклят, если мы их не заполучили!» — «Как это вам удалось?» — «Мы уплатили цену, которую они потребовали…»

Затем появился Рэй, который присутствовал при сделке» все слышал. Медил спросил своего редактора, каким образом удалось прижать пенсильванцев.

— Очень просто, — сказал Рэй, — мы обещали сделать Камерона членом кабинета министров.

— Боже мой! Отдать Камерону казначейство! Что же от него останется?

— О, какая разница! — сказал Рэй. — Мы прицелились на гораздо большее: мы хотим получить президентство,» поэтому казначейство не такая уж большая цена.

И все же казалось, что победа Сьюарда обеспечена; шампанское в Ричмонд-хаузе лилось рекой. Пробное голосование, проведенное во всех прибывших поездах, показывало, что Сьюард

получит подавляющее большинство голосов. Мичиган, Висконсин, Миннесота, Нью-Йорк, Калифорния, Массачусетс (кроме четырех делегатов — сторонников Линкольна) — все целиком был» за Сьюарда. Штабные работники Линкольна, сверкая глазами и сжимая кулаки, говорили, что если Сьюард будет стоять в списке кандидатов первым, то республиканцы в конечном счете проиграют битву за президентство. Им удалось многих напугать этим.

Лэймон пошел в типографию, где печатались пропуска в Вигвам на нумерованные места. Молодежь почти всю ночь работала, выписывая фамилии функционеров съезда на дублированных пропусках, с тем чтобы наутро сторонники Линкольна могли занять зал и не оставить места для крикунов Сьюарда. Часами большая часть собравшихся в Чикаго — 40 тысяч приезжих — шумела и кричала за «Авраама Линкольна», «Старину Эйба», «Кандидата дровосеков». Джад договорился с железнодорожными компаниями, что любой крикун за Линкольна может поехать в Чикаго по сниженному тарифу для экскурсантов. Одни горели от убежденности, другие воспламенялись от виски, но все они орали, прыгали, дурачились и прославляли Линкольна.

Пока в первые два дня решались процедурные вопросы, чикагские распорядители отдали зал съезда в полное владение сторонников Сьюарда. 18 мая с восходом солнца волны многотысячной толпы бились в двери Вигвама. Линкольнские крикуны прошли с подложными пропусками, они заняли все места и заполнили все проходы; а сотни нью-йоркских просьюардских клакеров не смогли протиснуться. Лэймон и Фел завербовали тысячу горластых мужчин; им вручили пропуска, все они пришли и зорко следили за своими вожаками, занявшими места напротив них. Один из них был доктор Эймс из Чикаго. Говорили, что в тихий день его голос можно было слышать по другую сторону озера Мичиган. Второй, которого делегат Бэртон Кук привез из Оттавы, славился тем, что обладал голосом невероятной насыщенности и чудовищной силы. Эти два человека с кожаными легкими поглядывали на Кука, находившегося на сцене. Когда он вынимал платок, они «выдавали на-гора» и орали до тех пор, пока Кук не прятал платок. Вместе с ними вовсю старалась еще тысяча горластых мужчин.

Каждое выступление с предложением кандидатуры должно было состоять из одной фразы. Джад произнес такую «речь»: «По поручению делегации из Иллинойса я предлагаю выдвинуть кандидатом в президенты Соединенных Штатов Америки Авраама Линкольна из Иллинойса».

Тут же Кук вынул платок. Пять тысяч человек, не считая женщин, вскочили со своих мест, поднялся дичайший рев, в сравнении с которым все предыдущие вопли казались смиренной церковной вечерней. Тысяча паровых гудков, десять акров гостиничных гонгов, вопли целого индейского племени команчей затерялись бы в этом хаосе звуков.

Сьюард получил 173 1/2 голоса, Линкольн 102, разным местным любимчикам и прочим достались остальные голоса. При второй баллотировке количество голосов за Линкольна подскочило до 181, за Сьюарда — до 184 1/2. В третий раз Линкольн собрал 231 1/2 голоса из общего числа в 465, а Сьюард только 180.

Медил из «Трибюн» шепнул Картеру из Огайо:

— Если вы сможете подкинуть Линкольну голоса делегации, ваш Чэйз получит все, что захочет.

— Откуда вы это з-знаете? — заикаясь, спросил Картер.

Медил ответил:

— Я знаю, что говорю, и вы знаете, что я бы этого не сказал, если бы не знал.

Картер громко заявил съезду, что четыре голоса от его штата переходят к Линкольну. Последовали заявления других делегатов о передаче их голосов в пользу Линкольна. Пока счетчики подводили итоги и председатель дожидался окончательных цифр, говор десятитысячной массы стих, веера перестали трепетать в руках дам; слышалось только царапанье карандашом на сцене и стрекот телеграфных аппаратов. 900 репортеров со всех концов страны вцепились в свои карандаши.

Председатель поднялся. Из 465 голосов 364 отданы выдающемуся кандидату: «Авраам Линкольн из Иллинойса избран вашим кандидатом в президенты Соединенных Штатов».

Огромное эмоциональное напряжение кончилось. Сильные мужчины обнимали друг друга, плакали, смеялись, радостно кричали сквозь слезы. Судья Логан вскочил на стол, размахивал руками, подкинул свой новый шелковый цилиндр и начисто смял его, треснув им кого-то по голове. Внутри Вигвама и снаружи в этот полуденный час все словно сошли с ума: в воздухе мелькали шляпы, платочки, зонтики; духовые оркестры ревели; на крышах гремели пиротехнические хлопушки, как пушечные выстрелы, и им вторили городские колокола, пароходные гудки и паровозные свистки.

Кнап телеграфировал Линкольну: «Мы своего добились. Хвала богу». Фел сообщал: «Город сошел с ума от возбуждения. От всего сердца поздравляю». Свэтт предупреждал: «Ни в коем случае не дайте себя убедить приехать сюда». Дюбуа и Батлер:

«Без нашего телеграфного вызова не приезжайте». Джад писал короче: «Не приезжайте в Чикаго», и короче всех Кернер: «Не приезжайте сюда».

Когда провода пропели сообщение, что выдвижение стало единогласным, Линкольну, вероятно, и стопушечный ликующий салют показался бы еле слышным треском. Он прочитал обрушившуюся неожиданным ливнем массу радостных телеграмм, пожал всем руки и затем пошел домой, чтобы сообщить новость и увидеть, как засияет и зардеется лицо жены.

Этой ночью по всей территории, прилегавшей к реке Сэнгамон, горели костры из ящиков, бочек и хвороста. Духовой оркестр и ликующая толпа подошли к дому Линкольнов и потребовали речи от избранника республиканцев. До рассвета раздавались крики «ура» и вопли мелких групп демонстрантов.

«Странные и противоречивые» элементы «собрались со всех четырех стран света», как говорил Линкольн, и создали могущественную партию, в которой соединились молодость, различные программы, религиозные фанатики, доморощенные философы и честолюбивые политические деятели. Влиятельные группы промышленников, железнодорожных магнатов и финансистов пришли к выводу, что это многообещающая партия. Пенсильвания, Нью-Йорк, Новая Англия были довольны перспективами заселения Великих Равнин, улучшения торговли и выгодных тарифов. В платформе республиканцев значилось: «Интересы всей страны властно требуют постройки железной дороги к Тихому океану.

Федеральное правительство должно оказать немедленную и действенную помощь в этом деле».

Орды политиканов уцепились за республиканскую партию, как за вероятного победителя на выборах; ведь правительство тратило 80 миллионов долларов в год на управленческие расходы; от чиновников зависело получение должностей, контрактов, различных выгод, а политиканы были связаны с угольными, нефтяными, стальными, чугунолитейными, железнодорожными и пароходными компаниями, с торговыми предприятиями.

Платформа республиканцев предусматривала определенные выгоды для фермеров, рабочих, промышленников и коммерсантов. Партия бралась за решение давно запущенных и избегаемых вопросов. Различные компании вовсю старались, чтобы связанные с ними политические деятели занимали первые ряды, состояли членами комитетов и имели влияние в новой партии.

Спрингфилдец, избранный в знаменосцы партии, казался

иногда слишком робким и застенчивым. Он и стремился и не стремился к этому посту. Он был вроде ясновидящего, который знает, что впереди ужасные времена. У него были личные колебания. В конце концов он был лишь темной лошадкой, но на нее уже надели седло. Он имел возможность размышлять над старой пословицей: «Лошадь думает об одном, а наездник о другом».

Специальная комиссия съезда формально известила Линкольна о его избрании. Он также сперва устно, а после ознакомления с программой и письменно сообщил о своем согласии. Он будет сотрудничать с партией, «моля божественное провидение о помощи…».

В июне на национальном съезде демократов в Балтиморе после ожесточенных, яростных споров кандидатом в президенты был выдвинут Дуглас из Иллинойса. Делегаты одиннадцати рабовладельческих штатов покинули съезд. Они ушли из партии и наметили своим кандидатом Джона С. Брекенриджа из Кентукки, с презрением и ненавистью отвергнув Дугласа. Они согласились с мнением Джона Рандолфа, который сорок лет назад советовал отделиться от Союза, утверждая, что «требование сдачи штатом части своей независимости равносильно требованию, чтобы девушка отдала часть своей девственности».

Судья Дэвис получал много писем, в которых интересовались тем, как Линкольн, если его изберут, будет раздавать назначения на должности, попечительства, как он будет обращаться с партийными фракциями, решать надвигающиеся проблемы. Дэвис просил Линкольна указать ему, как отвечать на эти письма. Линкольн подготовил образчик ответного письма и послал его Дэвису, чтобы тот отправлял его от своего имени.

> «У меня были частые и исчерпывающие беседы с мистером Линкольном. Суть его высказываний сводится к тому, что он не намерен сейчас или потом, во всяком случае до выборов, связывать себя с кем-либо — с человеком, кликой или фракцией; и в случае, если ему будет доверен высокий пост, он с удовольствием выполнит свой долг и будет обращаться разумно и беспристрастно со всеми. Он думает, что ему нужна будет помощь всех. И даже, если бы у него оказались друзья, имеющие право на награду, или враги, которых нужно было бы наказать, — а врагов у него нет, — он не мог бы позволить себе роскошь отказаться от талантливых людей или пойти против общественного мнения населения любого района страны».

Избирательная машина работала вовсю. Молодежь в специальных мундирах маршировала в факельных шествиях. Сьюард выступал в северных штатах; когда он проезжал Спрингфилд, Линкольн поехал на вокзал и устроил ему сердечную встречу.

По всей стране выступали батальоны ораторов. Они спорили, угрожали, обещали, приводили статистические данные, исторические факты, напоминали о случаях взрыва народных страстей. Но самому главному оратору партии нечего было сказать или почти нечего. Изредка он писал письма, пожимал руки ораторам, репортерам, политическим деятелям, которые приходили к нему десятками в дом на Восьмой улице.

В июне появились пять биографий Линкольна, сработанные литературными поденщиками. Позже были изданы более претенциозные и подробные биографии в переплетах. Были выбиты медали. Одна сторона медали рекламировала мыло, а на другой восхвалялся Линкольн. Начался поток просьб об автографах. Нашлись газеты, которые расценивали Линкольна как «провинциального адвоката третьего сорта… не умеющего говорить грамматически правильно…», он отпускает, писали они, «…грубые, бестактные шутки», он потомок «африканской гориллы».

Один из редакторов чикагской «Трибюн», Джон Лок Скрипе, долго интервьюировал Линкольна, и по его просьбе Линкольн написал автобиографию в 2 500 слов. Скрипс обработал этот материал и выпустил в свет миллион книжек по 5 центов. Это означало, что миллионы читателей теперь могли получить некоторые ответы на вопросы: «Кто такой Авраам Линкольн, что представляют собой он, его родня, его привычки, дом, каковы его убеждения, его политика, как он выглядит?» В брошюре рассказывалось о Линкольне, что он рано узнал тяжелый труд, начиная с «колки брусьев, пахоты, боронования, сеяния, мотыжения, уборки урожая и кончая работой лучковой и поперечной пилами». Сообщалось также, что он знаток и в спорте. «Он был первым среди своих одногодков в борьбе, беге, прыжках, в бросании молота, в метании лома».

Скрипе писал, что неоднократно, когда «право и справедливость были на стороне бедного клиента», Линкольн не только не требовал гонорара, но еще сам незаметно вручал клиенту пяти или десятидолларовую кредитку. Брошюра сообщала об участии Линкольна в мексиканской войне и его билле об уничтожении рабства в Колумбийском округе, о его дебатах с Дугласом.

Линкольн видел, что сильная молодая партия лепила из него

фигуру героя, превозносила его, разукрашивала его персону сверх всякой меры. Сотни газет и уличных ораторов расхваливали его и называли «Эйби», «старина Эйби», «кандидат дровосеков», «человек из лесной глуши», «честный Эйби», «человек из народа»; о нем говорили, что он проницательный, красноречивый, достойнейший деятель данного периода, человек, начавший свою жизнь в хижине с земляным полом, но ему предстоит войти во Дворец Исполнительной Власти в Вашингтоне.

Дуглас разъезжал по всей стране, выступая за дело, которое он в душе считал уже проигранным. В Норфолке, в штате Виргиния, он заявил аудитории из 7 тысяч слушателей, что он жаждет голосов только от тех, кто хочет сохранения Союза. Ему была подана записка с вопросом: рекомендует ли он применение оружия, если юг отделится? Он немедленно отрезал: «Я думаю, что президент Соединенных Штатов, кто бы он ни был, должен поступить со всем», кто попытается нарушить наши законы, как Старый Дуб (генерал Джексон, президент США) поступил в 1832 году с «уничтожателями». В Рали, Северная Каролина, он сказал, что «повесил бы каждого противника конституционных законов выше, чем висел Гамман из Ветхого завета».

Выступая на севере, он высказывался за «похороны южного отделения и северного аболиционизма в одной могиле».

В Сидар Рапиде, в штате Айова, получив известие, что Пенсильвания за республиканцев, Дуглас повернулся к своему секретарю: «Линкольн — будущий президент. Мы должны попытаться спасти Союз».

Поток писем к Линкольну не прекращался: как он будет решать проблему рабства? Вмешается ли он в конфликт? Не будет ли разумным прямо сказать, что не вмешается?

На одно из них он ответил: «Те, кто не хочет читать или внять тому, что я уже публично сказал, не прочтут и не поймут повторения сказанного мной».

Прошли лето и осень. Настала последняя неделя кампании.

Первые сообщения в день выборов, 6 ноября, дали Дугласу большинство в графстве Сэнгамон, а Линкольну — в Спрингфилде. С девяти часов вечера Линкольн сидел в конторе телеграфа. Вместе со своими друзьями он пошел в республиканский женский клуб, находившийся на противоположной стороне улицы, — там им приготовили ужин. Дамы окружили его: «Как поживаете, мистер президент?» Не успели мужчины усесться за стол, как вбежал почтальон, размахивая телеграммой: Нью-Йорк проголосовал за республиканский бюллетень. Избрание Линкольна было предрешено.

На улицах кипели людские массы. Многие кричали до хрипоты. Ликование все еще продолжалось, когда Линкольн пошел домой, чтобы сказать ожидавшей его счастливой женщине: «Мэри, нас избрали».

По общему подсчету голосов, Линкольн получил 1 866 452 голоса, Дуглас — 1 376 957, Брекенридж — 849 781, Белл — 588 879. Линкольн получил большинство в 17 свободных штатах, Брекенридж — в 11 рабовладельческих и Белл — в 3 рабовладельческих штатах. Из общего количества в 4 миллиона 700 тысяч голосов у противников Линкольна было почти на миллион голосов больше, чем у него.

2. Дом разделенный

Избрание Линкольна оказалось сигналом. Атлантская газета «Конфедерэйси» выразила мысли тех, кто хотел решить спор силой: «Пусть будет, что будет — может быть, река Потомак станет красной от крови, а Пенсильвания-авеню покроется изувеченными телами на десять саженей в высоту, пусть с лица американского континента будут сметены последние остатки свободы, но юг никогда не согласится на такое унижение и такой позор, как торжественный ввод Авраама Линкольна в должность президента». В этом заявлении была отчасти бравада, а отчасти и выражение надежды и решимости.

Не менее фейерверочным было выступление Уэнделла Филлипса в Бостоне. Он говорил от имени группы аболиционистов: «Пусть юг уходит под звуки труб, с развевающимися знаменами, мы с радостью напутствуем уходящего гостя… Привет разделению. Пусть у нас будут только торговые связи, как со всеми другими странами».

Палата представителей Южной Каролины приняла решение завербовать и экипировать 10 тысяч солдат; Джорджия вотировала 1 миллион долларов, а Луизиана — полмиллиона на оружие и вербовку солдат. Роберт Тумбе сказал: «Известно, что вы хотите признать незаконным имущество нашего народа стоимостью в 4 миллиарда долларов… Разве это не повод для войны?»

В почте, приходившей на имя Линкольна, были и письма, в которых его обзывали человекоподобной обезьяной, принесшей стране большое горе, фигляром и монстром, идиотом и выкидышем; писавшие выражали надежду, что его выпорют, сожгут, повесят, подвергнут пытке. Разные «братства, связанные клятвой», присылали рисунки виселиц и кинжалов. Однажды миссис Линкольн распаковала холст, на котором был нарисован ее муж с веревкой на шее, с кандалами на ногах, весь вывалянный в смоле и перьях.

В Чикаго согласно письменной договоренности Линкольн встретился с будущим вице-президентом Гамлиным, а затем с Джошуа Спидом. Линкольн хотел при предстоящем назначении должностных лиц поровну распределить места между вигами, с одной стороны, и демократами, ставшими республиканцами, — с другой. Он доверил Гамлину определить кандидатуру морского министерства, выбрав одного из трех человек, которые нравились Линкольну. Гамлин остановился на демократе Гидеоне Уэллесе, редакторе из Хартфорда. Министром иностранных дел они оба

решили назначить Сьюарда, но все же надо было посоветоваться с Джоном Трамбулом: Джон не очень этого жаждал, но согласился. Сьюард притворился, что ему нужно серьезно подумать, после чего дал свое согласие.

С Джошуа Спидом Линкольн беседовал о видах на урожай в Кентукки, о возможных назначениях и как бы случайно спросил, как у него обстоит дело с деньгами, какие виды на доходы, на заработки. Спид мгновенно ответил, что он знает, зачем Линкольн задает такие вопросы. Ему, Спиду, не нужна ни одна должность из всех тех, что Линкольн может ему предложить. Они оба остались довольны друг другом.

Каждый Лень поезда привозили в Спрингфилд сотни пассажиров, желавших увидеть нового президента. Одни, сияя от удовольствия, просто хотели взглянуть на него, пожелать ему долгой жизни и успеха. Другие тоже сияли и повторяли: «Как мы рады, что вступили в республиканскую партию», но они подчеркивали, что выдвинули его кандидатом, выбрали президентом, и интересовались должностями почтовых чиновников, сборщиков налогов, местами секретарей. Они его изводили. Они жаждали народных денег, легкой работы, теплых местечек. Это. были герои, предпочитавшие не работать, а полеживать в гамаках. Они измучили Линкольна больше, нежели признаки надвигавшейся войны.

Они изучили его привычки, устраивали засады, втискивались в дом и требовали, чтобы он их не забыл.

Сильная духом, черноглазая Ханна Армстронг приехала в гости к Линкольну. Линкольн сжал обе ее руки. Они беседовали: это был домашний, согревающий сердце разговор. Он держал руки, которые сделали столько добра ему. На прощанье она сказала: «Эйби, они тебя убьют». — «Ханна, если они меня убьют, что ж… двум смертям не бывать…»

По приглашению Линкольна приехал седобородый судья Эдвард Бэйтс и принял предложение стать генеральным прокурором США. Последовал комментарий журналистов: «Хороша древность». Линкольн выполнил обещание, данное на съезде, и назначил Калеба Б. Смита министром внутренних дел. Смит был из тех политических деятелей, которые за услуги требовали награды. Его назначение успокоило группы из Индианы и Иллинойса. Норман Б. Джад, председатель партийной организации штата, хотел получить какую-нибудь должность в кабинете министров, но ничего не смог добиться — миссис Линкольн и судья Дэвис очень возражали против назначения Джада.

Торлоу Уид узнал от Свэтта, что Линкольн хочет

посоветоваться с ним о составе кабинета министров. Когда Уид приехал, Линкольн забросал его вопросами: годится ли Бэйтс из Миссури в генеральные прокуроры? Знает ли Торлоу, что видные республиканцы телеграфно возражают против назначения нью-йоркского лидера Сьюарда на любую должность?

Линкольну было известно, что Уид связан с могущественным А. Т. Стюартом — крупнейшим нью-йоркским коммерсантом, и Огастом Белмонтом, нью-йоркским представителем Ротшильдов — международных банкиров. Белмонт и сам был крупнейшим капиталистом, которому юг должен был 200 миллионов долларов.

Приглашен был и Саймон П. Чэйз, недавно избранный сенатором США от Огайо. Линкольн сказал ему, что он «не совсем готов» назначить Чэйза министром финансов, но в случае, если он решится, примет ли Чэйз это назначение? Чэйз сказал, что не может обещать ничего определенного. Ему нужно подумать. Он попрощался и… обошел многих своих друзей, чтобы они нажали на Линкольна и убедили его дать назначение Чэйзу.

Саймон Камерон получил письменное предложение Линкольна стать министром финансов или военным министром. Враги Камерона представили Линкольну доказательства, характеризовавшие Камерона как «само воплощение коррупции», они утверждали, что его состояние «приобретено средствами, недостойными человека чести». Линкольн снова написал Камерону: обстоятельства изменились, войти в кабинет он не может; не опубликует ли Камерон письмо с отказом от назначения?

Камерон в ответ прислал пачку рекомендаций, количественно превысившую чернившие его письма в соотношении три к одному. Линкольн снова письменно сообщил Камерону, что назначение представителя Пенсильвании в кабинет будет произведено лишь после консультации с ним.

Дон Пайат, журналист из Огайо, вернувшись из Спрингфилда, сообщил: «Линкольн сказал нам, что он чувствует себя как землемер в лесных дебрях Запада: нарезая участок, он вынужден быть начеку — не. целится ли в него индеец с винтовкой в руках».

> «Сопротивление Линкольну угодно богу». Эти слова сверкали на знамени, развернутом на массовом митинге в Алабаме. Один из ораторов клялся, что, если понадобится, войска южан пройдут к дверям Капитолия «через горы изуродованных тел».

Вопреки обещанию, что Южная Каролина подождет до

окончания срока президентства Бьюкенена, Роберт-Барнуэл Рэт и его сподвижники организовали драматическое событие, приведшее к отделению юга от Союза. Рэт шесть раз был конгрессменом США, один раз сенатором, состоял редактором чарлстонского «Меркюри», был адвокатом и церковником, отцом 12 детей. Рэт лелеял одну жизненную мечту: добиться отделения юга, завоевать для него независимость, создать на фундаменте рабовладельчества конфедерацию и восстановить запрещенную США торговлю рабами, привезенными из Африки. Рэт организовал «комитеты бдительных» и при их помощи добился от членов палаты представителей обещания, что они поддержат предложение об отделении юга. Он написал декрет о выходе из Союза, и 16 декабря 1860 года на тайном заседании съезда в чарлстонском Сэйнт-Эндрюс-Холле 169 делегатов в течение 45 минут без прений утвердили этот декрет. Когда новый государственный флаг был утвержден, ужасный рев потряс здание, на всей территории южных штатов горели костры, пылали факелы, звенели колокола, гремели салюты из дробовиков, маршировали демонстранты, раздавались ликующие крики. Один за другим еще шесть хлопковых штатов крайнего юга присоединились к Южной Каролине.

Сенаторы и депутаты с юга хмуро и зло прощались с конгрессом; начальники почтовых контор, судьи, окружные прокуроры, таможенники сотнями присылали в Вашингтон заявления об отставке; из 1 108 офицеров регулярной армии 387 готовились подать в отставку, многие из них уже записались в вооруженные силы конфедерации. Монетный двор в Новом Орлеане и два других меньших монетных двора были захвачены конфедеративными штатами, так же как и почтовые конторы и таможни. Губернаторы отложившихся штатов послали войска и захватили форты США общей стоимостью в 6 миллионов долларов.

Пришли сообщения, что отряды южан готовятся захватить Вашингтон. Высказывались предложения, чтобы Линкольн принял присягу в другом городе. Уильям Джэйн писал из Спрингфилда Трамбулу: «Линкольн сказал, что он скорее готов быть повешенным на ступеньках Капитолия, чем откупиться или попросить у южан возможности спокойно провести обряд введения в должность президента».

В Чикаго проходили учения вновь созданные северянами батальоны артиллерии. В Южной Каролине, в Чарлстоне, тысяча негров возводила новые фортификации. В Иллинойсе губернатор Ейтс сообщил палате представителей, что, «по подсчетам, в штате имеется 400 тысяч граждан, способных носить оружие».

Пенсильванское законодательное собрание заявило, что штат предлагает собрать 5 миллионов долларов и мобилизовать 100 тысяч солдат.

Одна нью-йоркская газета сделала подборку новостей со всех концов страны и поместила их под заголовком: «Революция». Потребовалось девять столбцов, чтобы перечислить декларации всех совещаний южан, все заявления об отставке офицеров из армии, флота и военных академий. «Нью-Йорк геральд», имевшая тираж в 77 тысяч экземпляров, писала в передовице: «Если Линкольн будет проводить свою политику… то он рухнет в могилу бесчестия под ударом, быть может, убийцы и оставит о себе память человека, более презренного, чем предатель Каталина».

Линкольну предстояло решить: стоит ли ценою больших жертв отбивать захваченные южанами форты? Он написал в Вашингтон Трамбулу, Уошбэрну и другим, что они ни в коем случае не должны допускать дальнейшего распространения рабства. «В этом вопросе держитесь крепко, как стальная цепь». Он предупреждал: «Наступил критический момент, и лучше решать сейчас, чем когда-либо потом». В личных беседах Линкольн сказал друзьям, что форты придется отбивать, но от публичных высказываний по этому вопросу он воздерживался.

В Белом доме Бьюкенен деликатно сказал: «Избрание любого гражданина в президенты не является достаточной причиной для расторжения Союза». Он доказывал, что южные штаты не имеют права выйти из Союза, точно так же как федеральное правительство не имеет права применить силу, чтобы предотвратить отделение.

В залах конгресса представители народа рычали друг на друга, как собаки. Радикал-аболиционист Бэн Уэйд из Огайо прятал у себя в столе обрез-дробовик. Том Корвин был не менее решителен: «Пусть наша плодородная земля будет поражена и превратится в бесплодную пыль, пусть на время небеса станут медными и бог отвратит свой слух от наших молитв, пусть голод своими холодными, костлявыми пальцами схватит за горло наших жен и детей… но мы не нарушим данные нами обещания…»

Только глухие не слышали о компромиссе, предложенном той зимой Критенденом: вся территория к северу от южной пограничной линии штата Миссури до самого Тихого океана должна быть свободной навеки, а вся территория к югу от этой границы должна остаться навсегда рабовладельческой. Правительство США должно выплатить рабовладельцам Юга все убытки, связанные с потерей рабов в результате действий толпы

или вследствие судебных решений на Севере. Критенден торговался с южными штатами, предлагал им поблажки в надежде, что они останутся в федерации. Кто решился бы обвинить старика Критендена из Кентукки за этот план, выношенный его разумом и сердцем? Из двух его силачей-сыновей один стоял за сохранение Союза и конституции, а другой отстаивал отделение от Союза и конфедерацию. Отец проливал слезы над семьей разделенной.

Этот компромисс нашел поддержку у Дугласа, Эдварда Бейкера, Эдварда Эверета, Торлоу Уида, Огаста Белмонта, Сайруса Маккормика, у многих влиятельных газет, включая нью-йоркскую «Геральд», и у таких верных защитников мира, как Том Корвин. Сенат получал грудами и тюками петиции. Однако и силы, выступавшие против компромисса, тоже не дремали. За каждым событием, подготовлявшим мирное решение, следовало другое, отменявшее его.

Оставалось несколько дней до ввода нового президента в должность. В Вашингтон полетели письма, предупреждавшие Линкольна, что он будет убит по дороге в столицу.

Делегаты от Монтгомери и Алабамы учредили 4 февраля временное правительство, названное Конфедерацией американских штатов. Президентом избрали Джефферсона Дэвиса из Миссисипи, вице-президентом Александра Стифенса из Джорджии. На места власть имущих не попали ни Йенси, ни Рэт. Йенси и другие экстремисты хотели бы видеть Рэта президентом, но к руководству пришли умеренные элементы, люди, которые предпочитали выждать, вступить в переговоры, с тем чтобы предъявить свои требования. Во вновь принятой конституции они ударили по Рэту, Йенси и другим работорговцам, они все-таки стремились к тому, чтобы не ссориться с севером, навеки запретив специальным параграфом торговлю рабами, вновь привозимыми из Африки.

Северная Каролина и Арканзас присоединились к конфедерации. В Теннесси за отделение голосовало 105 тысяч против 47 тысяч, а в Виргинии из общего количества в 103 тысячи голосовавших 3:1 голосовали за вхождение «штата — родины президентов» в конфедерацию.

3. «Счастливо оставаться!»

Один бруклинский шапочник прислал Линкольну в подарок черный шелковый цилиндр. Линкольн сказал жене: «Даже если из этой кутерьмы ничего другого не получится, то уж, во всяком случае, одеждой мы будем обеспечены». Такие знаки вниманий доставляли миссис Линкольн большое удовольствие. У нее была особая манера высказываться: «Наши успехи очень нам приятны». Однажды зимним утром она сжигала бумаги на тротуаре. Сосед Джэйрд Ирвин попросил разрешения взять некоторые из них. Она согласилась. Ирвин спас от огня несколько очень интересных страниц из переписки четы Линкольнов.

Миссис Линкольн приняла на себя тяжелый труд рекомендовать своему мужу людей, которым он должен был предоставить должности.

В январе она съездила в Нью-Йорк. И получила полное удовольствие, выбирая и покупая платья, шляпы, обувь и украшения, которые подобали бы «первой леди в государстве». 26 января будущий президент с восторгом встретил жену и сына Боба, вернувшихся с востока. До этого он три ночи подряд, несмотря на холод и снег, безрезультатно ездил на вокзал. «Миссис Линкольн приехала в превосходном настроении, — писал Вилард в нью-йоркской «Геральд», — побранил ли ее Авраам за отсрочку приезда или нет, этого я сказать не могу, но я знаю, что ей было очень трудно расстаться с зимними развлечениями Нью-Йорка».

Однажды Линкольн поехал в Матун, опоздал к пассажирскому поезду, сел на тормозную площадку товарного поезда и доехал до Чарлстона. С шалью на плечах он прошел по грязи, слякоти и снегу вдоль всей длины товарного поезда и добрался до станции, где его ждала легкая двухместная коляска. Друзья отвезли его в дом, где он переночевал. На следующий день он проехал еще 8 миль и на старой ферме встретился с Сарой-Буш Линкольн. Они держались за руки и говорили. Они смотрели и смотрели в глаза друг друга. Она была для него всем, чем может быть только родная мать. Он был ей сыном больше, чем собственные дети. Он поцеловал ее в последний раз на прощание и уехал. Она знала, что сердцем он часто будет возвращаться к ней, даже когда будет разъезжать в открытом экипаже по Нью-Йорку или Вашингтону под развевающимися флагами, среди солдат, тысячных толп, приветствующих его на улицах; все равно он будет думать о ней, живущей в старом бревенчатом фермерском домике в графстве Колс в Иллинойсе.

Вечером 6 февраля, между семью и двенадцатью часами, дом Линкольнов посетило несколько сот «леди и джентльменов, — как писал один корреспондент, — цвет политического общества штата, все красавицы и модницы округи». Это был прощальный вечер. Будущий президент стоял у входных дверей, пожимал руки гостям; рядом стояли Боб, миссис Линкольн и четыре ее сестры.

Накануне отъезда в Вашингтон Линкольн и Герндон сидели в конторе, долго беседовали и вспоминали свое 16-летнее деловое содружество. У Герндона была одна просьба: чтобы Линкольн поговорил с губернатором Ейтсом о возвращении Герндона в банк на прежнюю должность ревизора. Линкольн обещал. Когда они спускались по лестнице, Линкольн пожаловался, что ему «уже надоела должность президента». «Меня берет дрожь, — сказал он, — когда я думаю о тех задачах, которые предстоит решить».

Линкольн заперся в комнате на третьем этаже дома у своего деверя и, окружив себя книгами и документами, готовил речь к 4 марта — дню торжественного ввода в должность в Вашингтоне, окруженный пушками, которые генерал Скотт грозился расставить в целях безопасности.

Два типографа поклялись соблюдать тайну, и им еще в январе поручили набрать текст речи и отпечатать ровно 20 экземпляров. С тех пор прошли недели, и никто не проболтался. Текст вступительной речи оставался неизвестным.

Линкольн вызвал Лэймона из Блумингтона и сказал ему: «Хилл, похоже, что будет война. Ты мне нужен, ты должен быть со мной». И Лэймон поехал, увозя с собой свое банджо, свою бульдожью цепкость и все прочее.

Одежда, мебель, книги, все домашние мелочи были упакованы в ящики и сундуки. На несколько дней всей семье пришлось переехать в Чинери-хауз, так как собственный дом был сдан в аренду; лошадь, коляску и корову продали; газету на немецком языке Линкольн снова уступил Канисиусу. В гостинице Линкольн самолично перевязал сундуки веревками и сделал на бирках надписи: «А. Линкольну, Белый дом, Вашингтон, округ Колумбия».

Холодный дождь моросил 11 февраля, когда Линкольн и сопровождавшие его пятнадцать человек собрались в восемь часов вечера на станции железной дороги компании «Грейт Вестерн» в Спрингфилде. Локомотив, с невысокой трубой чинно пускал пары. К нему был прицеплен багажный вагон и специальный пассажирский. Президент компании и директор дороги принимали гостей. На станции и вокруг нее собралась тысячная толпа, в центре которой стоял Линкольн. Сотни старых друзей пожимали ему руку, желали успеха и счастливого пути. Все это

было достаточно торжественно.

По узкому проходу Линкольн прошел к своему вагону, пожимая по пути протянутые в последний раз руки. Он не собирался выступать с речью, но на площадке вагона, когда он повернулся и увидел своих сограждан и соседей, он снял цилиндр, постоял неподвижно и поднял руку, требуя тишины. Все сняли шляпы и затихли.

Он медленно заговорил. Люди слушали его, стоя под дождем. Позже, в купе, он карандашом записал половину речи, а вторую часть ее продиктовал своему секретарю Николаи: «Друзья, никто, ни один человек, не побывавший в моем положении, не может понять моих чувств, моей печали в этот прощальный час. Этому городу, добрым чувствам его людей я обязан всем, чем стал. Здесь я прожил четверть века, прожил молодость, стал стариком. Здесь родились мои дети; одного из них я здесь похоронил. Сегодня я оставляю вас, не зная, когда я вернусь и вернусь ли когда-либо: предо мною стоят задачи, гораздо, более сложные, чем те, которые решал Джордж Вашингтон… От всего сердца говорю вам: счастливо оставаться».

Зазвонил колокол, заскрежетали колеса, поезд тронулся. Он увозил Линкольна от родного города, от друзей.

Поезд уже давно растаял в серой пелене ночного дождя, а слезы все еще катились кое у кого из провожавших.

На станции в Толоно, последней остановке в Иллинойсе, он сказал пришедшим его проводить: «Я уезжаю от вас по делу государственной важности, связанному, как вы сами понимаете, с большими трудностями. Будем верить, что, как сказал поэт: «Пусть мрачны облака, за ними солнце все же светит». Счастливо оставаться».

4. Куда идет Америка?

Когда Линкольн начал свой длинный путь в Вашингтон, во многих миллионах домов с тревогой обсуждали вопрос: «Куда идет Америка?» Конгресс, рассмотрев результаты выборов, официально еще не утвердил Линкольна президентом. Грядущие события были чреваты многими опасными неожиданностями. В обстановке чрезвычайного напряжения генерал Скотт поставил караулы у всех дверей и на узловых пунктах, чтобы обеспечить порядок 13 февраля, когда конгресс будет решать, правильно ли прошли выборы президента.

Высокие стопки документов с холодными, как сталь, фактами могли бы рассказать запутанную историю о том, как складывалась судьба нации; о том, как многие газеты на Севере и Юге лгали своим читателям, становясь пособниками крупных воротил; о том, как рабовладельцы Виргинии и Кентукки, опасаясь конкуренции на торгах, ревниво следили за махинациями торговцев африканскими рабами; о расовой проблеме, не имевшей никакого значения в занесенных снегом штатах Новой Англии, где негр на улицах был занятной диковиной, и о сложном положении на сонном тропическом Юге, где во многих районах негров было значительно больше, чем белых; о том, как работорговцы Юга попирали конституционные законы, запрещавшие поставку негров из Африки, и тайком высаживали живой товар в камышовых зарослях и болотах Мексиканского залива; о том, как аболиционисты насмехались над законом о беглых рабах, — они выкрадывали рабов и увозили их на Север, к свободе; о застреленных, повешенных, зарезанных, искалеченных аболиционистах на Юге и на Севере; о вновь организованном массовом производстве огнестрельного оружия; почти не управляемых человеком автоматах, производящих обувь, текстиль, ножницы, булавки и имитацию ювелирных изделий для сети однодолларовых магазинов; о лесе буровых вышек, выросших в западной части Пенсильвании; о новых микроскопически точных измерительных приборах; о воздушных шарах, поднимающихся на высоту в 23 тысячи футов, о предсказаниях воздушного сообщения с Европой; о дилижансах, перевозящих пассажиров в течение 23 дней из Сент-Луиса через равнины, пустыни и горы в Сан-Франциско; о почтовом конноверховом экспрессе, перевозящем почту из Сент-Джозефа, Миссури, в Сан-Франциско за 11 дней, — на маршруте работало 80 наездников, и в ходу было 500 лошадей; о сельскохозяйственных машинах, которые увеличивали вдвое и

втрое площади, обрабатываемые одним человеком; о появлении швейных машин и маслобоек, облегчающих домашний труд женщин; о статье в «Блаквудз магазин» о том, что через 30 лет население США увеличится вдвое, а к 1940 году оно достигнет 303 миллионов человек; о деловых людях, вложивших за последние десять лет 400 миллионов долларов в железные дороги и каналы, соединившие Средний Запад с атлантическим побережьем; об изнурительном труде ирландских рабочих, прокладывающих железные дороги и роющих каналы; о волчьей грызне между соперничающими коммерсантами, промышленниками и финансистами, воюющими между собой за клиентуру и сферы влияния; об осушении миллиона квадратных миль плодородной земли, прилегавшей к реке Миссисипи; о пароходах общей стоимостью в 60 миллионов долларов, курсирующих между северными и южными штатами; о белых южанах, лишенных рабов, земли и минимальных человеческих условий жизни, которыми пользовались все дворовые слуги-негры; о фабричных рабочих Севера, о швейниках, которым выплачивали жалкое, едва хватавшее на жизнь, вознаграждение, из которого еще нужно было откладывать сбережения на случай увечья, болезни, безработицы, на старость; о заблуждении южных штатов, что Новая Англия и Европа экономически зависимы от Короля Хлопка.

Вот абрис Дома Разделенного, в котором Линкольну предстояло стать Верховным Авторитетным Судьей.

Путешествие из Спрингфилда в Вашингтон столкнуло Линкольна лицом к лицу с губернаторами и депутатами пяти штатов. Он останавливался в ключевых городах, беседовал с влиятельными людьми, контролировавшими политику, финансы, транспорт, снабжение, сам вглядывался в огромные толпы людей, которые жаждали посмотреть на центральную фигуру американской государственной арены. Он произнес 20 с лишним речей, пожал руки тысячам людей.

В день, когда Линкольну исполнилось пятьдесят два года, он сошел в Цинциннати. Его ждала карета, запряженная шестеркой белых лошадей; в ней он возглавил процессию, в которой принимали участие духовой оркестр, оркестр из флейт и барабанов, гвардейцы Лафайета, гвардейцы Ровера, немецкие егеря, зуавы, драгуны Вашингтона, конница гражданская, много карет и пеших.

Мэр представил будущего президента. Кентуккийцам, приехавшим с той стороны реки Огайо, Линкольн сказал: «Мы намерены обращаться с вами так же, как обращались Вашингтон, Джефферсон и Мэдисон, и по мере возможности постараемся не

отступать от них в этом… Мы снова будем братьями и забудем о партийных распрях — мы будем игнорировать все партии одинаково». Немцам он сказал: «Что касается немцев и других иностранцев, я считаю, что они нисколько не лучше других, но и не хуже». Это вызвало смех. «Не в моей натуре, когда я вижу людей, отягощенных оковами, угнетенных тиранией, делать их жизнь еще более мучительной, нагромождая на них дополнительные тяготы; скорее я сделаю все, что в моих силах, чтобы снять с них ярмо гнета». Это вызвало одобрительные возгласы.

Конгресс все еще не объявил Линкольна президентом. Возбуждение достигло высшего предела 13 февраля. В Вашингтоне толпы поднялись на гору к Капитолию; всем хотелось забраться на галерею для гостей, но у каждой двери стояла вооруженная охрана. «Могли пройти только сенаторы, депутаты и те счастливцы, у кого были пропуска, подписанные спикером палаты представителей или председателем сената, — писал Читенден, — даже члены конгресса не имели права проводить своих, друзей». Полковник вашингтонской милиции в штатском сказал, что его вооруженные люди рядом и могут явиться по первому зову. Пенсильвания-авенью была забита орущей, раздраженной толпой, то тут, то там возникали драки, многие были арестованы.

Счетчики зачитывали протоколы результатов голосований, штат за штатом. Джон Брекенридж, вице-президент США, кентуккиец, чье сердце было целиком отдано делу и интересам отложившихся штатов, произнес:

> «Авраам Линкольн из Иллинойса получил большинство всех поданных избирателями голосов и избран президентом Соединенных Штатов на четыре года, начиная с 4 марта 1861 года…»

В этот момент специальный поезд Линкольна подъезжал к столице Огайо. Ночью Линкольн выступил в Колумбусе, в законодательном собрании с несколько странной речью: «Я не могу знать больше, чем любой из вас, почему я, почти никому не известный человек, сейчас обременен такой ответственностью, которой не знал даже отец нашего государства… Поэтому вся моя надежда на американский народ и на бога, который никогда не оставлял его…» Он. делился мыслями, которые вызывали у слушателей вопросы и насмешки. Но у Линкольна была своя цель, он говорил спокойно и обдуманно: «Не потому я не выступал с программной речью, что у меня не было настоящего беспокойства».

14 февраля поезд Линкольна прибыл в Питсбург. Он поблагодарил мэра Уилсона и граждан за «лестный прием», повторил, что в нужный момент выскажет свое мнение «о современном трудном положении» обезумевшей страны, выразил надежду, что, когда он, наконец, выступит, ему не придется сказать ничего обескураживающего. Он снова не пожалел успокаивающих слов, говорил о хороших перспективах, еще больше сбив этим с толку философов, считавших себя в курсе дела.

В городе Фридом возчик угля, стоявший в толпе, крикнул: «Слушайте, Эйби, говорят, что вы самый высокий человек в Соединенных Штатах, но я не думаю, что вы выше меня». Линкольн ответил: «Поднимись сюда, посмотрим». Грязный возчик пробрался через толпу, они стали спиной к спине, возчик в своей рабочей одежде и будущий президент. Выяснилось, что они совершенно одинакового роста. В толпе раздались веселые, одобрительные крики. Оба великана улыбнулись и пожали друг другу руки. Нашлись люди, которые говорили, что это не дело, чтобы крупнейший государственный деятель страны вел себя так запросто с возчиком угля — куда это может завести страну?

Так, без отдыха, из города в город — в одном снова карета, запряженная молочно-белой шестеркой лошадей, в другом восьмеркой шелковистых вороных, с султанами на головах и флажками на сбруе, снова тротуары, забитые ревущими толпами, улицы, украшенные гирляндами и флагами.

Линкольн вспомнил девочку, которая когда-то написала ему о том, что, по ее мнению, он должен отрастить себе бакенбарды. Он тогда ответил, что это может быть воспринято как рисовка. Девочка жила в Вестфилде, в штате Нью-Йорк. Приехав туда, он сказал: «У меня есть корреспондентка в вашем городе, и, если она здесь, мне хотелось бы ее повидать». Никто не вышел из толпы; послышались вопросы: «Кто она? Назовите ее имя!»

> «Ее зовут Грэйс Бедел». Грэйс стояла в толпе. Ее подвели и подняли на помост. Линкольн сказал: «Она мне написала, что я буду лучше выглядеть в бакенбардах». Он наклонился над девочкой. «Видите, я отрастил эти бакенбарды ради вас, Грэйс». Линкольн поцеловал ее. Эта сцена была широко освещена в прессе. Нью-йоркская «Трибюн» дала аншлаг: «Старикан Эйби расцелован красивой девушкой». Сентлуисский «Рипабликан» поместил заголовок: «Бакенбарды и поцелуи», — и с насмешкой писал: «Если целовать красивых девушек — привилегия президентов, то миссис

Линкольн, которая хорошо знает свои права, и буде она осмелится их отстаивать, должна потребовать для себя еще и права личного вето».

Пока Линкольн пересекал страну с запада на восток, 18 февраля телеграф принес сообщение, что в Монтгомери, штат Алабама, под гром пушек и приветственные крики огромной толпы Джефферсон Дэвис принял присягу как президент Конфедерации американских штатов.

Линкольна приветствовали в Трое, Гудсоне, Пикскиле. Затем последовал Нью-Йорк — парадные двери в Америку, — в огромный мировой порт которого прибывали корабли со всех морей, город, ставший финансовым центром страны, захвативший максимум контроля над торговлей, промышленностью, транспортом. Мэр города Фернандо Вуд как-то заявил, что Нью-Йорк должен стать свободным городом, отделиться от Союза, стать таким же суверенным, как и отложившиеся южные штаты, сохранить таким образом свою торговлю и продолжать «непрерывную связь со всеми секторами» страны. Это был город, в котором почти открыто брали взятки за разные привилегии и сделки на городские участки земли. Мэр, он же одновременно и партийный босс, взял по 5 тысяч долларов у двух адвокатов за назначения на должности судей в верховный суд штата; мэр и члены городского управления подписали контракт на уборку улиц, согласно которому они должны были платить одной фирме 279 тысяч долларов, в то время как другая фирма просила на 84 тысячи меньше. Личное состояние мэра за короткий срок увеличилось до четверти миллиона, и только продажность судей спасла мэра от осуждения за подлоги, лжесвидетельства и другие преступления. Мэр и его брат Бэн были хозяевами лотерей на основании патентов, полученных в южных штатах, удостоверявших, что они профессиональные игроки. Они были хозяевами нью-йоркской газеты «Дейли ньюс», в которой они открыто защищали интересы конфедерации.

Тридцать экипажей, в том числе и экипаж Линкольна, принимали участие в процессии, возглавляемой взводом конной полиции. Открытое четырехместное ландо, в котором восседал Линкольн, всего лишь несколько месяцев тому назад было предоставлено другому гостю — принцу Уэльскому. У Астор-хауза 500 полицейских сдерживали толпу горожан. Впервые Линкольну довелось встретиться со зловеще молчаливой толпой, преисполненной своеобразного любопытства. Здесь не было приветственных кликов, как в Буффало, Колумбусе, Индианаполисе.

В те времена в опере модно было носить белые перчатки, а Линкольн надел черные лайковые, которые на его огромных руках особенно выделялись на красном бархате ложи. В ложе напротив один южанин сказал своим спутницам: «Я полагаю, нам следует послать цветы могильщику Союза, сидящему по ту сторону зала». Эти слова вскоре стали известны, и газеты не преминули высказаться по поводу единственной пары черных перчаток в переполненном театре.

Грили писал в своей утренней газете «Трибюн», что Линкольну был поставлен ребром вопрос: «Какой может быть результат от южного взрыва? Действительно ли неизбежна гражданская война?» И Грили напечатал свою версию побасенки, рассказанной Линкольном:

> «Еще в бытность мою молодым адвокатом, я вместе с другими юристами часто разъезжал с выездным судом. Однажды лил сильный дождь, наступила ночь, нам предстояло переправиться через бурную реку Фокс, и мы решили подождать до утра. Мы остановились в таверне и были рады встретить там методистского старосту округа; он разъезжал в любую погоду и мог рассказать нам о повадках реки Фокс. Мы поспешили спросить его, хорошо ли он знает переправу через реку. «О да, — ответил он, — я часто переправлялся через нее и прекрасно ее знаю, но у меня есть твердое правило в отношении этой реки: я никогда не переправлюсь через реку Фокс до того, как подъеду к ней!»

Прием будущего президента в Нью-Йорке был самым детально разработанным, претенциозным, дорогостоящим и самым холодным из всех на пути Линкольна к вводу в должность.

Он выступил в Трентоне, Нью-Джерси и сказал, что лично он не такая уж важная персона, но поблагодарил за то, что его приняли как «представителя на данный период его величества народа Соединенных Штатов… Нет другого человека в мире, более преданного делу мира, чем я… Но если придется положить конец некоторым действиям, я это сделаю самым решительным образом». (Здесь аудитория одобрительно кричала так громко и так долго, что некоторое время не слышно было Линкольна.)

В Филадельфии он примерно в течение двух часов пожимал руки посетителям. Затем у него была беседа с Аланом Пинкертоном, детективом, служившим на железной дороге и возглавлявшим охрану мостов, поездов и т. п. Пинкертон с места в карьер сказал:

— Мистер Линкольн, мы узнали, что существует заговор с

целью убить вас; это вне всякого сомнения. Покушение будет сделано послезавтра во время вашего проезда по улицам Балтимора. Мне предстоит перехитрить заговорщиков.

Линкольн слушал, сидя со скрещенными ногами; добродушное любопытство сменилось на его лице серьезной озабоченностью:

— Я вас слушаю, мистер Пинкертон.

Заговорщиками руководил парикмахер по имени Фернандино. Об этом доложил один из агентов Пинкертона. Агент этот несколько недель тому назад вошел в доверие и стал «неразлучным и сердечным другом» заговорщиков. Фернандино — капитан роты милиции. На тайном сборище роты он произнес мелодраматическую, прочувствованную речь, во время которой размахивал над своей головой «длинным сверкающим ножом» и кричал: «Этот наймит Линкольн никогда, никогда не будет президентом… Орсини отдал свою жизнь за Италию, и я готов умереть за права Юга, по сокрушить этого аболициониста».

Пинкертон сам поехал в Балтимор, выдал себя за сторонника отложения Юга; они выпили, и «Фернандино сердечно пожал мне руку». Заговорщики прошли в отдаленную комнату салуна. Парикмахера спросили, нельзя ли спасти Юг, не убивая Линкольна? По словам Пинкертона, Фернандино ответил: «Нет! Попытка изменить наше намерение будет так же бесполезна, как и попытка свалить монумент Вашингтону дуновением рта. Линкольн должен умереть, и он умрет». Они еще выпили. Кто-то сказал, что полиция может помешать. Но Фернандино и это предусмотрел: «Полиция с нами. Я виделся с начальником полиции, он в курсе дела. Через неделю Линкольн будет трупом».

Линкольн навел справку. Президент одной железнодорожной компании подтвердил, что имеются неопровержимые доказательства намерения заговорщиков поджечь железнодорожные мосты, взорвать поезда «и убить мистера Линкольна по пути в Вашингтон». Пинкертон сообщил детали заговора. Шеф полиции Балтимора наметил послать на вокзал незначительный наряд полицейских. Банда хулиганов затеет драку, и полицейские оттянутся туда. В этот момент Фернандино и его соучастники окружат будущего президента и застрелят его или зарежут.

— Мы предлагаем, — сказал Пинкертон, — сегодня же ночью сопровождать вас в Вашингтон и обмануть ваших врагов.

Линкольн задумался.

— Джентльмены, я ценю ваши предложения… Я не могу поехать в Вашингтон сегодня ночью. Я обещал завтра утром поднять флаг над Индепенденс Холлом и после этого посетить

законодательное собрание в Гаррисберге. Чего бы это ни стоило, но эти обещания я должен выполнить. Затем я готов буду рассмотреть любой план действий, которые вы предложите.

Этой же ночью из Вашингтона приехал Фредерик Стюард, сын будущего государственного секретаря. Он привез от отца секретное и спешное письмо, которое Линкольн дважды внимательно прочел. В письме подчеркивалась важность сообщения полковника Стоуна, которое гласило:

> «Офицер нью-йоркской сыскной полиции донес, что есть серьезная опасность покушения на жизнь мистера Линкольна во время проезда по улицам Балтимора». Дальше шли подробности, совпадавшие в деталях с уже имевшимися сведениями. Сьюард-старший предлагал проехать Балтимор ночью без предварительного извещения балтиморцев. Они обсудили положение. Линкольн сказал в заключение: «Во всяком случае, сегодня ночью нам еще незачем принимать решение».

Линкольн учитывал, что до сих пор власти Балтимора и Мэриленда ничего не сообщали. Он знал, что губернатор штата Томас Хикс, сторонник Союза, сам находился в тяжелом положении — добровольцы-милиционеры угрожали ему смертью. Они заявили, что перестреляют всех солдат, направлявшихся помогать Вашингтону, сожгут все склады снабжения и мосты, а если начнется война, то пойдут на Вашингтон и захватят его. Губернатор Хикс имел дело с людьми, которые готовы были доказать, что они умеют применять в уличных боях ружья, дубины, камни, кирпичи. А начальник полиции Джордж Кэйн открыто стоял за отделение.

22 февраля, в шесть часов утра, Линкольн под грохот пушечного салюта, под аплодисменты толпы отметил день рождения Вашингтона поднятием флага над Индепенденс Холлом. Он также произнес речь перед аудиторией, переполнившей Холл.

В Гаррисберге в ответ на приветствие губернатора Кэртина он сказал, что сознает свою огромную ответственность. Он отдаст делу кровь своего сердца, но «не смею сказать, что обладаю достаточным умом» для того, чтобы надлежаще выполнить свои обязательства. Он будет искать опору в народе. «Если мне изменят мои силы, я призову на помощь массы, и, я думаю, при всех обстоятельствах они мне не изменят».

Джад почти всю ночь не спал и все совещался с Пинкертоном и другими лицами. Они решили, что Линкольн из Гаррисберга поедет ночью в двухвагонном поезде. Джад сказал Линкольну, что

нужно посвятить в этот план старых, испытанных друзей. МакКлюр, один из создателей республиканской партии, впоследствии заверял, что он слышал слова Линкольна: «Что подумает нация о своем президенте, тайно, по-воровски пробирающемся в столицу?» На это Кэртин ему ответил, что не Линкольну решать, как ему ехать.

Около шести часов вечера Линкольна попросили оставить гостей, принимавших участие в банкете. Он поднялся к себе, переоделся и сошел к поджидавшей его карете. Из кармана у него торчала мягкая фетровая шляпа, с руки свисала сложенная шаль. Сначала сел Лэймон, затем Линкольн и после него армейский полковник Самнэр. Джад положил руку Линкольну на плечо и хотел что-то сказать ему, но Самнэр упрекнул Джада за задержку и подал сигнал. Кони помчались.

Линкольну и Лэймону предоставили целый вагон. Это был единственный вагон, прицепленный к паровозу Пенсильванской железной дороги, вышедшему без огней из Гаррисберга. У Лэймона было два обычных пистолета, два пистолета малого калибра и два длинных кинжала. Связисты на линии перерезали провода; Гаррисберг прекратил подачу телеграмм до особого распоряжения.

Шел одиннадцатый час ночи, когда поезд Линкольна прибыл из Гаррисберга в Филадельфию. Детектив Пинкертон и офицер полиции Кенни встретили Линкольна и Лэймона на вокзале Пенсильванской дороги и в карете перевезли его на другой вокзал. Пришел поезд Нью-Йорк — Вашингтон. Женщина, агент Пинкертона, забронировала места в спальном вагоне для своего «инвалида-брата». Линкольн быстро прошел на свое место, и занавески тут же тщательно задернули. Ни Пинкертон, ни Лэймон не знали, что в этом вагоне еще в Нью-Йорке занял место огромный мужчина, вооруженный револьвером. Это был полицейский офицер Джон Кенеди, но и он не знал, что его агент Букстэйвер поспешил до него в Вашингтон, чтобы предупредить Сьюарда о заговоре. Кенеди действовал на основании донесений, полученных им от своих двух агентов из Балтимора. Он мирно спал всю ночь, имея в виду утром сообщить властям в Вашингтоне, что необходимо принять меры для усиленной охраны Линкольна в день проезда его через Мэриленд.

Поезд прибыл в Балтимор в 3.30 утра. Об этой остановке Пинкертон писал: «Железнодорожный чиновник вошел в вагон и шепнул мне на ухо желанные слова: «Все в порядке».

Поезд стоял больше часа в ожидании подхода поезда с другой линии. В течение всей ночи Линкольн ничем не давал о себе знать.

В шесть утра будущий президент сошел с поезда в Вашингтоне. Так окончилось ночное путешествие пропавшего и вновь обнаруженного президента.

Его специальный поезд прибыл в Балтимор из Гаррисберга после полудня. «На вокзале Калверт собралось не меньше 10 тысяч человек, — писал И. Боуэн своему другу в Джорджии, — и толпа, полагая, что Линкольн в поезде, трижды провозгласила здравицу за Южную конфедерацию, трижды — за «доблестного Джеффа Дэвиса» и трижды простонала в честь «Кололльщика брусьев». Будь там Линкольн, ему не избежать бы неприятностей…»

По всему миру разнеслись различные варианты побега длинноногого верховного руководитёля США, переодетого в шотландский берет и длинный воинский плащ. В тысячах газет и журналов эта новость варьировалась в телеграммах, карикатурах и передовицах.

Лэймон писал, что «Линкольн был уверен, что он совершил серьезную ошибку, прислушавшись к уговорам профессионального сыщика и легко поддавшихся панике друзей». Тем не менее советники Линкольна были уверены, что они тогда спасли Линкольну жизнь и что с той ночи не было ни одной минуты, когда ему не грозила бы опасность нападения и смерти.

4 февраля 1861 года в Вашингтоне собралась мирная конференция. Хотя делегаты старались сохранить дебаты в полной тайне, ход работы конференции ежедневно освещался в газетах. Делегаты прибыли из 21 северного штата; Мичиган, Висконсин и Миннесота дали понять, что они не ждут от конференции ничего, кроме бесполезной и злостной болтовни.

В протоколах конференции записано, что все ораторы предлагали говорить кратко, после чего произносили длинные речи; царившие в стране противоречивые мнения и антагонизм полностью нашли свое отражение на конференции.

В день приезда Линкольн завтракал со Сьюардом; в одиннадцать вместе с ним Линкольн поехал в Белый дом, беседовал с президентом Бьюкененом и пожал руку членам кабинета. В семь вечера он обедал у Сьюарда, а в десять к нему с ответными визитами пришли члены кабинета Бьюкенена.

Две группы членов республиканской партии наседали на Линкольна: одна — крайние аболиционисты Самнэр, Чэйз, Уэйд, Стивенс и другая — примиренцы Сьюард, Чарльз Адамс, Том Корвин. К какой группе примкнет Линкольн? Этим вопросом задавались и на Севере и на Юге», — писал Чарльз Адамс-младший.

Самнэр и Линкольн стали часто видеться. Самнэру было

пятьдесят, он всегда был элегантно одет; у него было много денег и свободного времени. «Я поборник нравственности, а не политиканства», — говаривал Самнэр. О нем Линкольн сказал: «Самнэр уверен, что он мной командует».

Однажды, выступая в сенате, Самнэр, пользуясь цитатами из «Истории Бразилии», написанной Соути, сказал: «Сегодня плантаторы берут рабыню себе в любовницы, а завтра они продают ее как рабочий скот». Это его в сенате, незаметно подкравшись сзади, избил до полусмерти палкой южанин. Это произошло после окончания заседания, когда большинство депутатов уже ушло. Самнэр лежал в проходе между скамьями без сознания, окруженный врагами, злорадно наблюдавшими, как сочится кровь из ран на голове. Щепки сломанной при избиении палки валялись рядом. Напавший на него сенатор Престон Брукс из Южной Каролины подал после этого в отставку, был переизбран в своем округе и получил в подарок несколько палок, точных копий сломанной при избиении Самнэра для использования по его усмотрению. Брукс заявил, что он не собирался убивать Самнэра, а хотел, чтобы он жил и мучился. Самнэр несколько лет ужасно страдал от болей. Брукса же впоследствии нашли удушенным в постели.

В июне 1860 года Самнэр скова выступил с речью, ознаменовавшей его возвращение к активной политической деятельности. Он пользовался запрещенной церковью книгой «Варварство рабства». Он собрал «все примеры жестокости, насилия, грубости, страданий, пошлости, которые якобы имели место в рабовладельческих штатах», — писала нью-йоркская «Таймс».

До того, как он занялся политикой, Самнэр был выдающимся борцом против войны. Его речь под названием «Подлинное величие народов» выдержала шесть изданий. Он сказал: «Кровавой пятой сокрушает война всякую справедливость, счастье, все божественное в человеке», и еще: «В наш век не может быть мира, который не был бы почетным, как не может быть войны, которая была бы почетной».

Он предупредил Линкольна, что Камерон вор, взяточник и лицемер, но отказался изложить свои обвинения в письменной форме. В кругах, где на политическое и деловое мошенничество смотрели снисходительно, где люди большей частью руководствовались личными материальными выгодами, честность Самнэра воспринималась как из ряда вон выходящее чудачество.

Самнэр пять раз выступал во время избирательной кампании. В одной речи он сказал: «К счастью, Авраам Линкольн (длительные овации) обладает теми чертами характера, которые

необходимы, чтобы провести нас через кризис… он хладнокровен, мудр, осторожен, смел… Союз будет сохранен и сделан еще более ценным тем, что Права Человека станут священными».

> «В понедельник 4 марта 36-й конгресс закончил свое существование, так и не дав мистеру Линкольну полномочий призвать к оружию милицию и принять на службу волонтеров», — писал конгрессмен из Виргинии А. Ботилер.

Как заключительный аккорд был принят закон, навсегда запрещавший федеральному правительству вмешиваться в какой бы то ни было форме в рабовладельческие дела любого южного штата, пока три четверти из общего количества штатов не выскажутся за поправку к конституции. Это было максимальное из того, что конгресс мог сделать, чтобы гарантировать Югу неприкосновенность рабства в южных штатах; этот билль был вполне в духе программной платформы республиканской партии, а также частных и публичных высказываний Линкольна.

5. Линкольн принимает присягу

4 марта на рассвете была хорошая погода, но потом она испортилась, стало мрачно и холодно. По Вашингтону бродило 25 тысяч приезжих; накануне тысячи из них не нашли приюта в отелях и частных домах. Они спали на ступеньках общественных зданий и просто на тротуарах.

Генерал Скотт и полковник Стоун тайно разместили отделения пехотинцев на крышах высоких домов по всей Пенсильвания-авеню. Стоя в боковых флигелях Капитолия, стрелки должны были не спускать глаз с помоста, на котором предстояло провести церемонию ввода в должность президента.

Бьюкенен вместе с сенатором Бейкером из Орегона и сенатором Пирсом из Мэриленда поехали в открытом экипаже в отель Виларда, где Линкольн остановился с женой. Бьюкенен вошел в отель и вскоре вернулся с Линкольном под руку. Они прошли по узкому проходу, расчищенному для них в толпе любопытных. Затем процессия, в которой участвовали представители от всех департаментов, двинулась по Пенсильвания-авеню. Другая процессия была образована для сопровождения будущего президента к восточному портику и помосту под открытым небом. Давно ожидавшая десятитысячная толпа приветствовала государственных деятелей аплодисментами и криками.

Помост окружало море шелковых цилиндров и белых манишек. На Линкольне тоже был новый цилиндр, новый черный костюм, черные ботинки и белая манишка. В руках у него была палка из черного дерева с золотым набалдашником.

Голос Неда Бейкера прозвенел, как серебряный колокол: «Сограждане, я хочу вам представить Авраама Линкольна, будущего президента Соединенных Штатов». В толпе послышались жидкие хлопки. Настал момент оглашения обращения президента к народу; Линкольн вытащил бумагу из внутреннего кармана сюртука, не спеша вынул очки из другого кармана, надел их и, как бы взвешивая каждое слово, приступил к чтению этого столь важного по своим последствиям документа.

Когда он кончил читать, вперед выступил верховный судья Тэйни, изможденный, сморщенный, эксцентричный старик с «лицом гальванизированного трупа». Его руки тряслись от дряхлости и эмоций; он раскрыл библию перед девятым президентом, которого ему случилось приводить к присяге за свою долгую жизнь. Линкольн положил левую руку на библию, правую руку поднял вверх и повторил за верховным судьей слова

присяги: «Я торжественно клянусь честно выполнять обязанности президента Соединенных Штатов и буду всеми своими силами сохранять, защищать и отстаивать конституцию Соединенных Штатов».

Артиллерийская часть бухнула из-за холма всеми своими пушками, отдавая громовой салют шестнадцатому президенту Соединенных Штатов. Больше ничего не произошло. На этом церемония ввода в должность была закончена.

Обращение Линкольна к народу, как документ государственной важности, как первое его высказывание после долгого молчания, стало предметом горячей полемики. Никогда еще в Нью-Йорке перед редакциями не собирались такие нетерпеливые толпы людей, буквально дравшихся за первые номера газет, еще мокрых от краски. Ни одно обращение американских президентов не обсуждалось с такой страстностью. Ни одна рукопись Линкольна не была так тщательно обдумана им, столько раз переделана и исправлена. Первоначальный набросок, сделанный им в Спрингфилде, претерпел значительные изменения; многое было вычеркнуто по совету Сьюарда и Браунинга; да и сам Линкольн в связи с переменой обстановки и за время путешествия в столицу добавил много нового.

Законченное обращение, обнародованное Линкольном, заставило многих придирчиво вчитываться в каждую строку и фразу. Вот выдержки из него:

> «У населения южных штатов существуют опасения, что с приходом к власти новой, республиканской администрации имущество южан, мирная жизнь, их личная безопасность обречены. Для этих опасений нет никаких оснований.
>
> …Цитирую из своей речи: «У меня нет ни прямой, ни косвенной цели нарушить установления рабовладельчества в тех штатах, где оно существует. Я считаю, что не имею законного права это сделать; у меня и желания такого нет.
>
> …До сих пор раскол был для Союза только угрозой. Теперь делается серьезная попытка привести эту угрозу в исполнение.
>
> …В соответствии с всеобщим законом и конституцией я считаю, что Союз наших штатов будет существовать вечно.
>
> …Ни один штат по своему собственному побуждению не может выйти из Союза… и акты насилия внутри одного из штатов или нескольких против власти

Соединенных Штатов являются в зависимости от обстоятельств мятежными или революционными.

…По мере своих сил я приму все меры в соответствии с конституцией, чтобы законы Союза добросовестно соблюдались во всех штатах.

…Я надеюсь, что это не будет считаться угрозой, а только декларированным намерением Союза конституционно защищаться и сохранять свою целостность.

В выполнении этого долга не должно быть ни кровопролития, ни насилия; и этого не будет, если правительство не будет принуждено применить силу. Вверенная мне власть будет использована для того, чтобы удерживать, владеть имуществом и занимать поселения, принадлежащие государству, а также для сбора налогов и пошлин.

…При этих условиях, если меньшинство предпочтет отделиться, а не покориться, оно установит прецедент, который, в свою очередь, приведет к нарушению единства и к конечной гибели.

…Наша страна согласно всем установлениям принадлежит народу, населяющему ее. Когда существующее правительство надоест народу, он может использовать свое конституционное право и улучшить его, или применить свое революционное право для того, чтобы частично заменить министров, или даже для того, чтобы свергнуть правительство полностью.

…Мне известно, что есть предложение внести поправку в конституцию, эта поправка принята конгрессом, но я ее еще не видел. Смысл ее в том, что федеральное правительство никогда не должно вмешиваться во внутренние дела штатов. У меня нет возражений против того, чтобы сделать эту поправку более определенной и непреложной.

…В ваших руках, мои недовольные соотечественники, а не в моих находится решение спорного вопроса о гражданской войне. Правительство на вас нападать не будет. Не будет конфликта, если вы сами не станете агрессорами. Вы не давали клятву небу, что уничтожите правительство, в то время как я торжественно присягал «сохранять, защищать и отстаивать его».

Газета «Адвертайзэр» в Монтгомери, штат Алабама, была

уверена, что это обращение означало войну, ничто другое не удовлетворит «главаря аболиционистов».

> «Двадцати миллионам людей, — писала нью-йоркская «Трибюн», комментируя обращение, — оно принесет известие, хорошее, плохое ли, смотря на чей взгляд, о том, что правительство Соединенных Штатов еще существует и что во главе его стоит мужественный человек».

Балтиморская «Сан» увидела в обращении, что «правительство облекает себя деспотической властью и подразумевает использование этой власти, не останавливаясь перед войной и кровопролитием. Если есть намерение выполнить то, что там сказано, то это обращение является похоронным звоном и заупокойной мессой по Союзу и концом всякой надежды».

«Президент решил, что он составит смешанный кабинет», — писал Сьюард своей жене. Он возражал против вхождения Чэйза в кабинет и в субботу 2 марта оповестил Линкольна, что вынужден «уйти». Линкольн сказал Джону Хэю: «Я не могу допустить, чтобы Сьюард взял первую взятку в игре», — и в письме просил его отменить свое решение. На следующий день Сьюард вернулся в кабинет. Это было началом борьбы консерваторов (Сьюард) и радикалов (Чэйз).

К этому моменту все министры, за двумя исключениями, согласно списку, который Линкольн набросал поздно ночью еще в день выборов в спрингфилдской телеграфной конторе, заняли свои места. Ему сказали: «Они вас съедят», на что он ответил: «Они с не меньшей готовностью съедят друг друга».

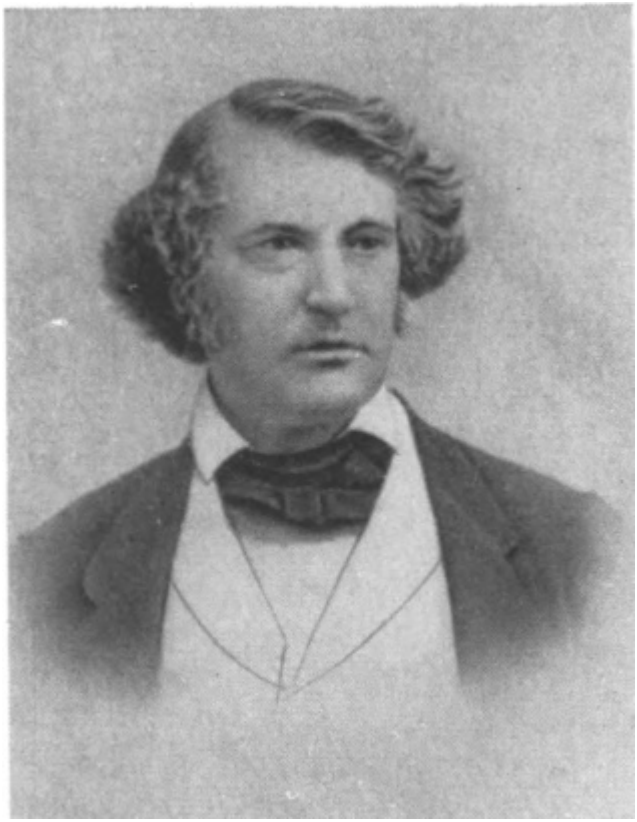
В полдень 5 марта сенат принял и утвердил: государственным секретарем — Уильяма Сьюарда, министром финансов — Саймона Чэйза, военным министром — Саймона Камерона, министром флота — Гидеона Уэллеса, министром внутренних дел — Калеба Смита, генеральным прокурором — Эдварда Бэйтса, генеральным почтмейстером — Монтгомери Блэйра.

В новом кабинете было четыре бывших демократа (Чэйз, Камерон, Уэллес, Блэйр) и три бывших вига (Сьюард, Бэйтс, Смит). Этих министров Линкольну придется часто видеть и слышать; они будут жестки в обращении с ним, но и он им тоже спуску не даст.

Сьюард, который был на восемь лет старше Линкольна, до выдвижения и избрания последнего в президенты являлся лидером республиканской партии. Будучи ньюйоркцем, тесно

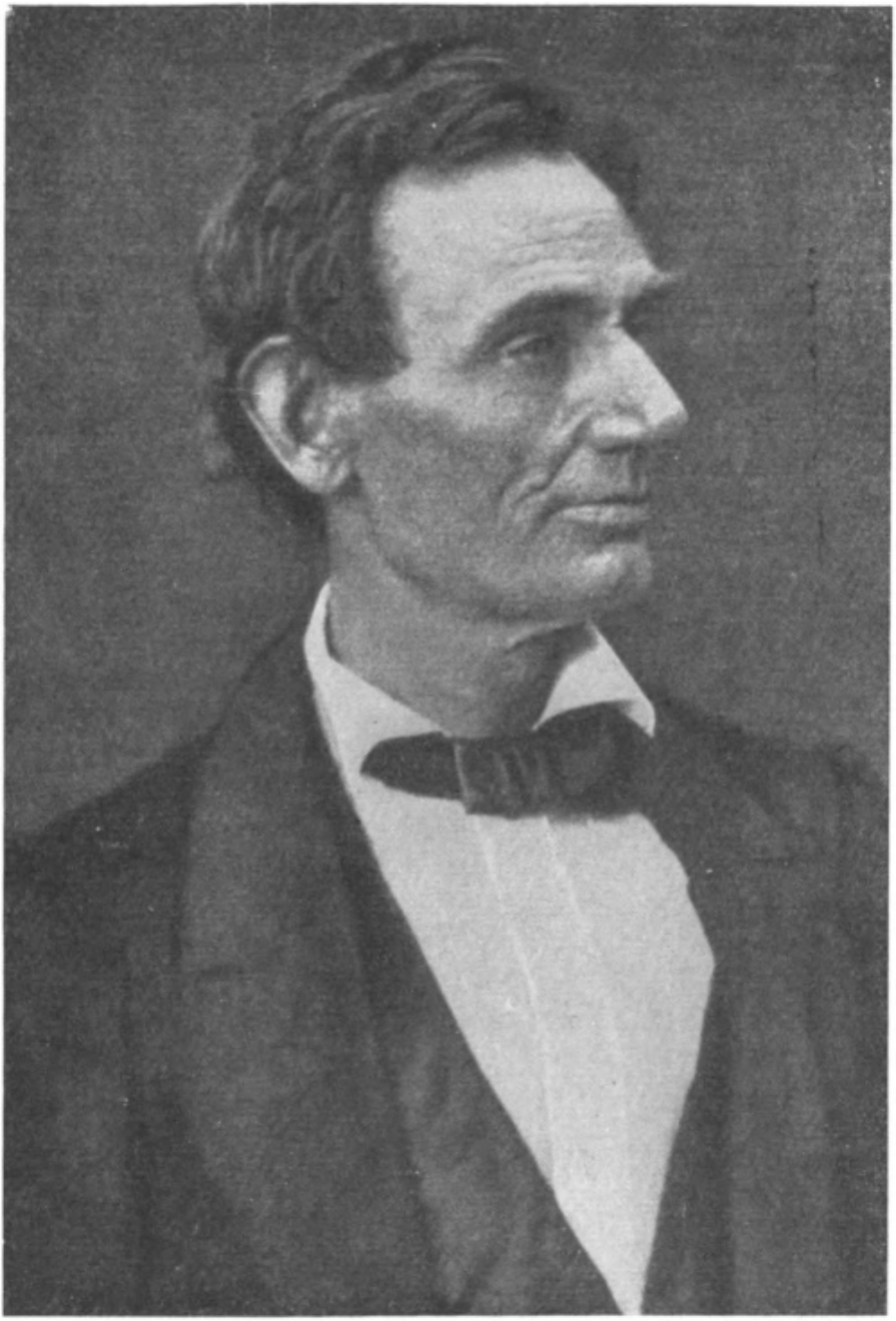
связанным с ведущими финансовыми и торговыми кругами страны, он стоял за покровительственные тарифы, за субсидии пароходным компаниям, за санкцию на прокладку железной дороги к Тихому океану. Он знал работу каналов, дорог, анализировал торговые балансы, тарифы, новые явления в коммерции, поток избыточного капитала и труда, прибывавшего из Европы. Он лучше понимал их роль, нежели Линкольн. Приверженец епископальной церкви, он в течение ряда лет был тесно связан с архиепископом Джоном Хьюзом в Нью-Йорке, самым влиятельным римско-католическим прелатом в Америке.

Саймон Чэйз был губернатором в Огайо и сенатором США. При выдвижении кандидатур в Чикаго он получил 48 бюллетеней. Еще в молодые годы в Цинциннати он бесплатно вел множество дел в защиту негров, которых объявляли беглыми рабами, за что кентуккийцы прозвали его «генеральным адвокатом беглых негров». Однажды, когда он выступал в Цинциннати, его забросали тухлыми яйцами. Для аболиционистов это было лучшей рекомендацией, открывшей ему дорогу к адвокатской практике в крупных коммерческих фирмах и промышленных корпорациях. Ему предстояло стать богатым человеком — он мечтал стать президентом. Вероятно, в рассказах о том, что он становился перед, зеркалом, кланялся самому себе и шептал: «Президент Чэйз», была большая доля правды.



Чарльз Самнэр.

Фредерик Дуглас.



А. Линкольн — конгрессмен.

Для Саймона Камерона политическая деятельность была коммерцией, спортом, страстью. В шестьдесят два года он уже двадцать лет был доминирующей политической фигурой в Пенсильвании. Его дед со стороны матери, немец, участвовал в войне за независимость. Его отец, шотландец, был деревенским

портным, зарабатывал мало и в девятилетием возрасте Саймон был усыновлен местным доктором. Через год он пошел в типографию, научился ремеслу и к двадцати одному году стал редактором дойлстаунского «Демократа». Он одолжил деньги и стал владельцем и редактором гаррисбергского «Интеллидженсера».

Десять лет молодости Камерон отдал строительству каналов, железных дорог, учреждению банков и добыл себе огромное состояние. Свое прозвище «король Пенсильвании» он получил вместе со славой самого изощренного политического комбинатора в Америке. Камерон дважды помогал Бьюкенену избираться в сенат США. Затем, поняв, что влияние Бьюкенена становится угрозой для его власти, Камерон решил сам пройти в сенат. Основной промышленный штат, центр металлургии и железных дорог, необходим был Линкольну на случай крайних, критических событий государственной важности, а Камерон был в этом штате главным связующим звеном между деловыми и политическими кругами. С тяжелым сердцем назначал Линкольн Камерона министром; при этом он сказал Уитни: «Как я смогу оправдать свое прозвище «Честный старина Эйби», имея такого министра, как Камерон?»

Гидеон Уэллес, янки из Коннектикута, ставший морским министром, был владельцем газеты «Таймс» в Хартфорде. Впоследствии Линкольн посмеивался над дядюшкой Гидеоном, который не знал разницы между кормой и носом корабля. Массивную голову министра увенчивала патриархальная прическа; в сочетании с белой бородой пророка и бритой верхней губой он очень походил на Нептуна. В 1855 году он неудачно баллотировался в губернаторы. На съезде в Чикаго он возглавлял делегацию штата.

Эдвард Бэйтс, новый генеральный прокурор, был до этого прокурором штата Миссури; избирался сенатором штата и конгрессменом. События постепенно поставили его в такое положение, что ему некуда было податься, и он пошел к республиканцам. В Чикаго при первом голосовании кандидатур он получил 48 голосов, при третьем 22, а затем все голоса перешли к Линкольну.

Калеб Смит, родом из Бостона, министр внутренних дел, был адвокатом, оратором, редактором. В Конерсвилле, штат Индиана, виги сделали его конгрессменом; он стал чиновником федерального правительства. Из новых членов кабинета он был ближе всего к категории обычных профессиональных политических деятелей.

Монтгомери Блэйр, генеральный почтмейстер, происходил от

смешанной шотландско-ирландской семьи. Его отец, Фрэнсис Блэйр, окончил Трансильванский университет, редактировал в Вашингтоне газету «Глоуб». Старик Блэйр имел огромное влияние на делегатов из штатов, пограничных с рабовладельческим, контролировал он и делегатов из Мэриленда. За его сыном, Монтгомери, шла делегация из Миссури. Все эти голоса были отданы Линкольну при третьей баллотировке.

Отношения отца Блэйра с Линкольном носили сердечный характер, и многие опасались, что он станет таким же интимным другом и советником нового президента, каким он был у президентов Джексона и Ван Барена. Эти опасения основывались частично на том, что в Чикаго Фрэнсис Блэйр первый предложил кандидатом в президенты Бэйтса — генерального прокурора, а глава морского департамента Уэллес был его старым коллегой по демократической партии; зять Блэйра, Густавус-Ваза Фокс, намечался помощником морского министра; другой зять, С. Ли, занимал высокую должность адмирала флота, и, наконец, его сын Монтгомери стал генеральным почтмейстером. Все эти сановники стали вполне реальной силой в руках старого Блэйра. Он настойчиво и деликатно плел сети, быстро реагируя на изменения в политике. Линкольн прислушивался к мнению этого опытного профессионального политика; часто это мнение высказывалось без спроса.

Сам Монтгомери был окружным прокурором в Миссури, мэром Сент-Луиса, судьей. В качестве защитника беглого раба Дреда Скотта он приобрел много друзей среди аболиционистов. В Мэриленде он был представителем умеренного крыла республиканской партии.

Ганибалу Гамлину, вице-президенту, Линкольн сказал: «Я приму и всегда буду готов принять самым дружеским образом любой совет, который вы, вице-президент, захотите мне дать». Это было необычно. Гамлин так и сказал. За исключением Джексона и Ван Варена взаимоотношения между президентами и вице-президентами были, как правило, отнюдь не дружескими.

Гамлин дважды избирался в конгресс как демократ, затем был избран в сенат США. Как противник распространения рабства, он вышел из демократической партии, подал в отставку с поста сенатора и вступил в республиканскую партию. Будучи избран губернатором Мэна, Гамлин подал в отставку, чтобы занять место в сенате. Он был первым сенатором США — республиканцем. Затем он подал в отставку, чтобы баллотироваться в качестве вице-президента.

С каждым днем президент должен был отдавать все больше времени новым назначениям на должности и принимать

просителей должностей; все другие проблемы были отодвинуты. За истекшие тридцать лет, исключая восемь лет, когда у власти были виги, тысячи государственных должностей занимали неизменно побеждавшие демократы — это были их трофеи. По установившейся традиции партия, победившая на выборах, выметала всех прежних государственных служащих и назначала новых почтмейстеров, таможенников, судебных и полицейских чиновников, их заместителей, помощников, клерков.

Тысячи просителей вносили деньги в избирательный фонд, отдавали свое время, боролись за победу республиканцев, правда чаще всего после предварительного обещания о назначении их на должность. Со всех концов севера торжествующие республиканцы слетелись к добыче.

В отеле Виларда коридоры кишели людьми, алчущими должностей. Они толклись на лестницах, заполняли холлы, читальню, парикмахерскую, контору, крыльцо и даже его ступеньки. Рассказывали, что один из них, увидев проходившего сенатора, выскочил из парикмахерской с лицом, намыленным с одной стороны, с полотенцем на груди и напомнил ему об обещанном месте. Другой увидел Линкольна, когда тот проезжал в наемной карете, остановил его и протянул рекомендательные бумаги. Линкольн нахмурился и выпалил: «Нет! Нет! Я не намерен открывать лавочку посреди улицы», — и проехал дальше.

Герндон вспоминает слова Линкольна, когда тот однажды вспыхнул от гнева: «Если наше американское общество будет деморализовано и правительство Соединенных Штатов свергнуто, то это произойдет от неимоверной жажды должностей, стремления пролезть на теплое местечко, чтобы жить без забот, без труда, без дела; я и сам не свободен от таких тенденций».

В записках Линкольна к начальникам департаментов можно было найти советы и философские размышления: «Податель сего хочет работать… это настолько необычное желание, что, я думаю, его просьбу нужно удовлетворить», — так начиналась одна из записок. Один недовольный охотник за должностью насмешливо фыркнул: «Да ведь я один из тех, кто сделал вас президентом». Линкольн поднял груды документов, лежавших на его столе. «Да, и в хорошенькую историю вы меня впутали!»

В середине марта сенатор Джон Шерман из Огайо познакомил Линкольна со своим братом Уильямом-Текамсэ Шерманом, начальником Луизианской военной академии. Предвидя войну, Шерман подал в отставку. Линкольн спросил: «Как они там поживают?» Уильям Шерман свирепо ответил: «Они готовятся воевать». Президент сказал: «Ну что ж, думаю, мы наведем порядок в нашем доме». Шерман не сказал Линкольну

больше ни слова. Он ушел и нанялся надсмотрщиком городской железной дороги в Сент-Луисе с жалованьем в 40 долларов в неделю. Уильям высказал брату свое мнение о политических деятелях вообще, включая Линкольна: «Ваши дела чертовски плохи, выкарабкивайтесь, как знаете».

Грили и другие республиканцы — противники Сьюарда — опасались, что Сьюард и Уид, добившись контроля над Линкольном, продиктуют ему все назначения. Линкольн им сказал: «Одна группа не должна сожрать все. Составьте список должностей, на которые вы претендуете, и укажите ваши кандидатуры, а я постараюсь применить систему равных возможностей».

1 апреля Сьюард подал Линкольну один из самых странных документов, которые когда-либо подавались министром верховному руководителю страны. В заглавии значилось: «Некоторые мысли, предлагаемые президенту для обдумывания». Свои мысли Сьюард пронумеровал. Первая: «скоро кончается месяц нашего управления, но до сих пор у нас нет ясной политической линии ни во внутренних, ни во внешних делах». Вторая: «работа по назначению на должности» отвлекла «внимание от более важных проблем». Третья: «дальнейшее промедление… не только будет скандальным для нас, но и создаст опасное положение в стране». Четвертая: «отложите назначения заграничные или второстепенные… на более позднее время». Пятая: «переключите общественные интересы с вопроса… о рабстве…к проблеме сохранения Союза».

Затем Линкольн столкнулся с совершенно дикими предложениями своего министра: «Если мы не получим удовлетворительных ответов от Испании и Франции, я на вашем месте созвал бы конгресс и объявил бы этим странам войну».

Это было почти прямое указание на то, что Линкольн мямля, что он все испортил, а вот он, Сьюард, был бы настоящим президентом. Черным по белому он излагал странную и несуразную идею, что, начав войну с Францией и Испанией, он спас бы Союз, ибо южные штаты восстановили бы тогда Союз и воевали бы под национальным флагом.

Линкольн ответил: «Я продумал ваши предложения… я хочу и полагаю, что имею на это право, посоветоваться со всем кабинетом».

Газеты обвиняли Линкольна в том, что он «потратил время и силы на удовлетворение интересов прожорливых и эгоистичных политиканов, вместо того чтобы заняться спасением Союза…», «… вина лежит на никчемном, несведущем и безрассудном «Честном Эйби».

ВОЙНА

1. Форт Самтер и угроза войны. Мобилизация

Наутро после ввода в должность Линкольн штудировал донесения майора Роберта Андерсона, коменданта форта Самтер в порту Чарлстон. Андерсон сообщил, что продовольственных запасов ему хватит недели на четыре, а при жесткой экономии, может быть, и на 40 дней. Войска конфедератов приготовились захватить форт Самтер и сорвать флаг, как только придет приказ от правительства из Монтгомери.

25 марта сенат потребовал, чтобы Линкольн доложил о сообщениях Андерсона. Президент ответил: «Я всецело уважаю сенат, но пришел к выводу, что опубликование этих документов в настоящее время нецелесообразно». Сенаторы от штатов Виргиния, Северная Каролина, Теннесси, Арканзас, Техас были на своих местах и на заседаниях изо дня в день отвечали при перекличках, так как их штаты официально не заявили о выходе из Союза.

Впервые Линкольн созвал кабинет министров 9 марта и поставил перед ними вопрос в письменной форме: «Предположим, что сейчас было бы возможно начать снабжение форта Самтер. Разумна ли при данных обстоятельствах такая попытка?» Министры разошлись по своим министерствам и лишь 16-го вернулись с письменными ответами. Сьюард считал, что теперь не время применять силу. Чэйз ответил: да, если это приведет к миру; нет, если попытка приведет к гражданской войне, к созданию огромных армий, к миллионным бюджетам. Камерон — нет, ибо никакой практической пользы стране это не принесет. Уэллес — против: «у меня имеются сомнения». Смит — против: сдача форта Самтер вызовет «удивление и недовольство», но это будет «объяснено и понято». Бэйтс заявил: «Я готов эвакуировать форт Самтер». Один только Блэйр заявил безоговорочно — да, ибо в свое время Бьюкенен колебался и потерпел неудачу, а Джексон действовал и победил.

Президент вызвал к себе помощника морского министра, 39-летнего Густавуса-Вазу Фокса, выпускника морской академии, прослужившего восемнадцать лет в береговой инспекции, имевшего опыт войны с Мексикой, командовавшего бронированными пароходами. В 1856 году Фокс подал в отставку и стал представителем шерстоткацких фабрик. По поручению Линкольна 21 марта он прибыл в форт Самтер в сопровождении своего друга, бывшего капитана военно-морского флота США,

находившегося ныне на службе у конфедератов. Во время беседы майора Андерсона и Фокса бывший друг стоял достаточно близко от них, чтобы слышать все: последнюю горсть муки Андерсон наскребет в полдень 15 апреля, тогда же он выдаст последний ломтик бекона.

28 марта Линкольн предложил Фоксу составить проект приказа с подробным перечислением кораблей, команд и продовольствия, необходимых для снабжения форта Самтер.

Лэймон передал Линкольну слова губернатора Южной Каролины: «Пусть ваш президент попробует прислать подкрепления форту Самтер, и колокола войны зазвонят на каждой горе и в каждой долине Юга».

Того же 28-го марта президент собрал министров на тайное совещание. Он прочел им меморандум генерала Скотта, не одобрявшего посылку подкреплений в Самтер. Однако все решили не принимать во внимание советы главы армии.

В полдень следующего дня кабинет снова собрался, чтобы обсудить вопрос о войне. Три министра стояли за эвакуацию форта Самтер и три — против.

Были внесены различные предложения, как и где лучше всего начать войну.

Когда совещание кончилось, Линкольн вынул проект приказа, составленного капитаном Фоксом, и под ним написал приказ военному министру: «Сэр, прошу организовать экспедицию для следования морем. Отплытие назначить на 6 апреля. Договоритесь по этому поводу с морским министром».

1 апреля Николаи принес министру Уэллесу в отель Виларда пакет. Уэллес прочел документы и, как он потом рассказывал, «не теряя ни минуты, пошел к президенту, держа бумаги в руках. Он был один в кабинете. Оторвавшись от письма, он поднял голову и тотчас спросил: «Что такого я натворил?»

Предстояло разгадать одну запутанную историю. В руках у Уэллеса были два документа, подписанных Линкольном. Линкольн объяснил, что эти бумаги он подписал не читая. У него тогда не было времени. Кроме того, если он не может доверять министру иностранных дел, то кому же еще он может доверять?

В этих бумагах были указания морскому министру, которые заканчивались приказанием: «Капитан Барон заменит капитана Стрингама, начальника строевого бюро». Дальше следовала подпись: «Авраам Линкольн».

Подписывая документ, ни он, ни Сьюард не знали, что назначенный на службу во флот США капитан Самюэл Барон за пять дней до этого принял назначение на должность коммодора флота конфедерации! Он принял присягу на верность

конфедератам и приступил к активному строительству береговых укреплений, которые должны были обороняться против кораблей США, укомплектованных офицерами, назначенными Бароном, если бы ему удалось стать во главе строевого бюро.

После гневного визита Уэллеса с злополучным» бумагами в руках Линкольн уволил Барона.

Лейтенант флота Гвотми привез письмо от капитана Адамса, коменданта форта Пикенс. Уэллес узнал, что Адамс действовал в соответствии с условиями перемирия, заключенного администрацией Бьюкенена, согласно которому правительство США обязывалось не укреплять и не усиливать форт Пикенс при условии, что войска конфедератов воздержатся от наступательных действий против форта.

Решено было приказать Адамсу забыть о перемирии и приступить к высадке войск с кораблей и переводу их в форт. Однако лейтенант Гвотми отказался вернуться с письмом к Адамсу. Гвотми просил принять его отставку, так как переходил к конфедератам. Пришлось искать другого лейтенанта — верного Союзу.

Нью-йорская «Геральд» — рупор крупных капиталистических кругов — писала 10 апреля: «Наша единственная надежда на то, что деморализующая, дезорганизующая, подрывная (республиканская) сектантская партия, послушным орудием которой является «честный Эйби Линкольн», потерпит крушение, и тогда не будет затяжной гражданской войны.

Форт Самтер стоял в трех милях от Чарлстона на отвесных скалах острова. Против него заняли позиции батареи и 5 тысяч рекрутов с ружьями под командованием генерала П. Борегара, находившегося в постоянном контакте с военным департаментом конфедератов в Монтгомери.

Три комиссара конфедеративного правительства прибыли в Вашингтон с поручением «заигрывать» со Сьюардом и оттягивать время, что они и делали. А Сьюард «заигрывал» с ними. Что сказать этим комиссарам и как это сказать, не признавая их правительство, все это Сьюард считал лично своим делом как министра. Он вел тайные переговоры через третьих лиц, не советуясь с президентом, в котором он видел человека нерешительного и не имеющего плана действий. Такой же толки зрения придерживались и нью-йоркские газеты «Трибюн», «Таймс» и «Геральд».

Эти три комиссара сообщили своему правительству, что линкольнский кабинет министров готов сдать Самтер, но сам президент склоняется к точке зрения группы приближенных, требующих открытия военных действий.

Проходили недели. Вся страна наблюдала за тем, как майор Андерсон становился фигурой огромной государственной важности. «Боб Андерсон, мой красавчик Боб», — пали на подмостках.

Сам Андерсон сохранял хладнокровие и выдерживал напор советов от тысяч благожелателей; если бы он послушался их, то совершил бы уйму грубых ошибок. Он считал, что обязан непосредственно подчиняться приказам правительства США, хотя, по заверениям одного из его подчиненных, в случае войны между Севером и Югом он собирался уехать в Европу.

В Чарлстон приехал клерк военного министерства из Вашингтона с предупреждением от Линкольна. 8 апреля он его зачитал губернатору Пикенса:

> «…будет сделана попытка снабдить форт Самтер только лишь продовольствием. Если не будет оказано сопротивления этому, то никаких войск, оружия или боеприпасов в форт переброшено не будет…»

Джефферсон Дэвис созвал в Монтгомери своих советников. Роберт Тумбе, министр иностранных дел конфедерации, прочел письмо Линкольна и сказал: «Если мы откроем огонь по форту, начнется гражданская война, самая страшная, какую когда-либо знал мир. Я не чувствую себя компетентным что-либо посоветовать вам… Вы потревожите осиное гнездо, которое простирается от горных кряжей до океана; легионы, теперь бездействующие, придут в движение и смертельно нас ужалят…» Тем не менее президент Дэвис решил атаковать форт, предоставив Борегару выбрать время и способ атаки.

11 апреля-Борегар послал в Самтер суденышко с делегацией. Записка от Борегара, который когда-то был любимым учеником Андерсона, преподававшего на артиллерийском факультете в Уэст-Пойнте, гласила: «Правительство Конфедеративных штатов приказало мне потребовать эвакуации форта Самтер… Вам будет предоставлена возможность вывести гарнизон полностью…»

Майор Андерсон написал в ответ: «…К сожалению, это такое требование, которое я, по моим понятиям чести и в силу ответственности перед моим правительством, не могу выполнить». Когда майор Андерсон передавал записку адъютантам Борегара, он сказал: «Джентльмены, не торопитесь разнести нас на куски, через несколько дней мы умрем с голоду».

В полночь еще четыре посланца Борегара посетили Андерсона. В новой записке сообщалось, что, если Андерсон сам определит час сдачи, не будет «ненужного кровопролития». Андерсон созвал своих офицеров; они совещались с часу до трех.

В 3.15 утра Андерсон вручил свой ответ: «Искренне присоединяясь к вам в желании предотвратить ненужное кровопролитие, я готов эвакуировать форт Самтер 15-го сего месяца в полдень».

Через пять минут посланцы Борегара передали Андерсону заранее написанное предупреждение:

> «*Форт Самтер, Ю. К.*
> *12 апреля 1861 г. 3 ч. 20 м. утра.*
> *Сэр,*
> *По приказу бригадного генерала, командующего военными силами Конфедеративных штатов, мы имеем честь сообщить Вам, что он откроет огонь по форту Самтер из всех своих батарей ровно через час.*
> *Имеем честь остаться, со всем уважением, вашими покорными слугами (подписи)».*

Через час батареи, окружавшие форт, заработали полным ходом. Пожары, возникшие на пришедших в негодность деревянных кораблях, стоявших на приколе с внутренней стороны входа в гавань, осветили прибывшее перед рассветом судно, присланное Линкольном. Это судно и два пришедших позже уже не могли помочь Андерсону. Начиная с рассвета 12-го, в течение всего дня и в ночь на 13-е пушки били по Самтеру; было выпущено более 3 тысяч ядер и снарядов. Гарнизон задыхался от дыма, жары, газов; солдаты прижимались к земле, прикрывали лица и глаза намоченными в воде платками, ловили минуты, когда можно было передохнуть. Последние сухари были съедены; они получали лишь мизерные порции бекона. Рано утром 13-го после ночного дождя и ветра установилась ясная погода, занялась багровая заря. Пушки конфедератов смолкли.

Андерсону были предложены те же условия сдачи, что и раньше; выдержав 33-часовую бомбардировку, он сдал крепость. В воскресенье 14-го он вывел гарнизон из крепости. Солдаты прошли с развевающимися знаменами, под гром барабанов, под грохот салюта из 50 пушек. Гарнизон разместился на одном из судов, привезших продовольствие, и отправился в Нью-Йорк. В своем чемодане Андерсон увозил флаг, который защищал: он пожелал сохранить это обгоревшее и простреленное знамя с тем, чтобы, когда он умрет, его тело обернули в это знамя.

В воскресенье 14 апреля в Белом доме было очень много посетителей. В течение всего дня приходили сенаторы и конгрессмены для того, чтобы заверить правительство и Линкольна в поддержке народа. Министры непрерывно заседали.

Линкольн объявил мобилизацию народной милиции

нескольких штатов Союза в количестве 75 тысяч человек. Он призвал «всех лояльных граждан» защищать Союз и народное правительство. Словесная война кончилась, и, наконец, должна была начаться давно предсказанная открытая борьба с помощью оружия.

Дуглас прочел воззвание Линкольна, которое предназначалось для опубликования на следующий день, одобрил его, но заметил, что он бы сразу мобилизовал 200 тысяч, а не 75 тысяч человек.

Наступил день 15 апреля 1861 года, который много лет спустя все еще упоминался как «день, когда Линкольн впервые мобилизовал войска». В тысячах городов, поселков и деревень вспыхнула лихорадка ненависти, экзальтации, ораторства, активности; на массовых митингах пели гимн «Усеянное звездами знамя», песню «Америка», а оркестры из флейт и барабанов играли «Янки Дудл». Шла подписка в фонд комплектования и снаряжения войск, принимались резолюции, избирались комитеты для сбора пожертвований, для призрения солдатских семей, для агитации или преследования антипатриотов. Организовались женские кружки для шитья и вязания, для приготовления перевязочных средств. Женщины и девушки провожали своих мужей и возлюбленных, уезжавших в лагеря. Не было общины, из которой не уходили бы мужчины и юноши под звуки дудок, игравших песенку «Девушка, которая осталась дома».

В больших городах формировались крупные соединения из иммигрантов. Нью-йоркские ирландцы организовали четыре полка: 69-й, ирландских зуавов, ирландских волонтеров и бригаду святого Патрика. В боевую готовность были приведены итальянский легион и гвардейцы Гарибальди. Немцы выставили стюбен-волонтеров, немецких стрелков, стрелков Тэрнера и полк де Калба. В английскую и ирландскую территориальную гвардию предполагалось зачислить ветеранов британской армии и ирландской полиции, а в части британских волонтеров — британских подданных, проживавших в Нью-Йорке. Миллионеры Астор, Вандербильт, Аспинвол, А. Стюарт, Белмонт из дома Ротшильдов, когорты их служащих и юристов поддерживали теперь войну.

Герит Смит, богатый аболиционист, отдавший 120 тысяч акров земли и 3 тысячи негров, израсходовавший 16 тысяч долларов на гражданскую войну в Канзасе, предлагал снарядить полк цветных солдат; он отправил своего сына в армию, причем настоял, чтобы жалованья ему не платили.

17 апреля Виргиния вышла из Союза; войска штата

отправились в поход против форта и арсенала США в Харпере Фери, рассчитывая захватить его врасплох. 18 апреля форт и арсенал сдались им без боя. Два дня спустя морской форт в Норфолке, в штате Виргиния, оказался под угрозой, или так померещилось коменданту, и он сжег на 30 миллионов долларов военного имущества, оружия, снаряжения и кораблей.

Роберт Эдмунд Ли ушел из армии. США, бросил свой роскошный дом на Арлингтон Хайтс, высотах, возвышавшихся над Вашингтоном, и принял командование над виргинской армией. Он уже много лет был противником рабства, стоял за Союз, но не в силах был воевать против родного штата. До того как он подал в отставку, Линкольн предлагал ему командование армией северян.

Президент лишился командующего, которого генерал Скотт считал равноценным армии в 50 тысяч солдат.

Началось пропагандистское безумие. Южная печать сообщала об обширных планах Севера поднять восстания рабов, подстрекать их на грабежи, поджоги, насилия, убийства. Газеты Севера напечатали историю об учительнице-северянке, которую в Новом Орлеане раздели догола, измазали смолой, вываляли в перьях на площади Лафайета «за симпатии к аболиционистам, которыми она пыталась заразить своих учеников». На Севере и Юге выдумывались всякие ужасы или гиперболизировались незначительные инциденты. Питерсбергская газета «Экспресс» в штате Виргиния известила своих читателей, что «старый Эйби приготовился бежать. На всякий случай он теперь никогда не снимает ботинки с ног».

«Белый дом превращен в казармы», — писал Хэй. Паникеры и чудаки шатались по холлам и коридорам, требовали допуска к президенту, шепотом сообщали, что у них есть данные о заговорах, о намечаемых атаках, о подозрительных кораблях, поднимающихся вверх по Потомаку, о толпе, собирающейся захватить правительственное здание, причем особый отряд должен схватить и украсть президента.

Пришли ответы от губернаторов штатов, граничивших с Югом, на запросы Линкольна о количестве выставляемых ими войск. «Кентукки не даст ни одного солдата для безнравственной цели покорения ее братских южных штатов», — сообщил губернатор Бэриа Магофин. «По моему мнению, — ответил Клэйборн Джаксон из Миссури, — ваше требование противозаконно, антиконституционно и революционно по своим целям, оно дьявольски бесчеловечно и не может быть выполнено».

Президент южан Дэвис обещал выдать каперские свидетельства капитанам кораблей, которые перейдут к

конфедератам, с тем чтобы они захватили торговые суда северян. Линкольн ответил установлением блокады портов Юга.

Каждый день в разные бюро и департаменты Вашингтона приходили заявления об уходе со службы южан, отправлявшихся в южные штаты для вступления в армию конфедератов. Позже Линкольн обрисовал обстановку той недели: «Непомерно большая часть мушкетов и ружей каким-то образом попала к южанам… Офицеры федеральной армии и флота в огромном количестве подавали в отставку; значительное число их подняло оружие против правительства США».

6-й Массачусетский полк прошел по улицам Балтимора с вокзала на вокзал, чтобы пересесть на другой поезд. Во время перехода солдат забросали камнями и кирпичами, симпатизирующая южанам толпа обстреляла их из пистолетов. Полк ответил ружейной стрельбой. Потери убитыми: 6 солдат, 12 горожан. В тот же вечер полк прибыл в Вашингтон, построился колонной по два и прошел по Пенсильвания-авеню в Капитолий, неся 17 раненых на носилках.

Пришли вести, что телеграфные провода, ведущие на север, перерезаны. В Балтиморе телеграф захватили сторонники отделения. Военное министерство заявило: «Теперь все остановилось».

Почта не работала, железнодорожное движение пришло в расстройство, многие мосты были взорваны, телеграф бездействовал. Вашингтону уже было не до насмешек над предсказанием новоорлеанской газеты «Пикэйюн», что отложение Виргинии приведет «к переезду Линкольна и его кабинета и всего того, что они смогут увезти, в более безопасный район Гаррисберга или Цинциннати».

В Вашингтоне решали вопрос: когда какой-нибудь отряд добровольцев из состава южных войск кинется в столицу, захватит город и украдет правительство? В те дни это считалось реальной возможностью.

Тем временем Линкольн все больше присваивал себе власть диктатора. Он санкционировал план, согласно которому 20 апреля в 3 часа пополудни судебные исполнители США совершили налет на все телеграфные конторы штатов Севера и изъяли оригиналы всех посланных и копии всех полученных за год телеграмм. Кроме того, президент широко расходовал миллионы долларов из казначейства США, не испрашивая на то разрешения конгресса.

Позже Линкольн объяснил: «Мне нужно было решить, допущу ли я немедленное падение правительства… или воспользуюсь более широкими полномочиями, которыми конституция облекает

президента в случае мятежа, и попытаюсь спасти правительство».

Зал сената стал спальней для парней из 6-го Массачусетского полка. В палате представителей разместились парни из Пенсильвании. У каждого входа в Капитолий была сооружена баррикада почти трехметровой высоты из мешков с песком, бочек с цементом, железных плит.

23 апреля Андерсон и его гарнизон прибыли в Нью-Йорк, и город сошел с ума: состоялся пятидесятитысячный митинг на площади Юнион-сквер, прошли демонстрации, произносились речи, в армию записалось значительно большее количество людей, чем президент требовал. На войну жертвовали миллионы долларов. Знаменитый, прославленный полк — щегольской 7-й Нью-йоркский — маршировал по Бродвею между стоявшими стеной по обеим сторонам улицы, восторженно кричавшими толпами людей, — полк шел на юг, в Вашингтон! Губернатор Род Айлэнда самолично возглавил отряд войск с пушками и отправился с ним на кораблях в Вашингтон!

Но до Вашингтона никто пока не дошел. Непонятная задержка выводила президента из себя. «Мне показалось, что сейчас в морской порт вошли три судна, — поспешно набросал он записку морскому министру, — пожалуйста, пошлите кого-нибудь и узнайте, какие это суда?»

Вторую половину дня 23 апреля Линкольн провел в одиночестве в своем кабинете в Белом доме. Он молча шагал, останавливался у окна и подолгу смотрел вниз на реку Потомак. Его душевные страдания были ужасны, он то и дело восклицал: «Где же они? Где же они?»

Он решил сам проверить положение в городе. Он долго ходил по улицам, пока не оказался в арсенале. Двери были открыты, в охране ни души. Кто угодно мог войти и взять любое количество оружия. Он вернулся в Белый дом. Улицы были мертвы.

Подкрепления не подошли и 24 апреля. Десятки разведчиков, посланных Сьюардом, не вернулись. К президенту в Белый дом пришли солдаты и офицеры 6-го Массачусетского, раненные в уличных боях в Балтиморе. Линкольн поблагодарил их за храбрость и углубился в объяснения причин, почему Север допустил изоляцию правительства, его заключение в стенах Белого дома.

На следующий день прозвучал как долгожданный божий дар паровозный гудок. Вскоре послышался топот ног — левой, правой, левой, правой — это по Пенсильвания-авеню шагал 7-й Нью-йоркский полк. Затем пришла бригада в 1 200 человек с Род Айлэнда и столько же из Массачусетса. Выведенный из строя локомотив в Аннаполисе был отремонтирован машинистами из

Массачусетса; добровольцы-путейцы восстановили дорогу до Аннаполиса. Путь на север был открыт. Через несколько дней в Вашингтоне уже насчитывалось 10 тысяч солдат, готовых к обороне города. Наконец, хотя бы на некоторое время, у Линкольна появилась уверенность, что Вашингтон останется столицей.

2. Джефферсон Дэвис, его правительство

В последней неделе мая правительство конфедератов, усилившееся благодаря окончательному отпадению от Союза Арканзаса, Теннесси, Северной Каролины и Техаса, перебралось из Монтгомери (штат Алабама) в Ричмонд (штат Виргиния). Это было сделано для того, чтобы быть ближе к пограничным штатам и к полям ожидавшихся тяжких сражений. Сюда, в Ричмонд, устремились полки со всего Юга. Клич, охвативший Юг: «Вперед, на Вашингтон!», столкнулся с кличем Севера: «На Ричмонд!»

В армию конфедератов стекались люди с огромной территории от реки Потомак до Галфкост и Рио Гранде. Граница этой территории тянулась на полторы тысячи миль — от Чезапикской бухты через Кентукки и до Канзаса. Мозг и сердце Юга находились в Ричмонде. Защитой этой территории служила армия в 100 тысяч человек.

Рассел, корреспондент лондонской «Таймс», писал из Ричмонда: «Здесь все за войну, без различия пола и возраста. Отделение от Союза стало модой. Девушки поют об отделении, старухи молятся за него, молодые люди умирают от желания сразиться за отделение, пожилые готовы отдать все». Рассел слышал об одном джентльмене из волонтеров, который получил от своей дочери письмо, в котором «она сообщала отцу, что избрана маркитанткой новоорлеанского полка, собирается дойти с ним до Вашингтона и добыть там прядь волос с головы Эйба Линкольна».

Правительство в Ричмонде было новым и молодым.

— Где находится государственный департамент? — спросил один англичанин у государственного секретаря Роберта Тумбса.

— Под моим цилиндром, — ответил тот, — а архивы в кармане моего пальто.

Импульсивный Тумбе вскоре вынужден был уйти в отставку и отправиться в армию на поля сражений. Многие считали, что он должен стать военным министром, но этот пост достался Лерою Уокеру, адвокату и политику из Алабамы, который был чрезвычайно озабочен технической стороной дела: как может народ, морские порты которого блокированы, у которого нет заводов, выпускающих оружие и боеприпасы, создать все это? Он также сменил свой пост на место в войсках, а военным министерством конфедератов стал руководить Альберт Бледсоу, человек, окончивший Уэст-Пойнт, ставший затем протестантским священником, а позднее профессором математики. В течение ряда лет он был адвокатом, и его контора находилась в

Спрингфилде рядышком с конторой Линкольна и Герндона.

Министром финансов был Кристофер Меммингер, уроженец Германии, адвокат, бизнесмен и политик исключительной честности, создатель системы народных школ в Чарлстоне. В правительстве он представлял вместе с другими своими коллегами Южную Каролину. Через Ламара — южанина и сепаратиста, который был президентом республиканского банка в Нью-Йорке, — Меммингеру удалось договориться с «Американ Бэнк Ноут Компани», что они выгравируют и отпечатают в Нью-Йорке денежные знаки для конфедерации. «Работа была выполнена великолепно, на самой лучшей бумаге, — писал Меммингер, — но, несмотря на все предосторожности Ламара, деньги попали в руки федерального правительства и были захвачены как военная контрабанда». Пришлось привозить граверов из Европы и печатать деньги конфедератов на бумаге, которую привозили из Балтимора агенты, пробиравшиеся через границу.

Возглавлял правительство конфедератов человек, избранный на этот пост как военный авторитет, известный скорее как умеренный, а не крайний сторонник отделения. Это был хлопковый плантатор с Миссисипи, выпускник Уэст-Пойнта, служивший лейтенантом во время войны с Черным Ястребом, участник войны с Мексикой, во время которой он был ранен, сенатор, военный министр при президенте Пирсе, оратор, любитель лошадей, избранник судьбы, — Джефферсон Дэвис. Так же как и Линкольн, Дэвис родился в Кентукки, на год раньше Линкольна. Одного из них увезли ребенком на Север, на новые земли, а другого — на Юг.

Армию Линкольна из 75 тысяч добровольцев Дэвис называл «поссе комитатус» (кучка добровольцев, помогающих шерифу справляться с беспорядками), которые хотят арестовать 5 миллионов человек, поставленных вне закона. В одном своем обращении к армии Дэвис утверждал, что «президент узурпировал права, принадлежащие исключительно конгрессу». Дэвис хладнокровно и с расчетливой вежливостью утверждал, что Линкольн невежественный узурпатор и кровожадный деспот, Линкольн же вынужден был в своих речах и статьях делать вид, что Дэвис не существует как политическое лицо.

Политическая известность Дэвиса началась с того времени, когда он в 1847 году стал сенатором; тогда он боролся с Дугласом, был сторонником отделения. Один южанин подчеркивал, что Дэвис «никогда не может забыть того, о чем не следует помнить». Дэвису не хватало умения руководить другими, и в то же время он был слишком самоуверенным

человеком, чтобы позволять другим руководить собой. К тому же он не умел, как это делал Линкольн, заставить других поверить, что они якобы руководят им.

Когда шли дебаты между Линкольном и Дугласом, Дэвис говорил, что ему хотелось бы, чтобы они разодрали друг друга в клочья. Когда 6 ноября стало известно, что Линкольн, еще не имея большинства голосов, уже получил голоса выборщиков всех северных штатов, за исключением Нью-Джерси, Дэвис 10 ноября писал Рэту: «Если Южная Каролина решила отделиться, я советую им проделать это до того, как правительство окажется во враждебных руках». 9 января отделился штат Миссисипи, и через одиннадцать дней Дэвис официально объявил в сенате об отделении штата, который он представлял, и о своем уходе из сената.

10 февраля, когда весеннее солнце пригрело зелень, Дэвис с женой возились с розовыми кустами в саду. Появился посыльный и вручил ему телеграмму. Жена пыталась узнать по его лицу, что за новости содержала эта телеграмма. Он помрачнел, и она испугалась. «Через несколько минут тягостного молчания он сказал мне все, — писала она впоследствии, — при этом голос его звучал так, словно речь шла о смертном приговоре». Делегаты на съезде штатов конфедерации в Монтгомери избрали его временным президентом. И это тогда, когда он сам предпочитал поле сражения всякой административной деятельности. Жена в слезах попрощалась с Дэвисом, и он отправился в Монтгомери. По дороге толпы народа приветствовали его как своего нового президента, требовали, чтобы он выступал с речами, по ночам устраивали фейерверки, днем палили из ружей. После торжественного вступления в должность Дэвис писал жене: «Я думаю, что если бы ты была свидетелем всего происходившего, это доставило бы тебе удовольствие и было бы памятью для наших детей».

Дэвис был избран главой правительства, которому подчинялось 11 штатов; им противостояли 23 штата, оставшихся в Союзе во главе с Линкольном. Юг насчитывал 9 миллионов человек (включая 3 миллиона 900 тысяч рабов), Север — 22 миллиона человек.

В случае смерти Дэвиса его пост должен был занять человек, который сам мог бы стать президентом конфедерации, если бы в одном случае он сказал «да». 8 февраля вечером делегаты шести штатов пришли в комнату Александра Стифенса. От их имени говорил Роберт Тумбе, близкий друг Стифенса, хотя они часто спорили по политическим вопросам.

— Алек, — сказал Тумбе, — на твоей кандидатуре сходятся

все члены конгресса, и все мы готовы помочь тебе сформировать правительство. Есть только один вопрос — вот эти парни из Виргинии и пограничных штатов хотят, чтобы ты обещал им, что первым нанесешь удар. Они говорят, что их штаты колеблются и готовы примкнуть к конфедерации при первом нашем ударе. Они знают, что Бьюкенен никогда не решится напасть первым, и надеются, что Линкольн будет столь же труслив. Они хотят, чтобы ты при первой удобной возможности, — скажем, если северяне попробуют вновь захватить форт Самтер или снабжать его, — нанес первый удар.

Наступило молчание. Все смотрели на маленькую, хрупкую фигуру Стифенса. Медленно и отчетливо он сказал:

— Нет, я никогда первым не нанесу удар.

Они ушли и на длившемся всю ночь совещании избрали другого человека в президенты.

Стифенс мечтал о покое, о мире, о том, чтобы заниматься поэзией, философией, беседовать с друзьями. И все-таки Тумбе и другие сделали его вице-президентом конфедерации. Он понимал идеи Севера и Линкольна. Однажды он написал своему старому товарищу по конгрессу: «Я был так близок с мистером Линкольном, как ни с одним другим человеком, не считая, пожалуй, мистера Тумбса».

3. Суматоха. Страхи. Опасности

Правительство Линкольна работало над созданием нового мощного военного аппарата. 3 мая президент опубликовал послание, в котором призывалось 42 034 добровольца сроком службы на три года, из которых вместе с 22 714 завербованными предполагалось составить 10 полков регулярной армии, и 18 тысяч моряков для осуществления морской блокады. Таким образом, состав армии увеличился до 156 861 человека, а флота — до 25 тысяч. Президент и группа руководящих офицеров дни и ночи были заняты выработкой стратегических планов будущих операций.

Из окон Белого дома Линкольн мог видеть в подздрную трубу флаг конфедератов, развевающийся над Александрией — городком в восьми милях от Вашингтона вниз по течению реки Потомак, захваченном воинской частью конфедератов, прорвавшейся сюда из Ричмонда, в количестве 500 человек, с несколькими тяжелыми орудиями.

После мая 1861 года почтовая связь с отколовшимися штатами прекратилась. Тогда же конгресс конфедератов обязал всех граждан, которые имели долги в Соединенных Штатах (за исключением штатов Делавэра, Кентукки, Миссури и округа Колумбия), внести эти суммы в казначейство конфедерации. По подсчетам Дэн и К°, Юг был должен северным торговым компаниям свыше 211 миллионов долларов, из которых 169 миллионов приходилось на один нью-йорк.

К 9 мая в Вашингтоне находилось около 20 тысяч войск. В их число входил и полк огненно-красных зуавов, сформированный полковником Элмером Элсуортом в течение десяти дней из нью-йоркских пожарных. Жители Нью-Йорка собрали на обмундирование и вооружение этого полка 60 тысяч долларов. Солдаты Элсуорга, облаченные в красные штаны, были вооружены десятью различными типами ружей.

Яркой лунной ночью 24 мая кавалерийский отряд переправился по мостам через Потомак из Вашингтона в Виргинию. За ним последовали части пехоты и саперов, которые принялись рыть окопы на холмах, чтобы создать оборону округа Колумбия, окруженного рабовладельческими штатами.

В то время как Мичиганский полк направился в тыл Александрии, огненные зуавы полковника Элсуорта должны были спуститься на транспортах к Александрии и захватить ее. Впереди транспортов шел корвет под белым флагом, который передал войскам конфедерации предложение в течение часа покинуть

город. Элсуорту сообщили, что конфедераты согласились эвакуироваться, и после нескольких беспорядочных выстрелов они действительно отошли.

Элсуорт с группой своих солдат поспешил к телеграфной конторе, чтобы прервать связь с Югом. Где-то по дороге на телеграф они оказались у Маршалл-хауза, второклассной гостиницы, на крыше которой развевался флаг конфедерации. Элсуорт распахнул дверь и спросил у босого человека в рубашке и штанах, что за флаг на крыше гостиницы. Человек этот ответил, что он только постоялец и ничего не знает. Тогда Элсуорт, сопровождаемый своими друзьями, бросился по лестнице на третий этаж, пробрался на крышу и сорвал конфедератский флаг.

Когда стали спускаться, впереди шел капрал Браунелл, за ним Элсуорт с флагом. Когда Браунелл оказался уже на первом этаже, из темного закоулка выскочил человек и, вероятно не заметив Браунелла, направил двуствольное ружье прямо в грудь Элсуорту. Браунелл пытался отвести ружье, но у противника была твердая рука, и он разрядил один из стволов в сердце полковника Элсуорта, убив его наповал. Браунелл тут же выстрелил в лицо убийце и, прежде чем тот упал, вонзил в него штык.

Тело Элсуорта положили на кровать в соседней комнате, в ногах у него лежал флаг конфедерации. Корреспондент «Трибюн» побежал удостовериться, что телеграфная контора захвачена. Когда он вернулся, то застал ужасную сцену. Из ближней комнаты выбежала женщина, бросилась к лестнице, где лежал труп убийцы, и разразилась такими криками, что слушать их было просто невозможно. Она ломала руки, билась головой, никого не подпускала к себе. Убитый оказался ее мужем — Джеймсом Джексоном, владельцем гостиницы. Это был тот самый полуодетый человек, который сказал Элсуорту, что он «только постоялец».

Тело Элсуорта перевезли в Вашингтон и положили в здании морского ведомства. Над городом разносился похоронный звон колоколов, флаги на государственных зданиях были наполовину спущены. В Белом доме корреспондент нью-йоркской газеты «Геральд» и сенатор Уилсон из Массачусетса застали президента в кабинете у окна. Он стоял и смотрел на Потомак. «Он не двинулся, пока мы не подошли вплотную к нему. Тут он резко повернулся и, шагнув к нам навстречу, протянул руку, чтобы поздороваться.

— Простите меня, — сказал он, — но я не могу сейчас говорить.

К нашему изумлению, президент разрыдался и прикрыл лицо носовым платком.

— Я не буду извиняться за свою слабость, — проговорил он. — Но я очень хорошо знал бедного Элсуорта и высоко ценил его. Только что ушел капитан Фокс, он рассказал мне все подробности этой трагической смерти».

В Чикаго, выступая перед огромной аудиторией, Стифен Дуглас сказал: «Долг каждого американского гражданина перед богом — сплотиться вокруг флага своей родины», — и после этого он отправился домой — умирать. В бреду он кричал: «Телеграфируй президенту — пусть войска выступают». 3 июля он скончался. Демократическая партия Севера похоронила последнего своего титана, республиканцы отдавали должное политическому лидеру, который в момент кризиса предотвратил бунт своих последователей.

Это было время, когда политические противоречия раскалывали семьи, когда братья, родственники оказывались по разные стороны фронта. В семье Мэри Тод-Линкольн ее старший брат Леви и ее сводная сестра Маргарет Келлог были на стороне Союза, а младший брат Джордж и три сводных брата — Самуэл, Дэвид и Александр — вступили в армию конфедератов. Три ее сводные сестры — Эмили Хэлм, Марта Уайт и Элоди Доусон — были замужем за офицерами армии конфедератов.

Линкольн пригласил в Белый дом своего зятя Бена Хэлма, сына бывшего губернатора Кентукки, выпускника Уэст-Пойнта. В течение нескольких дней его пребывания в Белом доме гость рассказывал о своих старых товарищах по Уэст-Пойнту, которые вышли в отставку и перебрались на Юг. Сам он еще не принял никакого решения. Когда Хэлм покидал Белый дом, Линкольн вручил ему конверт, в котором было назначение его майором, и сказал: «Бен, здесь есть кое-что для вас. Подумайте и дайте мне знать, что вы решили». Мэри просила его передать поцелуй Эмили и сказала: «До свидания. Мы надеемся вскоре увидеть вас обоих в Вашингтоне». Они с Линкольном обменялись крепким рукопожатием, и Хэлм медленно спустился по лестнице. Через несколько дней пришло известие, что он вступил в армию конфедератов.

Шла борьба за Кентукки. Законодательное собрание штата после сессии, которая длилась с января, прервало свою работу на неопределенное время, объявив нейтралитет, но оставаясь в составе Союза. Постепенно Кентукки все более и более удалялся от южных, родственных ему рабовладельческих штатов, которые при всяком удобном случае обвиняли кентуккийцев в нерешительности и трусости. Джошуа Спид и его брат Джеймс в Луисвилле оставались сторонниками Союза.

Роберт Андерсон, которого Линкольн назначил бригадным

генералом, обосновался со своим штабом в Цинциннати и делал все возможное, чтобы удержать Кентукки в составе Союза. Лейтенант флота Уильям Нелсон, родом из Кентукки, попросил Линкольна послать его туда, чтобы предотвратить отделение Кентукки. Нелсон и его друзья распределили среди сторонников Союза 10 тысяч ружей. Тайком, по ночам, сторонники Союза получали «ружья Линкольна», чтобы использовать их в случае необходимости. В штате Огайо, по ту сторону реки Огайо, были созданы военные лагеря, и в некоторых полках, формировавшихся там, до четверти людей составляли кентуккийцы. Когда в июне происходили выборы в конгресс, созыв которого Линкольн назначил на 4 июля, в девяти из десяти избирательных округов Кентукки были избраны противники отделения.

В Балтиморе выборы в законодательное собрание штата Мэриленд происходили 24 апреля. Из 30 тысяч избирателей Балтимора к избирательным урнам пришли только 9 244 человека, и все они проголосовали за сторонников отделения от Союза.

Постепенно стало выясняться, что силы сторонников отделения штата Мэриленд сосредоточены главным образом в Балтиморе, где собралось активное меньшинство, выступавшее против Союза. Возбуждение в Мэриленде стало спадать по мере того, как выяснялось, что отделение от Союза приведет к гибели торговли Балтимора. Прошло некоторое время, и 10, 20, 30 полков беспрепятственно прошли через Мэриленд в Вашингтон. В Аннаполисе было создано военное управление под начальством бригадного генерала Бенжамена Батлера.

Ночью 13 мая в дождь и грозу генерал Батлер перебросил тысячу солдат к Балтимору, установил орудия на холме Федерал Хилл, господствующем над Балтимором, и опубликовал воззвание, в котором заявил, что войска находятся здесь для того, чтобы обеспечить уважение и подчинение законам Соединенных Штатов. Север приветствовал действия Батлера. Этот человек перенес на общегосударственную арену те методы, которыми он действовал в Массачусетсе, — изобретательность, умение не считаться со средствами, наглость и дерзость, расчетливость карьериста и изменчивость хамелеона. Тяжеловесный, с округлым брюшком, лысый, чуть косоглазый, с сонными глазами, в которых проскальзывала хитрость, он всегда оставался актером, у него всегда наготове были реплики, отвечавшие избранной им роли — человека из народа и человека, который знает, как действовать.

Когда Батлера отозвали из Мэриленда и поставили во главе крепости Монро в Виргинии, он обратился с протестом лично к Линкольну, утверждая, что его унизили. Линкольн, судя по

записи Батлера, ответил весьма вежливо и доброжелательно. Они пожали друг другу руки, и Батлер удалился, чтобы рассказывать повсюду, что они с президентом «ближайшие и самые лучшие друзья». К тому времени Батлер еще не успел дискредитировать себя. Его действия в Мэриленде ободрили Север. И все-таки в основе своей он оставался актером, политическим генералом и военным политиком. И когда Джон Хэй однажды сказал Линкольну, что он считает Батлера единственным человеком в армии, которого власть испортит, Линкольн ответил ему: «Да, он похож на брата Джима Джетта. Джим обычно говорил, что его брат самый большой прохвост, которого когда-либо носила земля, но по безграничной милости господней он еще и самый большой дурак».

Политическая ловкость Батлера еще раз послужила стране, когда в мае в его лагерь сотнями начали прибывать беглые рабы. Правовую сторону этого вопроса Батлер решил сразу, заявив, что «негры должны рассматриваться как контрабанда». Страна подхватила это словечко «контрабанда» как средство обходить закон о беглых рабах. Множество беглых рабов, находившихся на краю гибели в лесах и болотах, добирались до границы Союза и с ликованием заявляли: «Я контрабанда».

Новый конфликт в Мэриленде привел к спору между Тэйни, председателем верховного суда Соединенных Штатов, и президентом. Генерал Кадуолэйдер, командовавший фортом Мак-Генри близ Балтимора, ночью 25 мая Послал в Хэйфилд команду солдат, которые вытащили из постели некоего Джона Мерримана и доставили его в форт Мак-Генри, где он был заключен в тюрьму. Адвокаты Мерримана в тот же день обратились к председателю верховного суда Роджеру Тэйни, проживавшему в Балтиморе, с жалобой. Они утверждали, что предъявленное Мерриману обвинение в измене неправомерно, и требовали применения предписания о представлении арестованного в суд для рассмотрения вопроса о законности ареста. Тэйни послал генералу Кадуолэйдеру вызов явиться в суд вместе с Мерриманом. Вместо генерала явился офицер его штаба полковник Ли, который объяснил, что генерал не может явиться, так как у него неотложные дела, и зачитал письменное заявление генерала, где утверждалось, что упомянутый Мерриман обвинен в измене, что он является руководителем группы, хранящей у себя оружие, принадлежащее правительству, и открыто заявлял, что готовит вооруженное выступление против правительства. Генерал сообщал далее в своем заявлении, что он «должным образом уполномочен президентом Соединенных Штатов в подобных случаях не допускать применения «хабеас корпус». Кончилось это

дело тем, что ни генерал, ни Мерриман не предстали перед судом, а Тэйни направил президенту длинное послание в старинном англосаксонском духе по поводу «хабеас корпус» с ссылками на прецеденты, в котором предупреждал, что президент не должен нарушать закон.

27 июня был арестован и заключен в форт Мак-Генри начальник полиции Джордж Кэйн, известный своей приверженностью к конфедератам. Четверо полицейских чиновников, заявлявших о своей поддержке сторонников отделения, выразили протест против этого акта и распустили городскую полицию. После этого они также были арестованы и заключены в форту Мак-Генри.

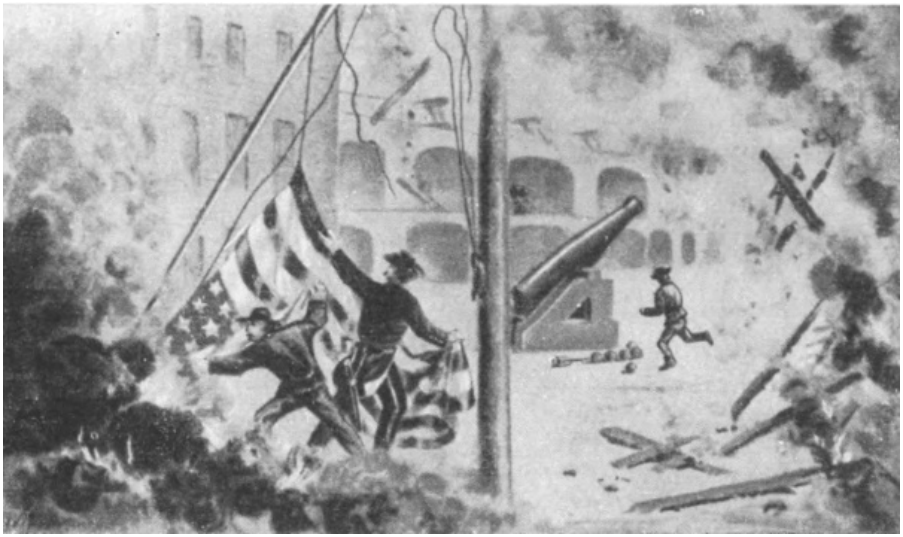
В июне тенденция к отделению в Мэриленде была окончательно подавлена: было восстановлено железнодорожное сообщение и в шести округах Мэриленда в конгресс были избраны сторонники Союза; к тому же губернатор Хикс без труда сформировал четыре полка для несения службы в пределах штата и для защиты столицы Союза.

Ответ Линкольна председателю верховного суда Тэйни содержался в послании президента конгрессу 4 июля:

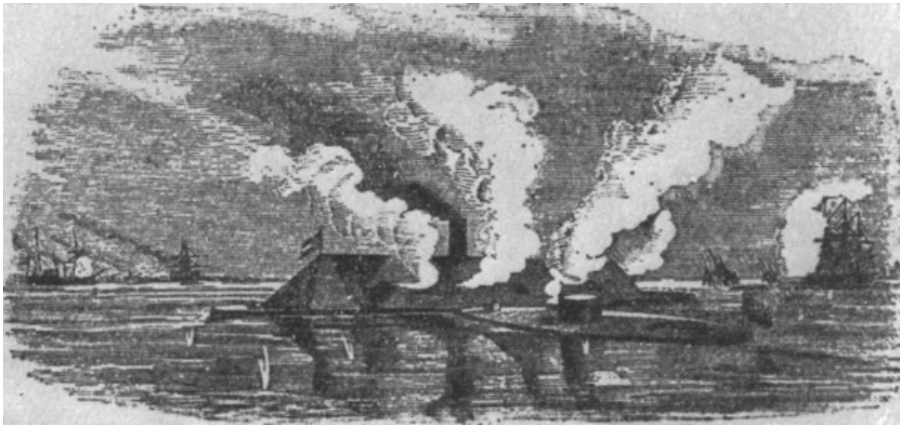
> «Вскоре после первого призыва добровольцев было сочтено целесообразным дать право главнокомандующему в соответственных случаях не допускать применения «хабеас корпус», или, иными словами, арестовывать и содержать в заключении без соблюдения обычной законной процедуры лиц, угрожающих общественной безопасности… Неужели не лучше нарушить один закон, нежели допустить уничтожение всех законов и распад правительства?.. Ведь если правительство будет ниспровергнуто, разве тем самым не будет нарушена присяга?.. Мы не считали, что нарушаем какие-либо законы… Было установлено, что мы имеем дело с бунтом… А сейчас утверждают, что только конгресс, а не правительство располагает подобными правами. Но в конституции не сказано, кто должен располагать такой властью».

Сьюард все еще никак не мог отказаться от своей идеи, что война с Великобританией может вернуть Юг под старый американский флаг и воссоздать прочный союз. Он был уверен, что угрожающий тон по отношению к британскому правительству будет только на пользу. Однако его друг, посол в Лондоне Адамс, получая его послания, полные безрассудных угроз, превращал их в тщательно взвешенные дипломатические заявления и вежливые

споры.



Бомбардировка южанами форта Самтер 12 апреля 1861 года.



Бой между «Монитором» и «Мерримаком».

Солдаты Севера на биваке.

13 мая 1861 года в декларации королевы Виктории констатировался факт враждебных действий «между правительством Соединенных Штатов Америки и некоторыми штатами, именующими себя Конфедерацией американских штатов», и сообщалось «о намерении королевского правительства придерживаться в конфликте между упомянутыми враждующими сторонами строгого и беспристрастного нейтралитета». Сама королева и ее муж принц Альберт, либералы и народные массы Англии склонялись в своих симпатиях к Северу, в то время как премьер-министр Пальмерстон, правительственные круги и империалистические клики, чье мнение отражала лондонская газета «Таймс», поддерживали Юг и во многих случаях отнюдь не придерживались нейтралитета.

Пальмерстон заявил однажды нью-йоркскому агенту Ротшильдов Огасту Белмонту: «Мы не любим рабства, но мы нуждаемся в хлопке, и нам не нравится ваш тариф Моррилла». Любопытное обстоятельство, которое трудно поддается определению, — английское общественное мнение — мешало Пальмерстону признать конфедерацию и послать ей на помощь английский флот.

Когда Карл Шурц уезжал в Испанию, Линкольн беседовал с ним о внешней политике с той же бесстрастностью, с какой он мог бы говорить о рядовом судебном деле в Спрингфилде. Он

заявил Шурцу, что если правительство, как говорят, спотыкается, то в общем оно «спотыкается в правильном направлении».

Когда капитан и команда каперского судна «Джефферсон Дэвис» были захвачены и приговорены в Филадельфии к повешению по обвинению в пиратстве, решение суда должно было быть утверждено президентом. Линкольн при этом заявил, что если их повесят как пиратов, то будет повешено такое же число офицеров Севера, находившихся в тюрьмах на Юге. Военный министр конфедерации Дэвис дошел до того, что опубликовал фамилии тринадцати пленных офицеров Севера, которые по жребию должны были бы отправиться на виселицу. Линкольн отказался начать это соревнование в казнях.

Президенту и кабинету министров приходилось вести неустанную борьбу с неопытностью новых чиновников, с путаной организацией армии, с бюрократизмом канцелярий. Им приходилось руководить армией, состоявшей из четырех категорий воинских соединений: кадровых войск; добровольцев, пошедших в армию на три месяца; народной милиции штатов и добровольцев, записавшихся на три года. Кроме того, еще были войсковые части в пограничных, все еще нейтральных штатах.

Формирование эффективно действующей армии, способной проводить крупные стратегические операции, требовало бешеной, сложной, изнурительной работы, а генерал Скотт оказался медлительным, суетливым; к тому же старого героя мучили болезни.

Нередко Линкольн и министр Камерон отдавали приказы через голову Скотта, используя политические каналы воздействия. Все же, присваивая генеральские звания командирам добровольческих частей, они полагались в основном на мнение Скотта. Среди назначенных по его рекомендации был Генри У. Галлек. Но назначение Джона Фремонта генерал-майором, так же как и назначение Батлера и Банкса, было сделано из политических соображений.

В Белом доме появился Уильям-Текамсэ Шерман. Он удивил и рассмешил Линкольна, отказавшись от звания бригадного генерала, ибо хотел, как он сказал, начать с низов — с полковника. Получив назначение, он послал прощальный привет своим сослуживцам на Сент-Луисской городской конной железной дороге.

Шерман предложил Линкольну назначить на командный пост выпускника Уэст-Пойнта Джорджа Томаса, имевшего многолетний армейский опыт.

Линкольн высказал сомнение в лояльности Томаса, так как он был родом из Виргинии.

— Мистер президент, — возразил Шерман, — старина Том так же лоялен, как и я. Во всей армии нет солдата лучше его.

— А вы берете на себя ответственность за него? — спросил Линкольн.

— С величайшим удовольствием, — сердито отрезал Шерман.

В тот же день Линкольн послал в сенат кандидатуру Томаса для утверждения его бригадным генералом.

К этому моменту стало известно, что из 1 108 кадровых офицеров армии США 387 подали в отставку и перешли к южанам.

В мае и июне 1861 года Линкольн не раз подчеркивал, что популярность правительства и сохранение Союза важнее всех остальных вопросов. Если проблема рабства оказалась выдвинутой на первый план, то только благодаря сложившимся обстоятельствам. Этот вопрос оказался в центре внимания, как только начало развиваться движение за отделение южных штатов, и миллионы негров, живших на Юге, стали рассматриваться как военный фактор, который одна из воюющих сторон или обе должны были использовать в своих интересах.

Маленькая женщина, жившая в штате Мэн и написавшая «Хижину дяди Тома», получила однажды по почте пару ушей, отрезанных у какого-то негра, в знак протеста против ее идей о равенстве рас.

Линкольн в своем послании конгрессу ни словом не обмолвился о неграх и о рабстве. Он сохранял официальную верность закону о беглых рабах. Получалось так, что беглые рабы из Виргинии, принадлежавшие сторонникам отделения и бежавшие в лагерь Батлера в крепости Монро, рассматривались как «контрабанда», поскольку некому было защищать их интересы в Вашингтоне. Но когда рабы из Мэриленда бежали в округ Колумбия или в военные лагеря союзной армии, члены конгресса от Мэриленда немедленно требовали их возвращения, так как обычно нельзя было доказать, что рабовладелец нелоялен по отношению к Союзу. В результате Линкольн стал постепенно вводить такой порядок, при котором местные военные и иные власти сами решали вопрос о том, как относиться к беглым рабам, имея в виду прежде всего требования военной необходимости.

6 июля военный министр Камерон сообщил Линкольну, что 64 добровольческих полка по 900 человек в каждом и 1 200 солдат регулярных войск в полной боевой готовности находятся в окрестностях Вашингтона, а вся армия Севера насчитывала в тот момент 225 тысяч человек. Верховным главнокомандующим этой армией, по тем временам самой большой в мире, был Линкольн.

20-тысячной армией конфедератов, расположенной близ Вашингтона в Манассас Джанкшен, командовал Пьер Борегар, бывший начальник военной академии в Уэст-Пойнте, ветеран мексиканской войны. Его как героя, сорвавшего флаг с форта Самтер, вызвали в Виргинию для предотвращения вторжения северян. 1 июня он принял командование, издав следующую прокламацию: «Безрассудный и беспринципный тиран напал на нашу землю. Авраам Линкольн вопреки всем моральным, законным и конституционным правам бросил свои аболиционистские войска против нас… Все законы цивилизованной войны забыты им… Ваша честь и честь ваших жен и дочерей, ваше имущество и ваше будущее под угрозой».

Когда 4 июля собрался конгресс, все были уверены, что в ближайшем будущем состоится битва под Вашингтоном. Газета Грили «Трибюн» выходила с такими заголовками: «Вперед, на Ричмонд! Вперед, на Ричмонд! Нельзя допустить, чтобы мятежный конгресс собрался там 20 июля! В этот день Ричмонд должен быть взят национальной армией!»

Деловая активность упала, ощущался недостаток денег, лишь с большим трудом удавалось получать кредиты. Нужна была короткая война. С этим соглашались все. Подходил срок окончания службы добровольцев, призванных на три месяца. 4-й полк пенсильванских волонтеров и 8-й Нью-йоркский артиллерийский полк требовали, чтобы их отпустили по домам.

В своем послании конгрессу президент кратко изложил историю с фортом Самтер. Линкольн ставил вопрос: «Является ли неизбежной для всякой республики роковая слабость?.. Должно ли правительство быть достаточно сильным, чтобы защитить свободы своего народа, или столь слабым, чтобы не суметь сохранить себя?» Он заявлял, что нет другого выбора, «кроме предоставления правительству всей полноты военной власти». Палата представителей встретила аплодисментами рекомендацию президента «дать полномочия закончить эту войну коротким и решительным ударом» и выделить для этого не менее 400 тысяч человек и 400 миллионов долларов.

Печать Севера встретила это послание полным одобрением, еще ни одно выступление Линкольна не получало такой поддержки. Издатель журнала «Харперс уикли» Джордж Кэртис писал в письме: «Я не завидую другим эпохам. Всем сердцем я верю в наше дело и в Эйба Линкольна. Его послание является самым американским из всех когда-либо написанных. Удивительно острое, простое, умное и проникнутое редкой честностью. Я могу простить ему его анекдоты, большие руки и неумение кланяться. Те из нас, кто сомневался, оказались не

правы. Наш народ здоров. То, о чем мечтает молодежь, увидят старики».

Сенат утвердил все назначения, сделанные президентом. Новый закон об армии дал Линкольну даже больше, чем он просил, — решено было призвать в армию 500 тысяч добровольцев сроком на три года.

Резолюция, предлагавшая узаконить и утвердить все чрезвычайные, единоличные и ограничительные действия президента, принятые им в особых обстоятельствах с момента объявления войны в апреле, встретила некоторую оппозицию, но была все же поддержана и отложена в числе дел, которые должны быть решены со дня на день. Линкольн превысил свои полномочия и сделал многое, не спрашивая конгресс. Теперь конгресс вежливо отказался временно санкционировать все то, что он сделал. Некоторые высказывали мнение, что президент должен был созвать конгресс заблаговременно и по каждому вопросу запрашивать его одобрение.

4. Битва при Булл-Рэне. Мак-Клеллан. Фремонт. Дело с почтовым судном «Трент»

29 июня Линкольн созвал заседание кабинета, на котором генерал Ирвин Мак-Доуэлл изложил свой план операций. Его армия численность в 30 тысяч человек должна была сразиться у города Манассас с армией конфедератов численностью в 21 тысячу человек под командованием генерала Борегара. Другую армию конфедератов, расположенную в долине Шенандоа, должна была сдерживать армия под командованием генерала Роберта Паттерсона, чтобы не допустить соединения этой армии с войсками генерала Борегара. На заседании генерал Скотт одобрил план Мак-Доуэлла, но предложил подождать, пока не будет сформирована более многочисленная и лучше обученная армия, которая сумеет одержать решительную победу.

Линкольн и члены его кабинета, которые, как политики, не могли не прислушиваться к требованиям о быстром окончании войны, раздававшимся в стране, и учитывавшие, что кончается срок службы солдат, призванных на три месяца, не поддержали Скотта. Когда Мак-Доуэлл попросил еще немного времени, чтобы обучить и дисциплинировать свои войска, Линкольн заметил: «Вы еще зеленые, это правда, но и они тоже зеленые».

Битву при Булл-Рэне, происшедшую в воскресенье 21 июля 1861 года, многочисленная нетерпеливая публика ожидала как своего рода спортивное представление — место и время сражения были объявлены заранее, и толпы зрителей приехали на место с корзинками с едой, как на пикник. Несколько сенаторов и большое количество конгрессменов прибыли сюда верхом, в кабриолетах и экипажах, вооруженные на всякий случай большими морскими револьверами, в сопровождении прекрасных дам в кринолинах, чтобы посмотреть на современное сражение. Все говорили, что южное рыцарство будет повержено в прах северным лемехом.

Утром, как обычно по воскресеньям, Линкольн побывал в пресвитерианской церкви на Нью-Йорк-авеню. Днем он читал телеграммы с поля битвы, которые поступали каждые 10–15 минут. Все, казалось, было в порядке. Вечером президент, как всегда, поехал покататься в своем экипаже. В шесть часов примчался бледный, охрипший Сьюард и бросился к Николаи и Хэю с вопросом: «Где президент?» Они ответили, что президент, прочитав телеграммы о победе, отправился кататься. «Никому не говорите, — сказал Сьюард, — но это неправда. Битва проиграна».

Он получил известие, что армия генерала Мак-Доуэлла отступает и вся надежда на генерала Скотта, что он спасет Вашингтон.

Через полчаса вернулся Линкольн. Николаи и Хэй сообщили ему эту новость. Он выслушал молча, ни один мускул на его лице не дрогнул, выражение лица не изменилось. Он пошел в штаб, армии. Там его ожидала телеграмма от капитана инженерных войск: «Битва проиграна. Спасайте Вашингтон и остатки армии. Разгромленные части вновь собрать невозможно». Генерал Скотт отказался верить этому. Созван был кабинет, и в это время пришла телеграмма от Мак-Доуэлла, в которой он сообщил, что его армия рассыпалась и представляет собой «беспорядочную толпу».

В эту ночь Линкольн лежал на диване у себя в кабинете и выслушивал свидетелей, которые примчались с поля битвы. На всем пути до Вашингтона дорога усеяна брошенными кепи, куртками, конскими чепраками, ранцами, походными ящиками, ружьями, изорванной упряжью, перевернутыми повозками — все это было брошено тысячами солдат, бежавших в панике к Вашингтону.

Еще в три часа дня Мак-Доуэлл считал, что битва им выиграна. А через час его армия распалась. Впрочем, в тылу врага тоже была паника. Когда Джефферсон Дэвис приехал к месту сражения из Ричмонда, он увидел бегущих солдат и спросил у одного старика, как идут дела. «Наши линии прорваны, — ответил тот, — все смешалось, армия разбита, и битва проиграна».

После жаркого, душного воскресенья наступил понедельник с моросящим дождем. С самого рассвета по мосту Лонг Бридж через Потомак тянулись извалявшиеся в грязи люди. Час за часом шли эти призраки через мост в столицу. Тысячи солдат разбрелись по ближайшим домам, чтобы поесть.

Все эти политики, нацепившие на себя погоны генералов, полковников и майоров, годились не для боя, а для игры в солдатики. Сенаторы, конгрессмены, политики, корреспонденты, зрители, приехавшие сюда в экипажах, кучера наемных карет, дамы в кринолинах, жаждавшие посмотреть это представление, первыми, как овцы, бросились бежать, и с них началась паника.

Больше всех в поражении виновен был генерал Роберт Паттерсон: если бы он нанес удар по армии Джонстона в долине Шенандоа, свежие полки Джонстона не подоспели бы на поле боя и не вызвали бы панику среди союзных войск. Паттерсон представил Линкольну свои приказы, телеграммы и письма, которые, как он считал, должны были оправдать его. Он требовал суда чести над ним, чтобы прекратить ежедневные оскорбления,

которым он подвергался. «Президент ответил мне, что он будет приветствовать любое мероприятие, которое поможет установить справедливость, но при этом добавил, что я не могу избежать оскорблений, если я представляю какую-то ценность или значение для общества, так как сам он подвергается куда более серьезным оскорблениям, чем я, но не считается с этим. Так же должен поступать и я».

Линкольн уделял много внимания войскам, расположенным в лагерях вокруг Вашингтона, старался больше общаться с солдатами и офицерами. Однажды он ехал в открытом экипаже вместе со Сьюардом через Потомак. Встретившийся им по пути полковник Шерман спросил у президента, не собирается ли он посетить его лагерь.

— Именно, — ответил Линкольн, — мы слышали, что вы пережили испуг, вот мы и решили навестить вас и посмотреть на ваших ребят.

Он пригласил Шермана в свой экипаж, и, приехав в лагерь, Линкольн, по свидетельству Шермана, «встал во весь рост в экипаже и произнес одну из самых великолепных и волнующих речей, какие я когда-либо слышал. Он говорил о нашем поражении, о высоком долге, который лежит на нас, о днях победы, которые обязательно настанут».

Когда Линкольн кончил свою речь перед 79-м Нью-Йоркским полком, предложив, как обычно, изложить ему все имеющиеся жалобы; вышел вперед один шотландец и заявил:

— Мистер президент, мы считаем, что полковник Шерман плохо обращается с нами.

При этом солдат сослался на то, что солдат выселили из сарая, чтобы поместить в нем лошадей полковника.

— Ладно, ребята, — сказал Линкольн, — я очень уважаю полковника Шермана, и если он выселил вас из сарая, то я не сомневаюсь, что он это сделал с какими-то хорошими намерениями. Я предполагаю, что он считал, что вам будет лучше, если вы займетесь работой и забудете о своих волнениях.

В лагере 60-го Нью-Йоркского ирландского полка, который храбро сражался во главе со своим командиром полковником Коркораном, захваченным в плен в разгар боя, президент, как писал Шерман, «произнес такую же речь, уделив больше внимания самому полку, отметив их храбрость». Когда Линкольн обратился с вопросом, какие будут жалобы, выступил офицер, который в то утро пытался уйти из армии и покинуть лагерь, и сказал:

— Мистер президент, сегодня утром я говорил с полковником Шерманом, и он грозился застрелить меня.

— Застрелить вас? — переспросил Линкольн.

— Да, сэр, он грозился пристрелить меня.

Линкольн глянул на офицера, потом на Шермана, затем подвинулся поближе к офицеру, словно желая сказать ему что-то по секрету, и громким шепотом, который был слышен всем вокруг, сказал ему:

— Если бы я был на вашем месте и он грозился пристрелить меня, я бы ему не поверил, потому что он должен был выполнить свою угрозу.

Офицер повернулся и исчез под улюлюканье солдат.

В ночь после битвы при Булл-Рэне Линкольн не ложился спать и просидел всю ночь в кресле в кабинете. На следующую ночь, уже получив больше сведений о проигранной битве, он прилег в своем кабинете на кушетку и стал записывать все, что необходимо было предпринять, — программу дальнейших действий.

5 августа, накануне закрытия сессии, конгресс большинством голосов фактически одобрил все ранее проведенные военные мероприятия Линкольна и дал ему полномочия осуществлять те меры, которые президент считал необходимыми для ведения войны.

К ноябрю армия на Потомаке выросла до 168 тысяч человек, и как раз к этому времени она получила нового командующего — генерала Джорджа МакКлеллана, которого Линкольн был вынужден назначить под давлением общественного мнения. МакКлеллан производил впечатление человека способного, он обладал красивой внешностью, усами и эспаньолкой, отлично сидел в седле, авторитетно отдавал приказы и публиковал воззвания, копируя Наполеона. Вашингтон принял его, армия полюбила, корреспонденты называли его уменьшительно: «Маленький Мак» или «Молодой Наполеон».

Всего лишь год тому назад он женился. «Кто бы мог подумать в день нашей свадьбы, — писал он тестю, — что меня так скоро призовут спасать родину?» Он оставил жену и годовой оклад в 10 тысяч долларов, который он получал как президент железнодорожной компании Огайо и Миссисипи.

Пользовались известностью его «Руководство в искусстве ведения войны» и перевод с французского книги об обучении штыковому бою.

Теперь он проводил верхом на коне двенадцать часов в сутки. Ежедневно он работал до трех утра, занимаясь организацией армии.

Однако, уже имея армию, численностью вдвое большую, чем у противника, он очень боялся неожиданного броска Борегара. И

все время панически требовал пополнений.

В ноябре генерала Скотта проводили в отставку с почестями, с адресами от президента и других, с полным окладом пожизненно. Главнокомандующим назначили Мак-Клеллана.

— Это огромное облегчение для меня, сэр, — сказал Мак-Клеллан президенту, — у меня теперь непосредственный контакт с вами и министрами.

— Но командование всеми армиями в огромной степени увеличивает бремя ваших обязанностей, — сказал Линкольн.

— Это все мне под силу, — тихо ответил МакКлеллан.

Однажды ночью, после визита президента к МакКлеллану на дом, генерал на прощание сказал:

— Я намерен действовать очень осторожно. Прошу об одном — пусть меня не торопят.

— Уверяю вас, вы можете действовать, как найдете нужным, — ответил Линкольн.

— Если неприятель меня атакует, — добавил генерал, — я его разгромлю.

Как-то ноябрьским вечером Линкольн, Сьюард и Джон Хэй пришли к Мак-Клеллану на дом. Слуга сказал им, что генерал поехал на свадьбу и скоро вернется.

У Хэя в дневнике записано: «Мы прождали около часа. Генерал вернулся, выслушал сообщение слуги о визите президента, прошел мимо комнаты, где дожидались президент с государственным секретарем, и поднялся наверх. Они ждали с полчаса и послали слугу, чтобы снова напомнить Мак-Клеллану, что его ждут. Вскоре слуга вернулся и хладнокровно сообщил им, что генерал лег спать».

Хэй увидел в этом преднамеренном афронте первый признак того, что военные стремятся поставить себя над гражданской властью. Однако президент предпочел не ссориться из-за вопросов этикета и личного авторитета.

— Я готов подержать под уздцы коня для МакКлеллана, когда он на него садится, лишь бы он разгромил противника.

Шестидесятитысячная армия Мак-Клеллана по крайней мере в три раза превышала по численности вражескую армию в Манассасе. Дважды за эту осень, одетая с иголочки, потомакская армия на больших парадах проходила перед президентом Линкольном, членами правительства, губернаторами штатов и дамами в роскошных кринолинах. Стояла прекрасная осенняя погода — мягкие, приятные дни, холодные ночи — самое благоприятное время для передвижения войск, для того, чтобы искупить позор Булл-Рэна и закончить войну.

В один из дней октября у Болл Блэфа, на возвышенности у

Потомака, войска конфедератов окружили несколько сотен союзных солдат; многие были убиты, многие попали в плен. Командир союзного отряда, выскочивший вперед, чтобы повести за собой солдат, оказался мишенью для вражеских стрелков и пал мертвым. На исходе этого дня Линкольн появился в штабе Мак-Клеллана; разговаривая с корреспондентом, он восхищался прекрасной погодой. Корреспондент заметил, что «морщины на лице президента казались глубже, чем обычно, щеки еще более впалыми». В это время затрещал телеграфный аппарат, передавая весть о схватке при Болл Блэфс. На ленте появилось имя погибшего командира — это был генерал Эдвард Бейкер — Нед Бейкер, близкий друг Линкольна. «Через пять минут, — писал корреспондент, — Линкольн с опущенной головой прошел через комнату. Слезы текли по его впалым щекам, грудь тяжело вздымалась. Выходя на улицу, он чуть не упал. Мы вскочили на ноги, чтобы поддержать его, но он устоял».

Линкольн потерял человека, который беспристрастно освещал ему ход военных действий, всегда защищал его, был его ближайшим и верным другом; в его честь Линкольн назвал своего второго сына Эдвардом.

На последней неделе ноября начались снегопады, пришла зима. Потребовались шерстяные шинели, теплые одеяла, топливо, палатки, бараки. Война стоила более миллиона долларов в день. На карту было поставлено все. Сумеет ли «Молодой Наполеон» провести зимнюю кампанию и захватить Ричмонд? Южане говорили, что если ему это удастся, то подобно тому, как Москва встретила Наполеона, он найдет Ричмонд в пепле.

Война, по существу, еще не началась. Не далее как летом 1861 года по одной стороне улицы Луисвилла маршировал отряд новобранцев, направлявшихся в союзную армию, а по другой стороне той же улицы проходили новобранцы армии конфедератов. В поезде, шедшем через Кентукки, один вагон занимали люди, направлявшиеся в военные лагеря союзной армии, а в другом вагоне ехали солдаты армии конфедератов.

В ряде случаев Линкольн назначал полковниками и генералами политиков, с целью, как говорил Уитни, «заткнуть им рот, чтобы они не выступали против войны». Так, он назначил своего старого политического противника демократа Джеймса Шилда бригадным генералом. Издатели республиканских газет в Иллинойсе жаловались, что из 70 иллинойских полков сорока полками командуют полковники — члены демократической партии.

Приходилось Линкольну назначать на командные посты политиков и авантюристов еще и потому, что у них были свои

последователи и они умели собирать и формировать войсковые части. Одним из таких командиров был Джон Мак-Клернан, сторонник Дугласа, другим — Джон Логан, тоже сторонник Дугласа и член конгресса от Северного Иллинойса. В избирательном округе Логана на массовом митинге в графстве Поуп собравшиеся заявили о своем намерении отделиться от Союза, а на митинге в графстве Вильямсон была принята резолюция, требующая присоединения Северного Иллинойса к конфедерации. Линкольн вынужден был чрезвычайно внимательно следить за положением дел в тех местностях, где мятеж затихал и вдруг опять начинал оживать. Термометр войны все еще колебался.

Положение дел в штате Миссури летом и осенью 1861 года было чревато весьма серьезными последствиями, и по нему можно было судить, как будут развиваться события дальше. Именно эти события вынудили Линкольна заявить в послании конгрессу: «При определении политики, которую следует проводить для успешного подавления мятежа, я был особенно осторожен и внимателен, чтобы неизбежный при этом конфликт не перерос в беспощадную и насильственную революционную борьбу».

Натаниэл Лайон, приземистый бородач с огненно-рыжей шевелюрой и необузданным темпераментом, назначенный командиром арсенала в Сент-Луисе и известный тем, что совместно с конгрессменом Фрэнком Блэйром немало сделал, чтобы предотвратить отделение Миссури от Союза, 10 августа 1861 года у Уилсон-крика бросил свою армию в 6 тысяч человек на армию конфедератов, вдвое больше численностью. Одна пуля ранила его в ногу, другая сорвала кожу на голове, под ним была убита лошадь. Тогда он вскарабкался на другую лошадь, белый от потери крови, и повел своих солдат в штыковую атаку. В этой атаке пуля в сердце сразила его. Солдаты Лайона вынуждены были отступить. Потери с обеих сторон составляли около 1 200 убитых и раненых. Миссурийскис парни, сражавшиеся за обе стороны, остались лежать на поле рядом с парнями из Кентукки, Айовы и Иллинойса. Конфедераты передали войскам Союза тело Лайона, и оно было отправлено в его родной Коннектикут, провожаемое по дороге толпами любопытных.

Конгрессмен Блэйр и ряд других лиц обвинили генерала Джона Фремонта, командующего Западным военным округом, в смерти Лайона, в поражении при Уилсон-крике и в других неудачах. Генерал Фремонт, который был в 1856 году первым кандидатом от республиканской партии на пост президента, прожил богатую приключениями жизнь. Он руководил многими

экспедициями на Запад, проводил топографическую съемку Скалистых гор, Южного перевала, первым совершил восхождение на высшую точку хребта Уинд-ривер, в его честь был назван пик Фремонт. Он принимал участие в борьбе с испанскими хозяевами Калифорнии, в их изгнании и в создании штата Калифорния, который он первым стал представлять в сенате США. Затем пошли золотые рудники, земли, посыпались деньги, появилось знаменитое имение Марипоза в 46 тысяч акров, за которое Фремонт заплатил 3 тысячи долларов (впоследствии оно оценивалось в 10 миллионов долларов).

Когда был захвачен форт Самтер, Фремонт находился в Париже, но он тут же предложил Линкольну свои услуги и был назначен генерал-майором. 25 августа Фремонт прибыл в Сент-Луис и приказал рыть вокруг города укрепления.

Когда к Фремонту прибыл посланец от Лайона с просьбой прислать ему подкрепления, Фремонт ответил, что если Лайон решил сражаться, это будет на его ответственности. Фремонт убеждал Лайона отступить в Ролла, наполовину сократив расстояние, отделявшее Лайона от Сент-Луиса. При этом он послал два полка навстречу Лайону. Однако Лайон так никогда их и не увидел, для него война означала сражение, он искал врага, чтобы сразиться с ним, и погиб в безрезультатной битве у Уилсон-крика.

Беспокойство Линкольна по поводу Фремонта росло по мере того, как почта приносила все новые известия о его экстравагантности, ошибках, фаворитизме, коррупции. Фрэнк Блэйр посетил Фремонта вместе с генералом Джоном Скофилдом, который писал об этом посещении: «К моему величайшему удивлению, он не задал мне ни одного вопроса, даже не упомянул о кровавой битве, о Лайоне, который погиб в ней». Вместо того чтобы постараться выяснить что-нибудь у опытного солдата, Фремонт подвел Скофилда к столу и стал показывать ему на карте пути, которыми его армия совершит свой победоносный марш. Блэйр и Скофилд ушли из штаба Фремонта. «Мы вышли на улицу в молчании. Потом Блэйр обернулся ко мне и спросил: «Ну, что вы о нем думаете?» Я ответил ему в словах, которые вряд ли были годны для печати».

В ночь на 30 августа Фремонт написал прокламацию. В высокопарных словах, прибегая к угрозам, осуществлять которые он не имел никакого права, он объявил весь штат Миссури на чрезвычайном положении. Определив линию союзных войск, которая рассекала штат на две половины, Фремонт заявил, что всякий человек, задержанный севернее этой линии с оружием и руках, будет предан военно-полевому суду и в случае признания

его виновным расстрелян. В прокламации говорилось также, что «собственность каждого гражданина штата Миссури, который поднимет оружие против Соединенных Штатов или в отношении которого будет доказано, что он активно сотрудничает с врагом на поле боя, будет конфискована на государственные нужды, а его невольники освобождены».

Линкольн, находившийся на другом конце страны, впервые узнал об этой прокламации из газет. 2 сентября он написал Фремонту: «Если вы в соответствии с прокламацией расстреляете хоть одного человека, конфедераты в отместку расстреляют кого-нибудь из наших лучших людей, находящихся у них в плену, и так пойдет — человек за человека. Поэтому я приказываю вам, чтобы вы не расстреливали ни одного человека в соответствии с этой прокламацией без моего разрешения. Конфискация имущества и освобождение рабов у предателей встревожит наших друзей на Юге и оттолкнет их от нас и, в частности, может разрушить наши довольно благоприятные перспективы в Кентукки».

Решение Линкольна вызвало резкую критику со стороны антирабовладельческих кругов. В прессе, с церковных кафедр — повсюду люди, выступавшие за отмену рабства, выражали свое презрение Линкольну. Даже Билл Герндон писал одному своему другу: «Прокламация Фремонта была правильной. Линкольн был не прав, смягчив ее».

Специальная комиссия расследовала деятельность Фремонта, она обнаружила расточительность, неумение управлять войсками, ошибки, но не нашла никаких фактов, свидетельствующих о крупных хищениях.

2 ноября Фремонт был смещен с поста командующего.

В ноябре 1861 года произошло драматическое столкновение между Соединенными Штатами и Англией. «Трент» — почтовое судно британского королевского флота, вышедшее накануне из Гаваны, спокойно шло мимо Багамских островов. В полдень 8 ноября «Трент» вошел в самую узкую часть пролива, отделяющего Багамские острова от материка, где ширина его достигает всего 15 миль. Здесь его встретил сторожевой корабль американского флота «Сан Джасинто».

На «Тренте» был поднят британский флаг. «Сан Джасинто» поднял флаг Союза и послал снаряд, который упал впереди «Трента». Однако английское судно не замедлило хода, и тогда второй снаряд с «Сан Джасинто» вонзился в воду уже перед самым носом «Трента». Капитан «Трента» Муар поднес ко рту рупор и крикнул: «Что вам нужно от моего судна?» Ответа не последовало.

С «Сан Джасинто» спустили три шлюпки с офицерами и матросами, и уже через несколько минут они были рядом с «Трентом». Лейтенант Фейрфакс от имени командира «Сан Джасинто» потребовал список пассажиров. У него были сведения, что на борту «Трента» находятся Джеймс Мейсон и Джон Слиделл, вновь назначенные представители конфедерации в Англии и Франции.

Слиделл, оказавшийся неподалеку, подошел к лейтенанту Фейрфаксу.

— Я Слиделл, — сказал он. — Что вам от меня нужно?

Мейсон был раньше знаком с Фейрфаксом, и ему незачем было представляться. Тогда лейтенант потребовал, чтобы вышли секретари Слиделла и Мейсона. После этого Фейрфакс объявил капитану «Трента», что он имеет приказ своего командира арестовать Слиделла и Мейсона и забрать их в качестве пленных на борт американского судна.

Среди людей, стоявших на палубе «Сан Джасинто» и наблюдавших в бинокли за тем, что происходит на «Тренте», выделялся человек с тяжелой челюстью, отчаянными глазами и буйной шевелюрой. Это был 63-летний Чарльз Уилкс, ученый, астроном, исследователь Антарктики, специалист по метеорологии, автор одиннадцати научных трудов и атласов.

Миссис Слиделл спросила, кто является командиром «Сан Джасинто».

— Ваш старый знакомый капитан Уилкс, — ответил Фейрфакс, совершенно изумив этим ответом миссис Слиделл, которой приходилось в Вашингтоне не раз пить чай в компании с Чарльзом Уилксом.

— Ну что ж, — с раздражением воскликнула она, — он играет нам на руку!

— До свидания, — сказал, прощаясь с женой и дочерью, мистер Слиделл, — мы встретимся в Париже через шестьдесят дней.

Оба судна медленно двинулись в разные стороны и вскоре потеряли друг друга из виду.

Когда пассажиры «Трента» 27 ноября прибыли в Лондон, их встречали как героев и героинь, перенесших суровые испытания. Капитан Уильямс, представитель морской королевской службы, рассказывал, как «американские моряки бросились со штыками на миссис Слиделл», как она вскрикнула и он, Уильямс, едва успел «заслонить ее своим телом от американских штыков». Вся Англия кипела. Лондонская «Таймс» писала о капитане Уилксе: «Это типичный янки. Для него характерны чванливость и жестокость, основывающиеся на вульгарности и трусости. Эти

черты характеризуют и всех его соотечественников». Другая лондонская газета, «Морнинг кроникл», рвала и метала, подстрекая военную партию: «Авраам Линкольн, чей приход к власти приветствовали по эту сторону океана, проявил себя как человек ничтожный, без широкого кругозора, весьма посредственный. Мистер Сьюард, являющийся рядом с ним главным подстрекателем, из кожи вон лезет, чтобы спровоцировать ссору со всей Европой».

Благодаря вмешательству королевы Виктории и принца Альберта жесткие инструкции, данные премьер-министром лордом Пальмерстоном и министром иностранных дел лордом Расселом английскому послу в США лорду Майонсу, были смягчены; Линкольну и Сьюарду направили вербальную ноту. Главный вопрос был: действовал ли капитан Уилкс на собственный страх и риск или по указанию своего правительства? Если это был приказ правительства — тогда война. Боевые суда самого большого и лучшего в мире флота были приведены в готовность. Восемь тысяч отборных войск были посажены на транспорты и отправлены в Канаду.

В самих Соединенных Штатах поднялся невероятный шум. Янки Дудл рвал у себя на груди рубаху. Орел на американском гербе пронзительно кричал. Из бесчисленного количества медных труб вырывались звуки национального гимна. Капитан Уилкс, прибыв со своим призом в Нью-Йорк, промаршировал по Бродвею на торжественный прием в городской ратуше. В Нью-Йорке, Бостоне — повсюду в честь его устраивались банкеты, произносились тосты, лилось вино.

Противиики рабства были особенно довольны тем, что в руки правительства попал Джон Слиделл, ибо именно он добился отмены Миссурийского компромисса, он был автором закона о беглых рабах, он длительное время допрашивал в тюрьме Джона Брауна, добиваясь от него, кто в Новой Англии поддерживал восстание. Мейсон в этом отношении недалеко ушел от Слиделла. Оба они воплощали собой идею рабовладельчества. Америку била военная лихорадка.

Около полуночи 18 декабря курьер доставил английскому посланнику в Вашингтоне ноту королевского правительства.

В течение всех этих сумасшедших недель Линкольн никак не выказывал своих намерений. В своем послании конгрессу в декабре он ни словом не упомянул о деле с «Трентом». Канадский министр финансов Галт во время визита в Белый дом спросил у президента, что означает строительство укреплений и военных складов на Великих озерах. Линкольн ответил ему: «Мы должны что-нибудь делать, чтобы успокоить народ». Тогда Галт спросил у

президента, как обстоит дело с Мейсоном и Слиделлом. «Ну, это мы уладим», — последовал краткий и уклончивый ответ.

Линкольну напоминали, что он может успокоить общественное мнение несколькими словами.

Сьюарду Линкольн сказал: «Нельзя вести две войны одновременно». Блэйр был единственным членом правительства, который с самого начала поддерживал Линкольна. «Англичане не дали нам времени, — говорил впоследствии Линкольн, — они поставили нас в весьма унизительное положение, но мы были заняты войной и не могли вести одновременно две войны. Пожалеет об этом в конечном итоге одна Англия».

На заседании кабинета были оглашены ноты французского, австрийского и прусского правительств, которые советовали освободить Мейсона и Слиделла. Однако общественное мнение и пресса на Севере решительно предпочли войну отступлению перед Англией.

Американский посланник в Лондоне Адамс взял на себя смелость заявить английскому правительству, что он уверен в том, что его правительство не отвечает за действия капитана Уилкса. В течение многих недель Адамс был совершенно беспомощен, пока, наконец, не прибыла почта, в которой была нота Сьюарда, предлагавшая передать дело на арбитраж и сообщавшая, что захваченные представители конфедератов будут освобождены. Мейсон и Слиделл были выпущены из своей комфортабельной тюрьмы в Бостоне и посажены на борт английского военного корабля.

У Линкольна было двойственное отношение к этому делу. Впоследствии он изложил существо вопроса. «Это была горькая пилюля, но я утешал себя уверенностью, что триумф Англии в данном вопросе будет недолговечен и что после того, как мы закончим войну, мы будем так мощны, что сможем призвать Англию к ответу за все неприятности, которые она нам причинила. Я чувствовал себя в значительной мере, как тот больной из Иллинойса, которому сказали, что ему осталось недолго жить и ему следует помириться со всеми своими врагами. Он ответил, что больше всего он ненавидит человека по имени Браун, живущего в соседней деревне, и думает, что начинать нужно именно с него. Послали за Брауном, и больной слабым и кротким голосом стал говорить ему, что хочет умереть, помирившись со всеми, и что он надеется, что они с Брауном пожмут друг другу руки и забудут свою вражду. Браун не мог выдержать этой патетической сцены и полез за платком утирать слезы. Тут же Браун примирился со своим соседом, и они дружески пожали друг другу руки. После прощания, которое

могло бы растрогать любое каменное сердце, когда Браун уже выходил из комнаты, больной приподнялся и сказал: «Но имей в виду, Браун, если я выздоровею, наша ссора не закончена».

Рэт и южнокаролинцы сказали Расселу из лондонского «Таймс», что хорошо бы посадить в США короля или вернуться под владычество британской короны. Линкольн реагировал на эти слова: «Говорят, что монархия — возможное спасение от народной власти. В моем теперешнем положении мне не будет оправдания, если я не подниму свой голос против возвращения к деспотизму. Неуместно, да и нет необходимости, приводить аргументы в пользу народных органов власти». Линкольн дал общий набросок американского общества, в котором фермер и свободный рабочий были бы действенными контролирующими элементами народного правительства.

Своими тезисами Линкольн подкреплял суждения Карла Маркса, одного из организаторов Интернационала, высказанные им за месяц до этого в статье, переведенной на французский, немецкий, итальянский и русский языки: «Современная борьба между Севером и Югом есть, следовательно, не что иное, как борьба двух социальных систем — системы рабства и системы свободного труда. Эта борьба вспыхнула потому, что обе эти системы не могут долее мирно существовать бок о бок на североамериканском континенте. Она может закончиться лишь победой одной из этих систем».

5. Военная политика. Коррупция

К началу зимы 1861 года каждый день войны стоил уже полтора миллиона долларов. Деньги текли в таких количествах, которых никогда раньше не знала федеральная казна. Затянувшаяся война между Севером и Югом велась и в Англии и на европейском континенте; оружием в этой войне были деньги. Борьба шла с помощью золота, мешков с банкнотами, кредитных операций, борьбы за военные поставки. Север в этой войне брал верх над Югом.

Это был период, когда средства связи менялись самым революционным путем. Один журналист писал, что «теперь газеты, выходящие миллионными тиражами, каждое утро покрывают всю страну, подобно густому инею», группы рабочих-связистов протянули телеграфные провода на запад от Омахи до тихоокеанского побережья. «Послание президента, — сообщали газеты в декабре, — прочитанное в конгрессе в двенадцать часов дня во вторник, было передано по телеграфу в Сан-Франциско и рано утром в среду уже было опубликовано».

В сдержанном и суровом тоне послание констатировало, что Союз держится прочно, что правительство справится с кризисом и осуществит свои намерения. Штат Кентукки «ныне решительно и, я полагаю, окончательно» встал на сторону Союза. Опасность захвата мятежниками штата Миссури миновала. Три штата — Мэриленд, Кентукки и Миссури, — «ни один из которых не обещал поначалу ни одного солдата, теперь дали Союзу не менее сорока тысяч войск».

В этом послании Линкольн впервые перестал говорить о себе в третьем лице или как об «исполнительной власти». После девяти месяцев президентства он теперь говорил «я». Там, где раньше он писал: «Исполнительная власть считает это важным», теперь он писал: «Я считаю это важным».

На трех территориях, создание которых было узаконено предыдущей сессией конгресса, — Колорадо, Дакоте и Неваде — начала действовать гражданская администрация. Этим жестом, как и многими другими, президент создавал впечатление, что молодая страна, страна пионеров, устремляется к великому будущему. «Среди нас есть люди, — писал он, — которые, если Союз будет сохранен, доживут до того времени, когда он будет насчитывать 250 миллионов населения. Борьба, которую мы ведем сегодня, это не только борьба за сегодняшний день, это борьба и за наше будущее».

Заявив о дружественном отношении к двум негритянским

государствам, президент подчеркнул, что он не видит причин воздерживаться от признания независимости и суверенитета Гаити и Либерии.

Военный флот северян захватил пять судов, занимавшихся перевозкой рабов из Африки. Капитаны двух из этих кораблей были преданы суду и признаны виновными. Одному из ннх грозила смертная казнь.

Акт о конфискации, согласно которому негры, принадлежавшие владельцам, нелояльным по отношению к Союзу, получали свободу, был тщательнейшим образом повторен в послании в сугубо правовых формулах. Освобожденные таким образом негры переходили через линию фронта на Север и попадали под юрисдикцию федерального правительства. Было ясно, что число их будет все увеличиваться. Появилась насущная необходимость определить политику в отношении их использования.

Весьма осторожно, в тщательно подобранных юридических формулах, трактующих вопрос о собственности, Линкольн предлагал свою программу постепенного освобождения рабов путем выкупа. Вкратце его предложение заключалось в том, чтобы пограничные рабовладельческие штаты приняли закон о продаже рабов правительству Соединенных Штатов, которое освободит этих рабов и предпримет шаги по их устройству.

Хотя Линкольн и отмечал некоторый прогресс в борьбе с работорговлей, шедшей из Африки, нью-йоркская газета «Таймс» утверждала, что за прошедший год на Кубу было привезено 30 тысяч африканских негров. Весь путь работоргового судна, начиная с разрешения покупать рабов у царьков племен на африканском Золотом Береге и кончая правом продавать их на Кубе, а позднее переправлять их через Мексиканский залив в хлопковые штаты, сопровождался коррупцией, взяточничеством, тайным влиянием, которое покупалось и продавалось.

Организованные аболиционисты не ждали многого от Линкольна. Исполнительный комитет Американского общества противников рабства на своем 28-м ежегодном заседании сказал о Линкольне, что он «находится в наивной уверенности, что мягкими словами можно излечить язвы нации». Они следующим образом охарактеризовали президента: «Он представляет собой мягкого, респектабельного среднего человека… Он считает, что рабство — это нехорошо, но противится его немедленной отмене; считает, что рабство не должно существовать на территории Соединенных Штатов, но готов согласиться, чтобы оно сохранялось в новых штатах, принимаемых в Союз… утверждает естественное равенство белых и черных, но не согласен

предоставлять неграм права гражданства».

В эти дни Линкольну предстояло решить дело Натаниэла Гордона, капитана корабля, взявшего в устье реки Конго на борт судна около 900 негров и захваченного в открытом море. Гордона судили как работорговца, и судья приговорил его к смертной казни, сказав ему при этом: «Скоро вы предстанете перед лицом господа бога, который является богом не только белых, но и черных». На Линкольна в связи с этим делом оказывалось самое сильное давление, множество весьма уважаемых людей подписались под петицией о помиловании Гордона. И все-таки Линкольн утвердил смертный приговор. Это был единственный случай в истории Соединенных Штатов, когда работорговец был судим, приговорен к смертной казни и повешен.

Когда в декабре конгресс создал Комитет по ведению войны, Линкольн воспринял это как намерение одной крайностью сдерживать другую. Среди членов этого комитета были в основном республиканцы, радикалы, активно выступавшие против рабства, опытные политические деятели. Они должны были помогать Линкольну, но гораздо чаще они вмешивались в его дела и распоряжения. Они разнюхивали всякие административные злоупотребления и коррупцию, расчищали помойные ямы воровства и взяточничества, но при этом много путали, несправедливо обвиняли людей, сеяли страх и подозрительность, ссорились между собой.

Председатель этого комитета Бенжамэн Уэйд ворвался однажды в Белый дом и стал яростно требовать у Линкольна смещения Мак-Клеллана. Линкольн спросил у него, кого же назначить на место Мак-Клеллана.

— Кого угодно! — фыркнул Уэйд.

На это Линкольн ледяным тоном ответил:

— Вас, Уэйд, может устроить кто угодно, а мне нужен кто-то.

Видную роль в создании этого комитета играл глава республиканцев в конгрессе Тадеус Стивенс, человек, безусловно, примечательный, которому было уже под семьдесят. Будучи совершенно лысым, он носил огромный черный парик, и, когда какая-то дама-аболиционистка попросила у него однажды на память прядь волос, он снял парик и предложил ей.

Стивенс был первым, кто предупредил Линкольна, что Камерон нечист на руку и не должен оставаться на посту руководителя военного министерства.

— Не хотите ли вы сказать, что Камерон может украсть? — спросил Линкольн.

— Нет, — последовал ответ, — раскаленную печку он не украдет.

Линкольн пересказал это Камерону в качестве остроты и, возможно, предупреждения. Камерон стал требовать, чтобы Стивенс отказался от своих слов. Тогда Стивенс явился в Белый дом и спросил:

— Мистер Линкольн, зачем вы рассказали Камерону то, что я о нем сказал?

— Я передал ему это в качестве хорошей шутки и не думал, что это его так взбесит.

— Ну, а он взбесился и заставил меня дать ему обещание, что я откажусь от своих слов. Сейчас я это сделаю. Я сказал вам, что Камерон не украдет раскаленную печку. Теперь я беру эти слова обратно.

В январе 1862 года исполнилось шесть месяцев, как Мак-Клеллан встал во главе потомакской армии. В огромных количествах получил он деньги, людей, хлеб, мясо, порох, оружие, артиллерию, лошадей. Газеты и общественное мнение считали, что под его командованием находится самая большая и самая лучшая армия современности. Эту превосходно обученную армию Мак-Клеллан расположил на зимних квартирах, о двух днях марша от вражеских войск.

В начале декабря Линкольн вручил Мак-Клелла-ну тщательно сформулированный меморандум с рядом специальных и технических вопросов, касающихся предстоящего наступления. Мак-Клеллан продержал этот меморандум у себя десять дней и вернул, набросав карандашом ответы. В записке он отверг все предложения Линкольна. «Я сейчас, — писал он, — обдумываю совершенно другой план кампании».

С каждой неделей контакт между политической властью в лице Линкольна и конгресса и военным командованием становился все хуже и хуже. Генерала обвиняли в бездеятельности, а он отговаривался тем, что ему не дают всего необходимого и мешают его планомерным действиям.

Редакторы и политики много толковали о «мастерской деятельности» Мак-Клеллана. Сам Линкольн говорил, что «Мак-Клеллан великий инженер, но у него своеобразный талант к созданию неподвижных двигателей».

Мак-Клеллан разместил свой штаб не в армейском лагере, а в Вашингтоне, в аристократическом особняке. Он разъезжал по улицам столицы под охраной вооруженного до зубов кавалерийского отряда. При нем состояли многочисленные ординарцы. Он принял в штаб двух французских наследных принцев, а также Джона Астора, самого богатого человека в Нью-Йорке, оплачивавшего все расходы по своей службе, жившего в специально арендованном им доме в окружении камердинера,

шеф-повара и экономa.

В конце декабря Мак-Клеллан заболел тифом и пролежал в постели три недели, в течение которых он принимал своих подчиненных, отдавал приказы, не ослабляя ни на минуту руководство армией. Не допускал он к себе лишь президента, который настолько разочаровался в Мак-Клеллане, что готов был принять командование всеми армиями на себя.

На совещании, в котором приняли участие генерал Мак-Доуэлл, бригадный генерал Франклин, Сьюард, министр финансов и помощник военного министра, Линкольн, между прочим, сказал, что если МакКлеллан не намерен использовать армию, то он. Линкольн, не прочь одолжить ее у генерала, если они совместно с Франклином найдут способ пустить ее в дело. Но Фргнклин был другом Мак-Клеллана и заявил, что он не знает положения. Через два дня МакКлеллан выздоровел, и эта же группа встретилась вновь почти в том же составе с участием генерала Мак-Клеллана. Мак-Клеллан отказался обсуждать предполагаемые передвижения войск. «Начались бесконечные разговоры, в основном общего характера, — записывает Мак-Доуэлл. — Наконец министр финансов прямо поставил перед генералом Мак-Клелланом вопрос, что он собирается делать со своей армией и когда. После долгого молчания Мак-Клеллан заявил, что выступлению из Вашингтона будет предшествовать наступление из Кентукки. После другой затянувшейся паузы Мак-Клеллан заявил, что он не хотел бы раскрывать свои планы, поскольку он всегда уверен в том, что чем меньше людей знает о военных делах, тем лучше, но если ему приказывают, он подчинится. Тогда президент спросил его, наметил ли он конкретную дату; он не спрашивает, какова эта дата, но хочет знать, намечена ли она. Мак-Клеллан ответил, что она намечена».

Теперь, когда генерал Мак-Клеллан поднялся с постели, Комитет по ведению войны вызвал его для консультации. Сенатор Чандлер напрямик спросил у командующего:

— Генерал Мак-Клеллан, если я правильно вас понял, вы хотите быть уверены, прежде чем выступить против мятежников, что у вас есть куда отступать, если они отбросят вас.

— Или если вы испугаетесь, — усмехнулся Уэйд.

Генерал Мак-Клеллан принялся объяснять сенаторам, как ведутся войны и как важно для всякого генерала иметь заранее линии отступления, не меньше, чем линии связи и снабжения.

Линкольн, отказываясь удовлетворить требования радикалов о смещении Мак-Клеллана с поста командующего, решил все же дать ему почувствовать, кому принадлежит власть. 27 января Линкольн отдал свой военный приказ № 1, в котором назначал 22

февраля 1862 года «днем всеобщего наступления наземных и морских частей Соединенных Штатов против сил инсургентов». В приказе он перечислял армии, которые должны были быть готовы наступать к этому дню: армию, расположенную у крепости Монро, потомакскую армию, армию в Западной Виргинии, армию близ Манфордвилла в Кентукки, армию и флотилию канонерок в Кейро в Иллинойсе и морские илы, находящиеся в Мекоиканском заливе. Руководители департаментов, командиры и подчиненные «будут нести строгую ответственность за точное выполнение этого приказа».

Четыре дня спустя Линкольн отдал специальный военный приказ президента, согласно которому потомакской армии приказывалось после обеспечения обороны Вашингтона 22 февраля двинуться и занять железнодорожную станцию Манассас, «все детали этого наступления будут в приказе главнокомандующего». К этому приказу Линкольн присовокупил письмо Мак-Клеллану от 3 февраля, в котором настаивал на преимуществах своего плана атаки армии конфедератов поблизости от Вашингтона по сравнению с планом высадки войск на полуострове для атаки на Ричмонд.

> «Если вы дадите мне удовлетворительные ответы на мои вопросы, — писал Линкольн, — я с радостью откажусь от своего плана в пользу вашего. Разве ваш план не требует больше времени и денег, чем мой? Который из двух планов обещает более твердую победу? Разве ваш план обещает более полную победу, чем мой? Разве не получается так, что ваш план не предусматривает разгрома вражеских коммуникаций, как это делает мой план? Разве в случае поражения отступление согласно вашему плану не окажется гораздо более затруднительным, чем при принятии моего плана?»

Мак-Клеллан ответил Линкольну в тот же день большим письмом, в котором утверждал, что высадка на полуострове около Ричмонда позволит ему захватить столицу конфедератов. Он не соглашался на прямую атаку линий конфедератов вблизи Вашингтона. Как записал секретарь Чэйз, Мак-Клеллан явился 13 февраля и заявил: «Через десять дней я буду в Ричмонде». Прошло десять дней, однако никакого наступления не было, не было даже приготовлений к наступлению.

Крупный оптовый торговец из Вермонта Джим Фиск ухмылялся, поглаживая свои щегольские усы: «Вы можете продать правительству все что угодно и почти за любую цену, которую у

вас хватит нахальства назвать». В его квартире в отеле Вилард любого члена конгресса всегда ожидали гаванские сигары, хорошая выпивка и возможность заключить любую мало-мальски выгодную сделку.

Доклад Комитета по наблюдению за правительственными контрактами конгрессу в декабре месяце пролил свет на весьма странные заказы, особые привилегии, невероятно вздутые цены, которые платило правительство, на чрезвычайно плохого качества продукты и вещи, поставляемые армии и флоту. Коррупция так проникла во все звенья правительственного аппарата, писал в частном письме генерал Шерман, что «даже в это время тяжелых испытаний повсюду царит мошенничество при продаже обмундирования, одеял, муки, хлеба — всего, что только можно продать».

На резолюцию, требовавшую от военного министра, чтобы он представил в сенат полную информацию о контрактах, количествах товара, именах поставщиков, датах, уплаченных суммах, Камерон не ответил. Проходили месяцы, а Камерон не посылал в сенат ни требуемой информации, ни объяснений, ни хотя бы извинения.

Крики возмущения по поводу коррупции носили отчасти политический характер и преследовали цель опорочить правительство. Частично же они были вызваны завистью поставщиков, которые не пользовались расположением Камерона. В этом Линкольн был уверен. Однажды его посетила делегация банкиров Нью-Йорка и Бостона и потребовала смещения Камерона. В конце беседы Линкольн заявил банкирам:

— Господа, если вы хотите смещения Камерона, вам нужно только представить мне одно-единственное доказательство нечестности Камерона, и я обещаю вам его голову. Но я заверяю вас, что никогда не сделаю ничего подобного на основании беспочвенных слухов.

Некоторые журналы писали, что перечень случаев мошенничества и вымогательств вызывает ужас.

Член конгресса от штата Нью-Йорк Чарльз Ван Вик говорил в своей речи: «Похоже, что мания воровства охватила все правительственные каналы — от генерала до барабанщика, начиная теми, кто стоит вблизи от источника власти, и кончая последним таможенным чиновником. Чуть ли не каждый из тех, кто имеет дело с правительством, думает, что он удержится недолго, и торопится наворовать».

Ван Вик назвал целый список негодяев, привел факты и имена, указывая при этом уворованные суммы или незаконные прибыли. «Пираты, которыми кишит океан, заслуживают не

большего презрения человечества, чем эта банда, которая пирует за счет пота бедняков и крови храбрецов».

Постепенно Линкольн пришел к выводу, что. Камерон приносит стране вред. Эли писал Самнэру: «Тадеус Стивенс говорит, что Камерон прибавит миллион к своему состоянию. Я думаю, что он уже сделал это».

Первый открытый конфликт между Линкольном и Камероном возник в декабре 1861 года, когда Камерон опубликовал свой годовой отчет. Не проконсультировавшись с президентом, Камерон выставил себя в качестве человека, излагающего политику правительства. Один из параграфов этого документа, особенно удививший Линкольна, гласил, что рабы, принадлежащие изменникам, должны быть конфискованы. «Совершенно ясно, что правительство имеет полное право, когда это потребуется, вооружить рабов, точно так же, как оно может использовать порох, захваченный у врага. Вопрос о том, когда это следует сделать, является уже вопросом чисто военным… Если выяснится, что человек, находившийся в собственности мятежников, способен носить оружие и исполнять воинскую службу, то право, а может быть, и обязанность правительства заключается в том, чтобы вооружить его, одеть и использовать против мятежников».

Когда Линкольн впервые увидел копию этого документа и взгляд его упал на параграф, касающийся вооружения рабов, он весь вспыхнул. И как об этом впоследствии вспоминал художник Карпентер, Линкольн решительно сказал: «Ну, хватит! Генерал Камерон не имел права брать на себя такую ответственность. Решение этого вопроса принадлежит исключительно мне». Немедленно были Отправлены телеграммы почтмейстерам в главные города, и доклад Камерона был возвращен в Вашингтон. После этого отпечатали новый текст, в котором упомянутый параграф был заменен другим.

Газеты легко достали подлинные копии доклада Камерона и опубликовали исключенный параграф рядом с официальным текстом. Разница между двумя вариантами была очевидна: первый вариант звучал так, словно правительство готово использовать негров как боевую силу, а второй вариант свидетельствовал о том, что правительство все еще колеблется. Антирабовладельческие круги встретили выступление Камерона взрывом одобрения, хотя со стороны Камерона столь неожиданная позиция в вопросе о неграх казалась несколько странной, ибо он никогда не был радикалом в этом вопросе. В мантии поборника свободы для рабов он выглядел довольно комично.

И Линкольн и Камерон оба понимали, что отныне пути их расходятся. «Исправив поспешную неосторожность своего министра, — писали Николаи и Хэй, — президент не позволил себе никаких дальнейших высказываний… Они продолжали встречаться на заседаниях правительства или на обсуждениях текущих дел с той же учтивостью, что и раньше». Камерон начал намекать, что его обязанности по военному министерству утомляют его, и он предпочел бы взять на себя какую-нибудь дипломатическую работу. Линкольн в течение нескольких недель отмалчивался и, наконец, 12 января 1862 года написал Камерону письмо, которое было опубликовано в печати, где он в соответствии с желанием Камерона сообщал ему, что будет просить сенат назначить его посланником в Россию.

Военным министром был назначен Эдвин Стентон, демократ, сторонник Джексона, который был членом кабинета Бьюкенена после отделения южных штатов и неофициально информировал Сьюарда и других сторонников Союза о том, что происходит на заседаниях правительства. После этого Стентон был юридическим советником Мак-Клеллана, Камерона и других. Он довольно часто критиковал Линкольна и выражал ему недоверие. Стентон считался лучшим юристом Америки. Он родился в бедной семье и с тринадцати лет содержал овдовевшую мать и пять человек детей. Он работал;в книжной лавке в Колумбусе в штате Огайо, потом перебрался в Кадикс в том же штате, где и начал свою адвокатскую практику и составил себе состояние.

Когда он был членом правительства Бьюкенена, Стентон сидел напротив Джона Флойда, военного министра и сторонника отделения. Когда тот настаивал на выводе войск из чарлстонской гавани, Стентон вспыхнул от ярости и заявил, что сдача форта Самтер будет преступлением, равным измене, и всех, кто будет принимать в этом участие, следует повесить.

Прошли месяцы, наполненные вихрем событий; Стентон сидел в доме у Дона Пайата в Вашингтоне и на вопрос хозяев ответил:

— Да, я собираюсь стать военным министром у старого Эйба.

— А что вы будете делать?

— Что делать?.. Я сделаю Эйба Линкольна президентом Соединенных Штатов. Я заставлю этого человека, Мак-Клеллана, воевать или уйти со своего поста.

6. Форт Донелсон, Грант. Шайло. «Монитор» и «Мерримак». Семь дней

Линкольн вызвал в Вашингтон из Сент-Луиса Джеймса Идса, который провел немало дней на Миссисипи, поднимая с помощью изобретенного им водолазного колокола затонувшие суда. С Идсом был заключен правительственный контракт, и вернувшись в Сент-Луис, он с помощью 4 тысяч человек, завербованных по всей стране, за сто дней построил восемь бронированных винтовых канонерских лодок, которые вошли во флотилию под командованием Эндрью Фута, янки из Коннектикута.

6 февраля 1862 года канонерки капитана Фута эскортировали вниз по реке Теннесси пароходы, на которых находилось 18 полков под командованием бригадного генерала Улисса Гранта. Они толпились на палубах, разглядывая окрестности, — эти 18 тысяч человек, среди которых были землепашцы, погонщики скота, люди, дробившие камень на дорогах, приказчики из магазинов, рабочие с фабрик, студенты, парни из Айовы, Небраски, Иллинойса, Индианы, Огайо, Миссури; многие из них были так молоды, что еще не имели права голосовать.

Канонерки остановились у форта Генри и обстреляли его, после чего войска захватили форт. Гарнизон конфедератов ушел в форт Донелсон на реке Камберленд. Стояла хорошая теплая погода, и Грант повел свои войска к форту Донелсон.

Фут поднялся со своей флотилией вверх по Миссисипи, оттуда на реку Камберленд и обменялся выстрелами с пушками форта. Флотилия получила повреждения и вынуждена была уйти вверх по течению. Таким образом, Грант остался с 27 тысячами войск, включая вновь прибывшие подкрепления, которым противостояли 18 тысяч войск противника, засевших в форту.

В эти дни ударили морозы, пошел сильный снег с холодным ветром, все дороги замерзли. При температуре в 10 градусов ниже нуля солдаты вели перестрелку, а по ночам сбивались в кучки и дрожали от холода, разыскивали в окрестностях заборы, кустарник, деревья, бревна, чтобы хоть как-нибудь укрыться от пронизывающего ветра. Ни одна из сторон не решалась зажигать бивачные костры. Каждое утро находили замерзших людей.

В воскресенье, 16 февраля, в военное министерство стали поступать телеграммы. Генерал Саймон Букнер, командующий фортом Донелсон, послал к генералу Гранту парламентера, запрашивая условия капитуляции. Генерал Грант ответил: «Никаких условий, кроме немедленной и безоговорочной

капитуляции. Я намерен немедленно начать наступление на ваши укрепления». И командующий конфедератскими войсками сдал форт и 13 828 человек в плен. Эта победа окончательно привязала Кентукки к Союзу, создала плацдарм для продвижения в Теннесси, продвинула союзные армии на 200 миль в глубь вражеской территории.

Улисс Грант родился в Огайо и окончил военную академию в Уэст-Пойнте. Во время мексиканской войны он промчался за боеприпасами в город Монтерей под вражеским огнем, свесившись по примеру команчей с коня так, что круп лошади прикрывал его от пуль.

Он носил бороду, и, даже когда фотографировался, его мундир или прическа всегда оказывались в беспорядке. Грант отличался спокойными манерами, серьезностью, у него были серые глаза и маловыразительное лицо.

В 1854 году, когда он служил в форту Ванкувер на западном побережье, его ничто не интересовало. Он тосковал по дому и всегда носил в своем кармане пачку писем от жены. Женился он на ней без формального предложения. Они перебирались в легкой коляске по мосту во время наводнения, и она закричала:

— Если что-нибудь случится, я буду цепляться за вас!

Когда они благополучно достигли берега, Грант спросил ее:

— А не хотели бы вы уцепиться за меня на всю жизнь?

Однажды в форт Ванкувер пришел пакет, в котором лежал длинный женский локон, переплетенный с маленьким детским локоном; этот дар Грант всегда носил на груди. Почему он так много пил в это время? Была ли это тоска по дому? Ведь его предупредили, что его пьянство (а он был в чине капитана) разлагает полк. Он написал рапорт об увольнении из армии и передал его полковнику, с тем чтобы тот проставил число и отослал этот рапорт в военное министерство в тот день, когда Грант опять окажется жертвой пьянства. Так оно и случилось: Грант покинул армию. Впоследствии он, живя в Сент-Луисе, неудачно занимался продажей земель, потом вместе с семьей переехал в город Галина в Иллинойсе, где продавал шкуры сапожникам и седельщикам, зарабатывая 800 долларов в год. К этому времени он заболел ревматизмом. Как только началась война, Грант отправился в Спрингфилд, получил звание полковника и выступил со своим полком в Миссури.

После взятия форта Донелсон страна называла его «Грант — безоговорочная капитуляция». Галлек телеграфировал Мак-Клеллану: «Похоже, что армия Гранта настолько же деморализована победой над Букнером, насколько потомакская армия была деморализована поражением при Булл-Рэне». Мак-

Клеллан решил, что понял, в чем дело, и телеграфировал в ответ: «Если интересы службы потребуют, не медлите и арестуйте Гранта».

Несмотря на интриги и клевету, Линкольн дал Гранту звезды генерал-майора. Президент был более чем заинтересован в этом простом вояке, который первым дал Союзу заметную победу.

Над Мак-Клелланом смеялись все злее и беспощаднее. Войска на Западе завязали бои и захватили ряд важных пунктов еще до 22 февраля, которое Линкольн назначил своим приказом как день общего наступления наземных и морских сил. Настал день рождения Вашингтона, а колоссальная потомакская армия под командованием Мак-Клеллана все еще квартировала в палатках и зимних хижинах вокруг Вашингтона. В армии конфедератов под командованием Джонстона у Манассаса приходилось меньше одного солдата на каждых трех в армии Мак-Клеллана.

Линкольн стал открыто вмешиваться в руководство потомакской армией, он даже опубликовал 7 и 8 марта свои общие приказы по армии № 2 и № 3. В одном приказе Мак-Клеллану предписывалось реорганизовать свою армию для активных боевых действий и для этого разделить ее на четыре корпуса, причем Линкольн сам назначил командующих этими корпусами. Другой приказ требовал, чтобы вне зависимости от любых боевых операций необходимое количество войск было оставлено для обеспечения безопасности столицы. Эти приказы и другие дела заставили МакКлеллана явиться в Белый дом. В воскресенье 9 марта, когда Мак-Клеллан совещался в Белом доме с Линкольном и Стентоном, пришло сообщение, что армия Джонстона у Манассаса оставила свои укрепления и уходит на юг, оставляя на память союзным войскам множество «квакерских пушек» — бревен на колесах, раскрашенных под настоящие пушки.

Мак-Клеллан был вынужден действовать — в тот же день он отдал приказ армии перейти в наступление. На рассвете следующего дня он телеграфировал Стентону: «Войска находятся в движении». Сам МакКлеллан прибыл на Булл-Рэн-крик у Манассаса и обнаружил, что сообщение было правильным, — вражеские войска отошли. Тогда он повернул свою армию обратно к Вашингтону. На вопросы, почему он не пошел дальше, не разыскал вражескую армию и не атаковал ее, Мак-Клеллан заявлял, что его войска просто осуществляли необходимый маневр.

Терпение Линкольна явно истощалось, его не удовлетворяли медлительность и нежелание Мак-Клеллана переходить к активным действиям.

Линкольн приказал генералу Мак-Доуэллу с 40 тысячами войск остаться у Вашингтона. Было ясно, что падение столицы приведет к тому, что Англия и Франция признают правительство конфедератов, блокада будет прорвана, оружие и материальное снабжение потекут на Юг. Линкольн в связи с этим писал Мак-Клеллану: «Мой приказ ясен: по согласованию с командирами корпусов обеспечить безопасность Вашингтона. Приказ этот не был выполнен, что и заставило меня задержать Мак-Доуэлла».

Начались споры. Мак-Клеллан требовал себе еще войск. «Происходит какая-то таинственная история с количеством ваших войск, — писал Линкольн МакКлеллану. — Когда я телеграфировал вам 6-го и отмечал, что в вашем распоряжении находится свыше 100 тысяч солдат, я исходил из рапорта военного министра, полученного, как он указывал, от вас, что у вас и на подходе к вам 108 тысяч человек. Теперь вы заявляете, что у вас всего 85 тысяч человек, хотя все посланные подкрепления уже должны были прийти к вам. Чем же объяснить разницу в 23 тысячи?» Линкольн пытался деликатно подтолкнуть Мак-Клеллана на активные действия. «Позвольте мне еще раз сказать вам, что вам необходимо нанести врагу удар. Я бессилен помочь вам».

Мак-Клеллана весьма тревожило, что Линкольн ограничил его власть только потомакской армией. Жене он писал о «подлецах» и «предателях», засевших в Вашингтоне.

В таком настроении находился Мак-Клеллан в апреле 1862 года, когда потомакская армия заняла позиции на полуострове перед укреплениями конфедератов в йорктауне. Переброска этой армии от Вашингтона по воде потребовала 113 пароходов, 188 шхун и 88 барок, которые в течение трех недель перевезли 121500 солдат, 14 592 животных, 1150 фургонов, 44 батареи, 74 госпиталя, не считая понтонных мостов, средств связи, снаряжения, продовольствия.

Мак-Клеллан держал свою армию у йорктауна в течение нескольких недель, пока не были отрыты укрепления и установлены батареи. «Вы должны правильно понять наше кажущееся бездействие, — писал он Линкольну. — Не потерян ни один день, ни один час. Осуществлены работы, которые поистине можно назвать грандиозными». И когда, наконец, большие пушки Мак-Клеллана были готовы нанести удар по врагу и уничтожить его, когда союзные войска двинулись, чтобы захватить вражескую армию, они обнаружили, что сражаться им не с кем. Опять Мак-Клеллан не внял предупреждению Линкольна, который писал ему: «Нынешнее промедление в наступлении на укрепленные позиции врага является повторением манассасской истории».

Итак, после месяца осады пустые укрепления конфедератов были захвачены; Мак-Клеллан телеграфировал Линкольну: «йорктаун в наших руках… Медлить нельзя… Я поставлю врага в безвыходное положение». А между тем под командованием южанина Джонстона было всего 55 633 человека — вдвое мень «ше, чем у Мак-Клеллана. Они ждали, пока МакКлеллан закончил строительство сверхсовершенных позиций для батарей, пока Мак-Клеллан убеждался, что он предусмотрел все возможные случаи, и тогда ушли.

Военные действия с различными результатами предпринимались в разных местах фронта. Три дня продолжалась битва у Пи Риджа в северо-западном углу Арканзаса, и победа союзных войск там еще прочнее привязала Миссури к Союзу.

Была предпринята дерзкая вылазка в самое сердце конфедерации. Два морских волка — капитан Дэвид Фарр агат и капитан Дэвид Портер — на боевых судах, на которые были погружены войска под командованием генерал-майора Бена Батлера, прорвались сквозь огонь фортов и батарей Нового Орлеана и захватили этот крупнейший морской порт и важный центр Юга с населением в 168 тысяч человек. Десятитысячная армия конфедератов покинула город, путь их отступления освещали подожженные ими 15 тысяч тюков хлопка, дюжина больших судов, несколько пароходов, незаконченные строительством канонерские лодки и другое имущество стоимостью в несколько миллионов долларов.

Военным губернатором города стал генерал Батлер, бывший демократ и сторонник рабства, который однажды пытался выдвинуть Джефферсона Дэвиса в президенты Соединенных Штатов. Батлер старался наладить выпуск газет в городе, поставки продовольствия, денежное обращение, вывешивание флагов. Однако навести порядок среди женщин оказалось совсем нелегким делом. Увидев на улице офицеров или солдат союзной армии, они отворачивались от них, гримасничали, насмехались, оплевывали союзный флаг. Они предпочитали сойти с тротуара, лишь бы не встретиться с янки. Батлер арестовал мэра города, начальника полиции и еще ряд лиц и посадил их в камеры захваченного форта.

На реке Теннесси, поблизости от границы штата Миссисипи, у местечка Шайло Черч, генерал Альберт Джонстон бросил 40-тысячную армию конфедератов в наступление на 36-тысячную союзную армию под командованием генерала Гранта. Союзные войска начали отступать. Неужели ночь застанет их прижатыми к берегу широкой реки Теннесси, через которую не было мостов? Под генералом Шерманом пали три лошади, сам он был ранен в

руку, вторая пуля пробила ему шляпу, третья — плечо. Плотность ружейного огня была такова, что в одном дереве нашли около 90 пуль, в другом — 60. Между деревьями лежало столько убитых, что нельзя было ступить, чтобы не наткнуться на трупы.

К исходу дня генерал Грант, сидя на коне, наблюдал, как конфедераты пытались приступом взять холм. Их обстреливали батареи и канонерские лодки союзных войск. Кто-то спросил его, очень ли плохо обстоят дела. Он ответил: «Не торопитесь с выводами. Завтра мы их атакуем со свежими силами и, конечно, отбросим». Ночная мгла опустилась на поле боя. На обе армии обрушился ливень. С рассветом союзные войска пошли в атаку и отбросили противника. Генерал Альберт Джонстон, считавшийся одним из самых блестящих командиров армии конфедератов, был убит.

В эти дни Север впервые переживал радость победы. Вскоре это ликование было омрачено слухами, что в битве при Шайло генерал Грант был пьян. В один из вечеров Линкольн принял в Белом доме своего друга Мак-Клюра, который от имени группы членов республиканской партии в течение двух часов убеждал Линкольна, что общественное мнение настроено против Гранта и что для того, чтобы сохранить доверие страны, президент должен отстранить генерала. Линкольн выслушал Мак-Клюра до конца. Затем, как вспоминал Мак-Клюр, «когда я высказал ему все, что мог, мы оба долго молчали. Наконец Линкольн приподнялся в кресле и с серьезностью, которой не забыть, сказал: «Я не могу пожертвовать этим человеком — он сражается».

22 февраля 1862 года в Ричмонде Джефферсон Дэвис, вступая в должность президента конфедерации сроком на шесть лет, принимал торжественную присягу. Шел сильный дождь; президент Дэвис, стоя под навесом, обратился к толпе, укрывшейся под зонтиками. «После ряда успехов и побед, — сказал он, — мы за последнее время потерпели ряд серьезных поражений». Он ссылался на потерю форта Донелсон. Бледный, постаревший, но исполненный решимости, стоял Дэвис перед окружавшими его людьми, также исполненными решимости, готовыми пожертвовать своими трудами, собственностью, жизнью ради своего государства. Слезы текли по лицам седых аристократов-плантаторов.

У президента в Белом доме были свои огорчения. Его сыновья Тед и Вилли и два их товарища нередко радовали его сердце. Но однажды они сделали куклу из тряпья и старого платья и назвали ее Джеком. На ней были красные, широкие, мешковатые штаны, синяя куртка в обтяжку и красная феска на голове. Этот Джек был форменный зуав. Его приговорили к расстрелу за сон во время

ночного дозора. Садовник набрел на похороны Джека и спросил у ребят:

— Почему бы вам не помиловать его?

Он погнал мальчиков в Белый дом, вверх по лестнице, к письменному столу, за которым, склонившись, работал человек. Выслушав их, Линкольн невозмутимо взял правительственный бланк и написал на нем:

«Куклу Джека помиловать.
По приказу президента А. Линкольна».

Тед передал документ ребятам и сказал, что никакого погребения Джека не будет. Однако неделю спустя все же Джека нашли повешенным на толстой ветви разросшегося куста. Тед заявил, что «Джек был предателем и шпионом».

В феврале 1862 года Вилли, кумир родителей, простудился и слег. Президент хотел отменить давно назначенный бал в Белом доме, но ему это не удалось. Линкольн принимал гостей, а в комнате наверху умирал его сын. Линкольн почти не видел окружавших его людей — все его мысли были с сыном.

Через несколько дней Вилли умер. Линкольн подошел к постели, открыл лицо умершего, долго-долго на него смотрел и еле слышно произнес:

— Как мне тяжко без тебя!..

В воскресенье 9 марта 1862 года пришло сообщение, которое заставило морского министра Уэллеса поспешить к президенту. Линкольн немедленно созвал заседание кабинета министров. Оказалось, что конфедераты, в распоряжении которых находился фрегат «Меримак», оборудовали его чугунным тараном и покрыли борта листовым железом толщиной в 4 дюйма. В субботу после полудня фрегат напал на два союзных корабля: «Конгресс» и «Камберленд», расстрелял, протаранил их деревянные корпуса и бросил в безнадежном состоянии. Еще один деревянный союзный военный корабль, «Миннесота», вынужден был выброситься на берег. Предполагалось, что в воскресенье утром «Меримак» беспрепятственно сможет двинуться на Вашингтон или Нью-Йорк.

У Уэллеса была одна надежда — на «Монитор». Это был новый тип морского боевого корабля, и стал он в строй лишь накануне ночью. Когда Уэллес упомянул о том, что «Монитор» вооружен всего только двумя пушками, Стентон взглянул на министра неописуемым взглядом, в котором сочетались презрение и неверие.

Стентон приказал адмиралу Долгрену приготовить 60 судов, нагрузить их камнями и затопить в реке Потомак, чтобы блокировать подходы. Но Долгрен отказался принять приказ

военного министра: он служил на флоте, и у него был свой министр. Возник спор между министрами на тему: должен ли военно-морской министр подчиняться сухопутному?

За три дня до этого маленький «Монитор», буксируемый катером из нью-йоркского порта, попал в шторм. Волны заливали машинное отделение, вентиляторы и дымовые трубы. Поставили помпы и стали выкачивать воду. Хорошо, что ветер стих и волны улеглись, иначе «Монитор» пошел бы ко дну. Потом капитану пришлось бороться с бурным морем в мелководье, и команда боялась, что буксирный канат лопнет. Он действительно лопнул, и команде пришлось выдержать еще один шторм.

Команда «Монитора» выбилась из сил, матросы питались жесткими, сухими бисквитами, 48 часов не знали сна, дважды они чуть не утонули. Командир «Монитора» лейтенант Джон Уорден сказал, что лучшей команды не было ни у одного капитана; матросы клялись, что ни на одном корабле не было лучшего капитана. Когда следующим утром конфедератский «Меримак» двинулся на «Миннесоту», маленький «Монитор», как библейский Давид против Голиафа, пошел прямой атакой на «Меримак», у которого было десять пушек против двух на «Мониторе». На «Мониторе» была вращающаяся стальная башня; она давала возможность вести круговую стрельбу. Его палуба, словно плот, едва высилась над уровнем водной поверхности, и «Меримаку» было бы трудно его протаранить.

Миниатюрный «Монитор» вертелся вокруг «Мернмака», как боксер легчайшего веса вокруг большого, тяжеловесного бойца. Громадина палила всеми орудиями одного из бортов, а малышка отвечал двумя. Мужество орудийной прислуги прошло через первое испытание, когда снаряды с «Меримака» ударили по башне и ее стало трудно поворачивать. «Меримак» сделал попытку протаранить противника, но Уорден искусно повернул руль, и скользящий удар не причинил «Монитору» вреда.

В башне кончился запас снарядов, и «Монитор» оставил арену боя на 15 минут, чтобы поднять новый комплект боеприпасов в башню. «Меримак», имевший осадку в 22 фута, не смог преследовать отошедшего к берегу «Монитора» — у того осадка была всего 12 футов. Вскоре «Монитор» вернулся; снова две пушки действовали против десяти. После боя один из конфедератов с «Меримака» рассказал: «Монитор» подобрался к нашей корме и дважды выстрелил. У нас броня погнулась на 2–3 дюйма. Вся орудийная прислуга на корме свалилась с ног, у матросов кровь пошла носом и из ушей. Еще одно попадание в это место — и броня была бы пробита».

«Меримак» прекратил огонь. Командир корабля спросил

начальника артиллерии:

— Почему вы не стреляете?

— Порох нам дорого обходится, — ответил лейтенант, — а два часа беспрерывной стрельбы причинили противнику не больше вреда, чем если бы я щелкал пальцами каждые две с половиной минуты.

Снаряд с «Меримака» все же попал в штурвальную, оглушил лейтенанта Уордена и засыпал ему глаза порохом. Он ничего не видел, лицо было все в крови. «Монитор» отошел, чтобы оказать помощь своему командиру и осмотреть, насколько серьезно повреждена штурвальная. «Меримак» ретировался в Норфолк.

Шестичасовой бой кончился вничью. У обеих сторон были ошибки. Если бы «Меримак» с самого начала направил весь свой огонь на штурвальную рубку, он бы разбил командный пункт «Монитора». Если бы последний посылал снаряды в корпус «Меримака» ниже ватерлинии, где броня была тонкая, корабль был бы потоплен. Как бы то ни было, этот бой послужил уроком флотам всего мира; Лондон и Париж заявили, что эра деревянных боевых кораблей кончилась. Вашингтонское правительство решило начать строительство мониторного флота. Блокада южных портов должна была продолжаться.

Бой этот доставил много радости Джону Эриксону, шведу, проектировавшему «Монитор». Он работал на шахтах и чугуноплавильных заводах Швеции, стал армейским капитаном, вышел в отставку, изобрел аппарат для измерения морских глубин, гидростатические весы, искусственную воздушную тягу, которая дала возможность уменьшить высоту труб и экономить топливо, автоматический замок для морских орудий, паровую карету, передвигавшуюся со скоростью 30 миль в час. В 1839 году он приехал в США и два года спустя сделал чертежи первого винтового боевого корабля. Он совершенствовал орудийные лафеты, оптические инструменты, получал медали за новшества в использовании тепла.

Первоначально его проекты «Монитора» были отвергнуты — специалисты опасались, что у него не будет остойчивости и он перевернется.

На одном из заседаний министров Линкольн подержал в своих руках картонную модель «Монитора» и сказал:

— Я могу лишь повторить слова девушки, впервые сунувшей ногу в чулок, — мне кажется, что в этом что-то есть.

С Эриксоном подписали договор, в котором оговорили, что если «Монитор» не окажется «неуязвим», изобретатель должен будет вернуть казне все расходы. Он построил корабль за сто дней.

По приказу президента флот подошел к Сюэлс-Пойнту, чтобы обстрелять батареи конфедератов. «Меримак» вышел из гавани, покачался на волнах, простоял в нерешимости. За линией кораблей флота выжидал «Монитор»; «Меримак» воздержался от боя и отступил.

Линкольн выехал на позиции под Норфолком. Он расспросил местного лоцмана, изучил карту, нашел плацдарм для высадки войск ближе к Норфолку, чем облюбованное генералом Вулом место, но предоставил генералу возможность сделать выбор.

Вул высадил на берег шесть полков. Норфолк оказался эвакуированным конфедератами, которые перед отступлением сожгли свои огромные склады снабжения. Президент, Стентон и Чэйз проехали в город и осмотрели разрушенный корпус «Меримака». Конфедераты предпочли взорвать его, но не вступать я бой с «Монитором».

Президент и сопровождавшие его лица выехали на пароходе «Балтимора» обратно в Вашингтон. Чэйз написал своей дочери: «Так закончилась неделя успешных боевых операций президента; я уверен, что без его участия Норфолк все еще был бы занят неприятелем… Теперь почти весь берег в наших руках».

Эта неделя представила большой интерес для Линкольна, впервые попытавшегося лично руководить морскими и сухопутными силами. Весь полевой штаб находился у него под шляпой.

Армия Мак-Клеллана после девяти месяцев организации, боевой подготовки и строевых учений впервые оказалась под огнем в апреле 1862 года. При отходе армии к Уайт-Хауз Лэндингу, находившемуся в 20 милях от Ричмонда, завязались арьергардные бои у Вильямсберга. Попутно медлительный, безынициативный Мак-Клеллан потребовал еще солдат и орудий и со своей группой генералов продолжал оживленную кампанию политических интриг.

Раненого командующего армией конфедератов Джозефа Джонстона заменил Роберт Ли. Он приказал Джексону Каменной Стене повести наступление на долину Шенандоа. Семнадцатитысячный корпус Джексона прошел весь район долины — 170 миль — за 14 дней, разгромил части северян численностью в 12 500 человек, захватил трофеи стоимостью в 250 тысяч долларов и 9 тысяч ружей, взял в плен 3 тысячи солдат. Этот рейд угрожал Вашингтону настолько, что Линкольн вынужден был отозвать с фронта части Мак-Доуэлла.

Стратегия, разработанная Линкольном, заключалась в том, чтобы ударить по корпусу Джексона с трех сторон, что было вполне логично. Но Джексон оказался призраком, действовавшим

вопреки логике; он ускользнул вместе с трофеями и пленными и присоединился к армии Ли под Ричмондом. Мак-Клеллан считал, что раз Ли мог отрядить Джексона в долину Шенандоа, следовательно, у него не меньше 200 тысяч солдат… Фактически у Ли было меньше 83 тысяч, когда Джексон вернулся из рейда.

Президент доказывал своему окружению, что необходимо завербовать 300 тысяч человек на три года военной службы. Эта кампания была подорвана продолжавшимся бездействием Мак-Клеллана и нападением конфедератов на склады его армии у Уайт-Хауз Лэндинга, где было сосредоточено огромное количество продовольствия, пушек, пороха, фургонов, мулов. Это наступление стало известно, как «семидневные бои». Мак-Клеллан решил перебазироваться к Гарисонс Лэндингу на реке Джеймс. Как только началось отступление северян, генерал Ли бросил в дело все резервы до последнего солдата и последней пушки. Он стремился сокрушить Мак-Клеллана и захватить его армию в плен. После кровавых боев Мак-Клеллану удалось удержать Гарисонс Лэндинг, потеряв при этом лишь 16 тысяч солдат. Конфедераты потеряли 20 тысяч В первый же день семидневных боев Мак-Клеллан послал длинную телеграмму Стентону: «Я видел слишком много убитых и раненых товарищей, чтобы не почувствовать, что правительство не поддерживает мою армию. Если вы немедленно не пришлете подкреплений, считайте игру проигранной… Если мне удастся спасти армию, то в этом не будет никакой вашей заслуги или любого лица в Вашингтоне. Вы сделали все от вас зависящее, чтобы погубить армию».

Полковник Санфорд, цензор на телеграфе, счел, что заключительные фразы телеграммы возмутительны, позорны и похожи на измену. Он отрезал конец телеграммы, и Линкольн со Стентоном узнали об этом лишь много времени спустя. Поэтому ответ Линкольна гласил: «Армию нужно спасти при любых условиях. При первой возможности пришлем подкрепления».

Солдаты воюющих сторон выказывали большую храбрость и упорство. В бою под Малверн Хил полковник-конфедерат призывал солдат: «Вперед, вперед, ребята! Неужели вы хотите жить вечно?!»

Юмор не оставлял людей при самых мрачных обстоятельствах. Генералу Хоуарду раздробило правую руку. Генерал Кирниу потерял левую руку еще во время войны в Мексике. Когда они встретились и пожали друг другу руки, Хоуард сказал: «Отныне мы покупаем одну пару перчаток на двоих».

Мак-Клеллан требовал еще и еще подкреплений. Линкольн как-то сказал:

— Если бы я дал ему столько солдат, сколько он требует, им негде было бы прилечь. Им пришлось бы спать стоя.

Линкольн прихватил с собой Стентона и отправился в Гарисонс Лэндинг. Он поговорил с МакКлелланом, расспросил его генералов и выяснил, что у Мак-Клеллана в строю было 86 500 человек, кроме того, 34 тысячи находились в отъезде с разрешения начальства, 3 700 отсутствовали без разрешения. В общем в его распоряжении числилась 120-тысячная армия.

Линкольн, Стентон и Мак-Клеллан верхом объехали ряды войск, построенных для осмотра. Один капеллан в письме от 9 июля 1862 года писал своему отцу: «…Казалось, что в любой момент ноги президента и ноги лошади переплетутся и оба свалятся… Рука, которой он держал повод, походила на заднюю ногу кузнечика — ладонь где-то впереди, а локоть торчал позади над конским хвостом. Когда при подъезде к очередному полку Линкольн снимал шляпу, нельзя было не рассмеяться — кони шли рысью, и нужно было большое искусство, чтобы удержать шляпу на весу, а себя в седле. Положение президента выглядело ненадежным, если не опасным. Но парням он нравится, фактически он в армии стал общим любимцем…»

Линкольн вернулся в Вашингтон с длинным письмом, в котором Мак-Клеллан широко излагал свои предложения о том, какой политики должно придерживаться правительство. Войну следует «вести согласно высшим принципам христианской цивилизации». Нужно уважать частную собственность, «радикальные взгляды, в особенности в вопросах рабства», приведут к разложению в армии. Однако он не был откровенен до конца, иначе он сообщил бы Линкольну, что у него в штабе побывал мэр Нью-Йорка Фернандо Вуд, предлагавший выдвинуть Мак-Клел-лана кандидатом в президенты от демократической партии. Вуд в 1861 году сделал попытку отделить Нью-Йорк от Союза и переметнуться к конфедератам.

Начальник штаба Мак-Клеллана — его тесть Р. Марси — усилил беспокойство в Вашингтоне, когда в беседе со Стентоном он сказал, что его нисколько не удивит, если армия Мак-Клеллана будет вынуждена капитулировать. Весьма встревоженный Стентон тут же пошел к президенту и доложил ему о сказанном. Линкольн вызвал к себе генерала Марси, поставил перед ним вопрос ребром, и тот пробормотал какие-то объяснения, извинения и оправдания.

Линкольн отозвал генерала Галлека с Запада, намереваясь назначить его главнокомандующим всех сухопутных вооруженных сил, — Галлек был загадкой для Линкольна. Галлеку в то время было сорок семь лет от роду. Он был уроженцем Нью-Йорка,

выпускником Уэст-Пойнта. Во время мексиканской войны он был артиллерийским инженером; написал книгу «Элементы военного искусства и науки». Когда началась война, он руководил юридической конторой в Сан-Франциско и состоял генерал-майором в народном ополчении штата. После дела под Шайло он принял командование армией Гранта и продвигался медленно вперед, воюя киркой и лопатой: все время строил окопы, окружая ими войска конфедератов численностью в 50 тысяч, которые он намеревался взять в плен, так как у него, у Галлека, было 100 тысяч солдат. Через шесть недель он окружил Коринф, но выяснилось, что противник ускользнул из города и находился уже в 50 километрах от него. В рапорте Вашингтону он изобразил это как победу.

Постепенно пришлось рассказать народу всю правду о семидневных боях. По всей стране вера в национальные силы сменилась сомнениями. Потомакская армия со всеми ранеными и больными, пушками и лошадьми, солдатами из батраков, приказчиков, студентов, конторщиков оставила полуостров и вернулась на старые позиции у реки Потомак, которые были видны из столицы.

Мак-Клеллана освободили от командования действующей армией и приказали выехать в Александрию за новым назначением. Распространился анекдот о том, что Линкольн ругал Мак-Клеллана за прекращение присылки подробных, исчерпывающих докладов о продвижении армии. Однажды Мак-Клеллан прислал Линкольну телеграмму: «Захватил две коровы. Как прикажете с ними поступить?» Линкольн ответил: «Подоите их, Джордж».

4 августа 1862 года Линкольн вторично обратился с призывом завербовать 300 тысяч рекрутов. Это означало, что штаты должны были ввести у себя обязательную воинскую повинность. Шерифы и военные комиссары взяли списки мужчин в возрасте от восемнадцати до сорока пяти лет, проживавших во всех графствах и городах. Их имена были записаны на сложенных записочках и брошены в лотерейный барабан. Человек с завязанными глазами вытаскивал билетики, и лица, помеченные в них, должны были пойти на девять месяцев на войну либо в течение пяти дней уплатить определенную сумму людям, желавшим их заменить, — «подставе».

Тысячи призванных не хотели идти воевать. Они писали заявления об освобождении под разными предлогами: одни были физически слабы, другие были подданными других государств, третьим их религиозные убеждения запрещали воевать, так как это грех. Только в Нью-Йорке таких заявлений было подано 14

тысяч. Тысячи бежали в Канаду или уезжали в Европу. Один пароход настигли в открытом море; всех мужчин сняли с борта и отправили обратно в Нью-Йорк.

Сопротивление набору, уклонение от военной службы приняло такие размеры, что президент вынужден был объявить, что всех нелояльных будут судить военно-полевым судом и предписание о неприкосновенности личности к ним применяться не будет.

Линкольну в эти дни приходилось принимать сотни решений: да или нет, принять или отвергнуть, верно или неверно.

Некоторые решения было легко принимать: например, о постройке трансконтинентальной железной дороги. Предстояло уложить пути от западной оконечности линии в Айове до залива в Сан-Франциско. Правительство предоставляло согласно закону от 1 июля 1862 года заем компаниям из расчета: за каждую милю пути на равнине — 16 тысяч долларов, в пустыне — 32 тысячи и в горах — 48 тысяч долларов.

20 мая 1862 года Линкольн подписал закон о передаче бесплатно земли фермерам, которые пожелают поднять целину. Необозримые пространства земли предоставлялись на Западных территориях. Любой гражданин США или любой житель, подавший заявление о своем желании перейти в американское подданство, уплативший 10 долларов за регистрацию заявления и обрабатывавший один и тот же участок в течение пяти лет, получал документ, делавший его владельцем 160 акров земли. Десятки тысяч британцев, ирландцев, немцев, скандинавов пришли в бюро. Они восклицали: «Какая это чудесная новая страна, которая отдает землю даром!» Это был акт военной необходимости — тем самым увеличивались продовольственные ресурсы, а также выполнялось обещание, данное республиканской партией; Линкольну было приятно подписывать этот закон.

7. Второй Булл-Рэн. Кровавая битва при Антьетаме. Хаос

В течение всего тяжелого лета 1862 года Линкольн часто старался понять, как могло произойти, что его армия в 200 тысяч человек потерпела в Виргинии поражение от вдвое меньшей армии противника. Неужели ему придется менять одного генерала за другим? И до каких пор это будет продолжаться?

Наиболее значительной фигурой, с которой Линкольну предстояло состязаться в течение многих месяцев, был 55-летний Роберт Эдвард Ли. У Ли был широкий и разносторонний опыт, он умел командовать людьми и умел понимать их. Полное согласие между Ли и Дэвисом находилось в полной противоположности отношениям между Линкольном и Мак-Клелланом. В военном отношении Ли и Дэвис представляли собой единый мозг, управлявший армией Северной Виргинии.

Ли находился в Александрии, когда он узнал об отделении Виргинии от Союза. Накануне этого дня он заметил аптекарю в Александрии:

— Должен сказать, что я принадлежу к тем упрямцам, которые не видят ничего хорошего в отделении.

Ли послал Камерону письмо со своей отставкой и написал Скотту: «До конца своих дней я сохраню самые лучшие воспоминания о вашем добром отношении ко мне. Ваше имя и ваша репутация всегда будут дороги для меня… Я никогда не стал бы обнажать вновь свою саблю, если бы дело не касалось защиты моего родного штата». Сыну он писал: «Я хочу найти правильное решение и не сделать ошибки, выбирая между Севером и Югом». Он писал о своей надежде на сохранение Союза: «Я оставался верен этой идее до конца». Он остро переживал и возмущался «агрессией Севера» и в то же время писал: «Я отнюдь не одобряю политический курс хлопковых штатов». По поводу предложения Южной Каролины узаконить и вновь открыть работорговлю неграми из Африки Ли в письме к сыну высказался совершенно недвусмысленно: «Похоже, что одним из их планов является возобновление работорговли. Я, безусловно, против этого».

Когда Ли получил предложение стать главнокомандующим армиями Союза, он, как вспоминал Блэйр, заявил: «Если бы я владел всеми четырьмя миллионами рабов Юга, я бы их всех пожертвовал Союзу», — и задал Блэйру вопрос, на который тот не мог ответить: «Но разве я могу обнажить свой меч против

Виргинии?» В самой постановке этого вопроса уже заключался ответ.

Вскоре после своего прибытия в Ричмонд Ли писал своей жене, что «эта война может продлиться лет десять». Он предупреждал военных и политиков, что они находятся «на пороге длительной и кровавой войны», и советовал исходить в своих планах именно из этого, ибо, говорил Ли, он знает северян и знает, что «они никогда не уступят, разве только в результате длительной и тяжелой борьбы».

Правая рука Ли — Томас Джонатан Джексон был человеком, рожденным для войны. Его военные действия в долине Шенандоа, когда он захватил в плен половину одной из союзных армий, разбил три другие армии, с помощью которых Линкольн рассчитывал окружить его, и быстрым маршем ускользнул, чтобы соединиться с Ли, стали одной из самых блестящих страниц в истории конфедерации.

Когда Линкольн советовался с Мак-Доуэллом о наступлении с целью нанести поражение Джексону, Мак-Доуэлл заявил ему, что он мог бы выступить в следующее же воскресенье, но его и так поносили по всей стране за то, что он начал битву при Булл-Рэне в воскресенье. Линкольн помедлил и улыбнулся: «Подготовьтесь хорошенько и выступайте в понедельник», видимо не подозревая, что, когда идет охота за Джексоном, один день может оказаться решающим.

Джексон так почитал воскресенье, что никогда, например, не отправлял письма жене так, чтобы они шли в воскресенье по почте, и не распечатывал письма от нее, пришедшие в воскресенье. Однако «с благословения всемилостивого провидения» он мог сражаться, убивать и громить врага, если воскресенье было подходящим днем для нанесения удара. Сирота, добившийся того, что его приняли в Уэст-Пойнт, Джексон закончил академию намного хуже первого ученика в его выпуске Джорджа Мак-Клеллана. Он отлично сражался в мексиканской войне, стал профессором естественной философии и артиллерийской тактики в Виргинском военном институте. Любитель книг, он особенно почитал две книги, которые всегда возил с собой в дорожном мешке: библию и томик афоризмов Наполеона о войне.

Ни один из командиров-южан, пользовавшихся расположением Ли и Дэвиса, не был таким убежденным сторонником правила, что нападение — лучший вид обороны, как Джексон, который всегда стремился прорваться на территорию северян. О своем командующем он говорил, что «Ли — это феномен. Это единственный человек, за которым я пойду с

закрытыми глазами».

В новое соединение союзных войск, получившее название Виргинской армии, вошли три армии, находившиеся под командованием Мак-Доуэлла, Банкса и Фремонта. Они были подчинены генералу Джону Поупу; однако Фремонт решил лучше подать в отставку, чем служить под командованием Поупа. Джон Поуп, уроженец Кентукки, окончивший Трансильванский университет и Уэст-Пойнт, прославился во время мексиканской войны своей храбростью. Он был инженером, топографом, исследователем; в 1860 году присоединился к республиканской партии; военная служба была делом его жизни. В результате его победы у Блакуотер в штате Миссури было захвачено 1 300 пленных, а у острова № 10 на Миссисипи — около 6 тысяч человек. Свои письма он помечал: «Штаб в седле»; в своем первом приказе по вновь сформированной армии он писал: «Я пришел к вам с Запада, где мы привыкли видеть спину наших врагов». Его самоуверенность переходила в напыщенное позерство. Ведь против Поупа сражались два крупных и испытанных полководца — Ли и Джексон.

В последнюю неделю августа 1862 года, когда Линкольн подолгу засиживался по ночам, Ли и Джексон обводили Поупа вокруг пальца. Линкольн телеграфировал Мак-Клеллану: «Каковы новости на направлении к станции Манассас? Что вообще происходит?» Мак-Клеллан ответил, что, по его мнению, остается только два выхода: один — бросить все имеющиеся силы на помощь Поупу, и второй — «предоставить Поупу самому выбираться из той переделки, в которую он попал, и использовать все средства для обеспечения безопасности столицы».

Линкольн сильно задумался над словами «предоставить Поупу самому выбираться». Не имел ли МакКлеллан в виду, что если армия Поупа может одержать победу с помощью людей из потомакской армии, то этих людей не следует посылать? Линкольн ответил Мак-Клеллану: «Я полагаю, что ваше первое предложение, а именно — «сконцентрировать все имеющиеся силы для того, чтобы восстановить связь с Поупом», — правильно. Но я не хочу приказывать. Я предоставил это теперь генералу Галлеку, которому помогут ваши советы».

Джон Хэй в своем дневнике записал разговор, который имел место, когда он с Линкольном возвращались верхом из Солджерс Хоум в Белый дом. Если бы этот разговор стал известен, страна была бы ошеломлена. «Мы разговаривали о Булл-Рэне и перспективах Поупа. Президент очень откровенно высказывался по поводу нынешнего поведения Мак-Клеллана. Он сказал, и это кажется похожим на истину, что Мак-Клеллан хочет поражения

Поупа. Президент считает, что Мак-Клеллан немножко сумасшедший. Зависть, ревность и злоба, вероятно, являются наиболее правильным объяснением поведения Мак-Клеллана. Он все время шлет послания президенту и Галлеку, спрашивая, каково его действительное положение и кем он командует… Он действует сейчас как самый большой паникер и главный дезорганизатор в армии…»

Как представлялось Линкольну и Хэю, в субботу 30 августа все шло хорошо. «Мы отправились спать, надеясь, что восход солнца принесет нам хорошие вести. Но около восьми часов, когда я одевался, ко мне в комнату вошел президент и, вызвав меня, сказал: «Джон, боюсь, что мы опять разбиты. Противник напал на Поупа, потеснил его левый фланг, и Поуп отступил к Сентрвилю, где он рассчитывал удержать своих людей. Мне это выражение не нравится. Мне не нравится, что он допускает, что его людей надо удерживать».

В воскресенье положение выглядело как будто лучше. «Президент был в самом воинственном настроении. Он часто повторял: «Мы должны разбить противника, прежде чем он уйдет».

В понедельник, когда Хэй сказал, что дела выглядят неважно, Линкольн ответил ему: «Нет, мистер Хэй, на этот раз мы должны разбить противника. Поуп должен разбить их. Если они слишком сильны для него, он может постепенно отступать к укреплениям. Если это не так и если мы действительно разбиты, мы можем с таким же успехом прекратить войну».

В результате ревности, злобы, споров, формализма, политических соображений, гордости, лени, невежества большие воинские части спокойно оставались на разбросанных позициях, в то время как Поуп дал себя обмануть; его обошли с фланга, ошеломили, его армию расчленили и отбросили от Булл-Рэна. В ходе битвы и отступления Поуп потерял из 80 тысяч 14. Ли потерял 9 тысяч из 54.

Штормовые волны паники сотрясали Вашингтон, когда туда входили остатки разбитой армии. Поезда дальнего следования были переполнены — тысячи людей покидали столицу. Здание федерального казначейства было забаррикадировано сотнями мешков с цементом. По приказу президента служащие гражданских правительственных учреждений были зачислены в армию и начали проходить военное обучение. Стентон упаковал наиболее важные документы в мешки, чтобы в случае необходимости их можно было увезти с собой на лошади.

Умиравший полковник 1-го Мичиганского кавалерийского полка писал брату и сестре: «Я умираю, как и хотел, среди

грохота битвы… Я одна из жертв глупости Поупа и предательства Мак-Доуэлла. Скажите президенту, что, если он хочет спасти страну, он не должен вручать наш славный флаг в такие руки». Это письмо было опубликовано и широко обсуждалось.

Три тысячи выздоравливавших солдат были переведены из Вашингтона в Филадельфию, чтобы освободить место для раненых при Булл-Рэне. Полы в Капитолии и в здании бюро патентов были вымыты, чтобы положить там раненых и искалеченных людей.

Во время этой второй паники, из-за нового поражения при Булл-Рэне, один лишь человек, как писал Хэй, обрадовал президента. Хаупт, железнодорожник, взял на себя обязанности, выходившие за рамки его функций: он доставлял продовольствие и снаряжение, восстанавливал мосты, следил за работой транспорта, телеграфно информировал президента о событиях, работал день и ночь почти без сна и еды. «Президент был просто поражен деловым характером его сообщений, в которых он в самых кратких выражениях передавал наиболее нужные в данный момент сведения».

Поуп был освобожден от командования и назначен на северо-запад — сдерживать там индейские племена.

В эту неделю Уэллес записал, что, по его убеждению, совпадавшему с мнением президента, «МакКлеллан и его генералы со значительной частью потомакской армии сегодня сильнее, чем правительство». Гуляя с президентом, Уэллес отметил его слова: «Я должен заставить Мак-Клеллана реорганизовать армию и вывести ее из состояния хаоса. У него был свой замысел, одна цель — свалить Поупа, не думая о последствиях этого для страны.

Ужасно видеть и знать все это, но у нас сейчас нет никаких средств против них. На стороне Мак-Клеллана армия».

Четыре члена кабинета — Стентон, Чэйз, Бэйтс и Смит — подписали бумагу, написанную Стентоном. Они решили вручить президенту протест против оставления Мак-Клеллана командующим армией, поскольку ему нельзя было больше доверять. Чэйз уговаривал и Уэллеса подписать эту бумагу. Но Уэллес воздержался, заявив, что, хотя он тоже хотел бы освободиться от Мак-Клеллана, но он считает нечестным по отношению к президенту обсуждать за его спиной такой документ. После этого документ исчез, а Чэйз явился к Уэллесу уже с новой бумагой, на этот раз написанной рукой Бэйтса, и с теми же четырьмя подписями. Уэллес сказал, что этот новый документ написан в более разумном тоне, но подписать его отказался.

Перед одним из заседаний кабинета Линкольн вместе с Галлеком приехал к Мак-Клеллану и вновь поручил ему командование армией. Однако именно те слова, которые вновь давали Мак-Клеллану власть, Линкольн не стал произносить — он предоставил это Галлеку. Как объяснял Линкольн Уэллесу: «Я не мог это сделать сам, потому что я никогда не верил, что он способен эффективно действовать».

Три дня спустя, по дороге к телеграфной конторе, Линкольн сказал Хэю: «Мак-Клеллан работает, как бобер. Похоже, что щелчок, который он получил на прошлой неделе, заставил его пошевелиться. Кабинет вчера был единогласно против него. Они все, за исключением Блэйра, готовы были обвинять меня за то, что я его не отстраняю вовсе. Он (Мак-Клеллан) плохо вел себя в данном случае, но мы должны использовать все средства. В армии нет человека, который сумеет укомплектовать людьми эти укрепления и привести в порядок войска, хоть наполовину так хорошо, как он».

Однако командовать боевыми операциями Линкольн предложил Бэрнсайду. Тот отказался, заявив президенту: «Я не думаю, что хоть один человек, кроме Мак-Клеллана, может сделать что-либо с этой армией». Линкольн согласился на увольнение трех генерал-майоров — Портера, Франклина и Гриффина, которых должны были предать военному суду за их поведение на поле боя. С болью в сердце Линкольн согласился также на вызов в следственную комиссию Мак-Доуэлла.

На одном из заседаний кабинета, когда Линкольн поднял вопрос о передвижениях по службе и попытках выдвинуть новых генералов, он, по рассказу Мак-Клюра, сказал: «Я думаю, что нам лучше подождать; быть может, наконец, появится настоящий боевой генерал, и тогда мы будем счастливы. Если мы в этой неразберихе будем к тому же перемещать людей, мы перепутаем все еще хуже».

На полях Мэриленда стояла желтая спелая пшеница. Ли и Джексон знали, что этим хлебом они могут накормить свои армии. Они двинули через Потомак свои полки в сером, состоявшие из оборванных, со стертыми ногами солдат, которые, как убедился весь мир, умели хорошо сражаться.

Мак-Клеллан со своей армией двинулся навстречу Ли. Он чувствовал себя лучше. Три его уволенных генерал-майора были реабилитированы без военного суда и возвращены ему президентом. Мак-Клеллан писал жене: «Я уверен, что правительство сейчас относится ко мне хорошо и доверяет». За все время он не писал еще жене таких хороших слов о правительстве. Его друг президент вопреки большинству

кабинета опять поставил его во главе армии.

В Белый дом пришла телеграмма, сообщавшая, что армия конфедератов под командованием Брагга в Кентукки ускользнула от армии Бюэлла, которая должна была сторожить ее. Брагг шел на север по направлению к Цинциннати и Луисвиллу; оба города были в панике. Одетые в серую форму солдаты Кирби Смита также вошли в Кентукки, выгнали законодательное собрание штата из Франкфорта и захватили Лексингтон, родину Мэри Тод-Линкольн.

«Где генерал Брагг?» — запрашивал Линкольн телеграфом нескольких командующих войсками. Он телеграфировал Бюэллу и другим: «Можете ли вы быть уверены, что Брагг со своими войсками не находится сейчас в долине Шенандоа в Виргинии?» Мак-Клеллану, который требовал подкреплений, он телеграфировал, что в его распоряжение передается 21 тысяча солдат под командованием Портера, «я посылаю вам все, что можно собрать».

Джексон Каменная Стена неожиданно напал на союзный гарнизон в Харпере Ферри и взял 11 тысяч пленных. Спустя четыре дня, 17 сентября, армия Мак-Клеллана численностью в 90 тысяч солдат встретилась у ручья Антьетам-крик с армией Ли, которая была наполовину меньше. На пшеничном поле, вокруг маленькой белой церквушки, у каменного моста, на пастбище, изрытом коровьими копытами, бушевал огненный ураган. Генерал Джозеф Хукер, побывавший в самой гуще, рассказывал: «Каждый пшеничный стебель на большей части поля был срезан очень низко, как бы ножом, а убитые лежали рядами в таком же порядке, в каком они стояли несколько минут назад».

Когда бой закончился, потери каждой стороны составляли 12 тысяч человек. Ли перешел обратно через Потомак на юг. Однако Мак-Клеллан не последовал за ним, хотя его шансы на уничтожение армии конфедератов Лонгстрит оценивал следующим образом: «Мы потерпели такое поражение, что к концу дня десять тысяч свежих войск северян могли бы захватить армию Ли и все, что у нее было. Но МакКлеллан не знал этого». У Мак-Клеллана было два солдата против каждого солдата противника, он имел полный перевес в артиллерии, ружьях и снабжении. В армии Мак-Клеллана на поверке откликнулось 93 тысячи человек, в то время как Ли вошел в долину Шенандоа с армией менее 40 тысяч.

Спустя десять дней после битвы у Антьетама Мак-Клеллан писал жене: «До сих пор я не услышал ни одного слова из Вашингтона по поводу битвы у Антьетама… кроме письма президента в следующих замечательных выражениях: «Получил

ваше сообщение. Благослови вас бог и всех, кто с вами! Не можете ли вы уничтожить их раньше, чем они уйдут?» Ради своих собственных целей и личного удовлетворения Мак-Клеллан неправильно процитировал письмо президента. На самом деле Линкольн написал: «Благослови вас бог и всех, кто с вами. Если возможно, уничтожьте мятежную армию».

Конгрессмен Уильям Келли из Питсбурга явился в Белый дом и обсуждал с Линкольном сведения о том, что у Мак-Клеллана имелся резервный корпус в 30 тысяч человек под командованием Портера. Этот корпус совсем не вступал в бой и сохранил полностью все боеприпасы к концу битвы.

По словам Келли, Линкольн был медлителен и осторожен, когда сказал: «Я теперь сильнее в отношении потомакской армии, чем Мак-Клеллан. Верховенство гражданской власти восстановлено, и президент опять является хозяином положения. Войска знают, что если я допустил ошибку, заменив МакКлеллана Поупом, я сумел ее исправить, опять доверившись ему. Они знают также, что ни я, ни Стентон ничего не забирали у него в битве при Антьетаме и что виновато не правительство, а их бывший кумир, который, понеся огромные потери, не использовал всех имевшихся у него возможностей для разгрома противника и закончил великую битву вничью, в то время как если бы он бросил свежий корпус Портера и другие имевшиеся войска на армию Ли, он обязательно сбросил бы его армию, отступавшую в полном беспорядке, в реку и захватил бы большую ее часть еще до захода солнца».

В этот период Линкольн понимал, что в некотором смысле война по-настоящему еще не началась. Он высказал эту точку зрения женщинам, собравшимся на национальный совет по организации помощи больным и раненым на поле боя. Перед тем как разъехаться по домам, они посетили президента и попросили его сказать им несколько ободряющих слов.

— У меня нет ободряющих слов, — последовал медленный и прямой ответ.

Женщины молчали. Они понимали, что президент говорит им то, чего не может сказать всей стране. Линкольн продолжал:

— Дело в том, что народ еще не понял, что мы находимся в войне с Югом. Люди еще не пришли к решимости драться в полную силу. У них в головах все еще сидит идея, что мы можем как-то выбраться из этого тяжелого положения благодаря одной стратегии. Вот в чем дело — стратегия! Генерал МакКлеллан думает, что он может разбить мятежников стратегией, и так же думает армия.

Одна из женщин напомнила о сотнях тысяч добровольцев, о

храбрых действиях солдат в битвах у Донелсона, у Пи Ридж, у Щайло. Президент согласился с этим и вернулся к своей мысли.

— Я говорю вам, что народ еще не понял, что мы ведем войну. Все думают, что есть легкий путь к миру и что генерал Мак-Клеллан найдет его. Армия еще не прониклась твердым убеждением, что мы ведем страшную войну, которую нужно довести до конца, и офицеры тоже еще не прониклись этим… Во всех полках две трети людей отсутствуют — многие дезертировали, а многие находятся в отпуске, который им дают офицеры, — это очень плохо. Количество дезертиров и отпускников превышает количество рекрутов.

Одна из женщин спросила:

— А нельзя ввести смертную казнь за дезертирство?

— О нет, нет! — ответил президент и покачал головой. — Если я начну пачками расстреливать людей за дезертирство, поднимется такой крик, которого я еще в жизни не слышал. И поделом! Нельзя расстреливать людей пачками. Народ не станет терпеть этого и не должен терпеть. Нет, мы должны изменить положение дел каким-нибудь другим путем.

Миссис Ливермор запомнила его лицо, прорезанное резкими морщинами, чуть пошатывающуюся походку, словно человек ходил во сне.

ВОПРОС О РАБСТВЕ

1. Предварительное провозглашение свободы для негров

Слепая теща конгрессмена-республиканца Фрэнка Блэйра любила повторять:

— Больше всего на свете я ненавижу рабство, если не считать движения за освобождение от рабства.

Итак, в ней боролись две ненависти, и она сама не могла определить, какая из них была сильнее. Подобные же страсти раздирали всю страну. В итоге они вызвали войну.

Линкольну стал известен случай с негром-рабом, сбежавшим от своего хозяина. Негр приехал в Вашингтон, и гут его арестовали. Чэйз и Монтгомери Блэйр, поспорив о его судьбе, пришли за разрешением спора к Линкольну. Чэйз хотел направить арестованного в армию Союза. Блэйр настаивал на применении закона о беглых рабах и требовал возвращения негра владельцу. Линкольн ничего определенного им не сказал.

Многие экстремисты соглашались с мнением Уэнделла Филлипса, выступившего н. а митинге 1 августа 1862 года: он утверждал, что у президента «нет своего мнения. Он не произнес ни единого слова, которое дало бы хоть малейшее представление о его намерениях ‘В вопросе об отмене рабства. Вероятно, он человек честный; однако никого не интересует, честна ли черепаха или нет. У президента нет ни интуиции, ни предвидения, ни решимости».

Друг президента генерал-майор Дэвид Хантер конфисковал всех рабов в Южной Каролине и объявил их свободными. Более того, придя к выводу, что военное положение и рабство несовместимы, генерал объявил «свободными навеки» всех рабов Джорджии и Флориды. Чэйз настаивал на признании приказов генерала действительными, так как 9/10 населения страны было за них.

Линкольн написал Чэйзу: «Ни один генерал, командующий округом или районом, не имеет права так поступать, не посоветовавшись со мной. Ответственность за это лежит на мне». Линкольн считал, что федеральное правительство должно договариваться с любым рабовладельческим штатом о постепенном освобождении рабов при условии компенсации. Линкольн верил, что реализация такого плана помогла бы быстро покончить с войной. Поскольку в пограничных штатах рабы были бы освобождены посредством выкупа, то штаты дальше к югу поняли бы, что они не в состоянии сами долго воевать.

Но надежды Линкольна на то, что народ согласится освободить рабов посредством выкупа, не оправдались. Слишком глубока была ненависть к Линкольну и его делам среди тех слоев в Кентукки, которые связали свою судьбу с Джефферсоном Дэвисом.

В первых числах августа 1862 года Самнэр охарактеризовал Линкольна в письме к Джону Брайту в Англию: «Его очень трудно стронуть с места… Я настаивал на том, чтобы он издал именно 4 июля указ об освобождении негров, доказывая, что таким образом он сделает этот день еще более священным и историческим. Он ответил: «Я бы так и сделал, если бы не опасение, что половина наших офицеров бросит оружие и еще три штата присоединятся к мятежникам».

В письме от 22 августа 1862 года Линкольн рассказал стране в простых, но искусно составленных фразах о целях войны так, как он их понимал. Оно было перепечатано почти всей прессой и, вероятно, дошло до каждого, кто мог читать.

> «…Я хочу спасти Союз. Я хочу спасти его как можно скорее, не нарушая при этом конституции… Если бы я мог спасти Союз, не освободив при этом ни одного раба, я бы это сделал; если бы я мог спасти Союз, освободив при этом всех рабов, я бы это сделал; если бы при этом можно было освободить только часть рабов, я бы это сделал. Все, что я делаю в отношении рабства и цветной расы, я делаю потому, что надеюсь этим спасти Союз…
>
> Я здесь изложил свои цели в соответствии с моим пониманием своих обязанностей как должностного лица; вместе с тем я не намерен изменять многократно выраженное мной личное желание видеть повсюду всех людей свободными».

В беседе с двумя священниками Линкольн серьезно сказал:

— Когда придет час решить вопрос о рабстве, я надеюсь, что я буду готов выполнить свой долг, хотя бы это мне стоило жизни. И, джентльмены, это будет стоить жизни многим.

В лето 1862 года Линкольну приходилось считаться с такими случаями, как выступление союзного офицера, республиканца, на массовом митинге по вербовке солдат в Индиане. Когда он сказал: «Я ненавижу негра больше, чем дьявола», толпа бурно ему аплодировала.

Вместе с тем население пограничных штатов постепенно меняло свою точку зрения. Браунинг записал в своем дневнике: «Я беседовал с президентом. Вошел Гарет Дэвис — сенатор из

Кентукки. Возник разговор о рабстве. Дэвис сказал, что ради спасения Союза он готов, если это необходимо, согласиться с отменой рабства. Этот вопрос очень разволновал президента».

Конечно, многие жители пограничных штатов были в полном смятении: по их земле и городам, наступая и отступая, двигались армии; бандиты опустошали их фермы, амбары, угоняли скот; доносчики переметывались то к одной, то к другой воюющей стороне; торговцы и крупные коммерсанты торговали с теми и с другими, лишь бы цена была повыше.

В письме к одному жителю Нового Орлеана Линкольн подчеркивал, что имеются такие сторонники Союза, которые ничем не хотят помочь правительству, но в то же время выступают против мер, которые правительство предпринимает без их помощи. Они хотят остаться в роли наблюдателей, не примыкая окончательно ни к одной из сторон. Конечно, были сторонники Союза, чья преданность была выше похвалы. Но были и такие, чьи советы могли привести только к капитуляции правительства перед врагом. Сам Линкольн не был склонен к хвастовству. «Я сделаю не больше того, что смогу. Но я сделаю все, что в моих силах, чтобы спасти правительство. Это мой долг по присяге и мое личное желание… Я ничего не сделаю со зла. Мои задачи слишком величественны — злоба не может быть побудителем для моих действий».

Генерал-майор Кассий Клэй, в свое время редактировавший антирабовладельческий журнал «Тру американ», агитировал за Линкольна в Кентукки во время предвыборной кампании в 1860 году; тогда он подвергся нападению со стороны рабовладельца, ранившего его в грудь чуть повыше сердца; Клэй сумел тут же вонзить в живот противника по самую рукоятку свой длинный охотничий нож. Этот мускулистый тяжеловес, вернувшись с дипломатической миссией из России, посоветовал Линкольну освободить рабов, ибо европейские правительства готовы признать конфедерацию и предпринять интервенцию. Провозглашение свободы негров застопорит действия монархов Европы.

— Кентукки поднимается против нас, — сказал Линкольн, — а нам и так хватает забот.

Но Клэй решительно возразил:

— Вы ошибаетесь…

Линкольн, поразмыслив, сказал:

— Сейчас идет сессия законодательного собрания Кентукки, поезжайте туда и посмотрите, как они настроены; потом сообщите мне.

Клэй туда поехал и застал палату, спасающуюся бегством от

наступающих армий конфедератов.

Джон Мотли, посол в Вене, сообщил в письме, что он посетил Лондон, Париж, Берлин и пришел к выводу, что только три условия могут предотвратить признание конфедерации европейцами: 1. Крупное и решающее поражение конфедератов. 2. Захват портов со складами хлопка и продажа больших партий хлопка фабрикам в Европе. 3. Четкая политика в вопросе эмансипации рабов.

То же самое сообщал Карл Шурц из Мадрида. Линкольну все это было известно, и по совету Джона Брайта, члена британской палаты общин, он послал ему проект резолюции для использования при соответствующих обстоятельствах:

> «Поскольку до сих пор государства и народы терпеливо относились к рабству, недавно, впервые в мире, была сделана попытка создать новое государство, главной и принципиальной основой которого является задача сохранить, развить и увековечить рабство людей; постольку решено, что никакое такое зародышевое государство не может быть признано или допущено в семью христианских, цивилизованных народов и что все христиане и цивилизованные люди во всём мире должны всеми законными мерами всемерно препятствовать такому признанию и допущению».

14 августа 1862 года по приглашению президента в Дом правительства прибыл первый комитет свободных негров. Линкольн сообщил приглашенным, что конгресс предоставил в его распоряжение некоторую сумму денег для «колонизации лиц африканского происхождения», — проект этот был предложен Линкольном.

— Почему, — спросил Линкольн, — нужно колонизировать людей вашей расы и в какой стране их поселить?.. Почему должны они уехать отсюда? Вашим людям причиняют здесь превеликие мучения, да и наши страдают от этого соседства… Ваша раса, по моему суждению, терпит величайшие несправедливости, когда-либо причиненные какому-либо народу. Даже будучи свободными, вы унижены тем, что вас не уравнивают с белой расой…

Линкольн предложил им план переезда в одну из стран Центральной Америки, богатую углем, земельными угодьями, гаванями и т. п. От них самих зависит выбор занятий.

— Можете ли вы выделить сто сравнительно смышленых людей с женами и детьми, способных прокормить себя, так сказать? Или пятьдесят? Если бы даже двадцать пять

работоспособных мужчин с семьями… можно было бы успешно начать переселение.

Но свободные негры не проявили никакого энтузиазма. Правительство республики Новой Гранады не давало никаких гарантий безопасности для переселенцев.

Линкольн подписал постановление, положившее конец рабству в округе Колумбии: федеральное правительство собиралось выкупить рабов по ценам, не превышавшим 200 долларов за каждого. По предложению президента освобожденные обеспечивались билетами для переезда пароходом в Либерию или Гаити. Это постановление конгресса и президента было лишь одним из многих решений, которые своими ударами пробивали бреши в статусе рабства, постепенно разрушая его подпорки и бастионы.

Президент предложил, и конгресс принял постановление о признании республик Гаити и Либерии; однако министерство иностранных дел заявило, что оно не примет негра в качестве посла. Президент Гаити поблагодарил президента США и просил передать, что если Линкольн пожелает, то Гаити воздержится от назначения послом негра. Линкольн помялся чуть-чуть, затем протянул:

— Можете передать президенту Гаити, что я не буду рвать на себе волосы, если он пришлет чернокожего.

Конгресс дополнил законы военного времени и запретил армейским и флотским офицерам любого ранга использовать подчиненные им воинские силы для поимки и возвращения владельцам беглых рабов. Начаты были переговоры с Великобританией о запрещении и пресечении торговли африканскими рабами. Конгресс принял постановление о признании свободными всех рабов на новых территориях. Другие постановления предусматривали начальное обучение для негритянских детей и предоставление неграм права занимать должности почтальонов.

Все эти постановления конгресса получили свое завершение в законе о конфискации, подписанном президентом в июле 1862 года. По этому закону все рабы, принадлежавшие осужденным за измену или мятеж, признавались свободными. Больше того, рабы мятежников, перебежавших за линию фронта, рабы, принадлежавшие бежавшим из страны, или рабы, обнаруженные союзной армией на территории, находившейся до того в руках мятежников, должны быть признаны военнопленными и освобождены. Другие постановления гласили, что рабы, бежавшие на Север, получали право работать по найму и выкупить себя из рабства; президенту давалось право вербовать и нанимать негров

для работы в воинских лагерях, для службы в армии, а жены и дети, матери этих негров, если они были рабами воевавших мятежников, объявлялись свободными; президенту давалось право «нанимать такое количество лиц африканского происхождения, сколько он сочтет необходимым и достаточным для подавления мятежа…».

Линкольн поначалу намеревался наложить вето на закон о конфискации и изменить его. Но он подписал его и вернул с приложенным к нему проектом вето, предназначенным для истории. Вот выдержка из этого документа: «…удивительно, что конгресс может взять на себя непосредственное освобождение негров в пределах штата. Если бы в постановлении было сказано, что раб сначала становится имуществом государства, а потом конгресс его освобождает, легальные препятствия сразу отпали бы».

Таким образом, все постановления, принятые конгрессом, нисколько не затрагивали права рабовладельцев, оставшихся лояльными по отношению к Союзу, и рабовладельцев, не участвовавших в мятеже. Но таких было немного.

В разгаре этих зигзагов в политике «Харпере уикли» в передовице одного из своих майских номеров доказывал, что «провидение удостоило США таким президентом, вождем, чьи моральные принципы не затемнены ни софистикой, ни энтузиазмом — он знает, что прочных результатов можно добиться постепенно…».

22 июля 1862 года Линкольн созвал заседание кабинета. Как он сам потом рассказывал:

— Я понял, что мы… должны переменить нашу тактику или проиграть. Я решил осуществить освобождение негров… Я набросал проект Декларации и… сказал министрам… что созвал их не для того, чтобы спрашивать их совета, а для того, чтобы ознакомить их с содержанием декларации, после чего будут рассматриваться их замечания… Смысл выступления Сьюарда: «Мистер президент, я одобряю Декларацию, но сомнительно, стоит ли обнародовать ее в данный момент… Этот акт может быть воспринят как последняя попытка вконец ослабевшего правительства, как вопль о помощи…» Я забрал Декларацию… Затем пришли вести о разгроме Поупа у Булл-Рэна. Положение стало мрачнее, чем когда-либо. Потом началась битва под Антьетамом. В среду мы получили сообщение, что наши берут верх… Я закончил второй вариант предварительного проекта Декларации… созвал кабинет, прочел им, и в ближайший понедельник Декларация была опубликована».

Это заседание состоялось 22 сентября 1862 года. Президент

открыл его сообщением о том, что Артемус Уорд прислал ему свою книгу и прочел главу, которую он счел очень смешной. Линкольну понравилась клоунада Уорда, понравилась она и другим членам кабинета. Один Стентон сидел мрачный и насупленный.

Затем. Линкольн посерьезнел и прочел Декларацию.

По инициативе Кэртина 24 сентября состоялось совещание губернаторов северных штатов; цель совещания — «принять меры к усилению помощи правительству». У губернаторов была мысль оказать давление на президента с тем, чтобы он отстранил Мак-Клеллана и опубликовал какую-то определенную Декларацию по вопросу о неграх. Но битва под Антьетамом и опубликование в тот день Декларации выбили почву у них из-под ног. Шестнадцать губернаторов подписали обращение к президенту, в котором они заявляли о своей лояльности Союзу, одобряли политику освобождения и предлагали призвать еще 100 тысяч солдат для организации специального резервного корпуса на случай крайней необходимости. Пять губернаторов воздержались и не подписались под заявлением. Все они были из рабовладельческих штатов: Кентукки, Миссури, Мэриленда, Делавэра и северного округа Нью-Джерси. Подтверждая свою лояльность Союзу и поддержку президенту, эти пять губернаторов не могли одобрить Декларацию об освобождении.

Демократическая партия, готовясь к ноябрьским выборам, выдвинула тезис, что война за Союз превратилась в войну за освобождение негров. Луисвиллский «Демократ» и другие газеты утверждали, что Линкольн переметнулся к радикалам.

Но были не только газеты — был еще народ. Линкольну важно было знать, что он думает. Многие называли Декларацию исторической, великой, а ее автора — бессмертным. Линкольн писал в письме с пометкой «строго конфиденциально», что: «… наряду с похвалой газет и выдающихся деятелей, полностью удовлетворяющих тщеславие автора, налицо уменьшение запасов снабжения, а приток рекрутов замедлился как никогда».

Обнародовав Декларацию, президент уподобился химику, бросившему в бурлящий, содрогающийся сосуд сильнодействующий ингредиент. Оттенки и течения изменились, усилились. В глубине возникли новые потоки. В реакции трудно было разобраться. Но за этой неразберихой и смещениями можно было учуять глубокие и необратимые изменения.

Декларация была обращена не только к Северной и Южной Америке, но и к Европе. В Англии из-за хлопкового голода 500 тысяч человек оказались без работы. Только в одном текстильном районе Франции 130 тысяч человек ходили без дела. И тем не

менее массы в этих странах стояли за Север, а не за Юг.

Ни пресса, ни премьер Пальмерстон, ни мнение правящих классов Англии не могли повлиять на глубоко заложенный инстинкт свободолюбия масс, откликнувшихся на призыв правительства Линкольна, а не ричмондского Дэвиса. В правящих кругах пришли к выводу, что любому европейскому правительству стало труднее теперь решиться на признание Юга.

Волна ярости залила Юг. Линкольн нарушил все законы цивилизованной войны, попрал право частной собственности, он подстрекает негров убивать, насиловать, жечь — так утверждали государственные деятели, ораторы, газеты.

В последних числах этого печального сентября Линкольн признался в том, что его мучает одна загадка. Он изложил свои мысли на листке бумаги, но оставил его у себя на столе — обнародовать их он не собирался. Джон Хэй снял копию с этой записи: «Воля господа довлеет над нами. В борьбе крупных сил каждая сторона заявляет, что она действует по воле бога. Обе стороны могут ошибаться, одна из них наверняка. Как же бог может быть за и против одного и того же дела одновременно?»

2. Медлительность Мак-Клеллана. Потери на выборах. Фредериксберг. Послание 1862 года

Из американского посольства в Париже Джон Байгилоу писал Уйду: «Почему Линкольн не расстреляет кого-нибудь?»

В первых числах октября 1862 года губернатор Индианы Мортон писал президенту: «Еще три таких месяца, как последние шесть, и мы погибли… погибли». С каждым днем политические вопросы все больше переплетались с военными. На ряде заседаний кабинета в конце сентября месяца 1862 года разбирался вопрос о высылке освобожденных негров. Блэнр и Бэйтс, оба из Миссури, настаивали на насильственной высылке из страны; президент считал, что помочь с выездом нужно тем, кто сам захочет уехать.

В личной беседе Чэйз говорил Уэллесу, что Стентон считает своим долгом подать в отставку. Уэллес записал: «Чэйз сказал, что если уйдет Стентон, то и он уйдет. Он считает, что мы все должны поддержать Стентона, и если уйдет один, то должны уйти все».

Чэйз усиленно готовил почву для развала кабинета.

Над всеми текущими вопросами доминировала проблема армии Мак-Клеллана: как заставить ее двинуться с места? Мак-Клеллан все еще не нарушал «отдыха» своих частей. В связи с этим некий визитер спросил Линкольна, сколько, по его мнению, солдат в действующей армии мятежников.

Линкольн вполне серьезно ответил:

— По словам крупнейшего авторитета, один миллион двести тысяч.

Визитер побледнел и воскликнул:

— Мой бог!

— Да, сэр, — продолжал президент, — можете не сомневаться — один миллион двести тысяч. Посудите сами, все наши генералы, когда их громят, утверждают, что силы противника превосходили их в три-пять раз, и я обязан им верить. У нас в действующей армии четыреста тысяч. Помножьте это на три. Понятно?

1 октября Линкольн, не известив об этом МакКлеллана, выехал в лагеря потомакской армии. МакКлеллан узнал об этом, когда Линкольн был уже в пути, выехал ему навстречу и очень обрадовался, что с президентом не было министров и политических деятелей, «просто несколько офицеров с Запада».

Мак-Клеллан написал своей жене: «Его официальная цель — ознакомиться с позициями и войсками; я склонен думать, что настоящей его целью является заставить меня преждевременно начать наступление на Виргинию».

На рассвете Линкольн вдвоем с бывшим чиновником штата Иллинойс О. Хатчем поднялся на высотку, господствовавшую над лагерем. Показавшееся из-за гор солнце осветило пробуждавшуюся армию, занятую обычными утренними делами. Жестрм отчаяния Линкольн обвел округу и, наклонившись к Хатчу, прошептал сиплым голосом:

— Хатч… Хатч, что это там движется?

— Ну как же, мистер Линкольн, это же потомакская армия.

Линкольн чуть задумался, выпрямился и сказал ясным и чистым голосом:

— Нет, Хатч, нет! Это личная охрана генерала Мак-Клеллана.

Больше ничего не было сказано. Не спеша они вернулись в свою палатку.

На смотре Линкольн обратился с речью к солдатам, поблагодарил их за службу и выразил надежду, что их дети и дети их детей на тысячу поколений вперед будут наслаждаться счастливой жизнью в объединенной стране.

Проходя мимо дома, в котором находились раненые конфедераты, Линкольн пожелал зайти к ним. Он сказал конфедератам, что они стали «врагами по не зависящим от них обстоятельствам». Последовала пауза, затем конфедераты окружили его, чтобы пожать ему руку.

Через два дня Линкольн вернулся в Вашингтон, и Галлек тут же послал телеграмму Мак-Клеллану: «Президент приказывает вам перейти реку Потомак и навязать бой противнику или заставить его отойти на юг. Вашей армии надлежит перейти в наступление, пока дороги в хорошем состоянии». Мак-Клеллан просил предоставить ему отпуск и отсрочить наступление. Сам Линкольн работал без отдыха, но Мак-Клеллану он телеграфировал: «Вы хотите повидать свою семью, я иду навстречу вашему желанию». Генерал уехал в Филадельфию к жене и дочери.

С момента боев под Антьетамом прошло три недели. Мак-Клеллан со своей армией в 100 тысяч человек все еще стоял к северу от Потомака. А Ли тем временем комплектовал в Виргинии свежие части.

Неоднократно Линкольн говорил о Мак-Клеллане как о человеке, больном медлительностью. Рассказывали о диалоге, имевшем место между одним крупным чиновником и Линкольном.

— Я доложу о результатах поездки, если найду армию, — сказал чиновник, получая пропуск к МакКлеллану.

— О, вы ее найдете, — сказал Линкольн. — Она на месте. В этом-то и вся беда.

Мак-Клеллан все же тронулся с места. Он не спеша переправил армию через Потомак и занял плацдарм, который занимал Поуп перед второй битвой под Булл-Рэном. Стоял ноябрь. Линкольн сказал Джону Хэю, что это последнее испытание Мак-Клеллана. Если он даст Ли возможность перейти через хребет Блю Ридж и стать между Ричмондом и потомакской армией, он отстранит Мак-Клеллана от командования. Когда армия Ли подошла к Калперер Корт-хауз, испытание Мак-Клеллана закончилось.

Выборы в ноябре 1862 года почти удвоили количество конгрессменов-демократов: вместо 45 их стало 75. В пяти штатах Линкольн два года тому назад получил большинство; теперь в этих штатах его партия понесла потери. Демократ Хорэйшио Симур стал губернатором Нью-Йорка. «Таймс» утверждала, что голосование показало «отсутствие доверия» к президенту.

«Лезлиз уикли» сообщала: «Когда полковник Форни спросил Линкольна, как он относится к событиям в Нью-Йорке, он ответил:

— Так же, как некий юноша в Кентукки; он бежал на свидание со своей любимой и сильно стукнулся пальцем о камень. Схватившись за палец, юноша подумал, что он слишком взрослый, чтобы плакать, но ему было слишком больно, чтобы он мог смеяться».

В письме к Карлу Шурцу Линкольн указал три причины, приведшие к поражению на выборах «1. Наши друзья-республиканцы ушли на фронт, и поэтому демократы оказались в большинстве. 2. Демократы это поняли и приняли все меры, чтобы вернуть себе власть. 3. Наша печать, понося и унижая правительство, дала им в руки сильное оружие для достижения этой цели. Конечно, и наши военные неудачи имеют к этому отношение».

Из республиканцев лишь один Келли был переизбран значительным большинством голосов. Линкольну захотелось узнать, почему он победил. Келли сказал, что шесть месяцев назад и он потерпел бы поражение, но на сей раз он добился победы, выступая с требованием назначения боевого генерала вместо МакКлеллана.

Наступил день, когда Мак-Клеллану вручили приказ о его отстранении от командования потомакской армией. Мак-Клеллан написал прощальное письмо к армии. Солдаты отнеслись к нему

благожелательно. Там, где проходил Мак-Клеллан, солдаты приветливо встречали его. Замещавший его Бэрнсайд чуть не плакал, рассказывая Мак-Клеллану, что он отказывался от этого поста до тех пор, пока ему не было строго приказано.

Почему Линкольн назначил Бэрнсайда? Потому что последний был другом Мак-Клеллана и мог воспользоваться благожелательным отношением армии к прежнему командующему. Кроме того, Линкольн знал, что Бэрнсайд не занимался заговорами, интригами, армейским политиканством, что он очень лоялен и чистосердечен.

Линкольн был огорчен, что новый командующий отверг план, присланный из Вашингтона. Однако президент согласился с планом Бэрнсайда при условии, что тот будет «быстро действовать». Линкольн не удовольствовался поездкой Галлека к Бэрнсайду и поехал к нему лично. У них была длительная беседа.

Наступил день сражения под Фредериксбергом, где Ли устроил ловушку потомакской армии. У Ли было 72 тысячи солдат. Он подготовился к бою и ждал Бэрнсайда с его армией в 113 тысяч. Целый месяц Бэрнсайд ждал понтонов для переправы через реку. Ли за это время все рассчитал, и, когда части союзной армии переправились, с гор на них обрушились огонь и металл. Дороги были изрыты окопчиками, в которых залегли стрелки, спокойно упражнявшиеся по живым целям. Мигер повел свою Ирландскую бригаду численностью в 1 315 человек в атаку, но отступил, оставив на скованной морозом горе 545 солдат. Дивизия Ханкока потеряла 40 процентов своего состава. Между утренним туманом и вечерними сумерками союзная армия потеряла 7 тысяч убитыми и ранеными. 48 часов пролежали они на морозе, прежде чем удалось их подобрать. Многие сгорели в высокой траве, подожженной снарядами. В итоге боя конфедераты потеряли 5 309 человек, федеральные войска — 12 653. Бэрнсайд был чрезвычайно огорчен исходом боя и готов был броситься во главе своего старого 9-го корпуса в атаку на каменную стену и неприятельские 300 пушек. Но штабные отговорили его от этого плана. Бэрнсайд отвел свои войска из-под Фредериксберга обратно через Раппаханок на прежние позиции.

Моральному состоянию армии был нанесен сильный удар. Солдаты показали необычайную храбрость, но что они могли сделать с такими командирами? Этот вопрос их мучал. На смотре вместо приветствий генерала встретили улюлюканием. Кое-кто винил не Бэрнсайда, а Линкольна. Еще больше офицеров подало в отставку, усилилось дезертирство.

Лейтенант Уильям Лэск писал своей матери: «Увы, бедная моя родина! У нее сильные ноги для маршей, у нее храброе

сердце и много смелости, но… мозги, мозги… Наверное, у старины Эйби припасен какой-нибудь анекдот на этот случай… Верю, что Бэрнсайд храбр и честен, не сомневаюсь, что президент честен, но «знай сверчок свой шесток». Пусть Линкольн упражняет свой талант в раскалывании брусков. Предпочитаю видеть Мак-Клеллана, а не Линкольна во главе армии».

Бэрнсайд отправил Галлеку письмо, в котором сообщил, что всю вину берет на себя. Президент обратился с посланием к армии: «Хотя вы потерпели неудачу, но эта попытка не была ошибкой; эта неудача — чистая случайность… Вы обладаете всеми качествами великой армии; эти качества обеспечат победу делу страны».

Думал ли президент о результатах битвы одно, а вслух высказывал другое? Уильям Стодард, работавший в штабе Белого дома, отрицал это в своем письме: «Мы потеряли на 50 процентов больше неприятеля. И все же в ужасной арифметике Линкольна есть свой резон. Он говорит, что если бы в течение недели мы каждый день в результате боев имели такое же соотношение потерь, армия Ли была бы уничтожена бесследно, а потомакская армия все еще осталась бы полной сил; с войной было бы покончено, с конфедерацией также. Мы пока еще не нашли в нашей среде такого генерала, который мог бы примириться с этой арифметикой, но когда мы его найдем, мы приблизим конец войны».

Т. Барнет, клерк министерства внутренних дел, записал в своем дневнике слова Линкольна после разгрома под Фредериксбергом: «Если есть место хуже ада, я на этом месте».

Прошла неделя, и у Бэрнсайда созрел план нового сражения. Это было трудное для Бэрнсайда время, ибо в один и тот же день он получил предупреждение Линкольна не двигаться и телеграмму Галлека «нажать на врага».

Линкольн написал Галлеку, чтобы он поехал к Бэрнсайду, ознакомился с его планами, побеседовал с офицерами, узнал их мнение и настроение. «Проверьте все всесторонне и составьте свое собственное мнение; лишь после этого скажите генералу Бэрнсайду, одобряете вы его план или нет. Ваша поенная квалификация не принесет никакой пользы, если вы всего этого не сделаете».

Галлек расценил это письмо как инсинуацию. Он попросил освободить его от обязанностей главнокомандующего. Линкольна в тот момент не устраивал уход Галлека; кроме того, ему совсем не хотелось задевать самолюбие генерала. Президент взял свое письмо обратно; Галлек взял обратно просьбу об отставке.

Послание президента конгрессу 1 декабря 1862 года

начиналось с высказываний о Союзе, рабстве и неграх. «Можно сказать, что нация состоит из территории, народа и законов». Из этих компонентов только территория остается в известной степени неизменной. Меняются законы, люди умирают, страна остается.

Конгрессу должно быть предоставлено исключительное право ассигновать деньги и другие средства для колонизации свободных цветных людей. «Не будь рабства, не было бы и мятежа; с отменой рабства мятеж не сможет дольше продолжаться». Кое-кто настаивал на колонизации, мотивируя это тем, что свободные негры будут отнимать работу у белых рабочих, но против такой установки Линкольн возражал. Ничто не должно остановить борьбы за полное освобождение негров. Освобождение негров покончит с войной и сохранит Союз на вечные времена.

> «Догмы мирного прошлого не пригодны для бурных дней настоящего. Положение чрезвычайно трудное, но мы должны подняться до уровня требований момента. Так как перед нами новая ситуация, то мы должны и думать по-новому и действовать по-новому… Давая свободу рабам, мы обеспечиваем свободу свободным людям. Это одинаково почетно и в том, что мы даем, и в том, что мы сохраняем».

В последнем абзаце послания Линкольн пытался затронуть чувства людей. «Соотечественники! Мы не можем уйти от истории. Мы, члены этого конгресса и правительства, останемся в памяти людей независимо от того, хотим мы этого или нет. Личное значение или ничтожность каждого из нас никогда никого не смогут выручить. Мы проходим проверку огнем, и пламя его осветит все наши дела, благородные и бесчестные, для всех последующих поколений».

Путь к спасению Союза — «путь простой, мирный, справедливый, великодушный. Если мы пойдем по этому пути, мы заслужим вечное одобрение всего мира и бог будет вечно нас благословлять».

Что дало послание? Ничего, кроме робкого нащупывания путей к освобождению с компенсацией в рабовладельческом штате Миссури. Пограничные штаты, не имея единого мнения, не проявили решительности. Они еще не стали неотъемлемой частью Союза.

18 декабря Лексингтон и Кентукки снова были захвачены конфедератами, после того как части Бедфорда Фореста совершили рейд и прогнали иллинойскую кавалерию полковника

Роберта Ингерсола.

Декабрьское послание президента было компромиссом. Его целью было задобрить все стороны, слишком враждебные, чтобы их можно было объединить для совместных действий. Так говорили одни. Другие утверждали, что освобождение негров — конек президента. Как выходец из пограничного штата он не представлял себе, что рабство должно уничтожить с корнем и сразу. Но даже для многих из тех, кто не соглашался с ним или с тем, что план Линкольна выполним, было ясно, что он искренне стремится поднять знамя, за которым стоит пойти даже ценой жертв.

Декабрьское послание прокладывало путь Декларации об освобождении, если президент решит обнародовать ее 1 января 1863 года. Радикалы — сторонники освобождения утверждали, что президент не осмелится опубликовать Декларацию. Некоторые деятели из пограничных штатов говорили, что он не посмеет конфисковать имущество стоимостью в миллиарды долларов. Многие армейские офицеры открыто говорили, что опубликование Декларации приведет к массовому дезертирству, что целые роты и полки в полном составе сложат оружие.

Сенатор Браунинг записал в своем дневнике, что «…у президента явная галлюцинация — он считает, что конгресс может покончить с мятежом, если он утвердит его (Линкольна) план освобождения с компенсацией».

3. Буря над кабинетом министров. Мерфрисборо

Когда Чэйз сказал сенатору Фесендену, что на президента оказывается «влияние с черного хода», он был уверен, что Фесенден поймет и подумает о Сьюарде.

Сенаторы-республиканцы на тайном собрании, состоявшемся 15 декабря 1862 года, обсуждали письмо Сьюарда, написанное им шесть месяцев тому назад. Сенатор Самнэр предварительно показал это письмо Линкольну с целью узнать, одобрил ли он его содержание. Линкольн сказал, что он его впервые видит. Об этом узнали газеты и открыли огонь по Сьюарду. Радикалы настаивали на том, что это еще одно доказательство влияния Сьюарда на президента «с черного хода», парализующего лучшие намерения Линкольна.

Фесенден описал ход обсуждения письма на тайном совещании: «Мистер Уилкинсон выразил мнение, что страна погублена и дело проиграно… Мистер Сьюард, сказал он. нисколько не верил в справедливость войны, и до тех пор, пока он останется в кабинете, нельзя ожидать ничего, кроме поражения и катастрофы. После выступления Уилкинсона несколько минут царила тишина».

Сенатор Коламер видел трудность в том, что у президента в строгом смысле слова нет настоящего кабинета министров. Фесенден сказал, что долг сенаторов разобраться в этом кризисе и действовать с большой осторожностью, чтобы не вызвать смятения в стране и не ослабить позиции президента.

Браунинг в своем дневнике отметил, что «старина Бен Уэйд в долгой речи потребовал, чтобы сенат в полном составе пошел к президенту и настоял на отстранении Сьюарда…»

На следующий день тайное собрание избрало делегацию из девяти. Она должна была «предложить президенту изменить политику и сделать перестановки в кабинете; это увеличит единство и силу правительства».

Тайное собрание еще не закончилось, а сенатор Престон Кинг уже спешил к Сьюарду, чтобы все ему рассказать. Сьюард пожевал сигару и сказал:

— Они могут принимать в отношении меня какие угодно решения, но поставить президента в ложное положение я не дам.

Он тут же написал президенту записку, в которой просил о немедленной отставке. Через пять минут Кинг передал записку президенту в руки. Линкольн удивленно посмотрел на Кинга и

спросил:

— Что это означает?

Кинг рассказал ему о событиях дня.

Конгрессмен Чарльз Седжвик из Сиракуз, штат Нью-Йорк, юрист, написал жене: «Я пошел к президенту вместе с Талом Стивенсом и Конклином. Мы настаивали на том, чтобы президент принял отставку Сьюарда. С обычной для него ловкостью и хитростью Сьюард тут же после подачи в отставку начал засылать к президенту своих друзей, чтобы те его запугали и заставили отказаться от принятия отставки Сьюарда. Именно этому его плану я и хотел противодействовать… Боюсь, что президент нуждается в помощи… Я думаю, что лучше будет, если ты это письмо пока никому показывать не будешь».

Декабрьским вечером делегация посетила Линкольна. Пришли Коламер, Уэйд, Граймс, Фесенден, Трамбул, Самнэр, Гарис, Помирой и Гоуард.

Коламер встал и зачитал свое тщательно подготовленное заявление. Основные его моменты: война за победу Союза должна продолжаться; президент должен пользоваться коллективной мудростью и советами всего кабинета; все министры должны без всяких колебаний бороться за победу.

Бен Уэйд поднялся, чтобы указать, что военные дела были переданы в руки людей, которым война и ее цели безразличны. Встали Граймс и Гоуард и прямо сказали, что Сьюард не пользуется доверием. Фесенден начал с того, что сенат верит в патриотизм и честность президента и не претендует на то, чтобы диктовать ему в вопросе о составе кабинета. Он подчеркнул, что, по мнению общества, министр иностранных дел идет не в ногу с большинством министров.

Встал Самнэр. Он сказал, что Сьюард позволил себе в официальном письме высказаться непочтительно и оскорбительно о конгрессе и посылал документы, не показывая их президенту, с содержанием которых президент не согласился бы. Президент ответил, что Сьюард прочитывал ему свои документы, прежде чем отсылать их, но на заседании кабинета их обычно не оглашали. Он не помнил письма, о котором говорил Самнэр.

«Беседа продолжалась три часа, — отметил Фесенден, — но никакие конкретные решения не принимались…» Президент обещал рассмотреть заявление, поблагодарил за тон разговора и доброе отношение делегации.

В пятницу 19 декабря утром Линкольн созвал кабинет. Пришли все, кроме Сьюарда. Президент рассказал о визите делегации конгресса. Министры обменялись мнениями. Линкольн попросил кабинет собраться совместно с делегацией. Уэллес

отметил, что это понравилось Чэйзу. Президент просил прийти в 7.30 вечера.

Появились слухи, что Сьюард подал в отставку. Побывавшие у него на дому застали Сьюарда за упаковкой книг и документов — он собирался уехать к себе домой в Оберн в штате Нью-Йорк.

Когда делегация пришла в тот же вечер в Белый дом, сенаторы не знали, что Линкольн подготовил для них встречу с кабинетом. Президент просил их принять участие в свободном и дружеском разговоре с министрами на равных для всех трех сторон началах и поинтересовался, имеются ли у них возражения. Фесенден отметил: «У комитета не было возможности посоветоваться, и возражений не последовало».

Во вступительном слове президент подчеркнул, что действительно заседания кабинета созывались не очень регулярно, причиной чему была нехватка времени. Все же большая часть важных вопросов обсуждалась в достаточной мере; о том, что среди министров нет единства, ему ничего не известно. Он полагал, что Сьюард добросовестно помогал в ведении войны, никому не мешал, обычно читал ему всю свою официальную корреспонденцию, иногда советовался с Чэйзом. Затем он просил министров высказаться.

Чайз горячо, даже несколько запальчиво протестовал против встречи с сенаторами: если бы он знал, что его здесь будут допрашивать, он не пришел бы. Однако он подтвердил, что важные вопросы обычно обсуждались на заседаниях кабинета, хотя и не в той мере, в какой было бы желательно. Кабинет действовал в полном согласии. Ни один министр не выступал против какого-либо решения после того, как оно было принято.

Фесенден внимательно слушал. При встречах с сенаторами Чэйз говорил совсем не то, и совсем не то писал он в своих письмах. И поэтому Фесенден поднялся, чтобы повторить, что у них нет намерения диктовать президенту, а только дружески посоветовать. Трамбул указал, что президент сам признал недостаточность обсуждения важных вопросов. Бэйтс процитировал параграф конституции, из которого явствовало, что президент не обязан советоваться с кабинетом. Выступили и другие. Время текло. Фесенден вспоминает: «В этот вечер президент произнес несколько речей, рассказал несколько анекдотов; большинство из них я уже слышал».

После долгого обсуждения ряда вопросов участники стали лучше понимать друг друга, и президент спросил мнения сенаторов, нужно ли выводить Сьюарда из состава кабинета. Гоуард заявил, что он не выступал ни разу в течение заседания и теперь ничего не скажет. Чэйз предложил: «Министрам сейчас

лучше удалиться». Министры ушли. Часы пробили уже полночь. Сенаторы Коламер и Гарис тоже ушли. Фесенден выяснил, что заявление Сьюрда об отставке находится у президента и что он собирается предложить Сьюарду взять свое заявление обратно.

Миновал первый час ночи. Совещание длилось пять с половиной часов. Сенаторы пришли к выводу, что никаких изменений в составе кабинета Линкольн не сделает. Он опасался полного развала кабинета, если Сьюард будет отстранен.

На следующий день Уэллес вызвался пойти к Сьюарду и посоветовать ему не форсировать отставку. Линкольн одобрил намерение Уэллеса и вызвал к себе Чэйза.

Чэйз сказал президенту, что он очень расстроен вчерашним совещанием; оно явилось для него сюрпризом. После нескольких неопределенных замечаний Чэйз сказал, что он написал просьбу об отставке с поста министра финансов.

— Где оно? — спросил президент, и глаза у него засверкали.

— Оно у меня, — ответил Чэйз и вынул бумагу из кармана.

— Дайте его мне, — сказал президент и протянул свою длинную руку, не глядя на Чэйза.

Чэйз не выпускал заявления из своих рук, видимо желая еще что-то сказать, но президент не стал дожидаться, схватил его и прочел. Затем он помахал им перед Уэллесом.

— Это, — сказал он торжествующе, — поможет рассечь гордиев узел.

Тогда сидевший у камина Стентон заявил:

— Мистер президент, прошу вас рассмотреть мою просьбу об отставке, которую я вручил вам вчера.

— Ваша отставка мне ни к чему, — сказал Линкольн и потряс заявлением Чэйза. — Это все, что мне нужно. Я теперь ясно вижу, что мне делать. Никого из вас я больше не задерживаю.

Министры ушли. Линкольн остался один. Когда к нему вскоре пришел сенатор Гарис, президент сиял и был очень доволен.

— Итак, судья, я могу продолжать поездку: у меня по тыкве в каждом мешке. (Когда фермеры ездили верхом на рынок, они для равновесия закладывали по тыкве в оба конца мешка, который перебрасывали через спину лошади.)

До Фесендена анекдот дошел уже в другой редакции. Президент якобы сказал: «Теперь большая часть борова в моих руках. Я откажусь принять отставку и одного и другою».

Президент написал любезные записки Сьюарду и Чэйзу, в которых сообщал, что он не может их отпустить, и просил продолжать исполнение своих обязанностей. Сьюард ответил, что он «с радостью возобновит» работу. Чэйз немножко поломался.

«Утро вечера мудренее», — сказал он. Продумав все воскресенье, он решил остаться министром.

Сенаторы-республиканцы собрались на тайное совещание в понедельник и заслушали доклад комиссии, выполнившей свои обязанности. Браунинг счел своим долгом посетить президента и посоветовать ему создать новый кабинет. Президент ответил, что он, пожалуй, попытается продолжать работу со своим старым кабинетом.

Фесенден написал своей семье: «Таковы аномалии президентского характера — никто не знает, что принесет наступающий день».

Сьюард и Чэйз повседневно встречались в своей работе со сложной и меняющейся ситуацией. Президент отсылал к Сьюарду посетителей по вопросам дипломатическим и к Чэйзу по финансовым делам. День войны стоил уже 2 миллиона долларов, и Чэйз ежедневно заседал, изыскивая наличные деньги, рассматривая кредитные балансы. В декабре 1862 года Чэйз доложил, что в наступающем году правительству придется сделать заем в 600 миллионов долларов. Конгресс по представлению Чэйза санкционировал выпуск банкнотов-«зеленоспинок» на сумму в 150 миллионов долларов. Выпуск бумажных денег привел к тому, что стали прятать золото. Этим же постановлением правительство уполномочивалось выпустить заем на сумму в 500 миллионов долларов, с тем чтобы облигации продавались отдельным лицам, биржевикам, банкам. Линкольн не претендовал на понимание финансовых операций.

Армии, спавшие на мерзлой земле, маршировавшие по грязи, дравшиеся в жестоких кровавых сражениях, требовали, чтобы им выплатили задолженность по жалованью.

Будущее предвещало увеличение государственного долга. Расходы правительства поднялись до 2 миллионов 500 тысяч долларов в день, включая и воскресенья. Поступления в казну от таможни, налогов и других источников не превышали 500 тысяч долларов в день. Нужно было различными манипуляциями: займами, банкнотами, призывами к патриотическому долгу выуживать из касс банков и кошельков обывателей еще 1 миллион 900 тысяч долларов ежедневно.

Сьюард информировал Линкольна, что Испания, Англия и Франция объединились для того, чтобы заставить Мексику выплатить им долги. Они официально заявили, что у них нет территориальных притязаний, но постепенно Сьюард и Линкольн выяснили, что Наполеон III намеревался разгромить мексиканцев, сбросить республиканское правительство, установить монархию и посадить на трон эрцгерцога Максимилиана Австрийского.

Из бесед с Линкольном Сьюард пришел к выводу, что у президента не было сомнений в том, что эти три европейских государства намерены поддержать силой свои требования. Президента вполне удовлетворяли формальные заверения этих государств, что они не нарушат прав мексиканского народа свободно выбрать правительство и образ правления.

Интервенция была главной темой дипломатических переговоров в Европе. Руководящие деятели Англии и Франции готовились признать конфедерацию, но им мешала Россия. В конце 1862 года исполняющий обязанности американского посла в Петербурге Баярд Тэйлор передал письмо Линкольна министру иностранных дел Горчакову. Содержание письма осталось неизвестным, а содержание беседы Горчакова с Тэйлором было опубликовано по требованию конгресса. Горчаков сказал:

— Только Россия поддерживала вас с самого начала, и она будет поддерживать вас и впредь. России, вероятно, предложат принять участие в какой-нибудь форме вмешательства, но она решительно откажется. Вы можете быть уверены в этом — Россия не изменит своего решения.

Ни одно из великих европейских государств не давало США таких определенных заверений. Этим решением Россия противопоставляла себя Англии и Франции, с которыми она незадолго до этого воевала в Крыму. К тому же у России не было такой текстильной промышленности, как у Англии и Франции, страдавших от хлопкового голода.

Ведущий философ европейского Международного товарищества рабочих Карл Маркс писал о Пальмерстоне, старавшемся втянуть Англию в войну против Севера: «Возможно, что Паму удастся ее вызвать, но это ему будет не легко. Ему нужен pretext[1], а я не думаю, чтобы Линкольн дал ему его». Маркс знакомился с документами о событиях и людях и делал свои выводы. «Ярость, с которой южане встретили линкольнские акты, свидетельствует о важности последних. Все эти акты имеют вид расчетливо составленных и снабженных массой оговорок условий, посылаемых одним адвокатом другому, представителю противной стороны. Но это не лишает их исторического значения».

Маркс сетовал на то, что Север дал возможность Югу мобилизовать всю свою боевую мощь. «Юг сваливает всю productive labour[2] на рабов и может поэтому беспрепятственно бросить все свои силы на фронт… По моему мнению, вся эта история скоро take another turn [3]. Север, наконец, начнет вести войну всерьез и прибегнет к революционным средствам, отбросив руководство border slaves statesmen 4. Один полк, составленный

из негров, возымеет чудодейственное влияние на нервы южан».

Задачей Сьюарда было создать благоприятное для Севера мировое общественное мнение. Президент и его министр общались все чаще, и их взаимное уважение и привязанность друг к другу росли; они становились закадычными друзьями.

Конгресс принял постановление отторгнуть Западную Виргинию от штата Виргинии и сделать ее самостоятельным штатом. Блэйр, Бэйтс и Уэллес были против этого, Сьюард, Чэйз и Стентон — за. Президент утвердил постановление, присовокупив свое письменное мнение, что храбрые и достойные люди Западной Виргинии считали вхождение в Союз вопросом жизни и смерти. Они были верны Союзу в самых суровых испытаниях.

В поселениях пионеров в Миннесоте, на границе с пустыней, краснокожие племени сиу убили пятерых белых жителей. Местные чиновники федерального правительства предсказывали многолетнюю вооруженную борьбу индейцев с белыми из-за незаконного захвата индейских земель, из-за медлительности в выплате обещанных индейским племенам денег и потому, что белые торговцы обжуливали отдельных индейцев. Маленький Ворон стал во главе племени сиу и повел его в долину реки Миннесота. Индейцы убили 490 человек, включая женщин и детей. Кавалерия генерала Поупа разгромила в бою Маленького Ворона. Военный суд, отчасти подчиняясь чувству мести, охватившему весь Северо-Запад, приговорил 303 индейцев к повешению.

Линкольн ознакомился с делом и задержал исполнение приговора. Постепенно он вычеркивал из списка обреченных одного за другим и оставил только 38 человек. Остальных он приказал держать под стражей до особого распоряжения и «принять меры, чтобы ни один из них не сбежал и не подвергался противозаконному насилию».

В послании конгрессу он отметил, что точно не установлено, кто вызвал взрыв недовольства в Миннесоте. «Подозрения, которые могут оказаться неоправданными, незачем оглашать…» Президент убедился, что обращение с индейцами со стороны федеральных властей оставляло желать лучшего. Он предложил изменить политику в отношении индейцев.

В канун Нового года военное министерство сообщило об одной из самых кровавых битв за все время войны, имевшей место под Мерфрисборо в штате Теннесси, у реки Стоун. В сражении приняли участие союзная армия Роузкранса и конфедераты под командованием Брагга. Правое крыло союзной армии вынуждено было отступить на две мили, и Брагг послал победную телеграмму в Ричмонд: «Бог дал нам счастливый Новый

год». В эту ночь Линкольн улегся в постель, зная, что южане продвинулись вперед. Прошло еще два дня маневрирований и боев между 41 тысячей солдат Роузкранса и 34-тысячной армией Брагга. Они сражались и в дождь, и в туман, и в морозные зимние сумерки. На второй день боев дороги стали скользкими; ни послушные кони, ни изрыгающие проклятия ездовые не в состоянии были вытащить пушки из грязи. Каждый четвертый солдат, участвовавший в боях, был убит, ранен или взят в плен. Потери союзной армии достигли 12 906 человек; конфедератов — 11 739.

В этом хаосе дыма и стали, пламени и крови президент в далеком Белом доме видел улучшение положения сторонников Союза в Теннесси, потерю Югом какого-то количества живой силы.

Линкольн телеграфировал Роузкрансу: «Благослови бог вас и всех, кто с вами! Примите благодарность нации и передайте ее всем за их умелые действия, выносливость, бесстрашие и отвагу».

4. 1863 год. Декларация об освобождении негров

Многие сомневались, что в день, назначенный для обнародования заключительной Декларации об освобождении негров, то есть 1 января 1863 года, президент действительно выполнит свое обещание. В Вашингтоне появились слухи, что Линкольн откажется опубликовать Декларацию.

Браунинг записал 31 декабря: «Несколько дней тому назад я сказал судье Томасу, что ему следует пойти к президенту и откровенно, подробно побеседовать с ним по поводу угрозы выступить с Декларацией об освобождении — по моему мнению, это чревато бедствиями и только бедствиями». Браунинг сокрушался насчет опасений президента, что в случае, если он не опубликует Декларацию, то па Севере может подняться бунт, не пройдет и недели, как будет назначен диктатор. А ведь Декларация может вызвать восстания рабов; на южан обрушатся страшные беды, негры будут убивать белых — таковы были предсказания английских газет.

Конгрессмен Джон Ковод посетил президента в конце декабря. Линкольн шагал по кабинету вперед и назад; лицо у него было весьма озабоченное. Выступит ли он с Декларацией? На это он ответил:

— Я долго изучал этот вопрос… Я решил… Это необходимо сделать. Я вынужден это сделать. Другого выхода из наших затруднений нет.

30 декабря министрам вручили копии Декларации. На следующий день в десять утра открылось заседание министров. Сьюард и Уэллес внесли мелкие поправки. Чэйз доказывал, что освобождать рабов необходимо сразу в каждом штате полностью, а не частично. Он предложил свой проект Декларации и свою редакцию заключительной фразы. Эту фразу Линкольн принял, внеся незначительное изменение.

Блэйр утверждал, что в грядущих временах народ будет читать Декларацию и недоумевать, почему освобождение не коснулось некоторых приходов в Луизиане или некоторых графств в Виргинии. Сьюард поддержал его, требуя отказаться от таких исключений.

Джон Ашер, первый помощник министра внутренних дел, запомнил ответ Линкольна.

— По первому впечатлению ваши возражения обоснованны, но дело в том, что после публикации Декларации двадцать

второго сентября ко мне зашел мистер Булиньи из Луизианы (единственный представитель отделившихся штатов, который не ушел из конгресса); он просил не включать эти приходы, и я ему обещал. То есть я этого прямо не сказал. Но мой ответ он понял именно так.

— Раз вы дали обещание, я не могу настаивать на том, чтобы вы его нарушили, — сказал Блэйр.

— Нет, нет, мы вовсе этого не хотим, — присоединился к нему Сьюард.

Чэйз выразил опасение, что конгресс может не утвердить двух депутатов, сторонников Союза, избранных от Луизианы. Линкольн встал со своего кресла — его это обстоятельство возмутило. Повернувшись к Чэйзу, он выпалил:

— В этом все дело, сэр! Конгресс хочет меня запугать, не так ли? Будь я проклят, если я сдамся.

Вторую половину этого дня и утро следующего Линкольн был занят переделкой проекта Декларации; он не торопился, старался писать ясно, четко, понятно, в торжественном стиле завещания. Он сказал Самнэру:

— Я твердо знаю, что имя, связанное с этим документом, никогда не будет забыто.

В день Нового года, утром, высокие правительственные чиновники, служащие гражданских, военного и морского министерств, члены дипломатического корпуса в золоте галунов и форменных треуголках — все прибыли в Белый дом на традиционный прием. Президент приступил к «обряду» рукопожатия и приветствий. На это ушло три часа.

Во второй половине дня Сьюард и его сын Фред принесли в Белый дом проект линкольнской Декларации об освобождении. Накануне Линкольн передал проект в министерство иностранных дел для того, чтобы там его проштудировали. Теперь проекту Декларации, чтобы стать государственным документом, требовалась подпись президента. В кабинете Сьюард застал одного лишь Линкольна. Он обмакнул перо в чернила, подержал перо над бумагой, подумал, оглянулся и сказал:

— Никогда в своей жизни никакой другой документ я не подписывал с такой уверенностью и чувством, что делаю правое дело. Но с девяти часов утра я принимал посетителей, и мне все время пожимали руку; она у меня онемела и закостенела. А ведь мою подпись будут внимательно рассматривать, и если увидят, что рука дрожала, то могут сказать: «У него были какие-то колебания». Но ничего не поделаешь, нужно подписывать немедля.

С этими словами он не спеша, аккуратно подписался «Авраам

Линкольн»; это отчетливая, ясная подпись, хотя «несколько дрожащая», как сказал Линкольн. Они посмеялись над этим, после чего подписался Сьюард. Затем приложили большую печать, и документ пропутешествовал в государственный архив. Содержание документа, написанного несколько сухим, официальным языком, оказалось самым волнующим материалом из всех переданных в этот день и месяц по телеграфу, почтой, в печати, устно во всех частях мира.

Сотни пушек в Питсбурге, Буффало, Бостоне гремели в залпах салютов. В Бостоне, в Тремонт Темпле ночью Декларацию прочли перед толпой аболиционистов. В толпе находились и негры — члены Ассоциации прогрессивного союза. Крайние элементы считали, что документ был слишком умеренным. В северных городах митинги продолжались всю ночь: люди смеялись, пели, молились. Негры встретили рассвет на коленях и в слезах.

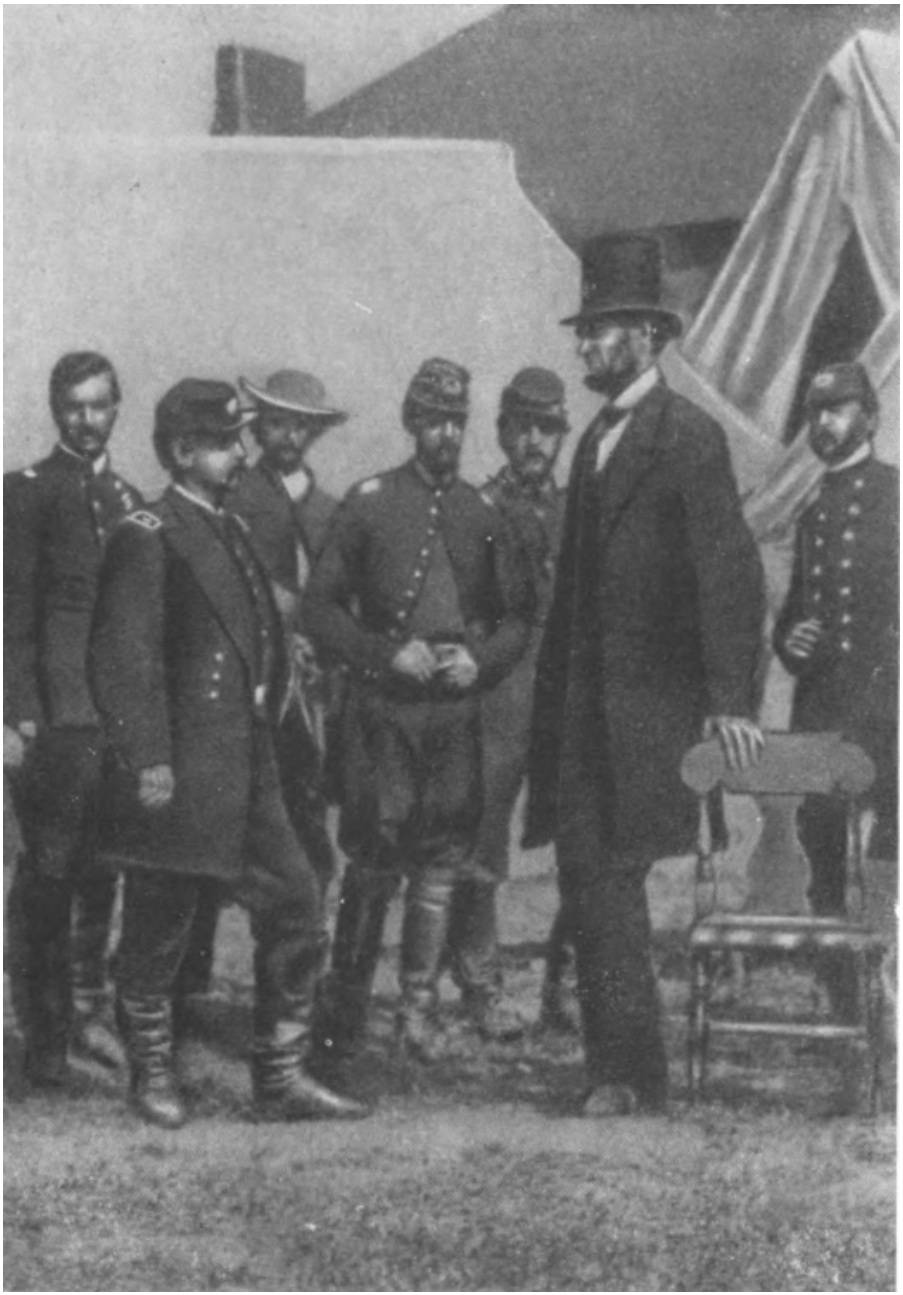
Лондонская «Таймс» и вся антиправительственная пресса в Америке соглашалась с нью-йоркской «Геральд» в том, что «Декларация оставляет рабство нетронутым в тех районах, на которые власть Линкольна распространяется, и освобождает рабов в тех районах, где его декрет не имеет никакой силы. Друзья прав человечества не в состоянии понять этой дискриминации». Ричмондская «Экзаминер» выражала мнение большинства на Юге — газета считала, что «…Декларация — самое сенсационное политическое преступление и самая идиотская политическая ошибка из всех известных в американской истории», ее целью является «восстание рабов», о результате которого «народу Юга останется лишь выбрать между победой и смертью».

Декларация наносила удар по правам на имущество, оцененное в налоговых книгах примерно в 3 миллиарда долларов. Если Декларация останется в силе и в конечном счете еще и будет поддержана союзными армиями на поле военных действий, опубликованный документ лишит южан живого инвентаря, классифицированного и оцененного налоговым ведомством наравне с лошадьми, крупным рогатым скотом и мулами в количестве 3 миллионов 900 тысяч голов.

Перед теми, кто боялся последствий, которые могла вызвать Декларация, Линкольн позже изложил свои доводы: «…я полагаю, что конституция дает верховному главнокомандующему право пользоваться законами войны во время войны. Самое меньшее, что может быть сказано… рабы — это имущество. Оспаривался ли когда-либо военный закон, дающий право лишать имущества не только врагов, но и друзей, если в этом есть необходимость?..»

Генри Адамс сообщал из Лондона: «Декларация об освобождении принесла нам больше пользы, чем все наши победы и вся наша дипломатия… Лондонская «Таймс» взбешена и ругается, как пьяная проститутка. Неоспоримо, однако, то, что общественное мнение здесь глубоко взволновано и ищет выражения в митингах, в обращениях к президенту Линкольну, в посещении посольства делегациями, в организации постоянных комитетов для пропаганды и разъяснения существа дела. Налицо все симптомы большого, популярного движения, тем более неприятного для высшего общества, что движение это зиждется на стихийных действиях трудящихся классов».

Министр иностранных дел Эрл Рассел в Лондоне писал британскому послу Лайонсу в Вашингтоне, что он не знает прецедентов, указывающих, как вести себя по отношению к Декларации или в вопросе об опубликовании двух писем президента США «К рабочим Манчестера» и «К рабочим Лондона». Не было такого обычая, чтобы главы государств обращались с письмами к рабочим других стран. Но Линкольн получил письма от рабочих организаций в этих городах, они протянули ему руку братства, и он откликнулся: «Я знаю и глубоко сожалею, что рабочим Манчестера и всей Европы приходится страдать из-за войны… В этих условиях я не могу не считать ваши решительные высказывания по этому вопросу, как пример возвышенного христианского героизма, непревзойденного испокон веков ни в одной стране».



А. Линкольн разговаривает с генералом Мак-Клелланом после битвы в октябре 1862 года.

Митинг в Геттисберге 19 апреля 1883 года, где А Линкольн обещал дать неграм свободу.

По всему миру среди народных масс, чье воображение и язык способны были создавать легенды, зародился сказ о Сильном Человеке, который в величии своем произнес лишь несколько проникновенных слов, и тут же оковы и цепи упали с рук и ног мужчин, женщин и детей, рожденных для рабства и тяжкого труда.

В день нового, 1863 года Лонгфелло записал: «Великий день. Президентская Декларация об освобождении рабов в мятежных штатах входит в силу. Великолепный день, полный солнца, завершился мирной лунной ночью. Пусть она будет символичной».

Спор о праве президента создавать местные военные правительства в захваченных у мятежников районах продолжался в конгрессе, в прессе, на помостах, вокруг импровизированных трибун, на тротуарах, в семьях и салунах. Тадеус Стивенс утверждал в феврале 1863 года, что президент приказывает избрать в конгресс своих сторонников и что это, «пожалуй, правильно, иначе приверженцы отделения совсем задавили бы нас».

Надежды президента на то, что ему удастся собрать 10 процентов населения в южных штатах, готовых принять присягу верности Союзу для того, чтобы можно было создать основу для реконструкции, были окрещены как «10-процентный план Линкольна».

Подходил к концу второй год войны. В письмах и речах начали высказывать предположение, что война продолжится дольше, чем срок президентства Линкольна.

Пальмерстон, Рассел и могущественные круги,

поддерживавшие лондонскую «Таймс», решали важный вопрос: если Север победит в войне и сделает население Союза единым народом, какое место займет он, как великая держава? «Таймс» истошно вопила, что у США далеко идущие планы завоевания мирового господства.

Английский журнал «Норт бритиш ревыо» приводил цитаты из памфлетов, брошюр и частных писем американцев. Из них явствовало, что американцы с фанатизмом варваров верили, что «рука господа» создавала, конструировала США и они «должны сделать все то, что провидение намерено сделать для мира в целом». Чего еще можно было ждать от англосаксонских поселенцев-пионеров? Установив свое господство на одном полушарии, они готовились к прыжку на другое.

Высказав ясные требования «восстановить Союз», «поддерживать порядок», политические деятели Севера брали в скобки свои планы создания в будущем всемирной империи США. В Англии это немедленно расшифровали таким образом: «Канадой должен управлять Вашингтон, англичан выгнать, Россию отбросить по ту сторону Берингова пролива». Журналист из «Норт бритиш ревью» точно угадал, таким образом, содержание письма Джо Медила из «Чикаго трибюн» своему брату: «После того как Юг будет раздавлен, вашингтонское правительство должно первым делом захватить Канаду до самых северных границ материка и Мексику до самого перешейка».

5. «Лошадей больше, чем овса». Искатели теплых местечек

Прошли месяцы, и почти все выгодные должности были распределены. Наплыв о Белый дом молодых людей, искавших назначений в армию, полномочий на формирование воинских частей, не прекращался: приходили офицеры; просившие повышений или других назначений; коммерсанты охотились за контрактами на поставку армии провианта; промышленники требовали заказов на вновь изобретенные ружья, пушки, снаряды.

«Окружение Линкольна все время старалось создать барьер для защиты президента от нескончаемого потока просителей, отвлекавших его от дел, — писал Хэй, — но президент сам первый ломал этот барьер». Линкольну неприятны были все меры, которые мешали ему видеться с людьми.

Прежде чем назначать кого-либо на важную должность, Линкольн советовался с делегациями штата, сенаторами, конгрессменами, лидерами партий. И неизменно он выслушивал также мнения губернаторов.

Дон Пайат слышал утверждение Сьюарда, что президент обладает «гениальной способностью» не говорить прямо «нет» искателям должностей. В момент большой перегрузки важными делами президент указал другу на толпу искателей должностей и конгрессменов в приемной и сказал:

— Вы видите эту толчею? Трудно разделаться с мятежом, но здесь перед вами нечто, что со временем станет большей опасностью для республики, чем даже мятеж.

Генерал Эгберт Виле в бытность его губернатором Норфолка проводил много времени с президентом в неофициальных беседах. Виле запомнил слова президента:

— Если у меня и есть какой-то порок, то это неспособность сказать человеку «нет». Благодарю господа, что он меня не сделал женщиной; но если бы он и сделал меня женщиной, я полагаю, он сотворил бы меня не менее безобразной, чем я есть, и никто никогда не пытался бы меня соблазнить.

Министры протестовали против назначения одного демократа и услышали в ответ:

— Я не могу позволить себе роскошь наказывать каждого считавшего возможным выступить против меня во время выборов. На этой должности нам нужен компетентный человек.

Камерон ходатайствовал за молодого человека, который осточертел своими просьбами о назначении его консулом.

— Куда вы хотели бы его послать? — спросил президент.

Лидер пенсильванцев подошел к большому глобусу, охватил его рукой и, не глядя, ткнул пальцем в место как можно дальше от себя.

— Я не знаю, куда я попал пальцем, но пошлите его именно туда, — сказал Камерон.

Его просьба была точно исполнена.

Однажды Линкольну пришлось отказать в просьбе старому своему другу, непригодному для должности.

— Если бы я считался, — сказал Линкольн Ноа Бруксу, — только со своими личными чувствами, мне пришлось бы подать в отставку и уйти отсюда. Я обязан был ему отказать.

Но он не совсем забывал своих добрых друзей нью-сейлемского периода, им он дал должности с хорошими окладами. Не забыл он и свояка, впавшего в нужду; его он назначил квартирмейстером, а одного из редакторов «Иллинойс стэйт джорнэл» — интендантом. Иллинойские республиканцы представили президенту материалы о том, что двое из них слишком свободно распоряжаются казенными деньгами и занимаются скандальными назначениями на государственные должности противников правительства. Линкольн перевел одного в Чикаго, а другого в нью-йорк.

Однажды в летний день солдат с фронта посетил Линкольна и выложил ему все свои беды.

— Все это, может быть, верно, но вам нужно обратиться по этому поводу к своим командирам.

Рядовой повторил свои жалобы дважды или трижды, но Линкольн продолжал смотреть в окно, выходящее на реку. Наконец он повернулся к посетителю.

— А теперь, добрый человек, уходите, у-хо-дите! Я не могу вмешиваться в ваше дело. Я не могу разбираться во всех армейских мелочах. С таким же успехом я мог бы попытаться" вычерпать чайной ложечкой реку Потомак.

По поводу высокооплачиваемой должности почтмейстера в Огайо возник спор; Белый дом посетило несколько делегаций, и каждая оставляла свои письменные ходатайства в пользу одного из двух кандидатов, имевших примерно одинаковую квалификацию. Однажды, когда пришла еще одна делегация и, приведя свои доводы, оставила еще пачку письменных ходатайств, у Линкольна лопнуло терпение. Он вызвал клерка и сказал ему:

— С этим делом нужно как-то покончить. Принесите весы.

Клерк их принес.

— Теперь положите на одну чашу весов все ходатайства и

письма в пользу одного, а на другую чашу все материалы в пользу другого.

Одна кипа бумаг весила, на три четверти фунта больше другой.

— Оформляйте назначение, — сказал президент, — того, у кого бумаги весят больше.

Сенаторы и конгрессмены приходили с письмами, в которых они просили о должностях для родственников, собирающихся вступить в брак, для больных друзей, имеющих иждивенцев. «Мне нужна должность, чтобы прожить, — писал один Самнэру. — Мне не повезло, и я беден». И Чэйз и другие министры, так же как и президент, получали письма, в которых бедность выдвигалась как основание для получения государственной должности. Президент любил рассказывать историю об одном плохо выглядевшем человеке, который просил у Сьюарда должность консула в Берлине, потом в Париже, потом в Ливерпуле, наконец соглашался стать клерком в министерстве иностранных дел. Ему сказали, что все должности заняты, на что последовало: «В таком случае не одолжите ли вы мне пять долларов?»

Дэвид Лок, редактор из Огайо, под псевдонимом Петролиум В. Нэсби писал на злобу дня очерки и фельетоны, вызывавшие веселый смех у читателей. Он укладывал на обе лопатки напыщенных патриотов своими меткими сатирическими стрелами:

> «Во-первых. Я хочу получить должност.
>
> Во-вторых. Мине нужна должност.
>
> Во-третьих. Должност мине пригодилась бы; паэтому.
>
> Во-четвертых. Мине хотелос бы получить должност».

За насмешками Лока чувствовалось доброжелательное отношение к президенту, и Линкольн написал сатирику: «Почему бы вам не приехать ко мне в Вашингтон? Не хотите ли вы лично какой-нибудь должности? Приезжайте, и я дам вам любую должность, которую вы пожелаете, которая вам подходит… по вашим способностям». Лока это заинтересовало, он проанализировал письмо и понял, что президент увидел, что предлагает слишком много человеку, которого он знал лишь по газетным фельетонам, и поэтому добавил спасительное «которая вам подходит» и, чтобы совсем себя обезопасить, дописал «по вашим способностям». Лок поехал к президенту, но не для того, чтобы попросить должность. «Он мне посвятил час своего времени, — рассказывал потом, юморист, — и это был восхитительный час».

Хорошо одетый мужчина просил, чтобы президент просто разрешил ему использовать его имя в намеченной к выпуску рекламе.

— Нет! — вспыхнул Линкольн. — Нет! У меня ничего общего с этим нет. Не принимаете ли вы президента Соединенных Штатов Америки за маклера? Вы обратились не по адресу. Вот дверь на выход!

Визитер поспешно выскользнул.

Летом 1863 года Линкольн написал министру почт Блэйру письмо, которое стало достоянием печати. Его долго обсуждали солдаты, читавшие письмо вдоль и поперек для большей убедительности.

Речь шла о должностях почтмейстеров, которые намечалось предоставить вдовам солдат, павших в бою. Президент утвердил этих вдов почтмейстерами с такой мотивировкой: «Этот вопрос заставил меня продумать более внимательно… порядок устройства людей, которые воюют за наши цели и несут на себе основные тяготы в деле спасения страны. Я пришел к выводу, что при равных правах и квалификациях им должно отдавать предпочтение. Это в особенности применимо к солдату-инвалиду и к семье умершего солдата».

Солдат без одной ноги, на костылях пришел просить о какой-нибудь работе; ногу он потерял в бою.

— Покажите мне ваши бумаги, — сказал Линкольн.

У солдата их не оказалось; он полагал, что ему поверят на слово.

— Что?! Никаких бумаг, никаких справок, никаких доказательств, что вы потеряли ногу! А откуда я знаю, что вы ее потеряли в бою, а не в капкане, когда залезли в чужой сад?

Президент явно «валял дурака», но честный немец, рабочий, ставший солдатом, пробормотал искренние извинения. Линкольн увидел, что перед ним не профессиональный проситель должностей. Большинство приходили со слишком тщательно подготовленными бумагами. Принципиально предпочтение отдавалось любому солдату, потерявшему ногу в бою.

— Знайте, что армейцу опасно появляться здесь без бумаг и доказательств, откуда он и кто он, но я попытаюсь что-нибудь сделать для вас.

Он направил просителя к квартирмейстеру, которому письменно предложил найти работу для подателя.

Однажды, рассматривая прошения и рекомендации, Линкольн сказал, что он согласен со всеми предложениями Стентона.

— Единственно, чего я добиваюсь, — заметил он, — это

сделать нечто такое для немцев, что было бы воспринято ими как неоспоримое доказательство, что это сделано в их интересах. С этой целью я требую назначения Шимельфенига.

— Мистер президент, может быть, у этого Шимель… как его там? — нет таких прекрасных рекомендаций, как у других офицеров немецкого происхождения?

— Это не имеет значения. Его фамилия возместит нехватку рекомендаций, я рискну в надежде, что он справится с делом. Шимель-фениг должен получить это назначение, — сказал он с усмешкой, сделав ударение на последнем слоге фамилии.

Некий спекулянт неоднократно требовал выдачи ему пропуска на право перехода через линию фронта, а также разрешения министерства финансов на закупку хлопка. Неизменно он получал отказ.

— Нет ничего более беспокойного для правительства, — сказал Линкольн, — нежели свирепость искателей наживы.

Этот спекулянт все же нашел влиятельных людей, и Линкольну пришлось выдать ему пропуск.

— Теперь отнесите бумагу к Стентону, — сказал президент, — необходимо, чтобы он скрепил это своей подписью.

Вскоре спекулянт вернулся, возмущенный тем, что Стентон разорвал пропуск в клочки и растоптал их ногой. Линкольн сделал удивленное лицо и просил рассказать подробно о поступке министра. После небольшой паузы он сказал спекулянту:

— Вот что, пойдите к Стентону и передайте ему, что еще до конца недели я порву дюжину его документов.

Однажды делегацией во главе с Ловджоем был предложен план переброски и объединения воинских частей с тем, чтобы перемешать войска с запала с войсками с востока. Линкольн написал Стентону записку с предложением перемешать полки.

— Вы утверждаете, что Линкольн согласился с вашим планом? — спросил министр.

— Да, сэр, — ответил Ловджой.

— В таком случае он дурак из дураков! — сказал Стентон.

— Вы хотите сказать, что президент дурак из дураков?

— Да, сэр, если он отдал такое приказание.

Вернувшись в Белый дом, Ловджой честно рассказал, как было дело.

— И Стентон сказал, что я дурак из дураков? — спросил Линкольн.

— Да, сэр! Больше того, он повторил это.

Президент задумался.

— Если Стентон сказал, что я дурак из дураков, значит это

действительно так. Он почти всегда прав и обычно говорит то, что думает. Я сейчас пойду к нему, узнаю, в чем дело.

Торлоу Уид сказал Лионарду Свэтту, что «Линкольн вел «настоящую бухгалтерскую книгу», куда он заносил все назначения в Нью-Йорке, покровительствуя поочередно каждой партии… и давая каждой стороне ровно столько, чтобы им еще хотелось». Как полагал Свэтт, он ничего не давал зря и всегда старался угодить противникам больше, чем своим друзьям; вот почему в обвинениях друзей, что он не отплачивал им выгодными должностями за их преданность ему, всегда была доля правды. Он поступал так, потому что он не мог дать больше того, что у него было… А у него всегда было больше лошадей, чем овса.

6. Хукер. Чанселорвилл. Большая беда

В начале 1863 года потомакская армия терпела поражения: на полуострове — дважды под Булл-Рэном и снова в бойне у Фредериксберга. Однако ей удалось предотвратить вступление вражеских стрелков в Вашингтон и свободные штаты. Остальные армии Севера при содействии морского флота захватили все крепости конфедератов, за исключением фортов Самтера и Моргана, — на побережье от крепостцы Монроу в Виргинии до некоторых пунктов в Техасе. Роузкранс находился близко от границы Алабамы, Грант находился в Миссисипи, Кэртис — в Арканзасе и Банкс — в Новом Орлеане.

Снова обострилась политическая активность крайних элементов демократической партии, оживились пораженцы. Самнэр писал Францу Либеру в январе: «Пришла мрачная пора. Некоторые сенаторы в полном отчаянии, я не в их числе. Президент мне сказал, что он теперь боится «огня с тыла», имея в виду демократов, особенно на северо-западе…» Когда Бэрнсайд попросил опубликовать письмо, в котором он брал на себя всю вину за катастрофу у Фредериксберга, Линкольн сказал ему, что он первый человек, пожелавший снять хоть частицу ответственности с президента.

Бэрнсайд решил ночью атаковать армию Ли. В ночь на 20 января, когда армия выступила в поход, пошел небольшой дождь, поднялся ветер, потом дождь превратился в мокрый снег. Кони и фургоны увязли в грязи и застряли на всю ночь. Не удалось продвинуться с понтонами, простояли впустую и кони, не доставлена была в части утренняя порция виски, которую Бэрнсайд распорядился выдать каждому солдату.

На следующее утро после завтрака в главной штаб-квартире армии генерал Хукер в беседе с журналистами сказал, что командующий армией не компетентен, что президент и вашингтонское правительство глупы и уже «выдохлись». Нужен диктатор, и чем скорее, тем лучше.

Бэрнсайд подал в отставку; его убедили взять ее обратно, но 25 января 1863 года его освободили от обязанностей — командующим потомакской армией президент назначил Хукера. Этому обрадовались Чэйз и члены комитета по ведению войны. В числе довольных назначением были и люди, которым Хукер импонировал своими боевыми качествами.

— Теперь все в руках Джо Хукера, — сказал президент. — Воевать он умеет. Это, мне думается, установлено, но может ли он управлять большой армией? В этом я не уверен.

Лэймон убеждал Линкольна обратить внимание на то, что существуют замыслы свергнуть его и назначить вместо него военного диктатора. Линкольн его высмеял и обвинил в том, что, будучи лично храбрым человеком, он впадает в панику и выдумывает несуществующие опасности. Он показал ему письмо, адресованное генералу Хукеру, датированное 26 января 1863 года. Позже оно было опубликовано и широко обсуждалось.

> «Генерал, я поставил вас во главе потомакской армии. Для этого у меня было достаточно оснований. И тем не менее лучше будет… если вы будете знать, что я не совсем доволен вами. Я знаю, что вы храбрый и искусный воин, что мне, конечно, нравится. Я знаю также, что вы не путаете политику со своими военными обязанностями, и в этом вы поступаете правильно… Мне недавно сообщили… ваше мнение, что армии и правительству нужен диктатор… Только победоносные генералы назначают диктаторов. Я требую от вас победы и готов рисковать в вопросе о диктаторе. Вы получите всемерную поддержку правительства, и это будет не больше и не меньше, чем та поддержка, которая оказывалась и будет оказываться всем командующим. Я очень боюсь, что ваша критика действий командующего (Бэрнсайда), приведшая к подрыву у солдат доверия к нему, теперь обратится против вас… Ни вы, ни Наполеон, если бы он восстал из мертвых, ничего хорошего не могли бы сделать с армией, в которой преобладают такие настроения.
>
> Берегитесь опрометчивых решений, но будьте энергичны, крайне бдительны, идите вперед и добивайтесь победы».

Вскоре после получения письма Хукер беседовал с журналистом Ноа Бруксом. Хукер знал, что президент прочел письмо Бруксу, прежде чем отправить его адресату. И все же он снова прочел письмо вслух, комментировал отдельные места и закончил чтение чуть ли не со слезами на глазах.

— Такое письмо только отец мог написать своему сыну. Чудесное письмо, и хотя оно более резкое, чем я заслуживаю, могу сказать, что я люблю человека, написавшего это письмо.

И тут же Хукер продолжал:

— Когда я возьму Ричмонд, письмо будет передано вам для опубликования в печати.

Хукер внешне казался многим настоящим воином. Это был высокий ростом, розовощекий, синеглазый блондин сорока

девяти лет. Он окончил Уэст-Пойнт, получил звание капитана за храбрость, проявленную в мексиканской войне. Когда началась война, он занимался земледелием и состоял инспектором военных дорог на западном побережье.

Люди по-своему судили о Хукере. Один кавалерийский офицер сказал, что Хукер прекрасно играл в покер, но когда в решительную минуту нужно было накинуть еще тысячу, он воздерживался. Когда Хукер шел в атаку, его люди гибли целыми взводами, но с занятой территории не отступали. Его прозвали «Боевой Джо». Часто от него можно было услышать: «Когда я войду в Ричмонд» или «Когда я возьму Ричмонд». В минуту откровения Линкольн чуть не со стоном сказал Бруксу:

— Меня это угнетает в Хукере. Мне кажется, что он слишком самоуверен.

После совещания в Белом доме Линкольн попрощался с Хукером.

— Мы ждем от вас, генерал, хороших вестей в самое ближайшее время, — сказал Линкольн.

Хукер ушел.

Линкольн обратился к молодому кавалеристу сержанту Страдлингу. Выяснилось, что кавалерист просит помочь ему добраться после отпуска в свою часть. Президент обеспечил его бесплатным проездом на пароходе.

Сержант собирался уже уходить, когда Линкольн решил с ним поговорить о причинах зимнего дезертирства из армии. Сержант сказал, что армия не была уверена в Бэрнсайде.

— Он воевал, как некоторые люди играют на скрипке — неумело и с сильным нажимом, — сказал кавалерист.

Присутствовавший при этом сенатор Уэйд спросил: было ли какое-либо оправдание грубым ошибкам, имевшим место под Фредериксбергом?

— Это и меня очень интересует, — сказал Линкольн — так что продолжайте.

Кавалерист объяснил, что местность была открытая, не было никаких стоящих упоминания гор или рек. Можно было легко загнуть оба фланга армии конфедератов. Рядовые были удивлены, почему атаку повели в лоб по низине. Будь у Бэрнсайда военные способности, он повел бы атаку на фланги и выбил бы Ли с его позиций.

— Когда генерал Хукер только что прощался с нами, — напомнил Линкольн, — он сказал: «Мистер президент, в моем распоряжении одна из лучших наших армий. Я надеюсь в ближайшее время прислать вам добрые вести». То же самое сказал генерал Бэрнсайд незадолго до битвы под

Фредериксбергом. У меня до сих пор болит сердце от последствий этой катастрофы.

Сержант сказал, что он полностью одобряет Декларацию, но многие из его товарищей заявили, что они не пошли бы воевать, если бы знали, что война приведет к освобождению черных. Многие дезертировали, другие искали перевода в обоз, в медицинские учреждения, в подразделения квартирмейстеров и в другие тыловые организации, только бы не воевать с оружием в руках. Дезертировали также из-за отсутствия веры в Бэрнсайда.

— Я предполагал, что после опубликования Декларации будут случаи дезертирства, — сказал Линкольн, — но я уверен: армия от этого серьезно не пострадает. С другой стороны, в армию пойдут теперь люди, которые до этого не хотели воевать.

Президент поблагодарил кавалериста. Страдлинг попрощался и попал на тот же пароход, который вез генерала Хукера на фронт. В письме домой Страдлинг сообщал: «Я рад был уйти из Белого дома; мне казалось, что я присутствовал на похоронах. Сенатор Уэйд раза два улыбнулся, иногда улыбались и два джентльмена, присутствовавшие при разговоре, но на лице Линкольна не было и следа улыбки. Его длинное, грустное, мрачное лицо преследует меня все эти дни».

Хукеру доложили в последних числах января, что в круглых цифрах из армии выбыли 3 тысячи офицеров и 82 тысячи рядовых; все они числились в списках, но при перекличках отсутствовали. Некоторые были больны, другие ранены или в отпуске. Были и пезертиры. Тоска по дому, мрачные настроения и общее чувство безрезультатности войны — вот причины, приведшие к тому, что в среднем ежедневно дезертировало по 200 человек. Родственники и друзья присылали спешной почтой посылки с цивильной одеждой, в которой легче было дезертировать. Пришлось издать закон, согласно которому посылки проверялись и найденная гражданская одежда сжигалась.

Были приняты меры, и постепенно армия брюзжащая превращалась в боевую, готовую сражаться. Она стояла под Фредериксбергом на расстоянии дня езды, и важные общественные деятели приезжали туда из Вашингтона в сопровождении своих жен и дочерей в кринолинах.

В первых числах апреля под командованием Хукера уже находилось 130 тысяч человек. По другую сторону реки стояла армия Ли, насчитывавшая 60 тысяч.

Апрельский снегопад не остановил Линкольна, и он вместе с Тедом, миссис Линкольн и несколькими друзьями высадился на пристани Аквиа-крик, где с многочисленных частных и

правительственных пароходов разгружались 60 тысяч лошадей, мулов и грузы для огромной армии. Толпа военных приветствовала президента. Линкольн настоял на посещении ближайшей палатки госпиталя, поговорил почти что с каждым раненым или больным, пожимал многим руки, задавал вопросы.

Брукс записал, что «…у многих появились слезы радости; солдаты смотрели на приветливое лицо президента, стремились прикоснуться к его руке…».

Вечером Линкольн и Хукер остались одни. Линкольн вынул из кармана клочок бумаги и передал его Хукеру. На бумажке были подчеркнуты цифры: 216 000–146 000 — 169 000. Хукер, озадаченный, смотрел на цифры, но чичего не мог понять. Президент объяснил, что первая цифра соответствует списочному составу потомакской армии, вторая — наличным силам, а третья — представляла то количество, которое должно быть под ружьем к моменту наступления.

— Генерал, если вы войдете в Ричмонд… — начал Линкольн, но Хукер его тут же прервал:

— Извините меня, мистер президент, но в данном случае никакого «если» не может быть. Я пойду прямо к Ричмонду и буду идти, пока не буду сражен.

Позже Линкольн грустно сказал Бруксу, что это было самое худшее из того, что ему хотелось услышать. Устно и письменно он пытался дать понять Хукеру, что целью должен быть не Ричмонд, а уничтожение армии Ли.

Линкольн и его спутники объезжали части в санитарной повозке. Бревенчатая дорога бросала повозку и пассажиров из стороны в сторону, кучер немилосердно ругал мулов, и Линкольн не выдержал — он тронул кучера за плечо и спросил его:

— Извините, мой друг, вы епископалист?

— Нет, — ответил, обернувшись, удивленный кучер, — я методист.

— А я думал, что вы епископалист, потому что вы ругаетесь точно так, как министр Сьюард, а он церковный староста.

Кучер больше не ругался. Линкольн оценивал работу дровосеков по пням, встречавшимся в пути: где хвалил, а где и хулил.

Сынишка президента Тед захотел повидать «сероспинников» — солдат-конфедератов. Морозным утром два штабных офицера повезли Теда и его отца к линии дозоров, обращенной к Фредериксбергу. Они увидели горы, пострадавший от войны город, дома и особняки в развалинах, брошенные фермы. От вражеских костров подымался дым, как раз над той каменной стеной, у которой недавно люди Бэрнсайда падали тысячами и

захлебывались в собственной крови. Над уцелевшим зданием, стоявшим одиноко среди развалин, развевался флаг конфедератов.

Солдаты из дозоров конфедератов и федералистов покупали и продавали другу другу табак, кофе, обменивались газетами и большими складными ножами. По утрам они здоровались друг с другом.

Президент, Хукер и его штаб приняли потом парад войск. Прошла 17-тысячная конная армия — самое крупное кавалерийское соединение в мире, большее, чем было у маршала Мюрата. Прошло четыре корпуса инфантерии — 60 тысяч человек, движущийся лес ружей и штыков. Прошла резервная артиллерия — 400 пушек. Контрастом явились полки зуавов в красных широких шароварах. Линкольн спросил Хукера, не является ли яркая форма нежелательной, так как представляла заметную цель. Хукер ответил, что такая форма — предмет гордости солдат, поднимает их боевой дух и приучает к опрятности.

Отвечая на салюты офицеров, президент лишь прикладывал руку к шляпе, перед солдатами он обнажал голову. В рядах войск шагали потомки бойцов Джорджа Вашингтона; вместе с ними шли иммигранты и дети иммигрантов: немцы, англичане, шотландцы, ирландцы, скандинавы, евреи, поляки; их предки дрались за или против Наполеона, Фридриха Великого, Мальборо, Густава-Адольфа и в жестоких сражениях выгравировали тексты целых страниц истории и выковали судьбы людей.

Шли кадровые солдаты, добровольцы, мобилизованные, наемники, искатели приключений и славы, борцы за родину, за флаг страны, за объединенную нацию от океана до океана, за отмену рабства. Шли и те, кому не удалось дезертировать, и те, которых купили за наличные. Большинству из них было по двадцать с лишним лет.

Один из офицеров написал домой: «Мистер Линкольн сидел на своей коренастой кавалерийской лошаденке абсолютно прямо. В черном костюме он выглядел словно восклицательный знак, оседлавший букву «m».

По ту сторону реки, у конфедератов, лошади отощали из-за недостатка фуража, среди солдат началась цинга. Многим солдатам пришлось обходиться в морозную зимнюю пору без одеял. Мундиры и обувь изорвались.

«Пишите мне чаще. Я очень беспокоюсь», — писал Линкольн Хукеру через неделю после своего визита на фронт. «Какие новости?» — запрашивал Линкольн телеграфно. Но Хукер никого

не посвящал в свои планы: ни в армии, ни в Вашингтоне.

К 1 мая Хукер перебросил большую часть своей армии через реку Раппаханнок к перекрестку под названием «Чанселорвилл». Хукер перешел в наступление, Ли контратаковал. Хукер приказал отступить. Мид писал: «Только мы сблизились с противником, как нам пришлось отойти». Генерал Кауч, заместитель Хукера, сказал: «Хукер предполагал, что Ли оттянет свои войска и избежит риска сражения. Увидев, что он ошибся, Хукер перешел к обороне».

На следующий день спозаранку Ли отправил половину своей армии под командованием Джексона Каменная Стена в поход, продолжавшийся почти весь день. Прямо с марша Джексон неожиданно атаковал фланг и тыл союзных войск. Еще через день Ли удалось совсем переиграть Хукера. Имея армию вдвое меньшую, чем у Хукера, генералу Ли удалось нанести такой ущерб союзной армии и настолько сбить ее с толку, что Хукер созвал совещание генералов. Четверо голосовали за то, чтобы остаться на месте и сражаться, двое были за возвращение назад, на прежние позиции за рекой. Хукер приказал отступить.

Союзная армия потеряла 11 тысяч, конфедераты — 10 тысяч. Кроме того, Ли взял в плен 6 тысяч, а Хукер — только 2 тысячи. Джексон Каменная Стена был убит случайно своими солдатами, когда он, наблюдая за ходом сражения, попал в зону огня. Пушечное ядро попало в колонну здания, к которой прислонился Хукер. Командующего сбило с ног, он потерял сознание часа на два, и сражение проходило без его участия.

Хукер вступил в бой, имея хорошо разработанный план, но когда противник начал действовать по-своему, он отказался от него. Хукер опротивел самому себе и готов был передать командование армией кому угодно. Он почти сожалел, что вообще родился на свет божий.

Ход сражения страшно волновал Линкольна; он не находил себе места. Не получая точной информации, Линкольн решил, что Хукера разгромили. В три часа пополудни Линкольн получил телеграмму с фронта; лицо его стало серее обоев на стене. В телеграмме сообщалось, что армия отступила на прежние позиции в полном порядке. Линкольн со сплетенными за спиной руками ходил по комнате и вопрошал:

— Боже мой, боже мой! Что скажет страна? Что скажет страна?

Он как будто потерял способность произносить другие слова. Вскоре он поспешно вышел из кабинета.

Разнеслись слухи, что президент и Галлек выехали на фронт; Хукера намерены арестовать, а командующим назначить Галлека; Стентон якобы подал в отставку; Ли разрезал армию Хукера на

куски и двинулся на Вашингтон; Мак-Клеллан спешно едет из Нью-Йорка, чтобы снова принять командование? отставные генералы Сигел, Батлер и Фремонт вызваны в столицу. В баре у Виларда люди поглощали крепкие напитки и разыгрывали воображаемые сражения.

7 мая президент написал Хукеру, как хорошему бойцу, получившему удар, пошатнувшемуся, но способному с успехом возобновить схватку. «Немедленное наступление может исправить… положение… Если у вас есть (план), приступайте к его реализации… с моей стороны помех не будет…»

Президент и Галлек выехали в штаб армии, собрали командиров корпусов, объяснили им, что никого в неудаче не винят, но политические последствия сражения очень серьезны и вредны.

Тем временем Ли скрытно передвигался к северу, вероятно намереваясь вторгнуться в Мэриленд.

14 июня Линкольн послал запрос Хукеру: «Если голова армии Ли находится у Мартинсберга, а хвост на дощатой дороге между Фредериксбергом и Чанселорвиллом, где-то этот зверь должен быть очень тонким. Не можете ли вы переломать ему хребет?»

Но Хукер не двинулся с места. Уэллес записал: «Президент сказал, что если бы ядро тогда убило, а не контузило Хукера, сражение было бы нами выиграно».

Ли дал своей армии отдохнуть, усилил ее дополнительными кадровыми дивизиями и вновь мобилизованными солдатами, ускользнул в долину Шенандоа, 29 июня переправился через реку Потомак, прошел через Мэриленд, и когда он вступил в Пенсильванию, у него уже была 75-тысячная армия. Хукер снялся с места; армия двинулась на север в полном беспорядке.

28 июня президент вместо Хукера назначил генерала Мида. Мак-Клюр настаивал, чтобы Линкольн вернул Мак-Клеллана на прежнее место, его поддержали дельцы и политические деятели. Линкольн отказался.

— Что мы выиграем от того, что закроем одну дырку, но откроем другую? — спросил он.

7. Возьмет ли Грант Виксберг?

Один вопрос мучил ричмондское правительство весной 1863 года: возьмет ли Грант Виксберг? Если возьмет, то вся долина реки Миссисипи перейдет к Союзу.

Указывая на карту, Линкольн сказал капитану третьего ранга Портеру:

— Если мы захватим Виксберг, то весь этот огромный район наш. Мы не сможем закончить войну до тех пор, пока этот ключ не окажется в нашем кармане.

Начиная с осени 1862 года вплоть до 1 июля 1863 года Грант оперировал вокруг Виксберга. Солдаты продвигались через болота, над которыми застоялись вредные испарения, и сквозь лесные заросли; они копали траншеи и каналы, срубали деревья, строили мосты, ставили брустверы, стояли в окопах по пояс в грязи, спали на мокрой от ливней земле, упорно шли и в дождь и в мрак, страдали от малярии, болели корью, свинкой, оспой. Они освоились со всеми изгибами и заливами реки Миссисипи, с отвесными берегами у Виксберга — города с населением в 5 тысяч человек, стоявшего на возвышенности — 250 футор над уровнем реки.

Во время одного пятидневного марша у Гранта не было ни коня, ни вестового, ни слуги, ни одеяла, ни шинели, ни чистой рубахи. Весь его багаж состоял из зубной щетки. Армия добывала провиант на близлежащих фермах.

Грант приводил в действие один план за другим. Потерпев неудачу, он намечал новый план: у него была одна цель — взять Виксберг. Однажды в течение десяти дней он не подавал о себе никаких вестей. Его солдаты прошли за это время 180 миль, участвовали в пяти сражениях, убили больше народу, чем потеряли, взяли 6 тысяч пленных, захватили 90 орудий. Бронированные корабли Портера вступили в перестрелку с береговыми батареями на длинной петле реки, выдержали страшную бомбардировку, приведшую к потере угольных барж и одного транспорта и осе же прошли к месту назначения. Две другие флотилии приняли участие в операциях против Виксберга и перерезали коммуникации города с трех сторон. Дважды Грант пытался взять город штурмом, но, потерпев неудачу, взялся за кирку и лопату, продвигался из траншеи в траншею, перехватывал продовольствие и снабжение для города.

Так прошло шесть месяцев. Северяне, решили, что Гранту не справиться со своей задачей. Генерал Шерман писал своим родным, что нет на земле лучших естественных укреплений, чем

у Виксберга. Он опасался, что Гранта ждет провал. Шерман не переводился из армии Гранта потому, что он любил командующего и преклонялся перед ним. Он написал своему брату-сенатору, что Грант честный, способный, умный воин и герой. Это мнение Шермана дошло до Линкольна.

Чарльз Дана получил полномочия на поездку в армию Гранта. Ему предстояло ознакомиться с людьми, с положением дел на месте и высказать свое мнение президенту и военному министру. Отчет Дана был положительным: Грант, Шерман и Мак-Персон абсолютно доверяют друг другу, нет ни зависти, ни ссор. Друг Гранта, помощник генерал-адъютанта Джон Роулинс, зорко следил за тем, чтобы Грант не пил, напоминая ему при случае, что он дал слово чести не притрагиваться к вину.

В Белый дом шел поток писем, в которых люди требовали от Линкольна, чтобы ради спасения страны он отстранил Гранта от командования армией. Того же требовали и многие настойчивые посетители Белого дома. Редактор газеты «Коммершэл» в городе Цинциннати писал Чэйзу: «Как это получается, что Грант, который опоздал к атаке форта Генри, напился в бою за Донелсон, не предусмотрел атаки врага у Шайло и был им побит, Грант, бежавший под Оксфордом в Миссури, все еще состоит командующим? Этот глупый, бестолковый пьяница Грант изводит нашу замечательную армию на Миссисипи. Он не может ни организовать, ни управлять, ни командовать армией в бою. Лично у меня к нему ничего нет, но я знаю, что он осел. Любой генерал-майор в отставке лучше Гранта».

На этом письме Чэйз написал свое мнение и передал письмо Линкольну. «Сообщений, подобных этому, — писал Чэйз, — слишком много, чтобы можно было их игнорировать…»

Однажды Белый дом посетил командир бригады Джон Тэйер, прибывший в командировку из армии Гранта. Линкольн вперил пронизывающий взгляд в посетителя и спросил его:

— Что собой представляет Грант?

Бригадир ответил, что Грант настоящий командир, пользующийся популярностью в армии, отдающий все свои силы делу. Тэйер два года воевал под началом Гранта.

— Пресса Севера утверждала, что Грант был пьян в боях под Донелсоном и Шайло. Это обвинение злостное, мерзкое и ложное. В бою не было более трезвого человека, нежели Грант.

— Ваши слова значительно облегчили мне задачу, — сказал Линкольн. — Ко мне часто приходят делегации с требованиями отстранить Гранта. Однажды пришла делегация, возглавляемая доктором богословия, заявившим протест против оставления Гранта на посту командующего. Я спросил у делегатов, не хотят

ли они добавить что-нибудь к сказанному. Таких не нашлось. Я очень серьезно спросил: «Доктор, не можете ли вы мне сказать, где Грант достает напитки?» Доктор был озадачен, но все же ответил, что не может сказать. А я ему говорю: «Очень жаль, а то я уже хотел дать указание главному квартирмейстеру армии сделать запас этих напитков, с тем чтобы снабдить ими некоторых других моих генералов, не добившихся до сих пор ни одной победы».

Линкольн дружески хлопнул Тэйера по колену и, откинувшись на спинку кресла, рассмеялся. Линкольн как-то сказал Николаи, что во всей Америке, вероятно, только он, президент, единственный друг Гранта.

В июне Грант получил подкрепления, и у него стало не 40, а 70 тысяч солдат. Он захватил плантации Джефферсона Дэвиса и его брата Джозефа. Всех интересовало, сколько еще времени будет продолжаться осада Виксберга.

80-тысячная армия Ли шла по Пенсильвании. По его пятам следовала армия Мида, намеревавшегося остановить Ли и навязать ему бой. Своим дерзким маршем, угрожавшим безопасности северных городов, Ли надеялся заставить Линкольна и Галлека оттянуть войска Гранта с фронта. Это дало бы возможность Пембертону, командующему войсками в Виксберге, выскользнуть из семимильного кольца траншей, которыми Грант окружил Виксберг.

В осажденном городе в июне съели последнего мула. Пембертон, как и обещал, перешел на собак, крыс, стебли тростника и древесную кору. Солдаты в окопах еле держались на ногах, но Пембертон выполнял приказ президента Дэвиса: любой ценой удерживать Виксберг.

8. Черные тени. Линкольн в первые месяцы 1863 года

Негритянские части армии Союза впервые сражались с белыми конфедератами в бою под Виксбергом. Тысяча черных добровольцев с Севера защищала излучину Миликен на реке Миссисипи. Их атаковали 2 тысячи человек. Сражение в основном велось врукопашную. Когда вести о сражении достигли Севера, начались жестокие споры: одни стояли за, другие против негритянских полков. Резкие споры северян очень беспокоили Линкольна. Он сказал генералу Тэйеру:

— Враги за нашей спиной опаснее для страны, чем противник на фронте.

Ричмондское правительство не могло бы пожелать лучшего оратора в конгрессе, нежели Климент Валандигам из Дэйтона, Огайо. Он обвинял Линкольна в том, что он получил миллион солдат и половина их уже растаяла. Нужно ли продолжать войну? «Я отвечаю: нет, ни одного дня дольше, ни одного часа!» — кричал Валандигам. Он предлагал, чтобы солдаты воюющих сторон начали брататься и отправились по домам, а Вашингтону и Ричмонду незачем даже и договариваться об условиях заключения мира.

Более искусно действовал Вилбур Стори, издатель чикагской «Таймс» — газеты, в которую он вдохнул жизнь печатанием сплетен, сенсаций, лжи. Он сделал газету рупором крайних противников правительства Линкольна. В марте 1863 года «Таймс» писала, что «…преступления президента… дают достаточно оснований для привлечения его к суду, и каждый патриот с радостью узнает, что он будет наказан…». Несколько газет, в том числе и «Таймс», напечатали краткое сообщение: «Сын президента по имени Боб, юноша лет двадцати, нажил полмиллиона на правительственных контрактах». И это все. Каким образом он нажил эти деньги, на каких поставках, об этом ни слова, ни намека.

Бывало, что раздраженная толпа врывалась в редакции оппозиционных газет, ломала столы, машины, но травля продолжалась. Газеты подчеркивали изменения в линкольнском определении негров: в 1859 году он говорил «негры», в 1860 году — «цветные», в 1861 году — «мыслящая контрабанда», в 1862 году — «свободные американцы африканского происхождения».

«Обезьяний президент», «невоспитанный, непристойный клоун», — кричала «Интеллидженсер», газета южан из Атланты; а

если поверить бостонской «Транскрипт», то генерал Роберт Ли собственноручно выпорол девушку-рабыню и полил кровоточащие раны солевым раствором. Обе стороны разжигали ненависть.

Демократы, сторонники заключения мира, получили свежий заряд энергии от вновь избранного губернатора Нью-Йорка Хорэйшио. Симура, пятидесяти трех лет, наследника огромного состояния. Он брил лицо, но оставлял бороду под челюстью. Он требовал покончить с «некомпетентными» вашингтонцами — им ни за что не спасти страну; он утверждал, что войну можно было предотвратить компромиссами. Декларация об освобождении есть нарушение конституции. Потребуется установление военной тирании, иначе не освободить 4 миллиона негров.

В марте 1863 года Симур получил письмо от Линкольна настолько дружелюбное, что Симура обуяли подозрения: «Мы с вами, по существу, не знакомы, и я пишу это для того, чтобы нам лучше познакомиться друг с другом. Я до поры до времени глава государства, которое находится в большой опасности, а вы во главе крупнейшего штата… Чтобы я мог с честью исполнить свой долг, необходимо содействие вашего, так же как и других штатов. Этого вполне достаточно, чтобы вызвать во мне желание найти взаимопонимание с вами. Напишите мне письмо, хотя бы не короче этого, и изложите в нем все, что вы найдете нужным». Симур послал в Вашингтон своего брата, заверившего Линкольна в лояльной поддержке и передавшего протест против произвольных арестов.

Споры бушевали по вопросу о толковании параграфа конституции, в котором говорилось, что «…действие закона о неприкосновенности личности не должно быть приостановлено, за исключением случаев, связанных с мятежом или вторжением неприятеля, когда этого потребует общественная безопасность». Имел ли право президент самостоятельно отменить этот закон, или он должен был запросить разрешения конгресса? Английская история и законодательство высказывались в пользу парламента и против короля, следовательно, и за конгресс, против президента. Лично Линкольн редко отдавал прямые приказы об арестах, но Стентон и Сьюард этим занимались, а Линкольн им не мешал.

Сьюард посылал примерно такие телеграммы: «Арестуйте Лионарда Стэртеванта и отправьте его в крепость Ла Файет», или: «Отправьте Уильяма Пирса в крепость Ла Файет». Стентон сообщал начальнику полиции, что Уотсон находился в Бостоне в доме № 2 на площади Оливера. «Следите за ним, проверяйте его одежду и письма, в надлежащее время схватите и арестуйте его.

Не дайте ему возможности повидаться или связаться с кем бы то ни было, а отправьте его немедленно в Вашингтон». Арестованным предъявляли обвинения в измене, в предательстве, в подстрекательстве или участии в бунте, в помощи и содействии мятежникам, в обмане правительства, в краже правительственного имущества, в ограблении почты США, в прорыве блокады, в контрабанде, в шпионаже, в уговаривании солдат к дезертирству, в оказывании помощи дезертирам и предоставлении им убежища, в выманивании у новобранцев денежных пособий, в конокрадстве.

Ужас, наводимый тайными и произвольными арестами, был несколько смягчен биллем о неприкосновенности личности, принятым 3 марта 1863 года, которым министры обязывались представлять в суд списки лиц, содержащихся в тюрьмах по приказам министров или президента. Конгресс дал ясно понять, что контроль над применением закона о неприкосновенности личности остается за конгрессом, и в то же время он предоставлял президенту право приостановить действие закона. Это было сделано очень осторожно, и никто не замечал противоречия между властью президента и конгресса.

Накануне сессии нового конгресса, в котором должны были занять свои места недавно избранные демократы, был принят закон об обязательной воинской повинности; правительство получило право разделить страну на призывные районы, назначить начальников военной полиции, учредить приемочные комиссии для формирования частей из годных к военной службе граждан в возрасте от 20 до 45 лет.

Вербовщики шли от дома к дому. В армию не зачисляли только хромых, глухонемых, слепых. Не трогали и единственных сыновей у вдов, престарелых и немощных родителей, а также имевших много иждивенцев. Дома мог остаться и плевать на войну тот, у кого было приготовлено 300 долларов для уплаты «премии» своему заместителю.

Губернаторы западных штатов сообщали об организации тайных обществ «Рыцарей Золотого круга», члены которого скрывались под вымышленными именами; они завели обряд клятвы, пароли, ритуалы и ружья; их целью было поощрять дезертирство, мешать набору и защищать силой своих сообщников. В течение нескольких недель было арестовано 2 600 дезертиров. В одном случае 17 дезертиров укрепили бревенчатый дом и выстояли осаду. В Индиане двух вербовщиков убили; в вербовщиков бросали яйца; мужчины, вооружившись кирпичами и дубинами, поднимали бунты. В Пенсильвании одного вербовщика застрелили, у другого сожгли лесопильный завод. Стентон послал

войска, чтобы подавить волнения.

В Сент-Луисе преподобный Мак-Фитерс окрестил ребенка именем генерала-конфедерата. Начальник военной полиции арестовал Мак-Фитерса и принял церковь под свое начало. Линкольн разбирал это дело и написал генералу Кэртису: «Откровенно говоря, я убежден, что он симпатизирует мятежникам… но следует ли его высылать… это может вызвать неприятности для правительства… оно не может взять на себя ведение церковных дел».

В Иллинойсе за шесть месяцев арестовали 2 001 дезертира. В январе массовое дезертирство и братание солдат 109-го Иллинойского полка с вражескими солдатами настолько было похоже на восстание, что пришлось арестовать весь полк, обезоружить его и держать под охраной в Холли-Спрингс в Миссисипи. Солдаты заявили, что они пошли воевать за Союз, а не для того, чтобы освобождать негров. Демократическое большинство Иллинойского законодательного собрания приняло ряд постановлений, противоречащих политике федерального правительства. Тогда впервые в истории штата губернатор приказал прервать работу собрания, распустил его и предложил депутатам разъехаться по домам.

Губернатор Мортон в январе телеграфно сообщил Линкольну, что законодательное собрание Индианы собирается признать конфедерацию. Собрание пыталось лишить губернатора военной власти, но депутаты-республиканцы не явились на заседание, и за отсутствием кворума заседание перенесли на другой день. Однако депутаты не ассигновали денег на нужды правительства штата. Необходимую сумму в 250 тысяч долларов Мортон получил из специального фонда в Вашингтоне.

Армейская секретная служба имела своих агентов в обществе «Рыцарей Золотого круга». Одному из них удалось стать великим секретарем общества в штате Кентукки. Правительство было в курсе всех дел, предотвращало бунты, арестовывало вожаков.

Умножали свои ряды разные общества: «Сынов свободы», «Содружества воинов», «Объединенной ассоциации помощи», «Ордена американских рыцарей» и других тайных организаций. Они иногда закупали у торговца оружием сразу весь его запас револьверов Кольта, ружей и боеприпасов. Наездники в масках по ночам избивали нагайками сторонников Союза, проживавших на отдаленных лесных участках. В ответ федералисты объединялись в отряды, давали клятвы и мстили за своих застреленных друзей. Насилие рождало насилие.

Линкольн рассказывал об одном губернаторе, посетившем тюрьму штата. Все заключенные твердили о своей невиновности и

обидах, причиненных им. Лишь один откровенно сознался в совершенном преступлении и признал, что приговор, который вынесли ему, справедлив. «Я обязан освободить вас, — сказал губернатор. — Я не могу допустить, чтобы вы один разлагали всех этих честных людей».

Валандигам, уже больше не член конгресса, разъезжал по городам и всюду вопил: «Если правительство поставило себе целью силой проводить свою политику, тогда пусть меня арестуют, пусть вышлют, пусть придет сама смерть! Я сегодня готов встретить что угодно». 1 мая в Маунт-Верноне в Огайо он снова высказал свои мысли о том, что правительство в Вашингтоне деспотично, что оно отвергло мирные предложения, что оно продолжает войну только для того, чтобы освободить негров и сделать белых рабами. Ни один человек, достойный быть свободным, не подчинится приказу об обязательной воинской повинности. Он презирал приказ № 38, плевал на него и. топтал ногами. Президента он назвал «царь Линкольн»; он советовал слушателям пойти к избирательным урнам и сбросить тирана с трона.

Из Цинциннати прибыли три капитана, переодетые в гражданское платье. Они стояли у самой трибуны, записывали содержание речи Валандигама и рапортовали Бэрнсайду. Через несколько дней, в три часа утра, к дому Валандигама подошли солдаты и под набатный звон колоколов взломали топорами двери, схватили Валандигама, дали ему несколько минут, чтобы одеться, и поездом увезли в Цинциннати. Толпа из 500 человек бросилась к редакции республиканской газеты «Дэйтон джорнэл», забросала окна кирпичами и камнями, разбила двери и сожгла здание.

Демократические газеты возмущенно завопили. Бэрнсайд телеграфировал президенту, что он готов подать в отставку, если это нужно. Линкольн его успокоил: министры сожалели, что пришлось арестовать Валандигама, но раз это сделано, правительство готово помочь Бэрнсайду.

Линкольну предстояло выбрать между утверждением приговора и отменой его. Он выбрал третий путь: он приказал вывести арестованного за линию фронта и дать ему возможность уйти к конфедератам.

Валандигама вывезли в Мерфрисборо в штате Теннесси, в расположение армии генерала Роузкранса, выставили за линию фронта, и вскоре он уже сидел в штабе конфедератского генерала Брагга, гостеприимно встретившего бывшего конгрессмена.

1 июня Бэрнсайд приказал закрыть чикагскую «Таймс». «Медянки» — тайные сторонники южан — собрали митинг в 20

тысяч человек. Толпа угрожала разрушить и сжечь чикагскую «Трибюн». К 4 июня у Линкольна накопилось достаточно республиканских и демократических резолюций, в которых требовалась отмена приказа о закрытии чикагской «Таймс». Линкольн попросил Стентона заняться этим вопросом, приказ был отменен, «Таймс» возобновила свои обычные нападки на Линкольна и, как всегда, проклинала все, что бы он ни делал.

Тем временем конференция демократической партии в Огайо торжественно выдвинула Валандигама кандидатом в губернаторы штата. Линкольн написал подробное письмо, в котором, между прочим, доказывал, что «…тот, кто отговаривает хотя бы одного добровольца от вступления в армию или склоняет к дезертирству хотя бы одного солдата, ослабляет армию Союза не меньше, чем тот, кто убивает нашего солдата в бою… Почему я обязан расстрелять простодушного солдата-юношу, если он дезертирует, но не имею права тронуть волосок на голове агитатора, который подстрекает его к дезертирству?»

Линкольн подчеркнул, что организация банд, сопротивляющихся с оружием в руках вербовке солдат, имеет непосредственное отношение к деятельности «таких, как мистер В.». Выдвижение последнего на пост губернатора противоречит их заявлению, что они хотят защитить конституционными методами единство Союза. Он предупредил, что и «впредь я буду делать все от меня зависящее, чтобы обеспечить безопасность страны».

Журнал «Харпере уикли», упомянув, что газеты ежедневно сообщают о расстреле двух-трех дезертиров, заявил, что «по справедливости и из милосердия мы должны потребовать от президента расстрела и нескольких изменников-северян» типа Валандигама.

Нью-йоркская «Таймс» расценила как «величайшую сенсацию войны» приказ генерала Гранта исключить всех евреев из его армии. «Приказ, конечно, был немедленно отменен президентом, но оскорбление, нанесенное евреям этим фактом, нелегко было изгладить».

В первом полугодии 1863 года тысячи негров вступили в армию Севера. Генерал-адъютант Лорензо Томас обратился к солдатам и офицерам с посланием, одобренным Линкольном и Стентоном: «Я требую от вас приветливо и сердечно… принять любых членов этого несчастного народа… если они появятся перед нашими линиями фронта… примите их с открытыми объятиями, накормите их, оденьте, дайте им оружие… я уполномочен сформировать как можно больше полков из черных и назначать их на командные посты любого ранга».

Стало известно, что правительство конфедерации приказало

не брать в плен, а расстреливать на месте белых офицеров, командующих черными подразделениями. И Томас предупредил, что он будет назначать на командные должности только белых, убежденных в правоте дела, и увольнять тех, кто позволит себе плохо обращаться с освобожденными неграми. В мае 1863 года военное министерство официально объявило, что открыто бюро по вербовке негров в армию.

Солдатам-южанам был дан неписаный приказ: в бою убивать всех негров, свободных и рабов. От Линкольна потребовали в возмездие убивать всех белых южан, взятых в плен.

Лонгфелло записал в своем дневнике 28 мая 1863 года, что в Бостоне он «видел первый полк черных, который прошел по Бикон-стрит. Импозантное зрелище; в нем есть что-то ненормальное и странное, как будто виденное во сне. Наконец-то Север согласился разрешить неграм воевать за свою свободу».

Миссис Трют, негритянка, кормилица, должна была выступить на митинге аболиционистов в одном из городов Индианы, в котором у власти находились «медянки». Местный видный врач, лидер «медянок», с места заявил, что у присутствующих появилось подозрение, что оратор — мужчина, переодетый женщиной. Большая группа людей, сказал врач, требует, чтобы докладчик показал свою грудь комиссии из дам. Высокая, сильная, смелая, необразованная Трют несколько минут стояла, будучи не в состоянии вымолвить ни слова. Затем движением, полным изящества, она расстегнула платье и обнажила свои груди. Глубоким контральто она просто сказала, что своей грудью она вскормила своих черных малюток, но еще больше она вскормила чужих белых детей. Аудитория оцепенела. «Медянки» потихоньку устремились к выходу. Лицо одного из них было искажено ненавистью и сомнением. В этой накаленной атмосфере высокая черная женщина, недавняя рабыня, возобновила свою мольбу о свободе для ее расы.

Размышления людей о неграх и их роли принимали разнообразные формы. Аболиционистские издания перепечатали заметку из мемфисской «Бюлитин»: «Негр зашел в зоосад и увидел обезьяну. Она кивала головой, протягивала руку для пожатия… и показалась негру настолько разумной, что он заговорил с ней. Но обезьяна в ответ только качала головой. Негр сказал: «Ты права, что молчишь. Стоит тебе сказать слово, как белый в ту же минуту сунет тебе лопату в руки».

К Линкольну однажды пришел мулат Фредерик Дуглас. Мать его была рабыней, отец белым. В свое время он воспользовался бумагами свободного негра и бежал из Балтимора. В Нью-Йорке на Бродвее он встретился с другим беглым рабом, который

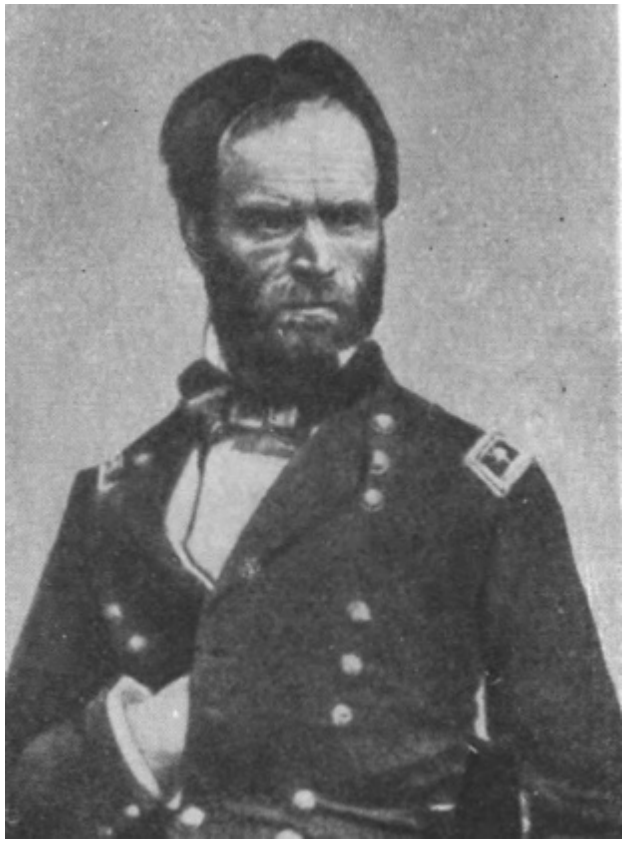
предупредил его, что нужно держаться подальше от негров; среди них были доносчики, готовые за несколько долларов выдать беглецов.

Дуглас сказал Линкольну, что его колонизационный план порочен: «К цветной расе нигде не будут относиться с уважением, до тех пор пока ее не будут уважать в Америке». Президент возражал против одинакового жалованья для белых и черных солдат. Для этого время еще не пришло. Позже можно будет. Ведь приходится считаться с сильной оппозицией к приему негров в армию. У них были серьезные основания воевать с южанами, и они должны идти в армию на любых условиях. Линкольн не был согласен расстреливать и вешать пленных южан в отместку за убийства пленных негров. Месть — ужасное лекарство; нельзя предвидеть, к чему оно может привести. Если бы он, Линкольн, мог схватить непосредственных убийц негров-солдат, он бы воздал преступникам должное, но вешать одних за преступления других — это было противно его морали. Дуглас отметил, что «… во всем этом я видел мягкое сердце человека, а не сурового воина и верховного главнокомандующего американской армии и флота. Хотя я не соглашался с ним, но я уважал его человечность». Линкольн обещал Дугласу, что если Стентон представит ему негров-солдат и командиров к повышению, то он их утвердит.

В начале 1863 года Чарльз Дана сообщил в военное министерство из Мемфиса, что мания быстрого обогащения на спекуляциях хлопком охватила многих евреев и янки. Пользуясь разрешениями федеральных министерств, они покупали у южан хлопок по низким ценам и продавали его текстильным фабрикам Новой Англии по высоким. Сам Дана вложил в это дело 10 тысяч долларов и разбогател; тем не менее он писал Стентону: «Я не выполнил бы свой долг, если бы… не умолял вас положить конец этому злу, такому чудовищному и соблазнительному».

Грант согласился со Стентоном, что торговля хлопком разлагала и армейцев и штатских: вся прибыль должна идти в пользу правительства. Дана приехал в Вашингтон, с ним несколько раз беседовали Линкольн и Стентон. В марте президент издал постановление, согласно которому все торговые отношения с южными штатами были признаны незаконными, за исключением операций, проведенных по указаниям министерства финансов. Грант конфисковал крупную партию хлопка в Оксфорде и Холли-Спрингс. Квартирмейстер армии продал ее с торгов и выручил полтора миллиона долларов, почти покрыв этим стоимость складов снабжения, сожженных неприятелем в Оксфорде.

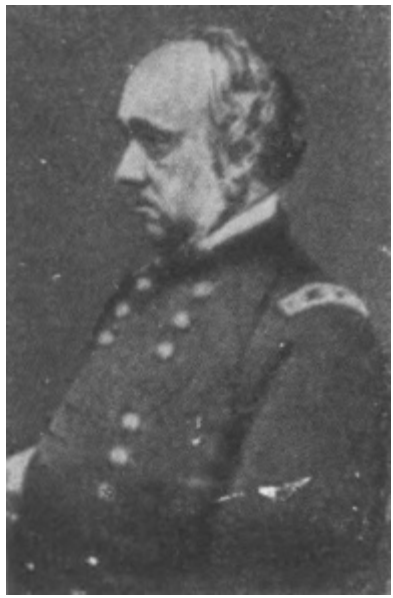
Генерал Улисс С. Грант.



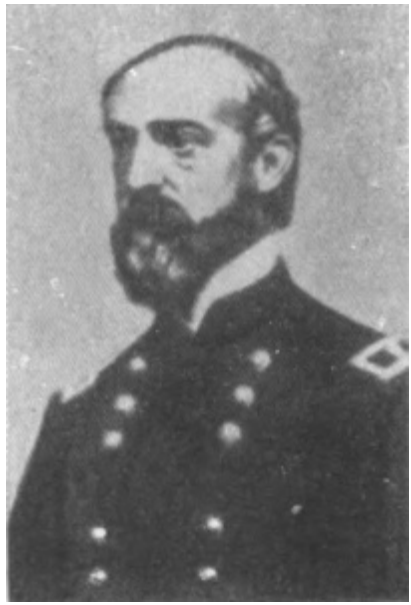
Генерал Уильям Шерман.

Амброз Бэрнсайд.

Джозеф Хукер.



Генри Галлек.



Джордж Мид.

Генералы армии Севера.

Золото поднималось в цене, а бумажные деньги обесценивались. Бостонский торговец, миллионер-филантроп Лоуренс писал Самнэру: «Спекулируют деньгами, цены на продукты растут, люди создают себе огромные состояния, но это богатство не делает из них патриотов. Сейчас быстро богатеют, и это значительно сократит приток добровольцев в армию; призыву будет оказано сопротивление».

Стоимость жизни вздорожала, и это привело к возникновению ряда новых профсоюзов. На массовых митингах единогласно принимались резолюции, в которых указывалось, что заработная плата не покрывает роста стоимости жизни. Выдвигалось предложение, чтобы профсоюзы послали делегацию в Вашингтон.

Оружейный завод Кольта в Хартфорде в штате Коннектикут объявил в 1862 году, что он платит 30 процентов дивиденда. Аспинуол, Вандербильт, Дрго, Гульд и другие предвидели, что с окончанием войны начнется эра спекуляций, зашибания денег, роста предприятий, личные состояния превзойдут все мыслимые предыдущими поколениями размеры.

Был издан закон о национальном банке. По этому закону пять или большее количество лиц имели право сложить свои деньги и открыть банк с капиталом не меньше чем в 50 тысяч долларов. Гарантировалась выплата процентов по займам в золоте. При

сдаче в казначейство залога в виде государственных процентных бумаг на сумму не меньше одной трети всего капитала банка правительство обязывалось делать клише для выпуска банком собственных банкнотов в размере 90 процентов номинальной стоимости депонированных процентных бумаг. Вместе с тем банкам выплачивались в золоте проценты по депозиту в казначействе.

Эта двойная прибыль, которая текла в кассы банков, должна была, по мысли Чэйза и Линкольна, побудить финансистов изыскивать средства для ведения войны. Этот закон должен был внести какой-то порядок в денежное обращение. В стране циркулировало 8 300 видов бумажных денег, выпущенных платежеспособными банками, а вместе с выпусками жульнических, обанкротившихся и маломощных банков их итог достигал 13 тысяч.

«Голеньи пластыри» — так прозвали большинство этих ублюдочных банкнотов: однажды солдат применил их в качестве пластыря на рану в голени. Кредитки банков одного штата не имели хождения в другом штате. Путешественнику приходилось в каждом штате обменивать деньги и платить за это комиссионные. Правительственные «зеленоспинки» упали в стоимости настолько, что за 100 долларов золотом приходилось платить 175 кредитками. Чэйз сказал, что война будет продолжаться до победного конца, даже если придется выпустить столько денег, что завтрак будет стоить тысячу долларов.

Линкольн надеялся, что новый закон защитит рабочих от бед, причиняемых им порочной денежной системой.

Делегация ньюйоркцев просила президента дать им канонерку для защиты города. Делегацию отрекомендовали президенту как представителей джентльменов с «собственным состоянием в 100 миллионов долларов». Линкольн сказал им:

—…Кредиты правительства истощены. Зеленоспинки расцениваются в сорок-пятьдесят центов за доллар. Если бы у меня была половина ваших денег и если бы я был так напуган, как вы, я построил бы канонерку и отдал бы ее правительству.

Один из присутствовавших сказал, что он «никогда не видел, чтобы 100 миллионов так сократились в своей значимости».

Весной и ранним летом престиж Линкольна среди больших групп влиятельных людей упал ниже, чем когда-либо с тех пор, как он стал президентом. В этих кругах у него не было ни почитателей, ни ревностных сторонников. В конгрессе у него было три — не больше — защитника. Линкольн непрестанно подвергался резкой критике со стороны своих коллег по партии. Ридл, один из трех защитников, выступил с заявлением, что

«граница справедливых, честных дебатов» была «грубо нарушена».

Зимой 1862–1863 годов появились слухи о тайном движении, имевшем целью подготовить обвинение президента в государственной измене. Линкольн упорно держался среднего курса и создавал себе врагов в обеих партиях. Они поставили своей целью убрать его с пути. Республиканцам-радикалам нужен был человек, который послушно выполнял бы их желания. Реакционные элементы в обеих партиях надеялись, что в сумбуре, который возникнет в связи с предъявлением обвинения, ослабнет военный нажим на южан, будет полностью восстановлен закон о неприкосновенности личности и другие гражданские права.

Камерон в конфиденциальной беседе рассказал своему приятелю, что в Нью-Йорке он «получил приглашение принять участие в совещании… для обсуждения вопросов государственного значения… Я приехал в Вашингтон и вскоре узнал, что целью инициаторов совещания было… найти способ и основание для предъявления обвинения президенту, с тем чтобы отстранить его от руководства… Спросили моего мнения… я сказал, что это граничит с сумасшествием».

Из уст в уста передавали, что в Белом доме действует женщина — шпион конфедератов. Дело дошло до того, что сенаторы — члены комиссии по ведению войны — однажды утром тайно собрались, чтобы обсудить сообщения о том, что миссис Линкольн — предатель. Один из членов комиссии впоследствии рассказывал: «Не успел председатель открыть совещание, как вошел чиновник, дежуривший у дверей комнаты; он был явно испуган. Он хотел объяснить причину своего волнения и вторжения, но в этом уже не было нужды — мы сами были невероятно поражены увиденным:, у стола комиссии возникла высоченная фигура Линкольна. Он стоял обособленно от всех: в руке он держал шляпу».

В его глазах была «почти нечеловеческая грусть». Вокруг него была необъяснимая атмосфера полной изоляции, которая каким-то образом ассоциировалась с тем, что он возник, словно привидение. «Все молчали, ибо никто не знал, что сказать. От президента не требовали, чтобы он предстал перед комиссией для ответа, и никто не предполагал, что он знал о нашем намерении выслушать сообщения, которые, если бы они оправдались, обрушили бы на его семью обвинения в измене».

Наконец голосом, полным печали, стараясь совладать со своими чувствами, вошедший сказал:

— Я, Авраам Линкольн, президент Соединенных Штатов, по собственному желанию предстаю перед сенатской комиссией, чтобы заявить, что, насколько мне известно, утверждение о том,

что кто-то из членов моей семьи состоит в изменнической связи с врагом, ложно.

Он дал свидетельское показание и ушел такой же одинокий и молчаливый, как и пришел. «На несколько минут мы онемели. По молчаливому согласию комиссия даже не приступила к обсуждению слухов о государственной измене жены президента. Мы были так поражены, что решено было в этот день больше не заседать».

Автор «Хижины дяди Тома» пришла с визитом в Белый дом. Линкольн приветливо протянул ей навстречу руки.

— Следовательно, вы, — сказал президент, — та маленькая женщина, которая написала книгу, приведшую к нашей великой войне?

Они уселись у камина и вспомнили недавние годы, когда пришлось начать перековку плугов на мечи.

О войне он сказал:

— Как бы она ни кончилась, я чувствую, что ненадолго ее переживу.

— Отдыхать? — спросил он Ноа Брукса после прогулки верхом. — Я не знаю отдыха в вашем понимании. Я полагаю, что отдыхать полезно для организма. Но моя усталость где-то далеко внутри меня, и мне ее не достать.

Линкольн ежедневно ездил верхом к своей семье, переселившейся на летний период в Соулджерс Хоум, находившийся в трех милях от Белого дома. Лэймон настаивал, чтобы президента сопровождал военный эскорт, но Линкольн его высмеял. Однажды утром они встретились. Не слезая с коня, Линкольн сказал, что хочет поговорить с ним. Они вошли в кабинет президента, и он запер двери.

— Прошлой ночью, — сказал президент, — примерно в одиннадцать часов, я выехал верхом на Старине Эйби, как вы его называете, и, когда я проезжал у подножия горы, меня внезапно вырвали из плена задумчивости… могу сказать, что меня одновременно чуть не выбросили также из седла… выстрелом из ружья. Стрелок, прервавший мои размышления, был, вероятно, не дальше чем в пятидесяти ярдах от того места, где мой тезка безумно рванулся вперед. Я расстался со своим восьмидолларовым цилиндром без всякого на то с моей стороны желания, точно выраженного или подразумевавшегося. С головоломной быстротой конь примчал меня в убежище безопасности. Тем временем меня занимала проблема, что более желательно: трагическая смерть в результате выстрела партизана-конфедерата или оттого, что федеральный конь понес и мог бы выбросить меня из седла.

Все это говорилось в довольно легкомысленном тоне. Линкольн как бы не хотел придать этому инциденту излишне большое значение.

— Теперь, — продолжал он, — перед лицом такого подтверждения вашей теории об угрожающей мне опасности, я все же не могу заставить себя поверить, что в меня намеренно стреляли с целью убить; хотя я должен признать, что пуля этого парня пролетела в довольно-таки неприятной близости от этого моего штаба. Возможно, что какой-то охотник, возвращаясь домой и не заботясь о том, куда полетит пуля, разрядил свое ружье, чтобы дома у себя оно не представляло опасности для членов его семьи… Разглашать этот случай ни к чему… Не думайте также, что я разделяю ваши опасения.

Лэймон запротестовал:

— Недалеко то время… когда республика окажется без довольно-таки респектабельного президента.

9. Человек в Белом доме

Белый дом создавал представление о времени. Перед главным портиком стояла статуя Томаса Джефферсона в пятнах плесени и яри-медянки. В первые годы президентства Линкольна сад перед домом внешне выглядел очень мирно. Однако в кустах пряталась вооруженная охрана, а в полуподвальном этаже всегда находились солдаты с примкнутыми к ружьям штыками. Два стрелка, притаившиеся в кустах, должны были брать на мушку каждого человека, проходившего от главных ворот к входу в здание.

Чарлстонский «Меркюри» перепечатал 14 октября 1862 года заметку из нью-йоркской «Геральд»: «По мнению многих местных жителей, жизнь президента находится в опасности… охрана личной безопасности президента требует наибольшей бдительности». Президент считал, что единственный эффективный способ избежать риска — это запереться в железный ящик, где он будет лишен возможности исполнять свои обязанности.

Рота 150-го Пенсильванского полка волонтеров, дежурившая на первой неделе сентября, некоторым образом стала составной частью семьи президента, так как солдатам пришлось сторожить козликов Теда^ и заниматься домашней работой. Президент интересовался здоровьем солдат и иногда ходатайствовал о разрешениях на отлучку или о предоставлении отпуска.

Кабинет Линкольна, находившийся на втором этаже, был размером 25 на 40 футов. Его украшал большой белого мрамора камин с высокой медной решеткой. В кабинете стояли большой дубовый стол для заседаний, несколько стульев, две софы. Комната освещалась газовыми горелками под стеклянными колпаками, а в некоторых случаях керосиновыми лампами. Высокие окна открывали вид на юг, на незаконченный монумент Вашингтону, на здание Смитсонского общества, на реку Потомак, на Александрию и склоны, пестрящие белыми палатками, крупным рогатым скотом, фургонами и солдатами. Между окнами стояло огромное кресло, в котором президент сидел за столом во время работы. Ему стоило дернуть за шнур, и по звонку из соседней комнаты приходили Николаи или Хэй. У южной стены стояла высокая конторка с большим количеством гнезд для бумаг. Среди книг можно было видеть законы США, библию и трагедии Шекспира. Иногда большой стол загромождали трактаты об искусстве и науке ведения войны. Две или три карты в рамках были испещрены синими и красными булавками,

отмечавшими места, где армии стояли лагерем, передвигались, вели сражения.

Однажды во время приема посетителей секретарь принес бумаги на подпись. Президент попросил гостей Извинить его:

— Подождите немного, мне нужно подписать эти документы, чтобы правительство могло продолжать функционировать.

К концу рабочего дня он иногда говорил секретарям:

— Мальчики, думаю, на сегодня хватит. Пора закрывать нашу лавочку.

Бывало, с нижнего этажа доносился плач ребенка, и президент посылал кого-нибудь, чтобы узнать, что нужно женщине с ребенком. Или внизу кто-то орал: «Я хочу повидать старину Эйби!» Изредка кто-то, добивавшийся контракта, ораторствовал: «Президенту нужно дать понять, сэр, что на него смотрит весь народ, сэр!»

Одна женщина требовала назначения ее сына полковником не из милости, а по праву.

— Сэр, мой дед дрался под Лексингтоном, мой отец воевал под Новым Орлеаном, мой муж был убит под Монтереем.

Она ушла, хорошо запомнив слова отказа:

— Я полагаю, мадам, что ваша семья достаточно повоевала за страну. Пора дать эту возможность другим.

Часто президента заставали за работой у письменного стола задолго до семи утра. Как отметил Хэй, сон у Линкольна был «легкий и капризный». Кровать президента в Белом доме имела 8 футов в длину. На черном дубе кровати были вырезаны кисти винограда и летающие птицы. Рядом стоял столик с мраморным верхом и четырьмя ножками в виде аистов. Между ножками в центре висело гнездо из черного дерева, наполненное маленькими деревянными птичьими яйцами.

В начальный период президентства Линкольну ежедневно в девять часов утра к завтраку подавали сводку новостей. Впоследствии он обычно сам шел в военное министерство, читал телеграммы, обсуждал с Галлеком и Стентоном положение дел; по возвращении в Белый дом он вместе с секретарями просматривал почту. По вторникам и пятницам он проводил заседания кабинета министров.

Хэй писал: «В другие дни (кроме вторника и пятницы) президент в этот час (в полдень) приказывал открывать двери кабинета для всех дожидавшихся приема. Врывалась толпа, она заполняла узкую комнату, и посетители один за другим спешили изложить свои просьбы…» Некоторые приходили просто пожать руку президенту, пожелать ему успеха, другие просили о помиловании близких, кое-кто задерживался, жался к стене в

надежде, что ему удастся поговорить с президентом наедине.

На массовых приемах Линкольн сидел за загородкой, иначе толпа бы его смяла.

> «На завтрак ему подавали яйцо и чашку кофе; на ленч ему обычно хватало сухого печенья и стакана молока; в шесть часов обедал. Он ел умеренно: обед его состоял из одного или двух блюд; он почти не употреблял вина… и никогда не курил. Под вечер он выезжал на прогулку. Официально он начинал работать в десять утра, но в действительности все приемные и холлы были полны народу задолго до этого часа — каждый хотел попасть на прием первым. Он работал без какой бы то ни было системы. Мы с Николаи боролись за то, чтобы установить с его согласия определенный порядок, но он его сам незамедлительно нарушал. Он был против всех мер, которые мешали доступу народа к нему. Сам он писал не более полудюжины писем в неделю, читал одно из пятидесяти полученных, подписывал написанные мною ответы, не читая их. Весь день в доме толпился народ. Изредка он закрывался в своем кабинете и никого не принимал. Он почти не читал газет, разве только если я обращал его внимание на какой-нибудь абзац или статью. Он любил говаривать: «Я знаю больше их».

В начальный период Линкольн намеревался во все вникать, все делать сам. Но вскоре он научился распределять и переадресовывать дела. Когда сын Сьюарда Фред в первые дни президентства приносил Линкольну бумагу на подпись, он ее клал на стол, разглаживал и внимательно прочитывал. Вскоре он от этого метода отказался. Торопясь, он задавал вопрос:

— Ваш отец говорит, что здесь все в порядке? Ну что ж, ему и карты в руки. Где мне подписаться?

Прошло несколько месяцев, и ему на подпись стали попадать документы, лишь тщательно проверенные и в значительно меньшем количестве.

Однажды во время перерыва в работе Линкольн познакомился с новым посыльным; президент спросил, как его зовут, сколько ему лет, где родился, жива ли его мать, посылает ли он ей деньги. Потом он назидательным тоном стал говорить о том, как хорошо матерям, у которых хорошие сыновья, и как трудно матерям, у которых бессердечные и не заслуживающие доверия сыновья. За несколько дней до этого юноше предложили взятку в 100 долларов, чтобы он дал возможность ознакомиться с

бумагами президента, которые он должен был передать министру. Юноша потребовал большую сумму, и, когда ему уплатили 200, он выхватил револьвер и арестовал взяткодателя; позже он узнал, что взятку ему дал тайный агент полиции, чтобы испытать его.

Конгрессмен А. Кларк из Уотертауна в штате Нью-Йорк ходатайствовал за своего избирателя: одного его сына убили в бою, другой сын умирал в плену и третий лежал в госпитале. Мать от горя сошла с ума. Рядом с конгрессменом сидел отец и беспрерывно плакал. Конгрессмен просил Линкольна отпустить больного юношу домой, — а: вдруг это поможет вылечить мать. Линкольн слушал, не задавая никаких вопросов, потом написал: «Демобилизовать такого-то»

Это несколько примеров, взятых из огромного количества случаев. Поток людей пробивался через порог Белого дома, истачивал перила, полировал шарообразные ручки дверей. Когда Линкольну сказали, что, вероятно, выслушивание всех этих просьб и требований утомляет его, он ответил, что таким образом он «окунается в общественное мнение».

Николаи запомнил слова президента, сказанные им в сутолоке дневной работы:

— Я сделаю все, что могу и как можно лучше; я приложу все свои старания. И я намерен это делать до самого конца. Если все кончится хорошо, не Судет иметь никакого значения, что обо мне говорят сейчас. Если все плохо кончится, то пусть хоть десять ангелов поклянутся, что я был прав, это мне нисколько не поможет.

Проведя вечер в Белом доме, один спрингфилдский приятель, растягивая слова, спросил:

— Что это за чувство — быть президентом Соединенных Штатов?

— Вы слышали о человеке, которого измазали дегтем, обваляли в перьях и в таком виде торжественно вывезли из города? Из толпы кто-то спросил его, как ему это все нравится? Он ответил, что если бы не почести, которые ему при этом оказывали, он предпочел бы уйти незаметно на своих двоих.

В телеграфной конторе военного министерства Линкольн находил и убежище и источник новостей. У него завязались узы дружбы с начальником конторы Дэвидом-Гомером Бэйтсом и оперативным начальником Томасом Экертом. Президент лучше себя чувствовал среди телеграфистов, нежели среди политиков и искателей должностей. Бэйтс заметил, что Линкольн таскал с собой в кармане изрядно потрепанный экземпляр книги с пьесами «Макбет» и «Виндзорские проказницы». Он любил читать Бэйтсу

вслух монологи и иногда оспаривал правомерность купюр при постановке шекспировских пьес.

У большого письменного стола Линкольн просматривал телеграммы и отсеивал самые важные для вторичного, более внимательного, чтения. В этой комнате Линкольн впервые узнал об убийстве Элсуорта, о первом и втором разгроме под Булл-Рэном, о семидневном сражении и истерической просьбе Мак-Клеллана о помощи во время боя у пристани Гарисона, о «Мониторе», подбившем «Меримак», об омраченной победе под Антьетамом, поражениях Бэрнсайда и Хукера под Фредериксбергом и Чанселорвиллем, о потоках крови, пролитых во гвремя похода армии Ли через Пенсильванию в Геттисберг.

Миссис Линкольн не могла не стать предметом для пересудов. Сын Адамса Чарльз писал, что «…она хотела поступать правильно, но не знала, что нужно делать, между тем она была слишком горда, чтобы спросить… слуги оставляли Белый дом, потому что они «не могли жить с такой простой» семьей; она консультировалась у репортеров и проводников железнодорожных вагонов».

Она вмешивалась в пустяковые споры о предоставлении должностей на почте и о зачислении слушателей в академию в Уэст-Пойнте. В то время как президент делал все возможное, чтобы не дать распасться кабинету, она сочла возможным 4 октября 1862 года сообщить противнику Линкольна, журналисту Бенету, фамилии крупных деятелей, письменно требовавших от Линкольна перемен в кабинете.

Ей было приятно, что нью-йоркская «Геральд» печатала две-три колонки в день о ее прибытии на курорт Лонг Бранч, о ее багаже, комнатах, компаньонках, визитах, развлечениях, туалетах, халатах. «Миссис Линкольн выглядела совсем как королева в платье с длинным шлейфом и великолепном венце из цветов; она стояла почти что в центре комнаты, окруженная блестящей свитой, и кланялась дамам, которых ей представляли…»

За подписью «Бэрли» печатались статьи, посвященные ее шляпе. «Несколько городов борются на честь предоставления шляпки для головы, которая склоняется на грудь Авраама…» В Нью-Йорке, во всех магазинах от Канала до 14-й улицы, в Филадельфии до Бангора, выставляют «шляпки мадам президентши Линкольн». Владельцы магазинов писали ей, что они хотят подарить ей шляпу в знак лояльности и величайшего уважения к ней, а «любезная и добросердечная дама из Белого дома снисходительно принимает подарок и немедленно «шляпа мадам Линкольн» появляется в витрине, и толпы стекаются, чтоб

обозреть ее. И какая это шляпа! Это конденсированный шаблонный рекламный трюк шляпниц. Головной убор — это сплошные фестоны, оборки, плойки, он изогнут так, что под ним может пройти судно с канала».

В день нового, 1863 года Браунинг ездил с ней в карете. Она ему рассказывала о посещении ею спиритуалистки, которая сообщила удивительные новости о ее умершем сынишке Вилли, а также сделала откровения о делах земных. В частности, она сказала, что все министры враги президента, что они стираются только ради своих личных интересов и что их нужно всех разогнать.

Мюрату Холстеду, редактору из Цинциннати, который в частных письмах называл ее тщеславной дурой, она сообщала, что генерал Банкс возвращается в армию и «министром его не назначат».

Газеты не переставали писать о ней. Однажды «Лезлиз уикли» напечатал заметку, состоявшую из одной фразы: «Сообщения о том, что миссис Линкольн находится в интересном положении, не верны». Часто упоминали о ее южных родственниках. «Недавно перекличку военнопленных северян в Хустоне производил лейтенант мятежных войск Тод — брат жены президента Линкольна. Тод зверски обращается с янки. И еще: «11 троюродных братьев миссис Линкольн состоят в Каролинском полку легких драгун армии конфедератов».

Она часто ездила в Нью-Йорк и Филадельфию за покупками. Линкольн ежедневно телеграфировал ей: «Самочувствие сносное», «Не возвращайся ночным поездом. Слишком холодно». Передавали, что когда они впервые сели в карету Белого дома, Линкольн ухмыльнулся: «Мать, а ведь это, пожалуй, самый шикарный наемный экипаж во всем городе, не правда ли?»

В своих письмах и дневниках Джон Хэй давал прозвища Линкольну: «Хитрец» и «Старец». Миссис Линкольн он называл «Мадам», а иногда «Мегера», которая становилась «мегеристей с каждым днем». Секретари президента не всегда соглашались с тем, что неиспользованное жалованье за вакантную должность в Белом доме должно перечисляться в ее пользу. Она считала, что не правительство, а сами секретари должны оплачивать корм для секретарских коней. В конце концов секретари выехали из Белого дома и поселились у Виларда.

Сынишка Тед был Линкольну дороже всех. Они были закадычными друзьями. Часто Линкольн выслушивал государственной важности доклады, держа на коленях Теда. Мальчик обычно спал с отцом. Если Линкольн задерживался в кабинете допоздна, Тед туда приходил, пересаживался с места на

место, пока где-нибудь не засыпал. Тогда президент брал его на руки и относил в постель. «Тед» было уменьшительное от слова «тедпоул» — «головастик»; это был энергичный, беспокойный, нервный ребенок. У него было дефектное нёбо, и от этого страдала ясность речи. Он мог ворваться в кабинет президента и громко потребовать то, что ему нужно было в данный момент. Или он стучал в дверь: три быстрых и два медленных удара, три точки, два тире — условный знак, которому он научился в телеграфной конторе. В таких случаях Линкольн говорил:

— Я обязан его впустить. Я обещал ему всегда отвечать на этот код.

Группа дам из Бостона посетила Белый дом; они восхищались бархатным ковром, мебелью из красного дерева, плюшевой обивкой, роскошными люстрами Восточного зала. Все было очень торжественно и тихо. Вдруг раздался грохот и хлопанье бича, послышался пронзительный крик: «Эй, берегись!», и маленький Тед, размахивая длинным кнутом, въехал на табурете, запряженном двумя козами цугом. Эти козы фигурировали и в телеграммах к миссис Линкольн, когда она уезжала с Тедом в гости: «Передай Теду, что козы и отец вполне здоровы, в особенности козы».

Из политических соображений Линкольн упорно отказывался принимать делегацию из Кентукки. Однажды они сидели в приемной и переругивались между собою. Вдруг перед ними появился Тед. Хитро усмехаясь, он их спросил:

— Вы что, хотите повидать старину Эйби?

— Да, — ответили они, улыбаясь.

Мальчик бросился к отцу:

— Папа, можно познакомить тебя с моими друзьями?

— Конечно, сынок.

И Тед ввел людей, которых президент старательно избегал в течение целой недели; он по всем правилам этикета познакомил их с отцом. Президент посадил мальчика к себе на колени, успокоил его, сказав, что все в порядке, и похвалил за то, что он провел все формальности, как истый джентльмен.

Чарльз Дана сказал Линкольну, что его дочурка хочет пожать руку президенту. Линкольн подошел к девочке, поцеловал ее, усадил на колени и поговорил с ней. Дана считал, что это важно отметить.

Высокопоставленным людям обычно не хватало естественности в обращении с детьми. С Линкольном дети чувствовали себя легко, свободно, как будто в объятиях рождественского деда или у себя дома при игре с дружелюбным, мохнатым, огромным псом, который может выручить их в случае

опасности.

Однажды на приеме Линкольн по обыкновению наклонился и поцеловал незнакомую девочку. Она пошла к маме, и Линкольн услышал, как девочка громко сказала: «А ведь он просто человек!» Лицо Линкольна засияло. Он хорошо понял, что произошло в душе другой девочки, которую он взял на колени в своем кабинете. Во время разговора с ним она вдруг крикнула отцу: «Папочка, и вовсе он не безобразный; он просто прекрасен!»

Роберт Линкольн, прозванный прессой «Брусковый принц», учился в Гарварде и виделся с отцом даже во время каникул не больше чем в течение десяти минут подряд. Однажды в день приема Роберт схитрил: в порядке общей очереди посетителей подошел, поклонился и сухо-официально сказал: «Добрый вечер, мистер Линкольн». Отец легонько шлепнул сына по лицу.

Однажды Роберт и отец ехали в карете. Дорогу им преградила колонна солдат. Роберт рассказал, что произошло:

— Отцу всегда хотелось знать, из какого штата солдаты. Он открыл дверь и, высунувшись почти наполовину, спросил группу стоявших рядом рабочих: «Кто это там, ребята?», имея в виду, откуда они. Невысокого роста рыжий рабочий устремил на него уничтожающий взгляд и отрезал: «Это же полк солдат, старый вы дурак!» Задыхаясь от смеха, отец закрыл дверь кареты, и когда его веселье немного улеглось, он повернулся ко мне и сказал: «Боб, иногда человеку полезно узнать правду о себе». Несколько позже он с грустью добавил: «Иногда и я так думаю о себе — просто старый дурак».

Путь к Соулджерс Хоум из Белого дома лежал через город, в котором все, по словам одного путешественника, выглядело незаконченным. В марте 1863 года на общественном участке земли вокруг незаконченного монумента Вашингтону содержались гурты скота количеством до 10 тысяч голов. На окраинах города стояли барачные госпитали; лучший из них был назван именем Линкольна.

С полей сражений привозили раненых и умирающих. Их размещали в церквах, музеях, картинных галереях, правительственных учреждениях и частных домах. С каждым месяцем на улицах появлялось все больше людей на костылях, на деревянных протезах, с пустыми рукавами, забинтованных.

Население города возросло с 60 до 200 тысяч. Среди новых жителей были подрядчики, освобожденные негры, лица, прорывавшие блокаду, торговцы, маркитанты, искатели должностей, ораторы, шулера, содержатели салунов с эстрадными концертами и женщинами-официантками, торговцы спиртными напитками, продавцы сластей с лотков, мастера,

ремонтирующие зонтики, бальзамировщики, гробовщики, фабриканты протезов, продавцы патентованных лекарств вразнос, перекупщики краденого, карманники, грабители.

О вновь прибывших женщинах легкого поведения писали, что их классификация была обширной: «… начиная с щеголих-куртизанок, которые принимали в каменных домах, вплоть до спившихся тварей, изгнанных из армейских лагерей по приказу командования». Один наблюдатель отметил, что «…дома с дурной славой рассеяны по всему городу. Однако, за редкими исключениями, они пока еще не решаются вторгаться в респектабельные кварталы. Некоторые из этих домов роскошно меблированы, постановка дела в них превосходна. Женщины либо молодые, либо в расцвете лет; много красивых и культурных. Они выходцы из разных районов страны, и держат их в этих домах не более двух лет, потому что такой образ жизни разрушительно действует на их красоту. Большую часть клиентуры домов высшего класса составляют мужчины внешне респектабельные, стоящие на высоких ступенях общественной жизни, офицеры армии и флота, губернаторы штатов, юристы, врачи и вообще представители высших кругов населения. Некоторые приходят в состоянии опьянения, а другие абсолютно трезвые».

Пиво, виски, представления с голыми или почти голыми участницами завлекали в концертные залы салунов молодых солдат, и впоследствии они просыпались на улицах с очищенными карманами. В напитки им подмешивали «нокаутирующие капли». Изредка полиция или военная комендатура делала налеты на дома низшего пошиба.

Игорные дома высшего класса были роскошно обставлены. Комнаты украшали коврами, картинами, статуями. В четырех лучших заведениях среди игроков в фаро и покер можно было найти губернаторов, конгрессменов, чиновников министерств, клерков, подрядчиков, кассиров. Разнокалиберные игорные дома чередовались с притонами, в которых нежноголосые женщины угощали молодых пехотинцев напитками, а затем выманивали у них все до последнего доллара.

Уолт Уитмен, автор «Листьев травы», пророк Среднего Человека, летом 1863 года писал в нью-йоркской «Таймс»: «Президента я вижу почти каждый день… Его всегда сопровождают 25–30 кавалеристов с саблями наголо… Мистер Линкольн обычно ездит на крупном сером коне. Президент одет в простой черный костюм, порыжевший и пыльный; на нем черная жесткая шляпа, и в своей одежде он выглядит, как самый обыкновеннейший человек…»

Нью-йоркский адвокат Джордж Стронг записал в своем

дневнике много примеров некультурной речи Линкольна — искажений слов, окончаний. «Он варвар, скиф, отвратителен внешне, горилла, но очень толковый, прямодушный старый чудак. Это лучший президент из всех после Джексона». Стронг просил о помиловании матроса, необоснованно обвиненного в убийстве. Президент ему ответил:

— Вы должны обратиться к генеральному прокурору, но я полагаю, что все будет в порядке, так как и у меня и у генерального прокурора цыплячьи сердца!

Один англичанин передал, что при встрече с Линкольном его поразили «мечтательные блестящие глаза, которые, казалось, не глядя на вас, видели насквозь». Хэй рассказал, как Линкольн взглянул на одного подозрительного типа: «Он видел его насквозь до самых пуговиц на спине сюртука».

Английский писатель Эдвард Дайси записал анекдот: «На первом же военном совете, состоявшемся после того, как президент принял на себя верховное командование армией вместо Мак-Клеллана — этот генерал не пришел и на следующий день просил извинить его, так как он забыл о заседании, — Линкольн оживился.

— Теперь я вспомнил, — сказал он, — одно дело об изнасиловании, по которому я выступал. Защитник спросил потерпевшую, почему она рассказала мужу лишь в среду об изнасиловании, которому она подверглась в воскресенье? Женщина ответила, что это как-то выпало у нее из памяти… Судья немедленно отклонил иск.

Дайси добавил, что такие рассказы «выглядят в печати сухими, если вы не можете вообразить той усмешки, которой они сопровождаются, сверканья глаз рассказчика и привычного для него поглаживанья колена рукой».

Хэй считал, что было много фотографий Линкольна, но ни одного настоящего портрета: «Искусство графики было бессильно перед лицом, которое изменялось тысячей тончайших градаций линий и контура, света и тени, блеска глаз и изгибов губ, всей гаммы эмоций от серьезности к веселью и от бесшабашного, радостного смеха к невидящему взгляду, устремленному вдаль».

Конгрессмен Генри Дауэс из Массачусетса сказал: «Ни у одного человека не было такой политической проницательности (как у Линкольна), дававшей ему возможность собирать вокруг себя людей, искренне поддерживавших правительство, и соперников, имевших антагонистические теории, непримиримых врагов, которые в других условиях развалили бы любое правительство. Он становился все более мудрым, горизонты становились все более широкими; по мере того как

увеличивались трудности и множились опасности, он становился все сильнее, пока в конце концов стал чудом нашей истории…»

Лэймон сказал, что Линкольн рассматривал необходимость носить перчатки на официальных церемониях, как «жестокое обращение с животными». На одном приеме президенту захотелось особенно сердечно пожать руку старому иллинойскому другу, и белые лайковые перчатки с треском лопнули. Стоявшие в очереди услышали слова Линкольна:

— Что ж, мой дорогой друг, не нам с тобой их носить. Они не пригодны для рукопожатий между старыми друзьями.

Он вообще не любил перчаток, рассказывал Брукс; он видел, как Линкольн однажды вытащил семь или восемь пар перчаток из карманов пальто, где он накопил все, что ему каждый раз навязывала миссис Линкольн.

Однажды Линкольн с женой и другими лицами посетили госпиталь. Линкольн и Брукс остановились у койки раненого солдата, который в бледной руке держал какой-то листок и смеялся. Линкольн заметил, что дама из религиозного общества, давшая солдату этот листок, стоит поблизости, и сказал солдату:

— Вряд ли уместно смеяться над презентом. Дама, несомненно, хотела сделать благое дело.

— Как же мне не посмеяться, мистер президент, — сказал солдат, — эта женщина дала мне трактат «Танцевать — грех», а у меня обе ноги оторваны.

Старый нллинойский приятель организовал банк на основании нового закона о банках и предложил часть акций Линкольну; президент отказался, так как он считал невозможным извлекать прибыль из закона, принятого под его руководством.

Федеральная кавалерия совершила крупный рейд в тыл противника, и все газеты шумно его приветствовали, несмотря на то, что коммуникации противника не были перерезаны. Линкольн сказал Уитни:

— Такая езда хороша для цирка. Она годится и для заполнения газетных столбцов, но практической пользы-то никакой!

Молодой бригадир с небольшим кавалерийским отрядом заблудился и попал в расположение войск конфедератов в Виргинии. Его захватили в плен. Получив об этом сообщение, Линкольн сказал:

— В любой день я могу найти другого лучшего бригадира, но эти кони стоят правительству по сто двадцать пять долларов каждая.

Томасу Джеймсу из Ютики в штате Нью-йорк Линкольн сказал:

— Я не руковожу — мной руководят события.

Принц де Жуанвиль спросил президента, какую он проводит политическую линию? Линкольн ответил:

— Никакой линии у меня нет. Моя жизнь уходит на то, чтобы не дать шторму унести мою палатку, и я забиваю колышки с такой же быстротой, с какой буря их вырывает.

Об одном ораторе он сказал: «Больше чем кто-либо другой он может втиснуть максимальное количество слов в свои самые незначительные идеи». Николаи слышал его оценку оратора с Юго-Запада: «Он поднимается на трибуну, отбрасывает голову назад, сверкает глазами и предоставляет богу отвечать за последствия».

Линкольн боялся длинных речей. При поднятии флага у южного фасада казначейства вся его речь состояла из одной фразы:

— Мне предстоит поднять этот флаг, и если механика подъема не откажет, я это сделаю, после чего уже дело народа держать его развевающимся на должной высоте.

Стремясь избежать нежелательной газетной шумихи и вторжения политиков и искателей должностей, Линкольн договорился с директорами двух театров о том, чтобы он мог пользоваться служебным входом для актеров и незаметно пробираться в одну из лож. Брукс рассказывал: «Спрятавшись за портьерой, он просмотрел много пьес; о его присутствии в театре публика и не подозревала».

В Америке и за границей все чаще приходили к убеждению, что наконец-то страна имеет президентом стопроцентного американца. Он олицетворял страну хотя бы тем, что у него не было предшественников, по которым он мог бы равняться в своих действиях.

Изобретательный янки, пограничный житель и пионер, кентуккиец, любящий юмор и мечту, — все это нашло гармоничное сочетание в одном человеке, ставшем первым в стране. Глубоко в сердцах американцев Линкольн зародил надежду, за осуществление которой люди готовы были воевать, бороться, умирать, — за грандиозную, пусть несколько туманную вероятность того, что Линкольн ведет их вперед к более великой цели, чем та, о которой они мечтали.

Кроме того, в Линкольне воплотилась вера в то, что демократия все же дает возможность избрать человека из народа, поднять его высоко, сделать его сильным и уважаемым и что сам этот процесс меняет что-то в избраннике, выявляет в нем новые таланты, способность управлять, предвидеть, применить свой разум, делает его иным, лучшим, нежели тот, кого они выбрали и

благословили на присягу и торжественное обещание выполнить свой трудный и страшный долг главы нации.

В общении с земледельцами, текстильщиками, хлопкоробами, золотоискателями, рудокопами, шахтерами, металлистами проявлялось его природное чутье. Если его деятельность окажется полезной, он будет назван Отцом своего народа, человеком, чье сердце билось в унисон с большинством из тех, кто приходил к нему в Дом правительства.

Ни в одной из 31 комнаты Белого дома Линкольн не мог чувствовать себя спокойно. Повсюду ему чудились призраки — юноши, погибшие на войне, шагали повзводно; возникали иллюзорные тени матерей, которые уже никогда больше не прижмут сыновей к своей груди. Немые их стоны в темноте ночи или в сером полумраке рассвета всегда слышались этому человеку.

Нескончаемые думы о крови и стали, о стали и крови, доводы, провозглашаемые пушками в течение многих месяцев, дело, высоко поднятое и воспетое кроваво-красными штыками, — думать обо всем этом в течение ночей и месяцев, складывавшихся в годы, было тягостно. Эти думы изводили его и рождали вопросы: чему же учат события, кто из них извлекает пользу, что ждет людей впереди?

Гремели барабаны войны, телеграф отстукивал списки убитых, иногда их насчитывалась тысяча, иногда десять тысяч в день.

Какое спасение, какие празднества сулили клубы черного военного дыма? Смерть носилась повсюду; рождалась также и новая жизнь. Люди еще не понимали, что именно умирало. И никто не мог сказать, что же рождалось.

10. Геттисберг. Осада Винсберга. Глубокие течения 1863 года

В последних числах июня вести о продвижении армии Ли доминировали над всеми другими сообщениями прессы. Где-то далеко в тылу генерал Ли оставил Ричмонд и охранявший его небольшой гарнизон. Ли и его шеф Дэвис решили, что «ценные результаты» может дать взятие Гаррисберга, Филадельфии, Балтимора и Вашингтона; кроме огромного количества продовольствия, военного снаряжения и всякого рода припасов, можно было добиться признания конфедерации Европой. Хорошо информированные люди считали, что у Ли в этом походе была армия почти в 100 тысяч солдат и 250 пушек.

Английский подполковник Фремантл, сопровождавший армию вторжения, отметил, что все солдаты были охвачены чувством «глубочайшего презрения к противнику, неоднократно ими битому».

Спрингфилдская «Рипабликан» настаивала, чтобы Линкольн самолично стал во главе войск; он был стратегом не хуже многих генералов Севера, а его присутствие на поле боя могло бы поднять энтузиазм солдат. Линкольн убеждал Мида, что его целью должен быть не Ричмонд, а армия Ли. Мид преследовал Ли, имея приказ Линкольна «разыскать и сразиться» с врагом. Дни уходили, но ни Мид, ни Ли не знали, где находится противник. Ли намеревался захватить Гаррисберг, тамошние склады снабжения, затем дать сражение Миду и пойти на Филадельфию.

В один из ясных летних дней Ли, проезжая верхом на коне, вдруг увидел в конце уходящей вдаль дороги дым сражения, которое он не планировал. Передовые дивизии столкнулись с колоннами противника, обменялись выстрелами и ввязались в бой, которому суждено было развернуться вокруг маленького городка Геттисберга. Ли мог отступить, но мог и продолжить схватку. Он предпочел последнее.

Ставки были очень крупные, шансы на выигрыш у Ли изрядные. Новый командующий северян никогда еще не разрабатывал планы крупного сражения, не руководил большой армией в условиях фронтальных атак большого масштаба. К тому же совсем недавно кончился срок службы ветеранов — 58 северных полков было демобилизовано. Опытные солдаты разъехались по домам, а их место заняли зеленые новобранцы и милиция.

Один фактор был против Ли: ему пришлось сказать своим канонирам, чтобы они не слишком расходовали снаряды. А у артиллеристов Мида их было сколько угодно. К тому же Ли ушел далеко от родной Виргинии, где он очень хорошо знал местность и людей. А солдаты Мида сражались за свои дома, за женщин, скот, земли.

В первый день Ли наносил удары по левому флангу федералистов, во второй день он бил по правому флангу. К концу второго дня Мид рапортовал Линкольну, что враг «повсюду отброшен». На третий день, 3 июля, Ли нанес сокрушительный удар по центру. Под началом у конфедерата Лонгстрита действовал генерал Джордж Пикет, высокий, тонкий как стрела мужчина. На галопе у него развевались усы и козлиная бородка Он повел за собой 15 тысяч солдат, которым предстояло преодолеть пологий подъем длиной с милю, чтобы дойти до центра позиций противника. Прежде чем повести своих людей в атаку, Пикет передал Лонгстриту письмо для невесты, которая дожидалась его в Ричмонде. «Если кивок старины Питера (Лонгстрита) означает для меня смерть — «прощай, и да благословит тебя бог, моя маленькая». Офицер предложил Пикету фляжку с виски: «Давайте выпьем; через час вы будете в аду либо покроете себя славой». Пикет отказался; он обещал «своей маленькой», что не будет пить.

Над колонной развевался голубой флаг Виргинии. Пятнадцать тысяч солдат шагали по открытой местности ровно и четко, как на учебном плацу. Тяжелые ядра и картечь артиллерии Мида опустошали ряды наступающих; затем прибавился град ружейных пуль. Почти целую милю конфедераты прошли под ярким солнцем, и каждый из них представлял собой хорошую мишень для метких стрелков Мида, скрытых за каменными оградами и брустверами. Они выполняли приказ — ведь дядя Роберт Ли сказал о них, что они готовы пойти куда угодно и совершить что угодно.

Люди падали, их места немедленно занимались другими, ряды смыкались. Офицеры валились с коней на землю, но в бою так и полагается. Может быть, лишь половина из тех, кто пошел в наступление, достигла позиций северян на вершине Семитри Ридж.

Затем в дело была пущена холодная сталь штыков, приклады мушкетов. Конфедераты дошли до последней и наиболее укрепленной линии северян. Флаг конфедератов был, наконец, водружен над оборонительными лилиями северян, но, потеряв больше половины атакующей колонны, южане не смогли завершить разгром противника.

Побледневший от волнения Мид поскакал к поставленным под угрозу позициям. Узнав, что атака отбита, он только и мог произнести: «Слава богу!»

Ночью 4 июля на армии обеих сторон обрушился ливень, и Ли приказал своим войскам отступить к реке Потомак. Пока шли бои в течение трех суток, Мид не раздевался и спал только урывками: все время он отдавал приказы командирам корпусов. Это была самая кровавая битва в этой войне. Согласно сводкам северяне потеряли 23 тысячи убитыми, ранеными и пропавшими без вести; потери южан достигли 28 тысяч.

В своем кабинете Линкольн следил за ходом боев по перемещениям цветных флажков на карте. Вошел Чэндлер, рассказал о глубоком волнении, охватившем всех, так как казалось, что судьба нации висит на волоске. Он увидел «беспокойного, озабоченного Линкольна, шагавшего вперед и назад по кабинету; Линкольн читал донесения, говорил что-то про себя, часто останавливался у карты, чтобы определить позиции сражающихся».

4 июля президент оповестил страну, что сообщения, полученные 3 июля к 10 часам вечера, говорят о том, что потомакская армия покрыла себя славой и что победа дела Союза в будущем обеспечена. В знак памяти о павших смертью храбрых он просил отметить день, когда исполнилась воля бога, давшего победу Северу.

Линкольн не уходил из военного министерства, он жадно читал все сообщения, передававшиеся по телеграфу. Он прочел приказ Мида по войскам потомакской армии, и когда дошел до фразы, в которой говорилось, что «захватчики изгнаны с нашей земли», на его лице отразилось полное разочарование, руки упали на колени и в его голосе прозвучала глубокая душевная боль:

— Изгнали захватчиков с нашей земли… Боже мой! И это все?

Он ушел из министерства. Вскоре пришли сообщения, что противник начал переброску раненых через Потомак.

Пока шла геттисбергская битва, Линкольн не упускал из виду и события на фронте у Гранта. Долгие месяцы президенту не давали покоя операции под Виксбергом. Грант делал все, чтобы взять измором армию конфедератов в Виксберге, и одновременно отбивал все попытки войск южан пробиться в осажденный город. Линкольн все еще надеялся, что генералу удастся добиться крупного успеха.

7 июля Уэллес принес президенту рапорт адмирала Портера, принимавшего участие в осаде Виксберга; он сообщил, что город,

его укрепления и 30 тысяч солдат Пембертона, наконец, сдались Гранту и его армии. Когда Уэллес вошел в кабинет, президент и Чэйз, окруженные группой людей, изучали по карте положение армии Гранта.

Уэллес рассказал о содержании телеграммы Портера. Президент тут же встал со своего места и сказал, что обсуждать положение в Виксберге и на фронте больше нет нужды.

— Я сам протелеграфирую эти новости генералу Миду, — сказал он и взялся за шляпу, но тут же остановился и, широко улыбнувшись, посмотрел вниз на Уэллеса, взял его за руку, обнял и возбужденно выпалил: — Что нам делать с морским министром, принесшим такие чудесные новости? Я просто не нахожу слов для восторга по поводу этой победы. Это великолепно, мистер Уэллес, великолепно!

Они вышли вдвоем и прошлись по лужайке перед Белым домом.

— Эта победа поможет Банксу и вдохновит меня, — сказал президент.

Линкольн предложил Галлеку немедленно сообщить Миду, что Виксберг 4 июля пал. И добавил:

— Если Мид сможет завершить прекрасно начатое дело полным или частичным уничтожением живой силы Ли, с мятежом будет покончено.

Уэллес записал: «Цены на золото упали на 10–15 процентов… вся страна ликует». Большая толпа народа пела под духовой оркестр у окна президента. Он сказал дожидавшимся его выступления, что не в состоянии сейчас отдать должное происшедшим замечательным событиям.

Грант показался Линкольну непонятным человек ком. Оторванный от центра страны, он захватил в плен целую армию неприятеля, добился величайшей победы Союза за все время ведения войны, взял последний плацдарм конфедератов на Миссисипи, но сам не сообщил об этом Вашингтону. Неужели он предложил адмиралу Портеру взять на себя эту обязанность? Это, пожалуй, больше походило на небрежного в формальностях Гранта. У Уэллеса есть запись: «Военный министр и генерал Галлек недовольны тем, что я получил информацию от адмирала Портера о падении Виксберга раньше их, а также тем, что я тут же оповестил об этом всю страну, не дожидаясь подтверждения военного министерства».

Порт Гудзон, несколько южнее по реке, был захвачен генералом Банксом. В рапорте значились 6 тысяч пленных, 51 пушка, 5 тысяч ружей. Грант отпустил свои 30 тысяч с лишним пленных по домам. Он был уверен, что они слишком устали от

войны, чтобы снова ввязываться в нее. Задержал он у себя генерал-лейтенанта Пембертона, любимца президента Дэвиса, 4 генерал-майоров, 15 бригадных генералов, 80 штабных офицеров.

8 июля Мид написал Галлеку: «Думаю, что самое решительное сражение произойдет в ближайшие дни». Через два дня он получил совет Галлека: «Лучше не торопиться с генеральным сражением. Соберите раньше все свои силы, подтяните резервы и подкрепления». 12 июля Мид сообщил Галлеку, что собирается на следующий день атаковать неприятеля, «если что-нибудь непредвиденное не помешает». Он понимал, что промедление даст возможность усилиться противнику. Телеграфист военного министерства Альберт Чэндлер рассказывал, что когда это сообщение пришло от Мида, Линкольн нервно зашагал по комнате, ломая пальцы рук.

Они будут готовы начать грандиозное сражение тогда, — сказал он, — когда противника и след простынет.

Прошел еще день. Галлек телеграфировал Миду: «Вы достаточно сильны, чтобы атаковать и разбить противника, прежде чем ему удастся закончить переправу своих частей. Действуйте в соответствии со своей личной оценкой положения и заставьте генералов выполнить ваши приказания. Не собирайте военных советов. Общеизвестно, что военные советы всегда уклоняются от решительных сражений. Подкрепления продвигаются к вам со всей возможной скоростью. Не дайте врагу ускользнуть». Характер телеграммы говорит о том, что составлял ее Линкольн, а не Галлек.

Однако еще накануне ночью Мид собрал генералов на военный совет. Выяснилось, что только два корпусных командира хотели драться. Мид высказался за немедленное наступление, но, когда дискуссия закончилась, решил подождать. В понедельник 13 июля Хэй отметил в своем дневнике: «Президент озабочен и обеспокоен молчанием Мида». Утром 14-го: «Президент подавлен депешами Мида, полученными прошлой ночью. Они составлены в осторожных, даже робких выражениях… разговоры о разведке слабых пунктов противника и тому подобное». Президент опасался, что Мид будет бездействовать. В полдень пришло еще одно сообщение: противник ушел, не понеся дальнейшего урона. Президента это глубоко огорчило.

— Они были в наших руках, — сказал он Хэю. — Нам нужно было только протянуть руку, и мы бы их схватили за горло. И все, что бы я ни говорил, что бы ни делал, не сдвинуло армию с места.

Уэллес винил главным образом главнокомандующего Галлека: «За весь период летней кампании я не увидел, не услышал, не получил никаких доказательств силы, таланта, воли

или инициативы генерала Галлека. Он ничего не предложил, ничего не решил, ничего не сделал; только ругался, курил и почесывал свои локти».

15 июля 1863 года президент издал «Прокламацию благодарения». Союз штатов будет сохранен, его конституция защищена, мир и процветание установлены навечно. «Да будет известно, что день 6 августа мной назначен днем всенародного благодарения, молитвы и восхваления. Я приглашаю народ Соединенных Штатов собраться по этому случаю в обычных для него местах богослужения… и отдать должное всевышнему за изумительные его деяния в пользу нации…»

В день издания прокламации достоинству и величию правительства США был брошен вызов. Правительство пошатнули, загрязнили оскорблениями, создали угрозу самому его существованию. В крупнейшем городе страны возникли беспорядки, чинилось насилие.

13, 14 и 15 июля в Нью-Йорке толпы горожан и шайки грабителей принялись по заранее разработанному плану громить различные правительственные учреждения. Они выгнали начальника военной полиции из его кабинета, разломали барабан-вертушку, из которого вытаскивали фамилии очередных новобранцев, разорвали в клочки регистрационные книги и разный документы, полили все скипидаром, подожгли здание, прогнали прибывшую полицию и пожарных. Кроме мобилизационного бюро, сгорело 6 зданий. Толпы разгромили и сожгли еще одно мобилизационное бюро на Бродвее, разграбили близлежащие магазины, сожгли 12 домов, разбили стекла и двери дома республиканского мэра Опдайка, разграбили его имущество и в полночь сожгли дом генерального почтмейстера США Абрама Вэйкмана, предварительно разграбив имущество. Были сожжены здание паромной переправы, гостиницы, аптеки, магазины одежды, фабрики, салуны, хозяева которых отказывались бесплатно поить грабителей, полицейские участки, методистская церковь, протестантская миссия, сиротский приют для черных детей.

Из арсенала прогнали 40 полицейских и 15 вооруженных рабочих, убив при этом пятерых, захватили мушкеты и патроны, затем арсенал подожгли. Ежедневно эти шайки вешали по три негра; был повешен на фонарном столбе капитан 11-го гвардейского полка штата; негритянское население бежало из города. Были воздвигнуты баррикады на нескольких улицах. Бунтовщики распевали песни вроде: «Мы повесим старика Грили на ветвях закисшей яблони и отправим его прямо в ад»; орали: «К черту мобилизацию и войну!» и «Передайте старине Эйбу, пусть-

ка приедет в Нью-Йорк!»

Не слепая ярость выгнала толпы на улицу. Кто-то все продумал, выбрал время, когда губернатор отправил боеспособные части в Геттисберг. Против бунтовщиков можно было выставить всего лишь 1 500 полицейских. Денно и нощно они дрались, пуская в ход дубинки и револьверы. Десятки полицейских были убиты, сотни ранены.

В первые дни бунтовщиками двигало одно чувство: они ненавидели мобилизацию. Бунт начался в понедельник, а в предыдущую субботу человек с завязанными глазами вытащил из барабана-вертушки 1 200 листков с фамилиями новобранцев. Фамилии эти были опубликованы.

Если они поверили таким газетам, как «Уорлд», «Джорнэл оф коммерс», «Экспресс», «Дэйли ньюс», «Дэй бук», «Мэркюри», они добровольно становились пушечным мясом тиранического и деспотического правительства, ежедневно нарушающего конституцию и основные законы страны. Против правительства и мобилизации выступили бывший президент США Франклин Пирс и губернатор Нью-Йорка Симур.

Независимо от всяких дискуссий огромное значение приобрел простой и ясный факт — за 300 долларов любой рекрут мог купить себе замену. Оказалось, что это «война для богатых и смерть на поле боя для бедных», как говорили в 5 тысячах салунов и за семейным столом в 100 тысячах домов нью-йорка.

Толпы несли плакаты с лозунгами: «Долой обязательную военную службу!» и «Долой 300-долларовый выкуп!» Но были и демонстранты с плакатами: «Кровь бедняка — это золото для богача». Были и шайки преступников из молодежи, занимавшиеся только грабежами и поджогами.

13 июля мобилизованные, их родственники и друзья, к которым присоединились тысячи сочувствующих, вооружились дубинками, палками, брусками и железинами, собрались на пустырях и организованно двинулись к пункту недалеко от Сентрал-парка. Первоначальные действия этого людского урагана были похожи на бунт народа против правительства, проводящего при рекрутировании дискриминацию между богатыми и бедными. Но во второй и третий дни тон задали шайки преступников: в то время в Нью-Йорке последних насчитывалось 50–70 тысяч. Их целью стал грабеж и разгром полицейских участков.

Губернатора Симура вполне устраивало несколько мелких вспышек, которые можно было бы охарактеризовать как здоровый демократический протест против обязательной воинской повинности, но когда толпа вышла из-под контроля и начала войну против богачей, он решил, что наступила пора поставить

вопрос о неприкосновенности собственности, о безопасности и строгом соблюдении законов и что это гораздо важнее, нежели проблема неприкосновенности личности и классовой дискриминации в законе о военной службе.

По приказу из Вашингтона призыв новобранцев был отложен, и сразу наступило заметное успокоение. К тому же прибыли воинские части из потомакской армии: пехота, кавалерия, артиллерия. Бунт кончился, когда 150 солдат кадровой армии остановили толпу из 2 тысяч человек и дали залп боевыми патронами в воздух. Их забросали камнями. Солдаты дали залп по бунтовщикам, убили 12 человек, ранили значительно больше, и беспорядки прекратились.

К 19 августа в Нью-Йорке уже было 10 тысяч солдат потомакской армии. Им помогала 1-я гвардейская дивизия штата Нью-Йорк. Губернатор Симур объявил, что граждане обязаны подчиняться закону о военной службе. Начали работать новые мобилизационные пункты. По улицам города разъезжали конные патрули.

Теперь призыву оказывалось скрытое сопротивление. Газеты «Уорлд», «Экспресс», «Дэй бук», «Мэркюри», суетливые политиканы, врачи, дававшие свидетельства о состоянии здоровья, торговцы секретными снадобьями, адвокаты — все они делали всё от них зависевшее, чтобы помочь уклонявшимся от военной службы.

Линкольн послал Симуру точные сведения о ходе призывной кампании: из барабанов-вертушек вытянули фамилии 292 441 военнообязанного. Из них 39 877 вовсе не явились для медицинского освидетельствования, 164 394 были по разным причинам освобождены от военной службы, 52 288 уплатили по 300 долларов за освобождение, и правительство получило от них 15 686 400 долларов прибыли. Из оставшихся 35 882 призывников 26 002 купили заместителей. Таким образом, осталось всего 9 880 человек, у которых не было влиятельных заступников среди политических деятелей или которые действительно хотели вступить в армию и воевать с мятежниками.

Линкольн отправил письмо Джеймсу Конклингу с просьбой прочесть его на массовом митинге в Спрингфилде. «Среди вас есть люди, которым не нравится моя деятельность. Им я говорю: «Вы хотите мира и вините меня в том, что мира нет. Можно добиться мира, подавив мятеж силой оружия. Я это стараюсь сделать. Вы против этого? Если нет, значит мы заодно. Если вам этот путь не нравится, есть другой — сдать Союз южанам. Вы за этот путь? Тогда скажите об этом открыто. Если вы против

применения силы и в то же время против ликвидации Союза, остается лишь какой-то воображаемый компромисс».

Он обещал, что если правители южан предложат заключить мир, «предложение не будет ни отвергнуто, ни скрыто от вас».

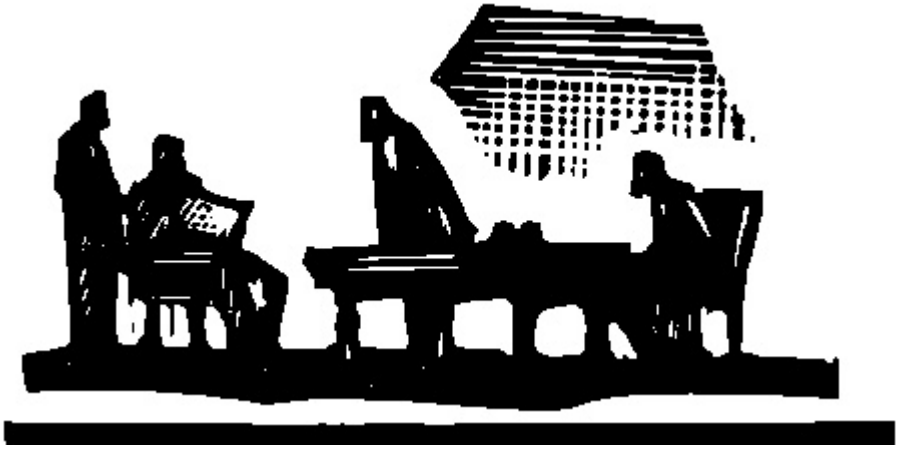
> «…Мир не так уж далек… и когда он придет… станет ясно, что у свободных людей не может пользоваться успехом применение пули вместо избирательного бюллетеня… Тогда вспомнят, что черные внесли свою долю в достижение великой цели, и несомненно, будут белые, которые не смогут забыть, что со злобой в Сердце и лживым языком они пытались помешать достижению мира».

Ни одно письмо, обращение или государственной важности документ, написанный Линкольном, не обсуждался с такой теплотой. Нью-йоркская «Таймс» писала, что «…ни один мастер красноречия не высказывался так точно в соответствии с поставленной задачей, и все же нет ни одного слова в письме, которое не было бы понятно самому простому пахарю… Сегодня Линкольн самый популярный человек в республике…»

Живя в одном доме с президентом, Хэй видел своего шефа под влиянием самых разнообразных настроений. В эти дни Хэй записал: «Президент в ударе. Редко бывал он таким безмятежным и работоспособным. Он руководит армиями, контролирует призыв, направляет работу дипломатов, планирует реконструкцию Союза, и все это он делает одновременно. Только теперь я вижу, что он диктует кабинету свою непреклонную волю. Он решает важнейшие вопросы, и никто не осмеливается придраться к нему… Нет равного ему в стране по мудрости, вежливости и твердости».

На исходе лета и в начале осени 1863 года заметно усилилась лояльность к Линкольну, вера в его проницательность, в его знание путей и способов к достижению поставленной цели.

На его призыв откликнулся миллион добровольцев, готовых отдать свой труд и кровь за дело народа, выразителем интересов которого он был. Прошло немного времени, и он приказал призвать еще 300 тысяч рекрутов. Грант и Шерман, проникшие в самое сердце конфедерации, доказали ему, что война еще только теперь по-настоящему начинается и закончить ее можно лишь в результате решительной, кровавой победы. Война продолжала свирепствовать с таким ожесточением, что часто у той и другой сторон не оставалось времени для погребения убитых в боях.



ЛИНКОЛЬН — ЦЕНТР БУРИ

1. «Масса Линнам, он есть везде»

Шерман писал Линкольну из штата Миссисипи: «Мы должны управлять Югом, иначе Юг будет управлять нами. Мы должны победить их, иначе они победят нас. Они хотят победы и только победы, поэтому разговоры о компромиссе — чепуха, они встретят такое предложение презрением… Мы должны дать им такую войну, чтобы в течение ряда поколений им больше не хотелось браться за оружие…»

Шерман излагал свою доктрину террора: «…мы устраним и разрушим любое препятствие и, если придется, лишим жизни всех, отберем всю землю до последнего акра, все имущество, все, что мы найдем нужным отобрать, и не остановимся до тех пор, пока не достигнем поставленной цели…»

Линкольн явно заинтересовался планом, предложенным ему Гилмором из нью-йоркской «Трибюн». Гилмор предлагал выяснить, действительно ли 33-летний губернатор Северной Каролины Зебулон Ванс готов был присоединить свой штат к Союзу.

Глубокие противоречия разделяли Ванса и правительство Дэвиса. Плантаторы-аристократы, рабовладельцы, поборники отделения не имели в Северной Каролине такого сильного влияния, как в хлопковых штатах. Здесь было другое по составу население: горцы, фермеры, жители морского побережья. Ванс предупредил, что он окажет вооруженное сопротивление, если конфедераты попытаются попрать неприкосновенность личности граждан штата. Ванс послал протест Ричмонду против личных спекуляций офицеров военного министерства в Северной Каролине. Полк из штата Джорджия ночью 9 сентября сжег и уничтожил редакцию газеты «Стандард» в городе Рэйли; в отместку толпа штатских утром следующего дня сожгла и уничтожила в том же городе редакцию «Стэйт джорнэл». Ванс сказал Дэвису:

— Когда солдаты с оружием в руках, под водительством своих офицеров, безнаказанно нарушают законы штата, остается сделать один шаг либо в сторону анархии, либо в сторону деспотии».

Полк из Джорджии возненавидел «Стандард» за пропаганду мира. Сам Ванс принял участие в подготовке статьи, напечатанной 31 июля 1863 года, в которой выделялась фраза: «Народ штата настойчиво требует мира, мира на любых условиях, которые не унизят и не поработят нас».

Гилмор сообщил Линкольну, что Ванс готов пойти на

воссоединение и «на любой мир, совместимый с честью». Рабство — мертво, конфедерация безнадежно проигрывает. Крупнейший богач штата Кидер был заинтересован в том, чтобы Гилмор тайно пробрался в Вилмингтон, где ему предстояло встретиться в доме Кидера с Вансом и получить у него условия мира. Однако прошло много времени, а этот план так и не осуществился. В декабре 1863 года Ванс прямо и открыто потребовал у Дэвиса «попытаться вступить в переговоры с неприятелем».

И в других районах Юга люди склонялись к восстановлению Союза; одно из графств в Алабаме отменило рабство и отказалось поставлять солдат для армии конфедератов. Линкольн реагировал на все эти проявления. Но как он это делал, осталось тайной — он не оставил никаких записей.

Французское правительство сообщило американскому послу в Париже, что чем скорее американское правительство проявит свое желание признать правительство эрцгерцога Максимилиана, посаженное в Мексике французской экспедиционной армией, тем скорее эта армия будет склонна вернуться во Францию. Сьюард ответил, что президент намерен погрешить в сторону нейтралитета. Более определенно, нежели в намеренно завуалированной формулировке дипломатов, Линкольн ответил на вопрос генерала Джона Тэйнера:

— Мистер президент, как насчет французской армии в Мексике?

Линкольн пожал плечами и нахмурил лоб.

— Не то чтоб я был напуган, но мне не нравится положение вещей. Луи Наполеон воспользовался нашими трудными обстоятельствами и хочет установить монархию на мексиканской земле, полностью игнорируя доктрину Монро. Моя политика проста — иметь дело только с одной бедой одновременно. Когда мы благополучно избавимся от наших теперешних неприятностей, я предложу оповестить Наполеона, что пора ему убрать свою армию из Мексики. А когда армия уйдет, мексиканцы сами позаботятся о Максимилиане.

Военный департамент штата Миссури возглавлял 32-летний генерал Джон Шофилд. Он окончил Уэст-Пойнтскую военную академию, потом стал профессором физики, затем начальником штаба у генерала Лайона. Теперь он оказался в роли главного сторонника Линкольна в рабовладельческом штате, охваченном гражданской войной. Он сообщил президенту, что тысячи отпущенных Грантом из-под Виксберга военнопленных организовали тайные шайки, объединились в полки и отряды. Они совершали налеты на склады федералистов, забирали продовольствие, крали лошадей и деньги, сжигали дома и

железнодорожные мосты, грабили деревни и города, убивали и вешали сторонников Севера. Шофилд считал, что в одном только Миссури действует 5 тысяч вооруженных бандитов. Для наведения порядка Шофилду пришлось сформировать 10 полков федералистов.

Приказы Шофилда часто не выполнялись из-за противодействия со стороны временного губернатора Миссури, 65-летнего Гамильтона Гамбла. Он объявил антиконституционным призыв Линкольна в армию и склонялся на сторону тех, кто хотел бы сделать Миссури независимым как от Севера, так и от Юга и готов был бить интервентов как в голубой форме, так и в серой. Его назначили временным губернатором штата после того, как федеральные войска изгнали из столицы штата законно избранного губернатора Джексона.

Линкольн знал, что Гамбл определил 1870 год как последний год рабства в Миссури, но рабство должно было прекратиться при своеобразных условиях: негры, достигшие 40-летнего возраста, оставались рабами до конца своей жизни, негры моложе 12 лет должны были оставаться рабами до 23-летнего возраста, а все остальные — до 4 июля 1876 года. Съезд радикалов Миссури решительно заявил, что временное «прорабовладельческое» правительство Гамбла парализовало власть Союза в штате Миссури. Была избрана делегация из 70 человек, по одному представителю от каждого графства штата, которой предстояло посетить президента и изложить ему свои претензии. В Вашингтоне к этой делегации присоединилась делегация из Канзаса, имевшая примерно такое же поручение. Обе делегации составили список жалоб не только на Гамбла, но и на Шофилда.

30 сентября в 9 часов утра 88 делегатов вошли в огромные парадные двери Белого дома. Тут же эти двери заперли и не открывали до конца заседания. По требованию делегаций на заседание не допустили репортеров и посторонних.

Президент внимательно и терпеливо выслушал заявление, прочитанное Чарльзом Дрэйком, 52-летним юристом из Сент-Луиса. Затем Линкольн встал и произнес длинную речь. Один из делегатов, Инос Кларк, был весьма разочарован вступительной частью речи: Линкольн производил впечатление крючкотвора, выступающего перед судом с участием присяжных. Но постепенно выяснилось, что это был ловкий прием оратора-мастера. В речи Линкольна прозвучала новая, неожиданная нотка:

— Я намерен направлять дела правительства таким образом, чтобы, когда придет пора передать власть в другие руки, у меня не оказалось ни одного друга в стране, кроме меня самого… Я обязан действовать в интересах всех слоев общества, дабы я смог

утвердить верховенство правительства…

Он обещал внимательно разобраться в их жалобах, но предупредил, что одни впечатления о действиях Шофилда ничего не значат: нужны факты. Линкольн подчеркнул, что Шофилд приостановил действие закона о неприкосновенности личности по официальному приказу президента.

— Вы возражаете против применения этого приказа в Миссури. Иными словами, то, что правомерно, когда применяется к противникам, неправомерно, когда применяется к вам самим. Но я подумаю и об этой вашей претензии.

Они утверждали, что Шофилд надел намордник на прессу. Линкольн сказал, что раз газета призывает к бунту и беспорядкам, он вправе закрыть ее, но только при этом условии. Один из делегатов прервал его:

— Мы думали, что это применимо только к нашим противникам.

— Все понятно. Ваши представления о справедливости меняются в зависимости от того, к кому применяется закон.

Хэй отметил, что Линкольн мгновенно, кратко и точно парировал все нападки, и те, кто собирался выступить в поддержку претензий, отступились, расстроенные и подавленные. Линкольн заявил, что когда человек голосует за кредиты правительству, за мобилизацию в армию, громит дезертиров, делает все, что в его власти, чтобы помочь довести войну до победного конца, то его, Линкольна, не интересуют политические воззрения этого человека, даже если он против отмены рабства. Наконец со всеми вопросами было покончено. Тогда выступил глава делегации Дрэйк.

— Мистер президент, мы не можем больше отнимать у вас время. — Он многозначительно продолжал: — Многие из нас, сэр, возвращаются с риском для жизни в районы, где сильны симпатии к мятежникам. И если кто-либо из нашей делегации падет по вине военных представителей правительства, разрешите вам сказать, сэр, что ответственность за их кровь будет лежать на вас, а не на нас.

Глубоко взволнованный, стоял Линкольн перед делегацией, и слезы текли по его щекам. Затем он распрощался с каждым в отдельности, обменялся любезностями со старыми знакомыми и вскоре сердечно хохотал. Недавних слез словно и не было.

Президент удовлетворил третье требование делегации и дал указание, чтобы в выборах принимали участие только те, кто имеет на это бесспорное право. Далее он сообщил, что у него нет надежды на то, что в этом районе в ближайшем будущем воцарится мир. «Если обе враждующие стороны будут на вас

нападать или ни одна из них этого не сделает, тогда считайте, что вы действуете примерно правильно. Остерегайтесь похвалы одной стороны и одновременно нападок другой». Что касается рабства, Линкольн советовал Шофилду: «Не допускайте участия военных в аресте или возвращении беглых рабов хозяевам, а также не разрешайте военным агитировать за освобождение негров или подстрекать негров к оставлению своих хозяев… Только по нашему приказу или по вашему личному распоряжению можно принимать негров в армию… Никому не разрешайте брать на себя функции по конфискации имущества, если не последует специального приказа отсюда».

Новый губернатор штата Кентукки Томас Брамлет был против призыва негров в армию. Он ставил вопрос: что делать с этими солдатами после войны? Он знал, что это очень серьезная проблема в южных штатах.

Чарльз Адамс писал своему отцу: «Я хочу видеть 200 тысяч негров в действующей армии, и тогда, я уверен, настанет время для разговоров о мире».

Освобожденные негры первым делом создавали школы на собственные деньги. Они собирали также средства на строительство церквей. Многие из них теперь формально сочетались браком и устраивали свою семейную жизнь. Возникли своеобразные отношения между неграми. Мулатки, рожденные вне брака, считали чистокровных негритянок ниже себя. Девушка-мулатка отказывалась иметь что-либо общее со своей сводной сестрой, рожденной матерью от мужа-негра, — ведь у нее был белый отец.

Негры боготворили Линкольна. В Бофорте, в бригаде негров, работавшей на пристани, говорили о том, как Линкольн победил их хозяев, что он, несомненно, еще многое сделает для цветных. Подошел престарелый, белоголовый негр. Со всей торжественностью, подобающей пророку, он воскликнул: «Что вы знаете о масса Линкаме? Масса Линкам, он есть везде. Он проходит по всей земле, как сам господь».

2. Чикамога. Победа на выборах 1863 года

После ничейного результата в битве под Мерфрисборо в январе 1863 года генерал Роузкранс оставался в Теннесси в течение шести месяцев. Он возводил укрепления, обучал войска, но не двигался с места. Лишь в конце июня Роузкранс отправился в поход, а 9 сентября, путем маневров, без боя занял Чатанугу, из которой осторожный конфедерат Брагг вывел свои войска.

Линкольн был недоволен тем, что Роузкранс бездействовал в то время, когда армия Джонстона угрожала Гранту под Виксбергом. Роузкранс оказался прототипом Мак-Клеллана, но он не считал, как Мак-Клеллан, что против него плетут сети интриг в Вашингтоне. Больше того, когда Джеймс Гилмор шёпнул ему на ухо, что Горас Грили и его группа намерены выдвинуть его кандидатом в президенты, Роузкранс наотрез отказался: «Мое место в армии», — сказал он.

Роузкрансу было тогда сорок четыре года. В 1842 году он окончил Уэст-Пойнт, состоял четыре года профессором физики и техники в национальной академии. Перед самой войной он организовал компанию по перегонке керосина. Служа под начальством Мак-Клеллана, он показал хорошие боевые качества в Западной Виргинии.

Ричмондское военное министерство договорилось с Лонгстритом о переброске по железной дороге из Северной Виргинии 20 тысяч солдат в помощь Браггу, находившемуся в северной части Джорджии. Таким образом, Брагг смог выставить 70 тысяч против 57 тысяч Роузкранса. 19 сентября обе армии сошлись у притока Чикамога.

Хэй отметил: «В воскресенье утром, 20 сентября, президент показал мне донесения Роузкранса с подробностями первого дня боев. Он обещал полную победу через день. Президента это обещание несколько встревожило».

К концу дня в воскресенье Дана телеграфировал из Чатануги: «Мое сегодняшнее сообщение имеет заслуживающую сожаления важность. Чикамога приобретет в нашей истории такое же фатальное значение, как и Булл-Рэн». Правый фланг и центр были расстроены, левый фланг под командованием генерала Джорджа Томаса, федералиста из Виргинии, выстоял. До захода солнца, до самой ночи, 25 тысяч солдат стойко держались на каменистом холме в виде подковы против неприятеля вдвое больше их числом. Одна из бригад осталась без патронов и встретила ветеранов Лонгстрита в штыки. На следующий день Томас отступил в полном порядке к Чатануге; Брагг не в состоянии был

атаковать его.

Это был день тяжелых боев. Федералисты потеряли 16 тысяч убитыми, ранеными и пропавшими без вести, конфедераты — 18 тысяч.

С наступлением ночи у Линкольна накопилось достаточно сведений о ходе сражения, чтобы совсем лишить его покоя и сна.

Запись в дневнике Хэя: «На следующий день (21 сентября) он (президент) вошел в мою спальню. Я еще лежал в постели, и он сел на мою кровать.

— Ну вот, как я и предполагал, Роузкранса побили. Я этого опасался в течение последних дней.

Я как будто чую неприятности задолго до того, как они приходят.

В тот же день Линкольн послал Роузкрансу телеграмму: «Не падайте духом. Наша вера в вас, в ваших солдат и офицеров нисколько не уменьшилась. Вы сами должны решить главное — что делать дальше…»

Вечером 23 сентября Джон Хэй при свете луны поскакал в Соулджерс Хоум, чтобы пригласить президента на ночной военный совет; Стентон получил дурные вести из Чатануги и безумно волновался. Президент уже лег спать. Хэй прошел к нему и передал приглашение Стентона. Линкольн одевался, а Хэй рассказывал ему подробности. Президент очень встревожился. Хэй уверял его, что ничего серьезного нет, но президент не успокоился, — это был первый случай, когда Стентон посылал за ним. Чэйз записал, что на заседании имело место длительное обсуждение вопроса. Президент и Галлек не хотели ослаблять Мида, а Сьюард и Чэйз решительно требовали посылки подкреплений Роузкрансу.

24 сентября в 2.30 утра Миду послали телеграфный приказ подготовить два армейских корпуса под командой генерала Хукера для переброски по железной дороге. Роузкранс и Дана продолжали просить подкрепления, так как неприятель мог перерезать коммуникации. В восемь утра Экерт сообщил, что разработан график и войска можно будет перебросить по железной дороге в течение пятнадцати дней. Стентон подпрыгнул от радости. В результате 23 тысячи солдат были переброшены на расстояние в 1 233 мили за 11 с половиной суток.

Роузкранс не был разбит, но потерял территорию. Пока он отступал к Чатануге, Линкольн требовал от Бэрнсайда, чтобы тот продвинулся со своей армией к Ноксвиллу и занял Восточное Теннесси. В начале сентября Бэрнсайд при приветственных кликах толпы вошел в Ноксвим. Население вывесило флаги, которые оно давно уже приготовило, но опасалось показывать.

Солдат и офицеров приглашали в семейные дома.

25 сентября Линкольн написал Бэрнсайду: «…19-го вы телеграфировали из Ноксвилла и дважды из Гринвилла. Вы подтвердили получение приказа и обещали поспешить на помощь Роузкрансу. 20-го снова телеграмма из Ноксвилла — вы обещали сделать все от вас зависящее и спешно послать войска Роузкрансу. 21-го вы телеграфировали из Морристауна — вы обещали поспешить на помощь Роузкрансу. И вдруг 23-го телеграмма из Картере Стэйшн, находящейся еще дальше от Роузкранса».

Это письмо Линкольн задержал у себя, а затем и вовсе решил не отправлять. Вместо этого он послал две телеграммы, предлагая спешно направить войска в Чатанугу.

12 октября Линкольн сделал попытку подбодрить Роузкранса: «Вы и Бэрнсайд схватили сейчас противника за горло, и он должен либо вырваться из ваших рук, либо погибнуть… Вам на помощь идет Шерман».

Конфедераты перерезали пути доставки продовольствия и боеприпасов по реке Теннесси для армии Роузкранса. 16 октября Дана сообщил: «Неспособность командующего поражает, и иногда трудно поверить, Что он не сумасшедший. Его глупость принимает инфекционный характер».

В тот же день Галлек написал Гранту в Кейро, Иллинойс: «Прилагаю приказ президента Соединенных Штатов, согласно которому Вы назначаетесь командующим департаментов Огайо, Камберленд и Теннесси». Этим назначением президент поставил Гранта во главе всех военных операций к западу от Аллеганских гор.

20 октября Роузкранс уехал в Цинциннати за новым назначением. 24-го президент сказал Хэю, что после Чикамоги Роузкранс вел себя, «как утка, которую оглушили ударом по голове». 23-го Грант приехал в Чатанугу.

Джордж Томас, «Скала Чикамоги», был странным человеком. Родом из Виргинии, он тем не менее стал сторонником северян. Он окончил Уэст-Пойнт. В апреле 1861 года его назначили полковником и вместе с другими предложили повторно принести присягу верности правительству США. Томас сказал:

— Мне все равно, если министерство потребует, я готов принимать присягу каждый раз, когда сажусь есть.

К этому времени Томасу уже стукнуло сорок семь лет, он успел повоевать с индейцами и мексиканцами, состоял преподавателем артиллерии в Уэст-Пойнте, служил майором в кавалерии. Под Милл-Спрингсом Томас блеснул, под Мерфрисборо он был как огонь и кремень, у Чикамоги он был

недвижим как гранит и оказал неприятелю сопротивление вулканической силы. Внешне он казался вялым, но отличался молниеносной лаконичностью.

На совещании генералов в Мерфрисборо Роузкранс просил прикрыть предполагаемое отступление. Томас на мгновение очнулся от дремоты и произнес:

— Эта армия не может отступать.

На таком же совещании в Чикамоге он задремал и неоднократно просыпался лишь затем, чтобы пробормотать: «Укрепите левый фланг», — как будто он читал будущее в магическом хрустальном шаре и предвидел тяжелый кризис грядущего дня, когда весь фронт распался и только его левый фланг стоял неколебимо. Эта лаконичность снова проявила себя, когда после битвы его спросили, следует ли хоронить убитых отдельно по их принадлежности к штатам.

— Нет, нет, — сказал старина Томас, — перемешайте их. Мне надоело слушать о правах штатов.

Теперь Томаса присоединили к Шерману и другим испытанным командирам с Грантом в качестве командующего западным фронтом. Армии были сконцентрированы у Чатануги, вблизи от границ штатов Алабама и Джорджия, как будто нацеленные в самое сердце Юга.

24 сентября Мид написал своей жене: «Меня вызвали в Вашингтон и указали, что у меня слишком много войск для армии, выполняющей чисто оборонительные функции…»

Мид избегал боев, боясь получить второй Фредериксберг. Линкольн, наоборот, готов был пойти на риск и 16 октября написал Галлеку, что, по его мнению, Ли уверен, что у Мида забрали много войск для отправки на западный фронт и поэтому он не уклонится от сражения в открытом поле. «Если генерал Мид в состоянии его (Ли) атаковать… честь победы будет полностью принадлежать Миду, в случае неудачи всю вину беру на себя».

Никто никогда еще не предлагал такого командующему действующей армией. Линкольн не возражал против того, чтобы это письмо попало в печать. Враждебная ему пораженческая пресса издевалась над «этим глупым и совсем невоенным приказом», как назвала его чикагская «Таймс» в статье под названием «Разоблачение безрассудства Линкольна».

Но Ли снова перехитрил Мида. Он переправился через Раппаханнок, предварительно разрушив железную дорогу, по которой подвозилось снабжение для армии северян. Это давало возможность Ли послать подкрепления Браггу.

Из городов и поселков Севера шли мужчины и юноши в голубой форме, всё на юг и на юг, месяц за месяцем; они

заменяли выбывших из частей. Машина мобилизации работала полным ходом. Генералы говорили, что новые контингенты, как боевой материал, значительно хуже добровольцев первых дней войны.

Федеральные судьи, опираясь на закон о неприкосновенности личности, освобождали от призыва новобранцев. Линкольн пригрозил арестовать несколько судей. 15 сентября была издана прокламация, в которой президент объявил, что действие закона о неприкосновенности личности приостановлено во всех штатах республики до особого распоряжения.

7 августа Хэй писал Николаи, что Вашингтон «теперь уныл, как надгробный памятник без надписи». Причиной этому частично была мобилизация. «Мобилизация крепко ударила по нашему району. Уильяма Джонсона забрали в момент, когда он чистил президенту ботинки…»

В первых числах октября Линкольн подписал подготовленную Сьюардом прокламацию, в которой приглашал всех своих сограждан сделать последний четверг ноября Днем благодарения. Основанием для этого послужила возродившаяся уверенность в том, что дело Союза все же победит.

На Юге понимали, что конфедерация фактически уже побеждена. Впоследствии генерал Даниэл Хил писал: «Барабанная дробь, послужившая сигналом для похода в Пенсильванию, многим из нас казалась похоронным маршем для мертвой конфедерации». Хил был способнейшим помощником Ли. Он понимал, что тающие шансы на победу конфедерации вызывали «потенциальный федерализм» в сердцах инициаторов отделения, тех самых пламенных фанатиков, которые в 1861 году кричали, что «один южанин побьет трех янки».

После июльских поражений Дэвис объявил амнистию бежавшим из армии солдатам и офицерам, если они вернутся в течение 20 дней. Тысячи дезертиров-южан скрывались в горах Алабамы и вели форменные бои с кавалерией, посланной для того, чтобы их арестовать. Артиллерийское управление просило разрешения на переплавку церковных колоколов для военных нужд. Золотой доллар стоил больше десяти конфедератских бумажных. Один луизианец написал своему сыну в армию: «Начали эту войну безусловно пьяные, но кончать ее придется трезвым».

Но и на Севере помнили массовые июньские митинги в Нью-Йорке, когда было выпущено обращение к народу с такими фразами: «Бог не хочет нашей победы в этой войне… Иначе он не поставил бы во главе страны Линкольна с такими помощниками, как Батлер или Бэрнсайд». Во время чтения этого обращения имя

президента ошикали, а имя Валандигама и слово «мир» приветствовали. В салунах посетителям подавали коктейль «Джеф Дэвис», пунш «Каменная Стена», напиток «Форт Самтер».

В Огайо на массовых митингах ораторы символически сняли кожу с Линкольна и прибили ее к дверям амбара.

13 октября состоялись выборы в Огайо и Пенсильвании. Уэллес отметил, что президент в этот день нервничал. Ночью телеграф отстучал результаты выборов: список «медянок» в Огайо собрал 185 тысяч голосов штатских и 2 200 солдат. И все же губернатором был избран кандидат юнионистов Джон Бро, получивший большинство в 61 920 гражданских голосов и 39 179 солдатских. В Пенсильвании переизбрали губернатором Кэртина. Письменное обращение генерала Мак-Клеллана в поддержку противника Кэртина не принесло тому никакой ощутимой пользы.

Партия освобождения и юнионистов победила в Мэриленде, в Миссури, в пограничных рабовладельческих штатах Делавэр, Кентукки и в других штатах.

«Медянки» почти повсюду потерпели поражение.

3. Речь Линкольна в Геттисберге

Печатным пригласительным билетом Линкольн был оповещен, что в четверг 19 ноября 1863 года состоится торжественное посвящение и открытие Национального солдатского кладбища в Геттисберге.

Официальным оратором назначили Эдварда Эверета. Он родился в 1794 году, избирался сенатором США, губернатором Массачусетса, членом конгресса, состоял министром при президенте Филморе, послом в Великобритании, профессором греческого языка в Гарварде, ректором Гарварда.

Для Эверета само понятие о союзе штатов было священным, а вопрос о рабстве — второстепенным, хотя как президент Гарварда в 1846–1849 годах он сказал об абитуриенте негре Беверли Уильямсе: «Если этот парень выдержит экзамены, я его зачислю».

В ответ на приглашение Линкольн сообщил, что приедет на церемонию. Организационная комиссия лишь тогда обсудила вопрос о том, просить или не просить президента выступить с речью.

Уполномоченный губернатора Кэртина в Геттисберге Дэвид Уилс письменно сообщил Линкольну: «…губернаторы нескольких штатов поручили мне просить вас присутствовать и принять участие в этой церемонии… Желательно, чтобы после торжественной речи вы, как верховный руководитель нации, сказали несколько слов о значении этого кладбища как национальной святыни».

Лэймон отмечает, что часть своей геттисбергской речи Линкольн написал в Вашингтоне. Он прочел эти строки Лэймону и сказал, что написанное его не удовлетворяет. Он был очень занят и не смог уделить этому необходимого времени. Много внимания требовали армии Мида и Гранта и такие непредвиденные дела, как свадьба Кэт Чэйз, дочери министра финансов. Линкольн приехал без жены, подарил невесте изящный веер, побыл недолго и уехал. Вероятно, и приехал-то он на свадьбу скорее для того, чтобы не вызывать возможных пересудов и домыслов.

В период, предшествующий церемонии в Геттисберге, два деятеля приложили все силы, чтобы заставить Линкольна почувствовать себя лучшим в мире представителем демократии, народного, правительства, народных масс, противопоставляющих себя аристократии, верхним слоям промышленной и финансовой олигархии. Джон Форбс был одним из этих деятелей. 3 сентября он написал Самнэру: «Меня восхищают ясные речи президента,

обращенные к простому народу». Пять дней спустя он написал еще одно письмо; Самнэр показал его Линкольну.

Югом правила новая аристократия, она, по мнению Форбса, и вела войну в своих интересах. Двадцатью и более рабами «владел класс аристократов» в количестве «28 тысяч человек, что составляло одну 178-ю часть 5 миллионов белых». И Форбс настаивал: «Пусть народы Севера и Юга ясно увидят линию, разделяющую их и аристократию, и с войной будет покончено! Бонапарт, когда он от имени республики воевал с деспотиями в Европе, побеждал в такой же мере своими бюллетенями, как и штыками». Форбс убеждал президента: «У вас есть такая же возможность… Я предлагаю, чтобы вы воспользовались ближайшим случаем и… доказали внимающей вам огромной аудитории, состоящей из простых людей, что это не война Севера с Югом, а война народа против аристократов».

Свои мысли Форбс излагал и английскому либералу Уильяму Эвансу, которому предстояло посетить президента. «Я хотел бы, чтобы вам удалось заставить президента увидеть и почувствовать, что вы, Брайт и другие представляют демократические элементы Англии и что вы видите в Линкольне борца за интересы демократии во всем мире! Как бы я хотел, чтобы мой народ понимал это так же хорошо, как это понимает ваш народ!» После свидания с Линкольном Уильям Эванс 3 ноября ответил Джону Форбсу: «Я отдал должное внимание вашим предложениям».

Следовательно, когда Линкольн готовил свою речь, у него не было недостатка в доброжелательных советниках, рекомендовавших ему выступить в роли представителя мировой демократии. Некоторые газеты утверждали, что Линкольн собирался использовать мертвецов Геттисберга для агитационного политического выступления в предстоящей предвыборной кампании.

Хотя в торжествах в Геттисберге заинтересованы были лишь несколько штатов, для Линкольна они приобретали общенациональное значение; на трибуне будут губернаторы ряда штатов, чье содействие имело огромное значение для успешного ведения войны. Все еще устно и печатно распространялись пасквили и клевета о том, что год тому назад при посещении поля битвы под Антьетамом он непристойно хохотал над своими собственными анекдотами и предложил Лэймону распевать низкопробные комические песенки. Может быть, он собирается повторить свои низости на фоне мрачного жертвенного пейзажа Геттисберга?

Тадеус Стивенс в ноябре 1863 года сказал, что Линкольн «битая карта» в колоде политических деятелей. Он считал, что

Чэйз как президент будет более последователен в борьбе с рабством. Узнав, что в Геттисберг едут Линкольн и Сьюард, а не Чэйз, он словно отрубил: «Мертвые едут возвеличивать мертвых».

17 ноября президент официально утвердил «город Омаху» в качестве начального пункта для строительства железнодорожной линии Юнион Пасифик. Конгресс обязал его это сделать.

Когда 18 ноября Линкольн садился в геттисбергский поезд, его лучший друг — сынишка Тед — лежал а постели, а врачи не знали, чем он болен. Мать все еще горевала по Вилли, и сейчас она была в истерическом состоянии из-за болезни Теда. Но президент считал поездку в Геттисберг своим настоятельным долгом.

Поезд пришел в Геттисберг к заходу солнца. Уилс отвез президента к себе домой. Сонный сельский поселок с населением в 3 500 человек снова почувствовал учащенное биение пульса жизни. В частных домах находили приют крупные политические деятели и совершенно безвестные люди. Сотни приезжих провели ночь на полу отелей. Военные оркестры ревели до поздней ночи на улицах городка. Собралась толпа и под окном у президента. Он сказал:

— В моем положении иногда важно, чтобы я не говорил глупостей. (Голос из толпы: «И это вам удается?») Часто бывает, что единственный способ избежать этого — ничего не сказать. Считаю, что сегодня вечером у меня сложилась именно такая ситуация, поэтому прошу вас извинить меня за то, что на этом я кончу.

Примерно в полночь он получил телеграмму от Стентона: никаких стоящих новостей с фронта нет. Сыну стало лучше.

Утром на кладбищенском холме собралось 15 тысяч человек (одни говорили: 30 тысяч, другие — 50 тысяч), чтобы присутствовать на торжествах: члены правительства США, офицеры армии и флота, губернаторы штатов, мэры городов, полк солдат, медицинский отряд, представители телеграфных агентств, общественных и благотворительных организаций, прессы, пожарных управлений и просто граждане из Пенсильвании и других штатов. В десять утра Линкольн вышел из дома Уилса. На нем был черный костюм, черный шелковый цилиндр и белые перчатки. Он сел на коня и принял парад.

Ему подали длинную телеграмму — Стентон сообщал, что хотя Бэрнсайду в Ноксвилле угрожают, но положение его надежное; Грант начал крупную операцию под Чатанугой; сыну значительно лучше, сегодня его выведут погулять.

Прохождение войск кончилось через пятнадцать минут. Мистер Эверет, оратор дня, еще не приехал. Оркестры играли до

полудня. Наконец мистер Эверет приехал. На трибуне заняли места губернаторы Пенсильвании, Мэриленда, Индианы, Нью-Йорка, Нью-Джерси, Огайо, Эдвард Эверет с дочерью, генералы, послы, члены конгресса, полковник Уорд Лэймон, президент США и слева от него министры Сьюард и Блэйр.

Капеллан прочел молитву, многотысячная толпа стояла с обнаженными головами. Наконец слово предоставили Эверету. Несколько минут он простоял в полном молчании.

Собравшихся окружали поля с пшеницей, луга, персиковые рощи, холмы, а в в 5–7 милях высились голубые хребты цепи невысоких гор. При подготовке речи Эверет учел своеобразие пейзажа. Он отметил, что эта земля полита кровью храбрых и преданных людей и, как верно говорили в старину, умереть за родину радостно и достойно мужчины. Он обрисовал ход войны, остановился на основных моментах трехдневной битвы под Геттисбергом, осудил доктрину суверенитета каждого штата, привел примеры из истории Европы. Он говорил около двух часов.

Эта речь была главным достижением всей его жизни, он применил все совершенства ораторской школы, которую он прошел за годы своей карьеры. Его осанка и врожденная сердечность располагали к нему слушателей.

Балтиморский хоровой клуб пропел оду. Линкольн вынул из кармана рукопись, надел очки в стальной оправе, просмотрел рукопись и положил ее обратно в карман. Уорд Лэймон объявил:

— Президент Соединенных Штатов.

Линкольн поднялся, снова у него в руках оказались листки рукописи, и во время выступления он изредка туда заглядывал. Чарльз Хэйл из бостонской «Адвертайзер», присутствовавший на церемонии также в качестве представителя губернатора Массачусетса, записал в блокноте речь президента, говорившего медленно и раздельно:

— Восемьдесят семь лет тому назад наши отцы создали на этом континенте новую нацию. Она пришла к жизни благодаря свободе и основывалась на утверждении, что все люди рождаются равными.

Теперь мы вовлечены в великую гражданскую войну; это серьезное испытание стойкости нашей нации, как, может быть, и для любой нации, созданной по нашему образцу.

Сегодня мы собрались на поле великой битвы. Мы собрались здесь, чтобы посвятить часть этого поля в качестве последнего убежища тем, кто отдал свою жизнь ради того, чтобы нация могла существовать.

И этим мы всего лишь достойным образом выполняем наш

долг.

Но в более широком смысле мы не можем ни посвятить, ни освятить этот клочок земли, ни окружить его ореолом. Те храбрецы, живые и мертвые, которые бились здесь, сделали эту землю священной настолько, что теперь не в нашей власти что-либо к этому прибавить или отнять.

Мир едва ли отметит или надолго запомнит то, что мы здесь говорим, но он никогда не забудет того, что эти воины здесь совершили. Мы, живущие, должны посвятить себя требующему завершения делу, успеху которого они так благородно содействовали. Мы должны посвятить себя достижению поставленной перед нами цели: у этих чтимых нами покойников мы обязаны взять пример преданности делу, которому они были верны до конца; мы должны здесь твердо решить, что не напрасно эти воины отдали свою жизнь; наша нация, по воле бога, должна возродить свободу, и пусть вечно живет правительство народа, из народа, для народа.

Линкольн произнес десять фраз за неполные три минуты. Фотограф готовился снять этот исторический момент, но прежде чем он успел прикрыть голову черной материей, Линкольн уже произнес заключительные слова, и фотограф остался ни с чем.

Репортер нью-йоркской «Трибюн» да и другие журналисты передали в свои редакции выступление президента, предпослав ему одну лишь фразу: «Затем с речью выступил президент». Сам Линкольн был уверен, что он провалился и что речь его разочаровала аудиторию.

Гаррисбергская «Пэйтриот энд Юнион» разразилась руганью. «Президент в данном случае выступил удачно, поскольку он обошелся без здравого смысла и сдерживающих импульсов. Спектакль был состряпан больше в интересах его партии, нежели ради славы нации или из уважения к погибшим… Мы проходим мимо глупых замечаний президента; ради престижа нации мы согласны, чтобы покрывало вечного забвения их скрыло, и пусть никто никогда не повторит и не вспомнит их».

Чикагская «Таймс» считала, что «…мистер Линкольн бесчестно оклеветал убиенных под Геттисбергом и мотивы их поведения», когда говорил «о возрождении свободы». Газета добавила: «Они отдали свою жизнь ради прежнего образа правления, единственно ради конституции и Союза… Щеки каждого американца должны гореть от стыда, когда он читает глупые, плоские, бессодержательные высказывания человека, которого мы вынуждены представлять культурным иностранцам как президента Соединенных Штатов».

Один из репортеров чикагской «Трибюн» телеграфировал

(если только кто-либо из редакторов не прибавил этого от себя), что «высказывания президента Линкольна на церемонии посвящения останутся навсегда в анналах истории народа». Репортер из «Газетт», Цинциннати, после передачи текста выступления добавил: «Это были должные слова в должном месте, идеальная во всех отношениях речь, заслужившая величайшее одобрение всех собравшихся».

Американский корреспондент лондонской «Таймс» сообщил, что «этот бедняга президент своими репликами превратил торжественную церемонию в посмешище… Трудно представить себе что-нибудь более банальное и тусклое».

Филадельфийская «Ивнинг бюлитин» писала, что тысячи не прочтут тщательно подготовленную речь мистера Эверета, но краткое слово президента мало кто прочтет, не прослезившись, не почувствовав сердечного волнения. Газета «Джорнэл» из Провидэнса напомнила читателям утверждение, что самое трудное в мире — это произнести хорошую пятиминутную речь: «Мы не знаем другой такой превосходной речи, как произнесенная президентом после выступления мистера Эверета».

Линкольн дал идею, установку, концепцию, ради которой стоило умирать. Это вызвало горестный вопрос и ответ одной ричмондской газеты: «А ради чего воюем мы? Ради абстракции».

Спрингфилдская «Рипабликан» комментировала речь так: «Как ни превосходна, как ни прекрасна была речь мистера Эверета на церемонии посвящения в Геттисберге, первенство в красноречии должно быть отдано президенту Линкольну. Его краткая речь подобна жемчужине; она была глубоко прочувствована, отличалась концентрированностью мысли и экспрессии, каждое слово и запятая были полны изящества и говорили о большом вкусе оратора». Еженедельник «Харпере уикли» писал, что «…слова президента шли от сердца к сердцу…».

По просьбе Эверета Линкольн лично написал копию своего геттисбергского обращения. Рукопись продали с аукциона на Медицинской ярмарке в Нью-Йорке, вырученную сумму передали на нужды раненых солдат. Затем он написал еще несколько копий для разных лиц и организаций; одну из них литографировали и пустили в продажу как факсимиле. Первый вариант, подготовленный в Вашингтоне, и второй, который Линкольн держал в руках во время выступления, очутились у Хэя: впоследствии он их подарил библиотеке конгресса.

Лишь в полночь Линкольн попал обратно в Вашингтон. Он очень устал, скупо ронял слова, улегся на кушетку в гостиной и попросил мокрое полотенце, которое он положил себе на лоб и

глаза.

В этот день он стал самым выдающимся выразителем идеи, народного правительства; он утверждал, что за демократию стоит бороться. Его слова «о возрождении свободы» для всего народа могли быть истолкованы на тысячу ладов. Но в этом обращении были еще более сложные загадки о демократии. Однако в его речи звучала древняя сага о том, что в борьбе за свободу люди всегда шли на смерть, что свобода стоит того, чтобы за нее умирали. Впервые с тех пор, как он стал президентом, в подходящий драматический момент, он повторил слова Джефферсона: «Все люди рождены равными», не оставляя никаких сомнений в том, что он считал невольника-негра человеком.

4. Эпическая повесть 1863 года подходит к концу

Через неделю после визита Линкольна в Геттисберг Хэй писал Николаи: «Президент болен. Он в постели. Разлитие желчи». Несколько позже пришло уточнение: у него оказалась легкая форма оспы.

Оуэн Ловджой просил передать свою визитную карточку; он ждал в приемной; дверь открылась ровно настолько, чтобы он смог увидеть Линкольна в халате.

— Ловджой, вы боитесь? — спросил президент.

— Я уже болел оспой, — сказал Ловджой и вошел в комнату.

— Ловджой, — сказал президент, — в этой болезни есть один плюс. У меня, наконец, есть нечто такое, что я могу дать любому просителю.

Пресса сообщила, что искатели должностей бежали из Белого дома, узнав, чем болен президент.

Военные действия вокруг Чатануги, достигшие высшей точки, достойны были эпического описания. Лежа в постели, больной Линкольн читал телеграмму Гранта: «Вершина горы Лукаут, все окопы стрелков в долине Чатануги, весь гребень горы Мишэнэри захвачены и удерживаются нами». Томас сообщал: «Гребень горы Мишэнэри был взят приступом в шести разных местах… Среди пленных много отпущенных под Виксбергом». И еще одна телеграмма Гранта от 27 ноября: «Только что вернулся с фронта. Противник разгромлен наголову… Намерены преследовать его до Рэд Клэя, которого достигнем утром. Выеду туда через несколько часов».

Впервые в результате одного крупного сражения солдаты конфедерации были разгромлены и бежали с поля боя. В бою под Чикамогой они показали свою доблесть. Чем же теперь можно было объяснить их поражение? Основной причиной считали поведение Брагга — это был прямой, высокоморальный, раздражительный спорщик, любящий все осуждать; человек, страдавший от несварения желудка; нервный, грубый в своих замечаниях и критике; он совершенно развалил дисциплину в армии.

Ближайшие помощники Джефа Дэвиса возмутились и перестали доверять ему только потому, что он переоценил военные способности Брагга, оказавшегося далеко не первоклассным командиром. Джеф Дэвис ответил на это назначением Брагга на должность начальника главного штаба

армии конфедератов с резиденцией в Ричмонде.

Теперь освободилась армия Шермана; он смог выйти на помощь Бэрнсайду и освободить Ноксвилл от осаждавших его частей Лонгстрита, что Шерман и сделал быстро и четко. Грант и Шерман приступили к разработке планов похода еще дальше на юг — к Атланте, с тем, чтобы попытаться вбить клин и расколоть конфедератов к востоку от Миссисипи.

Ежегодное послание президента конгрессу начиналось с «новой, глубочайшей благодарности богу» за прошедший год, принесший «здоровье и достаточно богатый урожай».

Соглашение США с Великобританией о запрещении торговли рабами выполнялось. Закон о банках, принятый конгрессом, благотворно повлиял на восстановление кредита. Солдатам жалованье выплачивалось пунктуально. А народ? Президент воздавал ему должное. «Ни один народ в мире не переносил так стоически трудности, сопутствующие войне».

Отчет военного министра был «документом, представлявшим огромный интерес». Флот Союза все туже затягивал кольцо блокады. Захвачено более 1 000 кораблей. Стоимость трофейных грузов достигла суммы в 13 миллионов долларов. Необходимо было построить новые верфи. В 1861 году во флот записались 7 500 человек. В 1863 году их уже насчитывалось 34 тысячи. Приход почтового ведомства почти равнялся расходу, и оно могло стать в ближайшее время бездефицитным предприятием. Несмотря на тяжелое военное время, благодаря закону о поселенцах было поднято 1 456 514 акров целины. Президент согласен был изменить закон, с тем чтобы предоставить больше льгот демобилизованным воинам.

По соглашению с русским императором строилась телеграфная линия от России до американского побережья Тихого океана.

Президент приглашал оглянуться на прошедший период войны. «Мятежные» границы отодвинуты еще дальше, навигация по Миссисипи открыта, восстановлена власть Союза в Арканзасе и Теннесси, рабовладельцы «теперь открыто объявляют себя сторонниками освобождения». В армиях Севера служило 100 тысяч бывших рабов, половина из них воевала с оружием в руках. «Судя по опыту, трудно сказать, что они не такие же хорошие солдаты, как и другие».

Президент готов был все забыть и предлагал амнистию восставшим; за амнистией последует восстановление и возвращение братьев в лоно Союза.

Глава государства покончил со всеми толками о том, что Декларация об освобождении будет аннулирована. «Пока я

остаюсь на своем посту, я не возьму обратно и не изменю Декларацию об освобождении; я также не сделаю невольником ни одного человека, освобожденного в соответствии с условиями Декларации или согласно законам конгресса». Ноа Брукс отметил, что когда Линкольн читал эту фразу, в зале воцарилась мертвая тишина, а затем последовал «неудержимый взрыв аплодисментов» членов конгресса и гостей на галереях. Но президент все еще предпочитал постепенное освобождение рабов посредством выкупа их государством.

Декабрь 1863 года положил начало периоду, когда экстремисты и Севера и Юга пришли к выводу, что лидеры конфедерации закончат свою жизнь на виселице.

Нью-йоркская «Метрополитэн рекорд» вопрошала: «Эй, демократы, сторонники войны, что вы думаете об утверждении, что черный такой же хороший солдат, как и белый, ибо в этом заключается смысл послания президента? Что последует за этим? Не поискать ли нам среди негров кандидата в преемники президента?» Эта газета не могла больше терпеть «крупного преступника, занимающего сейчас кресло президента».

Линкольн все еще болел. Нью-йоркская «Уорлд» в своей передовице и детройтская «Фри пресс», целиком ее перепечатавшая, объединились в демонстрации огромной сердечности. Эти газеты, представлявшие крайние элементы оппозиции, оказались щедрыми на добрые пожелания:

> «Мы уверены, что выражаем чувства всего народа, безразлично от партийной принадлежности, искренне желая президенту скорого выздоровления и восстановления сил… Его смерть сейчас привела бы к затяжке войны…
>
> Мистер Линкольн частенько действовал ошибочно, неумно, произвольно, но все же он долго раздумывал, прежде чем сделать решительный шаг, и готов подчиниться общественному мнению, хотя не всегда достаточно быстро разбирается в его тенденции».

Джеймс Лоуэлл, сотрудник журнала «Норт американ ревью», в январе 1864 года в своей статье утверждал, что для описания жизни Линкольна потребуется не простая биография, а большой исторический трактат. Лоуэлл обрисовал Линкольна как человека, который так направляет общественное мнение, что создается впечатление, что он сам ему следует. «Пожалуй, ни один из наших президентов после Вашингтона не пользовался доверием народа в такой мере, как он в результате трехлетнего бурного руководства… На начальном этапе он был так

медлителен, что вывел из себя всех тех, кто видит прогресс только тогда, когда взрывают всю машину; затем он стал настолько стремительным, что ошеломил всех тех, кто считал опасным всякое движение до тех пор, пока в топке тлеет хоть искорка. Мистер Линкольн… всегда умел выжидать… концентрации всех своих резервов к нужному моменту».

За несколько месяцев до этого Лоуэлл в частном письме доказывал, что «у мистера Линкольна, видимо, есть теория, согласно которой можно вести войну, не причиняя боли противнику. Он не в состоянии понять, что противнику обязательно должно причинить боль…Не было правителя более абсолютистского, чем Линкольн, и меньше всего сознающего это, ибо он был воплощением здравого смысла народа».

Одну серию сообщений о себе Линкольн не считал нужным опровергать: крупные и мелкие газеты оппозиции многократно писали о том, что президенту, по его желанию, собираются повысить жалованье с 25 до 100 тысяч долларов в год, что свое жалованье он получал в золоте, а солдатам платили «зеленоспинками», что по его требованию конгресс примет решение назначить его президентом пожизненно.

В декабре 1863 года собрался новый конгресс. В палате представителей заседало 102 республиканца и твердых юниониста, 75 демократов, 9 депутатов от пограничных штатов; в сенат входило 36 республиканцев и твердых юнионистов, 9 демократов и 5 условных юнионистов.

Негритянская проблема наложила свою печать на все события дня. Настроения против рабства все росли. Приближался конец 1863 года, а Декларация об освобождении не вызвала ни одного революционного выступления негров-невольников, не было ни одного случая убийства или грабежа. Это облегчило дальнейшие шаги Линкольна в деле ликвидации рабства.

«Крайсис» перепечатала из «Орора», Зэйнсвилл, Огайо, следующую иеремиаду: «Народ Севера может только вечно ненавидеть и презирать Линкольна. 500 тысяч свежих могил, 500 тысяч сирот, 200 тысяч вдов… Воры в казначействе, начальники военной полиции в роли судей, палачи на церковных кафедрах — всем этим мы обязаны мистеру Линкольну. Как жив господь, мы ему когда-нибудь воздадим должное за все это — ему и всей этой кровавой банде предателей, грабителей и мошенников».

Линкольн приготовил рождественский подарок демократу, сторонникуДугласа, Ашеру Линдеру. Сын Линдера вступил в армию южан и попал в плен. Линдер неоднократно писал Линкольну, прося о помиловании. Проходили недели, и, наконец, 26 декабря 1863 года Линдер получил записку: «Ваш сын Дан

только что был у меня. У него на руках мой приказ военному министру принять у него присягу верности, освободить и отправить домой».

В 1863 году исчезли последние надежды ричмондского правительства на признание Европой. Отчаяние Джефферсона Дэвиса, не получившего ожидаемой помощи из-за океана, кораблей и денег из Англии, настолько сильно отразилось в декабрьском послании президента конгрессу конфедерации, что на него посыпались упреки прессы южан за чрезмерное подчеркивание трудностей положения.

Политические деятели Рэт, Йенси и генерал Бедфорд Форест, в прошлом работорговец, поставили прямо вопрос: «Если мы не воюем за рабство, тогда за что же мы воюем?»

Еще в 1861 году архиепископ Джон Хьюз стал личным представителем Линкольна и поехал в Европу с заданием защищать интересы Союза. Архиепископ беседовал с французским императором, присутствовал на церемонии причисления мучеников к лику святых, заложил угловой камень в здание нового католического университета в Дублине, часть стоимости которого покрывалась сборами в США. Восемь месяцев архиепископ путешествовал по Европе, пропагандировал взгляды Севера, изложил их в открытом письме к сторонникy южан архиепископу Ново-Орлеанскому.

Тем временем война, Декларация об освобождении, обращения Линкольна., пропаганда против рабства восстановили огромные массы людей во всех странах против рабовладельчества.

Дядя Том и Саймон Легри, маленькая Ева и Элиза, спасающиеся бегством по льду, преследуемые собаками-ищейками, прошли по сценам театров столиц всех стран мира. Инсценировки романа ставились на сценах сотен других городов. В народе передавались бесчисленные рассказы о смешении белой и черной рас, об отцах, продающих своих детей, о разврате и наложницах, о фантастических превратностях судьбы, обрушивавшей несчастья на головы тех, у кого оказывалось легально доказанное наличие хоть одной капли негритянской крови.

Линкольн получал письма и резолюции поддержки от «друзей Америки» во Франции, от итальянских либералов и республиканцев — первой стояла подпись знаменитого борца-патриота Джузеппе Гарибальди: от президента Мексики Хуареса, боровшегося с захватчиками-французами; от рабочих организаций Англии.

С другой стороны, привилегированные слои в Англии

организовали южные клубы, вели пропаганду в пользу конфедерации. В апреле в Лондоне была проведена подписка на заем для конфедерации: она собрала 16 миллионов фунтов стерлингов. В конце июня 1863 года в палате общин обсуждалось предложение о признании Южной конфедерации самостоятельным государством, но окончательное решение было отложено. Через некоторое время пришли вести о победах под Геттисбергом и Виксбергом. Вопрос о признании Юга больше не ставился.

Линкольн и Сьюард видели, что, кроме республиканской Швейцарии, единственно благожелательно относящейся к США, была самодержавная, монархическая Россия, самая далекая в Европе от принципа «правительства народа, из народа, для народа». Сьюард подготовил настолько важные соглашения с Россией, что он счел обязательным посоветоваться с Линкольном. Речь шла о покупке Аляски. Кроме Сьюарда и Линкольна, ни один человек не знал об этих переговорах — ни ближайшие сотрудники Николаи и Хэй, ни Ноа Брукс, ни даже сердечный друг Сьюарда — Торлоу Уид. Предполагалось уплатить сумму в пределах от 1 миллиона 400 тысяч до 10 миллионов долларов.

В начале октября 1863 года одна эскадра русского флота вошла в гавань Сан-Франциско, другая, состоявшая из пяти первоклассных боевых кораблей во главе с 51-пушечным фрегатом «Александр Невский» — флагманом адмирала Лесовского, — в нью-йоркский порт. Эскадра задержалась в нью-йоркской гавани в течение примерно трех месяцев. Дюжие «московиты» в ярких мундирах, в диковинных бакенбардах превосходно говорили по-русски, посредственно по-французски и плохо по-английски; они приносили с собой повсюду заряд веселья. Их снимал известный фотограф Брэйди; они посетили штаб-квартиру Мида в Виргинии, падали «с верхней палубы» кавалерийских лошадей, много ели и изрядно пили.

В Нью-йоркской Академии музыки 5 ноября закатили грандиозный бал в честь офицеров русского флота. В декабре адмирал и офицеры эскадры послали мэру Опдайку 4 700 долларов для нью-йоркской бедноты. Когда командиры «Витязя» пожаловались полиции, что у них украли 29 русских золотых монет, равных по стоимости 174 американским долларам, деньги были найдены и возвращены. Трех выпивших русских матросов арестовали и зарегистрировали под номерами: русский № 1, русский № 2, русский № 3. На следующее утро судья приказал освободить без штрафа подданных царя, так как судья «не хотел сделать что-либо, могущее нарушить дружеские отношения, существующие между императором России и президентом

Соединенных Штатов».

Корреспонденты заполняли колонки газет рассказами о русских гостях-моряках. Они пространно расписали прием на одном корабле, во время которого американский командный состав и мистер Линкольн выпили за здоровье царя.

Ричмондская «Экзаминэр» провела параллель: «Царь освобождает рабов от вековой неволи и пускает в ход всю мощь своей империи, чтобы поработить поляков. Линкольн прокламирует свободу для африканцев и одновременно прилагает все усилия, чтобы поработить свободно рожденных американцев».

Баярд Тэйлор некоторое время служил секретарем Американской дипломатической миссии в Санкт-Петербурге; он написал несколько книг. К нему-то в декабре 1863 года и обратился Линкольн с письмом: «Думаю, что одна-две лекции на тему «Крепостные, крепостничество и освобождение рабов в России» были бы интересны и полезны. Не могли бы вы это организовать?» Тэйлор выступил в лекториях с докладом под названием «Россия и русские». Хэй отметил в своем дневнике посещение президентом одной из лекций Тэйлора.

Суть приглашения Сьюардом и Линкольном русского флота к американским берегам, вероятно, лучше всех уловил «Харперс уикли», отметивший, что, кроме русских, в нью-йоркской гавани стояли на якоре также корабли Англии и Франции. «Англия и Франция признали мятежников воюющей стороной… Россия этого не сделала… Если английский пиратский корабль вроде «Флориды» или «Алабамы» появился бы недалеко от бухты, английские и французские корабли рассматривали бы их как правомочные военные суда, а русские обращались бы с ними как с пиратами.

Джон Булль полагает, что мы введены в заблуждение расположением к нам Московии. Если бы русский офицер, говорит Джон, выразил бы в Санкт-Петербурге хоть капельку восхищения республиканским строем Америки, его без промедления отправили бы в Сибирь. Американцы понимают, что симпатии к нам Франции во время нашей революции зародились не из любви к нам, а из ненависти к Англии. Они знают — об этом давным-давно говорил Вашингтон, — что не следует предполагать романтической дружбы между государствами.

Американцы нисколько не считают, что Россия вот-вот станет республикой. Но они отмечают, что в то время как Франция импортирует кули в свои колонии и закрывает глаза на рабство, в то время как британское правительство приветствует политическую организацию, основанную на рабстве, и защищает

эту систему, Россия освобождает крепостных».

Линкольн и Сьюард не раскрывали условий своей договоренности с Россией о визите флота в тот год. Линкольн ничего не говорил об этом ни Николаи, ни Хэю, ни Ноа Бруксу; и Сьюард ничего не сообщал своему закадычному другу Торлоу Уйду.

Уид спросил адмирала Фаррагата, зачем русская эскадра бесцельно проводит всю зиму в нью-йоркской гавани. Фаррагат передал ему объяснения русского адмирала: «У меня лежит приказ под печатями. Я их сломаю только в том случае, если произойдут непредвиденные обстоятельства». Потом он добавил, что печати он сломает в случае, если во время гражданской войны Соединенные Штаты окажутся вовлеченными в войну с иностранной державой. Русский адмирал сказал, что разговор этот конфиденциальный, адмирала с адмиралом, на полном доверии. Адмирал Фаррагат рассказал об этом Уйду как патриот патриоту.

Русскому министру иностранных дел был задан вопрос: почему его правительство оставило эскадру в американской гавани на такой длительный срок? Тот ответил, что он ничего о флоте не знает, но что он может взять на себя смелость и заверить, что в этом визите нет ничего недружеского.

Линкольн действовал в самом водовороте революции, призванной сломить могущество плантаторов-аристократов Юга и установить господство финансистов и промышленников Нью-Йорка. Возможно, что Линкольну попалась на глаза корреспонденция из Парижа, напечатанная в нью-йоркской «Таймс»: «Деятельность мистера Линкольна в последнее время усилила его популярность за границей… Я слышал недавно слова известного французского деятеля: «Вы, американцы, недостаточно высоко оцениваете мистера Линкольна. Ни один монарх в Европе не смог бы вести такую колоссальную войну, подвергаясь в то же время придиркам стольких клик…»

По мнению пастора Генри Фоулера, Линкольна часто не понимали, и люди превратно судили о его действиях. Обе стороны нападали на него: одни его обвиняли в том, что он зашел слишком далеко, другие — в том, что он недостаточно далеко зашел; одни ставили ему в вину, что он обещает слишком много, другие, наоборот, слишком мало; и все же он медленно, добросовестно, честно выковывал решение важнейшей проблемы. «Он стоит между обеими сторонами, между живыми и мертвыми, между прошлым и настоящим, между старым и новым… Он лечит раны века… Его грубоватая речь и странное молчание, его неуклюжие манеры, его грамматика, которую он постиг

самоучкой и уже частично забыл… его нежелание что-либо предпринять, если у него нет ясности, и, наоборот, когда он видит верный путь, то ни перед чем не останавливается… — все это говорит о том, что, не обладая общепринятыми качествами партийного лидера, он тем не менее руководил партией так квалифицированно, как никто другой до него». Президенту нравились такие сердечные излияния. Как произведение прозы, эта проповедь Фоулера была ему по вкусу.

Бронзовая статуя Вооруженной Свободы лежала много лет. Во время болезни Линкольна статую, наконец, подняли и водрузили на купол Капитолия. Поползло вверх по флагштоку и взвилось знамя Союза. Артиллерия загрохотала в салюте.

Джон Итон из Толидо, Огайо, в беседе с Линкольном упомянул об установке статуи Вооруженной Свободы на куполе Капитолия, о новых мраморных колоннах, воздвигаемых в одном из флигелей Сената, о богатом орнаменте на новой массивной бронзовой двери, навешиваемой в главном портале, и добавил, что идут разговоры о том, что эта роскошь непозволительна для военного времени. Линкольн ответил:

— Если народ увидит, что Капитолий функционирует, он это примет как доказательство того, что Союз будет существовать.

5. 1864 год. Грант назначен главнокомандующим

В свое время Грант был демократом — сторонником Дугласа, и его назначение приняли и одобрили те круги, которые никак не могли примириться с Линкольном в качестве лидера страны. Могущественная нью-йоркская «Геральд», представлявшая интересы различных крупных капиталистических фирм, многократно в течение всей зимы 1863/64 года выступала за выдвижение Гранта президентом: «Кандидат народа — Грант». Этот лозунг подхватили и многие другие газеты.

Линкольн ни разу лично не встречался с Грантом. Президент как-то сказал конгрессмену Уошбэрну: «Все, что я знаю о Гранте, мне известно с ваших слов. Кто еще знает что-либо о Гранте?» Уошбэрн ответил: «Хорошо знает Гранта только Джонс». Уошбэрн имел в виду Рассела Джонса, полицейского чиновника в Чикаго.

Линкольн по телеграфу вызвал Джонса в Вашингтон. Джонс на ходу захватил с собой свою почту и просмотрел ее уже в поезде. Незадолго до этого Джонс написал Гранту, чтобы он не обращал внимания на газетчиков, выдвигавших его кандидатуру в президенты. Среди писем был ответ Гранта: он считал, что ему и так хватает работы; его цель подавить мятеж, и поэтому все газеты и письменные предложения, которыми его пытаются вовлечь в политику, он бросает в корзину. О своей встрече с президентом Джонс рассказал следующее: «Мистер Линкольн вначале совершенно не упоминал о Гранте, но вскоре мне показалось, что ему хочется поговорить о нем. «Мистер президент, извините меня, что я вас прерываю, я хочу попросить вас прочесть письмо, полученное мною перед самым отъездом на вокзал». И я ему дал письмо Гранта. Когда Линкольн его прочел, он встал, положил руку мне на плечо и сказал: «Сын мой, вряд ли вы знаете, какое вы мне доставили удовольствие».

О намерении политиков выдвинуть его кандидатуру в президенты Грант высказался в январе 1864 года. «Я жажду только одной руководящей должности: когда кончится война, я выставлю свою кандидатуру в мэры города Галина (его родной город в Иллинойсе), и, буде меня изберут, я добьюсь прокладки тротуара от моего дома до вокзала».

20 февраля Грант писал своему отцу: «Я не собираюсь выставлять свою кандидатуру. Я хочу лишь одного: чтобы меня оставили в покое; я должен закончить войну».

Сенат и палата представителей приняли закон о

восстановлении звания генерал-лейтенанта. 29 февраля Линкольн подписал закон, выставил первым кандидатом на звание Гранта, и сенат утвердил это назначение.

Наконец настал черед Галлека уходить из министерства. Линкольн неоднократно говорил Хэю и другим: «Я лучший друг Галлека, видимо потому, что у него совсем нет друзей», но Галлек «немногим лучше… первоклассного клерка».

Грант поехал в Вашингтон и вместе с Камероном пошел в Белый дом для доклада президенту. На Гранте была поношенная форма с погонами генерал-майора. Ричард-Генри Дана писал: «У него не было ни должного вида, ни походки, ни уменья держаться; его жесткие светло-бурые усы торчали этаким кустарником. Во рту он держал сигару. Грант производил впечатление человека, чрезмерно прикладывавшегося к рюмочке… он выглядел, как безработный, получающий пособие и околачивающийся без дела. Но ясные голубые глаза и решительное выражение лица говорили о том, что шутки с ним плохи… он совершенно не обращал внимания на окружавших его людей… он не шагал, а спотыкался, и казалось, что он вот-вот грохнется носом об пол».

Раз в неделю президент устраивал вечерний прием. В тот вечер усилившийся шепот и говор в большом Восточном зале послужили президенту вестью о прибытии Гранта. Когда генерал вошел, воцарилась тишина. Ему освободили проход, и Линкольн протянул Гранту свою длинную, костлявую ладонь.

— Я рад вас видеть, генерал.

С минуту они стояли, сжав друг другу руки. Сьюард проводил Гранта к миссис Линкольн. Сдержанное жужжанье голосов перешло в нарастающий гул. Толпа образовала водоворот вокруг низенького, кругленького человека, воплощавшего победы при Донелсоне, Шайло, Виксберге, Чатануге. Люди приветствовали его, кричали, протискивались к нему; мужчины и женщины стремились дотянуться до его руки. Он «краснел, как школьница», пожимал руки до пота в лице. Вены на лбу надулись. Позже он сказал, что в этом зале ему было жарче, чем когда-либо в бою.

Раздались крики:

— Станьте на что-нибудь, мы все хотим вас видеть!

Герой сражений съежился и послушно поднялся на софу, постоял там, затем миссис Линкольн прошлась с ним под руку по залу. За ними следовал Линкольн с дамой, также висевшей на его руке. Морщинистое лицо Линкольна светилось — его, чувство юмора живо воспринимало все зримые контрасты. Дамы, попавшие в давку, подхватывали сорванные у них кружева, пытались выровнять смятые кринолины. Гостьи становились на

стулья, вскакивали на столы и диваны либо для того, чтобы лучше видеть, либо в поисках безопасности.

На следующий день, ровно а час, кабинет министров, Галлек, сын Гранта Фред, Роулинс — начальник штаба Гранта, Оуэн Ловджой и Николаи собрались, чтобы услышать две короткие речи, которые были переданы по телеграфу всему миру. Линкольн официально присвоил Гранту звание генерал-лейтенанта и возложил на него дополнительную ответственность. Грант сказал в ответ, что если ему удастся выполнить свой долг, то он будет обязан этим армии.

Известие о встрече Линкольна и Гранта, содержание их коротких, простых речей сразу стали достоянием всей прессы и простых людей. Настроение северян стало лучше. Южане поняли, что моральное состояние северян поднялось.

О своих будущих планах Грант почти ничего не сказал в Вашингтоне. Грант писал: «Линкольн заявил мне, что он никогда не претендовал на то, чтобы стать военным или понимать, как проводить военные кампании, и что он не собирается вмешиваться в наши планы… Я их не раскрыл ни президенту, ни военному министру, ни генералу Галлеку».

Грант стал самым популярным человеком в США, Он отправил из Вашингтона столько войск на фронт, что у Стентона зародилась тревога по поводу безопасности столицы: слишком незначительны были гарнизоны в фортах, защищавших Вашингтон. Стентон намеревался вернуть части, находившиеся уже в пути на фронт.

— Пойдемте к президенту, — сказал он.

Грант согласился:

— Это правильно. Он стоит выше нас с вами.

Линкольн, выслушав доводы Стентона, сказал:

— Господин министр, в течение трех лет мы с вами пытались управлять армией и, как вам известно, достигли немногого; считаю, что лучше предоставить мистеру Гранту право действовать по-своему.

В начале апреля Грант приехал в Вашингтон и назначил Фила Шеридана, которому тогда было тридцать три года, командующим всеми кавалерийскими соединениями армии на Потомаке. Холодный и осторожный, Шеридан отказывался рассказать, каким путем он собирался разбить южан. Галлек привел его к Стентону. При этой встрече любезностей не расточали. Затем Галлек привел Шеридана в Белый дом. Линкольн протянул Шеридану обе руки, высказал уверенность, что Шеридан оправдает надежды Гранта, и добавил, что, по его мнению, кавалерия армии на Потомаке сделала далеко не все,

что могла бы.

Как боец, руководивший частями против превосходящих сил противника, Шеридан показал себя неистовым и упорным в боях под Мерфрисборо, Чикамогой и Чатанугой. Тем не менее в Вашингтоне Гранту довелось слышать сомнения в воинских способностях Шеридана.

В последних числах марта Грант и Роулинс обосновали штаб главнокомандующего в Калперер-Корт-Хауз, в районе расположения армии на Потомаке. К ним стали поступать ежедневные донесения и рапорты из частей, занимавших фронт от Атлантики до Рио Гранде длиною в 1 200 миль, — 21 корпус со списочным составом в 800 тысяч человек, из которых 533 тысячи были в строю. Вскоре должен был настать день, когда эти армии двинутся вперед: Батлер вверх по реке Джеймс; Грант и Мид через Рапидан; Сигел вверх по Шенандоа; Аверел по Западной Виргинии; Шерман и Томпсон дальше, за Чатанугу, и Банкс вверх по реке Рэд по направлению к Техасу.

До сих пор армии действовали вразброд, по выражению Гранта, «как упряжка артачащихся коней, ни разу не тянувших по двое сразу». Он объяснил Линкольну, что всем армиям предстояло начать наносить удары по армиям противника, по железным дорогам, по складам снабжения «до тех пор, пока в силу естественных потерь, если не по другим причинам, от войск южан ничего не останется». Войска Гранта и Мида на востоке, Шермана и Томаса на западе превратятся в гигантские клещи, которые сокрушат врага. В этом заключалась стратегия Гранта.

> «Это напомнило президенту, — записал Хэй в своем дневнике, — что он уже давно и неоднократно предлагал Бюэллу, Хукеру и другим свой план (который столь же часто отвергался) единовременного наступления всех армий фронта, с тем чтобы использовать численное превосходство северян».

Грант намерен был нанести сильный удар в Виргинии, чтобы Ли не смог ничем помочь Джонстону в Джорджии. Шерману предстояло мощным ударом в Джорджии приковать все войска Джонстона, чтобы он не мог перебросить ни одного солдата в Виргинию. На этом плане базировались все их надежды на победу. Галлек из Вашингтона передавал приказы Гранта командирам разбросанных частей. Однако Бэрнсайд получал приказы непосредственно от Гранта.

Корпус Бэрнсайда комплектовался в Аннаполисе. В части, состоявшие из ветеранов сражений при Роанока, на полуострове, при Антьетаме, Фредериксберге, Чанселорвилле и Ноксвилле,

вливались пополнения из только что мобилизованных новобранцев и негритянских полков. Стоя на балконе отеля Виларда, президент принимал парад корпуса. Черные солдаты громкими криками приветствовали президента, они улыбались, подбрасывали в воздух фуражки — ведь перед ними был человек, подписавший официальное объявление об освобождении негров. Разразился ливень, и солдаты промокли до нитки. Сопровождавшие Линкольна настаивали на том, чтобы Линкольн ушел с балкона.

«Если они это могут выдержать, то, пожалуй, и я смогу», — ответил президент. И он стоял на балконе до тех пор, пока по Пенсильвания-авеню не прошли все части со своими опаленными порохом и пробитыми пулями знаменами.

Линкольн заявил, что он не хочет вдаваться в планы Гранта. К нему приставали «мудрецы-стратеги с уличных перекрестков». И у него выработался определенный стандарт ответа. Чикагский «Джорнэл» описал один диалог:

> «Посетитель. Когда армия будет, наконец, наступать?
>
> Линкольн. Спросите генерала Гранта.
>
> Посетитель. Генерал Грант мне ничего об этом не скажет.
>
> Линкольн. И мне он ничего не скажет».

6. Выставит ли партия снова кандидатуру Линкольна?

Лидер республиканцев в конгрессе Тад Стивенс неумолимо проводил кампанию под лозунгом: «Никакой пощады южанам!»; передовицы газет и уличные стратеги на Севере все чаще говорили о дне, когда Джефферсон Дэвис и другие руководители бунтовщиков будут повешены или расстреляны. Предполагались массовые казни.

В конгрессе возобладал тон уверенности в том, что США могут выдержать и долгую войну, что на Севере поднимается держава мирового значения, гигант промышленности и торговли. В то же время иа Юге все больше преобладало мужество отчаяния — результат ужасающей перспективы разгрома конфедерации, гибели прежнего Юга, обнищания правящего класса. Дух южан поддерживала единственная надежда, что северяне — сторонники заключения мира так подорвут положение правительства Линкольна, что оно вынуждено будет отказаться от продолжения войны.

Одной из главных задач Линкольна было противодействовать и разрушать эти надежды южан. По этой причине он никак не мог допустить ни разрыва с конгрессом, ни даже открытого расхождения в мнениях. Обоснованные советы, анализ проблем, запросы, а не придирки фигурировали в его посланиях, печатавшихся на страницах «Конгрешнл глоуб» под стандартным заглавием «Мистер Николаи, личный секретарь президента США, получил от него послание в письменной форме».

Тем не менее уже в начале 1864 года корреспондент детройтской «Фри пресс» в Вашингтоне сообщил, что «невозможно назвать ни одного сенатора, который положительно отнесся бы к повторному выдвижению кандидатуры Линкольна в президенты». Печать республиканской партии обходила эту тему полным молчанием.

В палате представителей все же один конгрессмен оставался верным Линкольну. Редактор из Пенсильвании, гостивший в Вашингтоне, как-то обратился с просьбой к Тадеусу Стивенсу:

— Познакомьте меня хотя бы с одним членом конгресса, который положительно относится к повторному выдвижению мистера Линкольна.

Стивенс привел редактора к Айзаку Арнолду и сказал:

— Этот человек хочет познакомиться с конгрессменом-линкольнцем. Вы — единственный, которого я знаю. Будьте

знакомы.

— Благодарю вас, — сказал Арнолд, — я знаю многих линкольнцев и готов ввести вашего друга в эту группу, но хотел бы, чтобы вы, мистер Стивенс, пошли с нами.

Противоречивые мотивы Стивенса и некоторых его коллег ясно проступают в письме, которое Стивенс послал задушевному своему другу Дж. Макферсону: «Как мало сведущ наш президент в законах войны и правах наций! Но что прикажете делать? В интимном кругу осуждать, а публично аплодировать?»

В сенате только один Арнолд выступал за повторное выдвижение Линкольна. «Я прошу горячих, но нетерпеливых друзей свободы безоговорочно довериться Аврааму Линкольну. Если вы считаете, что он медлителен, если вы считаете, что у него были ошибки, вспомните, сколь часто время подтверждало его мудрость. Народные массы верят ему и любят его. У вас есть верховный руководитель… прозорливый, твердый, честный, преданный. Несколько резкий, может быть, невоспитанный, но под этой грубой внешностью скрывается настоящий, подлинный герой…»

В ноябре 1863 года Уошбэрн послал Линкольну письмо, в котором просил оказать две служебные услуги; одновременно в письме был поставлен вопрос о том, может ли партия рассчитывать на согласие президента быть избранным на второй срок? Линкольн ответил, что он прилагает разрешение на отпуск из армии одного из братьев Уошбэрна и приказ о назначении другого брата на должность сборщика таможенных пошлин в Портланде. Полностью удовлетворив просителя, Линкольн поблагодарил за добрые намерения и слова и добавил: «Второй срок был бы для меня большой честью и большим трудом, но вообще я, пожалуй, не отказался бы, если бы мне эта честь была предложена».

Линкольн часто посещал больного ветерана-аболициониста Оуэна Ловджоя. Однажды президент ему признался: «Война постепенно меня убивает. У меня такое предчувствие, что я не доживу до ее конца».

Почти все политические комментаторы подтвердили в начале 1864 года огромную популярность президента на Севере. Нью-йоркская «Геральд», нью-йоркская «Уорлд», детройтская «Фри пресс» констатировали это как весьма неприятный факт, а нью-йоркская «Таймс» и другие газеты согласились с чикагской «Трибюн», что, «по всей видимости, народ в общем и целом намерен избрать мистера Линкольна…».

Было отмечено, что бесцеремонность Линкольна вызвала такую неприязнь к нему, что это стало негласным отрицательным

фактором при выдвижении его кандидатуры в президенты. Некий друг губернатора Массачусетса Джона Эндрю писал:

> «…сообщения из Вашингтона в 1863 году говорили о том, что президент разрешает себе значительные вольности в поведении и разговоре, которые не могут не оскорбить многих… рассказывают характерный анекдот… законодательное собрание штата славилось своими резолюциями против рабства… один из комитетов предложил еще одну, очень короткую… Друг губернатора, тоже официальное лицо, решил лично передать эту резолюцию президенту. Ее должным образом изложили на пергаменте, приложили огромную печать и оформили согласно всем правилам канцелярщины… наконец массачусетский эмиссар предстал перед президентом, произнес короткую речь и передал пергамент. Верховный руководитель нации принял его, сидя в кресле, забросив одну ногу на ручку кресла. Он не спеша развернул документ и произнес присущим ему одному тоном: «Что ж, документ не настолько длинный, чтобы испугать человека!» И ничего удивительного, что массачусетский чиновник, выйдя из зала, сказал: «В кресле президента Соединенных Штатов сидит безусловно странная личность».

Инцидент этот оттолкнул губернатора к лагерю антилинкольнцев, что само по себе было зловещим признаком, ибо Эндрю был не рядовым политиком, примкнувшим к победившей аболиционистской партии. Он завербовал солдат, собрал деньги, с его преданностью движению вряд ли мог бы сравниться любой другой губернатор. Его штат был самым активным центром кампании против рабства. Его окружали преданные делу освобождения сподвижники, которым не по душе была медлительность президента в этом вопросе. Губернатор жаждал другого верховного руководителя нации вместо Линкольна.

В первых числах февраля Трамбул писал: «Существует опасение, что Линкольн слишком нерешителен, что он не способен подавить мятеж. Не удивляйтесь, если возникнет движение в пользу другого деятеля, предположительно более энергичного и менее склонного доверить наших храбрых парней руководству генералов, которые не расположены воевать по-настоящему».

В середине февраля 1864 года прогремел трубный глас Грили в надежде, что его рев свалит иерихонские стены линкольновской

крепости. Неужели Линкольн настолько выше всех других кандидатов, что даже не стоит никого из них обсуждать? «Мы отвечаем: нет, — писал в передовице Грили, — мы полностью согласны с тем, что мистер Линкольн хорошо поработал, но мы вовсе не считаем доказанным, что министр Чэйз, генерал Фремонт, генерал Батлер, генерал Грант не способны сделать то же самое».

Сенаторы и конгрессмены, присоединившиеся к антилинкольнскому движению, в свое время получили у президента свою долю государственных должностей. Он больше чем наполовину пошел им навстречу в политике освобождения и вооружения негров.

В платье каштанового цвета, распространяя запах незабудок, в Вашингтон прилетела пролинкольновка мисс Анна-Элизабет Дикинсон, быстро слинявшая и превратившаяся в антилинкольновку. У нее была репутация девушки-оратора с сильной способностью молниеносно разить противника жалом сарказма. Ее девичья красота, пропорционально сложенная фигура, абсолютное самообладание, ее страстные призывы к спасению человечества и защите святой свободы дали повод сравнивать ее с Орлеанской девой, спасшей Францию тогда, когда все уже потеряли всякую надежду.

Вначале она как будто высказалась за то, что Линкольна следует снова выдвинуть кандидатом и переизбрать президентом. По этому поводу «Фри пресс» писала: «Сверхрешительная Анна Дикинсон выдвинула кандидатом слабоумного Авраама Линкольна».

Спустя два месяца мисс Дикинсон, выступая в Метрополитэн Холле в Чикаго, сказала, что президент своей амнистией мятежников посягнул на права конгресса:

— Президент — адвокат, к тому же с запада; можно только удивляться тому, что он верит людям (бывшим мятежникам), чьи клятвы просто пустословие… Мятежников должно наказать. Земли Южной Каролины нужно нарезать на участки по двадцать акров и поселить там как можно больше негров.

Через месяц мисс Дикинсон посетила Белый дом, интервьюировала президента, затем в публичной лекции, произнесенной в Бостоне, высмеяла правительство, карикатурно имитировала гнусавый говор президента, издевательски описала его костюм.

При встрече Линкольн спросил ее:

— Мне говорят, что вы моя сторонница. Какие у вас побуждения?

Она сказала, что его методы освобождения слишком

медлительны, и потребовала справедливого отношения к неграм.

Президент ответил:

— Это мне напоминает один случай.

Она тут же отрезала:

— Я пришла сюда не для того, чтобы слушать разные истории. В газетах ежедневно печатаются истории более интересные, чем любая ваша.

Президент тогда пытался, по ее словам, улестить мисс Дикинсон. Он сказал ей, что как оратор она лучше, нежели он. И под конец Линкольн произнес:

— Что могу я вам сказать: если радикалы хотят, чтобы я руководил, пусть они мне не мешают.

И мисс Дикинсон поделилась с бостонской аудиторией:

— Когда я это услышала, я вышла и сказала своей подруге, что это моя последняя беседа с президентом Линкольном.

Вежливый, лысый, большеротый Уильям Ллойд Гаррисон, помогавший развитию движения аболиционистов, попал когда-то из-за этого в тюрьму, и час спустя он стоял уже под виселицей с петлей на шее, среди беснующейся толпы. Теперь верный Линкольну, старый боевой конь Гаррисон, выступил в его защиту: «Разве президент зашел так далеко в своих действиях, что народ его больше не поддерживает? (Нет! Нет!) Мистер Линкольн продвигал дело освобождения негров с той необходимой быстротой, которая соответствовала желаниям народа… А что можно сказать о Фремонте? Ни слова не сказал он о провозглашенной президентом амнистии. Президент поставил под ружье сто тысяч негров, а от Фремонта по-прежнему ни слова одобрения».

В начале 1864 года нью-йоркская «Уорлд» предложила кандидатуру генерала Мак-Клеллана, как единственного патриотичного человека, хорошего происхождения, достойного быть выдвинутым демократической партией и способного сокрушить Линкольна. «Уорлд» служила интересам ряда финансовых, промышленных и транспортных компаний, представленных в политике Эрастом Корнингом и Дином Ричмондом из нью-йоркской компании Центральной железной дороги и Уильямом Генри Аспинуолом, главой пароходной компании Нью-Йорк — Сан-Франциско и железной дороги длиной в 49 миль на Панамском перешейке, которая принесла ему только до 1859 года 6 миллионов долларов прибыли. Непосредственным и доминирующим представителем этих кругов был Белмонт, самый выдающийся в политическом и финансовом мире Америки еврей, выходец из Германии.

В свое время, после интервью с Линкольном и Сьюардом,

Белмонт поехал в Европу и без особого шума предупредил финансистов, что конфедерация южан — ненадежный дебитор, и этим нанес большой ущерб Югу. Из Англии он прислал короткое сообщение об интервью с Пальмерстоном, который сказал: «Нам не нравится рабство, но нам необходим хлопок, и мы ненавидим ваш защитительный тариф Мориля». Белмонт помог мобилизовать и экипировать первый полк из немцев, завербованных в Нью-Йорке. Он послал в Вашингтон несколько строк, надеясь, что это письмо будет показано Линкольну. «Наступил момент, когда мистер Линкольн должен решиться следовать какой-либо определенной линии действия. Пытаясь ублажить всех, он не удовлетворит никого». Линкольн ответил ему длинным письмом, в котором он настаивал на том, что его политика реконструкции была ясна для тех, кто готов был не только читать, но и понимать, а не писать жалобы.

Белмонт финансировал газету «Уорлд», и издатель ее Мантон Марбл выполнял требования Белмонта. «Уорлд» напечатала статью в одном из апрельских номеров, в которой обвиняла президента в том, что он убил свободу слова и печати в Америке, хотя тут же, уверенная в своей безнаказанности, писала, что «у той кучки сообщников, которые иногда собираются у президента, анекдоты Линкольна отнимают столько же времени, сколько и вопросы огромной государственной важности для нации, разделенной предателями, оседланной фанатиками, — нации, несущей на себе проклятие и бремя слабоумного правительства, деяния которого лишь немногим менее преступны, чем прямая измена».

11 февраля 1864 года «Уорлд» озаглавила передовицу «Вправе ли президент переизбрать самого себя?».

Сторонники традиции одного срока ждали выступления Линкольна, но так ничего от него и не дождались. Неделя за неделей проходили, а президенту как будто нечего было сказать, у него даже анекдота никакого не нашлось по поводу второго президентского срока. Он выжидал неизвестно чего.

Между тем мучительная кровавая драма продолжала разыгрываться под барабанный бой и стоны агонизирующих. Три года линии фронтов менялись, извивались, солдаты находили новые жертвы для истребления, но ни одна сторона так и не смогла окончательно истребить другую. Любой человек на фронте и в тылу должен был бы считать себя ничтожным по значению в эти дни крови и грязи. Было ли это время подходящим для того, чтобы все забыть и заняться политическими комбинациями, торговаться из-за кандидата, имея в виду выборы, предстоящие в ноябре? Там, далеко, в мороз

или дождь, под бледным светом луны лежали у костров люди, завернувшиеся в одеяла. Это они фактически продиктуют результаты выборов в ноябре, их действия повлияют на решения избирателей.

Свэтт, выполнявший секретные поручения, слишком щекотливые, чтобы их можно было доверить почте или телеграфу, отметил в начале 1864 года, что противники Линкольна уже больше года деятельно готовятся к выборам. «Чэйз организовал три или четыре тайных общества, он роздал неимоверное количество должностей во всех уголках страны. И Фремонт неустанно трудился. Только Линкольн ничего не предпринимал ни для того, чтобы помешать им, ни для того, чтобы улучшить свои шансы». Линкольн руководил любым делом, игнорируя противников, игнорируя все мелкие факторы, но очень точно взвешивая значение событий и огромные силы, дающие нужные результаты.

Дик Ейтс, губернатор Иллинойса, в начале 1864 года выступил в Брайан Холле: «Политиканы могут стараться вовсю, но это бесполезно, — народ хочет старину Эйби и никого другого (аплодисменты). Признаюсь, я за него с самого начала и буду за него до самого конца, а также в промежутке между этими пунктами (аплодисменты). Во время переправы нечего менять коней… Из моего продолжительного знакомства с Линкольном я сделал вывод, что он не только самый честный человек, когда-либо созданный богом, но и самый ясномыслящий, хладнокровный, рассудительный государственный муж, какого когда-либо знала история мира».

У Линкольна не было раз и навсегда установленных, «замороженных» норм поведения. Его внимательный глаз улавливал свет и тени, цвет и массу в том потоке высказываний и реальных сдвигов, которые именуются общественным мнением. Его методы и настроения приноравливались к настроениям народа в условиях демократии, при которой, несмотря на войну, сохранялась значительная доля свободы слова и печати.

Его совесть и соображения целесообразности подсказывали ему — верно или ложно, на благо или на несчастье, — что по всей справедливости он сам должен и впредь быть орудием американского народа, чтобы довести войну до конца и, если удастся, перевязать раны и залечить рубцы, избежав ненужной мести.

Вне сомнения, Линкольн считал необходимым быть лояльным по отношению к людям, которые доверяли ему, которые видели смысл и, логику в его действиях, которые опасались доверить президентство другому человеку. Это

правительству Линкольна и армии Линкольна столько семей доверили своих сыновей и мужей. «Папаша Линкольн» было не просто прозвищем. Он действительно заботился о людях, как о своих детях. Он доверял им, и они доверяли ему. Это было родство между ним и легионом верных ему людей. Казалось, он рассуждал так: если они хотят, чтобы он остался президентом, они своего добьются, а если он им не нужен и их устраивает другой, то это и его устраивает.

В одном из номеров «Газетт» журналист описал интервью с Джоном Брайтом. Лидер английских либералов сказал, что переизбрание Линкольна было бы сильнейшим ударом северян по Югу в этом году. Брайт отверг всякие утверждения, что Линкольн медлителен, хотя он полагал, что смена членов кабинета будет необходима, и добавил: «Мистер Линкольн похож на официанта в большой столовой — он нужен сразу всем; и так как он не может обслужить всех сразу, то вполне естественно, что имеются недовольные».

В феврале нью-йоркская «Геральд» свои чрезмерные восхваления сдобрила доброй порцией сатирических колючек: «Как шутник Линкольн уникален. Он сочетает едкий юмор Диогена с лучшими чертами всех других знаменитых остряков мира. Он более поэтичен, нежели Гораций, более пикантен, чем Ювенал, анекдотнчней Эзопа, сочней Боккаччо, разухабистей бесшабашного Рабле и чаще цитируется, нежели ветеран комедиантов Джо Миллер». Цель заметки заключалась в том, чтобы создать впечатление, что во главе правительства стоит клоун.

«Уорлд» перечислила семь саркастических причин к тому, чтобы Линкольна снова выдвинуть кандидатом, и добавила восьмую: «По-английски он пишет более безграмотно, чем любой из предшествовавших ему президентов». Нью-йоркская «Ивнинг пост» «удружила» Линкольну и в апреле напечатала на первой странице полторы колонки его историй и анекдотов.

В армии было достаточно дезертиров, симулянтов и отстающих на марше, но настроение большинства, безусловно, было благоприятным для «старины Эй-би». Тысячи писем, отправленных семьям, были тому доказательством. Жалоб и недовольства по сравнению с этой массой писем было весьма немного. Ветеран войны выступил в Чикаго и на вопрос, хотят ли солдаты переизбрания Линкольна, ответил: «Конечно, они хотят этого. Мы все повторно завербовались. Он нас мобилизовал, и будь мы прокляты, если мы не заставим его задержаться на своем посту, чтобы демобилизовать нас. Мы не бросим его до тех пор, пока не принудим каждого мятежника признать, что Линкольн

единственный конституционно избранный президент».

Гарриет Бичер-Стоу написала в январском номере бостонского «Уочмэн энд Рифлэктор» о том, что ее тронуло в Линкольне:

> «Мир с удивлением воспринял величайшее чудо и примету нашего времени, а именно то, что простой рабочий, выходец из народа, имеющий не больше образования, воспитания и культуры, чем любой другой такой же рабочий, был призван провести великий народ через период кризиса, затрагивающего судьбы всего мира…

У Линкольна своеобразная сила. Это не крепость каменного быка под мостом, а скорее гибкая мощь кабельного провода.

Это сила, поддающаяся любому влиянию, склоняющаяся в ту или другую сторону в соответствии с нуждами страны и в то же время упорно и непреклонно выполняющая свои цели… Окруженный всякого рода предателями, трусами, нерешительными людьми с их противоречивыми требованиями, чиновниками из пограничных и свободных штатов, радикальными и консервативными аболиционистами, Линкольн прислушивался ко всем, взвешивал предложения всех, выжидал, наблюдал, кое в чем уступал, но в основном придерживался раз намеченной линии, шел прямо к цели и провел государственный корабль в полной сохранности через все препятствия».

7. Джэй Кук, деньги на войну, трудные времена и крупные успехи

Союзное правительство ежедневно тратило на войну больше 2 миллионов долларов. Линкольн шел навстречу Чэйзу во многих его щекотливых требованиях о назначениях на должности, шел на сомнительные соглашения и меры, лишь бы собрать деньги для ведения войны.

В доме напротив здания казначейства фирма «Джэй Кук и компания» открыла свою контору. В январе 1864 года эта компания закончила продажу облигаций займа США на сумму в 513 миллионов долларов. Подписка перекрыла первоначально утвержденную сумму в полмиллиарда.

Идея выпуска займа родилась после визита делегации банкиров в Вашингтон. По словам нью-йоркской «Геральд», банкиры открыто заявили, что они имеют поручение предупредить президента и его правительство, что их руководство войной вызвало недовольство банкиров и раз они изыскивают средства для покрытия расходов, то имеют и право рекомендовать президенту необходимые изменения в его политике.

Конгрессмен Келог поднялся с кресла и сказал: «Мы призвали молодежь; она стала под знамена. Я мобилизовал бы и капиталы. И если их не принесут добровольно, то, чем допустить гибель республики или лишиться хотя бы одной звездочки на флаге нации, я скорее выскреб бы последние центы из касс штатов, из касс капиталистов, из касс граждан и отдал бы все эти деньги в распоряжение правительства».

План Кука заключался в том, чтобы через головы банкиров обратиться к мелким вкладчикам, к народным массам, которые в состоянии купить на сто долларов или больше облигаций, то есть обратиться к группам населения, которые состояли вкладчиками банков. По этим облигациям правительство обязалось платить 6 процентов годовых в течение двадцати лет или выплатить их стоимость золотом в течение пяти лет. 1 800 ежедневных газет и еженедельных журналов печатали платную рекламу займа. Газеты, ненавидевшие Линкольна, его правительство и все их дела, не в состоянии были отнестись неприязненно к звонкой монете, которой Кук оплачивал информацию, подготовленную его большим штатом квалифицированных журналистов. Были привлечены и газеты, выходившие на иностранных языках: немецкие, итальянские, еврейские, польские. Сам Кук получал

четверть процента с реализованной суммы займа и из этих денег оплачивал все расходы по конторе, по содержанию журналистов, распространителей облигаций и по рекламе в прессе.

Широкой рекой лились наличные деньги к Джэю Куку и через него в кассы правительства Линкольна, расходовавшего их на солдат, на закупку лошадей, мулов, морских сухарей и фасоли — на ведение войны. Это стало возможным частично благодаря живому, дерзающему, неугасимому оптимизму Джэя Кука. В тысячах инспирированных им печатных выступлений высказывалась идея, что война является всего лишь инцидентом, случайностью, не имеющей значения в жизни народа, совершающего огромный экономический переворот; страна шла к будущему, в котором огромную роль будут играть головокружительные цифры капиталовложений в железные дороги, в строительство пароходов, заводов, шахт, нефтепромыслов. В,1863 году пароходы привезли из Европы 182 808 новых рабочих и поселенцев, причем в нью-йоркский порт прибыло из Ирландии — 92 тысячи, из Германии — 35 тысяч, из Англии — 18 тысяч и из других стран — 11 тысяч.

Нью-йоркский торговец А. Стюарт уплатил налог на доход в 4 миллиона долларов; доход В. Астора составлял 1 миллион 300 тысяч, Корнелиуса Вандербильта — 576 тысяч.

В Калифорнии накопали золота и серебра на 70 миллионов и в других штатах — на 30 миллионов долларов. В Калифорнии каждые четверо из пяти белых мужчин были холостяками, и корабли из Нью-Йорка перевозили на западное побережье десятки женщин, отправлявшихся туда искать свое счастье.

Когда в районе озера Супириор открыли залежи железной и медной руды, в течение одного только февраля 1864 года были сделаны заявки на 26 тысяч акров земли.

Тысячи жителей штатов, соседствовавших с фронтом военных действий, составили себе солидные состояния. Большие накопления были сделаны поставщиками деревянных и металлических протезов для инвалидов войны; много нажили и агенты, предлагавшие подставных лиц взамен сынков богачей. Сотни вновь открытых солидных банковских счетов обязаны были своим происхождением незаконным сделкам, совершенным в нарушение блокады, запрещенной торговле спиртными напитками, медикаментами, дефицитными материалами для военных нужд южан.

Генерал Шерман проклинал торговцев Цинциннати, готовых ради прибыли продать врагу любые товары. Грант проклял друга Линкольна — Свэтта за намерение продать сено южанам по исключительно высокой цене. Свэтт пожаловался Линкольну, что

Грант грезился застрелить его, Свэтта, если он заключит эту сделку на сено. Линкольн посоветовал ему быть осторожным, так как Грант был человеком слова. В то же время обычно скрупулезный, хотя иногда и туповатый, Грант не видел ничего предосудительного в том, что он сообщал родственнику со стороны жены секретные способы спекулятивной торговли хлопком. Только после того, как его начальник штаба Роулинс разгневался и пристыдил его, Грант прекратил передачу этих сведений.

Стремление к личному успеху в бизнесе, к захвату жирного куска было настолько заразительно, что Линкольн, судя по словам Уитни, заботясь о нем, посоветовал своему старому коллеге по адвокатуре закупить земельные участки на западе, ибо они могут принести ему через короткое время прибыль в 50 тысяч долларов.

Было поймано несколько спекулянтов, пытавшихся контрабандным путем провезти крупные партии хлопка. Стентон организовал тайную агентуру, которая раскрыла много случаев коррупции и мошенничества. Помощник Стентона, Дана, раскрыл нечистую игру многих проворовавшихся квартирмейстеров и поставщиков.

Генерал Джеймс Уилсон отметил, что наиболее способные и энергичные поставщики были самыми бесчестными, ибо они не довольствовались законной прибылью. «Палатки они поставляли из наиболее легкой материи» либо на несколько дюймов меньше условленного размера; на сбрую давали тонкую кожу; седла делали плохие мастера из бракованной кожи; в обувь ставили картонные подметки; одежду шили из переработанной, бывшей в употреблении шерсти; в кормовых смесях для лошадей было излишне много мякины и дешевых сортов зерна… Каждого поставщика приходилось строго контролировать». Все это явилось как бы повторением европейских традиций, ибо английский журнал «Блэквуде магазин» спокойно комментировал: «Большая война всегда больше создает подлецов, нежели убивает».

Чем выше было общественное положение мошенника и вора, изобличенного тайной агентурой Стентона, тем громче вопили газеты, тем сильнее был нажим политических деятелей, чтобы пойманных отпустить безнаказанно. Уилсон обратил внимание на то, что губернаторы, конгрессмены, сенаторы и даже президент были вовлечены в работу по вызволению подсудных «высокочтимых граждан», надувавших правительство.

Изо дня в день непрерывным потоком шли к Линкольну на прием разные «урегулировщики» и представители пойманных за руку, и ему приходилось играть роль не только судьи и жюри, не

только устанавливать виновность преступника и определять наказание; ему, кроме этого, необходимо было еще учитывать, не принесет ли его приговор больше вреда, чем пользы, фронту и мобилизации политических и экономических сил в тылу. Имея дело с разновидностями лисиц, волков и свиноподобных, у которых рыльце было в пушку, Линкольн чаще давал повод к обвинению его самого «в сочувствии и мягкосердечности», нежели в чрезмерной жестокости».

Одна запутанная история началась 8 мая 1863 года, когда Линкольн подписал по просьбе старого друга Свэтта некое разрешение. Эта история закончилась 19 августа того же года, когда золотые копи Нью-Алмаден в Калифорнии перешли по необычайной дешевке в руки корпорации, владельцем некоторой части акций которой был Свэтт. Кстати, он состоял у этой же корпорации на службе в качестве адвоката. Для Свэтта у Линкольна не нашлось ни слова упрека. Свэтт был не так уж плох, он просто очень жаждал добыть себе состояние, которое обеспечило бы его на всю жизнь.

Оливер Уэнделл Холмс писал: «Множество людей разбогатело, и для чего? Неужели для того, чтобы разукрасить золотыми лентами шляпы своих кучеров? Неужели для того, чтобы женщины подметали тротуары шлейфами из самого дорогого шелка, который нам присылают трудолюбивые французы? Неужели только для того, чтобы, покорные мимолетной моде, порхать расфранченными из города на пляж и обратно с пляжа в город?»

Нью-йоркские отели, театры, ювелиры, модные портнихи перекрыли все предыдущие рекорды выручки. Еженедельник «Лезлиз уикли» считал показательным, что за год импорт бриллиантов достиг суммы в 2 миллиона долларов. Журнал «Харпере монсли» в июле 1864 года негодующе рассказывал о том, что шинели, кителя, штаны и одеяла солдат после первого же дневного марша превращались в лохмотья или расползались под первым же дождем. И «Лезлиз» дополнял это сообщение: «… нет ничего удивительного, что ювелиры чрезвычайно заняты подбором и оправой драгоценных камней, ведь тем временем солдаты натирают ноги до волдырей, шагая в ботинках с картонными подошвами…» Мужчины застегивали свои жилеты пуговицами из бриллиантов; прически сопровождавших их женщин сверкали золотыми украшениями; отправляясь в магазины за покупками, они говорили: «Мы не чувствуем тягот войны».

Зимние метели гуляли по улицам, и Оливера Холмса возмущало то, что в такое время в витринах магазинов

красовались свежие персики по цене 24 доллара за корзинку. Они предназначались для тех, кто имел возможность бросать деньги на ветер.

Цены на продукты и одежду подскочили ввысь, а заработная плата замерзла либо в отдельных случаях незначительно увеличилась. Тот самый процесс, который обогащал спекулянтов и биржевиков, действовавших наверняка, автоматически обесценивал зарплату и подрывал покупательную способность рабочего. Как бы инстинктивно, не имея ни опыта, ни традиций, которые можно было бы использовать, рабочий класс прибег к средству, именуемому стачкой. Само слово «стачка» было настолько новым, необычным, что некоторые газеты взяли его в кавычки. В 1864 году бастовали больше, чем за всю предыдущую историю Америки. В марте забастовали все машинисты чикагского узла. Они требовали выполнения компаниями январского соглашения об увеличении жалованья до 3 долларов в день. Через два дня забастовка была сорвана частью машинистов, вернувшихся на работу, и присланными из Нью-Йорка и других восточных городов штрейкбрехерами. «Братство паровозной площадки», зародившееся в 1863 году в Детройте, выросло и в 1864 году было реорганизовано в Великое интернациональное братство паровозных машинистов.

В мае 1864 года на доллар, служивший, как правило, поденной платой, так мало можно было купить, что отчаявшиеся железнодорожники на всех чикагских линнях, за исключением одной, забастовали, требуя 1,50 — 1,75 доллара в день. Печатники нью-йорка, Чикаго и других городов организовали свой союз типографов; пекари, портные, металлисты, бондари, сапожники, работавшие по найму, моряки — все они создали союзы, ассоциации защиты интересов или общества взаимопомощи.

Линкольн вмешался лишь в одну забастовку. 21 декабря 1863 года он написал военному министру: «…стачки на верфях чрезвычайно задержали строительство кораблей…» У генерала Гилмора имелся план удовлетворения требований забастовщиков. Адмирал Долгрен не соглашался с предложениями Гилмора. Линкольн приказал обоим встретиться и покончить со стачкой, причем поддержал план Гилмора.

Когда в Сент-Луисе забастовали печатники газетных типографий, генерал Роузкранс послал солдат выполнять их работу. Союзы печатников письменно обратились к Линкольну с просьбой защитить их интересы. В результате штрейкбрехеры-солдаты были отозваны из типографии. И в рабочем движении стало традицией обращаться к президенту, чтобы он удерживал

чиновников федерального правительства от вмешательства в их законную борьбу.

В текстильной промышленности, на фабриках и в мастерских кустарей, рабочий день был бесчеловечно долог, а зарплата низка. Респектабельные газеты часто публиковали сенсационные цифры, и читатели изумлялись, как люди могли существовать на такие мизерные заработки. Забастовали фабричные девушки в Патерсоне, штат Нью-Джерси; они потребовали повысить поденную плату и сократить рабочий день до 10 часов вместо 12–16.

Умеренная спрингфилдская газета «Рипабликан» писала, что высокопоставленные правительственные чиновники совращали бедных, но красивых женщин. В передовице перечислялись все скандалы, ставшие достоянием газет. Подтвержденные фактами драмы работниц подтверждались спокойными и серьезными сенатскими докладами. «Один из отделов министерства финансов стал домом обогащения и проституции. Члены конгресса устроили своих любовниц на должности секретарей. Почтенного сенатора на улице сильным ударом сбила с ног женщина, над которой он надругался. За казенный счет чиновники вдоволь напиваются виски. С правительством заключаются жульнические договоры на поставки, чиновники открыто грабят казну». Газета писала: «Наш очень добросовестный корреспондент сообщает, что Вашингтон никогда не был охвачен такой мерзкой коррупцией, как сейчас…»

Была и светлая сторона войны. Частным образом собрали 5 миллионов долларов. Деньги эти передали Медицинской комиссии, зарекомендовавшей себя действенной помощью солдатам на лагерных стоянках, на полях сражений и в госпиталях. Семьи солдат отправили своим фронтовикам подарки на 15 миллионов долларов: постельные принадлежности, одежду, овощи, продукты.

На закрытии Медицинской выставки Линкольн отметил, что наибольшая тяжесть войны падала на плечи солдат, рисковавших своими жизнями и часто их отдававших. Они заслужили величайшей похвалы. Рядом с ними шли женщины, главные организаторы таких выставок, доходы с которых увеличивали возможность облегчить страдания солдат и уменьшить тяготы их семейств.

Эта чересполосица добра и зла отличала Америку в те дни, компания Джэя Кука залила сейфы казначейства Ниагарой долларов. А в печати, в объявлениях и циркулярах под шумок проводилась идея, что Чэйз самый выдающийся человек в Вашингтоне и что из него получился бы способнейший президент

Соединенных Штатов.

8. Чэйз жаждет баллотироваться в президенты

По приглашению министра финансов Чэйза его посетили три конгрессмена из Калифорнии. Он решил заменить в Сан-Франциско всех руководящих работников своего ведомства. И он огласил список новых назначений. Конгрессменов это очень заинтересовало, но они предпочли промолчать. На прощание Чэйз заявил, что его решение в этом вопросе окончательно.

О массовых смещениях и назначениях, планировавшихся Чэйзом, президент узнал случайно. Ноа Брукс рассказал о своей встрече в эти дни с Линкольном. «Президент гневно меня спросил, почему я его не известил, что затевается такое серьезное дело. Я ему ответил, что такого рода информация не входила в мои обязанности». Президент поручил Бруксу телеграфно вызвать в Вашингтон двух задержавшихся в Нью-Йорке сенаторов, имевших беседу с Чэйзом. Вместе с ними он не спеша, но самым тщательным образом расстроил план, намеченный Чэйзом.

Чэйз в который раз снова написал фразу, ставшую столь хорошо знакомой Линкольну: «Почтительно прошу принять мою отставку».

В министерстве у Чэйза состояло около 10 тысяч крупных и мелких чиновников. Лишь в редких случаях президент вмешивался в вопросы назначения на должности. Оба секретаря Линкольна, Николаи и Хэй, видели, что Чэйз старается подорвать позиции президента. Под напыщенной внешностью самого красивого министра скрывалась кукла с разбухшим самомнением, одолеваемая манией величия.

Чэйз отправлял письма десяткам политических деятелей, редакторам, священникам, на протяжении двух лет стараясь создать впечатление, что среди массы безруких администраторов он единственный человек, который знал бы, как нужно действовать, будь у него власть. Пожалуй, никто не высказывался столь противоречиво и двусмысленно о Линкольне. В ноябре 1863 года Чэйз написал своему зятю, самому богатому человеку в сенате, что его никогда не заставят запять враждебную или недружественную позицию по отношению к мистеру Линкольну, «который неизменно справедлив и добр ко мне». Он долго распространялся насчет своего «почтения и привязанности» к мистеру Линкольну. И в этом же письме он подчеркнул, что никому нельзя позволить стать повторно президентом и «мне думается, что для наступающего четырехлетия нужен человек с

совершенно другими качествами, чем у нашего президента».

Судя по числу отправленных им писем, в которых Чэйз старательно излагал свои политические планы, судя по количеству совещаний и интервью, которые он организовал, можно сделать вывод, что по меньшей мере половину своего рабочего времени он тратил на разработку и выполнение своих непомерно честолюбивых политических планов.

К Линкольну пришел с визитом коренастый человек, одетый по последней моде; в глазу у него, по английской манере, торчал монокль. Это был Генри-Джарвис Рэймонд, редактор и собственник наиболее твердо пролинкольнской газеты в Нью-Йорке — «Таймс», единственной утренней газеты, которая пыталась отразить все ежедневные ядовитые стрелы, выпускаемые Грили, Бенетом, Бруксом и Фернандо Вудом. Рэймонд основал «Таймс» в 1851 году. Он ориентировался на читателей, стремившихся получить более верную информацию, чем та, которой потчевала их сверкающая, но скользкая «Геральд» или переменчивая и верткая «Трибюн».

Рэймонд участвовал в организации республиканской партии в 1856 году, агитировал 33 Фремонта, в 1858 году переметнулся к Стифену Дугласу и поддерживал его кандидатуру в президенты, а в 1860 году стал сторонником Линкольна.

Рэймонд работал над обширной, фундаментальной биографией Линкольна, намечавшейся к выпуску весной. В ней умалчивалось о том, что сам Рэймонд не далее как в 1861 году настолько разуверился в компетентности линкольнского правительства, что ратовал в своей газете за создание временного правительства во главе с диктатором (Джорджем Лоу), так же как не упоминалось о том, что десятки вожаков республиканцев создали в Вашингтоне в 1864 году фракцию, выдвигавшую кандидатуру Чэйза.

Если не считать этих и других «семейных» секретов, о которых не стоило рассказывать в год выборов, эта биография должна была стать первоклассным агитационным материалом в избирательной кампании.

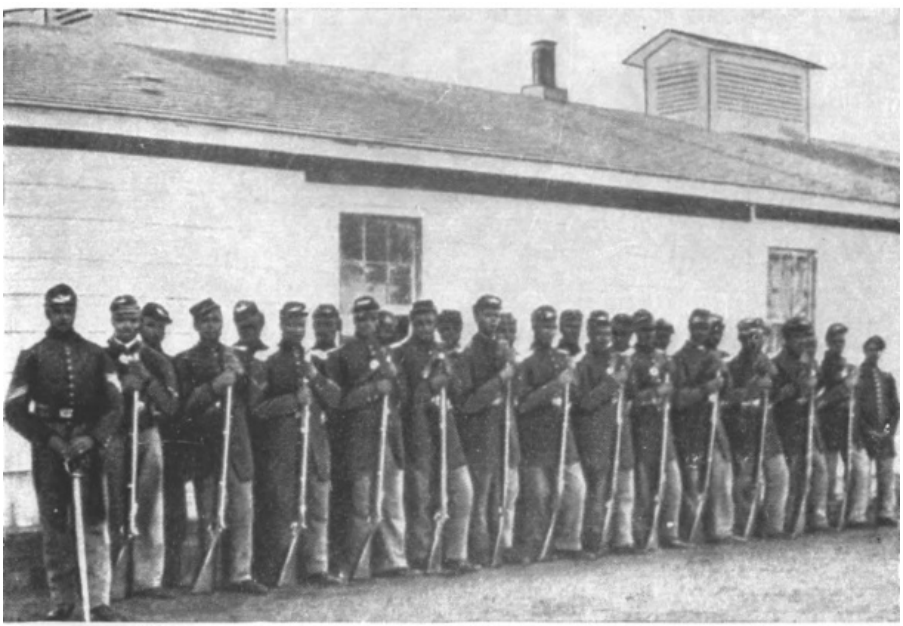
Линкольн добился изумительных успехов «в условиях ужасных испытаний, и в широких массах народа у него репутация честного в своих целях и поступках человека, которого даже Вашингтон не смог бы превзойти».

Республиканские и демократические газеты перепечатали шутливое обвинение нью-йоркской «Геральд», которая упрекала Чэйза в том, что он намеренно помещал свой портрет на кредитках мелкого достоинства, которые все видят, а портретом Линкольна он украшал крупные кредитки, которые попадали в

руки ограниченному кругу людей, и этим добивался популярности.

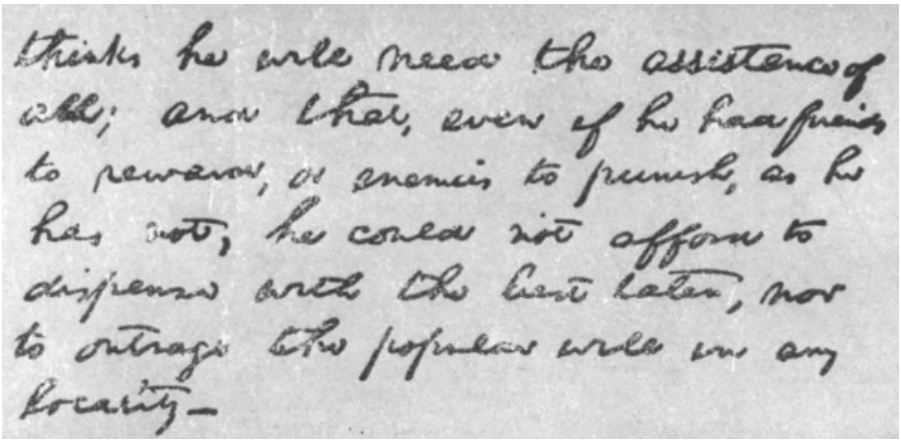
Осенью 1863 года Джон Хэй обратил внимание президента на то, что Чэйз «старается подорвать» его авторитет, на что Линкольн ответил: «Меня совершенно не интересует, добивается ли он успеха в своих планах или терпит поражение, лишь бы он выполнял свои обязанности главы министерства».

Филадельфийский клуб Союза лиг решительно высказался за повторное выдвижение Линкольна; филадельфийский клуб Национального союза присоединился к этому предложению. В Нью-Йорке Комитет национальных конференций союза линкольнских ассоциаций издал обращение «К лояльным гражданам Соединенных Штатов», в котором заявил, что, выдвигая лицо, «достойное занять кресло президента», народ должен выбрать «настоящего вождя», человека «испытанного и решительного» — Авраама Линкольна. Несколько начальников почтовых контор в разных частях страны — сторонники Линкольна — вывесили это внушительное обращение у окошек с таким расчетом, чтобы клиенты не могли его миновать. Нью-йоркская «Уорлд» подняла вой, что правительство якобы издало приказ, понуждающий служащих почты участвовать в мелких политических махинациях.



Негритянские пехотинцы в армии Севера.

Негры-лазутчики, бежавшие к северянам.


thinks he will need the assistance of all; and that, even of his friends to reward, or enemies to punish, as he has not, he could not afford to dispense with the best later, nor to outrage the popular will in any locality—

Автограф письма А. Линкольна.

А. Линкольн с младшим сыном.

В первых числах января среди членов пенсильванской палаты представителей — юнионистов был пущен по рукам документ. Эго было обращение к президенту, в котором его заверяли, что избиратели Пенсильвании полностью одобрили его политику на прошлых выборах и «…мы лишь удовлетворяем их просьбу, публично заявляя, что непоколебимо стоим за то, чтобы вас повторно избрали президентом в 1864 году». Этот адрес, подписанный всеми юнионистами — членами сената и палаты представителей, был послан Линкольну 14 января с запиской Саймона Камерона: «Ваш избирательный корабль прекрасно оснащен теперь для повторного рейса… Провидение декретировало ваше переизбрание, и никакие комбинации нечистых сил не могут это предотвратить».

В штате Нью-Хэмпшайр съезд юнионистов 6 января рассматривал вопрос о кандидатурах, и прежде чем председательствующий, озабоченный присутствием большого количества служащих министерства финансов, успел опомниться, делегаты уже приняли решение поддержать кандидатуру Линкольна. Центральный комитет юнионистов Нью-Йорка единогласно принял такое же решение. Обе палаты штата Канзас одобрили повторное выдвижение Линкольна. Юнионисты палаты представителей Нью-Джерси телеграфировали ему: «Вы — избранник народа».

К концу февраля 1864 года 14 штатов официально заявили, что они за повторное выдвижение Линкольна.

В эти же месяцы сторонники Чэйза подспудно начали свою предвыборную кампанию. Они собрали несколько десятков тысяч долларов; самая крупная сумма поступила от Джэя Кука и К°. Комитет чэйзовцев возглавлял сенатор Сэмюэл Помирой из штата Канзас. Комитет решил втихомолку подорвать действия 14 палат штатов и их решения в пользу Линкольна. Они затеяли смелую игру. Комитет написал циркуляр — для персонального и конфиденциального использования, который якобы исходил от линкольнцев Самнэра, Стивенса, Генри, Дэвиса и Уэйда, хотя стояла подпись только одного Помироя. Отпечатанные копии разосланы были большому количеству лиц. Обращение якобы написали самые ревностные друзья Линкольна: они просили юнионистов предотвратить намерение президента согласиться на переизбрание. Причины: 1. Он не может быть переизбран, потому что слишком сильны объединенные силы противников. 2. Принимая во внимание все ошибки президента, совершенные в прошедшем четырехлетии, можно считать, что последующее четырехлетие будет еще хуже. 3. Повторное избрание даст президенту еще большие полномочия, а это чревато опасностью для республиканских установлений. 4. С другой стороны, Чэйз — гарантия бережливости и безупречной честности правления. 5. Чтобы победить не организованным еще силам чэйзовцев, нужно лишь хорошо поработать.

Вашингтонская «Нэшнл интеллидженсер» ухитрилась напечатать этот циркуляр, и притом полностью. Когда все другие газеты перепечатали это сообщение, сторонники Чэйза, рассчитывавшие втайне подготовиться и выйти в открытую, лишь достаточно окрепнув, были ошарашены, а некоторые и потрясены появлением такого циркуляра в печати. Сам Чэйз пришел в ужас.

Копии циркуляра попали в Белый дом еще до появления в печати, но Линкольн нисколько ими не заинтересовался. В день, когда «Интеллидженсер» сенсационно раскрыла келейность

действий чэйзовцев, Чэйз написал Линкольну, что чрезвычайно этим раздосадован, так как сам ничего «не знал о существовании циркуляра до тех пор, пока не увидел его в газете». Правда, несколько господ недавно пришли к нему с предложением выдвинуть его кандидатуру в президенты. Но он ответил, что такое действие с их стороны может повредить его работе в качестве министра.

Линкольн ответил Чэйзу: «Циркуляр я еще не читал и читать не буду… Останетесь ли вы министром? Это вопрос, который я не могу рассматривать иначе, как с точки зрения пользы, приносимой вами на вашем посту; в этом отношении я не вижу причин для замены вас другим».

У Чэйза были еще надежды на Огайо. Но и этот штат единогласно высказался за Линкольна. В марте Чэйз написал бывшему конгрессмену от штата Огайо: «Стараюсь выбросить из головы мечты о президентстве, хотя мне кажется, что как президент я лучше смогу управлять финансами с помощью министра, чем сейчас в качестве министра управляю ими с помощью президента. Но ребята из Огайо не очень меня хотят».

В последующие недели Чэйз продолжал отправлять письма различным влиятельным лицам, жалуясь на расточительность и ошибки правительства, на отсутствие у президента твердой воли и сильной руки, необходимых для управления страной.

Сторонники Линкольна не могли решить вопрос о наиболее подходящей дате созыва национального съезда юнионистской партии для утверждения кандидатуры Линкольна.

Пришли в движение рабочие, мятущаяся и не выкристаллизовавшаяся еще сила. Они также будут голосовать в предстоящей избирательной кампании. Линкольн познакомился с ними ближе, когда его посетил комитет нью-йоркской Рабочей ассоциации демократических республиканцев, чтобы сообщить ему, что эта ассоциация избрала его своим почетным членом. Эта организация была создана за год до этого и стояла за тред-юнионы и переговоры между работающими и работодателями. Президент сказал:

— С благодарностью принимаю избрание почетным членом вашей ассоциации. Из вашего обращения явствует, что вы рассматриваете восстание южан не просто как борьбу за увековечение рабства африканцев, а что оно фактически является войной против прав рабочего народа.

Линкольн остановился на событиях прошедшего года:

— Беспорядки в вашем городе, имевшие место прошлым летом, когда несколько рабочих были повешены рабочими же, привлекли всеобщее внимание. Это никогда больше не должно

повториться. Вне пределов семьи самыми сильными узами дружбы должны быть те, что соединяют рабочих всех наций, языков и профессий. Однако это не должно привести к войне против собственности или собственников. Собственность является продуктом труда, собственность вещь необходимая, она служит добру. То, что некоторые становятся богачами, показывает, что и другие могут ими стать, следовательно, богатство поощряет трудолюбие и предприимчивость. Пусть но имеющий своего дома не уничтожает дом соседа; пусть лучше не имеющий своего дома усердно трудится, и тогда он построит свой собственный дом и этим примером добьется, что и его дом будет сохранен от насильственного уничтожения.

WIDE AWAKE
ABE IS THE ONE
ABE
ABE
ABE

1. Весна 1864 года

Шахтеры, изыскатели, шулеры и золотоискатели территории Невада, насчитывавшей 26 тысяч избирателей, пожелали стать штатом и вступить в Союз. Населению пустынных земель Невады понравилась идея посылки в Вашингтон одного конгрессмена и двух сенаторов. Шестьдесят пять процентов избирателей там были республиканцами.

Как-то Линкольн посетил помощника военного министра Чарльза Дана. Президент сказал ему, что правительство решило внести в конституцию поправку, запрещающую рабство; это было не только актом, изменяющим внутригосударственную политику, но и важным военным мероприятием, равным появлению на поле боя свежих армий численностью по крайней мере в миллион человек. Принятие такой поправки требовало одобрения трех четвертей общего количества штатов. Невада как штат могла быть в числе тех, кто выскажется за поправку. Дана цитирует слова Линкольна: «Легче признать Неваду штатом, чем мобилизовать миллион солдат».

24 февраля 1864 года сенат подготовил билль, санкционирующий учредительный съезд Невады в первый понедельник июля для объявления от имени народа о принятии конституции Соединенных Штатов и о формировании правительства штата. В течение всего марта билль не ставился на голосование, так как Стивенс, руководитель фракции республиканцев, не мог собрать необходимого большинства голосов.

Линкольн снова зашел к Дана и сказал ему:

— Меня очень беспокоит результат предстоящего голосования. Билль нужно утвердить на следующей неделе. У нас очень мало времени. Есть три члена конгресса, они ваши приятели, и поэтому вам лучше всего с ними переговорить.

— А если они чего-нибудь потребуют? — спросил Дана.

— Это не имеет никакого значения, — ответил президент. — Чего бы они ни потребовали. Перед нами альтернатива: либо этот билль принимается, либо мы вынуждены будем набрать еще миллион рекрутов, а может быть и того больше, и воевать неизвестно сколько времени. Вопрос стоит так: либо еще три голоса, либо новые армии.

— Хорошо, сэр, но что мне сказать этим джентльменам?

— Сам не знаю, но что бы вы им ни обещали, я сделаю.

Дана вызвал этих конгрессменов и поговорил с каждым из них с глазу на глаз. Первые два пожелали получить должности

сборщиков налогов.

— Эти должности — ваши, — сказал Дана.

Третий потребовал должность в таможне с годовым окладом в 20 тысяч долларов. Конгрессмен был убежденным демократом, но готов был принять эту должность из рук республиканца.

— Вы хотите именно эту должность?

— Да.

— Она ваша.

— Я понимаю, что вы, конечно, обещаете это не от своего имени?

— Н£т. Я говорю от имени президента.

Таким образом необходимые голоса были добыты, и билль стал законом. Точное количество голосов «за» и «против» нигде не было записано и даже не отмечено в «Конгрешнл рекорд» то ли по недосмотру клерков, то ли по указанию свыше.

Хэй в декабре беседовал с президентом о политической реконструкции во Флориде и о возможности привлечь там одну десятую всех избирателей штата, готовых поклясться в верности Союзу и быть зарегистрированными в клятвенной книге в качестве граждан США. Генералу Гилмору, в чьем военном округе находилась Флорида, Линкольн написал, что он присвоил Хэю звание майора армии и что Хэй с клятвенными книгами и бланками удостоверений о гражданстве выезжает к Гилмору и изложит ему общую точку зрения президента по вопросу о преобразовании Флориды в лояльный штат.

В Джэксонвилле, штат Флорида, Хэй прочитал построенным в ряды военнопленным объявление президента об амнистии. Затем Хэй объяснил, что, если они поставят свои подписи в клятвенной книге, им выдадут соответствующие удостоверения и разрешат разойтись по домам. Они охотно ставили свои подписи — война им надоела.

И тут пришло ужасное сообщение. Генерал Трюмэн Симур, кадровый военный, имея под своим начальством 5 500 солдат, разыскал отряд конфедератов примерно такой же численности, занимавший прекрасную позицию на реке Оласти, и завязал бой. Союзные войска потеряли 1 800 человек, конфедераты — половину этого. Выяснилось, что потерпевший поражение Симур выступил вопреки приказу Гилмора.

Теперь Хэю стало труднее находить конфедератов, желавших стать лояльными юнионистами. Некоторые военнопленные уже заявляли, что они не считают себя раскаявшимися бунтовщиками. Надежды Хэя на вербовку 10 процентов избирателей, необходимых для создания правительства штата, постепенно таяли.

Со всех сторон на Линкольна посыпались обвинения в том, что вся эта махинация придумана президентом для того, чтобы заполучить на выборах несколько дополнительных голосов в свою пользу. В особенности изощрялись нью-йоркские газеты «Геральд» и «Уорлд». «Геральд» вопила: «Цена трех голосов в пользу президента! Одна тысяча жизней!»

Из Вашингтона Линкольн пытался руководить генералом Банксом и делами в Луизиане, где установилась чересполосица гражданской и военной власти. Генерал Банкс управлял 17 округами Луизианы из 48, находившихся под контролем армии Союза, в которых жила четвертая часть всех рабов штата. Линкольн хотел, чтобы штат принял декларацию об освобождении негров и постепенно «обе расы изжили бы прежние отношения и нашли бы какой-нибудь модус для новых взаимоотношений. В частности, в план можно включить общее образование для черных».

Банкс объявил, что 22 февраля состоятся выборы. Свободные белые мужчины, принявшие клятву верности, подали 11 тысяч бюллетеней, из них Майкл Хан, кандидат Банкса, получил 6183 голоса, Фелоус — сторонник рабства — 2 996 и Фландерс — 2 232. Хану было тридцать четыре года. Уроженец Баварии, Хан в младенческом возрасте был привезен его родителями в Нью-Йорк, затем вместе с родителями переехал в Новый Орлеан, где и окончил юридический факультет.

Линкольн написал Хану личное письмо. «Поздравляю вас, первого губернатора свободного штата Луизианы. Я едва осмеливаюсь подсказать вам одно предложение: подумайте о возможности в будущем допуска к выборам цветных, например, наиболее смышленых, в особенности тех, кто доблестно дрался в рядах нашей армии». Кроме того, президент приложил официальное уведомление о том, что Хан назначается также военным губернатором Луизианы — на тот случай, если гражданские выборы его губернатором будут поставлены под сомнение. Новое назначение даст ему полномочия распоряжаться войсками в случае беспорядков.

В марте Банкс возглавил военную экспедицию к реке Рэд. Сорокатысячная армия, плохо управляемая Банксом, потерпела поражение и откатилась к Александрии. Инициаторами похода были Линкольн, Сьюард, Галлек, Грант, Шерман, журналисты и торговцы хлопком. Банкс рад был вернуться восвояси и раздать свои войска различным командирам. Посыпались обвинения в том, что потерпевшая поражение экспедиция имела главной целью захват колоссальных запасов хлопка для последующей продажи их правительством текстильным фабрикантам.

Два торговца приехали в Александрию с письменными разрешениями Линкольна на покупку хлопка. Это были его старые спрингфилдские друзья. То незначительное количество хлопка, которое им удалось добыть, было у них отобрано армией и использовано в военных целях. Но их появление в лагере у реки Рэд с разрешениями самого президента вызвало серьезное осуждение.

Секретари Линкольна отметили, что возможность получить крупные прибыли на торговле хлопком приводила к невероятному давлению, оказываемому на президента. Иногда он уступал. «Соблазн был так велик, что все страстно стремились принять участие в торговле хлопком. Не имело значения, кто продавал хлопок: верноподданный или мятежник, производилась ли оплата кукурузной мукой или порохом… Во многих случаях армейские офицеры потворствовали контрабанде и участвовали в прибылях. Вместо борьбы с мятежниками армия занималась спекуляцией хлопком…»

Когда 13 сентября 1863 года 13-тысячная колонна союзных войск под командованием генерала Фредерика Стила вошла в Литл-Рок, столицу Арканзаса, большая часть штата подпала под власть Севера. Восемь полков, сформированных из граждан Арканзаса, стали под знамена Союза. В январе Линкольн выслал генералу Стилу клятвенные книги и бланки удостоверений для использования при организации нового правительства. На съезд приехало 44 делегата, представлявших 22 из 45 графств штата Арканзас. Съезд объявил отделение от США аннулированным, рабство уничтоженным немедленно и безоговорочно, а долги конфедератам недействительными.

Согласно постановлению съезда генерал Стил назначил выборы на 14 марта. За новую конституцию голосовали 12 179 избирателей, 226 — против; за кандидата в губернаторы Айзака Мэрфи голосовали 12 430 человек, подписавших клятвы верности в 40 графствах. Избранные два сенатора и три конгрессмена поехали в Вашингтон, предъявили свои мандаты, услышали споры и грызню в сенате и палате по вопросу о том, как реконструировать оккупированные штаты, и вернулись домой, чтобы известить своих избирателей, что им пока еще не разрешили занять свои места.

Вокруг Литл-Рока появились партизаны в таком количестве, что стало опасным выезжать из города. Бригадный генерал Эндрюс написал Линкольну: «Значительное большинство плантаторов приняли клятву, внешне они согласны с декларацией об освобождении рабов, но не отпускают их и надеются, что им удастся сохранить прежние условия». Линкольн и Роузкранс

получали сообщения из Миссури о том, что там бесчинствуют бродяги, воры, мародеры, дезертиры, поджигатели, организованные в шайки по десять, по двадцать, по сто человек; многие из них носят форму федеральной армии.

В Миссури выдвинулся 43-летний адвокат Франк Блэйр-младший. Он участвовал в мексиканской войне, охотился на медведей и волков, редактировал газету «Миссури демократ», состоял членом законодательного собрания, в 1856 году помогал организовать республиканскую партию. Один из первых республиканцев в конгрессе, он опередил Линкольна на пять лет своим предложением о выплате возмещения плантаторам за освобожденных рабов и о необходимости колонизировать негров.

Блэйр самостоятельно сформировал бригаду и был назначен ее генералом. Бригаду направили в распоряжение Гранта в район излучины Миликен реки Миссисипи. Грант отнесся к этому неприязненно, так как видел в Блэйре лишь штатского генерала — еще одного политика с незаслуженными звездами на погонах. Но у отвесных берегов Чикасоу, у Арканзас-Пост, у пристани Хард-Таймс, у горы Чампион, у Биг-Блэка» Язу Блэйр умело воевал в тяжелых условиях, и Грант сказал, что он приятно ошибся в Франке Блэйре, ибо «…не знаю человека храбрее его… выполнявшего все приказы… без колебаний и с необыкновенной быстротой».

Сенат утвердил присвоение ему Линкольном звания генерал-майора. Но Стентон, полный подозрений и ненависти к роду Блэйров, приказал отстранить генерала Блэйра от должности. Шерман настаивал на том, чтобы Блэйра назначили командиром 15-го корпуса. Этого же добивался и Грант. Линкольн навестил Стентона и попросил его отменить свой приказ.

Тогда же Блэйр написал своему брату Монтгомери, чтобы он узнал намерения президента. Линкольн ответил Монтгомери: «… Я прошу его приехать сюда, занять свое место в конгрессе, провести секретное совещание с нашими друзьями, поддержать необходимые назначения, помочь в выборах кандидатов на должности и таким образом участвовать в работе законодательного собрания и реально поддержать правительство в ведении войны. Если в результате всего этого Блэйра выберут спикером, пусть он займет этот пост; если нет, мы его вернем в армию. На Этом поприще он может послужить стране и личным своим интересам с большей пользой, чем в качестве рядового члена конгресса».

12 января 1864 года Блэйр занял свое место в конгрессе и защищал предложенную Линкольном декларацию об амнистии. Он выступил против предложения о реквизиции земель,

имущества, имений южан и раздела этой собственности между освобожденными неграми и солдатами союзной армии. Хваля действия и решения президента, Блэйр одновременно предложил уплатить рабовладельцам, лояльным Союзу, стоимость освобожденных рабов. Те, кто слушал его или читал его речи, могли прийти к выводу, что он выступает от имени президента, и поверить тому, что семья Блэйров и президент работали в полном согласии. Линкольн вовремя увидел, что Блэйр увеличивает пропасть между радикалами и умеренными в конгрессе, и договорился с Шерманом и Грантом об отзыве Блэйра в армию.

Блэйр нанес удар Чэйзу тем, что предложил резолюцию, в которой выдвигалось требование о назначении комиссии из пяти членов конгресса для обследования работы министерства финансов и составления «доклада о возможных мошеннических обманах правительства» кем-либо. Сторонники Чэйза ответили ударом на удар.

Они обвинили Блэйра в том, что, еще будучи в армии, он закупил 225 галлонов (примерно 845 литров) бренди, неимоверное количество виски, кларета и другого вина, а также 25 полубочек эля и 225 ящиков консервированных фруктов. Эта сделка согласно сфотографированным копиям с приказа была совершена в Виксберге в июне 1863 года и заверена подписями генерал-майора Блэйра и 8 штабных офицеров. Этот приказ опубликовали в печати, а фотокопии его был» розданы членам конгресса. Обвинения чэйзовцев и миссурийских радикалов, жаждавших снять «скальп» Блэйра, заключались в том, что Блэйр и его штабные офицеры никоим образом не могли столько выпить и съесть в Виксберге и что все это сделано было в целях спекуляции и наживы. Блэйр заявил в палате, что этот приказ подложный.

Назначили комиссию, и через месяц она доложила, что «некто Майкл Пауэрс, представившийся агентом министерства финансов… предложил свои услуги» для закупки умеренного количества напитков, табака и сигар для генерала Блэйра и его штаба на сумму не более 175 долларов. После подписания заказ был кем-то изменен параграф за параграфом и доведен до суммы в 8 651 доллар.

Когда ужасная клевета на Блэйра была впервые опубликована, он командовал 15-м корпусом, совершавшим переход из Мемфиса в Чатанугу, с задачей согнать Брагга с горы Лукаут и с хребта Мишэнэри. Блэйра немедленно сместили. Он вернулся в сенат и там снова услышал обвинения своих противников. Он не хотел глубоко вдаваться в «фальсификацию, совершенную личностью, состоящею на службе в казначействе, и

разбираться в клевете, распространявшейся специальным агентом казначейства и напечатанной в газете, финансируемой министром». Он не намерен останавливаться долее на виновниках, непосредственно совершивших и опубликовавших подлог. «Этих псов натравил на меня их хозяин, и поскольку я их загнал обратно в конуру, я считаю виновным в этом оскорблении хозяина, а не его собак».

Блэйр забросал Чэйза обвинениями, правдивыми и ложными; он использовал все, что могло очернить министра. Конгрессмены и журналисты на галерее были ошеломлены услышанным. Чэйз, возражавший против посылки президентом подкреплений в форт Самтер, Чэйз, который хотел прекратить войну в самом начале, теперь готов начать войну на истребление против правительств лояльных южных штатов. Министр финансов выдал своему зятю губернатору Спрэйгу разрешение на закупку хлопка на Юге, и это, вероятно, даст ему 2 миллиона прибыли. Блэйр требовал создания комиссии для обследования — она найдет достаточно материала. «Мистер Чэйз не сможет избегнуть ответственности… Он продолжает подпольно руководить избирательным аппаратом Помироя и не стесняется расходовать для этого народные деньги».

Итак, лидер одной фракции республиканцев нанес политический удар ниже пояса другому республиканцу и получил в ответ такой же удар. Это была нечестная игра с обеих сторон, и Линкольну нелегко было рассудить ее участников.

Ридл и еще один конгрессмен из Огайо посетили президента и сказали ему, что аболиционисты считают президента причастным к выступлению Блэйра. В течение получаса президент с документами в руках доказывал, что не имеет никакого отношения к нападкам Блэйра. Беседа продолжалась еще два часа; в результате Чэйз отказался от своего первоначального требования, чтобы президент публично дезавуировал Блэйра.

В апреле же 1864 года пришло сообщение об одном событии, центральной фигурой которого стал генерал-майор армии конфедератов Нэйтан Бедфорд Форесг. Никто из командиров Севера или Юга, вероятно, не ходил так часто в атаку и не зарубил столько противников, сколько Форест. Он не только не учился в военной академии, но даже не читал ни одной книги по военному делу. В Мемфисе он торговал земельными участками и рабами, добыл на этом огромное состояние, закупил хлопковые плантации, и к началу войны его доход составлял 30 тысяч долларов в год. Он сформировал несколько полков, некоторые из них снабдил конями, обмундированием и продовольствием,

захватив для этого склады снабжения Союза. Однажды кто-то пытался доказать, что война ведется за независимость Юга, а не за рабовладельчество. Форест возразил: «Если мы не воюем за утверждение рабства, то я не знаю, за что мы воюем».

У форта Пилоу на реке Миссисипи, в 40 милях к северу от Мемфиса, Форест руководил наступлением 6-тысячного отряда против 600 защитников форта, выбил их из внешних укреплений и запер в крепости. Он поднял белый флаг для переговоров и предупредил, что пойдет на штурм форта. Командиры федерального отряда утверждали, что, используя перемирие, Форест продвинул свои войска на выгодные позиции и этим нарушит международные законы войны. Полки Фореста атаковали форт, взяли его и перебили больше половины гарнизона. Форест утверждал, что флаг Союза не был спущен в знак сдачи. Почти все 262 солдата-негра гарнизона были убиты, погребены заживо или ранены при попытке спастись бегством.

Это сообщение потрясло северян. Комиссия, назначенная сенатом для расследования, доложила, что «не менее 300 солдат зверски убито… после того, как люди бросили оружие и прекратили сопротивление. Мужчин, женщин, даже детей пристреливали, забивали или рубили саблями; десятилетних ребят заставляли стоять лицом к лицу ео своими палачами при расстреле; больных и раненых беспощадно приканчивали…».

Люди Фореста учинили расовую расправу, это была оргия спущенных с цепи двуногих зверей. «Убей богом проклятого негра! Убейте всех негров!» — кричал один из офицеров-конфедератов. Генерал Форест разъезжал верхом и выделял знакомых раненых негров: «Они были у меня в Мемфисе в загоне для продажи рабов».

Возможно, что значительная часть людей Фореста была в ужасе от происходившего. Они видели не войну, а массовую бойню как проявление расовой ненависти. Некоторые пытались прекратить побоище. Один офицер-конфедерат пригрозил своим подчиненным: «Ребята, я вас арестую, если вы не прекратите избиение», а другой тут же завопил: «Проклятье, пусть продолжают, не в наших правилах брать негров в плен. Убейте всех до одного!»

Через неделю после бойни в форте Пилоу Линкольн выступил с речью на Медицинском благотворительном базаре в Балтиморе.

— Мы все кричим о свободе, но, произнося это слово, каждый вкладывает в него свой смысл. Для одних это означает свободу распоряжаться собой и продуктом своего труда по личному усмотрению. Для других это означает право распоряжаться людьми и продуктом их труда… Пастух спасает овцу от волка,

вцепившегося ей в горло, и овца видит в пастухе своего избавителя; в то же время волк обличает пастуха как нарушителя свободы, тем более что овца-то черная. Ясно, что у овцы и у волка нет согласия в определении понятия свободы. Такая же разница во мнениях существует сегодня среди людей, даже среди северян, хотя все твердят о своей любви к свободе… Ужасные вести — боюсь, что они правдивы, — дошли до нас о бойне, учиненной войсками мятежников в форте Пишоу… Мы сейчас проводим расследование… и если даже окажется, что только десятая часть из трехсот человек была там зверски умерщвлена, возмездие неизбежно придет.

Однако в том неистовстве орудийных залпов, крови и смерти, которое вскоре последовало в результате наступления Гранта и Шермана против Ли и Джонстона, в этой ужасающей схватке артиллерии и воли людей, события в форте Пилоу потеряли свою актуальность.

2. Наступление Гранта в 1864 году. Свободная пресса

Линкольн в действующей армии 120-тысячная армия Гранта 4 мая в полночь переправилась через реку Рапидан и исчезла в пустыне Спотсильвании. Где-то на расстоянии в 10–12 миль в любом направлении Грант мог наткнуться на армию Ли. У Гранта было вдвое больше людей, чем у Ли. Но последний мог выбрать позицию по своему вкусу. Грант, искавший противника, казалось, порой блуждал в поисках призрака.

Линкольн сидел у телеграфного аппарата и просматривал телеграммы, но ни в четверг 5 мая, ни в пятницу 6-го никаких сведений о Гранте не поступило. Локомотив, специально посланный Линкольном, привез с фронта начинающего репортера Генри Винга, с которым он и встретился в 2 часа ночи. По словам Винга, Грант приказал перейти на рассвете в общее наступление и на прощанье сказал ему: «Если вам удастся повидать президента, скажите ему с глазу на глаз, что генерал Грант отступать не будет».

Грант потерял 14 тысяч человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Бой длился двое суток. Санитарные повозки забили дороги на север. Потери Ли были больше, чем он мог себе позволить, ибо штурмующие колонны Гранта атаковали непрерывно. Обычно после такого жестокого сражения армия отдыхала. Гранту предстояло решить — остановиться или продолжать наступление.

Грант многое продумал и принял решение: снова атаковать. Он решил двигаться левым флангом к Ричмонду. Но в Спотсильвании Ли снова преградил ему дорогу. Там сражение продолжалось до рассвета 13 мая. Десять дней потомакская армия была в движении и беспрерывно атаковала. Она потеряла 26815 человек убитыми и ранеными, 4 183 пропавшими без вести. Конфедераты не опубликовали цифры своих потерь, но на основе показаний пленных Гранту стало ясно, что в результате сильных ударов армия Ли понесла невозместимые потери в живой силе.

В течение этой недели Линкольн почти не спал. Однажды он в утреннем халате ходил взад и вперед по кабинету, останавливался у окна со сплетенными за спиной руками; под глазами чернели круги, голова склонилась на грудь. Джон Форни слышал восклицание Линкольна: «Боже мой, боже мой, двадцать с лишним тысяч людей убиты и ранены всего за несколько дней!»

«Лезлиз уикли» сообщил: один посетитель сказал Линкольну, что его обязательно снова выберут президентом, но если Грант захватит Ричмонд, то тогда демократы выдвинут кандидатуру Гранта. Обеспокоенные друзья советовали Линкольну остерегаться генерала Гранта, но он обычно отвечал: «Пусть будет президентом, лишь бы он взял Ричмонд».

Неожиданно пришли вести о Шеридане. Его кавалерия обошла фланг армии Ли, разрушила 10 миль железной дороги, освободила 400 военнопленных северян, ударила по резервным складам снабжения армии Ли, уничтожила 504 тысячи порций хлеба и 904 тысячи порций мяса; в бою под Ричмондом был убит бесстрашный кавалерийский офицер, конфедерат Дж. Стюарт, незаменимый общевойсковой офицер генерала Ли, бесценные «глаза армии».

Но и Грант потерял храброго, неоценимого Джона Седжвика, генерал-майора, которым командующий гордился и дорожил. В майский день, находясь в окопах, он шутил со своими солдатами: «Не кланяйтесь пулям, на таком расстоянии солдатам противника и в слона не попасть». Это были его последние слова — пуля снайпера пробила ему голову.

Грант продолжал двигаться к Колд Харбору. Оттуда почти виднелись шпили зданий Ричмонда. Грант предпринял фронтальный штурм и в течение 22 минут потерял 3 тысячи человек. В ночь на 3 июня 7 тысяч солдат Гранта были убиты или ранены; потери конфедератов не превышали 1 500. Грант позже писал: «Я всегда сожалел, что предпринял эту атаку у Колд Харбора». Прошло уже 30 дней, как он переправился через Рапидан и навязал Ли ряд последовательных боев. Никогда еще армия Северной Виргинии не была вынуждена сражаться ежедневно и беспрерывно отступать под напором потомакской армии, которая не знала ни отдыха, ни остановки.

Что сулил новый триумвират: Грант в Виргинии, Шерман в Джорджии и Линкольн в Вашингтоне? Удастся ли Линкольну, вербовщику солдат, начальнику снабжения в Вашингтоне, и Гранту с Шерманом при помощи людей и штыков утвердить власть федерального правительства над всеми штатами прежнего Союза?

Ли уже не мог больше выходить в открытое поле и посылать свои колонны на штурм потомакской армии. Ричмондское правительство почти исчерпало все свои резервы. Офицеры Ли задумывались над одним вопросом: «Неужели эта битва никогда не закончится?» Зачем бесконечно убивать, если армия все равно

отходит все дальше на юг? Офицеры Гранта решали другой вопрос: «Почему должны мы все время терять вдвое, втрое больше людей, сражаясь против окопавшегося противника, заставляющего нас атаковать с невыгодных позиций?»

Неожиданно Грант полностью изменил свой способ ведения войны. В то время как Ли ждал открытых действий и кровавых фронтальных атак, Грант передвигался ночью в полной тайне от всех, кроме нескольких высших командиров, и никто не знал, куда направляется армия. На следующий день после боя у Колд Харбора разведчик» Ли сообщили ему, что траншеи врага пусты. Грант исчез. Длительный переход и переброска через широкую реку Джеймс привели армию Гранта к оборонительным линиям Питерсберга под Ричмондом. В четырехдневном штурме войска Союза потеряли 10 тысяч человек, а конфедераты — только половину этого числа. 19 июня Грант сообщил в Вашингтон, что атаки им прекращены — армии дается отдых. На пути от пустыни Спотсильвании до Колд Харбора Грант потерял 54 тысячи человек, почти столько же, сколько было во всей армии Ли, но прибывшие подкрепления все время держали наличный состав на том же уровне, как и при переходе через Рапидан в начале мая.

Сигел в Шенандоа не оправдал надежд Гранта. Батлер на реке Джеймс промедлил и упустил почти все возможности на успех. Зато Шеридан достиг многого, и Шерман настойчиво продвигался к Атланте. Предстояло еще серьезно потрудиться. Смогут ли Грант и Шерман продвинуться настолько, чтобы соединить свои армии? Если это удастся, война будет закончена. «Я уже это вижу», — телеграфировал Линкольн Гранту.

18 мая в 4 часа утра, перед самым пуском в печать, все нью-йоркские газеты получили обращение к народу, якобы написанное президентом: 26 мая назначалось днем поста, смирения и молитвы. Одновременно объявлялась мобилизация 400 тысяч новобранцев в армию. Тон обращения был достаточно траурный, и создавалось впечатление, что война проиграна.

«Ассошиэйтед Пресс» передала редакторам «Геральд», «Трибюн» и «Таймс» те же размноженные копии обращения, что и редакторам «Уорлд» и «Джорнэл оф коммерс». Сомнительное вступление обращения: «Сограждане Соединенных Штатов» — вызвало подозрение редакторов. «Геральд» напечатала его только в одном первом выпуске, но в продажу этот выпуск все же не пустила. А две последние газеты, наиболее резко оппозиционные к президенту, напечатали обращение как дополнение к неоднократно помещавшимся сообщениям о сильно пошатнувшемся здоровье президента.

На следующее утро, по словам Николаи и Хэя, был написан

приказ, утвержденный Линкольном, генерал-майору Джону Диксу, коменданту Нью-Йорка: «Принимая во внимание, что сегодня утром в нью-йоркских газетах «Уорлд» и «Джорнэл оф коммерс» злостно и вероломно было напечатано ложное, поддельное обращение… якобы подписанное президентом… настоящим вам предписывается немедленно арестовать и препроводить в тюрьму… редакторов, владельцев и издателей вышеуказанных газет». Дикс арестовал редакторов этих газет, затем в соответствии с полученными указаниями освободил их, но запретил выпуск и продажу их газет в течение двух дней.

Дикс телеграфировал Стентону, что он отправил некоего Джозефа Хоуарда, автора поддельного обращения, в крепость Ла Файета. «Он — газетчик… откровенно сознался в том, что это сделано в интересах биржевых спекулянтов». Президент указал, что, хотя редакторы не имеют права ссылаться на неосведомленность или отсутствие преступного намерения, он не хочет «мстить или наказывать их», и уполномочил Дикса вернуть им предприятия.

Джо Хоуард, находясь в каземате крепости Ла Файета, размышлял о шалых деньгах, которые должны были прийти к нему и его соучастникам-биржевикам в результате повышения цен на золото после опубликования подложного обращения. Газеты вспомнили, что это был тот самый «Хоуард… который написал выдуманную историю о бегстве мистера Линкольна в шотландском берете и длинном военном плаще». Хоуарда освободили из тюрьмы через несколько недель по приказу президента.

За три предшествовавших месяца толпы юнионистов разгромили редакции газет «Конститюшн энд Юньон» в Фэйрфилде, штат Айова; «Нортамберленд демократ» и «Санбери демократ», штат Пенсильвания; «Мэхонинг сентинел» в Янгстауне, «Эмпайр» в Дейтоне, «Демократ» в Гринвилле, «Игл» в Ланкастере, «Демократ» в Возионе, штат Огайо; «Демократ» в Лапорте, штат Индиана; «Пикет гард» в Честере и «Демократ» в графстве Галатин, штат Иллинойс; «Фолксблат» в Белвилле и «Луизиана Юньон», штат Миссури. Во всех этих случаях толпа уничтожила конторы и типографии, с тем чтобы газеты больше нельзя было выпускать. В Колумбусе, Огайо, редактор «Крайсиса» был схвачен и брошен в тюрьму. Редактор «Мэхонинг сентинел» был на волоске от смерти. В нескольких городах схватили редакторов и крепко их помяли. Двухдневное запрещение двух нью-йоркских газет отвечало настроениям масс в первой половине 1864 года.

В утро опубликования фиктивного обращения Линкольна

цены на золото резко подскочили, и нью-йоркскую биржу залихорадило. Для спекулянтов золотом, принявших обращение за чистую монету, это означало, что Грант проигрывал войну и что цены на золото еще больше поднимутся. Махинации и жадность биржевиков незадолго до этого подверглись резким атакам в конгрессе. Линкольн спросил губернатора Кэртина:

— Каково ваше мнение об этих парнях на Уоллстрите, спекулирующих на золоте в такое тяжелое время?

— Это стадо акул.

Линкольн ударил кулаком по столу.

— Если бы это зависело от меня, я бы каждому из этих дьяволов снес голову с плеч.

Линкольн в сопровождении Теда спустился на белом пароходе по реке Потомак и по реке Джеймс. 21 июня он сошел по сходням на берег, пожал руку своему главнокомандующему и похвалил его. Линкольн побеседовал с Грантом в штаб-квартире и затем посетил штабы Батлера и Мида. Он отправился верхом на коне в черном шелковом цилиндре, черных брюках и сюртуке. Хорэйс Портер описал поездку: «Когда он, наконец, приехал в расположение войсковых частей, на Линкольне был густой слой пыли, и цвет его одежды вместо черного стал серым — конфедератским… брюки приняли вид гармошки и обнажили лодыжки. У него был вид фермера из глубинки, приехавшего в город в своем праздничном костюме. Однако войска пришли в такой восторг от его посещения, что они не обратили внимания на комическую сторону ситуации. По рядам быстро прошла весть, что «дядя Эйби» записался в армию, и все подразделения встречали его приветственными криками, полными энтузиазма. Со всех сторон слышались привычные, знакомые, даже ласковые слова».

Вскоре Грант предложил поехать к цветным войскам. Линкольн согласился:

— Конечно. Я хочу повидать этих парней. С величайшим удовольствием читал я в донесении мистера Дана об их храбрости в бою. Он сказал, что из 16 пушек, захваченных в тот день, негры взяли 6. Когда я впервые высказался за создание полков из цветных, почти все возражали. А негры показали хорошие боевые качества, и я рад, что в недавних атаках они шли наравне с белыми войсками.

В лагере 18-го корпуса Линкольна встретил поток черных, окруживших его со всех сторон. У многих слезы текли по щекам. Звенели и смешивались песни, приветственные крики, смех. «Боже, благослови массу Линкама!», «Господь, спаси отца Авраама!» Они размахивали руками, целовали руки

обожествленного ими героя, гладили коня, повод, седло. Портер отметил: «Президент ехал с обнаженной головой; слезы заволокли глаза, голос прерывался от волнения».

Он вернулся в Вашингтон, оставив много новых друзей в армии; и главнокомандующему президент стал ближе и понятней.

Редакция газеты «Экспресс» выпустила плакат-лозунг: «Бог — Грант — Победа»[4]

3. Список кандидатов партии Национального союза: Линнольн — Джонсон

Джон Чарльз Фремонт и его сторонники в Кливленде, в штате Огайо, создали 31 мая 1864 года новую партию. Они собрались за восемь дней до съезда Национального союза, чтобы предупредить съезд о недопустимости выдвижения кандидатуры Линкольна. Программа новой партии включала пункты: конституционное запрещение рабства; свободу слова и печати; президент выбирается только на один срок; реконструкцию штатов предоставить полностью в ведение конгресса.

Новая партия намечала президентом генерал-майора Джона Фремонта, вице-президентом — бригадного генерала Джона Кокрэйна. Партию они назвали радикально-демократической. Фремонт дал свое согласие баллотироваться и, подав в отставку, ушел из армии.

Один из друзей Линкольна на следующий же день после закрытия съезда новой партии дал ему полный отчет о его работе. Между прочим, он сказал, что вместо предполагаемых многих тысяч на съезде присутствовало не больше 400 человек. Президент взял библию со своего письменного стола, перелистал ее и прочел вслух: «И всякий, кто был в беде, и всякий, кто был в долгах, и всякий, кто был недоволен, собрались вокруг него; и он стал их вожаком; и всего их собралось четыреста человек».

4 июня, за три дня до съезда в Балтиморе, в Юньон-сквере состоялся 20-тысячный митинг, на котором выступили бывший мэр Джордж Опдайк, сенатор Помирой, генерал Т. Мигер и другие, чрезвычайно расхваливавшие генерала Гранта согласно объявленной, открытой цели митинга — «чествование генерала Гранта». Подразумевалось, что в Балтиморе следует выдвинуть не Линкольна, а Гранта. Его имя витало в воздухе.

И все же с приближением даты открытия съезда многим радикальным политикам становилось все более ясным, что, судя по настроению народа, им легче будет добиться победы в своих родных местах, если они объявят себя линкольнцами. Сенатор Джим Кэйн из Канзаса, возглавивший однажды группу миссури-канзасских радикалов, явившихся в Белый дом с протестом против политики президента, теперь стал его сторонником и привез в Балтимор группу делегатов, о которых он сказал, что «они все заклятые друзья президента».

Съезд партии Национального союза собрался в Балтиморе 7

июня. Название «Национальный союз» было принято в знак уважения или даже преклонения перед демократами, сражавшимися в армиях Союза и неизменно политически поддерживавшими правительство Линкольна. В этот день Грант все еще хоронил убитых за четыре дня до этого в кровавом сражении под Колд Харбором. В этот день нью-йоркские спекулянты сходили с ума от перспективы дальнейшего повышения цен на золото и так уж достигших небывалой высоты. В этот день в Ричмонде бушель картофеля стоил 160 долларов, кочан капусты — 10 долларов.

Председатель исполнительного комитета партии сенатор Морган открыл съезд в знойный полдень и передал бразды правления преподобному доктору Роберту Брекинриджу из Кентукки, которого национальный комитет избрал временным председателем. Седоволосый, седобородый проповедник под крики приветствовавших его, как «старого боевого коня из Кентукки», занял председательское место на эстраде. Делегаты знали, что перед ними был старик, два сына и племянник которого состояли офицерами в армии конфедератов.

Буря аплодисментов потрясла стропила и балки здания, когда Брекинридж задал вопрос:

— Есть ли среди вас хоть один… сомневающийся в том, что Авраам Линкольн будет выдвинут кандидатом?

После совершения молитвы слово взял Тад Стивенс, который возражал против допуска на съезд делегатов из отложившихся штатов. Он не сомневался, что эти делегаты безупречные люди, но «мы не можем признать права делегатов, а следовательно, и штатов, входящих в южную конфедерацию».

Тогда на трибуну поднялся Хорэйс Мэйнард из Теннесси, высокий, худощавый, его длинные черные волосы, высокий лоб, резко очерченный прямой нос дали повод присвоить ему прозвище «Нарагансетский индеец». Свою речь он сопровождал жестикуляцией. Многие в зале всхлипывали, когда Мэйнард дрожащим голосом обрисовал положение южан — патриотов Союза: «Вам, упивающимся прохладными северными бризами, легко сплотиться вокруг флага нации… А мы представляем тех, кто выстоял в самом пекле восстания, тех, кто встречался лицом к лицу с изменниками, тех, кто с самого начала боролся за честь и знамя нашей родины (бурные аплодисменты). Будучи в меньшинстве, объявленные вне закона, мы вынуждены были расставаться со своими сыновьями, насильно мобилизованными в армию конфедератов. Наше имущество конфисковали, дома сожгли, мы подвергались зверским нападениям шаек конфедератов, нас сажали в тюрьмы, а лидеров казнили. На нас

обрушились все несчастья земли, по которой проходят, то наступая, то отступая, воюющие армии». Когда Мэйнард кончил, ему бурно аплодировали и партер и галереи.

На вечернем заседании постоянный председатель съезда, бывший губернатор Уильям Денисон из Огайо, коснулся предстоящего единогласного выдвижения кандидатом в президенты «мудрого и достойного человека, бескорыстно преданного стране, чье руководство правительством принесло ему не только восхищение, но и горячую любовь всех друзей конституционной свободы (аплодисменты)».

На следующее утро съезд 440 голосами против 4 решил признать действительными мандаты делегатов-радикалов из Миссури. Только делегаты из Южной Каролины были решительно вышвырнуты. Делегации из Виргинии и Флориды были допущены с совещательным голосом. Делегации Арканзаса, Луизианы и Теннесси были признаны вполне правомочными.

Председатель комиссии по выработке программы Генри Рэймонд зачитал проект, в котором поддерживались Союз, конституция, продолжение войны; партия обязывалась всеми возможными средствами подавить мятеж, отвергнуть любое компромиссное соглашение с мятежниками, нанести смертельный удар огромному злу, конституционно запретив рабство; партия выносила благодарность матросам и солдатам — поборникам дела Союза и обещала «достаточное и пожизненное пособие тем, кто, служа родине, получил почетные раны или стал инвалидом»; партия одобряла и приветствовала «практическую мудрость… непреклонную верность конституции… выказанные Авраамом Линкольном в обстоятельствах беспримерных трудностей…». В программе содержалось обещание справедливой защиты интересов всех военнослужащих «независимо от цвета кожи», широкое и необходимое поощрение иммигрантов в США — «…убежище для всех угнетенных народов», сооружение в ближайшее время железной дороги к Тихому океану и др.

Радикальный тон программы усматривался в обязательстве «…в соответствии с преступлениями наказать мятежников и предателей, восставших против правительства». Это означало, что будут суды и смертные приговоры лидерам конфедерации в том случае и тогда, когда Север победит. Эту часть программы Линкольн впоследствии предпочтет пересмотреть или вычеркнуть.

Наступил момент выдвижения кандидатов. Камерон послал секретарям приготовленную в письменном виде резолюцию и потребовал, чтобы ее прочли вслух. Делегаты съезда услышали призыв выдвинуть единогласно кандидатуры Авраама Линкольна

из Иллинойса в президенты и Ганибала Гамлина из Мэна в вице-президенты.

> «Ужасающий рев потряс зал, — записал Брукс. — Почти все делегаты: вскочили на ноги, — одни протестуя, другие одобряя… Несколько минут царил неописуемый гвалт. Камерон стоял, скрестив руки на груди, мрачно улыбаясь, спокойно взирая на поднятую им бурю страстей. Когда силы орущих истощились… Рэймонд из Нью-Йорка в острой, четкой речи предложил голосование по штатам». Его предложение было принято.

Началась перекличка. Свои 16 голосов Мэн отдал Линкольну. Представитель Нью-Гемпшира попытался произнести несколько слов, но его заглушили крики: «Никаких речей!» С этого момента каждый штат ограничивался лишь объявлением о своем решении. Одна за другой делегации полностью отдавали свои голоса Линкольну. Только один сучок остановил плавный и последовательный процесс декларирования единогласия. Делегация из Миссури сообщила, что у нее есть прямая инструкция отдать свои 22 голоса Улиссу Гранту. «Это произвело сенсацию, — записал Брукс, — со всех сторон послышалось ворчание недовольных». Еще до объявления результата голосования Хьюм из Миссури предложил считать кандидатуру Линкольна принятой единогласно. Однако правила процедуры не допускали голосования этого предложения до обнародования секретарем результатов: 484 голоса за Линкольна, 22 за Гранта.

Затем Миссури тоже отдал свои голоса иллинойсцу, и секретарь подвел итог: 506 голосов за Линкольна.

Несколько минут приветственные крики гремели, словно ураган, то затихающий, то снова усиливающийся. «Делегаты кричали «ура», обнимались, — отмечает Брукс, — подбрасывали в воздух шляпы, танцевали в проходах между скамьями и на эстраде, вскакивали на сиденья, размахивали флажками, орали и вообще сумасшествовали…»

Когда веселье кончилось, приступили к выдвижению кандидата в вице-президенты. Вскоре секретарь съезда объявил результаты: за Джонсона — 494 голоса, за Дикинсона — 17, за Гамлина — 9.

В июне «Харпере уикли» писала: «Об Эндрю Джонсоне достаточно сказать, что нет человека в стране, не считая самого мистера Линкольна, которого мятежники ненавидели бы всем сердцем так, как они ненавидят его». В своей речи, произнесенной им за полгода до съезда, Джонсон сказал: «Авраам Линкольн честен, и он обязательно разгромит этих чертовых

мятежников. Он стоит за правительство освобождения (негров), и в этом я верный его сторонник…»

Ни угрозы, ни оружие не смогли испугать Джонсона. С самых первых дней своего вступления на стезю политического деятеля он был выразителем чаяний белых бедняков и боролся против привилегированной и денежной аристократии, которая тридцать лет правила Югом и незаслуженно пользовалась слишком большим влиянием в Вашингтоне.

Много поздравлений получил Линкольн по поводу его повторного выдвижения, но среди них не было приветствия от Джонсона. Много поздравительных телеграмм и писем получил Джонсон, но ни слова приветствия от Линкольна. Однако оба публично заявили, что список хороший.

Линкольн находился в телеграфном бюро военного министерства, когда майор Экерт поздравил его. Лицо Линкольна потеплело. Телеграфист Тинкер показал ему телеграмму.

— Отошлите ее мадам. Ее это интересует больше, чем меня.

День спустя комиссия съезда официально известила Линкольна о его выдвижении. Он сказал:

— Я не скрою, что доволен и не могу не чувствовать глубокой благодарности…

В тот же день он сказал делегации Лиги Национального союза:

— Я не позволю себе, джентльмены, сделать вывод, что я самый достойный из всех. Тем более что мне это напоминает слова старого фермера-голландца, сказавшего своему приятелю, что «не следует менять коней во время переправы через стремительный поток».

Партия в программе, принятой съездом, и президент в публичной речи считали, что первоочередной задачей являлось принятие поправки к конституции о запрещении рабства. Через неделю после закрытия съезда в палате представителей голосовалась соответствующая резолюция. 64 члена палаты сказали «нет», и она провалилась, так как не собрала необходимого большинства в две трети. Голоса «против» принадлежали демократам. Это предвещало серьезную избирательную борьбу.

Нью-йоркская «Уорлд» 9 июня по указанию Огаста Белмонта и многих богатых и респектабельных демократов писала: «В период ужасающего кризиса, требующего величайшего искусства в управлении государством, стране предлагают обсудить притязания на высшие должности в правительстве двух невежественных, невоспитанных, третьеразрядных адвокатов из лесной глуши».

11 июня чикагская «Таймс» напечатала «объявление»: «Я, А. Линкольн, настоящим выдвигаю себя кандидатом для вторичного избрания в президенты». Различные антилинкольнские издания перепечатали длинную передовицу из ричмондской «Диспетч», в которой имелся не совсем вежливый абзац: «Мы утверждаем, что в Соединенных Штатах невозможно найти другого такого осла, как старина Эйби, и поэтому мы говорим — пусть остается президентом».

«Индепендент» поместила письмо Уэнделла Филлипса, перепечатанное затем нью-йоркскими «Трибюн» и «Уорлд» и несколькими газетами в других городах. Филлипс писал: «На съезде в Балтиморе собралась толпа спекулянтов и подрядчиков, намеревающихся оставить у власти узурпатора и реконструкциониста, старого своего друга мистера Линкольна. До тех пор пока во главе правительства будет находиться эта черепаха, мы будем подобны тому, кто одной рукой копает яму, а другой ее засыпает».

Партийные границы были нарушены. Национальный список возглавляли республиканец и демократ. Великая американская игра в политику оказалась поверженной в хаос.

Противники Линкольна в республиканской партии нашли отражение своих настроений в статьях редакторов Грили и Брайанта. «Харпере уикли» писала, что «некоторые демократические журналы искренне, а не по тактическим соображениям, сожалеют, что снова выдвинута кандидатура Линкольна, но признают, что он неоспоримо является избранником народа…».

Величайший американский ботаник, президент Американской Академии наук и искусств Аза Грей писал своему английскому другу Чарлзу Дарвину: «Некрасивый, честный, нескладный Линкольн — характерный представитель нашей страны».

4. Вашингтон в обороне. Болтовня о мире

27 июня 1864 года Чэйз послал президенту на утверждение в должности помощника казначея нью-йорка кандидатуру Монсела Филда. Линкольн ответил Чэйзу: «Утверждение этой кандидатуры представляется мне чрезвычайно затруднительным делом…»

Чэйз письменно попросил президента принять его, на что Линкольн ответил: «Утром в ответ на вашу записку… я не знал, что вам сказать, так как, собственно говоря, наша с вами проблема не может быть решена в беседе».

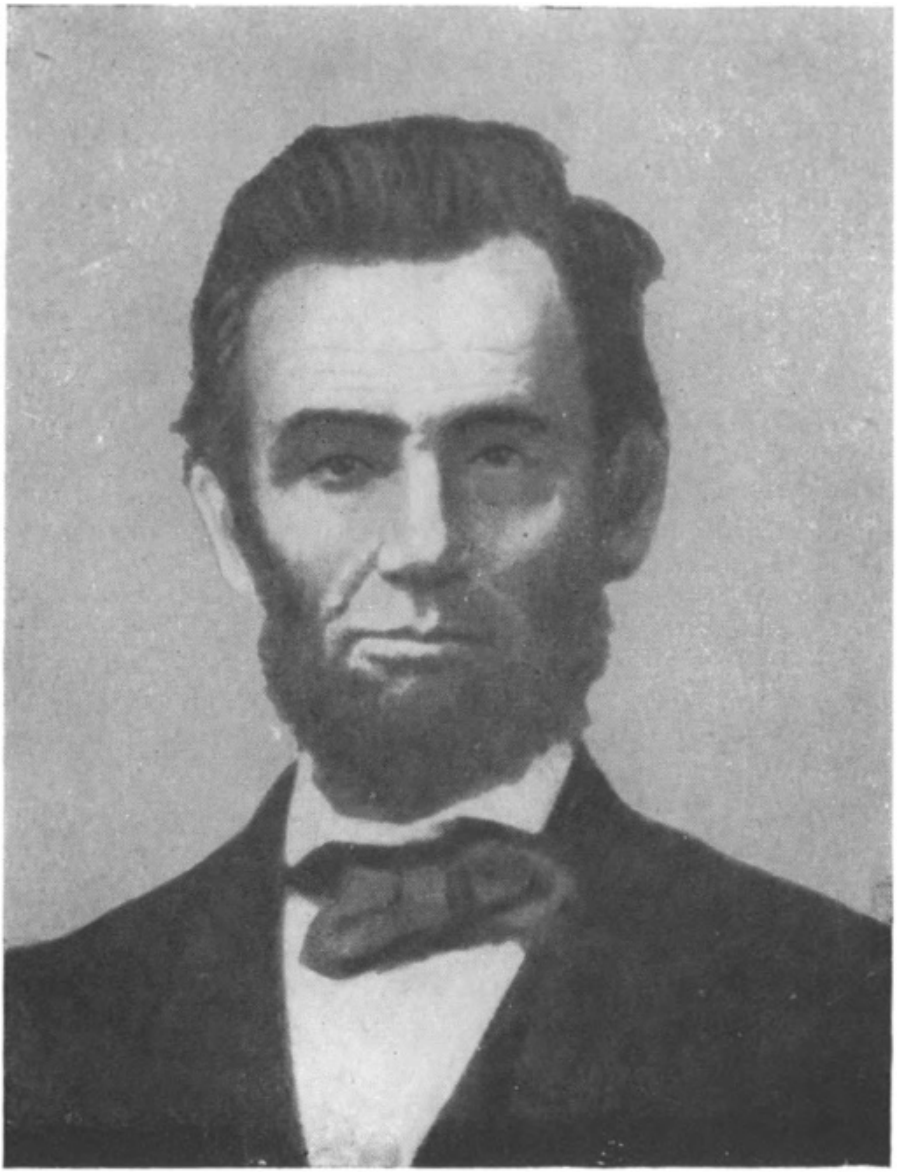
Чэйз не привык к такому тону. Он снова подал в отставку. В четвертый раз. На сей раз Линкольн сообщил Чэйзу, что его отставка принята.

Летом раскрылась скандальная история. нью-йоркская «Уорлд» и другие оппозиционные газеты ежедневно печатали материалы о женщинах — служащих министерства финансов и бюро печати, одевавшихся в мужское платье и посещавших Кантербэри Инн в Вашингтоне, где происходили непристойные представления. Полагали, что на эти спектакли допускались только мужчины. Два столбца письменных показаний, данных под присягой, создавали впечатление, что служащие министерства финансов представляли собой компанию кутил и развратников. Нью-йоркская «Трибюн» высказала мнение Чэйза, что вся эта история — результат заговора и грязной интриги.

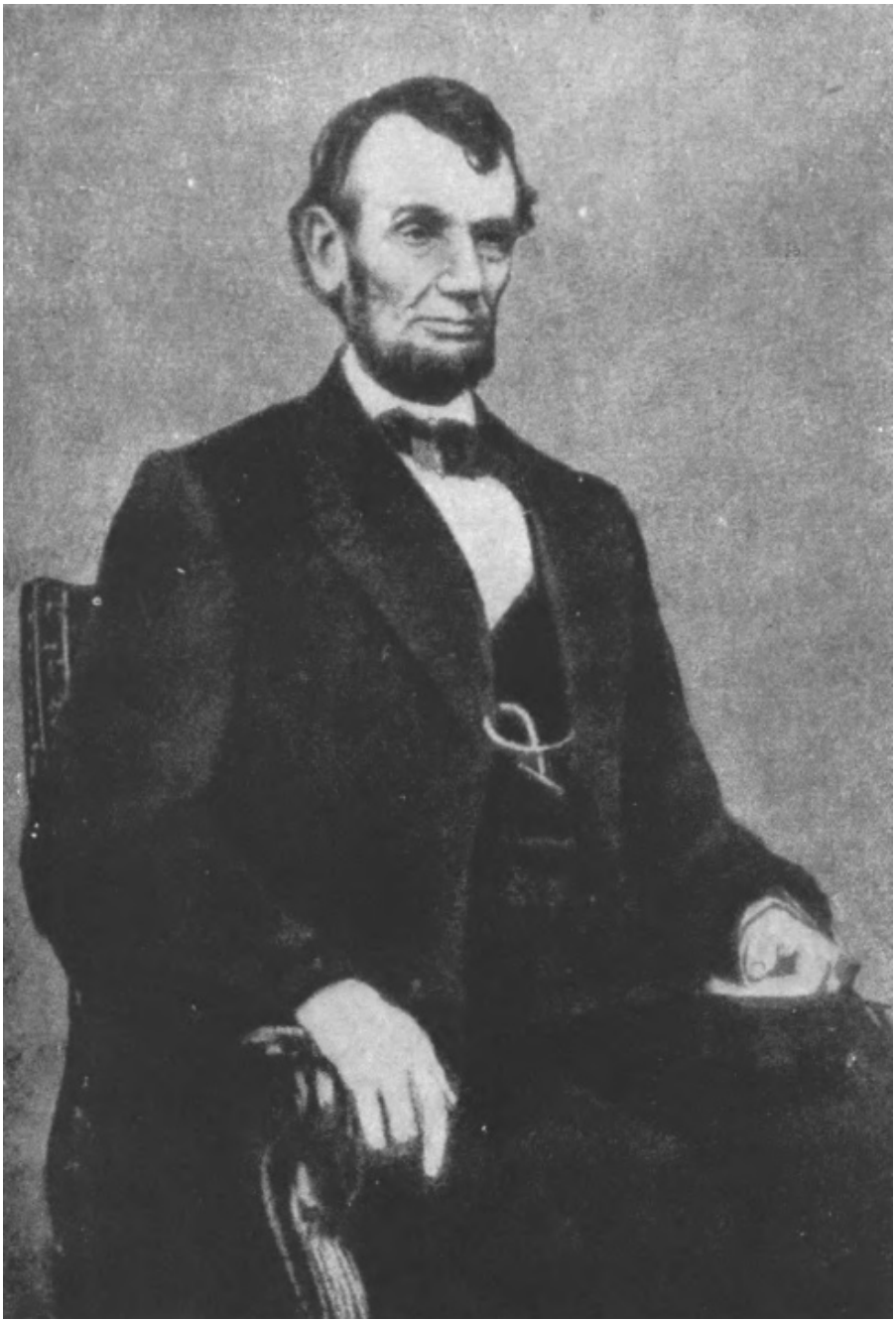
Отставка Чэйза состоялась в момент, когда цены на золото снова подскочили, когда финансовое положение правительства стало просто безнадежным.

На место Чэйза Линкольн предложил бывшего губернатора Огайо Дэвида Тода. Финансовая комиссия сената в полном составе посетила президента и протестовала против этого назначения, считая, что Тод для этой должности не годится.

На следующее утро президент направил в сенат кандидатуру Уильяма Пита Фесендена, сенатора из Мэна. Сенату потребовалось не больше одной минуты, чтобы единогласно утвердить это назначение.



А Линкольн 15 ноября 1863 года.



Л. Линкольн 9 февраля 1864 года.

Фесенден, будучи председателем финансовой комиссии сената, знал, что денежный рынок лихорадило, что доверие масс рушилось; друзья доказывали ему, что в случае его отказа принять назначение неизбежно последует финансовый крах. Когда стало известно, что Фесенден отказывается от поста

министра, нью-йоркские и бостонские расчетные банки, коммерсанты и банкиры принялись рьяно уговаривать его принять предложение президента. Как только стало известно, что Фесенден будет министром финансов, правительственные облигации сразу поднялись в цене, свинина подешевела на 10 долларов за бочку и цены на продовольствие снизились.

Фесенден принял присягу. Пресса хвалила Линкольна за это назначение, как никогда раньше, если не считать случая с Грантом. Хэй цитирует слова президента: «Учитывая, что назначение Фесендена так приветствуется, странно, что никто до этого момента даже не упомянул его имени…»

Трое из четырех сыновей Фесендена пошли в армию. Один из них был убит под Сентервиллем в 1862 году. Выказав храбрость и воинские способности, один стал полковником, другой бригадным генералом.

Начав молодым адвокатом в Портланде, в штате Мэн, Фесенден стал конгрессменом-вигом, затем сенатором, принял участие в организации республиканской партии, защищал тарифные, рыболовные и пароходные интересы своего штата. Когда он принял должность министра, государственный долг достиг 1 700 миллионов долларов, казна была пуста, война ежедневно стоила 2 миллиона долларов.

За две с лишним недели до отставки Чэйза конгресс принял закон о золоте. Президент утвердил его. По новому закону стороны, подписывавшие договор о сделке в золоте, обязаны были передать и получить золото в день оформления договора. Заключение сделок на золото, не имевшееся в наличии, объявлялось преступлением. Закон должен был положить конец спекуляции золотом. За прошедшие шесть месяцев цены на золото неуклонно поднимались и достигли 250 долларов кредитками вместо прежних 150 за 100 золотом. Закон о золоте сделал курс его бешеным; он прыгал и кувыркался в таком темпе, цены так рвались ввысь, что спекулянты были в полном восторге. Закон привел к тому, что золото стали прятать еще глубже, его стало еще меньше в обороте и не хватало для оплаты процентов по государственным облигациям и для международного обращения и обмена.

Семнадцать дней продолжались акробатические прыжки цен на золото. Затем конгресс отменил закон, и президент утвердил отмену. С этого момента правительство считало спекулянтов золотом неизбежным злом, не поддающимся контролю. В июне 1864 года митинг Лиги Союза потребовал, чтобы «конгресс немедленно приказал построить виселицы» для спекулянтов золотом, но и из этого ничего не получилось.

В мрачные месяцы июля и августа 1864 года барометр устойчивости — золото — показывал, что Линкольн и правительство Союза шло к банкротству. За 39 долларов золотом можно было купить 100 долларов банкнотами.

Лето было безрадостным. 4 июля конгресс прервал сессию. Среди биллей, лежавших для подписи на президентском столе, находился и такой, который мог выбить последние шаткие подпорки из-под линкольнского «десятипроцентного плана». С тех пор как в декабре 1863 года президент начал осуществлять свой план, многое пришлось ему претерпеть. Генри-Винтер Дэвис возглавлял оппозицию в палате. Он внес билль, который преследовал цель приостановить усилия президента вернуть в Союз Луизиану и Теннесси; кроме того, билль должен был предотвратить распространение мероприятий президента в других южных штатах. 15 февраля 1864 года Дэвис в поддержку своего билля потребовал, чтобы правительствам возрождающихся штатов власть предоставлялась «только после обсуждения и по воле большинства конгресса».

73 голосами против 59 палата 4 мая приняла билль Дэвиса. В сенате билль проводился Уэйдом, который заявил: «Президенту нельзя разрешить урегулировать этот вопрос по своему усмотрению». Уэйд считал, что предоставление штату самоуправления на основе голосования одной десятой части населения было абсурдным, антиреспубликанским, ненормальным и полностью подрывным актом.

Гарет Дэвис из Кентукки сказал, что все сделанное президентом в этом направлении ставит его в один ряд «с такими узурпаторами, как Цезарь, Кромвель и Бонапарт». Статья Гарета Дэвиса в «Конгрешнл глоуб» содержала резкую критику Линкольна: «Он не государственный деятель, а политический шарлатан. У него непомерное тщеславие и самомнение. Он законченный лицемер, ловкий и прозорливый демагог».

В те несколько месяцев, в течение которых билль проходил через конгресс, «президент отказывался каким-либо образом повлиять на дебаты», рассказывали его секретари, имея в виду, что он не вызывал к себе ни сенаторов, ни депутатов, с тем чтобы просить их выступить против билля. Четыре дня спустя после закрытия конгресса президент выпустил удивительный документ. Он выступил с обращением, в котором сообщил, что конгресс принял билль, который должен послужить для некоторых штатов гарантией республиканского образа правления, и что «этот билль был представлен на утверждение президенту Соединенных Штатов за неполный час до sine die — перерыва в сессии конгресса — и президент этот билль не подписал». Никогда еще

ни один президент не принимал решения отвергнуть пункты законоположения, которые ему не нравились, и согласиться только с приемлемыми для него. И с объяснением своего поступка он обратился непосредственно к народу. Он ни утвердил билль, ни наложил на него вето. «Он положил билль в свой карман». Президент Мэдисон и другие в свое время также использовали это карманное вето. Президент был «вполне удовлетворен» частью билля, что же касается другой его части, то он «не был готов» ее рассматривать.

Бен Уэйд и Генри-Винтер Дэвис бушевали в интимном кругу и неистовствовали публично. 5 августа они опубликовали в нью-йоркской «Трибюн» совместный «манифест Уэйда — Дэвиса», перепечатанный затем газетами всей страны. Язык манифеста был одновременно и свирепым и вежливым. Они хотели обрезать крылья президенту, запятнать его имя и преподать ему урок. Обращаясь «к сторонникам правительства», они заявили, что прокламацию президента от 8 июля «читали без удивления, но не без возмущения». Они настаивали на своем праве и долге «прекратить нарушение президентом прерогатив конгресса и потребовать от главы государства ограничиться выполнением своих обязанностей». Билль президентом не подписан! «Следовательно, билль не стал законом, следовательно, он ничто… Комиссии, посетившей бюро президента, было сообщено, что он решил не утверждать билль. Следовательно, никакой роли не играет время представления билля президенту. Президент продолжает признавать призрачные правительства Арканзаса и Луизианы вопреки формальному решению конгресса…». Президент распоряжается «голосами избирателей в этих мятежных штатах…». Они обязаны предупредить его — «если ему нужна наша поддержка… он должен подчиняться законам и выполнять их, а не создавать свои».

Наблюдая стычки и грызню, «семейную» ссору в республиканской партии, оппозиция ликовала. Взбешенный всей этой историей, один республиканец пришел к Линкольну за разъяснением. Президент философически ответил:

— Не стоит волноваться. Мне это напоминает знакомого, который купил своему сыну, склонному к наукам, микроскоп. Мальчик не выпускал инструмента из рук и разглядывал все, что попадалось под руку. Однажды за обеденным столом отец взял кусок сыру. «Не ешь его, папа, — сказал мальчик, — в нем полно ползучек!» — «Сын мой, — ответил старик, откусывая солидный кусок, — пусть их ползут; если они меня не пугаются, то уж я их, во всяком случае, не испугаюсь».

Уэллес очень огорчился, что по поводу выпуска прокламации

о карманном вето Линкольн советовался только с Сьюардом, а не с ним или с кабинетом министров.

Снова генерал Роберт Ли предпринял смелый маневр и вселил страх в сердца юнионистов. Он поставил во главе 20-тысячной армии Джюбала Эрли и Джона Брекенриджа. Под прикрытием Голубых гор они совершили переход через равнину Шенандоа, проскользнули незамеченными через перевал и пошли на Вашингтон.

Отряды Эрли захватили в Хэйгерстауне 20 тысяч долларов наличными, сорвали на протяжении 24 миль рельсы Балтиморской и Огайской железных дорог, разрушили и предали огню мельницы, мастерские, фабрики; в Балтиморе они сожгли дом губернатора Брадфорда; они достигли Силвер-Спринга, откуда уже виднелся купол здания конгресса. «Балтимор в большой опасности», — телеграфировал Линкольну комитет при мэре города и просил прислать войска. Линкольн ответил: «У меня нет ни одного солдата. Все войска в распоряжении военного командования для наиболее эффективной защиты всех. По последним сведениям, противник направляется к Вашингтону. Они не могут одновременно прилететь и к нам и к вам. Мы должны быть бдительны, но и хладнокровны. Надеюсь, что ни Балтимор, ни Вашингтон не будут преданы огню и мечу».

Лю Уолэс, командующий военным округом Балтимора, повел свои войска в Монокэйси, вступил в бой при подавляющем численном превосходстве противника и потерпел поражение. Но это сражение задержало армию Эрли на один день. По общему признанию, этот день спас Вашингтон от позорной сдачи. Густавус-Ваза Фокс, не уведомляя президента, приготовил для него пароход на случай необходимости бежать. В «Золотом зале» в Нью-Йорке 11 июля совершенно обезумевшие от ажиотажа спекулянты золотом подняли цену на него до максимума — в 285 долларов банкнотами за 100 долларов золотом.

Необученные новобранцы и старые солдаты, собранные прямо в госпиталях, были кое-как сколочены в отряды для укомплектования фортов вокруг Вашингтона и защиты столицы от Эрли, перерезавшего все провода к северу от города и направившего свою армию по дороге, ведшей к Седьмой улице, от которой оставалось несколько шагов до департаментов, арсеналов, складов золота и серебра правительства Соединенных Штатов.

На следующий день президент увидел через подзорную трубу два парохода с транспортом войск. Две великолепные дивизии солдат-ветеранов прибыли от Гранта, прямо из Сити-Пойнта. Президент встретил их на пристани и отсалютовал, приложив

руку к цилиндру. Солдаты ответили приветственными криками; он помахал им рукой, и они снова и снова приветствовали его.

В этот день, 12 июля, в Вашингтон не поступило ни почты, ни телеграмм.

Солдаты пошли через сожженные зноем поля, сквозь пыль и дымку жаркого летнего дня. У них была задача выбить противника из занятого им дома и сада недалеко от дороги из Силвер-Спринга. Несмотря на губительный огонь, они захватили этот пункт и отогнали пикеты неприятеля на одну милю. Потери — 280 солдат убитыми и ранеными.

Линкольн следил за развитием кровавой драмы с крепостного вала форта Стивенс. Неожиданно просвистела пуля. Упал раненный в лодыжку хирург Кроуфорд. В метре от президента другой офицер получил смертельную рану. Присутствовавшие потом рассказывали, что президент был спокоен и углублен в свои думы. Казалось, что он не сознает опасности. Он стоял под огнем неприятеля, пока, наконец, генерал Райт тоном, не допускавшим возражения, указал ему на бесполезность риска, которому он себя подвергал.

К утру армия Эрли исчезла, увозя повозки с награбленным добром, со знаменами, овеянными смелостью и славой, с деньгами в ящиках, с ботинками на ногах у тех, кто отправился в поход на север босым. Эрли беспрепятственно уходил по той же причине, по какой он пришел. «Никто его не остановил».

А почему? Для ответа потребовалась бы диаграмма, показывающая массу противоречивых указаний начальников и департаментов, большого количества фактов физического и психического свойства, медлительности, страха, зависти, соперничества. Николаи и Хэй записали: «Все жаждали начать преследование Эрли; но Грант был слишком далеко, чтобы отдать необходимые приказания, президент, верный занятой им позиции с тех пор как Грант стал главнокомандующим, не хотел вмешиваться, хотя он с душевной болью видел, что Эрли уходит совершенно беспрепятственно». Галлек считал, что он фактически был только начальником штаба министерства обороны, а не командиром, от которого ждут проявления стратегических способностей. Бен Уэйд сказал о нем: «Поставьте Галлека во главе армии в 20 тысяч, и он не спугнет трех гусынь, сидящих на яйцах в своих гнездах».

19 июля Грант телеграфно просил президента мобилизовать еще 300 тысяч человек, и Линкольн ответил: «Полагаю, что вы еще не видели приказа о призыве 500 тысяч, изданном днем раньше и, вероятно, перекрывающем вашу цифру. Всегда готов принять ваши дальнейшие предложения».

28 и 29 июля Грант и Линкольн обменялись телеграммами, из которых явствует, что они понимали щекотливый, сложный характер управления, притом настолько хорошо, что даже не решались об этом ни писать, ни телеграфировать.

В сложном сплетении взаимной ненависти кое-кто пытался уяснить себе, кто же кого больше ненавидит: чиновники федерального правительства друг друга или все они вместе южан. В Вашингтоне многие были деморализованы боязнью неизбежного поражения. Линкольн и Грант знали об этих настроениях. Грант попытался их рассеять. 1 августа он известил Галлека, что посылает Шеридана с задачей «изгнать неприятеля с занятой им территории». Линкольн одобрил действия Гранта. 3 августа он послал Гранту телеграмму: «Я читал ваше донесение, в котором вы говорите, что намерены поставить во главе действующей армии Шеридана с указанием выйти к югу от позиций неприятеля и преследовать его до полного уничтожения. Идти за ним по пятам, куда бы он ни уходил. По моему мнению, это абсолютно правильная директива войскам».

Грант решил лично повидаться с Шериданом 6 августа 1864 года, для чего он оставил свой штаб, находившийся южнее Ричмонда, и поехал в Монокэйси, пункт севернее Вашингтона. Дело в том, что его телеграфные приказания, направляемые через министерство обороны, слишком часто «редактировались» и меняли самую их суть. Позже он об этом писал: «Я знал, что было невозможно через Вашингтон передать Шеридану приказ о наступлении, потому что в министерстве его бы задержали и, несомненно, дали бы противоречащие моему приказу распоряжения, которые были бы продиктованы осторожностью Галлека (и военного министра)».

Одновременно, объединив части из Камберленда, Теннесси и Огайо в 99-тысячную армию, Шерман начал операцию, выступив из Чатануги с задачей захватить Атланту. Между ним и Атлантой стояла армия конфедератов, насчитывавшая 41 тысячу солдат, вскоре усиленная и доведенная до 62 тысяч. Командовал ею мастер стратегии генерал Джозеф Джонстон, маленький Джо Джонстон, хорошо знавший красные горы Джорджии и, казалось, из всех командующих в армии конфедератов наиболее способный остановить или задержать Шермана. Он увлек Шермана за собой. Он давал бой, затем исчезал и выжидал. Он ушел через Долтон, миновал Бузард-Рус, прошел через ущелье у ручья Снейк, вернулся в Ризака и Гасвилл, пересек Итовах, поднялся на Алтунский перевал, дал короткие бои у Нью-Хоуп-Черч и, наконец, у горы Кинисоу заставил Шермана броситься во фронтальную атаку.

Шерман непрерывно бросал своих людей на укрепленные позиции Джонстона, надеясь прорваться, разбить конфедератов и захватить Атланту. Потери Шермана достигли 3 тысяч, конфедератов — 800. Джонстон мечтал сдерживать Шермана до ноябрьских выборов на Севере. Он намеревался создать у северян впечатление, что действия Шермана бесполезны, так же как никчемно и руководство Линкольна.

Сидевшие в Ричмонде президент конфедератов Дэвис и Брагг требовали более решительных действий. 17 июля Дэвис заменил Джонстона генералом Джоном Худом. Они знали, что он не будет выжидать, исчезать в горах и лелеять какие-то надежды. В течение 11 дней Худ непрерывно сражался, проиграл три битвы и потерял 10 841 человека. Наконец Шерман вступил в район Атланты. Но удастся ли ему захватить город?

Линкольн в последних числах июля послал Шерману длинную телеграмму, которая заканчивалась словами: «Моя глубочайшая благодарность вам и всей вашей армии за успешные действия в этой операции».

Многим стали в тягость сама война, расходы на нее, измены и коррупция. Вследствие этого как на Севере, так и на Юге родилось движение в пользу заключения мира.

В июле 1864 года Горас Грили получил письмо за подписью: «Уильям-Корнэл Джюэт из Колорадо». Джюэт писал многим — Линкольну, Джефу Дэвису, в нью-йоркскую «Геральд». Теперь он выбрал Грили. «Я уполномочен заявить вам для вашего личного, но не публичного, сведения, что два представителя Дэвиса и К° находятся сейчас в Канаде; им даны полномочия для ведения переговоров о мире». Если президент гарантирует безопасность этим «полномочным представителям, они готовы встретиться в городе Ниагара-Фолс с любым посланцем Линкольна для конфиденциальных переговоров».

Колебавшийся Грили написал Линкольну длинное письмо, в котором он одновременно умолял и стращал президента. Президент не придал значения предложению Джюэта, но все же два дня спустя написал Грили: «Если вам удастся найти где-либо, кого-либо, имеющего на руках письменное предложение Джефферсона Дэвиса о мире, содержащее полное восстановление Союза, запрещение рабства, или любые другие предложения, скажите ему, что он может совместно с вами приехать ко мне, и если у него действительно окажутся соответствующие предложения, то ему гарантируется по меньшей мере безопасный проезд (если он пожелает, документ не будет обнародован) к месту встречи с вами. Эти условия останутся в силе при наличии двух или большего количества представителей».

13 июля Грили снова написал Линкольну, что у него имеются секретные сведения о двух представителях конфедератов, готовых пересечь границу с Канадой и обсудить в Ниагара-Фолс условия заключения мира. Через два дня Линкольн ему ответил телеграммой: «Я предполагал, что вы приведете человека, а не пришлете письмо. Мистер Хэй будет у вас с моим ответом».

В Нью-Йорке Хэй передал Грили письмо Линкольна, в котором президент выражал свое недовольство тем, что Грили не привез представителей, и «если они захотят приехать после ознакомления с моим к вам письмом от 9 сего месяца — приезжайте с ними. Я не только искренне намерен добиваться мира, но я хочу, чтобы вы лично были свидетелем всего процесса».

В Ниагара-Фолс Грили встретился с Джюэтом и через него передал письмо Клэю, Томпсону и профессору Виргинского университета Джеймсу Холкомбу, запрашивая, верны ли его сведения, что они аккредитованы Ричмондом передать предложения, имеющие отношение к миру, что они намеревались во исполнение данной им миссии посетить Вашингтон в сопровождении Джорджа Сандерса. В ответ Грили услышал, что Джейкоб Томпсон не имеет к ним никакого отношения, что никто из них не имеет полномочий действовать от имени Ричмондского правительства, но что они знакомы с точкой зрения своего правительства и легко могут получить верительные грамоты, или другие лица могут их получить, если бы таковые имели возможность поехать в Ричмонд «с предложением мирных условий, изложенных в вашем письме».

Существо письма Грили передал Линкольну по телеграфу. Линкольн посоветовался с Сьюардом и собственноручно написал документ, который Хэй должен был повезти в Ниагара-Фолс. 20 июля, уязвленный и растерянный Грили читал:

> *«Дом правительства,*
> *Вашингтон, 18 июля 1864 г.*
> *Всем, кого это может заинтересовать.*
> *Любое предложение, содержащее условия установления мира, восстановление целостности Союза, запрещение рабства, выдвинутое людьми, имеющими контроль над армиями, воюющими против Соединенных Штатов, будет принято и рассмотрено правительством Соединенных Штатов; взамен будут широко выдвинуты достойные условия по другим и важным и второстепенным вопросам. Полномочные лица получат гарантию на безопасный проезд в обе стороны.*

Авраам Линкольн».

Грили отказался один пройти по висячему мосту в Канаду и потребовал, чтобы Хэй пошел с ним и лично вручил письмо Линкольна в руки конфедератов. Вдвоем они встретились с Холкомбом в номере отеля в Клифтоне в Канаде и передали ему обращение президента. Тайно от Хэя Грили повидался с Джюэтом и уехал в Нью-Йорк. Хэй задержался на день и затем письменно запросил Холкомба, когда он будет удостоен ответом на документ, подписанный Линкольном. Последовал ответ: «Мистер Холкомб чрезвычайно сожалеет, что Хэй отложил свой отъезд в Вашингтон, предполагая получить ответ». Со своей стороны, Джюэт написал эмиссарам конфедератов, что Грили уехал. Он сожалеет о «печальном конце первоначальной попытки добиться переговоров о мире», обвиняя в этом «президента, изменившего свои прежние указания»; они могут связываться с Грили через него, Джюэта.

Конфедераты ответили письмом, полным комплиментов, и приложили пространное письмо к Грили, в котором возложили на президента ответственность за срыв надежд на мир. Не сказав ни слова Хэю, Джюэт передал это письмо в прессу и лишь после этого сообщил Хэю, что это была мягкая форма мести. Ввергнутое в уныние население страны с большим интересом прочло это письмо. Те, кто считал президента нерешительным, получили дополнительный материал для аргументов; остальные увидели, что президент более проницателен, если не более мудр, чем они предполагали.

Теперь стало ясно, что дипломаты конфедератов использовали Джюэта, чтобы заманить Грили. Свое первое письмо к Грили Джюэт подкрепил телеграммой: «Приедете ли вы? Приехавшие имеют необходимые полномочия». Грили этому поверил, а Линкольн — нет и своим коротким меморандумом, адресованным всем и никому, помешал выполнить полный коварства план. В конечном итоге Грили благодаря своему легкомыслию подвергся осмеянию; Линкольн же в кульминационный момент использовал инцидент для драматического обнародования точки зрения правительства на переговоры о мире.

Миссию мира взяли на себя еще двое: полковник Джеймс-Фрэйзир Джакес, священник-методист из Иллинойса, в свое время получивший поручение сформировать 73-й полк волонтеров и затем назначенный его командиром, и единомышленник священника — журналист Джеймс Гилмор. Под давлением определенной группы лиц Линкольн без ведома правительства

разрешил Джакесу и Гилмору сделать эту попытку. Под защитой белого флага они прибыли в Ричмонд, вечером имели свидание с Джефферсоном Дэвисом и услышали его заявление: «Двенадцать лет я трудился не покладая рук, чтобы предотвратить войну, но мне это не удалось. Север обезумел и ослеп, он не дал нам самоуправления, и в результате началась война; теперь она будет продолжаться до тех пор, пока последний мужчина нашего поколения не падет, но и тогда наши дети поднимут ружья павших и будут продолжать сражаться до тех пор, пока вы не признаете наше право на самоуправление. Мы воюем не за продолжение рабства, а за нашу независимость, и мы добьемся либо ее, либо полного истребления».

Гилмор напечатал это интервью в журнале «Атлантик Мансли», и эта статья, перепечатанная многими газетами, дошла до миллионов читателей. В Ниагаре, используя Грили, Линкольн ознакомил мир со своими мирными условиями; в Ричмонде Дэвис разъяснил свою позицию.

Выяснилось, что только действия солдат и пушек, реки крови и тонны железа могут привести к миру. 6 августа 1864 года еженедельник «Лезлиз уикли» писал: «Мир должен быть заключен на основании мощных, убедительных предложений генералов Гранта и Шермана».

5. «Самый мрачный месяц войны» — август 1864 года

В феврале 1864 года выступил сенатор Генри Лэйн из Индианы. Он утверждал, что пункт о 300-долларовом налоге в законе о воинской повинности применяется во вред беднякам. «Неимущий обязан идти в армию при всех обстоятельствах; он не может накопить 300 долларов для выкупа; некоторые выгоды извлекает средний класс, а богачи полностью избавились от военной службы, ибо все они в состоянии уплатить этот налог». Какое значение имело то, что налог дал казначейству 12 миллионов долларов? «Нам нужны люди больше, нежели деньги. Если бы мы могли печатать солдат в таком же темпе, как мы печатаем зеленые кредитки, мы не возражали бы против этого пункта закона».

8 июня 1864 года за подписью Авраама Линкольна в конгресс был направлен правительственный документ № 97: «Я имею честь предложить вниманию конгресса письмо и приложение, полученное от военного министра, с рекомендациями которого я согласен». Письмо-приложение, подписанное Стентоном и адресованное президенту, рекомендовало «отмену пункта закона об обязательной военной службе, общеизвестного как 300-долларовый пункт».

Конгрессмен Шенк предложил палате билль, отменяющий этот пункт: «Отныне правительство не будет принимать деньги в уплату за освобождение мобилизованных или завербованных лиц — военнообязанных». Предусматривалось одно исключение. Призванного мог заменить отец, брат или сын. Шенк поднимал вопросы классового характера, требуя, чтобы при мобилизации «никто — будь он богач или бедняк — не имел права заменить себя в армии кем-либо и лишь в крайнем случае мужчиной, состоящим в кровном с ним родстве».

Представитель Нью-Йорка Джон Чандлер сказал, что хотя билль Шенка подается как «благо для бедняка», он тем не менее скопирован с «ужасных обычаев европейской системы. Президенту предоставляется неограниченная власть над жизнью членов любой семьи в стране».

Джеймс Блэйн из Мэна утверждал, что первая часть билля создает впечатление, что «наш народ насильно загоняется» в армию; он считал, что принятие «пункта об обязательном зачислении» в армию всех способных носить оружие потребует использования солдат для расстрела бунтующих и протестующих,

что нет необходимости в «абсолютно всеобщем и безжалостном» призыве, что существующее положение принесет «огромные денежные суммы, вполне достаточные для выплаты щедрых вознаграждений добровольцам». Блэйн чуть ли не плакал: «Я умоляю вас, не принимайте никаких законов, которые показали бы всему миру, что вы не верите в лояльность народа Соединенных Штатов». Дебаты были недолгими. Президент, военное министерство и Шенк потерпели поражение: 100 голосов было подано против билля, 50 — за и 32 воздержались.

Конгрессмены явно опасались, что резкие меры, предлагаемые Стентоном, поддержанные президентом, защищаемые Шенком и Фрэнком Блэйром, а также некоторыми другими членами палаты, обидят денежных людей, влиятельных в своих избирательных районах.

В сенате политические интересы сенаторов привели к таким же результатам, как и в палате. Сенаторы решительно выступили за право выкупа и за вознаграждение добровольцам. Полные всяких опасений, они были против предоставления президенту права мобилизовать людей на три года: страна могла оказаться под властью военной диктатуры, которая осуществлялась бы при помощи орды профессиональных военных;

Все же президенту было предоставлено право призыва добровольцев на один, два или три года; первым полагалась премия в 100 долларов, вторым — 200 и трехгодичным — 300, причем каждый из добровольцев получал последнюю треть премии по окончании срока службы.

Две недели спустя после того, как конгресс 4 июля 1864 года принял закон о новых правилах призыва и о премиях, Линкольн объявил о наборе полумиллиона добровольцев.

Новые правила все же уничтожили возможность полностью откупиться от военной службы одним только взносом в 300 долларов. Каждый призываемый обязан был теперь либо сам пойти в армию, либо уплатить кому-нибудь, желающему заменить его. Таким заместителем мог быть либо иммигрант, либо ветеран войны, пробывший в армии два года, либо юноша моложе двадцати лет. Расторопные дельцы, занявшиеся подыскиванием «заместителей» и продажей их тем, кто выступал в роли покупателей, публиковали в газетах объявления: «Требуются ирландцы, англичане, шотландцы, немцы, французы для вступления в армию в качестве добровольцев».

К 20 августа цены на «заместителей» достигли 1 200 — 1 500 долларов. «Добротную ферму и 80 акров земли, оцениваемые в 600 долларов», предлагал заместителю» некто, не имевший наличных денег.

Начальник военной полиции города Олбэни в штате Нью-Йорк требовал, чтобы высшие власти установили кордон на границе с Канадой, так как северная часть штата Нью-Йорк заполнена уклоняющимися от военной службы, бегущими в панике из страны. Из Милуоки сообщили, что тысячи «бесстыдных, трусливых «медянок» (тайных сторонников южан), негодяев бегут в Канаду через Миннесоту; журналист из Огайо написал, что «много народу ушло в течение льготных 10 дней, предоставляемых мобилизованному между днем вручения повестки и днем явки на пункт… в некоторых случаях в ряде городов не осталось достаточного количества мужчин, чтобы выполнить контрольные цифры по призыву. Многие мужчины, призванные в одном районе штата, переезжали на жительство в другой район».

В условиях хаоса и мрачных предчувствий, охвативших страну, под вой нытиков, обвинявших Линкольна и Стентона в том, что они бессердечные чудовища, на которых еще падет кара божья, президент и министр продолжали использовать все возможные ресурсы для формирования свежих частей, для посылки подкреплений Гранту и Шерману. Шерман писал своим родным: «Всех, кто не хочет помочь нам, следует надеть в юбки и лишить права голоса в делах государственного значения. Наша армия обессилена: много убитых, больных; многие оставляют нас, потому что истекает срок их службы. Больно смотреть, как по этой причине уходят целые полки».

Из Чикаго к Линкольну приехали избранные на массовом митинге три делегата с заданием просить военного министра дать им другие контрольные цифры мобилизации, так как полученные слишком высоки. Чикаго уже дал 22 тысячи солдат, и резервов больше нет. Линкольн выслушал их доводы, поднял голову и сказал:

— Джентльмены, после Бостона главный инициатор войны — Чикаго. Вы долго требовали войны и не успокоились, пока не получили ее. Вы требовали освобождения негров, и вы это получили. Вы получили все, что просили. Теперь вы пришли для того, чтобы просить освободить вас от призыва людей, необходимых для продолжения войны, которой вы так добивались. Постыдитесь! У меня есть основания ожидать от вас лучшего. Отправляйтесь домой и поставьте под ружье требуемые от вас шесть тысяч человек…

Джозеф Медил, редактор чикагской «Трибюн», возглавлявший делегацию, признался:

— Я ничего не мог сказать в ответ. Первый раз в моей жизни меня отстегали, и мне нечего было сказать. Мы все встали, вышли

из кабинета, и, когда дверь за нами закрылась, один из моих коллег сказал:

> «Джентльмены, старик прав. Ни слова больше. Едем домой и — займемся мобилизацией».

И мы дали еще 6 тысяч, что составило в общем итоге 28 тысяч наших парней, участников войны, от города с населением в 156 тысяч.

Уолт Уитмен писал своей матери из Вашингтона, что народ ожесточился против уклоняющихся: «В глубине души признаюсь, я не нахожу причин для того, чтобы ругать этих несчастных, требовать для них веревки или пули, но все их здесь осуждают, даже в госпиталях».

Случалось, «заместитель» призванного прикарманивал премиальные деньги, переезжал в другой район, чтобы получить еще одну премию. Такие получили прозвище «охотники за премиями». Газеты печатали подборки с сообщениями о беглых и пойманных охотниках за премиями. В Олбэни одного приговорили к 4 годам тюрьмы за то, что он получил премию 32 раза.

Уклоняющихся от военной службы беглецов прозвали «драпальщиками». Они меняли фамилии, переезжали в районы, где избиратели и чиновники были настроены враждебно по отношению к Линкольну и его правительству. Они скрывались на отдаленных стоянках золотоискателей в труднодоступных поселениях.

По сообщению «Лезлиз», жительница Вермонта поехала по своим делам в Канаду и, к своему ужасу, в Монреале встретилась со своим мужем. Разве она не получила официального правительственного извещения о том, что ее муж умер героем на поле боя? Разве она не горевала, не надела траур, не вышла позже замуж за другого? Теперь он ей рассказал, что карманы какого-то убитого солдата он набил ее письмами, фотографиями, локонами ее сверкающих бронзовых волос, изъяв из карманов трупа все остальное. Затем он дезертировал и пробрался в Канаду. Он обещал «никогда больше не беспокоить» ее, а она угрожающе сказала, что так будет лучше для него.

Хроника войны за летний период 1864 года отметила два благоприятных события в истории борьбы Союза. Первое событие: в одно из воскресений июня за пределами территориальных вод Франции, у Шербурга, два корабля вступили в бой. На одном развевался флаг конфедератов. Этот корабль начиная с августа 1863 года покрыл тысячи миль, бороздя воды южной Атлантики и Индийского океана, захватил 62 торговых судна и большинство

из них предал огню. Это была ненавистная и грозная «Алабама», построенная в Англии; большая часть команды и артиллеристов состояла из англичан. Ее противник «Кирсардж» давно уже преследовал «Алабаму» по пятам и, наконец, запер ее в Шербургской гавани. Во время боя «Алабама» выпустила 370 снарядов, но «Кирсардж» остался почти неповрежденным, если не считать сбитой дымовой трубы; в то же время каждый из 173 выстрелов «Кирсарджа» достиг цели, и изрешеченная «Алабама» пошла ко дну.

Второе событие: в августе конфедератов выгнали из самого важного для них порта в Мексиканском заливе. Адмирал федералистов Фаррагат приказал привязать себя к мачте и ввел свой флот в бухту Мобайл.

Уже связанный, он помолился:

«О бог, создавший человека и наградивший его разумом, укажи мне, что делать? Идти ли мне вперед?» Затем отдал приказ: «Плевать на торпеды неприятеля! Полный вперед!» Этот его приказ стал популярным лозунгом юнионистов. Его флот захватил судно — таран «Теннесси», считавшееся одним из самых мощных судов того времени. Высадив десант, Фаррагат разрушил все три форта, защищавших подступы к Мобайлу.

Все же длительность и бесперспективность войны вселили отчаяние в сердца многих северян, и они потеряли веру в своего президента, замечая одни лишь его провалы. 4 августа Дэвид Дэвис написал своему брату, что, будучи в Чикаго, он беседовал со многими людьми из разных концов страны и пришел к выводу, что беспокойство и недоверие усиливаются. Люди не видят ни луча надежды. «Люди устали от войны. Два года тому назад мне удалось набрать в нашем графстве 1 300 добровольцев. На это потребовалось всего 10 дней. А теперь у мужчин нет никаких признаков желания пойти добровольно. Шепотом спрашивают: неужели нет лучшего плана победить южан?.. Никому не говори об этих мнениях; письмо сожги».

Бывший президент Милард Филмор 10 августа 1864 года в письме Джону Стюарту потребовал, чтобы «все люди, ценящие свою свободу, объединили свои силы и сменили правительство… иначе все потеряно». Другой экс-президент, Франклин Пирс, говорил то же самое везде, где он надеялся найти поддержку в своей агитации против Линкольна.

В августе 1864 года с каждой неделей среди лидеров республиканской партии все более росло тайное движение, имевшее целью поставить вместо Линкольна другого президента, а Линкольна выбросить за борт. На одном из совещаний республиканцев в Нью-Йорке с участием Грили, Опдайка, Филда

и других выбрали комитет, которому поручили потребовать от Линкольна снятия своей кандидатуры в президенты на предстоящих выборах. Наибольшее предпочтение, как заместителю Линкольна, отдавалось Гранту.

Однажды Карл Шурц ехал с Линкольном в карете, и президент сказал ему:

— От меня требуют, чуть ли не доходят до ругани, чтобы я снял свою кандидатуру, хотя выдвинули меня единогласно… И это говорят люди, которые были моими друзьями. Они должны бы знать меня лучше и не обвинять в том, что я развращен жаждой власти, что я совершил неблаговидные поступки, вредные для общего дела, лишь бы удержаться на посту.

22 августа Торлоу Уид писал Сьюарду: «Десять дней тому назад я. сказал мистеру Линкольну, что его переизбрание невозможно… Народ жаждет мира, а ему говорят, что президент и слышать не хочет о мире без уничтожения рабства». Следовательно, Уид настаивал на том, чтобы президент предложил ричмондскому правительству мирные условия на основе компромисса Критендена, выдвинутого еще зимой 1860/61 года, по которому Союз восстанавливался, причем Юг получал право начертать собственную конституционную санкцию на оставление в силе института рабства. В разговоре с судьей Джозефом Милсом и экс-губернатором А. Рандалом из Висконсина Линкольн открыл свою душу: «В армиях Союза сейчас находится 100–200 тысяч негров… Нашлись люди, которые предложили, чтобы я снова вверг в рабство черных воинов — участников боев у порта Хадсон и Оласти, вернуть их хозяевам, лишь бы умиротворить Юг. Если я так сделаю, меня проклянут во веки веков. Мир должен знать, что я буду верен моим принципам в отношениях с друзьями и врагами, что бы ни случилось. Мои враги утверждают, что я веду войну единственно ради уничтожения рабства. Пока я президент, война ведется и будет вестись с единственной целью восстановления Союза. Ни один человек не в силах подавить мятеж без помощи такого рычага, как освобождение негров. Мои враги признают негодной мою политику эмансипации, но освобождение дало нам 200 тысяч годных к военной службе мужчин, родившихся и выросших на Юге. Оно даст нам еще много народу. Ровно столько же потеряли наши противники, и вместо отчуждения южан от нас имеются признаки растущего братского чувства к нам среди солдат мятежников…»

Рэймонд внимал только одному: «Движение против нас усиливается». Уошбэрн из Иллинойса, Камерон из Пенсильвании подтверждали, что их штаты в данный момент против

правительства. Губернатор Мортон сообщил, что Индиану можно повести за собой только ценой огромных усилий. И Рэймонд предложил президенту назначить комиссию для ведения мирных переговоров с Дэвисом «на условиях признания доминирующего значения конституции — все другие вопросы обсудить на съезде представителей населения всех штатов».

Рэймонд ждал в Нью-Йорке ответа президента. Президент отмалчивался. Он оценивал положение в общегосударственном масштабе. Его выдвинули кандидатом на переизбрание, конкурента еще не было. Через неделю с лишним демократы в Чикаго наметят его, но друзья считали, что Линкольн уже побежден.

Влиятельные финансисты и политические деятели хотели знать точную позицию президента, и он написал письмо Сьюарду, которое звучало как присяга: «Я намерен сражаться до победы, или до самой моей смерти, или пока я не потерплю полного разгрома, или до конца срока моего президентства, или до того момента, когда конгресс и народ отвергнут меня».

25 августа Рэймонд и Национальный исполнительный комитет республиканской партии, не получив ответа от президента о его предстоящем публичном предложении мира ричмондскому правительству, прибыли в Белый дом. По словак Николаи и Хэя, они находились «в состоянии явной депрессии и паники». Президент, Рэймонд и три министра вели конфиденциальные переговоры; вошел Уэллес; потом он записал в свой дневник: «Как обычно, я вошел без доклада и увидел, что господа Сьюард, Фесенден, Стентон и Рэймонд совещаются с президентом… Президент продолжал говорить, как будто к их обществу никто не присоединился, даже будто меня ждали как участника совещания. Когда президент закончил свою мысль, его собеседники не продолжали разговора. Меня спросили, нет ли сведений о действиях флота в Мобайле… Мистер Фесенден поднялся, наклонился к президенту и начал шептать ему на ухо. Я ушел, как только ответил на краткие вопросы. Было ясно видно, что Сьюард, Стентон и Рэймонд были смущены моим появлением».

Чтобы удовлетворить требования Рэймонда, Линкольн подготовил документ, в котором Ричмонду предлагались твердые условия заключения мира. Датированное 24 августа 1864 года письмо было конкретным, точным и решающим, как счетная линейка.

«Сэр,
Выезжайте немедленно и добейтесь по возможности

встречи с почтенным Джефферсоном Дэвисом или любым лицом, уполномоченным им для этой цели, и вступите с ним в переговоры о мире.

Ведите переговоры в почтительном тоне или в любом другом, обеспечивающем организацию переговоров.

По поручению нашего правительства предложите на этом совещании немедленно прекратить военные действия, как только будет получено согласие на восстановление целостности Союза и будет признана общегосударственная власть, оставив остальные вопросы для урегулирования мирным путем. С принятием этих условий война прекращается немедленно.

Если эти условия будут отвергнуты, узнайте, какие условия, включающие восстановление Союза, будут приемлемы. Если какие-либо ответные условия в этом духе будут вам предложены, немедленно сообщите их нашему правительству и ждите дальнейших указаний.

В случае, если предложенные нами условия, включающие восстановление Союза, будут отвергнуты, потребуйте изложения приемлемых условий; по получении любого ответа информируйте наше правительство и ждите дальнейших указаний».

Николаи отметил в своей записной книжке, что президент «и наиболее сильные министры кабинета — Сьюард, Стентон, Фесенден» доказали Рэймонду свою готовность всесторонне рассмотреть и обсудить его требование начать мирные переговоры. «Он всецело согласился с ними в том, что его план посылки делегации в Ричмонд приведет к результатам более отрицательным, нежели проигрыш в борьбе за пост президента, — это просто означало бы, что северяне заранее позорно сдаются. Тем не менее визит этот принес большую пользу. Рэймонд и комитет увидели, что президент и кабинет информированы значительно лучше, чем они, и вернулись домой ободренные и в хорошем настроении духа..». А неотправленное предложение мирных переговоров легло в папки, к которым Грили и Бенет не имели доступа.

Вернувшись в Нью-Йорк, Рэймонд поразил антилинкольнские элементы республиканской партии своим решительным заявлением в «Таймсе», что слухи о мирных переговорах не имеют основания. У правительства «одна-единственная цель — продолжать войну до полного подавления мятежа».

Джон Итон, имея пропуск, подписанный президентом, получил разрешение «посетить генерала Гранта в Сити-Пойнт,

Ванкувер». Их беседа затянулась за полночь, но Грант придерживался лишь строго военных вопросов. Это интересовало Итона, но он всячески искал перехода к политическим темам.

— Вопрос не в том, — сказал Итон Гранту, — хотите ли вы баллотироваться, а вот в чем: нельзя ли вас заставить в ответ на требование народа согласиться выставить свою кандидатуру ради спасения Союза?

Мгновенный ответ Гранта поразил Итона. Сжав кулаки, Грант ударил ими по натянутым кожаным подлокотникам лагерного кресла.

— Они не могут меня заставить. Избрание Линкольна президентом так же важно для нашего дела, как и победа на фронте.

Итон вернулся в Вашингтон, и не успел он войти в кабинет президента, как услышал нетерпеливый вопрос президента:

— Ну, что вы узнали?

— Вы оказались правы.

Президент «засиял от удовольствия», отметил Итон.

Грант передал для печати письмо, датированное 16 августа 1864 года. По содержанию его видно было, что Грант не примыкает ни к одной из фракций республиканской или демократической партии, а также что он ни за, ни против Линкольна. Грант подразумевал, что вопрос о рабстве стал настолько запутанным, что оставался только один выход: освободить рабов и добиться такого мира, который увековечил бы их свободу.

«…Мятежники призвали в армию последние резервы… Они обобрали равно колыбели и могилы, чтобы как-то усилить свою армию. Кроме потерь, которые они несут в стычках и сражениях, у мятежников огромный урон вследствие дезертирства и других причин — по полку в день… Их единственная надежда — отсутствие единства на Севере…» Это письмо Гранта Стентон придержал, вероятно после совещания с Линкольном, для опубликования в удобный момент.

Чэйз развил огромную деятельность и, между прочим, затеял переписку с Огастом Белмонтом, председателем Национального комитета демократической партии, которому сообщил, что если съезд в Чикаго включит в свою программу пункт об уничтожении рабства, он, Чэйз, согласится на выдвижение своей кандидатуры в президенты от демократической партии.

Линкольн знал, что никакие слова, объяснения, убеждения, письма, речи не могут спасти положение. Только победоносные штыки, обагренные кровью конфедератов, могут совершить чудо или придать вес его словам. Пока решительные события

оставались далекой перспективой, Линкольн вел государственный корабль, как лоцманы на реке, — от бакена к бакену. Он собирался затребовать у Гранта 50 тысяч солдат, чтобы обеспечить мобилизацию рекрутов в северных городах; нужно было принять меры против связанных клятвой тайных обществ, угрожавших свергнуть вашингтонское правительство.

В середине лета Линкольн сказал представителю бостонского «Джорнэл»:

— Я верю народу. Он никогда не согласится на раскол Союза… Скажите людям правду, и страна спасена.

Один журналист сказал Линкольну:

— Вы изводите себя работой.

— Я не могу работать иначе. Но не в этом дело. Работа меня никогда не страшила. Дела каши выглядят неважно, и я не могу не волноваться… у меня предчувствие, что я не доживу до конца мятежа. А ведь моя работа кончится только тогда, когда мятеж будет подавлен.

Линкольн как-то спросил Броса, одного из владельцев и редакторов чикагской «Трибюн», о настроении на западе. Брос ответил, что народ жаждет более энергичного ведения войны; если потребуется — будут еще войска и снаряжение.

Линкольн сказал:

— Народ хочет победоносных сражений, и они должны быть. Но будут они или нет, я останусь здесь и выполню свой долг… Даже если конфедераты придут сюда и повесят меня на этом дереве, — он ткнул пальцем в окошко, — то, да поможет мне бог, я не брошу свой пост.

6. Жестокие сражения осенью 1864 года

Перед отъездом в Чикаго для освещения в печати заседания Национального съезда демократической партии Ноа Брукс услышал слова Линкольна: «Они должны выдвинуть миролюбивого демократа, стоящего за войну, или воинственного демократа, ратующего за мир; лично меня любой вариант мало беспокоит».

Съезд начал работу 29 августа в том самом Вигваме, в котором в 1860 году Линкольна избрали кандидатом в президенты. Съезд представлял собой кипящий котел. Здесь собрались горячие приверженцы партии: демократы, требовавшие немедленного мира; демократы, стоявшие за продолжение войны; виги; «ничего-не-знайки»; консерваторы; сторонники предоставления максимальных прав каждому штату; одобряющие отделение Юга миллионеры в костюмах из дорогого тонкого сукна; обанкротившиеся политики в бумажных воротничках; люди, не страшившиеся толпы и пострадавшие в борьбе за свободу слова и печати; охвостье приверженцев конфедератов. Съезд открыл Огаст Белмонт.

Губернатор Симур, получив молоток постоянного председателя, в своей речи сказал, что существующее правительство не может спасти Союз, даже если бы оно захотело, но «поскольку правительство не может спасти наш Союз, мы можем это сделать (громкие аплодисменты). Мистер Линкольн ценит многие вещи больше, нежели Союз; мы ставим Союз превыше всего». В принятой программе партия ратовала за Союз, конституцию, гражданские свободы и «заботу, защиту и уважение» к солдатам родины. Несмотря на упорное сопротивление многих делегатов, Валандигам провел в комиссии по составлению резолюций пункт, что «должны быть приняты немедленные меры» прекращению военных действий с целью созыва съезда представителей всех штатов».

Делегат Александер, судья выездного суда в Кентукки, распространял, по уверению чикагской «Таймс», свой любимый анекдот «о джентльмене из Кентукки, который, имея в виду нежную любовь Линкольна к неграм, предложил президенту содрать шкуру с одного из убитых негров и сделать себе из нее пару мокасин для повседневной носки». Почтенный В. О'Брайен, делегат из Пеории, высказал уверенность, что намеченный съездом кандидат прикоснется 4 марта будущего года «носком своего ботинка к тыльной части старины Эйби и выкинет его из кресла президента».

При окончательном подсчете Джордж Мак-Клел-лан получил 202 1/2 голоса. Симур из Коннектикута получил немногим больше десятой части этого количества. Под одобрительные крики присутствовавших Валандигам предложил выдвинуть Мак-Клеллана единогласно, что и было сделано. Политические деятели, вполне довольные, разъехались по домам. Разве дух победы не витал над их головами? Разве не было всем известно, что ведущие пророки и политические флюгеры республиканской партии признавали грядущее свое поражение?

Затем вмешалась судьба. Пришли вести, вскоре распространившиеся по всему свету и от которых под ликующие крики пустились в веселый пляс толпы, верные делу Севера. Весть эта заключена была в коротком рапорте Шермана от 3 сентября:

— Итак, Атланта наша, взята в честном бою…

Пала Атланта — стратегический центр, склад снабжения, транспортный узел основного хлопкового штата в самом сердце Юга. Виксберг, Новый Орлеан и река Миссисипи захвачены северянами, Кентукки, Теннесси и Нашвилл также захвачены, Мобайл пал. Ли и его армия были теперь прижаты Грантом к Ричмонду, — сколько времени сможет он еще продержаться? Снова звонили колокола, гремели пушечные салюты.

Президент потребовал, чтобы в ближайшее воскресенье во всех церквах отслужили благодарственные молебны. Он сказал:

— В лице президента нация выразит свою благодарность генерал-майору Уильяму Шерману, храбрым офицерам и солдатам, действовавшим под его командованием у Атланты… Переходы, сражения, осады… сделают эту армию знаменитой в анналах истории военных действий…

Несколько дней спустя можно было прочесть в газетах письмо Мак-Клеллана о том, что он принимает выдвижение своей кандидатуры, но он ни слова не сказал о рабстве. «Единственное условие мира — Союз; большего мы не хотим».

После четырехдневных боев под Винчестером и Фишерс-Хилом 19 сентября ночью Шеридан телеграфировал Гранту: «Атаковал части генерала Эрли… полностью разгромил его, гнал через весь город, захватил около 2 500 пленных, 5 орудий, 9 знамен и почти всех раненых». Все газеты напечатали это сообщение на самом видном месте. 20-го Шеридан отдал приказ прочесть войскам телеграмму за подписью А. Линкольна: «Только что узнал о вашей победе. Да благословит вас бог — и офицеров и солдат. Очень хочу приехать и повидать вас всех».

Репортер газеты «Харпере уикли» услышал слова человека, прочитавшего телеграммы с фронта: «Еще несколько таких побед, и Эйби Линкольн будет избран в ноябре». Это было то, чего

жаждал Линкольн. Никакие избирательные речи не могли сравниться с одной победой. Самое меньшее, что он мог сделать, это присвоить Шеридану звание бригадного генерала кадровой армии и назначить его командующим Среднего военного округа; он так и поступил.

В сообщении из Вашингтона Уайтлоу Рид выразил мнение всех намеревавшихся поставить кого-нибудь другого на Место Линкольна: «Общая апатия и недовольство, вызванное предполагавшимся неотвратимым поражением Линкольна», полностью исчезли. В «Трибюн» Грили заявил, что газета «отныне будет защищать знамя кандидата в президенты Авраама Линкольна». Чэйз выступил в таком же духе и готов был совершить агитационную поездку. Мрачный август сменился сентябрем, блещущим лучами занимающейся зари.

22 сентября Фремонт опубликовал письмо, из которого явствовало, что он бросил свою очередную политическую партию и решил ратовать за Линкольна. На следующий день президент попросил Блэйра подать в отставку, что Блэйр и сделал. Не было ли здесь задумано возвращение Фремонта в старый загон? Об этом можно было лишь гадать. Линкольн вынужден был написать Блэйру: «Вы прекрасно понимаете, что это происходит не потому, что я недоволен вами лично или вашей работой…»

«Восстановление единства республиканской партии стало высшей необходимостью», — писал Фремонт, одновременно снимая свою кандидатуру в пользу «республиканского кандидата, обязавшегося восстановить Союз при условии запрещения рабства… какой бы нерешительной ни была его политика». Фремонт мог бы добавить, что судьба сыграла плохую шутку с ним и его имением Марипоза в 44 тысячи акров в Калифорнии, когда-то стоившим 10 миллионов долларов. Теперь долги по нему достигли 1 миллиона 250 тысяч долларов, и каждый месяц на эту сумму «набегали» проценты в 13 тысяч долларов; к тому же адвокат Дэвид-Дадли Филд предъявил счет на 200 тысяч как гонорар за услуги. Фремонт мог бы еще сказать, что проделками разных мошенников, граничащими с беззаконием, а также плохим управлением и невезением он постепенно лишался почти сказочного состояния, заключенного в землях и золоте.

Некоторые газеты уделили много внимания случайному замечанию Саймона Камерона, заявившему, что в случае переизбрания президент возьмет себе в помощники новых, энергичных людей. Линкольн по этому поводу сказал Хэю:

— Им нечего особенно беситься по поводу перемен. Из первоначального состава кабинета сейчас остались только трое.

24 сентября президент телеграфировал адвокату,

председателю Экспейндж банка в Колумбусе, бывшему губернатору Огайо Уильяму Денисону: «Мистер Блэйр подал в отставку, назначаю вас министром почты и телеграфа. Приезжайте немедленно».

Когда в сентябре завершилась кампания за единство партии, «настроение Линкольна стало более радостным», рассказывал Лэймон. Он застал Линкольна одного в кабинете и был встречен приветствием:

— Рад, что вы зашли… Я теперь воодушевлен надеждой, что нашей разобщенной стране все еще требуются неоценимые труды вашего покорного слуги, несмотря на совершенные мною ошибки и наперекор вновь приобретенным мною врагам.

Джон Хэй записал 23 сентября: «Сенатор Харлен считает, что поддержка Бенета (и нью-йоркской «Геральд») очень важна… есть смысл предложить ему должность посла». Видимо, Линкольн твердо обещал назначить Джеймса-Гордона Бенета чрезвычайным послом и полномочным министром во Францию. Коллега, доверенное лицо и посредник Бенета — В. Бартлет писал Бенету 4 ноября 1864 года:

> «Пишу из Вашингтона; только что вырвался из объятий папаши Авраама. У меня был исчерпывающий разговор с ним, с глазу на глаз, во вторник вечером в Белом доме, между прочим, в отношении вас…»

Бенет и его «Геральд» имели огромное значение для выборов, которые должны были состояться через неделю. И в той работе, которая должна была последовать после переизбрания, также нельзя было скинуть со счетов доброжелательное отношение и сотрудничество самой интересной для человека улицы газеты в западном полушарии.

Сомкнутым строем шли за Мак-Клелланом могущественные отряды банкиров и железнодорожных магнатов, связанных с Огастом Белмонтом, Дином Ричмондом, Аспинуолом, Сайрусом Мак-Кормиком из Чикаго, — это были ряды респектабельных, богатых, интеллектуальных или аристократических особ, представителями которых были Хорэйшио Симур из Нью-Йорка и Роберт Уинтроп из Бостона. За ними следовали драчуны и буяны, к которым присоединились те, для кого расовый вопрос был главным, — они боялись, что Декларация об освобождении может привести к их политическому и социальному равенству с неграми.

Нью-йоркские газеты «Метрополитэн рекорд» и «Дейли ньюс», «Крайсис» из Колумбуса, штат Огайо, вместе с Валандигамом продолжали атаки на Линкольна.

Типографии работали полным ходом. Избирателей засыпали тоннами литературы. Памфлеты, листовки, брошюры, карточки, трактаты, конверты, украшенные эмблемами партий, — все это избиратель получал целыми пачками. По всей видимости, республиканцы перещеголяли демократов количеством выпущенной агитационной литературы, но никто из избирателей, жаждавших чтива, в котором громили Линкольна и восхваляли Мак-Клеллана, не имел повода для жалоб. Демократы выпустили устрашающую брошюру под названием «Аресты по произволу мистера Линкольна», в которой перечислялись всякие ужасы, в том числе совращение молодых женщин и содержание юношей в течение двух лет в вонючих и темных тюремных камерах.

Партия юнионистов выпустила памфлет, в котором профессор Эдуард Лабулэ писал от имени либералов-французов: «Если лик свободы потускнеет в Новом мире, то и в Европе наступит ночь», и к власти придут те, «кто верит только в насилие и личное обогащение». Поэтому Лабулэ и его сторонники «молили бога, чтобы в избирательном бюллетене (ноябрьском) стояло имя честного и прямого Авраама Линкольна».

Линкольн выступил перед солдатами полков из Огайо и в трех речах пытался простыми словами объяснить им, из-за чего ведется война. «Свободное государство, в котором каждый человек имеет право быть равным с любым другим человеком», было в опасности.

Комитет демократов — сторонников Мак-Клелла-на — принес в Белый дом тщательно разработанный протест, и Джон Лельет из Нашвилла вслух подробно перечислил все их обиды. Линкольн был резок:

— Я считаю так, пусть друзья мистера Джорджа Мак-Клеллана справляются со своими делами в избирательной кампании, как они умеют, а я справлюсь со своими делами, как я сумею…

Линкольн был холоден, и делегаты гуськом вышли из кабинета президента.

Праздничность и романтика демократии звучали в речи Эндрю Джонсона, когда он однажды, октябрьской ночью, обратился к толпе, освещенной факелами, к которой присоединилось почти все негритянское население Нашвилла. Его заявление гласило:

— Стоя здесь, на ступенях Капитолия, призывая историю штата в свидетели, руководствуясь современными событиями, воодушевленный будущим штата, я, Эндрю Джонсон, настоящим провозглашаю свободу, полную, широкую и безоговорочную, для каждого человека в Теннесси.

Рев восторга и безудержные крики радости вырвались из глоток негров, барабанный бой и звуки труб усилили ликование; знамена реяли, факелы кружились над головами. Снова зазвенел голос Джонсона:

— Мы должны низвергнуть нашу проклятую аристократию. Никогда больше жены и дочери цветных штата Теннесси не должны быть по чьей-либо прихоти вовлечены в конкубинат, по сравнению с которым многобрачие — добродетель.

Под пение псалма «Греми, труба, греми» 144 негра собрались в Сиракьюс, в штате Нью-Йорк. Этот съезд длился 4 дня. Собравшиеся выступали от имени свободных негров 18 штатов и организовали Национальную лигу равноправия. Они направили петицию в конгресс с просьбой отменить в армии «несправедливые, оскорбительные, основанные на цвете кожи различия в жалованье, труде и продвижении по службе». Они благодарили президента и конгресс за открытие доступа для негров к должностям почтальонов, за уничтожение рабства в округе Колумбия, за признание суверенитета негритянских республик Либерии и Гаити, за приказ по армии о грядущем возмездии за «варварское обращение мятежников с цветными солдатами армии Союза».

11 октября прошли сенатские выборы в Пенсильвании, Огайо и Индиане. В 8 часов вечера Линкольн и Хэй пошли пешком в военное министерство. Телеграфные аппараты ритмично постукивали. Губернатор Мортон и весь список республиканцев полностью прошел и Индиане большинством в 20 тысяч голосов. Количество конгрессменов от Пенсильвании, до того поровну разделенное между обеими партиями, теперь изменилось — 15 республиканцев и 9 демократов. В Огайо также победил список юнионистов большинством в 54 тысячи. Если в 1862 году штат избрал 14 демократов и 5 республиканцев, то теперь прошли 17 республиканцев и 2 демократа.

12 октября умер Роджер Брук Тэйни, и президент должен был наметить нового верховного судью. Различные влиятельные круги пытались заставить Линкольна назвать Монтгомери Блэйра, Бэйтса, Фесендена, Саймона Чэйза. Линкольн всех терпеливо выслушивал, взвешивал доводы и выжидал.

Демократические газеты вопили, что правительство Линкольна намерено остаться у власти независимо от приговора, который будет вынесен избирателями в ноябре. Линкольн надеялся, что народ не будет тревожиться по этому поводу, и многозначительно сказал: «Я борюсь за сохранение правительства, а не за свержение его… в особенности противниками. Поэтому я говорю, если мне суждено дожить, я

останусь президентом до 4 марта будущего года; и тот, кого конституционно изберут президентом в ноябре, должным образом вступит на пост президента 4 марта; и в этот промежуточный период я сделаю все, что в моих силах, чтобы будущий кормчий… получил наилучшие возможности для спасения корабля…»

Два памфлета юнионистской партии призывали провести голосование по вопросу о предоставлении солдатам действующей армии права голоса на предстоящих выборах. В Нью-Йорке губернатор Симур наложил вето на законопроект, но юнионисты не посчитались с ним и добились поправки к конституции штата, предоставлявшей солдатам право голосовать. Ряд штатов принял «солдатский» закон; отвергли его в штатах Нью-Джерси, Делавэр, Индиана. Кстати, на октябрьских выборах в Огайо из 55 тысяч голосов солдат 48 тысяч было отдано кандидатам юнионистов.

В нескольких случаях не в меру рьяные армейские политиканы отказывали в ранее обещанном отпуске солдатам, носившим значки сторонников МакКлеллана. Линкольн вызвал одного из этих солдат и выдал ему отпускное свидетельство, написанное самим президентом. На прощание он пожал солдату руку и сказал:

— Благослови вас бог, мой мальчик. Покажите им это, и вы поедете домой.

Тем временем мобилизация продолжалась. Кольцо неумолимо сжималось. Гранту и Шерману нужны были люди. Николаи и Хэй отметили, что «видные республиканцы страны, опасаясь отрицательного влияния мобилизации на выборы, просили президента отменить призыв или отсрочить его». Камерон из Пенсильвании советовал отказаться от него совсем. Чэйз телеграфировал из Огайо, настаивая на трехнедельной отсрочке. Делегация из Огайо настоятельно требовала отложить мобилизацию до выборов, но Линкольн спокойно ответил:

— Президентство ничто, если у меня нет страны.

Губернатор штата Индиана Мортон просил Линкольна отпустить домой всех солдат из этого штата в день выборов. Линкольн отказал. На замечание, что в Индиане может победить демократ, Линкольн сказал: «Предпочитаю вместе с вами потерпеть там поражение, чем ослабить войска, стоящие перед лицом неприятеля…» Все же Мортон добился, чтобы всех раненых перевели в госпитали Индианы, а всех непригодных для строевой службы отправили на эти дни домой.

Вдоль границы с Канадой и на берегах Великих озер в течение лета и осени 1864 года производились взрывы, происходили грабежи, велась пропаганда, организовывались заговоры, нападения, действовали шпионы. Из тающих запасов

конфедератского золота Джекоб Томпсон из Миссисипи, бывший министр внутренних дел при президенте Бьюкенене, выдавал деньги «Сынам свободы» на организацию вооруженных восстаний в разных штатах. Позже он писал: «Оставалась одна надежда — только на силу. Мы были убеждены, что смелые, энергичные и объединенные действия могли привести к захвату Иллинойса, Индианы, Огайо. Подробно разработанные планы предусматривали общее восстание в заранее определенный день, захват арсеналов в Индианаполисе, Спрингфилде, Чикаго и Колумбусе, освобождение пленных конфедератов из четырех лагерей, их вооружение, низвержение правительств в штатах Огайо, Индиана, Иллинойс, Миссури, сформирование северо-западной конфедерации. И тогда продиктовать свои мирные условия».

Восстание провалилось. Действия конфедератов, проводимые их центрами в Канаде, беспокоили Север, но в них было больше шумихи, нежели эффективности.

19 октября в 10 часов вечера Шеридан телеграфировал Гранту: «Сегодня на рассвете моя армия у Сидар-Крика подверглась атаке, по всему фронту началось беспорядочное отступление, оставлено было 20 орудий. Я поспешно выехал из Уинчестера, встретил армию между Мидлтауном и Ньютауном… Здесь я сам взялся за дело… собрал компактную боевую группу как раз вовремя, чтобы отбить атаку противника. В 3 часа пополудни, после переброски кавалерии с левого на правый фланг, я очень энергично атаковал неприятеля, обратил его в бегство и разбил наголову, захватив, по последним данным, 43 орудия и очень много пленных… Дела порой принимали плохой оборот, но благодаря отваге наших храбрых офицеров и солдат первоначальный разгром был превращен в блестящую нашу победу».

Линкольн телеграфно благодарил Шеридана и его армию.

7. Юмор Линкольна… и его религия

Линкольн был первым настоящим президентом в Белом доме. Ни у одного из президентов Соединенных Штатов, хорошо это или плохо, не было такого чувства юмора. Это делало его близким, понятным и живым для народных масс; они как бы повседневно соприкасались с ним и видели его образ перед собой. Лондонская «Сатердей ревью» писала: «Национальный юмор американцев чрезвычайно упрочил свои позиции тем, что в лице президента они имеют не только верховного руководителя, но и первого шутника страны. Сборники американских анекдотов рекламируются, как содержащие «последние остроты мистера Линкольна», и некоторые из его шуток действительно хороши…»

В небольшой пародийной биографии, первоначально задуманной с целью сделать Линкольна посмешищем, некий юморист вволю потешился: «У мистера Линкольна рост 6 футов 12 дюймов в носках, которые он меняет раз в 10 дней. Его тело состоит главным образом из костей, и когда он ходит, то напоминает собой отпрыска счастливого брака между деррик-краном и ветряной мельницей… По форме голова его похожа на брюкву, а кожа лица напоминает крышку чемодана. Руки и ноги достаточно велики, и когда он появляется в светском обществе, то кажется, что их у него слишком много. Перчаточники никак не могут найти время, чтобы сконструировать перчатки, которые подошли бы ему. У него нет фатовства, хотя иногда он причесывает свои волосы и, говорят, что изредка даже умывается. Он мастер ругаться. Будучи сам трезвенником, он не против того, чтобы кто-нибудь другой перебрал лишнего, в особенности если президент собирается заключить с ним сделку. Он очень любит жареную печенку и лук и состоит членом церковной общины. Его вряд ли можно назвать красивым, хотя он стал значительно лучше выглядеть после того, как перенес оспу».

Лэймон говорил, что президент пользовался шуткой, чтобы смехом подбодрить упавшего духом друга, для излечения собственной меланхолии, а также для подкрепления своих доводов, для раскрытия чьей-то ошибки, для того, чтобы обезоружить противника…

Линкольн сказал Бруксу, что, пожалуй, одна шестая анекдотов, приписываемых ему, была уже давно известна. Остальные пять шестых принадлежали другим и лучшим, чем он, рассказчикам. «Я запоминаю хороший анекдот… но ни разу сам не придумал ни одного. Я всего лишь торговец в розницу».

Николаи утверждает, что Линкольн признал своими всего

лишь с сотню анекдотов. На форзаце книги под названием «Анекдоты Авраама Линкольна» Айзак Арнолд написал, что, по его мнению, только половина из них в действительности рассказывалась Линкольном.

Об одном политическом противнике, безразлично относившемся к проблеме рабства, Линкольн сказал: «Его природа такова — хлестнешь его самого плетью по спине, ему больно; а хлестнешь другого по спине — его это нисколько не трогает».

Смена настроений у Линкольна произвела сильное впечатление на Эндрю Уайта, педагога и сенатора штата Нью-Йорк. Уайт увидел Линкольна в Белом доме. «Он был одет в черный, несколько запыленный костюм» и походил на «какого-то деревенского туриста, заблудившегося и случайно попавшего в это помещение». Линкольн подошел к делегации Уайта. Тому показалось, что Линкольн чувствует себя «здесь меньше дома, чем кто-либо из посетителей». Линкольн «оглядывался, как бы не зная, куда ему идти». Другие также отметили этот факт. Свои впечатления Уайт записал: «Президент подошел к нам; неуклюжий, он двигался почти как марионетка. Его лицо показалось мне самым печальным из всех, которые я когда-либо видел. Приблизившись, он протянул руку первому попавшемуся, затем следующему и так далее подряд с видом автомата, впавшего в меланхолию. Неожиданно один из группы сказал несколько слов, которые рассмешили Линкольна, и мгновенно лицо его удивительно преобразилось. Я никогда не видел ничего подобного в другом человеке. Черты его лица осветились, глаза засияли, он отвечал на различные замечания то юмористически, то суховато; он сразу установил дружеские, сердечные отношения с делегацией».

В середине 1863 года несколько крупных тиражей книг с анекдотами Линкольна были выпущены и распроданы. Название одной: «Шутки старины Эйби — прямо из уст Авраама», название другой: «Сборник анекдотов старины Эйби, или Остроумие в Белом доме». Однажды Линкольн зашел в телеграфную комнату и застал там майора Экерта считающим деньги. Президент сказал, что, видимо, майор приходит на работу только в дни получки. Экерт ответил, что это не больше как совпадение.

Линкольну это понравилось, и он вспомнил о человеке, которого ливень захватил во время поездки в открытой коляске. В поисках пристанища он подъехал к ферме. Его внимание привлек пьяный, высунувший голову из окна и вопивший: «Алло! Алло!» Дождь поливал путника, но он остановил коляску и спросил, что ему нужно. «Ничего от вас», — ответил человек у окна. «Тогда

какого черта вы орете, когда люди проезжают мимо?» — «А какого черта вы проезжаете мимо, когда люди орут «алло»?»

Линкольн, будучи конгрессменом, слышал от А. Стифенса об инциденте, происшедшем во время одной предвыборной кампании. Шла язвительная перепалка между низкорослым адвокатом и массивным Робертом Тумбсом. Роберт крикнул: «Да ведь я могу пристегнуть ваши уши к черепу и проглотить вас целиком». Малыш немедленно отпарировал: «Если вы это сделаете, у вас в животе будет больше мозгов, чем в вашей голове».

Линкольну приписывалась острота на текущую тему.

— Я чувствую в себе патриотический дух, — сказал один закоренелый буян.

— В чем это чувство выражается? — спросил стоявший рядом президент.

— Я чувствую, что мне хочется кого-то убить или что-то украсть.

В книге под заглавием «Анекдот старины Эйби о Нью-Джерси» — о штате, бывшем политически антиюнионистским больше, чем любой другой из северных штатов, — рассказывалось о потерпевшем крушение матросе, которому, наконец, удалось добраться до берега, откуда дружеские руки бросили ему канат. Утопавший схватил конец и спросил: «Какая это земля?» Услышав «Нью-Джерси», он выпустил из рук канат и простонал: «Нет, уж лучше я дальше поплыву».

Сборники анекдотов и другие литературные материалы давали большим массам народа представление об искреннем, дружелюбном, любящем пошутить человеке, которого, однако, не проведешь, о человеке, близком для простых людей. Он мог сказать, что сопрано у певицы такое высокое, что перебраться через него без лестницы невозможно, или о немце, который беспокоился, что его «собаку привязали слишком рыхло». Посетитель из Бостона интересовался?

— Мистер президент, вы никогда не ругаетесь, не правда ли?

Линкольн усмехнулся:

— Знаете ли, мне нет надобности. У меня есть министр Стентон.

Взрослые мужчины и женщины уподоблялись часто девочке, о которой Линкольн рассказал Густаву Кернеру. Она просила мать отпустить ее во двор поиграть. Мать не разрешила. Девочка продолжала приставать со своими просьбами, матери это надоело, и она наказала девочку. Когда со шлепками было покончено, девочка спросила: «Ну, а теперь, ма, мне, наконец, можно пойти поиграть?»

Однажды к нему пришел вновь избранный конгрессмен. Линкольн знал, что у новичка хорошо развито чувство юмора, и он его встретил следующими словами: «Заходите и расскажите, что вы знаете. Это займет совсем немного времени».

Для иллюстрации изменчивости политической линии Линкольн рассказал о фермерском сыне, которому отец поручил вспахать борозду. «Держи направление вот на ту пару запряженных волов, стоящих на дальнем краю поля». Отец ушел. Мальчик выполнил указание отца, но волы не спеша ушли со своего места. И мальчик вспахал не прямую борозду, а полукруг.

Один бывший губернатор пришел ходатайствовать за женщину по имени Бетси Энн Доэрти.

— Она долгое время стирала мое белье. Ее муж сбежал к мятежникам, и я прошу вас дать ей охранную грамоту.

Присутствовавший при этом Лэймон заметил, что президент старался скрыть улыбку. Он с неподражаемой серьезностью спросил:

— А эта Бетси Энн хорошая прачка?

— Очень, — последовал ответ экс-губернатора.

— А ваша Бетси Энн обязательная женщина?

— Она очень любезна, — ответил абсолютно серьезно проситель.

— А она способна и на другие дела, кроме стирки? — спросил президент, не моргнув глазом.

— О да, она очень добра, очень.

— Где сейчас Бегеи Энн?

Выяснилось, что она в Нью-Йорке и хотела уехать в Миссури, но боялась высылки оттуда.

— Кто-нибудь мешает ей туда поехать?

— Нет, но она боится туда ехать без вашей охранной грамоты.

Тут же, вспоминает Лэймон, Линкольн повернулся к письменному столу и набросал на карточке несколько слов.

«Оставьте Бетси Энн Доэрти в покое, елико она будет вести себя прилично». Поставив свою подпись, он передал карточку просителю и сказал, что это нужно отдать Бетси Энн.

— Ах, мистер президент, не могли бы вы написать несколько слов офицерам, которые обеспечили бы ее безопасность?

— Нет, офицерам некогда сейчас читать письма. Пусть Бетси Энн проденет шнурок сквозь карточку и повесит ее на груди. Как только офицеры увидят карточку, они тут же оставят в покое вашу Бетси Энн.

Президент как-то спросил генёрала Мак-Клеллана, зачем такие солидные брустверы и орудийные платформы построены

лицом к Вашингтону. МакКлеллан ответил:

— Видите ли, мистер президент, если при некоторых обстоятельствах, как бы невероятны они ни казались, противник, случайно или посредством уловки, в отчаянном последнем усилии захватит Вашингтон, у армии будут наготове эти фортификации, чтобы защищаться с тыла.

Эта предосторожность, сказал президент, напомнила ему один диспут в Спрингфилдском лицее. Обсуждался вопрос: зачем мужчине соски? После долгих дебатов он был передан на заключение главному судье диспута, который вынес мудрое решение, что «если при некоторых обстоятельствах, как бы невероятны они ни казались, случайно или каким-нибудь чудом, независимо от природы этого чуда или причины, мужчина родит ребенка, он сможет вскормить его грудью».

Хэй слышал рассказ Линкольна о новобранце, который не мог вспомнить имя своего отца. Он объяснил: «Видите ли, капитан, видимо, я экскурсионный ребенок».

Несколько длиннее был анекдот, рассказанный Линкольном Лэймону, на тему о междоусобице между Севером и Югом. Бык гнался за фермером вокруг дерева, но вскоре фермер догнал быка и схватил его за хвост. Бык взбил копытами землю, захрапел от страха и понесся. Фермер не выпускал хвоста и орал: «Ага, будь ты проклят, а кто начал эту свару?»

Один посетитель рассказал о друге, которого в самом начале войны, как юниониста, выслали из Нового Орлеана. Он потребовал, чтобы ему показали предписание. Комиссия ответила, что правительство конфедератов не пользуется незаконными документами, но что ему все равно придется убраться по собственному желанию. Тогда Линкольн вспомнил об одном владельце отеля, утверждавшем, что в его отеле не умер ни один человек. «Если кто-либо из постояльцев находился при смерти, хозяин выносил его на улицу».

Одного генерала в Западной Виргинии тактически перехитрили. В момент наивысшей опасности Линкольн сказал, что этот генерал походил на фермера, посадившего сына в бочку, чтобы тот поддерживал крышку, пока сам отец закрепит ее обручами. Когда фермер закончил работу, то выяснилось, что он не подумал о том, как мальчику вылезти из бочки.

Подписывая назначение бригадного генерала Наполеона-Джексона-Текамсэ Дана, Линкольн громко произнес первое имя; оно, «конечно, должно вселить страх в противника».

Телеграфист Бэйтс слышал рассказ Линкольна о человеке, посетившем сумасшедший дом. Ему встретился старичок, потребовавший почетного салюта: «Я Юлий Цезарь». Посетитель

отдал салют и отправился по своим делам. Когда он возвращался, старичок снова стал на его пути и потребовал повторить салют: «Я Наполеон Бонапарт». — «Хорошо, Наполеон, но совсем недавно вы мне сказали, что вы Юлий Цезарь». — «Это верно, но тогда у меня была другая мать».

Линкольну понравилась история о человеке, вошедшем в зал в момент поднятия занавеса. Крайне заинтересованный происходившим на сцене, он положил на сиденье свой цилиндр донышком вниз. Подошла близорукая, очень полная женщина и села на цилиндр. Цилиндр затрещал, женщина подскочила, а владелец цилиндра посмотрел сначала на него, потом на женщину и сказал: «Мадам, я мог бы вам сказать еще до того, как вы пытались его надеть, что он вам не по мерке». Этот анекдот рассказывали во многих вариантах, но говорили, что это произошло с самим Линкольном.

Летом 1864 года Грант сражался на путях к Ричмонду; санитарные кареты стонали под тяжестью груза раненых, госпитали были переполнены. Фронт требовал подкреплений. Прибежал Лионард Свэтт, выпалил Линкольну последние новости и внес уйму предложений по поводу того, что должно быть сделано немедленно. «Президент сидел у открытого окна, — вспоминал потом Свэтт. — Когда я перевел дух, прилетела птичка, села на ветку, защебетала и упоенно запела. Президент, подражая птичке, произнес: «Тви, тви, тви… Как она чудесно поет!» У меня подкосились ноги. Я взял шляпу и сказал: «Я вижу, положение страны лучше, чем я думал», — и пошел к двери. Мистер Линкольн окликнул меня знакомым мне сердечным голосом: «Послушайте, Свэтт, вернитесь и сядьте. Невозможно, чтобы человек на моем посту не подумал заранее обо всем этом. Еще несколько недель тому назад каждый способный носить оружие отправлен на фронт, и все, что вы предложили, уже сделано».

Хотя бумага в 1864 году очень вздорожала и размеры газет конфедератов уменьшились, чарлстонская «Меркюри» продолжала перепечатывать из северных газет отдельные остроты Линкольна. Однажды президент принял делегацию. Один из делегатов — священник — выразил «надежду, что бог на нашей стороне».

Президент сказал:

— У меня другое мнение.

Все были изумлены. А президент продолжил свою мысль:

— Меня нисколько это не волнует, ибо мы знаем, что господь всегда на стороне правых. Но что меня волнует и о чем я постоянно молю, это чтобы народ был на стороне бога.

«Линкольна называют американским Эзопом», — писала нью-йоркская «Геральд» 21 ноября 1863 года, но спустя неделю позволила себе сочинить коварный анекдот, приписав его президенту.

Лучшие юмористы века, ведущие американские фельетонисты понимали Линкольна. Они придавали своим дурачествам такие нюансы, так приукрашивали свои шутки, что создавалось впечатление, будто тот, кто сидел в Белом доме, был человеком их круга. Артемус Уорд, Петролиум Визувиус Нэсби, Орфиас Кер, Майлс О'Рили — молодые шутники из сатирического еженедельника «Вэнити Фэйр» — все они писали с веселой, хотя и слегка завуалированной любовью к президенту. Они поняли, что президент был одним из ревностных их читателей; видимо, он, в свою очередь, верил, что они были важными выразителями принципов демократии в бьющей ключом жизни республики.

Однажды Линкольн сказал Самнэру:

— За обладание их писательским гением я с радостью отдал бы свою президентскую должность.

Линкольн приветствовал стрелы грубого юмора журналистов — они дрались за его дело.

Кер осмеял аккуратные инструкции Мак-Клеллана о возвращении рабов владельцам, написав такой приказ: «Если какой-нибудь негр перебежит в армию Соединенных Штатов для дачи какой бы то ни было информации о передвижениях подразделений противника, вышеупомянутому негру голову отрубить и вернуть законному владельцу согласно смыслу и пунктам закона о беглых рабах».

Когда Линкольн, наконец, снял Мак-Клеллана с должности командующего, Кер доказывал, что армия под командованием генерала за шесть недель прошла всего-навсего 15 миль, потому что согласно его тактике солдатам приходилось часто взбираться по крутым горам, и Линкольн должен был решиться на одно из двух: либо убрать Голубые горы, либо Мак-Клеллана.

В начале 1863 года Кер опубликовал письмо, прозвучавшее как хвалебный псалом Линкольну: «Он на голову выше всех людей, стоящих у власти, и поэтому преимущественно он является объектом для ударов капризных молний при любой общественной буре; будь он сделанным из воска, а не из замечательной скальной породы, от него теперь осталась бы некая бесформенная, инертная, податливая масса, Штормы оставили глубокие следы на его лице, как бы высеченные в глыбе гранита… Обруганный, оболганный политическими врагами, попеременно то обхаживаемый, то осыпаемый упреками противников и своих политических единомышленников, он

продолжает защищать правое дело, не обращая внимания на клевету. Его добродушие — светоч, который никогда не гаснет, а горит ровным пламенем в храме бессмертия…»

В вагоне поезда беседовали две квакерши:

— Думаю, что победит Джефферсон.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что Джефферсон человек богомольный.

— И Авраам молится.

— Это так, но господь думает, что Авраам просто подшучивает над ним.

Газеты добавили в связи с этим, что сам Линкольн считал, что это лучший анекдот о нем, который он «когда-либо читал в газетах». Он не противился распространению этого анекдота. Тем не менее его наиболее важные публичные выступления и высказывания никому не давали повода считать, что он несерьезный человек.

Линкольн ни разу не говорил, что принадлежит к какой-нибудь определенной церкви, придерживается определенной веры или доктрины. Он не скупился в своих речах и письменных обращениях к широким народным массам на доказательства своей набожности и глубокой религиозности. Президент с женой обычно ездили в пресвитерианскую церковь на нью-йорк-авеню, иногда они шли туда пешком в сопровождении охранника. Они были пунктуальны, и не было случая, чтобы из-за них задержалась служба, вспоминает охранявший Линкольна Крук. «Из уважения к высокому посту, который он занимал, присутствовавшие в церкви при появлении президента поднимались со своих мест и оставались на ногах до конца службы».

Добропорядочный, прямолинейный, выдержанный Фесенден пришел однажды утром к Линкольну, взбешенный по поводу несправедливой, по его мнению, раздачи должностей. Он разразился потоком «несдержанных слов». Линкольн невозмутимо ждал, когда ярость его друга из Мэна стихнет. Затем он тихо спросил:

— Сенатор, вы принадлежите к епископальной церкви, не так ли?

— Да, сэр, я последователь этого верования.

— Я так и думал. Вы, епископалийцы, ругаетесь все одинаково. Сьюард тоже епископалиец. Вот Стентон пресвитерианец. Вы бы послушали, как он ругается.

Линкольн продемонстрировал несколько вариантов сквернословия, после чего он и Фесенден провели беседу в спокойных тонах.

8. Линкольн амнистирующий

Вокруг Вашингтона, да и в самой столице кипели бури человеческих чувств. Волны этой бури докатывались до Белого дома. По толстым коврам его коридоров и кабинетов, мимо высоких зеркал проходили и люди в поношенных, рваных, запыленных одеждах и одетые с иголочки.

Город казался огромным госпиталем. Все еще сказывались нехватка и плохое качество оборудования первых лет войны, и хотя медицинское хозяйство достигло огромных размеров, многое в нем оставалось временным, импровизированным. Церкви, частные дома, правительственные здания — все было реквизировано. Дощатые бараки и белые армейские палатки все время попадались на глаза президенту во время его прогулок пешком или верхом в окрестностях города.

В последних числах октября 1864 года Уолт Уитмен писал о том, что он видел большие партии дезертиров из союзной армии, по 300 человек и больше в каждой. Они шли под вооруженной охраной по Пенсильвания-авеню, «разношерстно одетые, в разнообразных шляпах, кепи, фуражках, многие из них здоровые молодые парни; среди дезертиров были и стыдившиеся своего позора, были и больные, почти все очень грязные… Мне сказали, что количество дезертиров из действующей армии достигает в среднем 10 тысяч в месяц».

Однажды во время большого приема в Белом доме в зал набилось столько народу, что Линкольну пришлось отказаться от рукопожатий и ограничиться только поклонами. Вдруг он увидел бледного калеку-солдата, идущего рядом со своей просто одетой матерью. Линкольн прошел к ним, прежде чем они успели дойти до дверей, взял их за руки, приветствовал и сказал, что их приход его радует.

Как-то Линкольн поделился своими мыслями с начинающим репортером нью-йоркской «Трибюн»; репортер только что вернулся с фронта, где он знакомился с настроениями офицеров и солдат действующей армии, и проинформировал о них президента. «Лучше мне потерпеть поражение на выборах при поддержке солдатских голосов, чем победить без них», — сказал президент.

Многие тысячи солдат в конце 1864 года утверждали, что они лично встречались с президентом. На смотрах войск Линкольн часто слезал с коня, проходил вдоль шеренг построенных частей, пожимал руки не только стоявшим в передних рядах, но протягивал руки и солдатам из задних рядов; при этом он

приветливо говорил; «Рад, что вы хорошо выглядите; рад встрече с вами».

Согласно заявлениям, поданным в бюро пенсий, в феврале 1864 года в стране насчитывалось 150 тысяч вдов и матерей, потерявших мужей и сыновей на войне.

Президента редко беспокоили жалобами по поводу убитых или умерших. Но поток просителей с ходатайствами за живых не прекращался в течение всего дня. И многие из тех, за кого просили, были очень молодыми.

Воевали в основном молодые; в армиях Соединенных Штатов было примерно 30 процентов еще не достигших 21 года, не получивших еще избирательных прав. Еще 30 процентов охватывали возрасты от 21 до 24 лет. Солдаты в возрасте от 25 до 30 лег составляли еще 30 процентов армии, и лишь немногим больше 10 процентов падало на старшие годы.

Майор Столбранд однажды вручил Линкольну «важные донесения», привезенные им от генерала Шермана. Майор, постоянно проживавший на западе, был шведского происхождения. Он добровольно пошел в армию по первому призыву Линкольна еще в 1861 году и с тех пор непрерывно воевал, нередко выполняя в критические моменты сражений обязанности полковника или бригадного генерала. Он собирался уйти со службы, так как долго не получал повышения в чине. Шерман не хотел потерять майора Столбранда и попросил его по дороге домой заехать в Вашингтон и передать президенту «важные донесения». Линкольн вскрыл печати на конверте, прочел письмо и протянул руку посетителю.

— Как поживаете, генерал?

Столбранд исправил ошибку президента:

— Я не генерал, я только майор.

Линкольн усмехнулся:

— Вы ошибаетесь. Вы — генерал.

И спустя несколько часов, имея на руках назначение, подписанное Линкольном, Столбранд вернулся в армию Шермана.

Джим Конер из графства Майами в штате Индиана, вернувшись домой из долгой поездки, рассказал обо всем, что с ним произошло за время путешествия. Его четыре сына и несколько соседских юношей находились в потомакской армии. Вместе с конгрессменом Конер пошел к Стентону за пропуском в армию, чтобы повидать ребят. Стентон отказал, и вскоре старый Джим с конгрессменом стояли перед Линкольном. Конер взывал:

— Боже мой! Я не могу вернуться домой, как я посмотрю в глаза женщинам?

Президент задумался и сказал:

— Конер, я не могу пойти против Стентона, но мне нужен особый уполномоченный для сбора информации о том, что думают офицеры и солдаты армии о правительстве в период настоящего величайшего критического положения страны. Конер, хотите ли вы быть моим особоуполномоченным?

Однажды недалеко от военного министерства инвалид войны в бешенстве проклинал правительство, начиная с президента и кончая последним чиновником. Линкольн случайно в это время проходил и поинтересовался, в чем дело.

— Пусть отдадут мои деньги. Меня демобилизовали, но я никак не могу получить здесь свое жалованье.

Линкольн оказал солдату, что когда-то занимался адвокатурой и может помочь. Линкольн присел у подножия дерева, пробежал глазами бумаги, врученные ему солдатом, написал несколько слов на обороте одного из документов и посоветовал солдату пойти к главному клерку военного министерства. Линкольн ушел, а А. В. Суон из Албукерка, Нью-Мексико, видевший всю сцену, спросил солдата, знает ли он того, кто с ним разговаривал.

— Какой-то безобразный старик; прикидывался, что он адвокат.

Суон пошел с солдатом, добился выплаты следуемых тому денег и затем насладился озадаченным видом спутника, не знавшего, радоваться или огорчаться тому, что обругал президента в лицо.

Один ревностный республиканец, доказавший делами свою (преданность, ходатайствовал о назначении его сына армейским казначеем.

— Сколько же лет сыну?

— Ему двадцать, ну, почти двадцать один год.

— Почти двадцать один! Даже архангела Гавриила я не назначил бы казначеем, если бы ему не было еще полных двадцати одного года! — сказал Линкольн.

Четырнадцатилетний мальчик убежал из дому и вступил в армию. Его препроводили к Линкольну, который попросил его отнести записку Стентону. Мальчик предполагал, что его обязательно расстреляют на рассвете. Но он расплакался, когда прочел: «Есть смысл отшлепать этого барабанщика и отправить его домой». Линкольн устроил мальчика в гостинице и обеспечил его проездными документами.

В полночь конгрессмен Келог получил отказ Стентона приостановить расстрел на рассвете провинившегося солдата. Келог побежал в Белый дом, преодолел сопротивление охраны,

добежал до спальни президента и взмолился:

— Этого человека нельзя расстрелять. Мне безразлично, что он сделал. Ведь он давний мой сосед! Я не могу допустить, чтобы его расстреляли!

Линкольн лежал в постели и спокойно выслушивал мольбу человека, которого он знал много лет; затем не спеша сказал:

— Да, думаю, что расстрел ничего хорошего ему не даст. Дайте-ка мне перо.

К Линкольну и фронтовым генералам приходили просьбы о помиловании храбрых бойцов, провинившихся в пьянстве, грабеже, в самовольной отлучке, в неповиновении, в оскорблении командиров. Мнение Линкольна совпадало с мнением Шермана, высказанным им в отношении правонарушителей из 8-го Миссурийского полка: «Их храбрость в боях, которую я лично наблюдал, такова, что я бы им простил все, кроме прямой измены».

Пресса сообщила об армейском хирурге, осужденном военным трибуналом. Его защитник представил все документы Линкольну, который, прочтя: «пьянство», сказал:

— Нехорошо, очень нехорошо.

Несколько ниже было отмечено: «оскорбление дамы».

— Это тоже нехорошо. Офицер при любых обстоятельствах не должен оскорблять даму.

Дальше излагались подробности попытки хирурга поцеловать даму. Линкольн почесал голову и взглянул на защитника:

— Право, тут я не в курсе. Конечно, нет правила без исключения, но обычно очень трудно оскорбить даму поцелуем. Из документов явствует, что доктор лишь пытался ее поцеловать… может быть, оскорбительно именно то, что он так-таки и не поцеловал ее? Я не уверен, что должен выступить в защиту человека, попытавшегося поцеловать даму и не сделавшего этого.

Адвокат доказывал, что жалобу написал посторонний человек, что не было доказательств негодования самой дамы.

— Это верно, — сказал президент. — Мы легко можем разделаться с поцелуйной частью обвинения. Но я должен разобраться в вопросе пьянства. Мне нужны будут точные доказательства, что нарушение сделано под Новый год и что пьянство не является обычной практикой хирурга.

Он оставил дело у себя для доследования.

Дэвид Лок просил помиловать одного дезертира. Он вступил в армию, на прощание поцеловал девушку, с которой был обручен; она обещала быть верной и дожидаться возвращения героя с войны. Он этому поверил. Вдруг до него дошли слухи, что

она завела дружбу с его соперником, которого она раньше отвергла и которого он ненавидел. Она была прелестна и не выносила одиночества. Что же произошло? Пока он сражался на фронте, ненавистный соперник отбивал девушку! Солдат просил дать ему отпуск. Ему отказали. Почти сходя с ума от отчаяния, он пренебрег военным уставом, дезертировал, поехал домой, увидел, что слухи частично верны, но что приехал он как раз вовремя. Он женился. Затем его арестовали, судили и приговорили к расстрелу. «Я не только изложил обстоятельства, но и дал парню хорошую характеристику, — рассказывал потом В. Нэсби, изобретатель керосина, — и президент тут же подписал помилование. При этом Линкольн сказал:

— Я этим наказываю молодца — не пройдет и года, как он, вероятно, пожалеет, что я не подписал смертный приговор. Трудно что-нибудь сказать. Полагаю, что в свои молодые годы я сотворил бы такую же глупость».

В летописях о спасенных Линкольном шпионах конфедератов числится 24-летний лейтенант Сэмюэл Дэвис из Делавэра. Это был высокий, красивый, бесстрашный молодой человек, дальний родственник Джефферсона Дэвиса, который послал его с секретной миссией в Огайо. Сэмюэл перекрасил волосы и запасся британским паспортом с вымышленной фамилией. В Нью-Арке, Огайо, в поезд сели два солдата федеральной армии, которые опознали в нем дежурного офицера в лагере, где они когда-то находились в качестве военнопленных. В общей камере нью-аркской тюрьмы молодой Дэвис снял пиджак, отпорол подкладку, вынул донесения, рисунки, сделанные карандашом на белом шелке, и сжег все это в печке, вокруг которой сгрудились арестованные.

На суде Дэвис отрицал шпионаж, но признавал себя «виновным в транспортировке донесений». Он произнес речь. Перед ним сидели присяжные, некоторые из них изможденные и потрепанные войной ветераны. Кое у кого из них висели пустые рукава. Когда Дэвис начал свою речь, присяжные были холодны как лед. Когда он окончил свою короткую речь, они были не так уж холодны.

Назначили день для повешения Дэвиса на острове Джонсона, недалеко от города Сандаски, Огайо. Среди тех, кто просил Линкольна приостановить действие приговора, были В. Мак-Клинтик, президент железнодорожной компании Цинциннати и Мариэта, а также сенатор Солсбери из Делавэра, один из самых резких критиков Линкольна в сенате.

Президент несколько раз прочитал речь, произнесенную лейтенантом Дэвисом перед этими ветеранами войны: «В нашем

мире я ничего не боюсь. Меня не страшит смерть. Я молод и хотел бы еще пожить, но я считаю недостойным любого, кто ищет жалости у своих врагов. У некоторых из вас имеются раны и шрамы. Я их тоже могу показать. Вы служите своей стране как можно лучше. Я тоже. Перед богом у меня чистая совесть, и когда верховный руководитель вашего народа подаст команду, я покажу вам, как надо умирать, будь то на виселице или под пулями ваших солдат».

В вечер накануне казни были проверены виселица и веревка. Комендант штаба на острове Джонсона улегся спать в полной уверенности, что поутру первым делом он увидит, как во исполнение закона Дэвис будет удавлен. Тяжелые удары в дверь разбудили коменданта. Курьер от президента вручил ему приказ приостановить казнь и переслать пленного в форт Уорен. Международные законы давали все основания для вынесения смертного приговора. Но Линкольн считал, что не всегда международные законы применимы в гражданской войне, в условиях, когда лелеется надежда на скорое примирение.

Д-р Дэвид Райт, уважаемый житель Норфолка, Виргиния, судимый военной комиссией за убийство, был приговорен к повешению. С севера, юга, из Канады пришли протесты в письмах, телеграммах. Многие посетили президента лично, и вообще число ходатайств количественно превысило просьбы об амнистии по любому другому приговору, вынесенному в военное время. «Приостановите казнь впредь до моего распоряжения», — телеграфировал Линкольн в форт Монро.

Это было вопиющее дело. 11 июля 1863 года по одной из главных улиц Норфолка проходила рота солдат-негров. Во главе роты шел Ансон Сэнборн, младший лейтенант 1-го отряда цветных войск США. Публика, стоявшая на тротуарах, насмехалась над неграми и улюлюкала. Среди зевак находился доктор Райт, человек, хорошо известный своими исключительными успехами в медицине и репутацией порядочного человека. Внезапно он набросился на лейтенанта Сэнборна, выхватил револьвер и застрелил 20-летнего офицера.

Дочь д-ра Райта получила разрешение на длительное свидание с ним в тюремной камере. Он ушел из тюрьмы в ее платье и собирался скрыться. Офицер федеральных войск заметил на улице, что у женщины «мужская походка», и вернул д-ра Райта в камеру.

17 октября комендант форта Монро телеграфировал Линкольну, что жена Райта намерена посетить Вашингтон, чтобы ходатайствовать перед президентом о помиловании мужа. Линкольн ответил: «Незачем миссис Райт ехать сюда. Проблема

чрезвычайно трудная, но вопрос решен».

Накануне 23 октября, по утверждению Дэвида Бэйтса, к его коллеге по службе Ричарду О'Брайену «подошел человек и сказал, что если он сможет предъявить телеграмму президента Линкольна, отменяющую приговор, О'Брайен немедленно получит 20 тысяч долларов золотом и бесплатный проезд в Англию на корабле, прорывающем блокаду. О'Брайен с возмущением отверг взятку».

Наступил рассвет 23 октября. В некоторых кругах общества еще теплилась~надежда, что в последний момент все же придет телеграмма от Линкольна. Проходили часы. Телеграмма из Дома правительства так и не пришла. В 11.20 утра по проводам передано было сообщение: «Сегодня утром доктор Райт казнен».

Старик Блэйр привел к Линкольну молодую женщину из Виргинии. Она была человеком импульсивным, и Блэйр ее предупредил, что она должна постараться скрыть свое сочувствие конфедератам. Она просила о пропуске к брату, в прошлом солдату армии южан, находившемуся теперь в плену в районе расположения войск северян. Президент наклонился к ней, испытующе заглянул в глаза и спросил:

— Вы, конечно, лояльны?

Одно мгновение она колебалась, затем решительно подняла глаза и ответила:

— Да, я всей душой… с Виргинией!

Президент еще несколько мгновений не спускал с нее глаз, затем подошел к письменному столу, набросал несколько слов и передал ей сложенный листок бумаги. Она откланялась и вышла вместе с мистером Блэйром, который тут же упрекнул ее:

— Ведь я вас предупреждал, что нужно быть очень осторожной. Теперь вините только себя.

Она развернула записку президента и прочла: «Пропустите мисс… Она правдива и достойна доверия».

Миссис Томас Браун с ребенком на руках предстала перед президентом 7 сентября 1863 года, до этого она посетила военное министерство и другие учреждения. Она опасалась за судьбу мужа и брата, захваченных в плен в бою под Геттисбергом. Проживали они в Александрии, Виргиния. Они воевали в рядах армии конфедератов, но шпионами не были. И тем не менее их держали в течение многих недель в тюрьме Олд Капитол. Появились слухи, что их расстреляют как шпионов. Линкольн дал ей возможность высказаться полностью. Под конец она разрыдалась. А ребенок в это время улыбался и заигрывал с Линкольном. Общее смущение еще больше увеличил президент: взяв младенца на руки, он прижался к нему щекой. Ребенок

проворковал: «Папа». Линкольн усмехнулся, отдал младенца матери, прошелся несколько раз по кабинету, затем написал несколько слов Стентону.

Правительственная машина быстро заработала. Три дня спустя оба пленных принесли присягу верности Союзу и были выпущены из тюрьмы, получив полную свободу.

Учитывая, что северяне все больше сжимали кольцо вокруг конфедератов и что последние уже исчерпали свои последние продовольственные и военные ресурсы, Линкольн видел в перспективе день, когда ему будет выгодно иметь репутацию человека, свободного от чувства мести, не связанного никакими обещаниями требовать возмездия и кары.

Однажды президент произнес несколько слов в защиту снисходительного подхода к врагу.

— Ведь они люди, не правда ли? Даже на войне не следует быть безжалостными. Где-то должна быть граница жестокости.

Престарелая женщина, находившаяся в приемной, мгновенно задала вопрос: как можно говорить доброжелательно о враге, когда стоит задача его уничтожать? Линкольн посмотрел ей в глаза и медленно сказал:

— Мадам, а разве я его не уничтожаю, превращая в своего друга?

Этот остроумный ответ получил широкое распространение как в Америке, так и в Англии.

К президенту пришел старик и, всхлипывая, сказал ему, что его сын — солдат армии Батлера — обвинен в преступлении и приговорен военно-полевым судом к расстрелу. Президент зачитал старику телеграмму Батлера, в которой тот протестовал против вмешательства президента в дела военно-полевых судов армии. Ошеломленный старик в полном отчаянии горестно зарыдал. Линкольн с минуту смотрел на него и, воскликнув: «Черт возьми, Батлер или не Батлер, так и быть!», написал на клочке бумаги несколько слов. Он показал записку старику: это был приказ президента, согласно которому сына приказано было «не расстреливать впредь до особого моего распоряжения».

Но старик все горевал.

— Я надеялся на помилование, а вы пишете «не расстреливать до моего распоряжения», а вы можете приказать расстрелять его на будущей неделе.

Линкольн улыбнулся.

— Вот что, старина, я вижу, что вы меня мало знаете. Если вашему сыну не встречаться со смертью до моего особого распоряжения, значит ему жить дольше самого Мафусаила.

Согласно старинному закону пиратов полагалось вешать. Тем

не менее Линкольн помиловал пирата Алфреда Рюбери, пойманного в марте 1863 года в Сан-Франциско. Несколько месяцев его продержали в тюрьме, а затем освободили по приказу президента. Обнародованы были две причины для его освобождения. Первая — пират оказался английским подданным. Вторая — Джон Брайт обратился к президенту с просьбой помиловать пирата в порядке личного одолжения. 2 января 1864 года «Лезлиз уикли» писал: «Принимая во внимание выдающиеся заслуги мистера Брайта, президент, не, задумываясь, пошел ему навстречу. Однако странные у мистера Брайта друзья». Эти комментарии были очень снисходительными. Линкольн понимал, что немного будет приобретено повешением в этот серьезный момент английского подданного. Кроме того, он считал, что Джон Брайт имеет право на одно помилование, без обязательства представить для этого основания.

Конгрессмен Келог пришел по делу одного суматошливого парня, прослужившего шесть месяцев в регулярной армии еще до войны. Он дезертировал, вернулся домой, утаил все от отца, остепенился и занялся делом. В самом начале войны он записался добровольцем, помог сформировать полк, его избрали офицером одной из частей полка, он принял участие в атаке моста. На мосту пуля сразила насмерть полковника, шедшего рядом с ним; сам он был ранен. Случайно ветеран-кадровик узнал его и пригрозил, что разоблачит бывшего дезертира. Ему удалось уехать в отпуск; дома он сказал отцу, что предпочитает смерть аресту в качестве дезертира. Линкольн слушал с полным безразличием до момента атаки на мосту.

— Вы утверждаете, что молодой человек был ранен?

— Да, и очень серьезно.

Линкольн задумался.

— Следовательно, он пролил кровь за свою страну. — Лицо его осветилось. — Келог, нет ли в писани и места, где говорится, что «пролитие крови» освобождает от кары за грехи?

— Пожалуй, тут вы близки к истине.

— В этом есть смысл, от него так просто не отделаться.

Президент обмакнул перо и написал безоговорочное помилование.

Конгрессмен Чарльз Денисон из Пенсильвании привел полную тревоги старую женщину. Ее сын, рядовой Джон Рассел, был приговорен к расстрелу. Линкольн их выслушал и затребовал дело. Выяснилось, что во время недавнего кровавого сражения капитан роты Рассела сбежал. После боя капитан собрал свое подразделение; оказалось, что потери достигли 50 процентов. Рассел подошел к капитану с винтовкой наперевес и крикнул:

«Капитан, вы ничтожный трус, и вас следует расстрелять!» Капитан схватился за револьвер, и их с трудом разняли. Тогда капитан обвинил солдата в неповиновении и добился смертного приговора военно-полевого суда. Линкольн отменил приговор трибунала, приказал вернуть рядового Рассела с незапятнанной репутацией в его часть.

Журналист и полковник из Огайо после беседы с президентом о торговле на Великих озерах попросили его затем выслушать человека, дожидавшегося в коридоре, — его сына приговорили к расстрелу. Николаи принес визитную карточку старика, наклонился над креслом Линкольна и шепнул ему на ухо несколько слов. Встревоженный, но полный решимости, Линкольн сказал:

— Передайте ему, что я его не приму. Я не могу. Не просите меня больше об этом. Скажите ему, что я проверил все документы полностью, не пропустив ни одного слова. Этот молодец дезертировал трижды, в последний раз он бежал с поста, находясь в карауле в Вашингтоне; его невозможно помиловать. Я не заступлюсь. Его обязаны расстрелять.

Линкольн отказался также помиловать одного партизана, политического лидера из Миссури, некоего Николса. Судья Холт рассказывал о Николсе: «У него был обычай насыпать порох в уши попавшим к нему в плен северянам. Затем он поджигал порох, и взрыв разносил головы пленных на куски. Когда его поймали, при нем нашли несколько человеческих ушей».

Однажды Линкольна разбудили среди ночи, рассказали случай с 19-летним крестьянским юношей, заснувшим на посту в заставе. В ночной рубахе он подошел к столу и написал приказ о помиловании. Опасаясь, что приказ может затеряться в пути, он разослал телеграммы в четыре высокие-инстанции. Одному конгрессмену он сказал:

— Я не могу помыслить о потусторонней вечной жизни с кровью этого юноши на моей совести. Нет ничего удивительного в том, что мальчик, выросший на ферме, привыкший ложиться спать с наступлением темноты, заснул на посту. И я не могу дать своего согласия «а то, чтобы его за это расстреляли.

До какой степени частые помилования президента портили дисциплину армии? Чонси Дэпью ответил на этот вопрос словами генерала Шермана. Однажды Дэпью спросил: «Как вам удавалось приводить в исполнение приговоры ваших военно-полевых судов и избегать при этом линкольнских помилований?» Шерман ответил: «Провинившихся я сразу расстреливал». По всей вероятности, Грант, Томас, Шеридан, как и любой другой командир, выигрывавший сражения и целые кампании,

пользовались теми же незаконными, нелегальными способами, что и Шерман.

В армиях хорошо знали, что спасенных президентским помилованием от расстрела ждали железные решетки, тюремное меню, одиночное заключение, каторжная работа, кандалы с ядром. Если не было специального распоряжения президента насчет дальнейшей судьбы помилованных, их отправляли в тюрьму Драй Бортюгас во Флориде. Тропический климат изводил арестантов. Дезертиры, воры, трусы, мятежники, симулянты, любители премиальных, выполнявшие кандальный танец на островах Драй Бортюгас, неизменно в письмах домой жаловались на невыносимые условия жизни.

В течение одного только года военно-полевые суды рассмотрели 30 тысяч случаев нарушений военных уставов. Наиболее крупные дела неизбежно оказывались у Линкольна. Джон Хэй записал в своем дневнике, что однажды, во второй половине жаркого летнего дня, президент потратил шесть часов на разбор приговоров военно-полевых судов, стараясь найти хоть малейшую зацепку, оправдывающую спасение жизни человека. В одном случае он выражал сомнение в том, «поможет ли расстрел исправить этих людей», настаивая на том, что если оставить его в живых, правительство сможет заставить его по крайней мере работать на пользу обществу. В другом случае он написал: «Вместо расстрела пошлите его на фронт воевать».

9. Человек, ставший предметом спора

Линкольн, как человек и мыслитель, стал центром выборной кампании 1864 года. Одни согласны были голосовать за него без твердой веры в его способности, другие — с лояльностью, которая редко или никогда не была подвержена колебаниям. В хаосе событий того периода Линкольн для этих людей был светочем, маяком, который иногда почти потухал и вызывал в них полное отчаяние, но вскоре снова ровно и ясно сиял. Его жизнь в Белом доме, его решения, речи и послания становились достоянием всей страны, за них благодарили, их обсуждали, проклинали, подвергали сомнению. Все эти чувства и настроения должны были найти свое выражение в день выборов 8 ноября.

Дик Оглсби, выздоровевший после пулевых ранений, выставил свою кандидатуру в штате Иллинойс по списку юнионистов. В своем выступлении он вспомнил прогулку с Линкольном в Юрбейне в 1858 году и слова президента: «Помните, Дик, держите тесную связь с народом — он всегда прав и никого не собьет с правильного пути».

События заставляли Линкольна менять свою тактику. Многих его неожиданные переходы с одной позиции на другую озадачивали. Конгрессмен Джон Аллей вдруг открыл, что президент расходится с ним в вопросе, который они согласовали.

— Мистер президент, неужели вы так скоро переменили свое решение?

— Да, переменил. Я не высокого мнения о человеке, который сегодня не может быть умнее, чем вчера.

Каждая фаза войны переживалась и находила отзвук в кабинетах и залах Белого дома. Крук писал: «Когда Линкольн поднимался наверх в свою комнату, он неизменно, прежде чем войти, обращался к часовому на посту с пожеланиями доброй ночи. Затем он закрывал за собой дверь, и я, если была моя очередь, принимал восьмичасовое дежурство». В ночном безмолвии нависало отчаяние… и надежда.

Правительство Соединенных Штатов, хотя оно изнемогало от междоусобной войны, все же было крупным действующим концерном, проводившим огромные операции: земельные, денежные, кораблестроительные; проектировалась железная дорога Юньон Пасифик, приближалось к концу проведение международной телеграфной линии вокруг земного шара, регулярно работала почта, вдовам и сиротам выплачивались пенсии, очищались реки, строились гавани, эмигранты осаждали консульства США в Европе — они спешили отправиться в «страну

свободы» за океаном. Весь мир интересовал вопрос: удастся ли союзному правительству выковать нерушимое единство всех штатов?

Семь биографий, опубликованных в 1864 году, представляли Линкольна различным категориям читателей в положительном свете. Несколько книжонок в бумажных переплетах, выпущенных оппозицией, говорили о нем сатирически. Были раскуплены огромные тиражи книжки, изданной ежемесячником «Бидл дайм лайбрэри», и еще одной «народной биографии». Обе книжки подчеркивали возможности, открытые для каждого американского мальчика, жаждущего занять «место наверху».

Еженедельник «Лезлиз уикли» перечислил ряд «ароматных комплиментов», которыми оппозиционная пресса наградила президента Соединенных Штатов, а именно: обезьяна, горилла, глупец, грязный анекдотчик, деспот, лгун, вор, бахвал, фигляр, узурпатор, монстр, черепаха, невежда, старый подлец, клятвопреступник, грабитель, мошенник, тиран, демон, мясник, континентальный пират.

Каков же был результат этой словесной войны? В октябре 1864 года еженедельник «Харпере уикли» подвел итог: «Репутация президента — это скала, о которую разбилась оппозиция. Она набрасывается на него и на его правительство, шипя и источая яд, но, разбитая, вынуждена отступить». «Харпере уикли», «Харпере монсли», «Атлантик монсли», «Лезлиз уикли», «Годиз лэйдиз бук», большая часть наиболее солидной и крупной периодики, в спокойных и сдержанных тонах либо в ясных и звучных декларациях высказывались во время выборной кампании за Линкольна и за список Национального союза.

Лэймон и Пайат с полным доверием отнеслись к рассказу экономиста и финансиста Амаса Уокера об одной беседе, которую он и Чэйз имели с президентом по поводу предполагаемого нового выпуска банкнотов-«зеленоспинок». Чэйз выразил опасение, что это будет нарушением конституции. Пайат записал:

> «Мистер Линкольн сказал:
>
> — Это мне напоминает историю, которую я прочел на днях в газете. Итальянское судно наскочило на камень, пробивший дыру в днище. Капитан приказал матросам выкачивать воду, а сам молил о помощи, опустившись на колени перед статуей девы Марии, стоявшей на носу корабля. Вода все прибывала. Назревала опасность, что судно пойдет ко дну со всеми находящимися на борту. Тогда капитан, разъяренный тем, что его молитвы остались безответными, схватил

статую девы и бросил ее за борт. Внезапно течь прекратилась, воду выкачали, и судно благополучно дошло до гавани. Когда его поставили в док на ремонт, статую девы Марии нашли в дыре судна, которую она заткнула головой.

— Мистер президент, я не понимаю, зачем, собственно, вы мам это рассказали? — спросил мистер Чэйз.

— Видите ли, я, конечно, не собираюсь выбрасывать за борт деву Марию, то есть я имею в виду нашу конституцию, но я заткну ею дыру, если мне это удастся. Мятежники преступили конституцию с целью разрушения Союза. Я преступлю конституцию, если в этом будет необходимость, с целью спасти Союз; я подозреваю, что у конституции будет бурное плавание, прежде чем мы закончим эту драку. Теперь я хочу знать независимо от конституции, стоит ли выпускать эти банкноты с выплатой по ним процентов, как вы это проектируете?

— Должен сказать, — ответил мистер Чэйз, — что, принимая во внимание вашу оговорку, не только стоит их выпустить, а это единственный способ наполнить казну».

Однажды вечером, в октябре 1864 года, сотни негров приняли участие в факельном шествии к Белому дому, во главе с ревущим духовым оркестром, знаменами и транспарантами. Негры громко и многократно приветствовали президента, и он к ним вышел. Он выглянул в парк, увидел в полумраке ночи ликующие черные лица, услышал трогательные хриплые голоса и сказал:

— Друзья мои, мне остается только догадываться о причине вашего посещения, которое является для меня совершенно неожиданным.

Согласно сообщению, посланному в печать Ноа Бруксом, один из пришедших крикнул:

— Вы освободитель Мэриленда, сэр!

Недавно принятая этим штатом конституция была в их пользу. Президент продолжал:

— Не секрет, что я хотел и хочу, чтобы люди везде стали свободными.

Громкие овации и крики: «Боже, благослови Авраама Линкольна!»

Линкольн подписывал банковские чеки на имя. «мистера Джонсона, болеющего», на имя «Люси» (цветная женщина), на имя странника, встреченного им на лужайке перед Белым домом, — «цветному мужчине, одноногому». По каким соображениям он подписывал банковские чеки на имя негров, не было известно ни печати, ни приближенным. Как-то кассир одного из вашингтонских банков, встретив на улице одного из старых приятелей Линкольна, сказал ему:

— Этот ваш президент — чудак из чудаков. Вы только подумайте: он выписывает чеки неграм.

Карпентер заканчивал свою картину «Президент Линкольн впервые читает членам кабинета Декларацию об освобождении негров». Линкольн захотел еще раз взглянуть на картину до того, как художник распрощается с Белым домом. Карпентер упомянул о неизменной доброжелательности к нему президента. Линкольн слушал, глядя на картину, затем повернулся к художнику:

— Карпентер, могу сказать, что я не менее вашего рад успеху картины.

По разрешению президента картину повесили на два дня в Восточном зале, и ее посмотрели несколько тысяч человек.

Однажды в 11 часов ночи Карпентер, войдя к Линкольну, увидел, что он подписывает назначения на должности в армию. Через несколько минут работы он сказал:

— Как видите, я даже не притворяюсь, будто читаю эти документы. На них имеются подписи Стентона, так что, вероятно, все правильно.

Непринужденно разговаривая, он подписал всю пачку документов, поднялся, потянулся и сказал:

— Наконец-то я освободился от этой работы; теперь, пожалуй, прежде чем улечься спать, я пройдусь в военное министерство и узнаю, есть ли какие-нибудь новости.

Читающая публика с интересом просматривала заметки о том, что миссис Линкольн посетила военную академию Уэст-Пойнт, причем в ее честь прогремел салют из 15 орудий. Газеты сообщили, что во время своих поездок в Нью-Йорк миссис Линкольн купила серьги и булавку за 3 тысячи долларов, шаль за 5 тысяч долларов, что ее сестра Марта Тод-Уайт, получив пропуск за подписью президента, переехала через линию фронта со всем своим багажом; в результате возникли слухи и обвинения в том, что, использовав предоставленные ей особые привилегии, сестра жены президента провезла контрабандный груз, включавший, по предположению «Лезлиз уикли», «военную форму с золотыми пуговицами, стоимостью в 40 тысяч долларов».

Погреба Белого дома заполнялись ящиками с

разнообразными винами и ликерами. Прибывали партии виски, бренди, рома; жертвовавших спиртные напитки благодарили и извещали, что их дары будут распределены между госпиталями.

Синий, Восточный, Красный и Зеленый залы — длинные, величественные, высокие. С потолков свисали газовые стеклянные люстры, выглядевшие как огромные, заледеневшие цветы из джунглей. На люстрах сверкали шары из молочно-белого стекла. Согласно регламенту ровно в семь часов начинался парадный обед.

Однажды Чэйз застал Линкольна за чисткой ботинок. Они обменялись репликами.

— Мистер Линкольн, джентльмены не чистят своих ботинок.

— А чьи же они чистят? — немедленно последовал вопрос.

Осенью 1864 года охрана Белого дома, состоявшая из кавалеристов, несколько раз приводилась в положение боевой готовности. Лейтенант Д. Ашмун передавал, что «кони эскадрона были под седлом и люди не расставались с оружием» на случай каких-либо ночных беспорядков. Президент обычно выходил из дому поздно ночью и гулял в одиночестве. Об одном таком ночном блуждании Линкольна под сияющими звездами Ашмун сообщает в своих записках: «Стояло бабье лето. Однажды, изумительной осенней ночью, часов в двенадцать, я возвращался садом по-еле посещения одного из наших пикетов, стрелявшего неизвестно по какой причине. Дорожку, по которой я шел, неожиданно, неторопливым шагом, пересек человек. Я приблизился и узнал м-ра Линкольна. Будь это в вечерние часы, я не стал бы с ним заговаривать, но тогда, побуждаемый опасениями, я сказал: «Мистер президент, разве не рискованно для вас бродить здесь одному так поздно?» Он ответил:

— Думаю, что нет… Мне нужно было успокоиться, и я решил прогуляться.

А ведь он оказался далеко за линией пешей охраны, расстановленной вокруг дома, в котором он жил с семьей. После нашего разговора он повернул назад, в охраняемый район».

В ноябре 1864 года четверо полицейских были командированы начальником полиции Колумбийского округа специально для охраны президента «во время его хождений в военное министерство, при посещениях спектаклей и для обхода коридора, прилегающего к его спальне».

Странный случай произошел в середине августа 1864 года, о котором Линкольн просил охранника Джона Николса умолчать. Однажды ночью, часов в 11, Николс услышал ружейный выстрел, раздавшийся по дороге в город, и вслед за ним топот лошадиных копыт. Через 2–3 минуты показалась скачущая лошадь. В седоке

Николс узнал президента; головного убора на нем не было. Николс помог успокоить коня. Наконец президент заговорил:

— А ведь он чуть было не понес меня, не правда ли? Он захватил мундштук зубами, прежде чем я успел натянуть повод.

Николс спросил о шляпе, и лишь тогда президент ответил, что кто-то выстрелил в него у подножья горы; конь испугался, резко ринулся в сторону, и в этот момент шляпа слетела.

Николс в сопровождении капрала приступил к поискам шляпы. В районе, где был произведен выстрел, на перекрестке проезжей и большой дорог, они нашли знакомый им шелковый цилиндр президента. Николс рассказал, что, «осмотрев шляпу, мы увидели в тулье дырку от пули. Мы тщательно обыскали весь район, но безрезультатно. На следующий день, возвращая президенту шляпу, я обратил его внимание на пулевую дыру. Шутя он сказал, что стрелял какой-то глупый человек, но, видимо, не в него; потом он добавил, что лучше об этом никому не говорить. Мы поняли, что кто-то покушался убить президента. После этого случая он никогда больше один не ездил».

Линкольна предупредили, что при посещении театров он слишком заметная цель для преступника.

Однажды вечером к театру Гровера без какой-либо охраны подъехали чета Линкольнов и спикер Колфакс. Гровер встретил их у обочины тротуара, проводил в ложу особым коридором. По окончании представления Гровер проводил их этим же путем на улицу. Вокруг кареты президента стояла толпа. Сотня с лишним зевак с удовольствием глумилась и издевалась над кучером. Гровер открыл дверцу кареты, помог гостям сесть и затем наблюдал сцену, печальную и вместе с тем комически нелепую.

На козлах, держа вожжи в одной руке, сидел юноша, бывший барабанщик, потерявший руку в бою. Сильной паре коней не стоялось на месте. Настоящий кучер, молодой ирландец, пьяный и потому неповоротливый, что-то бормоча, пытался взобраться на козлы. За три часа до этого его пригласили пропустить стаканчик, и он оставил коней на попечение однорукого юноши. Толпа наблюдала, как пьяный кучер грохнулся на булыжник мостовой и затем еле поднялся на ноги. Гровер записал: «Он пошатывался из стороны в сторону, затем крайним напряжением сил ему удалось перелезть через колесо, взобраться на козлы и вырвать вожжи из руки барабанщика, но когда он повернулся, чтобы сесть, то сорвался и во всю свою длину растянулся на тротуаре. Послышались издевательские и даже угрожающие крики.

Стоило кому-нибудь бросить камень, и все могло бы кончиться катастрофой».

Гровер схватил вожжи, вскочил на козлы, пустил коней

рысью, спросил президента, кого куда везти, отвез домой сначала спикера, затем жителей Белого дома. Линкольн поблагодарил его, и Лионард Гровер скромно, но с должной аккуратностью пишет: «Кое-кто дошел до того, что утверждает, будто я спас Линкольна от гибели. Я знаю, что всего лишь вывел его из затруднительного положения». А пьяный кучер и однорукий барабанщик затерялись, пропали среди путаных рассказов историков.

Линкольн впервые видел «Гамлета» с Эдвином Бутом в главной роли. Пьеса «содержала какое-то особое очарование для мистера Линкольна», вспоминает художник Карпентер, цитирующий Линкольна: «Есть одно место, которое актеры склонны смазать… Это монолог короля после убийства:

Удушлив смрад злодейства моего.

На мне печать древнейшего проклятья…

Он без запинки, с большим чувством и богатством нюансов прочел все 37 строк; Карпентер отметил, что «монолог этот остался непревзойденным, хотя я видел многих на сцене». Затем Линкольн непринужденно перешел к роли Ричарда и произнес его знаменитый монолог с такой силой, что Карпентер «увидел произведение по-новому». Художник отложил свою палитру и кисти, чтобы аплодировать исполнителю.

Часто велись секретные обсуждения действий полковника Лафайета Бэйкера, начальника сыскного отдела, властителя преступного мира. У него порой работало от одной до двух тысяч сыщиков; их сети и щупальца захватывали и праведных и неправедных. Отдел номинально подчинялся Стентону.

Было достоверно известно, что Бэйкер свободно обращался с фактами и всегда мог изложить их в благоприятном для себя свете. Это был ловкий малый, его отличала бойкость речи и беспринципность действий. Стентон верил, что Бэйкер прекрасно раскрывает заговоры и пресекает махинации шпионов. Уэллес писал, что он «абсолютно ненадежный человек, плюющий на репутации и права людей, неспособный в них разбираться, всегда жаждущий создавать сенсации».

Регистратор казначейства Люсиус Читенден характеризовал Бэйкера как «жестокого и хищного человека»; его детективы зачислялись в отдел «без рекомендаций, проверки или даже расспросов». Обычно подозреваемого арестовывали, ему надевали наручники приводили в агентство Бэйкера, находившееся в полуподвальном этаже казначейства. Там подозреваемого «запугивали на допросе, причем по наглости Бэйкер мог сравняться с некоторыми руководителями уголовного суда».

«В его камерах люди томились неделями; их

держали без ордера на арест, показания брались без присяги, не соблюдалась даже видимость законности. Если же обвиняемый принимал меры для своей защиты, его быстро сплавляли в тюрьму Олд Капитал, где он становился недосягаемым для гражданских властей. Коррупция распространялась, как заразная болезнь, там, где действовали детективы Бэйкера… Добросовестные фабриканты и торговцы, исправно плативщие налоги, безжалостно преследовались за малейшие технические нарушения правил, их быстро разоряли. Зато мошенники скоро богатели и легко могли уделять часть добычи своим защитникам — детективам Бэйкера».

Читенден рассказал о том, как полковника Бэйкера поймали на подлоге. «Нисколько не смутившись, даже не порозовев, этот субъект улыбнулся и, глядя мне прямо в глаза, сказал: «На этот раз уловка не удалась, а?»

У Бэйкера было обыкновение говорить и писать как доверительное лицо президента: «Меня послал мистер Линкольн», или: «Меня пригласили для личного доклада мистеру Линкольну». Однако нет никакого подтверждения, что президент был связан с Бэйкером или интересовался им.

Линкольну хорошо было известно, что два человека, недавно назначенные им на теплые местечки, поносили его. Лэймон спросил Линкольна, почему он не смещает их.

— Не могу же я управлять этой лавочкой, — сказал Линкольн, — исходя из предположения, что каждый чиновник обязан считать меня величайшим человеком в стране.

Однажды Линкольн отказался принять старого близкого личного друга, потому что он был одним из кандидатов на освободившуюся должность. Художник Карпентер слышал высказанное президентом сожаление:

— Если бы я был более толстокожим в этом отношении, мне легче жилось бы.

В другом случае он вынужден был отказать в назначении на должность маркитанта солдату, достойно прослужившему три года в армии, потому что Стентон заявил, что эту должность должен получить солдат, потерявший руку или ногу.

— Я ежедневно рассматриваю сотни таких заявлений, — сказал президент, — но мы не можем удовлетворить всех просителей…

В одном штате две партийные группы выдвигали своих людей на высокий, пост. Президент игнорировал притязания обеих групп и назначил человека, против которого никто из них не мог

возразить, — толкового офицера, потерявшего ногу на войне.

Вдова губернатора штата Висконсин миссис Луис Гарвей несколько дней подряд беседовала с президентом. Ее описание этих бесед говорит о чертах характера человека, истерзанного сомнениями, изворотливого, уклончивого, с неожиданными и непонятными прихотями, маскирующего свои мысли словесной пикировкой.

Миссис Гарвей просила нового губернатора Висконсина Эдварда Саломона разрешить ей в качестве представителя штата посетить госпитали главной армейской квартиры запада. Она посетила многие госпитали на Миссисипи и видела парней с Севера, чахнувших от жары субтропического лета. Зловоние и заразные болезни приводили к очень высокой смертности; многие умирали просто из-за тяжелых климатических и антисанитарных условий.

Когда она пришла к президенту, он сидел один «в своем кресле, сложившись как бы гармошкой». В руках он держал ее письмо; Линкольн сделал вид, что собирается встать, и смотрел на нее исподлобья.

— Мадам Гарвей?

Пожав ее руку, он «выразил надежду, что она в хорошем здравии», но приветливой улыбки не было. Она изучала его суровое, в глубоких морщинах, лицо. Он указал ей на стул. Закончив чтение письма, он вскинул на нее глаза и поворошил пальцами слегка посеребренные темно-каштановые волосы.

— Мадам, предложение об организации госпиталей на севере уже много раз обсуждалось… Что вы имеете сказать по этому поводу?

— Всего лишь то, — сказала она, — что многие больные солдаты западной армии в районе Миссисипи должны получить возможность дышать воздухом севера, иначе они умрут. На правительстве лежит ответственность за тысячи могил на берегах Миссисипи и Язу. Несомненно, правительство просто этого не знает, но оно не может больше оставаться в неведении. Если вы разрешите перевезти этих больных на север, у вас через год будет десятеро здоровых вместо одного выздоравливающего теперь.

Линкольн пожал плечами и улыбнулся.

— Не понимаю, как посылка одного больного на север даст нам десять здоровых.

Она. Я надеюсь, вы меня правильно поняли.

Он. Да, да. Конечно. Но если их отправить на север, они станут дезертирами, — какая же разница?

Она. Мертвецы, во всяком случае, воевать не способны, а эти не обязательно должны дезертировать.

— Хорошенький способ опустошить ряды армии! — воскликнул президент. — Ни один из них не вернется… ни один, ни один.

— Простите, — сказала дама, — но, мне кажется, вы ошибаетесь. Вы не знаете нашего народа. Они верны правительству и лояльны, так же как и вы. Самые лояльные в армии — рядовые, а они главные страдальцы.

— Это ваше личное мнение! — с трудноскрываемым раздражением сказал Линкольн.

Не была ли эта раздражительность признаком того, что президент понял — его позиции подорваны.

— Миссис Гарвей, — сказал он серьезным тоном, — как вы думаете, сколько человек в потомакской армии правительство оплачивало согласно платежным ведомостям во время битвы под Антьетамом?…

Он неловко повернулся в кресле, перебросил ногу через ручку кресла и медленно произнес:

— Если бы каждый солдат был тогда на своем месте, война теперь была бы уже закончена… А ведь вы знаете, что последствия этой битвы чуть не привели нас к катастрофе.

Президент замолчал. Миссис Гарвей сказала:

— Это печальная история; но вряд ли преступников нужно искать в госпиталях севера…

Президент. Так, так; вот что, пойдите к военному министру и послушайте, что он вам скажет.

Он взял ее письмо и на обороте его написал: «Немедленно пропустите миссис Гарвей… Она дама разумная и говорит дело. А. Линкольн».

— Можно ли мне снова прийти к вам после этого визита, мистер Линкольн? — спросила она.

— Конечно, — тихо сказал он. — Я сам сегодня вечером повидаю министра; а вы приходите утром.

Он с ней простился, как она отметила, «самым сердечным и любезным образом».

Утром она снова пришла. Президент пожелал ей доброго утра и ткнул пальцем в кресло. Его что-то явно беспокоило, и он ждал, чтобы она первая заговорила, а она ждала его.

— Итак? — спросил он после минутного молчания.

— Итак? — спросила посетительница.

Он взглянул на нее, насупив брови, несколько удивленный.

— Неужели вам нечего сказать? — спросил он.

— Нечего, — ответила она, — до тех пор, пока я не узнаю вашего решения. Вы что-нибудь решили?

— Нет, у меня нет решения; и я уверен, что весь этот проект

об организации госпиталей на севере — чистый вздор, и мне надоело этим заниматься.

Он явно поддался чувству раздражения. Она сочла это признаком слабости и пожалела его.

— Я бы не хотела добавить хоть каплю к вашим огромным заботам и ответственности. Лучше бы мне не приезжать сюда.

— Я тоже так думаю, — сказал он с едва уловимой улыбкой.

— Мистер Линкольн, я верю, что вы еще будете мне благодарны за этот визит… Я молю о жизни тех, кто первым поспешил поддержать наше правительство, кто помог вам занять кресло президента, — я защищаю людей, которые сделали все, что могли; даже теперь, когда они потеряли здоровье, нервы, силы, они все же молятся за сохранность вашей жизни, за существование республики. Они даже не просят того, что прошу я. Они надеются отдать жизнь за свою страну. И я знаю, что если бы они поправились, обрели снова силу, они просто остались бы в живых — по крайней мере большинство из них.

Лицо Линкольна отразило целую гамму чувств. Он не отрывал взгляда от нее. Казалось, он страдал оттого, что ее правдивые слова были слишком убедительны. Лицо его болезненно напряглось.

— Вы возомнили, что знаете больше моего.

Слезы показались на глазах у женщины.

— Простите, мистер Линкольн, но я не хотела вас задеть… Я убеждена, что народ не напрасно доверяет вам. Вопрос в другом: верите ли вы мне?

Если вы мне верите, вы нам дадите эти госпитали: если нет… что ж…

— Вы мните, что знаете больше, чем врачи, — резко сказал Линкольн.

— Нисколько, — сказала Гарвей, — я не могу даже приближенно произвести ампутацию так хорошо, как некоторые из них. Но истина в том, что я пришла к вам не милостей просить. Я не ищу воинских званий или должностей… Я пришла к вам прямо от коек умерших; они могли бы жить, будь на то ваша воля. Горько об этом говорить, но это правда.

Последние фразы заставили Линкольна нахмуриться, глубокие складки легли меж бровей. Гримаса боли исказила лицо. Он язвительно спросил, сколько солдат дал ее штат армии. Она ответила:

— Около пятидесяти тысяч.

— Это значит, — сказал он, — что в действующей армии из вашего штата сейчас около двадцати тысяч… Я готов демобилизовать их всех и не иметь больше с ними дела.

Миссис Гарвей была потрясена. Она знала, что он говорит не то, что думает. Они сидели и молча глядели друг на друга. Линкольн сильно побледнел. Наконец она нарушила молчание:

— Они останутся верными правительству, как бы вы ни поступили. И если вы удовлетворите мою просьбу, вы будете рады этому всю жизнь. Молитвы благодарных сердец дадут вам силу в часы испытаний; крепкие, готовые воевать люди охотно вернутся к борьбе за ваши цели.

— Я уже никогда ничему не буду радоваться.

Президент склонил голову. Она поняла, что нет слов, чтобы описать его горе. Исчезли суровые складки на лице: казалось, он углубился в свои мысли, вспоминал прошедшее, совершенно забыв, что он не один в кабинете. Огромные тяготы вынес он на своих плечах, бесконечные заботы отравили ему жизнь, а может быть, его тревожила мысль, что он ошибся в своей оценке людей, был несправедлив к тем, кто воевал за интересы народа.

— О, не говорите так, мистер Линкольн, — сказала она, — ибо у кого еще, кроме вас, будет столько оснований для радости, когда страна снова станет единой, а ведь это неизбежно будет.

— Знаю, знаю, — сказал он, сжимая руками подлокотники кресла, — но ведь источники жизни иссякают, и меня, может быть, не хватит.

Гарвей спросила, не подрывают ли его здоровье государственные заботы и дела. Он ответил:

— Нет. Косвенным образом, может быть.

Она поняла, что отняла у него очень много времени. Она поднялась с намерением уйти.

— Как же вы все-таки решили поступить?

— Я еще ничего не решил. Приходите завтра утром. Постойте, завтра заседание кабинета. Да, приходите к двенадцати дня — завтра на заседании дел будет немного.

На следующий день миссис Гарвей в двенадцать часов была уже в Белом доме. Три долгих часа ждала она. Изредка Линкольн присылал записки, в которых извещал, что заседание скоро кончится и он ее примет. Она была в отчаянии, предполагая отказ. Она ходила по комнате, глазела на карты и, наконец, услышала его шаги. Был объявлен перерыв. Президент не послал ей приглашения зайти к нему, а сам пришел к ней. Шаркая ногами и потирая руки, он сказал:

— Уважаемая мадам Гарвей, очень сожалею, что заставил вас ждать так долго, но мы только сию минуту прервали заседание.

— То, что я ждала, не имеет никакого значения, — сказала она, — но вы, вероятно, устали и не сможете принять меня даже вечером.

Он сел, попросил ее сесть.

— Я хочу вам сказать, — заговорил он тихим голосом, — что вчера военным министром издан был приказ об организации госпиталя в вашем штате.

Миссис Гарвей ничего не могла сказать. Ее ответом были слезы. Когда она, наконец, обрела дар речи, то промолвила:

— Благослови вас бог!

Линкольн попросил ее прийти на следующий день, так как он хотел передать ей копию приказа. Она пришла в последний раз. Президент ее спросил:

— А вы очень рассердились бы, если бы я сказал вчера «нет»?

— Мистер Линкольн, я не упала в обморок от радости, услышав ваше положительное решение, и не рассердилась бы при отказе.

— И что бы вы сделали в случае отказа?

— Я снова пришла бы к вам со своим ходатайством ровно в девять утра.

Линкольн расхохотался.

— Ну, тогда я мудро поступил, — сказал он.

В результате встречи миссис Гарвей с президентом было построено три госпиталя.

10. 8 ноября 1864 года — день выборов

Низко нависло серое небо. Шел дождь. В этот день в Белом доме было тихо и почти пусто. В полдень Брукс навестил президента и, «к моему удивлению, застал президента в полном одиночестве, как будто с общего согласия все избегали заходить в Белый дом». Линкольн волновался. Он сказал Бруксу:

— Я достаточно опытный политик, чтобы понимать, что можно было не сомневаться по поводу результата на съезде в Балтиморе, но у меня нет никакой уверенности в победе сегодня.

В семь часов вечера Линкольн и Хэй вышли из Белого дома. У порога их встретила неистовая буря с ливнем. Они прошлепали по лужам парка и поднялись в телеграфную комнату военного министерства. Линкольну вручили депешу от Форни из Филадельфии, в которой сообщалось, что президент получил там большинство в 10 тысяч голосов.

Президент отправил жене первые результаты голосования.

— Она волнуется больше моего, — сказал он.

Позже в кабинете Стентона Линкольн встретил Густавуса-Вазу Фокса, который ликовал по поводу поражения двух ненавистных противников.

— У меня нет такого чувства личной неприязни, как у вас, — сказал Линкольн. — Неприязнь никогда не окупается. У человека нет времени на то, чтобы полжизни потратить на вражду. Если кто-либо перестает на. меня нападать, я никогда не ставлю ему прошлое в вину.

Из-за бури и ливня телеграф работал с перебоями. Во время длительного перерыва, часов около десяти, вспоминает Брукс, «президент развлекал небольшую компанию, собравшуюся в военном министерстве, анекдотами и занимательными воспоминаниями». Входил Экерт, передавал телеграммы Стентону и тут же уходил. Президент просматривал телеграммы, комментировал сообщения. Чарльз Дана описывает события вечера:

> «Во время перерыва в поступлении телеграмм мистер Линкольн отозвал меня в сторонку.
>
> — Дана, вы когда-нибудь читали сочинения Петролиума В. Нэсби?
>
> — Нет, сэр, — ответил я. — Я как-то просмотрел некоторые из них, и мне они показались весьма смешными.
>
> — Так вот, — сказал Линкольн, — позвольте мне

прочесть вам характерный отрывок.

Он вытащил из внутреннего нагрудного кармана книжонку в желтом переплете и начал громко читать. Мистер Стентон, насколько я понял, отнесся к этой процедуре с невероятным возмущением, но мистер Линкольн не обращал на него никакого внимания. Он прочитывал страницу или целый рассказ, прерывал чтение, чтобы ознакомиться со свежим сообщением о ходе голосования, снова раскрывал книжку и продолжал рассказ со следующего абзаца.

Мистер Стентон стал у порога и поманил меня пальцем в соседнюю комнату. Я никогда не забуду накала его гнева. «Сейчас, когда безопасность республики под угрозой… лидер, человек, заинтересованный больше всех… может читать такую галиматью и смеяться над пустяковыми остротами». Он не мог, очевидно, понять, что… это была основная особенность характера мистера Линкольна — его способность отвлекаться: этим поддерживалась и сохранялась ясность и здравость его мышления».

Время шло, а телеграфная связь с Иллинойсом и штатами к западу от Миссисипи все ухудшалась. Однако имевшиеся уже результаты голосования были очень близки к расчетам и таблице, которую Линкольн начертил несколько недель тому назад. Приближалась полночь, и, как отмечает Брукс, «стало ясно, что Линкольн переизбран, и те господа, которые еще не ушли из бюро, сердечно поздравляли его. Линкольн был очень спокоен: ни волнения, ни удовлетворения не выказал он ни в малейшей степени и лишь сказал, что рад тому, что кончилось состояние неизвестности, что он благодарен за решение народа, выраженное в такой ясной, полной и непререкаемой форме».

«В полночь, во время ужина, — вспоминает Хэй, — президент неуклюже, но гостеприимно трудился, выковыривая жареных устриц». Лишь в два часа ночи он ушел из военного министерства. У выхода он повстречал группу людей, распевавших песни под духовой оркестр. Раздались приветствия и требования выступить с речью. Ливень, буря — все осталось позади.

Сводка с окончательными результатами, которую для формальности предстояло выпустить, уже ничего не могла изменить. На тысячах избирательных участков 4 миллиона мужчин опустили свои бюллетени. Нация сделала свой выбор.

Хаос, ненависть, подозрения, недоверие, месть, мрачные

сомнения буйствовали вовсю. Однако обработка, подсчет, отметки на бюллетенях проходили в спокойной обстановке и полном порядке: насилие и жульничество проявились лишь в незначительном количестве случаев. Единичными были ошибки при подсчете и пересчете бюллетеней.

Американский избиратель, народ, высказался за то, чтобы колоссальная, трудная, изнуряющая война продолжалась под руководством того, кто вынужден был начать войну; избиратель был за то, чтобы центральные органы управления страной и власть остались в руках человека, чьи идеи служили путеводной звездой.

Результаты голосования после их анализа оказались в известной степени унизительными для Линкольна. Все северные штаты, кроме Кентукки, Делавэра и Нью-Джерси, пошли за Линкольном. Но здесь не было все сметающего с пути триумфа: он получил большинство немногим больше 400 тысяч голосов. Из всех поданных во всей стране голосов Линкольн получил 2 203 831, то есть 55,09 процента. Мак-Клеллан получил 44,91 процента. В городе Нью-Йорке Мак-Клеллан получил 78 746 голосов, а Линкольн только 36 673, и по штату Нью-Йорк за него было подано только 50,47 процента всех бюллетеней. Унизительной была и небольшая заметка: «Официально подтверждается, что в родном графстве мистера Линкольна, в Сэнгамоне, Иллинойс, генерал Мак-Клеллан получил большинство в 376 голосов». Ознакомление с результатами по штату Иллинойс показало, что все графства, граничащие с Сэнгамоном, предпочли голосовать за МакКлеллана. Но от всего этого сердце Линкольна мало страдало. Самое важное — солдаты в подавляющем большинстве голосовали за него: они оправдали прогноз, что будут голосовать так же хорошо, как стреляют.

Из Сити-Пойнт телеграфировал Грант: «Эта победа важнее для страны, чем выигранное сражение». Важность этой победы подчеркивалась еще и сознанием того, что сотни и тысячи солдат не могли отдать свои голоса президенту, потому что они находились на марше, в бою, или потому что законодательные собрания их штатов отказали им в праве голосовать в полевых условиях.

Вечером 10 ноября к Белому дому подошла процессия со знаменами, фонарями и транспарантами; людские волны кипели у главного входа, толпа заполнила сад, прилегавший к дому. Вновь избранный президент вышел через окно на северную галерею. Его встретил рев толпы, затихший лишь через несколько минут. Линкольн приготовился прочитать народу свою речь по рукописи. Рядом с ним стоял Хэй со свечой, свет от которой

падал на страницы текста.

— Не очень изящно, — сказал Линкольн, улыбаясь, — но я становлюсь слишком стар, чтобы беспокоиться о форме выступлений.

Стоя под звездным ночным небом, Линкольн начал:

— В течение долгого времени перед нами стоял важный вопрос о том, может ли любое правительство, не очень соблюдающее свободу и права народа, быть достаточно сильным, чтобы самому удержаться у власти в период трудных испытаний. Можно сказать, что мятеж поставил республику в критическое положение… и в связи с этим выборы стали насущно необходимыми. У нас не может быть полномочного правительства без выборов, и если бы мятеж заставил нас отказаться от всенародных выборов или отсрочить их, южане вправе были бы считать, что они нас уже победили или поставили у края пропасти. Природа человека не изменится. При любом большом национальном испытании в будущем, если сравнивать людей того времени с нашими, все равно найдутся и такие же слабые и такие же сильные; такие же глупые и такие же умные; такие же плохие и такие же хорошие… Золото хорошо на своем месте; но энергичные, смелые, патриотичные люди ценнее золота…

…И в заключение я прошу вас вместе со мной воскликнуть: да здравствуют наши храбрые солдаты и матросы, их доблестные и талантливые командиры!

Раздались аплодисменты и громкие крики приветствий. Линкольн выразил в своей речи тот дух гуманизма, который он хотел бы видеть преобладающим в жизни будущего общества.

На лужайки у Белого дома вскоре легли привычные ночные тени деревьев, оград, зданий; воцарилась тишина.

В своей речи Линкольн дал ясно понять, что он предпочитает примирение, а не возмездие; он явно не хотел намеренно ранить чьи бы то ни было сердца шипами репрессий.

В день выборов Мак-Клеллан, как генерал-майор кадровой армии, подал в отставку. На освободившееся место Линкольн назначил генерала Филиппа Шеридана. Потерпев поражение на выборах, МакКлеллан готовился к поездке в Европу, где он намеревался провести несколько месяцев вдали от войны и арены американской политической борьбы.

У заокеанских либералов перевыборы Линкольна вызвали восторг. Как писал французский «Журналь де деба»: «Это первый случай, когда народ, пользующийся всеобщим избирательным правом, был призван прямо и решительно высказаться за или против продолжения тяжелой войны».

Лондонский «Спектэйтор» считал, что Север в своем

большинстве ясно высказался: «Пусть лучше вся страна покроется госпиталями, пусть множатся банкроты в городах, пусть в каждой семье льют слезы над погибшими на войне, пусть материальная основа цивилизации отброшена на столетия назад — Север все же готов продолжать борьбу, но не допустить превращения свободы в химеру…»

Западные штаты, Новая Англия, крупные штаты Нью-Йорк и Пенсильвания заявили, что мистер Линкольн, «этот хитрый мужик, поставивший перед собой благородную задачу, которую он выполняет с непоколебимым упорством, выражает решимость большинства; несмотря на бесконечные обвинения в деспотизме и случающиеся изредка неудачи, несмотря на свою неотесанность и проявляемое иногда отсутствие такта, он верный выразитель интересов нации в ее борьбе на жизнь и смерть».

Телеграмма Гранта Линкольну правильно оценила обстановку. Ноябрьские выборы имели гораздо большее значение, чем победа в крупном сражении. Они дали ответ на многие вопросы. Будет ли продолжаться война? Да, и с большей решительностью, чем до сих пор. Будет ли продолжаться мобилизация военнообязанных? Да, и оппозиция военному набору не посмеет так открыто возражать против него.

На следующее утро после выборов Хэй занес в свой дневник следующее: «Ночью У. Х. Л. (Уорд Хилл Лэймон) пришел в мой кабинет и затеял разговор о должности верховного судьи… Он выпил стакан виски, отказался от постели, которую я ему предложил, вышел в коридор и, завернувшись в свой плащ, улегся у дверей президента; так он и провел ночь. Это было выражением трогательной и немой преданности. У него был небольшой арсенал пистолетов и длинных охотничьих ножей, которыми он обложился. Рано утром, еще до того как я и президент проснулись, он ушел, бросив у моей двери одеяла, полученные у меня накануне».

От одной крайне левой революционной организации пришло приветствие, написанное в духе братства. Оно поступило от Центрального совета Международного товарищества рабочих, чьим знаменем был красный флаг, а кардинальной целью — свержение капиталистической системы объединением рабочих всего мира. Ведущий философ и тактик товарищества, секретарь германского отделения организации, Карл Маркс, автор «Капитала», написал письмо американскому народу, адресованное Аврааму Линкольну, президенту Соединенных Штатов:

«Милостивый государь!

Мы шлем поздравления американскому народу в связи с Вашим переизбранием огромным большинством.

Если умеренным лозунгом Вашего первого избрания было сопротивление могуществу рабовладельцев, то победный боевой клич Вашего вторичного избрания гласит: Смерть рабству!

С самого начала титанической схватки в Америке рабочие Европы инстинктивно почувствовали, что судьбы их класса связаны со звездным флагом. Разве борьба за территории, которая положила начало этой суровой эпопее, не должна была решить, будет ли девственная почва необозримых пространств предоставлена труду поселенца или опозорена поступью надсмотрщика над рабами?

Когда олигархия 300 000 рабовладельцев дерзнула впервые в мировой истории написать слово «рабство» на знамени вооруженного мятежа, когда в тех самых местах, где возникла впервые, около ста лет назад, идея единой великой демократической республики, где была провозглашена первая декларация прав человека и был дан первый толчок европейской революции XVIII века, когда в тех самых местах контрреволюция с неизменной последовательностью похвалялась тем, что упразднила «идеи, господствовавшие в те времена, когда создавалась прежняя конституция», заявляя, что «рабство — благодетельный институт, единственное, в сущности, решение великой проблемы отношения капитала к труду», и цинично провозглашала собственность на человека «краеугольным камнем нового здания», — тогда рабочий класс Европы понял сразу, — еще раньше, чем фанатичное заступничество высших классов за дело джентри-конфедератов послужило для него зловещим предостережением, — что мятеж рабовладельцев прозвучит набатом для всеобщего крестового похода собственности против труда и что судьбы трудящихся, их надежды на будущее и даже их прошлые завоевания поставлены на карту в этой грандиозной войне по ту сторону Атлантического океана. Поэтому рабочий класс повсюду терпеливо переносил лишения, в которые вверг его хлопковый кризис, горячо выступал против интервенции в пользу рабовладения, которой настойчиво добивались власть имущие, — и в большинстве стран Европы внес свою дань крови за правое дело».

Возвращаясь к этому же вопросу, Маркс в ноябре 1864 года написал Джозефу Вейдемейеру, тогда находившемуся в Соединенных Штатах: «Его английские члены являются по большей части вождями здешних тред-юнионов, т. е. настоящими рабочими королями Лондона; это те самые люди, которые устроили грандиозную встречу Гарибальди и, организовав огромный митинг в Сент-Джемс Холл (под председательством Брайта), помешали Пальмерстону объявить войну Соединенным Штатам, которую он готов уже был начать».

Два коротких абзаца заключили первое письмо организованных европейских рабочих своим американским собратьям. В одном сардонически обрисовывалось переплетение экономических противоречий между негром и белокожим рабочим. В другом отдавалась дань историческому значению Линкольна. Документ подписали лондонец Джордж Оджер, председатель совета и секретари отделений Франции, Германии, Италии, Польши, Швейцарии и еще 51 страны, представлявших фактически все страны и края континентальной Европы и Британских островов.

Вот что значилось в заключительных абзацах:.

> «Пока рабочие — подлинная политическая сила Севера — позволяли рабству осквернять их собственную республику, пока перед негром, которого покупали и продавали, не спрашивая его согласия, они кичились высокой привилегией белого рабочего самому продавать себя и выбирать себе хозяина, — они не были в состоянии ни добиться истинной свободы труда, ни оказать своим европейским братьям поддержку в их борьбе за освобождение; но это препятствие на пути к прогрессу теперь снесено кровавой волной гражданской войны.
>
> Рабочие Европы твердо верят, что подобно тому, как американская война за независимость положила начало эре господства буржуазии, так американская война против рабства положит начало эре господства рабочего класса. Предвестие грядущей эпохи они усматривают в том, что на Авраама Линкольна, честного сына рабочего класса, пал жребий провести свою страну сквозь беспримерные бои за освобождение порабощенной расы и преобразование общественного строя».

Письмо это было вручено специальным комитетом послу Адамсу в Лондоне. Через несколько недель Адамс ответил: письмо должным образом передано президенту Соединенных

Штатов, и, «поскольку чувства, выраженные в письме, носят частный характер, они приняты им с искренней и сильной надеждой, что он не окажется недостойным доверия, которым недавно он был облечен своими согражданами и многочисленными друзьями человечества и прогресса во всем мире».

Затем последовала отповедь министерства иностранных дел США, написанная в бархатных выражениях, что оно не одобряет революционной пропаганды и доктрины насилия: «Правительство Соединенных Штатов ясно сознает, что его политика не является, да и не может быть, реакционной; но в то же время оно придерживается курса, принятого с самого начала, на полное воздержание от пропагандизма и противозаконной интервенции. Оно стремится быть одинаково справедливым в отношениях со всеми государствами и народами. Оно уверено, что это стремление даст благоприятные результаты и найдет поддержку в своей стране, а также уважение и доброжелательность во всем мире».

11. Линкольн выдвигает кандидатуру верховного судьи

Кто будет намечен верховным судьей? Об этом гадали, толковали в прессе, в политических кругах, делились слухами за чашкой чаю, над бокалами виски. Называли имена знаменитого нью-йоркского юриста Уильяма Эвартса, судьи Свайна, судьи Дэвида Дэвиса. Генеральный прокурор Бэйтс скромно и лично для себя записал в свой дневник, что это назначение было бы для него достойным завершением его карьеры. Фесенден сам сказал, что он не годится для этой должности. Браунинг написал: «Навестил президента и убеждал его назначить на должность председателя верховного суда мистера Стентона. Он ничего не сказал по поводу моего совета, но признал, что мистер Стентон человек способный и вполне квалифицированный».

Мощный нажим в пользу Монтгомери Блэйра производили Джеймс-Гордон Бенет и Торлоу Уид, а также группа редакторов, специально приехавших в Вашингтон, чтобы вместе с Блэйром составить план отвода кандидатуры Чэйза, которого все считали основным претендентом.

В течение ноября президент выслушал целый ряд делегаций и отдельных посетителей, но никому никаких обязательств не дал. Представители филадельфийского Юньон Лиг Клаб ратовали за Чэйза и зачитали петицию за многими подписями. Президент сказал:

— Не будете ли вы так добры в порядке личного одолжения оставить мне этот документ? Я хочу показать его — в том случае, если я назначу мистера Чэйза, — друзьям других кандидатов на эту должность. Пусть увидят, какие могущественные влияния и какие сильные личные рекомендации были пущены в ход в пользу мистера Чэйза.

Представители лиги были удовлетворены, даже обрадованы, услышав эти слова, но тут они обнаружили, что президент еще не кончил свою мысль. Он просто сделал паузу и затем продолжал:

— Мне этот документ нужен также для того, чтобы в случае назначения другого лица я мог показать его сторонникам, какими могущественными влияниями и какими сильными личными рекомендациями я вынужден был пренебречь, чтобы назначить их фаворита.

Филадельфийцы с чем пришли, с тем и ушли, нисколько не удовлетворенные беседой с президентом.

Ричард Дана и судья И. Хоур вдвоем навестили Линкольна и

сказали ему, что если он в соответствии со слухами решил назначить Чэйза, они не предложат никаких других кандидатов. Ответ Линкольна записан судьей Хоуром: «Мистер Чэйз очень способный человек. Он очень честолюбив и, как мне кажется, несколько помешан на вопросе о президентстве.

В последнее время он не совсем достойно вел себя, и мне советовали: «Теперь время его окончательно сокрушить». Знаете, я против того, чтобы кого-либо сокрушать! Если кто-либо умеет что-то отлично делать, я говорю: пусть работает. Дайте ему возможность показать, на что он способен».

Однажды Николаи принес письмо от Чэйза. Линкольн спросил:

— Что он пишет?

— Просто любезное, дружеское письмо.

Не читая его, Линкольн сказал с лукавой улыбкой:

— Положите его вместе с другими рекомендательными письмами.

Энергичные враги Чэйза устно и письменно протестовали против его назначения. Чиновники министерства финансов, Блэйр и другие лица и группы прирлали письма, в которых характеризовали Чэйза как человека, неизменно покровительствующего своим сторонникам; он не знает людей, вечно всем недоволен, мешает работать. Николаи Хэй отметили, что президент внимательно выслушивал все уважительные доводы против Чэйза, но как только делались попытки напомнить Линкольну о всех кознях Чэйза против него, «он резко обрывал говорившего».

Молодой иллинойский конгрессмен Шелби Кулом передавал, что когда Линкольну приносили письма Чэйза с инсинуациями против него, он отказывался их читать, говоря: «Если мистер Чэйз отзывался нелестно обо мне, я, со своей стороны, высказывался о нем тоже довольно резко. Полагаю, что мы квиты».

В другом случае он сказал: «Мне известны более низкие поступки Чэйза, о которых эти люди ничего не знают».

Наконец собрался конгресс. 6 декабря, учитывая известный риск, руководимый сложными мотивами, основанными на искусстве управлять государством и необходимостью установить политическое равновесие, президент выдвинул кандидатуру Чэйза.

«Он никому не сообщил о своем намерении», — отметили его секретари, — и собственноручно написал нужный документ. Не передавая решения вопроса в комиссию, без обсуждения сенат сразу единогласно утвердил назначение. Чэйз написал президенту: «Я не могу уснуть, не поблагодарив вас за этот знак

вашего доверия и в особенности за то, как вы предложили мою кандидатуру».

Конгрессмен Джон Аллей, зайдя в библиотеку президента, услышал слова Линкольна:

— С тех пор как последнее дыхание оставило старого Тэйни, у меня не было никакого сомнения, что самое лучшее назначить вместо него Чэйза…

Радикальное аболиционистское крыло партии оказывало огромный нажим на президента, ратуя за назначение Чэйза. Исходя из собственных политических соображений, Линкольн дал им то, чего они хотели. Лично он надеялся, что этим шагом ему удастся добиться большей согласованности действий в реализации его планов по реконструкции Юга.

Чэйз не был нежелателен и значительной части консерваторов. Назначение Чэйза не вызвало сколько-нибудь серьезных возражений и, как отметили Николаи и Хэй, было «принято с огромным удовлетворением во всем Союзе».

В Огайо кое-кто из бывших в длительной политической связи с Чэйзом не постеснялись напомнить о поговорке, которую Чэйз любил повторять: «Удовольствуйтесь снятым молоком, если вам не удается добыть сливки».

Готовился ли конгресс к более длительной борьбе с исполнительной властью? Очевидно, к этому дело клонилось. В последних числах ноября министр юстиции Бэйтс ушел в отставку ввиду преклонного возраста. Президент предложил сенату кандидатуру Джеймса Спида из Кентукки, брата задушевного своего друга Джошуа Спида. Джеймс с самого начала был искренним приверженцем Союза, формировал воинские части и делал все, что было в его силах, чтобы удержать Кентукки в составе Союза. Он был способным юристом с незапятнанной репутацией.

Юридический комитет сената задержал на несколько дней утверждение кандидатуры президента не потому, что они колебались, как сказал один из членов комитета, а для того, «чтобы легонько дать понять президенту, что они якобы не знают, кто такой Джеймс Спид».

СВОБОДНЫ НАВСЕГДА

1. «Пропавшая армия». Юг в огне и крови. Военные тюрьмы

В конце 1864 года миллионы людей в Америке и Европе, преисполненные удивления, затаив дыхание следили за событиями, связанными с пропажей одного генерала и всей его армии. Инициатор этой авантюры генерал Шерман предварительно написал своей жене, что либо он заработает себе репутацию смелого и великого полководца, либо его сочтут просто умалишенным.

Еще в сентябре Шерман написал Гранту: «Если бы вы смогли разгромить Ли, а я смог бы совершить марш и достичь берега Атлантики, я думаю, дядя Эйби дал бы нам двадцать дней отпуска, чтобы мы повидались с нашими малышами». Шерман писал это после взятия им Атланты. Вблизи стояла вражеская армия Гуда. Джефферсон Дэвис считал, что у этой армии все преимущества, так как она сражалась в знакомых ей, родных землях. Дэвис был уверен, что Гуд перережет коммуникации Шермана и уничтожит его армию.

План Шермана состоял в следующем: он оставлял генералу Томасу 60 тысяч человек, чтобы тот не дал двинуться с места Гуду с его 41 тысячей солдат. Сам Шерман отправлялся в тысячемильный поход, который после передышки в городке Саванна, у моря, должен был закончиться соединением с армией Гранта в Виргинии.

Тысячи людей за границей и на Юге придут к выводу, писал Шерман, что поход армии северян через весь Юг — явное доказательство их предстоящей победы.

Грант телеграфировал Линкольну: «Самое лучшее, что мы можем сделать, — принять предложение Шермана… Такую армию и такого командира, как Шерман, трудно припереть к стене или захватить в плен». Это был день серьезных испытаний для Линкольна: поддержит ли он двух своих лучших, испытанных генералов? Через три часа после получения депеши от Гранта Стентон телеграфировал Шерману безоговорочное одобрение плана.

Полностью доверяя Шерману, Грант, видимо, все же день-другой сомневался в обоснованности утверждений Шермана, что Томас сможет справиться с Гудом. В конце концов Грант поверил Шерману.

Линкольн, несмотря на свою врожденную осторожность, подкрепленную, с одной стороны, яростным сопротивлением

Роулинса, начальника штаба Гранта, и с другой стороны — равнодушными, рутинерскими возражениями Галлека, тем не менее полностью поверил Гранту и Шерману. Трио — Линкольн, Грант, Шерман — теперь действовало согласованно.

По приказу Шермана командир инженерных частей разрушил все железные дороги вокруг Атланты и в самом городе; рельсы накаливали докрасна и затем их закручивали вокруг деревьев. Солдаты разваливали фабричные трубы, взламывали горны, разбивали паровые машины, пробивали дырки во всех котлах, приводили в негодность инструменты, чтобы сделать невозможным выпуск конфедератами промышленной продукции. Еще до того, как началась эта разрушительная работа, поджигатели из армии вторжения предали огню десятка два зданий. Генерал Слоукэм объявил о награде в 500 долларов за выдачу хотя бы одного солдата-поджигателя. И тем не менее 1 800 домов Атланты исчезли в дыму пожаров.

Ночью 15 ноября пожар захватил разрушенные здания арсенала, стекла сотен домов дрожали от взрывающихся снарядов; эти взрывы никого не разбудили — никто в эту ночь не ложился спать. Солдаты, взявшие на себя роль пожарных, в течение многих часов боролись с огнем, и им удалось локализовать пожар в нижней части города и в фабричном районе. Когда утром Шерман оставил город, треть его, а может быть и больше, лежала в пепле и прахе.

Шерману местность была знакома. Он здесь жил несколько лет в сороковых годах и много ездил. Образ жизни местных жителей был ему в какой-то мере тоже знаком — ведь он был начальником Военной академии штата Луизиана. Мэйконская газета «Телеграф» называла его иудой, изменником, сосудом порока, демоническим средоточием тысячи бесов.

Шерман шел по Декэйтерской дороге на восток. Поднявшись на гору, он остановился, чтобы в последний раз взглянуть на дымящуюся Атланту. Солнце стояло над горизонтом. В его косых лучах сверкали стволы 55 тысяч ружей в руках у отборных солдат, ветеранов, доказавших свою способность действовать, маршировать, совершать длительные переходы; это были люди, получившие иммунитет от многих заразных болезней, вышедшие невредимыми из ряда тяжелых кампаний. У каждого из них был запас в 40 патронов, а в фургонах еще дополнительно по 160. Каждую из 65 пушек тащила четверка лошадей. 2 500 фургонов, запряженных шестерками мулов, были нагружены припасами и фуражом. 600 крытых санитарных повозок, каждая с парой лошадей в упряжке, сопровождали армию. Между Шерманом и его другом Грантом, находившимся у Ричмонда, лежало

расстояние в тысячу миль — города, поселки, долины, полные злейшими врагами, людьми, чья ненависть усиливалась горечью отчаяния.

За месяц до выступления в поход Шерман писал жене, что в процессе революций можно наблюдать взлет и падение людей: их то превозносят, то оскорбляют.

Вспоминая веселые солдатские песни, распевавшиеся в утро выступления из Атланты, Шерман позже напишет жене: «Я никогда не видел более уверенной в своих силах армии. Солдаты думают, что я все знаю, а они все могут». В последних числах октября он ей признался в письме, что затеял рискованную игру: «В течение нескольких месяцев ты ничего не будешь знать обо мне. Только военное министерство будет знать, где я, да еще мятежники, так что ты сможешь лишь приблизительно представить себе мой путь».

Армия Шермана насчитывала 218 полков, мобилизованных и экипированных примерно двумя десятками штатов. Огайо представляли 52 полка, Иллинойс — 50 полков и т. д. Начиная с 15 ноября армия шла четырьмя колоннами, захватывая полосу шириной в 20, 40 и больше миль. Она осуществляла систематическую кампанию разрушения. Незадолго до этого Джефферсон Дэвис, выступая в Огасте, сказал: «Один только штат Джорджия производит достаточно продовольствия, чтобы прокормить не только население самого штата и воинские части, находящиеся на его территории, но и армию Виргинии». Вот на эту житницу, на этот склад продовольствия конфедератов и обрушился Шерман. Армия сжигала, портила, уничтожала все, что она не могла съесть или увезти.

Шерман считал, что теперь южане получили ту войну, которой они добивались. До сих пор только пограничные штаты страдали от военных невзгод. Теперь война пришла в самое сердце далекого Юга.

Не угрызения совести мучили Шермана — его беспокоило одно: удастся ли выполнить график движения? Придет день, он и Грант соединят свои армии, но только в том случае, если расписание было правильно составлено. Тогда настанет конец войне.

Он отправился в поход налегке. В седельном вьюке, который вез его ординарец, лежала «смена белья, мои карты, фляжка виски и пачка сигар». Он мог жить, как простой солдат; часто видели, как, обернувшись одеялом, он спал на голой холодной земле. До поздней ночи он проверял все до мелких деталей, но рано утром он уже ходил по лагерю; иногда он днем возмещал недостаток сна, задремав где-нибудь минут на десять-пятнадцать.

Когда войска получали приказы, которые поначалу казались невыполнимыми, солдаты и офицеры говорили: «Ну что ж, ведь он ошибиться не может».

В ходу был избитый анекдот о двух солдатах конфедератской армии, находившихся в сторожевом охранении. Кто-то якобы подслушал, как они делились слухами: «Эти янки не смогут больше получать продовольствие по железной дороге, потому что Уилер взорвал тоннель под Долтоном». — «Черт возьми, неужели ты не знаешь, что Шерман везет с собой запасный тоннель?»

О разрушении железных дорог Шерман писал: «Я лично занимался этим вопросом». Прошел месяц, и 265 миль железнодорожного полотна стали непригодными для транспорта.

Бригадные командиры имели право наряжать отряды для фуражировки, примерно по 50 человек в каждом, под командой одного или двух офицеров. Отряды уходили на рассвете, точно зная, где им предстоит в течение дня соединиться с продвигающейся вперед армией. Уклоняясь на 5–6 миль в сторону от маршрута бригады, отряды посещали все плантации и фермы в районе их действий. Они захватывали фургон или семейную карету, нагружали ее беконом, кукурузной мукой, индюками, утками, цыплятами, «всем, что могло служить в качестве продовольствия или фуража», как говорил Шерман. Они возвращались на большую дорогу, обычно раньше подхода обоза, и отдавали бригадному интенданту все собранное за день.

Шерман откровенно признавал, что «эти отряды фуражиров, несомненно, совершали грабежи, мародерствовали, совершали насилия». Ему сообщали, что солдаты отбирали драгоценности у женщин, откапывали тайники с фамильным серебром, отбирали ценные вещи, которые никогда не передавали интендантам. «Но эти грабежи носили случайный характер и были исключением из правила. Я ни разу не слышал о случаях убийства или изнасилования».

Кавалерия Килпатрика больше какой-либо другой части старательно добывала недобрую славу для армии Шермана. Кавалеристы хватали стариков и душили их до тех пор, пока они не раскрывали свои тайники с золотыми монетами, серебром или драгоценностями. Солдаты ложились в грязных сапогах на белоснежные простыни, они танцевали на отполированных до блеска полах, выли под аккомпанемент пианино и затем разбивали пианино прикладами. Они вытаскивали перины из спален и устраивали снежные вьюги из перьев. Они стращали белых женщин, но обычно дело не заканчивалось изнасилованием; исключением были один-два случая. Зато кавалеристы свободно вели себя с негритянками, особенно ценя

хорошо сложенных мулаток. Это были «проделки» ветеранов войны, отменных вояк, и Шерман их не наказывал частично потому, что считал, что лучших, чем они, солдат в мире нет; это были крепкие, верные, энергичные служаки; а частично еще и потому, что заводить военную полицию для поддержания порядка и дисциплины среди солдат его же армии означало задержку в движении в момент, когда такая задержка могла бы дорого обойтись.

В своих официальных отчетах конфедераты не могли дать точной цифры дезертиров из армии южан, отставших и уклонившихся от воинской обязанности. В Джорджии, как и во всех южных и пограничных штатах, рыскали шайки отчаянных, необузданных бандитов, партизан, грабивших население. Бесконечные слухи о том, что конфедерация напрягает последние силы, увеличивали дезертирство. К тому же офицеры северян распространяли прокламации Линкольна, обещавшие амнистию. Используя патрульные пикеты, печатные циркуляры в открытую и тайно, северяне распространили слухи о том, что дезертиры, которые проберутся к ним через линию фронта, будут хорошо приняты.

Одновременно с походом Шермана от Атланты к морскому берегу возникли слухи, что президенту Дэвису придется предстать перед судом по обвинению в государственной измене.

Шерман опустошил Джорджию и без того раздираемую противоречиями. Ежедневно во время марша армии Шермана с тротуаров, с обочин дорог раздавались возгласы протеста, и наиболее типичными, по словам генерала Хэйзена, были: «Почему бы вам не отправиться в Южную Каролину и не устроить им такой же кавардак? Ведь это они затеяли войну».

Один из штабных офицеров Шермана видел негритянку с ребенком-мулатом на руках; она указала на Шермана и крикнула: «Вот человек, который правит миром!» На перекрестках дорог негры встречали колонну северян песнями и танцами, полные веры в то, что теперь их хозяева побеждены и что уже пришло давно обещанное равноправие. Однако Шерман по-прежнему продолжал свою политику и убеждал их, что они в должное время получат свободу и будут работать для себя, а не на своих хозяев, но до этого момента они не должны причинять хозяевам зла.

В столице штата, в городе Миллэджвилл, Шерману донесли, что губернатор Джозеф Браун, вся администрация штата, члены законодательного собрания скрылись; из здания губернатора вывезли ковры, портьеры, мебель, продовольствие.

В этом городе федеральные войска варили завтрак на кострах из банкнотов, выпущенных конфедератами. Здесь они нашли

газеты южан, в которых был напечатан призыв генерала Борегара к населению Джорджии подняться с оружием в руках против вторгшихся северян, препятствовать их продвижению быть решительными в действиях и уверенными в своей победе, и тогда «армия Шермана погибнет от голода на вашей земле».

Пока Шерман знакомился с содержанием газет, его солдаты факелами поджигали тысячи кип хлопка, разрушали хлопковые машины, прессы. Шерман рапортовал: «Я сжег железнодорожные здания и арсеналы, но не тронул здания собрания и особняк губернатора».

Армия продвигалась вперед без остановок, без единого привала за день. Ни одна армия за все время войны не имела такого вкусного меню. Сочные бифштексы, свиные отбивные, жареные цыплята, ветчина с яйцами, батат в кукурузной муке, сироп из сорго — временами поход казался веселым пикником. Конечно, все изменилось, когда колонны повернули к югу, к Саванне. Здесь под ногами одного из отрядов взорвалась земля, и нескольких солдат разорвало снарядами и минами. Шерман распорядился пустить вперед пленных конфедератов. Они принялись за дело и откопали несколько мин.

Шерман провел ложные, отвлекающие маневры в сторону городов Огаста и Мейкона и беспрепятственно проскользнул мимо них — для захвата городов не было времени.

Еще когда Шерман наступал на Миллэджвилл, конфедераты выпустили заключенных из тюрьмы штата и зачислили их в воинские части, но они мало чем помогли Джорджии. Многие из них присоединились к бандитам, дезертирам, выдавали себя за кавалеристов генерала Уилера, производили налеты и занимались грабежами.

Опытные солдаты Шермана в ответ на расспросы местных жителей большей частью давали ложную информацию о дальнейшем маршруте армии. И так как газеты южан предпочитали умалчивать о действиях армии юнионистов в Джорджии, она превратилась в «пропавшую армию» и стала загадкой для всего мира. «Если Шерман действительно поставил свою армию в труднейшее положение, оторвавшись от баз, и намерен пройти через Джорджию и Южную Каролину, — писали военные эксперты в английской «Арми энд Нэйви газет», — то он этим совершил один из самых блестящих или один из самых глупых маневров, когда-либо приведенных в исполнение командующим армией». «Одно из двух: либо Шерман в результате похода будет награжден за чрезвычайную смелость и успех, или станет посмешищем и виновником самой ужасной катастрофы, которая когда-либо постигла вооруженного гостя», — так считала

лондонская «Геральд», присовокупляя, что «над ним будет глумиться человечество, а Соединенные Штаты будут унижены».

Брат Шермана, сенатор из Огайо, встревоженный сообщениями южных газет об отступлении и разгроме Шермана, примчался к Линкольну. Кто может ему рассказать о действительном положении армии? Линкольн ответил:

— Не я. Я знаю дыру, через которую он пролез, но не знаю, в какую дырку он вылезет.

Примерно недели через две после исчезновения Шермана Мак-Клюр, уходя от Линкольна, вдруг услышал:

— Мак-Клюр, не хотели бы вы услышать кое-что о Шермане?

Мак-Клюр резко обернулся, но Линкольн лишь усмехнулся.

— Черт меня побери, если я сам не хотел бы узнать о нем хоть что-нибудь.

На одном из приемов в Белом доме Линкольн пожимал руки людям, проходившим мимо него бесконечной вереницей. Подошел старый друг, которого Линкольн не мог не узнать. Но Линкольн так же безразлично пожал ему руку, как и всем незнакомым, и с таким же рассеянным видом приветствовал его. Старый друг постоял возле Линкольна и решил заговорить с ним. Президент как бы пробудился, встряхнулся, снова пожал руку другу и сказал:

— Извините, что я вас не заметил. Я думал о человеке далеко на Юге.

В ричмондских газетах не было описаний атак или эффективных действий против Шермана. Линкольна это тревожило. Впоследствии Грант писал Шерману: «Я заверил его, что с такой армией, как у вас, да под вашим командованием ничего плохого не может случиться».

6 декабря Линкольн обратился с посланием к конгрессу: «Самая замечательная особенность военных операций этого года — это попытка генерала Шермана пройти со своей армией триста миль по территории мятежников. Это должно знаменовать собой значительное увеличение наших сил и возможностей нашего главнокомандующего вести военные действия не только против врага, не только сковать все активные силы противника, но и выделить хорошо оснащенное крупное войсковое соединение для такой серьезной экспедиции. Поскольку результат еще неизвестен, мы не можем себе позволить делать какие-либо предположения».

И это все, что он сообщил конгрессу. Брукс был озадачен — ни слова о маршруте, ни об источнике, из которого можно было бы почерпнуть сведения о Шермане. Положив послание на стол, Линкольн снял очки и усмехнулся. Разочарование Брукса его

позабавило. Он добродушно сказал:

— Дорогой мой Брукс, ничего больше сказать конгрессу я не имею права.

В первоначальном проекте послания была одна странная фраза, которую могли истолковать по-разному: «Мы можем сделать вывод, что он (главнокомандующий) считает, что мы можем пойти на риск и лишиться, если нужно, всего экспедиционного корпуса, но, с другой стороны, этот поход может принести нам огромные выгоды, за которыми последует победа». Из этой фразы можно было сделать вывод, что Линкольн не разделяет, не причастен к «рискованной» операции Гранта и Шермана. Линкольн вычеркнул всю фразу.

В первых числах декабря полковник А. Маркланд, офицер штаба Гранта, отправился к Шерману с почтой. Он не знал, где он сможет передать ему пакеты, так как не знал, где он его найдет. Грант предложил Маркланду заглянуть к Линкольну и узнать, нет ли у него какого-либо сообщения для Шермана. Линкольн был на совещании, но когда ему принесли визитную карточку Маркланда, он приказал немедленно ввести его. Он встал, пошел навстречу Маркланду, пожал ему руку и сказал:

— Генерал Грант сообщил мне, что вы, полковник, едете к Шерману и что вы передадите ему любое мое послание. Скажите генералу Шерману от моего имени, где и когда бы вы его ни увидели: «Да благословит бог его и его армию!» Это все, что я могу сказать…

Он не выпускал руки Маркланда и все время смотрел ему прямо в глаза. Навернулись слезы, задрожали губы, надломился голос Линкольна. Наконец они расстались, и Линкольн не спускал глаз с Маркланда, пока тот не вышел из комнаты.

Армия, в течение 32 дней «потерянная» для внешнего мира, как писал потом Шерман, прошла уже 3G0 миль и оставила за собой одинокие печные трубы, сожженные водоотводные сооружения, разрушенные эстакады, оплакивающее свою судьбу население. По обе стороны главного маршрута колонны, начиная от Атланты на 30 мнль вправо и влево, лежала опустошенная земля. Пятитысячная кавалерия Килпатрика свирепствовала там, куда пешие части не доходили. Экономя порох, они резали свиней саблями, забивали лошадей ударом топора промеж ушей, но пристреливали каждую собаку-ищейку, каждого дога или любую собаку, которую можно было бы использовать для выслеживания беглых негров в лесах и болотах.

10 декабря правое крыло армии генерала Хоуарда находилось в 10 милях от Саванны. Хоуард послал телеграмму в Вашингтон с сообщением, что поход закончился полной удачей. Разведчики

понесли эту депешу в Порт-Ройал, Южная Каролина, затем по телеграфным проводам вечером 14 декабря эти хорошие вести достигли Вашингтона. Лишь на следующий день Галлек передал Линкольну это сообщение, которое гласило: «Пока все еще продвигаемся. Успех полный. Войска в прекрасном моральном состоянии. Генерал Шерман недалеко от нас».

Эти новости молниеносно распространились по всему Северу. По улицам городов, по дорогам и полям всей страны летела ликующая весть, что Шерман достиг Саванны. От Бостона до Каунсил-Блафс и дальше на запад раздавались торжествующие клики и произносились благодарственные молитвы.

13 декабря Шерман поднялся со своими штабными офицерами на крышу рисоочистительного завода; они глядели на море, где должен был появиться флот, и в сторону опушки леса, где стоял 15-й корпус, готовый двинуться на форт Мак-Алистер. Форт господствовал над рекой, очень важной для переброски флотом припасов в армию Шермана, если бы флот пришел, как было запланировано. В течение долгих часов Шерман и его сподвижники стояли на вахте. Лишь к вечеру вырисовалась труба над горизонтом, а еще через некоторое время флажки запросили: «Кто вы?» — «Генерал Шерман», — ответили флажки с крыши рисоочистительного завода. «Форт Мак-Алистер вами захвачен?» — спросили с корабля. «Нет еще, но через минуту мы будем там».

Эти переговоры как будто послужили сигналом для частей генерала Уильяма Хэйзена; старая шерманская дивизия из Шайло вышла из укрытия, снайперы выскочили вперед, залегли и начали выбивать вражеских артиллеристов. Части северян пошли в атаку под градом пуль, осколков снарядов и опрокинули ряды обороняющихся. Вскоре северян увидели танцующими на парапетах форта Мак-Алистер.

При бледном свете луны того же 13 декабря Шерман отправился на быстроходном ялике к кораблю «Дандилион», и не успела наступить полночь, как он уже писал донесения, которые через пять дней должны были попасть в руки Стентону, Галлеку и Линкольну, — кое-что из этих сообщений было потом передано для всеобщего сведения миру, жаждавшему новостей и достоверных фактов.

Когда Шерман вернулся к своей армии, его встретил полковник Маркланд с почтовыми мешками. Солдаты и офицеры вопили от восторга, потрясая первыми письмами из дома после перерыва в несколько недель. Глаза Шермана засветились, когда Маркланд передал ему слова Линкольна.

Саванна пала. Ее девятитысячный гарнизон под командованием генерала Харди ускользнул к северу в ночь на 20

декабря. Шерман отправил донесение Линкольну: «Разрешите предложить вам в качестве рождественского подарка город Саванну со 150 пушками и большим запасом снарядов, а также около 25 тысяч кип хлопка». На следующий после рождества день Линкольн отправил на Юг письмо Шерману: «Когда вы еще только выступали из Атланты к побережью Атлантики, я волновался за вас, если не сказать, что просто боялся. Но, чувствуя, что вы лучше разбираетесь в этом вопросе, и помня, что «не рискнешь — не приобретешь», я не препятствовал. Теперь, когда ваша предприимчивость принесла успех, весь почет принадлежит вам, ибо я считаю, что никто не решится на большее, чем дать свое согласие… Пожалуйста, передайте мою благодарность всей вашей армии, офицерам и солдатам». Остатки сомнений у Шермана в отношении к нему Линкольна растаяли. Доверие Линкольна к нему и Гранту усилилось. Отныне эта тройка сомкнулась еще теснее.

В тот момент Стентон отказался присоединиться к ним и радоваться в духе веселого рождества. Он написал Гранту: «Я горько разочарован тем, что Харди с его 15 тысячами удалось уйти от Шермана с его 60 тысячами. Из-за того, что армии противника уходят от разгрома, война продлится еще долгое время».

Военные действия в Теннесси носили странный и сложный характер. Они не отличались драматической простотой, сопутствовавшей походу Шермана. Генерал Шофилд писал Шерману, что на их долю в Теннесси выпал весь труд, в то время как на долю Шермана в Джорджии пришлись все удовольствия. Когда Шерман уже был в пути, Шофилд пытался со своими 29 тысячами присоединиться к генералу Томасу в Нашвилле. Ему пришлось выдержать бой с 41-тысячным корпусом конфедерата Худа вблизи города Франклина. Фронтальные атаки Худа были отражены, причем Худ потерял 6 тысяч, а федералисты только 2 300 человек. Шофилд отступил. Худ его преследовал. Шофилду все же удалось соединиться с Томасом в Нашвилле. Там Худ остановился со своей армией численностью теперь уже не более 26 тысяч. В рапорте от 11 декабря он сообщал, что склонен «заставить неприятеля в?ять инициативу на себя».

Вашингтон забеспокоился. 2 декабря Стентон телеграфировал Гранту: «Президента заботит склонность генерала Томаса держать войска на линиях фортификаций в течение неопределенного периода… Президент просит вас заняться этим делом». В тот же день Грант дважды посылал Томасу приказы, в которых требовал от него начать наступление. Томас ответил, что, вероятно, через два-три дня он будет готов.

8 декабря Грант телеграфировал Галлеку: «Если Томас еще не нанес удара, следует приказать ему передать командование Шофилду. Для отражения атаки нет лучше человека, нежели Томас, но я боюсь, что он слишком осторожен, чтобы когда-либо первому решиться на наступление».

Грант получил ответную телеграмму от Галлека по этому очень важному вопросу. Видимо, предварительно ее внимательно просмотрел или даже редактировал президент: «Если вы хотите освободить генерала Томаса, отдайте приказ. Однако ответственность будет целиком на вас, так как здесь никто, насколько мне известно, не хочет снимать Томаса».

Того же 8 декабря Грант сделал еще одну попытку. Он телеграфировал Томасу: «Почему бы не ата-[1] ковать немедленно?» Но Томас все еще медлил. У Худа было в 4 раза больше кавалеристов, чем у него; Томас занимался ремонтом и надеялся довести число конников до 6 тысяч. Он телеграфировал Гранту, что в концентрации войск и в транспорте «я сделал все возможное». Грант, получив эту телеграмму 9 декабря, телеграфировал Галлеку, что ввиду того, что Томас до сих пор не перешел в наступление, «пожалуйста, телеграфно прикажите немедленно отстранить Томаса и назначить командующим Шофилда». Приказ был оформлен. Прежде чем телеграфировать в Нашвилл, Галлек спросил Гранта, настаивает ли он на отправке телеграммы. Грант ответил: «Задержите приказ до тех пор, пока мы не узнаем, что он собирается предпринять».

Томас созвал своих командиров корпусов и известил их о получении приказа атаковать Худа. Генералы согласились с ним, что их командующий не должен начинать бой, имея перед собой скользкие горы Нашвилла, до тех пор, пока все не будет подготовлено. Грант, не получив сообщений о начале наступления, телеграфировал 11 декабря: «Никаких дальнейших задержек». Томас ответил: «Выполню приказ при первой возможности. Вся местность покрыта слоем льда и слякоти». Он атаковал бы «вчера, если бы не было бури».

13 декабря Грант приказал Логану отправиться в Нашвилл и принять командование. Логан выехал. Вслед за ним сам Грант, впервые после того как он стал генерал-лейтенантом, отправился в путь на запад, в Теннесси, чтобы лично возглавить операции. Грант доехал до Вашингтона, Логан был уже в Луисвилле, штат Кентукки, откуда до Нашвилла оставалось меньше дня пути. Оба получили известие о том, что Томас бросил свои войска против армии Худа.

Впоследствии Худ писал: «Впервые мне довелось увидеть армию конфедератов, которая бросала свои позиции в таком

беспорядке». Ни один разгром в этой войне не был таким сокрушающим. Одним из факторов, способствовавших победе, была кавалерия, из-за формирования которой Томас так долго медлил. Армия Худа как боеспособное соединение перестала существовать. Лишь отдельные подразделения, насчитывавшие в общем около 15 тысяч человек, были сохранены благодаря военному искусству генерала Фореста.

Шерман гордился победой своего друга «старины Тома». Ему предстояло описать это сражение в будущем как единственное в этой войне, в процессе которого «целая армия была уничтожена». В обращение была пущена метафора: «Скала Чикамоги превратилась в кувалду Нашвилла». Многие поспешили поздравить Томаса, в том числе Грант, Шерман, Стентон, Шеридан; поздравление пришло и от Линкольна 16 декабря: «Прошу вас, ваших офицеров и солдат принять благодарность нации за прекрасную работу, проделанную вчера. Вы легко можете добиться великих достижений. Не дайте им ускользнуть из ваших рук». Назначение Томаса на вакантную должность генерал-майора регулярной армии подписали Грант и Линкольн.

Грант старался координировать действия своих войск с таким расчетом, чтобы разгромить существовавшие тогда три армии конфедератов. После победы Томаса их осталось только две.

В это время на Севере бушевала пропагандистская кампания, целью которой было добиться отмщения за бесчеловечное обращение с пленными в лагерях южан. Они умирали от голода. Они ходили в отрепьях, их раны гноились, они превратились в живых скелетов. Самый страшный лагерь находился в Андерсонвилле. Пленные там сходили с ума либо кончали жизнь самоубийством, намеренно переходя линию, за пределами которой стражники пристреливали пленных, как за попытку к бегству.

Если бы Линкольн хотел отомстить Югу, если бы он присоединился к Таду Стивенсу и к той могущественной группе, которая намеревалась отомстить и наказать правящие круги Юга, он не мог бы пожелать более веской причины, чем Андерсонвилл. Он мог бы вызвать такую бурю ненависти, какой еще не было за все время войны.

Линкольн намеренно избегал дискуссий на эту тему. Наиболее остро вопрос стоял на четвертом году войны. В начале войны имело смысл использовать ненависть северян для того, чтобы сразу добиться наибольшей отдачи, но теперь к концу военной кампании ничего хорошего она не принесла бы — Линкольн надеялся на примирение и восстановление страны после войны. Поэтому он предпочел помолчать.

Линкольну твердили, что справедливость требует жестокого ответного удара, что нужно в отместку так же плохо обращаться с пленными конфедератами. Карпентер вспоминает прочувствованный ответ Линкольна конгрессмену М. Оделу:

— Как бы другие ни поступали, что бы они ни говорили, я не могу морить голодом людей. Я никогда не смогу и никогда не захочу быть причастным к такому обращению с людьми.

А в общем статистика показывала, что из каждой сотни пленных конфедератов умирало 12, а из сотни пленных юнионистов — 15.

Внутренние. раздоры угрожали существованию конфедерации в значительно большей степени, нежели голоД и отсутствие снабжения. В ноябрьском послании президента Дэвиса конгрессу конфедерации сквозило отчаяние, вызванное заговорами, изменами, шпионажем в собственном доме. Решения администрации любого штата оказывались более авторитетными и важными для жителей данного штата, нежели любые обращения ричмондского правительства. Убежденность в незыблемых правах штата, так же как и острая нужда в предметах широкого потребления или очередное военное поражение, подтачивали и отнимали жизненные силы у конфедерации.

Ричмондская газета «Виг» предложила отвергнуть название «Конфедеративные Штаты» и заменить его новым: «Объединенные нации объединенных республик». «К сожалению… наша конфедерация не представляет единого народа, это лига наций».

Когда пришло известие о разгроме и паническом бегстве армии Худа, некая миссис Чеснат записала в своем дневнике: «Я в полном оцепенении… Если нам предстоит потерять наших негров, пусть уж лучше их освободит Шерман, а не конфедеративное правительство. Освобождение негров — последний пункт помешательства конфедеративного правительства».

2. Конец тяжелого 1864 года

25 ноября 1864 года в 11 нью-йоркских отелях почти одновременно возникли пожары. Их быстро потушили нерастерявшиеся служащие. В саду Нибло, где 3 тысячи зрителей смотрели спектакль, поставленный в музее Барйума, а также в театре «Винтер-Гарден» раздались ужасные вопли: «Пожар!» Хладнокровные люди умерили размеры паники и потушили огонь. В этом эпизоде сыграл свою роль «двойник» — агент федеральной разведки, который доставлял предписания ричмондского правительства тайным агентам конфедератов в Канаде и который передал Стентону, Дана и Линкольну информацию, позволившую арестовать поджигателей. Одного из них повесили, остальных отправили в тюрьму.

Некто Джейкоб Томпсон, получивший от ричмондцев сумму в 300 тысяч долларов, действовал из Канады. Возможно, он надеялся, что ему удастся создать диверсионный шедевр в Чикаго. По его плану ночью 8 ноября по окончании выборов члены общества «Сыны свободы» должны были напасть на Кемп-Дуглас, освободить и вооружить 8 тысяч пленных конфедератов, «перерезать телеграфные провода, сжечь железнодорожные вокзалы, захватить банки, склады оружия и боеприпасов, обосноваться в городе и приступить к освобождению пленных конфедератов в Иллинойсе и Индиане».

Однако комендант Кемп-Дугласа своевременно узнал о заговоре и за два дня до выступления диверсантов арестовал заговорщиков. Один из них был приговорен к смертной казни, а остальные к тюремному заключению.

Было ли применение этих приемов южанами следствием их отчаяния и упадка духа? Ведь в начале войны они и не думали об использовании такой тактики.

Все способные воевать пошли на фронт, писала миссис Чеснат, «дома остались только старики и мальчики». Перед ней лежала газета, в которой перечислялись граждане Южной Каролины, убитые и раненные в битвах с частями Гранта. Сообщение о том, что Грант получил в один прием подкрепление в 25 тысяч человек, передернуло ее. «Старик Лин-, кольн на своем своеобразном жаргоне лесного человека говорит: «Продолжайте клевать их». А нам остается лишь признать себя расклеванными».

В Ричмонде она сделала покупки и уплатила «30 дол. за пару перчаток, 50 дол. за пару комнатных туфель, 24 дол. за 6 катушек ниток, 32 дол. за 5 жалких, захудалых носовых платочков». Немного времени спустя в Ричмонде будут говорить: «Идя на

базар, вы берете полную кошелку денег, а все покупки приносите домой в кармане. По мере того как из месяца в месяц деньги конфедератов все больше обесценивались, все более печальным и жалким становилось дело южан».

Президент Дэвис рекомендовал своему конгрессу призвать рабов в ряды армии конфедератов. Для Севера и Европы это был знаменательный факт. По этому плану 400 тысяч боеспособных, вооруженных негров можно было бы бросить против армий федералистов. Рабство не отменялось, но призванные негры получили бы свободу. Различные группы в конгрессе конфедератов вежливо, но с нескрываемым презрением предлагали другие способы пополнения редеющих рядов армии.

В четвертый раз за время войны пришел декабрь. Линкольн готовил послание для конгресса.

3 декабря президент прочитал его своему кабинету министров. Материалы, представленные некоторыми министрами, фигурировали в послании неизменными, слово в слово. Уэллес писал: «В одном параграфе намечалась поправка к конституции, в которой предлагалось официально признать существование бога. Этот параграф не вызвал ни одного положительного отклика у министров. Прежде чем зачитать его, президент сам выразил свои сомнения, ибо этот параграф был ему навязан определенными кругами церковников».

Международное положение США было удовлетворительным. Предполагалось продать республике Либерия канонерку в рассрочку; намечалось проложить подводный телеграфный кабель в Атлантике; в Китае при содействии западноевропейских государств американцы подавили восстание; два порта во Флориде и один в Виргинии стали доступны для торговых судов, куда им было «выгоднее и безопаснее» заходить, нежели заниматься прорыванием блокады.

До сих пор в послании звучали идеи Сьюарда. Рука Линкольна проявилась, когда зашла речь о торговле черными рабами. «Что касается меня, то я не остановлюсь перед применением власти, совместимой с долгом президента и международными законами, для того чтобы не дать убежища в Соединенных Штатах врагам рода человеческого» (торговцам рабами).

Министерство финансов собрало более одного миллиарда долларов и почти столько же потратило на армию и флот. «Еще больше увеличить налоги» — это, очевидно, была точка зрения министра Фесендена, с которой Линкольн согласился.

Линкольн совершенно не упомянул термин «реконструкция». Слишком много недоверия вызывал этот термин. Однако

президент подтвердил, что в штатах Арканзас и Луизиана, по 12 тысяч граждан в каждом, «организовали лояльные правительства штатов, создали свободные конституции и добросовестно стараются соблюдать их и самоуправляться».

Президент уделил место и слухам о мирных переговорах: «По здравом размышлении… ясно, что… переговоры с лидерами мятежников никаких положительных результатов не дадут…»

В то же время Линкольн оставлял как будто само собой подразумевающееся мнение о том, что, как только война кончится, сам он употребит всю свою власть для того, чтобы помочь южанам и поддержать тех из них, которым придется считаться с наличием в Вашингтоне горящих местью врагов: «Помилование и отмена конфискаций, однако, останутся привилегией верховной власти».

В отношении рабства президент высказался кратко, но более решительно, чем в любой другой части послания: «Повторяю заявление, сделанное мной год тому назад: пока я остаюсь на посту президента, я не сделаю никаких попыток отказаться или изменить смысл Декларации об освобождении, я не сделаю рабом ни одного человека, объявленного свободным в соответствии с условиями этой Декларации или постановлений конгресса. Если народ любым способом или формой решит, что обязанность президента вернуть в рабство этих людей, не я, а кто-нибудь другой будет орудием его воли».

Суховато, с чисто линкольнской невозмутимостью и законченностью звучал заключительный параграф, чуть окрашенный своеобразной иронией: «Утверждая, что существует единственное условие мира, я просто имею в виду, что наше правительство прекратит военные действия, как только их прекратят те, кто начал войну».

Этот документ получил самое широкое распространение. Армии федералистов понесли его в те районы конфедерации, где местные газеты не перепечатали послание из прессы Севера. Его обсуждали и штудировали в государственных учреждениях и на улицах Европы.

Анонимный друг Линкольна в лондонском «Спектэйторе» охарактеризовал это послание президента, как «более бесстрастное, более тонкое и вместе с тем более твердое, чем любое предыдущее». Условия мира, предложенные Линкольном, «точно такие же, какие любая европейская монархия обычно предлагает мятежникам». Его военная политика была такой же, как у римских патрициев, которые «щадили покорных, но добивали заносчивых». Его амнистия была обещана всем.

19 декабря бесстрастно, чисто информационно, как бы между

делом, президент объявил о призыве в армию еще 300 тысяч человек.

После ноябрьских выборов пошли упорные слухи о том, что президент вскоре наметит другого министра вместо Стентона. Полковник Портер, адъютант Гранта, записал, что президент в беседе с главнокомандующим сказал, что, «если будет намечаться замена, он прежде всего даст возможность генералу высказать свое мнение». Грант ответил Линкольну, что он «сомневается, можно ли подобрать такого умелого человека, как теперешний министр». Грант лично был убежден, что Стентон «робкий» вояка, слишком свободно обращающийся с его телеграммами, но он не видел никого, кто мог бы соответствовать требованию момента.

А Стентон, хотя его здоровье пошатнулось, считал себя прообразом войны, метателем молний.

Однажды вечером он занял позицию у порога телеграфной комнаты военного министерства. Линкольн сидел у стола и писал. Стоя в проеме двери, Стентон принял воинственную, прямо-таки вулканическую позу. Телеграфист Чэндлер описал последовавшую сцену: «Мистер Линкольн вначале не замечал Стентона. Когда он кончил писать и поднял голову, он увидел министра. Он низко поклонился и произнес с очень серьезным видом:

— Добрый вечер, Марс».

Появились слухи, что предполагается перетряхнуть кабинет. Однако все это оказалось пустой болтовней. Линкольн вовсе не намеревался прибегнуть к метле.

— Я решил сделать как можно меньше замен чиновников министерств, когда настанет второй срок моего президентства, — сказал он одному посетителю. — Думаю, что я не побеспокою ни одного человека, если только он не совершит какого-нибудь проступка. Снять человека очень легко, но когда нужно посадить другого на его место, то набиваются десятка два желающих и из них девятнадцать обязательно становятся моими врагами.

Кому народ дал мандат, если судить по результатам выборов: конгрессу или президенту? Должен ли был конгресс бросить вызов президенту и урезать его права? Проверка состоялась в середине декабря. Генри-Уиптер Дэвис внес резолюцию, согласно которой конгрессу предоставлялось «конституционное право авторитетно высказывать свое мнение» в иностранных делах, а «конституционная обязанность президента иметь в виду это мнение… при дипломатических переговорах».

Не прибегая к обсуждению резолюции или к изучению вопроса, конгресс приступил к голосованию предложения члена палаты Фарнсворта отложить обсуждение резолюции Уинтера

Дэвиса. Предложение было принято 69 голосами против 63 при 50 воздержавшихся.

Таким образом, в середине декабря 1864 года уважение и приверженность конгресса Линкольну висели на волоске: 50 человек колебались, не приняли решения, болели или не были заинтересованы в исходе голосования. Почти все голосовавшие за него принадлежали к его партии, против него — члены оппозиции в равном количестве, объединившиеся с членами его же партии. Большинство воздержавшихся также принадлежало к его партии.

Тад Стивенс знал, что демократы осуждали «решимость президента настаивать на отмене рабства». Когда ближайшие сподвижники президента упрашивали его пойти на компромисс, он отказывался. «С момента избрания Линкольна президентом он никогда не пользовался таким почетом у народа, как сейчас». Стивенс очень опасался, что если вести войну при помощи компромиссов и уверток, то борьба может кончиться без искоренения рабства.

Джон Памер, демократ-юнионист из Иллинойса, однажды прождал все утро в приемной Белого дома, пока ему не разрешили, наконец, войти к президенту. Как Памер потом рассказывал, Линкольн в этот момент был во власти брадобрея. Линкольн крикнул:

— Входите, Памер, входите! Вы свой. В вашем присутствии я могу даже бриться, чего я не могу сделать при других. А хоть изредка, но побриться ведь мне нужно?

Они поболтали о том, о сем, и под конец Памер откровенным и общительным тоном сказал:

— Мистер Линкольн, если бы кто-нибудь мне сказал, что в годину испытаний, такую, как сейчас, народ изберет президентом адвоката в одну лошадиную силу, выходца из городка в одну лошадиную силу, я бы этому не поверил.

Линкольн резко повернулся в кресле — лицо в мыле, полотенце под подбородком. Памеру поначалу показалось, что президент рассердился. Отстранив брадобрея, Линкольн нагнулся к Памеру и положил руку на его колено.

— И я бы не поверил, — сказал он. — Но это был момент, когда человек с твердой позицией оказался бы смертельно опасным для страны. У меня никогда не было раз навсегда установленной политической линии. Просто я, когда наступал новый день, старался сделать все как можно лучше.

Нельзя было пройти мимо действительной любви к своему Союзу, царившей в тысячах семейств; они в самом деле ненавидели рабство; со слезами на глазах, но тем не менее с

готовностью посылали они своих сынов испытать счастье в борьбе со смертью на поле брани. Война означала не только грязь, разрушение и коррупцию.

Начиная с первой торжественной речи при вступлении в должность Линкольна не оставляло чувство смешного; хотя он иногда и фигурировал в роли комедианта, но с течением времени он постепенно начал более остро разбираться в тех возможностях, которые он мог использовать, применяя подобающим образом власть президента. Он научился наилучшим образом публично облачаться в мантию власти и выступать в ней как серьезный трибун. Он верил, что высокая должность обязывала его убедить членов конгресса, что описание «испытания огнем», которому они все подвергались, займет свое место в анналах истории и исполнители драмы будут оценены соответственно их роли.

В Геттисберге он выполнил сложный церемониал. В 1864 году в течение многих месяцев его авторитет держался на волоске, и он знал, что в тот период лучше было не подавать никаких реплик, а молчать; его так и не смогли заставить выступить с заявлением.

Одна из речей президента стала в декабре достоянием масс, и дошла она до них несколько необычным путем. Он вызвал к себе Ноа Брукса, чтобы тот «выслушал рассказ». Когда Брукс пришел, Линкольн еще дописывал его. Он попросил Брукса подождать. Линкольн утопал в комфортабельном кресле, он сидел в нем, скрестив ноги, на колене лежал листок бумаги. Вскоре он его отдал Бруксу. Заглавие было подчеркнуто. Оно гласило: «Последняя, самая короткая и самая лучшая речь президента».

На прошлой неделе, в четверг, две дамы из Теннесси пришли к президенту с просьбой освободить их мужей — военнопленных, находящихся на острове Джонсон. Им предложили прийти в пятницу, и, когда они пришли, их попросили прийти в субботу. В процессе всех переговоров одна из дам подчеркивала, что ее муж человек религиозный. В субботу президент приказал освободить военнопленных и затем сказал этой даме:

— Вы говорите, что ваш муж человек религиозный. Когда вы его повидаете, передайте ему мои слова: я не считаю себя судьей в вопросах религии, но мне кажется, что та религия, которая поднимает людей на мятеж и войну против своего правительства только потому, что они полагают, что это правительство, по их мнению, недостаточно помогает некоторым людям есть хлеб, который другие зарабатывают в поте лица своего, не есть религия, способствующая верующим попасть в рай!

Он сказал Бруксу, что желательно снять копии с этого листка и отправить его для печати в вашингтонскую «Кроникл».

— Не задерживайте этот рассказ, — добавил он. — У меня детский каприз — хочу увидеть его в газете как можно скорее.

Брукс отнес листок в редакцию «Кроникл», и заметка была потом перепечатана многими газетами. Брукс отметил, что «Линкольн получил от этого пустячка необычайное удовольствие».

Настал канун Нового года, четвертый Новый год, который Линкольн встречал в Белом доме. В первый канун. Мак-Клеллан с великолепно подготовленной армией, не предпринимая военных действий, отошел на зимние квартиры; позорный разгром при Булл-Рэне не был искуплен, и Северу еще предстояло уверовать в свои силы. Ко второму кануну Нового года в активе уже были утомительная кампания на полуострове, успешный захват форта Донелсона, Нового Орлеана, кровавая битва у Шайло; но был и второй позор у Булл-Рэна, безрезультатное сражение между Мак-Клелланом и Ли у Антьетама. Пройденным этапом было предварительное объявление об освобождении негров, медлительность Мак-Клеллана и отстранение его от командования, ненужная бойня у Фредериксберга.

Третий канун Нового года пришел со своим итогом: объявление о полном освобождении рабов, разгром под Чанселорсвиллем, бунт из-за призыва в армию и негритянские погромы в Нью-Йорке, поворотный пункт войны под Геттисбергом и Виксбергом, недовольство результатами боев у Чикамоги, речь в Геттисберге, начало заката конфедерации.

И вот наступил канун четвертого Нового года. В памяти еще свежо было назначение Гранта главнокомандующим всех, армий юнионистов, прыжок в пустыню и поход через Спотсильванию, Колд Харбор, Питерсберг, во время которого Грант безжалостно наносил превосходящими силами удары по войскам Ли; в то же время серые всадники Эрли дошли до ворот Вашингтона — дымы их костров были видны из окон Белого дома. Затем Шерман взял Атланту, совершил поход к морю и захватил Саванну, а Шеридан рассеял под Шенандоа армию Эрли; Томас стал кувалдой, которая сломала армию Худа, и это был первый за всю войну крупный разгром конфедератов; флот потопил «Алабаму», захватил Мобайл и туже затянул петлю на всех входах в порты южан. Это был важный по последствиям год: кандидатура президента Соединенных Штатов снова была выдвинута республиканской партией, несмотря на то, что против этого выступали почти все республиканцы в сенате и палате представителей. Больше того, он победил на выборах в ноябре после того, как в августе перспективы на победу казались мрачными и безнадежными.

Последний канун Нового года уже не отдавал такой горечью,

как предыдущие три. Тем не менее на горизонте нового, 1865 года появились признаки новой фазы бурных событий.

Плотникам-неграм, строившим здание школы, учительница показала гипсовый бюст Авраама Линкольна. Их высказывания произвели на учительницу большое впечатление, и она их записала:

«Он провел нас невредимыми через Красное море».
«Его мысли глубоки, как само море».
«Он царит над Соединенными Штатами».
«Ему бы царствовать над всем миром».

Среди зевак у Белого дома стояли группы негров, как будто случайно очутившиеся здесь и наблюдавшие интересное зрелище. В течение почти двух часов они там шатались, поглядывая на входивших в Белый дом и выходивших из него. Среди негров были хорошо одетые и люди в отрепьях.

Наконец негры решили, что наступил момент и им войти в дом. Почему бы и нет? Неужели их кто-нибудь вышвырнет оттуда? Уж во всяком случае, не тот, кого они жаждали увидеть. Репортер нью-йоркской «Индепендент» сообщил: «Два часа подряд Линкольн пожимал руки «суверенных» негров и очень устал: его рукопожатие ослабело; но вид этих необычных посетителей помог ему собрать последние силы, и он сердечно приветствовал эту разношерстную толпу, которая бурно проявляла свое чрезмерное ликование. Негры смеялись и плакали, плакали и смеялись. Слезы застилали им глаза. Они восклицали: «Благослови вас бог!», «Боже, благослови Авраама Линкольна!» Те, кто видел эту сцену, не скоро ее забудут…»

3. «Свободны навсегда» — тринадцатая поправка

Более 1 миллиона 300 тысяч негров были освобождены «правительством Линкольна либо в результате военных действий», — констатировала статистическая таблица филадельфийской «Норт Американ» в ноябре 1864 года. Каждый негр из трех теперь был свободен, но согласно федеральной конституции они по-прежнему оставались рабами; из всех штатов только два — Миссури и Мэриленд — легализовали освобождение.

В декабре Линкольн обратился с посланием к последней сессии конгресса — президент настаивал на освобождении негров не только по закону; он требовал соответственного изменения конституции. «Предлагаемая поправка к конституции» была принята сенатом, но не прошла в палате представителей, так как не набрала необходимых двух третей голосов.

Итак, сенат не подведет. Там 13 демократов присоединились к тем четырем, которые голосовали вместе с республиканцами год тому назад. А палата вызывала сомнения. В течение многих месяцев Линкольн считал, что большинство там будет незначительным или, во всяком случае, недостаточным. Именно с этой целью он подготовил включение в Союз Невады с ее дополнительными голосами. Он вызвал к себе Чарльза Дана и предложил дары в виде права назначения на должности. Узнай об этом противники, они подняли бы шумный скандал. Линкольн вернулся к этому вопросу, когда снова возник кризис и только два голоса нужны были для того, чтобы собрать в палате нужные две трети голосов. Депутат Джон Аллей записал: «Он вызвал к себе двух членов палаты, предварительно заявив своим помощникам, что нужно получить голоса этих двоих. Его спросили:

— Каким образом?

— Я президент Соединенных Штатов, — сказал он, — облеченный огромной властью. Поправка к конституции о запрещении рабства определяет судьбу на все будущие времена не только миллионов рабов сегодня. но и миллионов людей еще не рожденных. Это шаг такой важности, что эти два голоса нужно добыть. Я предоставляю вам решить, как это сделать; но помните, что я — президент Соединенных Штатов, облеченный неограниченной властью, и я рассчитываю получить эти голоса.

Джентльмены поняли значение этих слов. И необходимые два голоса были добыты».

Сдержанность Аллея говорит о том, что были такие подробности, которые он предпочел не опубликовывать.

Один из крупнейших рабовладельцев Миссури, Джеймс Ролинс, неоднократно беседовал с президентом о предлагаемой поправке к конституции. В первых числах января Линкольн сказал Ролинсу:

— В этом моя главная надежда, основная уверенность в скором окончании войны. Вас — старого вига и друга — я просил прийти, чтобы лично обратиться к вам с просьбой голосовать за поправку. Наша победа будет зависеть от нескольких считанных голосов.

Ролинс не заставил себя ждать с ответом. Президенту незачем было специально посылать за ним.

— Хотя я… имею несчастье быть одним из самых крупных рабовладельцев графства, в котором проживаю, я уже сам решил голосовать за эту поправку, — сказал он.

И как Ролинс потом рассказывал: «Он поднялся из кресла, схватил меня за руку и крепко ее потряс.

— Я счастлив слышать это, — сказал он».

Президент затем поинтересовался точкой зрения других депутатов от Миссури. Ролинс перечислил известных ему противников и сторонников поправки. Узнав, что Ролинс в хороших отношениях со всей делегацией от Миссури, президент предложил ему «поговорить с теми, кого можно убедить голосовать за поправку», и в ближайшие дни сообщить о перспективах. Конгрессмен Ролинс обещал это сделать.

Самнэр внес несколько биллей с целью обуздать аппетиты сборщиков налогов в Нью-Джерси. Были также затронуты интересы владельцев железных дорог, и они искали соглашения с Самнэром, предлагая ему взять обратно свои билли, хотя бы на время, взамен чего депутаты-демократы от Нью-Джерси согласятся голосовать за поправку.

31 января галереи палаты были переполнены; собирались под приглушенный гул взволнованных голосов. После проведения формальностей было предложено принять решение по объединенной резолюции о внесении поправки к конституции, объявляющей вне закона «рабство или ненамеренное порабощение».

Ашли неоднократно уступал свою очередь, предоставляя слово демократам Арчибалду Мак-Алистеру и Александру Кофроту из Пенсильвании, Герику из Нью-Йорка. Все они высказались «за». Джонсон из Пенсильвании протестовал против этой процедуры, заявив, что это походит на произвол: «Джентльмен занимает трибуну, но раздает свое время для

выступления частями, кому хочет». Спикер Колфакс выступил в защиту тактики Ашли и зачитал соответствующий параграф правил.

Так во взаимных пререканиях демократов уходило время, и, наконец, часы показали три. Спикер объявил, что пора голосовать. Из республиканцев не выступил никто. Они пришли только голосовать.

На галерею набилось столько народу, что всем пришлось стоять. Все коридоры и вестибюли были переполнены. Собравшихся интересовало одно: соберет ли поправка две трети голосов? На галерею журналистов пробилась «толпа богато одетых женщин», как охарактеризовал их Ноа Брукс. Представители прессы «любезно» уступили свои места дамам в кринолинах. Скопом пришли все сенаторы. Среди зрителей присутствовали важные с виду четыре помощника судей верховного суда и очень нервничавший верховный судья Чэйз.

Приступили к поименному голосованию по алфавиту. Первые четыре республиканца голосовали «за», и в этом ничего удивительного не было. Вызвали демократа из Коннектикута. Он крикнул: «Да!» Последовал взрыв аплодисментов на галерее. Аплодировали и республиканцы. Спикер постучал молотком. Возбуждение несколько улеглось. Снова можно было расслышать голос клерка. По мере оглашения фамилий республиканские «да» воспринимались спокойно. Но стоило демократу произнести «да», как грохотали аплодисменты, раздавались крики приветствия, слышался смех, вырывались наружу с трудом сдерживаемые чувства. 11 демократов сказали «да».

Перекличка закончилась. У подводивших итоги запрыгали в руках карандаши. Клерк шепотом передал спикеру результаты, и тот объявил, что вопрос решен положительно: 119 — «за», 56 — «против», 8 — воздержавшихся.

Лица большей части присутствовавших озарились внутренним светом, глаза сияли. Чувства нашли выход в буре оваций. Мужчины в слезах обнимали друг друга. Многие стали на скамьи и восторженно кричали. Незнакомые люди пожимали друг другу руки, хлопали по плечу. Возникло облачко из женских платочков, оно как бы плыло и колыхалось. Прошло десять минут, прежде чем этот ураган чувств утих.

На площади гремел гром, воздух разорвал залп трех батарей на Капитолийском холме. Кто-то распорядился выразить радость масс салютом из 100 орудий.

Победу дали три голоса «за». 8 демократов отсутствовали на этом заседании, как отметили Николаи и Хэй, «не совсем случайно».

Через день пришло сообщение, что Иллинойс ратифицировал поправку. Начиналась заключительная стадия принятия поправки тремя четвертями штатов. Без этого нельзя было включать поправку в конституцию.

Важный акт конгресса оставался, однако, пустым словоизвержением, пока штыки Гранта и Шермана не придадут ему необходимого веса, чтобы подкрепить санкцию конституции на отчуждение собственности на сумму в 3 миллиарда долларов.

Уильям Гаррисон выразил свою признательность в «Либерэйторе»: «Кому наша страна больше всего обязана непосредственно за эту жизненную и спасительную поправку к конституции? Я убежден, что могу с уверенностью ответить: простому дровосеку из Иллинойса, президенту, сорвавшему оковы с миллионов угнетенных, — Аврааму Линкольну».

4. Густой дым — черный дым

Плантаторы Юга, подобно героям библейского предания, увидели на стене письмена своей судьбы. Из этих слов еще нельзя было определить уготованную им участь, но уже было ясно, что будущее у них в достаточной степени мрачное.

В ту зиму у Дэвиса и Ли была последняя надежда устоять против Севера, предоставив свободу неграм, готовым воевать в рядах южной армии. Приближался час, когда конфедерация уже не сможет мобилизовать более ни одного белого. Попытки Дэвиса и Ли поставить под ружье негров блокировались экстремистами.

Сам Ли освободил в 1862 году всех рабов, которые перешли к нему по наследству после смерти тещи.

15 января поздно ночью после трехдневной бомбардировки пал форт Фишер. Последний неблокированный порт конфедератов Уилмингтон не мог ни принимать корабли со снабжением, ни экспортировать хлопок.

Военная машина северян работала теперь с меньшими перебоями. На окончательное решение Линкольну приходило меньшее количество запутанных военных дел. На многих сессиях палаты и сената война почти не упоминалась. Обсуждались главным образом вопросы строительства трансконтинентальной железной дороги, улучшения гаваней и углубления рек, прокладки каналов, предоставления земель железнодорожным компаниям и фермерам, обследования морских берегов, облегчения торговых связей между штатами, переселения индейских племен.

Мобилизация в армию проводилась более жестко, ей меньше сопротивлялись, меньше было уклонений от воинской обязанности. К дезертирам относились менее снисходительно. На острове Говернор большая толпа присутствовала при повешении любителя поощрительных премий: трижды он их получал и трижды дезертировал из армии. Недалеко от Сити-Пойнта тысячи солдат, построенных в каре, присутствовали при расстреле с соблюдением всех положенных военных церемоний солдата, который дезертировал, был помилован и снова дезертировал.

Служба информации Гранта имела большие преимущества над конфедератами. Ежемесячно тысячи дезертиров, которым надоели голодные пайки и плохие условия жизни в армии южан, переходили к северянам, где каждую ночь ждали их прихода. Дезертиров принимали достаточно приветливо, и некоторые из них не отказывались давать информацию.

Через три дня после падения Саванны старик Блэйр получил

у Линкольна карточку, на которой была написана одна фраза: «Разрешите предъявителю, Ф. П. Блэйру-старшему, пройти нашу линию фронта в южном направлении, а также вернуться». Блэйр сел на военный бот и проехал от Сити-Пойнта до Ричмонда. В Белом доме конфедератов он отобедал с Дэвисом, братался со старыми закадычными друзьями, былыми коллегами по демократической партии, с удивлением отметил, что по улицам города фланирует много годных к военной службе мужчин, которых он скорее предполагал бы увидеть в рядах армии Ли.

12 января в конфиденциальной, с глазу на глаз, беседе с президентом конфедератов Блэйр выложил ему различные предложения, которые надолго остались тайной для непосвященных. В отчете о своей беседе с Дэвисом Блэйр описал Линкольну, как он рассказал Дэвису о своих взаимоотношениях с президентом, о том, что Линкольн «избегал встречи со мной, пока я, наконец, не понял, что он не хочет выслушать мои планы, а пожелал, чтобы я отправился без объяснений целей моей поездки».

Их дружеский, но осторожный обмен мнениями дал скудный результат: Дэвис готов был послать людей на некую конференцию. Линкольн может им довериться. Дэвис написал Линкольну письмо, заключительные строки которого гласили: «… несмотря на то, что предыдущие наши попытки были отвергнуты, я готов, если вы обещаете, что наш уполномоченный, министр или другой представитель будет принят, назначить человека немедленно и возобновить попытки переговоров с целью заключения мира между нашими странами».

Линкольн вручил Блэйру письмо, с тем чтобы он показал его Дэвису: «Вы передали мне адресованное Вам письмо мистера Дэвиса от 12-го сего месяца; можете сказать ему, что я всегда был и буду готов принять любого представителя, которого он или другое влиятельное лицо, возглавляющее сопротивление государственной власти, пожелает неофициальным образом направить ко мне с целью добиться мира для нашего единого государства».

Впервые Дэвис согласился с кандидатурой Джона Кэмпбела, помощника военного министра, бывшего верховного судьи США. Кроме того, он назначил Р. Хантера, сенатора, бывшего министра штата, третьим был сам Стифенс. Все трое были «людьми мира» и скорее «пораженцами», нежели непреклонными бойцами до последней капли крови.

Стифенс со своими коллегами появился перед фронтом юнионистской армии вечером 29 января и потребовал пропуска в Вашингтон на основе договоренности с генералом Грантом.

Телеграф передал сообщение в Вашингтон, и Линкольн немедленно послал майора Экерта с письменным указанием пропустить уполномоченных с полной гарантией безопасности, если они письменно удостоверят, что готовы вести переговоры о мире на условиях, предложенных президентом в письме от 18 января, о мире в интересах «нашего единого государства». Экерт не успел доехать до места назначения. Южане перешли через линию фронта и с помощью Гранта уже продвигались по территории Севера. Линкольн поручил Сьюарду встретить уполномоченных в форте Монро. Согласно письменным инструкциям президента требовалось, чтобы Сьюард поставил перед ними три условия, обязательных для установления мира: «1. Утверждение центральной государственной власти во всех штатах. 2. Никакого отступления от позиции, занятой президентом Соединенных Штатов в вопросе о рабстве, высказанной им в ежегодном послании к конгрессу и в других предшествовавших этому документах. 3. Никакого прекращения военных действий до установления мира и роспуска всех вооруженных сил, враждебных центральному правительству».

Сьюард выехал 1 февраля; одновременно Линкольн телеграфно приказал Гранту продолжать боевые операции, невзирая на мирные переговоры.

Тем временем Экерт передал уполномоченным точные указания президента. Они отказались их принять. Казалось, миссия южан закончилась. Экерт телеграфировал Линкольну, что ответ южан отрицателен, и известил уполномоченных, что ехать в Вашингтон незачем.

Час спустя Грант отправил длинную телеграмму военному министру. Грант был уверен после беседы с Хантером и Стифенсом, что «их намерения положительны, их желания восстановить мир в Союзе искренни». Он опасался, что их возвращение без результата может создать плохое впечатление. «Я очень сожалею, что мистер Линкольн не может повидаться хотя бы с двумя из трех уполномоченных, находящихся в расположении наших войск».

Утром Линкольн посетил военное министерство, прочел первый рапорт майора Экерта и принялся за черновик телеграммы для отзыва Сьюарда. В этот момент ему вручили телеграмму Гранта. Впоследствии Линкольн писал: «Это сообщение изменило мои намерения». Он тут же телеграфировал Гранту: «Передайте джентльменам, что я лично повидаюсь с ними в форте Монро, как только я смогу туда добраться».

Президент торопился с отъездом, который ему хотелось сохранить в тайне. Даже доверенному человеку Николаи ничего

не было сказано. Однако отъезд президента стал известен. Уэллес недовольно ворчал на страницах своего дневника: «Никто из членов кабинета не был оповещен об этом шаге, и на всех без исключения это произвело неприятное впечатление».

Линкольн потом рассказал:

— Утром 3 (февраля) эти три джентльмена ступили на борт нашего парохода. Мы со Сьюардом беседовали с ними несколько часов… Мы договорились, что наша беседа носит информационный характер, и ничего не записывалось.

Сьюард послал уполномоченным три бутылки ви-. ски, хотя знал, что Стифенс выпивает за один прием не больше чайной ложечки. Хантер, проведший большую часть своей жизни в Вашингтоне, сердечно спросил Сьюарда:

— Начальник, что с Капитолием? Достроили?

Сьюард описал новый купол и огромную дверь из меди.

Стифенс напомнил слова Линкольна о том, что северяне были не меньше южан виновны в существовании рабства. Он знал северян, которые «считали, что нужно выделить 400 миллионов долларов для уплаты компенсации рабовладельцам».

Хантер сказал, что условия Линкольна, навязываемые населению Юга, дают им только право выбрать безоговорочную капитуляцию и покорность. Сьюард спокойно, с достоинством настоял на том, что «не было такого требования, как безоговорочная капитуляция», или резких слов, означающих подавление и унижение.

Совещание началось с вопроса, заданного Стифенсом Линкольну:

— Мистер президент, неужели нет способа положить конец беде… нарушившей отношения между различными штатами и частями страны?

Стифенс не решился на определение Линкольна «нашей единой, общей страны», но и отошел от термина Дэвиса «две страны».

Новостью для уполномоченных явилось известие о принятии конгрессом тринадцатой поправки к конституции.

Линкольн подчеркнул то обстоятельство, что даже если Конфедеративные Штаты согласятся вернуться в Союз, он не может вступать в соглашения с вооруженными силами, воюющими против его правительства. На это Хантер возразил, что английский король Карл I вступил в переговоры с вооруженным народом, выступившим против его правительства. Хантер долго и пространно аргументировал свою точку зрения, что мир может наступить в результате признания Линкольном права Дэвиса заключить договор.

Потом газета напечатала сообщение Стифенса об ответе Линкольна: «На лице Линкольна было то неописуемое выражение, которое обычно предшествовало моменту нанесения Линкольном сильнейшего удара». Он сказал:

— По вопросам истории я вынужден просить вас обратиться к мистеру Сьюарду — он человек грамотный. Я в этих делах не разбираюсь и даже не претендую на это. Я только ясно пом, ню одно, что в приведенном вами случае Карл сложил голову на плахе.

На этом с Хантером было покончено на некоторое время.

На совещании воцарилась тишина, когда Линкольн, как бы взвешивая слова, сказал, что некоторые вожаки мятежников, безусловно, потеряли право рассчитывать на прощение за величайшее преступление перед законом. Он даже готов сказать, что их нужно повесить за измену.

Последовала длительная пауза, во время которой Хантер долго испытующе глядел на Линкольна. Затем, приятно улыбаясь, он сказал:

— Вы знаете, мистер Линкольн, мы пришли к выводу, что, пока вы будете президентом, нас не повесят… если мы будем хорошо себя вести.

Мистер Линкольн внес определенные предложения. Он считал, что лучше всего будет мятежным штатам немедленно вернуться в состав Союза, а не идти на риск продолжения войны — этим можно усилить враждебность конгресса. Может настать день, когда мятежников будут рассматривать не как совершивших ошибку людей, а как врагов, которых необходимо истребить или разорить.

Тлевшая искорка личной дружбы между Линкольном и Стифенсом вновь разгорелась. Стифенс появился на пароходе в длинном, до пят, пальто из грубой серой шерсти. Линкольн вошел в салон и наблюдал, как карлик из Джорджии вылезал из своего огромного пальто, как он разматывал длинный шерстяной шарф и снимал с себя несколько шалей. Линкольн подошел к Маленькому Алеку, которого он не видел шестнадцать лет, улыбнулся и пожал ему руку.

— Никогда я еще не видел, как такая маленькая шишечка появляется из такой массы шелухи.

Стифенс охотно вспоминал этот эпизод, рассказывал о нем.

Совещание кончилось дружескими рукопожатиями. Народы мира с нетерпением ждали результатов беседы, орды журналистов и политических деятелей гадали о возможном исходе встречи. На прощание Линкольн сказал Стифенсу:

— Итак, мы ничего не смогли сделать для нашей страны.

Может быть, я могу сделать что-нибудь для вас лично?

— Нет, ничего.

Тут же бледное лицо Маленького Алека оживилось.

— Вот если бы вы могли вернуть мне моего племянника… Он уже двадцать месяцев пленник на острове Джонсона.

Осветилось и лицо Линкольна.

— Буду рад сделать это для вас. Дайте мне его имя.

Уполномоченные отправились на свой пароход. Затем к нему пристала шлюпка с негром на веслах: Сьюард прислал южанам корзину с шампанским. Они помахали Сьюарду платочками в знак благодарности. Тогда Сьюард крикнул им через рупор:

— Шампанское оставьте себе, но негра верните!

Поездка Линкольна в крепость Монро, слухи об этой поездке «создали форменную панику среди радикальных членов республиканской партии, которые готовились наброситься на президента, если он хоть в чем-нибудь уступит Югу», — писал в Санкт-Петербург русский посол барон де Стекль.

Между президентом и ультра-радикалами установились прохладные отношения. «Они опасаются, что теперь, после повторного избрания, он попытается освободиться от их опеки». Русский посол цитировал слова одного из «ультра», сказавшего ему. «Мы переизбрали мистера Линкольна не за его способности, а лишь потому, что он пунктуально выполняет указания партии. Он должен согласиться с нашими решениями, каковы бы они ни были, иначе мы найдем способ сокрушить его. Мы хотим полностью подавить Юг, низвести его на положение управляемой территории».

Вашингтон лопался от бешенства и любопытства. Нью-йоркская биржа нервничала и тряслась в лихорадке. Спекулянты золотом сгорали от желания действовать, но не знали, что предпринять.

4 февраля Линкольн и Сьюард доложили кабинету, что совещание кончилось безрезультатно.

5 февраля Линкольн предложил кабинету рассмотреть проект послания сенату и палате. Он предлагал предоставить ему право выплатить рабовладельцам 400 миллионов долларов за негров, которые должны быть освобождены при условии, что всякое военное сопротивление южан закончится не позже 1 апреля.

Все министры были против. Воцарилось молчание. Линкольн, несколько озадаченный сопротивлением кабинета, спросил:

— Сколько будет еще продолжаться война?

Никто не проронил ни слова, и президент продолжал:

— Сто дней. Для ведения войны мы теперь расходуем три миллиона в день. Это столько же, сколько я прошу. Но сколько

жизней будет спасено!

На обратной стороне проекта послания Линкольн написал: «Сегодня этот документ был представлен кабинету министров и единогласно отвергнут». Он поставил свою подпись. Для него это был документ, которому следовало остаться в анналах истории.

Итак, война должна была продолжаться. Величественный и не поддающийся учету по политическим последствиям жест Линкольна был отвергнут. Его ближайшие советники думали о реакции Вашингтона, конгресса, о политике; он имел в виду огромные массы простого народа Севера и Юга. Кабинет был прав в своем предположении, что руководящие политические деятели Юга будут издеваться над его предложением. Но ведь за ним стояли народные массы, которым предстояло жить и действовать тогда, когда эти политики уже будут дискредитированы как пророки и окажутся банкротами как государственные мужи.

Когда уполномоченные конфедератов вернулись в Ричмонд и доложили о переговорах, там все перевернулось вверх дном. Высказался Джефферсон Дэвис: он скорее предпочтет смерть или унижение, «нежели вновь объединиться». Презрительно кривя губы, он назвал главного врага: «Его величество Авраам Первый», — и пророчил, что конфедерация «заставит янки еще в течение этого года просить о мире на наших условиях».

Маленький Алек Стифенс расценил речь Дэвиса, как смелую, возвышенную, гордую, но он помнил атаку легкой кавалерии под Балаклавой и французов, которые подвели итог этому бесцельному жертвоприношению: «Блестяще, великолепно, но так не воюют».

Стифенс уехал домой 20 февраля и совершенно отошел от дел. Он не мог оставаться в Ричмонде и молчаливо наблюдать развертывание трагедии в условиях, когда его мнение не принималось в расчет.

Тем временем лейтенанту Стифенсу, находившемуся в тюрьме на острове Джонсон, сообщили, что президент вызывает его к себе. Президент сказал ему:

— Можете жить в нашем городе, сколько вам угодно. Когда вы захотите поехать домой, я вам дам пропуск через линию фронта.

Лейтенанта принимали у себя его и дядины старые вашингтонские друзья. Накануне отъезда Линкольн дал ему адресованное дяде письмо: «…Пожалуйста, взамен племянника пришлите мне любого офицера того же ранга, находящегося в ричмондской тюрьме, чье здоровье срочно требует его освобождения». Линкольн подписал пропуск и сделал не лишенный сентиментальности жест — он вручил лейтенанту-

конфе-дерату свой портрет.

— Возьмите эту фотографию с собой. Ведь это у вас, поди, диковина.

В сенате Уилсон из Массачусетса заявил, что Грант выиграл бы войну, если бы три месяца тому назад он получил подкрепления в 50 или 75 тысяч солдат, которые ему полагались. Уилсону хотелось обвинить президента в бездействии при мобилизации солдат для Гранта. Уилсон принял участие в согласованной попытке свалить президента и выдвинуть на первый план законодательные органы правительства.

На той же неделе Бен Уэйд заявил, что 10-процентный план президента в Луизиане оказался «самым абсурдным и недейственным из всех когда-либо поразивших фантазию государственного деятеля». Уэйд способен был бить крепко, если не всегда честно. Идеальная вежливость у него сочеталась с плавной, но оскорбительной речью.

Дулитл из Висконсина попытался защитить президента, но ему это плохо удалось.

8 февраля Стивенс потребовал, чтобы президент сообщил сенату о переговорах с конфедератами. Многие члены сената и палаты затаили угрюмое недоверие к Линкольну после его последней миссии. Ноа Брукс записал: «Демократы, добивавшиеся мира во что бы то ни стало, говорили, что наконец-то президент стал на их точку зрения. Радикалов охватило бешенство. Они горько сетовали, что президент готов был отдать с трудом добытые плоды длительной и изнурительной военной борьбы». Умеренные республиканцы, непоколебимо верившие в Линкольна, оказались в меньшинстве. Впервые с тех пор как Линкольн стал президентом, неразборчивые в средствах люди его политической партии, готовые на крайние меры, намерены были обвините Линкольна в государственной измене и предать его суду.

Радикал Джордж Джулиан предпринял первый губительный выпад. Он произнес речь, в которой представил войну как серию ошибок, главным образом со стороны правительства и главы государства.

В тот же день Уэллес, придя на заседание министров, застал Линкольна за чтением комических очерков Петролиума Нэсби.

Между тем все больше распространялись слухи, принимаемые на веру, что во время переговоров с конфедератами Линкольн на самом верху листа бумаги написал одно слово: «Союз», пододвинул лист к Стифенсу и сказал:

— Согласитесь с этим моим главным условием и тогда можете ниже изложить любые ваши мирные требования.

Отказ от Декларации об освобождении поднял у радикалов волосы дыбом.

10 февраля, во время рассмотрения палатой различных биллей, клерк объявил, что прибыло послание от президента. Немедленно были отложены все дела. Клерк начал чтение длинной серии документов, писем, донесений. Казалось, Линкольн специально выбрал самый подходящий момент. Клерк читал все: пропуск, выданный Блэйру для проезда в Ричмонд; письмо Дэвиса Блэйру, переданное потом Линкольну; ответ Линкольна Блэйру для передачи Дэвису; столкновение фраз «наше единое общее государство» и «наши две страны»; документы, предъявленные уполномоченными при переходе линии фронта; изложение их переговоров с Грантом; изложение переговоров Экерта с уполномоченными; письмо Линкольна Сьюарду, содержавшее три «обязательных» условия; приказание Гранту продолжать военные действия, несмотря на мирные переговоры; согласие Гранта с этим указанием; шифрованная телеграмма Экерта о провале переговоров; длинная депеша Гранта Стентону и изменение решения Линкольна; описание встречи в Хамптои-Корте с уполномоченными и переговоров, окончившихся ничем. Все вышеупомянутое, «содержащее, как можно надеяться, всю необходимую информацию», было почтительно предложено вниманию палаты.

Журналисты, сидевшие на галерее, отметили «абсолютную тишину», ничем не нарушенную до самого конца чтения послания. Ноа Брукс записал, что сотни людей, слушавших сидя и стоя, «внезапно окаменели». Вскоре депутаты начали обмениваться многозначительными взглядами и улыбками. Президент ни на один миг не потерял почвы под ногами, прошел через извилистый лабиринт, чреватый любыми неожиданностями, и вышел из этого испытания незапятнанным. «Когда чтение было закончено» и клерк с некоторой напыщенностью произнес подпись: «Авраам Линкольн», Брукс услышал «мгновенную и неукротимую бурю аплодисментов, захватившую депутатов; гости на галерее поддержали депутатов».

Уошбэрн предложил отпечатать 20 тысяч экземпляров послания. «Все лояльное население страны», несомненно, одобрит «мудрость и благоразумную осторожность президента Соединенных Штатов», выказанные им в этом деле.

В сенате не было такого торжественного представления документов, как в палате. Этому более важному и степенному собранию, облеченному правом ратификации международных договоров и контроля международных переговоров, была послана копия длиннющей ноты министра иностранных дел послу Адамсу

в Лондоне с изложением переговоров в Хамптон-Корте.

Старый порядок уходил. Теперь в залы верховного суда был впервые допущен негр с правом выступать в практических делах перед этим высоким трибуналом. Шла отчаянная борьба по вопросу об организации Бюро помощи освобожденным и беглым. Билль давал президенту право назначать уполномоченных для контроля работы бюро, для распределения «брошенных земель» между неграми и для выдачи денег и припасов.

Однако над всеми текущими делами доминировал вопрос о признании законного правительства Луизианы, организованного год тому назад военным комендантом округа генералом Банксом под руководством Линкольна.

Оппозиция утверждала, что новые правительства на отвоеванных у южан территориях были «призраками», а не реальностью. Преемник Банкса генерал С. Херлбэт третировал новое правительство штата Луизиана. Линкольн написал Херлбэту, что его действия делают его союзником инициаторов раскола, и предложил ему изменить свою политику.

Чудовищным было то, что жена Линкольна просила Самнэра использовать свое влияние, чтобы не допустить назначения Банкса членом кабинета.

Весь январь и февраль палата обсуждала билль Ашли; его изменяли, возвращали для доработки в комиссии, сам Линкольн и Банкс считали, что нужно вычеркнуть параграф, предоставлявший неграм в округах, находившихся под эгидой временных местных правительств, право участвовать в качестве присяжных заседателей или быть избирателями. Пять раз билль поступал на обсуждение в палату и все же при окончательном голосовании не собрал нужного большинства.

В сенате вопросы реконструкции приняли другой оборот. Стало ясно, что демократы будут голосовать против билля. Они откровенно боялись, что военное управление, руководимое республиканским правительством из Вашингтона, предоставит неграм слишком много прав. С другой стороны, пятеро республиканцев-сенаторов, примкнувших к демократам, также откровенно опасались, что новое правительство штата Луизиана, если его признают законным, откажет неграм в избирательных правах.

27 февраля сенат принял решение отложить голосование билля «до завтра». Это «завтра» никогда не наступило. На последней сессии сената противник билля Самнэр навалил на свой стол гору документов, книг, записок, папок с делами и дал слово, что будет «пиратом», то есть будет говорить и читать до момента официального закрытия сессии. Сенат сдался. Самнэр

настоял на своем. Луизиана осталась за бортом. Главная цель Линкольна — немедленно признать Луизиану — не была достигнута. Предстояло возобновить борьбу на следующей сессии.

Самнэр, упорно идя к своей цели, не грязнил имя президента. И Линкольн, в свою очередь, спокойно воспринимал нападки Самнэра на билль Ашли.

Примерно в это же время несколько конгрессме-нов-северян посетили Линкольна и потребовали в качестве возмездия повесить «мятежных» лидеров. Линкольн, наклонившись над столом, вытянув руку и ткнув указательным пальцем в сторону наиболее рьяного из посетителей, задал ему вопрос:

— Мистер Мурхед, разве вы недостаточно прожили на свете, чтобы не знать, что два человека могут честно придерживаться разных мнений по одному и тому же вопросу, причем каждый склонен считать себя правым?

1 февраля Шерман выступил из Саванны. Маршрут движения армии сохранялся в секрете. Стентон и Линкольн получили донесение, из которого явствовало, что он повернул в глубь страны. Перед выступлением Шерман сказал, что этот поход будет в 10 раз труднее и в 10 раз важнее, нежели марш от Атланты к морскому берегу.

60-тысячная армия Шермана двигалась двумя колоннами, охраняемыми кавалерийскими отрядами. Армия шла по территории штата, который первым откололся от Союза. Все реки вздулись от беспрерывных зимних дождей. Грязь и трясины покрыли поверхность земли. День за днем солдаты шли под дождем. Редко выдавался день без дождя — один из трех. Войска преодолели пять больших судоходных рек, превратившихся в стремительные потоки. Порою все солдаты армии действовали в качестве саперов; они рубили деревья, укладывали изгороди на дороги, наводили понтоны, расчищали заросли. Часто переходили реки вброд, так как не было времени строить мосты. Часами приходилось работать по пояс в ледяной воде. «Если ваша армия пойдет к чертям, она вымостит дорогу в ад бревенчатой мостовой», — сказал пленный конфедерат, наблюдавший солдат за работой.

Под командованием у генерала конфедератов В. Хамптона было около 15 тысяч солдат. Остановить вторгшихся северян они не смогли.

Официально Шерман в своих приказах, как и в Джорджии, отвергал не вызываемые необходимостью разрушения. Но как он позже писал: «Я поставил себе целью высечь мятежников, смирить их гордыню, преследовать их в самых сокровенных убежищах,

вселить в них страх и ужас перед нами».

Несомненно, что солдаты разрешали себе грабить, пускать в ход силу, жестоко издеваться больше, нежели это хотелось Шерману, но их тяжелый труд, тягостные переходы, их готовность терпеть лишения, ввязываться в бои не позволяли ему наказывать их. Сам он жил так же просто, как любой рядовой.

Фуражиры разрушили много ферм, реквизировали скот и птицу, разобрали ограды, захватили массу добра и разного провианта. Они разбирали железнодорожные пути, сжигали при малейшей возможности мосты, запасы хлопка, дома и амбары, брошенные бежавшими хозяевами. Грабители и любители поживы крали драгоценности, часы и серебро, разбивали пианино, сокрушали зеркала.

Миссис Чеснат писала: «Чарлстон и Уилмингтон сдались. Газеты теперь мне ни к чему. Никого больше видеть не хочу, никогда… Стыд, позор, нищенство, все пришло сразу, и все невыносимо — грандиозная катастрофа! Дождь, дождь на дворе; но мне остается лишь утонуть в слезах, наводнивших душу». Она не выдержала горя, сбежала по лестнице вниз, промчалась под ливнем к дому преподобного мистера Мартина, который встретил ее словами: «Мадам, Колумбию сожгли дотла».

В кровавых битвах 5, 6 и 7 февраля Грант наносил мощные удары по армиям генерала Ли, и поэтому тот не смог послать никого на поиски Шермана. 22 февраля президент приказал устроить иллюминацию купола здания на Капитолийском холме в Вашингтоне — свет на куполе и в радужно сверкавших окнах прославлял победы, одержанные в Колумбии, Чарлстоне, Уилмингтоне. Огромная территория снова была возвращена под знамя США.

5. Второе вступление в должность

Еженедельник «Лезлиз уикли» за несколько дней до произнесения Линкольном речи при вторичном вступлении в должность президента писал: «В Соединенных Штатах нет менее стоящего человека, чем Авраам Линкольн из Иллинойса. На его месте школьника выпороли бы за опубликование огромной важности документов, написанных столь убогим и не приличествующим случаю языком».

4 марта 1865 года Линкольн с утра рассматривал и подписывал билли. От Белого дома к Капитолию, вдоль по Пенсильвания-авеню, под легким моросящим дождем выстроились к параду воинские части. Порывисто дул холодный ветер. Зрители заняли места на тротуарах, покрытых клейстером из грязи. В параде участвовал и батальон негров.

В полдень стайки женщин в помятых кринолинах, запачканных юбках, в измазанных грязью кружевах и бархате кружились вокруг Капитолия. Тем не менее хорошее настроение не покидало их. На галереях сената все кресла заняли женщины. Сенатор Фут из Вермонта постучал молотком, призывая всех к порядку, но женщины продолжали жужжать, словно рой пчел.

Именитые гости шествовали к своим забронированным местам. Вошли верховные судьи в черных мантиях. Появились губернаторы, за ними члены дипломатического корпуса в расшитых золотом мундирах и белых лосинах, затем члены палаты представителей и, наконец, министры.

В середине первого ряда сидел Линкольн. Часы пробили двенадцать, и взоры всех обратились к будущему вице-президенту Эндрю Джонсону, вошедшему в сопровождении сенатора Дулитла. Джонсона формально представили собравшимся, и он произнес свою речь экспромтом. Он был в настроении, «…хотя я из простых, пусть меня считают плебеем, но разрешите мне в присутствии этого блестящего собрания провозгласить истину, что и королевские дворы и кабинеты министров, президенты и его советники — все черпают свои силы и величие в силе и величии народов».

Это, конечно, было частью обычной его речи, которую он произносил во время избирательных кампаний. Он явно переигрывал в вопросе о своем плебейском происхождении.

Гамлин счел нужным дернуть Джонсона за фалды. Одновременно клерк сената Джон Форни, с которым накануне вечером Джонсон изрядно выпил, пытался привлечь внимание оратора, чтобы подать ему знак уйти. Джонсон представлял собой

скорее печальное, нежели смешное зрелище. Лицо его покраснело, голос звучал хрипло, вид у него был потрепанный, нездоровый. В здании сената, дожидаясь в кабинете Гамлина начала церемонии, он выпил стакан виски, а перед уходом в душный зал сената он выпил еще один стакан, сказав при этом:

— Я должен собрать все свои силы перед выступлением.

Джонсон продолжал свою неудачную речь. Сенаторы-республиканцы опустили головы, будучи не в состоянии глядеть на него. Самнэр закрыл лицо руками. По словам Ноа Брукса, «спокойным и безмятежным, как летний день», был один лишь Сьюард. Стентон, казалось, «окаменел». Спид сидел «с закрытыми глазами». Сенаторы беспокойно ерзали в своих креслах. Когда Джонсон невнятно повторил присягу, он обернулся, схватил библию и, обратившись к собранию, сказал излишне громко, сопровождая слова театральными жестами:

— Я целую эту книгу перед лицом моего народа, народа Соединенных Штатов.

Линкольн почувствовал всю унизительность положения и опустил голову. Когда сенатор Гендерсон протянул свою руку Линкольну, чтобы вместе с ним принять участие в выходе на платформу на площади, сенатор услышал приказание Линкольна, отданное церемониймейстеру:

— Не давайте Джонсону выступать на площади.

Процессия двинулась к галерее Капитолия. Моросить перестало. «Над кипящим человеческим морем пронесся продолжительный громоподобный рев», — записал Ноа Брукс. Президент в сопровождении приглашенных видных политических деятелей вышел на платформу. Пристав сената поднял руки и утихомирил толпу. Авраам Линкольн стоял — высокий, худой, заметный; он выступил вперед и приготовился произнести вступительную речь. Снова и снова громыхали аплодисменты, пока, наконец, они не замерли в дальних рядах толпы. В глубоком молчании собравшиеся слушали президента.

— Соотечественники, сегодня, принимая присягу перед вторым вступлением на пост президента, нет необходимости излагать такую же большую программу, как и в первый раз… Что нового могу я вам сказать? Успехи нашего оружия, на чем базируется почти все, известны народу не меньше, чем мне… у нас хорошие перспективы в будущем, но я не отваживаюсь что-либо предсказать… Четыре года назад все с тревогой думали об угрозе гражданской войны. Обе стороны не желали войны, но одна из них готова была решиться лучше воевать, нежели допустить существование единой нации, а другая сторона готова была принять войну как необходимое условие сохранения

единства нации.

Восьмая часть населения — цветные рабы — населяла в основном южные штаты. В целях дальнейшего утверждения, распространения и усиления института рабства мятежники готовы были применить оружие и пойти на раскол нации. Обе стороны читают одну и ту же библию, молятся одному и тому же богу, обе стороны взывают к богу о помощи в борьбе против врага. Может показаться странным, что кто-либо осмеливается требовать у бога помощи, чтобы заставить других работать на них в поте лица своего; но не будем судить, дабы не быть судимы…

Мы не таим злобы против кого бы то ни было; наше милосердие простерто к каждому. Справедливость — наша опора… Мера понимания справедливости дана нам богом. Приложим все силы, чтобы закончить наше дело, залечить раны, нанесенные войной, оказать внимание тому, кто вынес на себе тяготы войны, позаботиться о вдовах и сиротах — сделать все для того, чтобы добиться и поддерживать длительный справедливый мир в нашем народе и со всеми народами мира.

Робкие аплодисменты, редкие одобрительные возгласы прерывали речь Линкольна. Репортеры отметили, что заключительные абзацы речи увлажнили глаза многих, у некоторых катились по щекам слезы, и их не стыдились.

Клерк верховного суда принес библию. Линкольн, раскрыв ее, положил руку на страницы, вслед за верховным судьей повторил официальную присягу, наклонился, поцеловал библию и снова выпрямился во весь свой рост.

Вечером в Белом доме состоялся прием. От невероятного напора толпы, запрудившей платформу, площадь и дорожки сада, мужчины задыхались, женщины падали в обморок. Начиная с 8 часов и до 11 вечера Линкольн беспрерывно пожимал руки желающим. Газеты подсчитали, что перед ним прошло более 6 тысяч человек.

Любители охотились за сувенирами. «В Восточном зале отрезали кусок красной парчовой драпировки размером с квадратный ярд. Из кружевных занавесей вырезали узоры из цветов. После приема арестовали нескольких человек, причастных к этим безобразиям», — вспоминал охранник Крук. Президента этот вандализм очень огорчил.

Из маленькой деревушки Гамильтон, Массачусетс, пришло письмо. Мэри Додж писала: «Я хочу поблагодарить вас за вашу доброту и сказать, что мы очень сожалеем, что вам придется так много трудиться еще четыре года. Но поймите, какой это будет триумф правды, какое это счастье для нашей страны… И когда придет пора отдыха, на вас будет сияние славы… благодарность и

любовь народа будет лишь малой долей той огромной награды, которой вы достойны».

6. Нескончаемый повседневный труд президента

Миссури, больше чем любой другой штат, страдал от гражданской войны, от нападений соседей друг на друга, от кочующих бандитов и партизанских отрядов, от поджигателей амбаров и ночной стрельбы. 15 января Линкольн написал генералу Доджу: «…в Северном Миссури… почти не осталось населения… обратитесь к народу с предложением вернуться к своим очагам, оставить друг друга в покое…», может быть, вывести войска из районов, где их присутствие вызывает недовольство населения. Предлагая практические меры, Линкольн выказал веру в гуманизм, для которого трудно было тогда найти оправдание в Миссури.

За четыре с лишним года Линкольн снял с должностей 1 457 чиновников из общего возможного количества в 1 639. На многих военных ответственных должностях должны были находиться вполне лояльные люди. При малейшем сомнении человека увольняли. В организацию лояльного правительства Линкольн вложил много труда.

В британских политических и журналистских кругах началась военная паника. Линкольн и Сьюард обсудили вопрос о посылке в Великобританию заверений в том, что США не собираются воевать за океаном.

Почти семь недель Линкольн работал, добиваясь прохождения тринадцатой поправки; он руководил сложной и острой конференцией в Хамптон-Роудс, потерпел тяжелую неудачу в попытке добиться признания Луизианы, поддерживал постоянный контакт с Грантом и Шерманом, решал дела военно-морского флота, торопил с посылкой свежих подкреплений на фронт, разбирался в бесконечном потоке дел военно-полевых судов, в случаях произвольных арестов подписывал ордера на арест, приказы о помиловании; назначил двух новых министров; написал вступительную речь и принял присягу на второй срок президентства; рассмотрел сотни заявлений о назначении на должности. И 14 марта впервые руководил заседанием министров, лежа в постели, — он был измучен и истощен перегрузкой в работе и сложными переживаниями.

Президент лежал в постели и в какой-то степени отдыхал. Уэллес записал, что Сьюард «предложил на утверждение приказ о высылке из страны всех нарушителей блокады и лиц, сотрудничающих с мятежниками». Обсуждалось назначение

Джона Хэйла послом в Испанию и другие дела.

Из-за упадка сил Линкольн прекратил личный прием. Вечером президент принял весьма ограниченный круг лиц.

В течение четырех лет президент часто конфиденциально и откровенно беседовал с Бруксом; их дружба стала более тесной. Николаи и Хэй направлялись в парижское посольство, Бруксу предстояло стать личным секретарем президента.

Считалось общепризнанным, что чета, занимавшая жилые помещения в Белом доме, мало подходит друг другу характерами.

Миссис Линкольн тепло относилась к личному другу и парламентскому противнику своего мужа — Самнэру. Она посылала ему записки, цветы из оранжереи Белого дома и, видимо, восхищалась им в такой же степени, в какой ненавидела Сьюарда.

Нужно полагать, что миссис Линкольн отдала много сил для желательного ей устройства сына Роберта в армии. Сестра ее, миссис Хэлм, записала в свой дневник в ноябре 1863 года; «Она (миссис Линкольн) в ужасе от того, что Роберту придется пойти на военную службу. Сегодня она сказала Линкольну (я сидела и читала в другом углу комнаты, но невольно слышала их разговор):

— Конечно, я понимаю, что просьба Роберта пойти в армию говорит о его мужестве и благородстве. Я хочу, чтобы он пошел в армию, но… Ах, я так боюсь, что мы его никогда больше не увидим!

— Мэри, многим бедняжкам матерям пришлось пойти на такую жертву. Многие отдали всех своих сыновей и всех их потеряли».

Миссис Хэлм также описала визит генерала Сиклса и сенатора Гарриса в Белый дом:

> «Сенатор Гаррис резко повернулся к миссис Линкольн и спросил:
>
> — Почему Роберт не в армии? По возрасту и здоровью он вполне в состоянии выполнить свой долг перед страной. Ему уж давно пора быть на фронте.
>
> Мэри смертельно побледнела, и я заметила, что она делает отчаянные попытки овладеть собой. Она кусала губы, но спокойно ответила:
>
> — Роберт готовится к военной службе; он не уклоняется, как вы полагаете, а давно уже стремится на фронт. Если есть чья-либо вина, то она целиком на мне; я настояла на том, чтобы он дольше проучился в колледже, так как уверена, что образованный человек

может принести больше пользы, чем невежда».

Мать добилась своего: ее мальчик кончил Гарвардский университет. Вероятно, по ее инициативе Линкольн написал Гранту 19 января 1865 года и просил ответить ему не как президенту, а как другу: «Я не хочу видеть его рядовым, но и не собираюсь сделать его офицером, ибо есть более достойные, с большим опытом и стажем. Не можете ли вы принять его в свою среду и дать ему какую-нибудь номинальную должность, с тем чтобы жалованье он получал от меня, а не из государственных средств…»

После сложных переговоров Роберт получил звание капитана и должность помощника адъютанта генерала; 23 февраля Роберта прикомандировали к штабу главнокомандующего.

В феврале в газетах сообщили, что президент уплатил 1 279 долларов и 13 центов подоходного налога за год. Некоторое любопытство вызвал вопрос: «Сколько стоит мистер Линкольн в долларах?» Он получал 25 тысяч долларов в год — наиболее устойчивый заработок, который он когда-либо имел. Получал он свой оклад ежемесячно, за вычетом налогов. 75 тысяч долларов вложил он в государственные ценные бумаги, из них на сумму в 50 тысяч он получал 6 процентов годовых.

В середине марта сенатор Джон Гендерсон из Миссури приехал к Линкольну с двумя списками заключенных, находившихся в военных тюрьмах штата. Сначала он передал президенту список лиц, которых он считал почти невиновными.

— Гендерсон, неужели вы хотите, — спросил Линкольн, — чтобы я всех их выпустил в один прием?

Гендерсон ответил утвердительно: война кончалась; настало время показать великодушие и сердечность. Может быть, этим ему удастся уменьшить партизанскую войну.

— Если я подпишу этот список, — спросил Линкольн, — возьмете ли вы на себя ответственность за их поведение в будущем?

Гендерсон снова ответил утвердительно.

— Тогда я пойду на риск, — сказал Линкольн и против каждой фамилии написал: «Помиловать». Кроме того, он написал приказ об освобождении лиц, поименованных в списке.

Гендерсон поблагодарил президента и извлек второй список — в нем числились лица, которые были не так уж невиновны, но коих все же можно было решиться освободить. Сенатор сказал, что лучше и безопаснее их выпустить, чем держать в тюрьме.

— Да, но вы ведь знаете, что меня обвиняют в том, что я

слишком часто ошибаюсь, прощая провинившихся, — сказал Линкольн. — Но черт меня побери, если я и этот список не подпишу.

Возвращая подписанный им список, Линкольн сказал:

— Помните, Гендерсон, вы отвечаете за них. И если они проштрафятся, мне придется за их грехи арестовать вас.

Однако в деле Джона Билла Линкольн был неумолим. Билл оказался шпионом, пиратом, капером, атаманом банды, захватившей суда на Великих озерах; Билл присваивал грузы и деньги, сжег один пароход. Провалился он при попытке освободить пленных конфедератов на острове Джонсона. На президента оказывали огромное давление, чтобы заставить его заменить смертную казнь пожизненным заключением. Линкольн отвечал:

— Я не вмешиваюсь… Генерал Дикс имеет право решить дело, как он найдет нужным.

Генерал Дикс говорил:

— Теперь дело в руках президента… что касается меня, то я не вижу ни малейшей надежды.

24 февраля 1865 года капитана конфедератской армии Джона Билла повесили.

— Мне пришлось решать больше вопросов о жизни и смерти, — сказал Линкольн Бромвелу из Иллинойса в присутствии Сьюарда и других, — чем всем другим президентам, вместе взятым. В деле Билла мне пришлось занять твердую позицию. Теперь, после того как его казнили, я все еще мучаюсь… не могу забыть это горестное дело.

11 марта Линкольн опубликовал прокламацию, в которой предлагалось всем дезертирам, вне зависимости от того, какая причина привела к дезертирству, вернуться в свои части, и они «будут амнистированы».

Чарльз Дана записал, что он приносил Линкольну письма с угрозами убить его. «Он просматривал их, откладывал без каких-либо замечаний и, казалось, не придавал им никакого значения. Эти письма я оставлял у него».

Гарриет Бичер-Стоу однажды зимним вечером спросила президента: не чувствует ли он облегчения оттого, что война вскоре закончится? Линкольн ей печально ответил:

— Миссис Стоу, я не доживу до мира. Война меня постепенно убивает.

7. Линкольн посещает армию Гранта. Прорыв Грантом фронта армии генерала Ли

Однажды вдоль по Пенсильвания-авеню двигался, как записал Ноа Брукс, «оркестр конфедератского полка. Оркестр дезертировал в полном составе, захватив инструменты. Ему разрешили пройти по улицам столицы государства под звуки юнионистских песен и маршей».

Конгрессмен Ашли, недавно вернувшийся из ставки Гранта, передал Линкольну слова Гранта: «На каждых трех убитых у нас приходится пять конфедератов; на каждые три головы скота, убитых у нас, приходится пять голов у них».

Шеридан вытеснил армию Эрли из долины Шенандоа и в последних числах марта рапортовал, что сожжено 780 амбаров, захвачено 420 тысяч бушелей пшеницы, 700 тысяч патронов, 2 557 лошадей, 7 152 головы мясного скота. Фуражиры Ли, отправлявшиеся за продовольствием, часто возвращались теперь с пустыми фургонами. А армия федералистов получала снабжение с избытком.

После долгих пререканий сенат конфедератов большинством в один голос решился все же на вооружение рабов. Наконец они получили привилегию защищать своих владельцев. Это была последняя надежда конфедератов на подкрепления живой силой.

Ли отправил миссис Чеснат многозначительное письмо: «Это народная война; когда народ устанет, мне крышка».

Одному посетителю Белого дома Линкольн нарисовал картину стратегии последних недель: «Грант схватил медведя за заднюю лапу, а Шерман тем временем снимает шкуру».

Шерман пересек Северную Каролину, прошел Фейетвилл, сделал бросок к Голдсборо; здесь он дал войскам передохнуть. Между ним и Саванной легло 425 миль опустошенной, лишенной продовольствия земли. Солдаты выглядели оборванцами; им приходилось продираться сквозь кустарники, у многих от брюк остались одни воспоминания. Большая часть солдат сбросила истерзанную обувь и шагала босиком; тысячи обернули ноги в тряпки и куски одеял. В Голдсборо, облачаясь в новые мундиры, шинели, обувь, они танцевали и вопили от радости.

Линкольн собирался навестить Гранта и несколько отдохнуть от вашингтонской кутерьмы. Еще в первых числах марта он через Стентона предписал Гранту вести переговоры с Ли только по чисто военным вопросам: «…вам надлежит воздержаться от

совещаний по политическим делам, от их решения или обсуждения. Этим занимается президент…»

Линкольну предстояло совершить путешествие на быстроходном, комфортабельном, хорошо вооруженном посыльном судне «Бат». Когда все уже было договорено, капитана Бариса неожиданно пригласили в Белый дом, где «мистер Линкольн принял меня очень радушно, но вид у него был смущенный». Оказалось, что миссис Линкольн решила тоже поехать с ним в Сити-Пойнт.

Миссис Линкольн приняла капитана снисходительно, но со скрещенными на груди руками. «Я хочу, чтобы вы приготовили на своем корабле каюты для меня, для моей горничной и для охранника, не говоря уже о каюте для президента». В коице концов пришлось поместить семью Линкольнов на невооруженном, но более просторном корабле «Ривер куин», «Бат» выполнял функции конвоя.

За пристанью лежала местность, на которой в тот день на рассвете прошел бой; там и тут лежали скошенные крепостными орудиями люди, здесь дрались штыками и прикладами. Конфедераты под начальством генерала Джона Гордона захватили крепость Стедман и развивали наступление с целью разрушить железнодорожные пути и уничтожить армейские склады снабжения. Однако войска юнионистов сплотились, отогнали противника, отобрали у него крепость Стедман, и стороны снова заняли исходные к началу боя позиции.

Из Сити-Пойнта Линкольн поехал в тряском вагоне по военизированной железной дороге.

Тем временем миссис Линкольн и миссис Грант ехали в санитарной повозке по грязной, неудобной, вымощенной стволами деревьев дороге. Им предстояло принять участие в смотре дивизии Кроуфорда. Парад принимали президент и штаб генерала Мида. Вместе с женщинами ехал Адам Бадо, секретарь Гранта. Он в меру своих сил занимал дам и в беседе упомянул о том, что все жены офицеров, находившиеся на фронте, выехали согласно приказу в далекий тыл, а это верный признак того, что предстоят крупные операции. Не ведая, что он ступил на тропинку бедствий, Бадо сообщил, что только одна дама жена генерала Грифина — осталась в прифронтовой полосе, имея на то специальное разрешение президента.

Стремительно, как кошка в прыжке, миссис Линкольн вцепилась в него:

— Что вы имеете в виду, сэр? Не хотите ли вы этим сказать, что она встретилась с президентом наедине? А известно ли вам, что я не разрешаю президенту встречаться с женщинами с глазу

на глаз?

Бадо увидел перед собой кипящую гневом женщину. Он попытался улыбнуться, просто чтобы показать, что в его словах не было зла. Но эта улыбка была плохо рассчитана.

— Сэр, у вас довольно-таки двусмысленная улыбка, — услышал он на сей раз. — Дайте мне сойти. Я узнаю у президента, виделся он с этой женщиной наедине или нет.

Бадо и миссис Грант пытались успокоить ее, но безуспешно. Жена президента приказала Бадо попросить кучера остановить повозку и, видя нерешительность Бадо, сама обеими руками схватила кучера. Все же миссис Грант удалось уговорить миссис Линкольн утихомириться, подождать. Когда они сошли на плац-параде, к ним подошел генерал Мид; он засвидетельствовал свое почтение миссис Линкольн, прошелся с ней и доставил ее обратно с чисто дипломатическим искусством. Миссис Линкольн «отбрила» Бадо:

— Генерал Мид — джентльмен, сэр. Он мне сказал, что разрешение миссис Грифин дал не президент, а военный министр.

На полях, где прошли контратаки юнионистов, Линкольн видел убитых в голубых, серых и желтых куртках. Кое-где стонали и тяжело дышали раненые. Он видел погрузку раненых в поезд. У президента был изможденный, осунувшийся вид. Крук записал события этого дня: «Он сказал, что с него ужасов войны хватит; он высказал надежду, что этот бой может быть началом конца. Он верхом объехал поля сражений у Питерсберга. Мы видели человека с пробитым пулей лбом и еще одного с отстреленными руками; этот лежал недвижимо и изрыгал обвинения в лицо Линкольну».

Бои продолжались. Войска юнионистов продвигались по всему правому флангу армии Ли и захватили передовые окопы. На следующий день Ли писал Дэвису: «Опасаюсь, что теперь уж невозможно будет предотвратить соединение Гранта с Шерманом».

Линкольн сидел у штабного костра и изредка рукой отгонял дым от лица. Окружившим его штабным офицерам и Гранту он рассказывал о трудностях управления, о финансовых затруднениях, о международных отношениях, о патриотизме народа. Затем он затронул более веселые темы и поведал им пространный анекдот о брадобрее и его беспокойном клиенте:

— Он покрыл мыльной пеной его щеки, нос, глаза, уши и направил бритву о голенище сапога. Брадобрей набросился на лицо клиента и действовал так, как будто косил траву. Одним взмахом он снес с правой щеки часть бороды, прыщик и две

бородавки. Человек в кресле рискнул сделать замечание: «Вы как будто склонны снять все, что вам попадается под руку». — «Да, — ответил брадобрей, — и если ручка бритвы не сломается, я, пожалуй, вам ничего лишнего не оставлю». У клиента были очень запавшие щеки, и брадобрею трудно было забираться бритвой в глубокие складки. Вдруг ему пришла остроумная идея всунуть палец в рот клиента и выжимать складки. Все шло хорошо, пока он не прорезал щеку, а попутно и свой палец. Он вытащил палец изо рта мученика, слизнул с пальца кровь, вытаращил глаза на клиента и крикнул: «Из-за ваших проклятых впалых щек я порезал себе палец!» Так и Англия скоро поймет, что благодаря ее стараниям Юг попал в серьезную беду. И сколько бы она ни помогала Югу, все равно в конце концов она увидит, что только порезала себе палец.

Когда затих взрыв хохота, Грант спросил:

— Мистер президент, был ли хоть один такой момент, когда вы сомневались в конечном успехе нашего дела?

Линкольн наклонился вперед и решительно отрубил правой рукой:

— Никогда никаких сомнений у меня не было.

Через день пришли радостные вести о том, что Шеридан по пути из долины Шенандоа обошел армию Ли с севера и остановился у пристани Гаррисона, где ему надлежало соединиться с войсками Гранта.

«Ривер куин» двигался вниз по реке Джеймс. Линкольн сидел на палубе и смотрел на орущих, хохочущих, плавающих солдат — это люди Шеридана смывали с себя грязь и пыль долины Шенандоа. Они заметили президента и приветствовали его. Потом «Ривер куин» поднялся вверх по реке к пристани Эйкена.

Линкольн проследовал по очень тяжелой бревенчатой дороге к плац-параду. Его сопровождали с одной стороны генерал Орд, с другой — Грант. За ними следовала санитарная повозка с миссис Линкольн и миссис Грант, которых сопровождали полковник Портер и Адам Бадо.

Солдаты дивизии ждали начальство уже несколько часов. Наконец появился верховный главнокомандующий. Дивизия его приветствовала. Кончился парад, и тут же начался орудийный обстрел ясно видных передовых окопов противника; густые цепи пошли в наступление, захватили позиции конфедератов, взяли до 2 700 пленных, отбили две жестокие контратаки, и на этом день закончился.

Полковник Теодор Лайман, офицер штаба Мида, впервые увидел Линкольна на параде и о своих впечатлениях написал жене: «Мне думается, что президент самый безобразный из всех

виденных мной людей; на лице его лежит печать неприятной плебейской вульгарности (узнаешь рассказчика грубых анекдотов). С другой стороны, он выглядит умницей и необычайно проницательным, а тяжелые веки говорят о том, что он почти гениален. Видимо, он глубоко честный и добрый человек. Несмотря на всю свою вульгарность, в нем нет даже следа низменных страстей… Он очень похож на интеллектуального и благожелательного Сатира. У меня нет желания видеть его снова, но по-человечески я рад, что он управляет нашими делами».

Линкольн и Грант пожелали друг другу спокойной ночи. У президента был очень озабоченный вид. В темноте ночи на протяжении фронта в 40 миль лежали в грязи, притаились в палатках, хибарках и разных укрытиях 100 тысяч человек. Скоро им предстояло начать самое жестокое, самое кровавое сражение за все время войны. Затем президенту нужно будет решать серьезнейший вопрос о характере и условиях мира. И наряду с этим ему приходилось решать проблемы личных неприятностей.

Истеричность миссис Линкольн служила причиной постоянных скандалов. Сама она к последнему параду опоздала, и в группе объезжавших фронт рядом с президентом оказалась жена генерала Орда. После парада миссис Линкольн устроила неприятную сцену миссис Орд — ведь войска могли ее принять за жену президента! Затем миссис Линкольн набросилась на миссис Грант и обвинила ее мужа в том, что он стремился занять пост президента. Она не стеснялась нападать на Линкольна в присутствии офицеров с обвинениями в близости к женам Грифина и Орда. Глава государства переносил это все с завидным спокойствием, с невозмутимым достоинством.

Утром Линкольн беседовал с адмиралом Дэвидом Портером в бревенчатом домике Гранта. Линкольн был в хорошем настроении, а Грант мрачно молчал и лишь односложно отвечал на прямые вопросы Линкольна. Грант думал о предстоящем сражении. Если генерал Ли ускользнет из расставленной ему сети, война может продолжаться еще год, два или даже дольше.

Четыре года прошло с тех пор, как пал форт Самтер. Теперь эта цитадель была отбита у южан, восстанавливалась, и вскоре над ее стенами должен был снова взвиться флаг Союза.

28 марта утром Линкольн, Грант и Шерман встретились на борту «Ривер куин». При встрече присутствовал и адмирал Портер. Шерман записал: «Неоднократно мистер Линкольн восклицал, что пролито уже много крови, — нельзя ли обойтись без предстоящего сражения». Генералы ответили, что это не только от них зависит.

Шерман затронул очень важный вопрос: как поступить с мятежными армиями после их поражения? Как быть с политическими лидерами, с Джефферсоном Дэвисом и другими? Дать ли им возможность скрыться?

Линкольн ответил, что солдат нужно распустить по домам, пусть пашут землю, работают в своих мастерских. Что касается Дэвиса… он не мог высказаться откровенно, но он намекнул, что Дэвис должен скрыться, «бежать из страны», но ему, Линкольну, не приличествует говорить об этом во всеуслышание.

Шерман позже писал: «…он уполномочил меня заверить губернатора Ванса и население Северной Каролины, что, как только мятежники сложат оружие и займутся своими гражданскими делами, им немедленно будут гарантированы все права, общие для граждан всей страны; дабы избежать анархии, существующие правительства штатов и все их цивильные функции будут признаны де-факто до тех пор, пока конгресс не найдет нужным установить новые.

…Его искренним желанием было как можно скорее покончить с войной, прекратить разрушения и распустить армии воюющих сторон по домам».

За последние дни кое-где расцвели персики и абрикосы. У порога стоял апрель месяц. Что он принесет?

Утром 29 марта 1865 года Грант простился с Линкольном и сел в поезд со своим штабом: они отправлялись на фронт под Питерсберг. Сумрачный Линкольн сказал им на прощание:

— До свидания, джентльмены. Благослови вас бог! Помните: ваша победа — моя победа.

В вагоне Грант сказал своим офицерам:

— Президент оказался одним из немногих, кто не пытался выпытать у меня мои планы, хотя он единственный, кто имеет право их знать. Но через день-два я пришлю ему хорошие вести.

Вечером 29 марта начался ливень. Поля превратились в плывуны. Солдаты утопали по щиколотки в грязи. Лошади погружались по брюхо, фургоны — по ступицы колес. Дорог не видно было из-за воды. Трудно было определить, что хуже: шагать по такой местности или пытаться уснуть на мокрой земле под мокрым одеялом. 30 марта солдаты начали роптать. Грант успокоил Ролинса: как только погода подсушит дороги, настроение солдат поднимется.

Началось сражение. Шеридан мчался туда, где стрельба была громче всего. Он размахивал боевым знаменем, умолял, проклинал, грозил кулаком, ругал, благословлял. Колонны юнионистов под командой генерала Эйрса, с примкнутыми штыками, воодушевляя себя криками, захватили земляные

укрепления противника, погнали его, убивали или брали в плен каждого, кого собственные ноги не успели унести.

Линкольн пытался представить себе картину сражения на основании донесений Гранта. Он телеграфировал с фронта Стентону — посылал ему депеши Гранта, а военный министр передавал их в прессу. Таким образом, миллионы читателей на Севере получали достоверную информацию о том, как рушились позиции Ли, что предвещало падение Ричмонда.

Кавалерия Шеридана и 5-й корпус захватили в плен три бригады пехоты. 2 апреля Грант телеграфировал Линкольну: «С начала сражения взято не меньше 12 тысяч пленных и 50 пушек… Все идет хорошо…» Линкольн телеграфно ответил Гранту: «Позвольте передать вам благодарность народа. По вашему приглашению завтра выезжаю к вам».

Армию Ли отрезали от Ричмонда. Отброшенный также от Питерсберга, Ли перегруппировал свои войска для отхода на запад.

3 апреля Линкольн телеграфировал Стентону: «Полтора часа провел с Грантом, потом вернулся восвояси. Несомненно, что завтра Ричмонд будет в наших руках, и я туда поеду».

В Сити-Пойнт Линкольн навестил больных и раненых, лежавших в палатках. Здесь был целый городок. У одного сектора палаток молодой доктор сказал Линкольну:

— Мистер президент, вряд ли вы захотите навестить этих.

— Почему, мой мальчик?

— Здесь лежат больные мятежники.

— Именно к ним-то мне и нужно, — сказал Линкольн и обошел все койки, пожимая руки пленным.

В госпиталях Сити-Пойнта лежали 5 тысяч человек, принадлежавших к обеим воюющим сторонам. У Линкольна не было возможности обойти всех. Правую руку у него ломило от рукопожатий. Главный хирург госпиталя забеспокоился. Линкольн улыбнулся, сказал, что «мускулы у него крепкие; он вышел за порог хибарки хирурга, взял топор и принялся рубить дрова так, что щепки летели во все стороны, передохнул и той не правой вытянутой рукой поднял колун до уровня плеч, при этом рука нисколько не дрожала. Перед уходом его спросили, что бы он хотел выпить. Он попросил стакан лимонада».

8. Падение Ричмонда

В субботний день, 2 апреля 1865 года, в епископальной церкви святого Павла, прямой и спокойный, сидел Джефферсон Дэвис на семейной скамье перед алтарем. По центральному проходу прошел быстрым военным шагом кавалерист в грязных сапогах, адъютант генерала Ли, и передал Дэвису пакет. Не хотелось генералу раньше времени беспокоить Дэвиса, но в конце концов он вынужден был ему написать: «Советую приготовиться к тому, чтобы оставить Ричмонд сегодня ночью. Буду держать вас в курсе дела в соответствии с обстоятельствами».

Дэвис немедленно пошел в военное министерство и телеграфировал Ли, что оставление этой ночью Ричмонда «повлечет за собой потерю многих ценностей из-за отсутствия транспорта и времени на упаковку». Получив депешу, Ли изорвал ее в клочки и, по словам одного из штабных офицеров, сказал: «Я предупредил его вовремя».

Ночью Дэвис и его кабинет, сопровождаемые многими чиновниками, сели в поезд и оставили столицу, дом правительства, арсеналы и склады. На следующий день они благополучно прибыли в Данвилл. В Ричмонде стало известно, что Ли удалось вывести из Питерсберга все — до последнего солдата и последней пушки. Ричмонд будет сдан. По железной дороге, в фургонах, на повозках, на колясках и двуколках, верхом, со своими пожитками и узлами члены правительства и многие жители бежали из города.

Всю ночь взрывали и сжигали мосты, арсеналы, склады. Тяжелые клубы дыма вихрились над складами хлопка. Едва забрезжило утро 3 апреля, как тысячи мужчин, женщин и детей осадили двери интендантского склада. Многие в этой толпе в течение ряда месяцев ни разу сытно не поели. Они слышали, и это соответствовало действительности, что за дверьми склада хранились бочки с окороками, беконом, виски, мукой, сахаром, кофе. Почему все это не было выдано армии Ли, голодавшей уже несколько недель? На этот вопрос могли ответить только высокопоставленные чиновники. Люди в неистовстве взломали двери, которые так долго охранялись. Яростная толпа ворвалась в склад.

Утром 3 апреля в доме муниципалитета Ричмонд был формально сдан генералу Годфри Вайцелю. Во второй половине дня его войска положили конец грабежам и подавили главные очаги беспорядков.

Первые вести о падении Питерсберга и Ричмонда пришли от

Линкольна из Сити-Пойнта. Вскоре пришла первая за четыре года телеграмма из Ричмонда — генерал Вайцель сообщал: «Мы взяли Ричмонд в 8.15 утра». Эти новости быстро распространились по Вашингтону. Экстренные выпуски газет еще больше подняли возбуждение тысячных толп народа, собравшихся у военного министерства. Салют из 800 орудий потряс небеса. На улицах люди обнимались, прощали друг другу старые обиды, маршировали, пели, дурачились.

Пароход «Малверн» с Линкольном на борту отправился из Сити-Пойнта к Ричмонду. По реке плыли трупы лошадей, лафеты орудий, обломки ботов. Недалеко от Ричмонда пароход сел на мель. Линкольн, его сын Тед и охранник Крук были доставлены к берегу на двенадцативесельной шлюпке.

Линкольна встретила толпа, состоявшая из одних негров. Старик лет шестидесяти выскочил вперед и крикнул:

— Благодарение господу, вот он, великий мессия!

Он бросился на колени у самых ног президента; остальные последовали его примеру. Президент сказал:

— Стойте на коленях не предо мной, а перед богом. За свое освобождение его благодарите.

Появились прятавшиеся до тех пор негры: некоторые молча, в благоговейном страхе смотрели на него, другие кувыркались и орали во всю глотку от радости. Нескольким неграм Линкольн пожал руку.

Президентский кортеж: двенадцать вооруженных матросов, адмирал Портер, капитан Пенроз, Барнс, Крук, ведший за руку Теда, продвигался по пыльным улицам города. Крук записал: «Во всех окнах торчали головы. Но никто из зрителей не проронил ни звука. Угнетающим было то, что не слышно было ничего — ни слова приветствия, ни крика ненависти. Пожалуй, мы рады были бы услышать даже ругательства. Я искоса взглянул на мистера Линкольна. Спокойное лицо… храброго человека… готового ко всяким неприятностям».

Так они прошли две мили. Линкольн задержался на несколько мгновений у тюрьмы Либи. Кто-то крикнул:

— Снести ее!

Президент возразил:

— Не надо. Оставьте ее как памятник.

В штабе генерала Вайцеля Линкольн буквально упал в кресло и спросил:

— Нет ли стакана воды?

Не без интереса он выслушал сообщение, что в этом кресле сидел Дэвис на заседаниях.

В сопровождении кавалерийского эскорта, Вайцеля, Портера

и других Линкольн в карете проехал по городу обратно к пароходу, который уже сняли с мели. В этот день любой безумец мог бы свободно выстрелить в Линкольна.

6 апреля Линкольн телеграфировал из Сити-Пойнта генералу Вайцелю, что, если лица, состоявшие в правительстве Виргинии, захотят принять меры к отзыву своих войск из армии мятежников, «разрешите им собраться в Ричмонде и обеспечьте их охраной». Если они попытаются организовать враждебные против Соединенных Штатов выступления, «предупредите их и укажите срок выезда из города. По истечении этого срока арестуйте всех, кто останется».

Грант телеграфировал Линкольну, что Шеридан захватил несколько тысяч пленных, среди них сын генерала Ли и генералы Юэл, Кершоу, Бэтон, Коре и Дебрэй. Шеридан писал: «Думаю, что если нажать, то Ли сдастся». Линкольн ответил Гранту: «Нажмите».

В Виргинии Линкольн отдохнул от вашингтонского бремени. Это было максимальное приближение к отпуску — он им не пользовался с самого начала войны. Конечно, мало радости было видеть руины Ричмонда и раненых в палаточном госпитале, но Вашингтон с его интригами и чопорным самодовольством был еще хуже.

В воскресенье 9 апреля пароход «Ривер куин» шел уже по реке Потомак к Вашингтону. Говоря о Джефферсоне Дэвисе, миссис Линкольн сказала:

— Нельзя допустить, чтобы он ушел от закона — его нужно повесить.

Линкольн спокойно ответил:

— Не судите, да не судимы будете.

Показались крыши вашингтонских домов. Линкольн в карете вместе с женой и Самнэром подъехали к Белому дому. И тут же он отправился к Сьюарду — несколько дней назад тот выбросился на полном ходу из кареты, когда лошади понесли. Сьюард только что пришел в сознание. Он был весь перебинтован, сломанная в двух местах челюсть была охвачена рамкой из стали. Линкольн низко наклонился над своим другом и рассказал ему о всех недавних событиях.

В последние дни марта и первые дни апреля еще 19 тысяч солдат армии Ли были захвачены в плен Грантом. В отчаянных боях все больше рос итог потерь Ли убитыми и ранеными. В резерве у него уже не осталось боеспособных частей. Его стремительный переход к западу на параллельных направлениях сопровождался непрекращающимися арьергардными боями. Однодневная остановка Ли в Амелиа-Корт-Хаузе не дала ничего

— продуктов для солдат не нашли. Рядовые и офицеры продолжали переход, довольствуясь скудными рационами, состоявшими главным образом из поджаренной кукурузы. Под Сэйлерс-криком юнионистские части нагнали генерала Ли и навязали ему бой. Когда бой кончился, Ли сказал одному из своих приближенных:

— Генерал, считайте, что половина армии уничтожена.

Вероятно, Грант знал лучше кого бы то ни было, что он может разгромить эту армию, заставить ее откатиться. Но он никого не заверил бы, что она сдастся в плен. Еще всякое могло случиться.

Сильная головная боль беспокоила Гранта, но все же он послал еще одно письмо Ли, с которым переписывался по вопросу об окончании войны. Ли прочитал послание Гранта и понял, что его приглашают на встречу с Грантом для обсуждения условий сдачи.

9 апреля утром дорогу армии Ли преградила кавалерия Фила Шеридана. В пять часов утра генерал Ли осмотрел местность с возвышенности. Пробило восемь часов. Пришло известие, что кавалерия Шеридана не спеша отступила. Позади кавалерии, скрытые перелесками, оказались крупные части пехоты в голубых мундирах — войска Орда и Грифина, совершившие почти невероятный переход в 30 миль за сутки. Они как бы приглашали южан вступить в бой. Слева и сзади также наседали федеральные войска.

Ли согласился встретиться с Грантом, у которого от этой вести сразу прошла головная боль. Два великих полководца встретились в маленькой комнате дома Мак-Лина на краю деревни Апоматокс, в 95 милях к западу от Ричмонда. Здесь Ли капитулировал. Они стояли друг против друга: Ли, высокий и прямой, одетый в чистый, сверкающий мундир; Грант — короткий и сутулый, в поношенной и пыльной блузе. Он извинился перед Ли, что не успел переодеться, так как прибыл прямо из полевой части.

— Генерал Ли, я вас видел раньше, еще когда мы вместе служили в Мексике. Я вас узнал бы где угодно…

— Да, я помню, что мы тогда встречались, но сколько я ни пытался, мне никак не удавалось вспомнить хоть одну черточку вашего лица.

Завязалась беседа, которую прервал Ли:

— Я полагаю, генерал Грант, что цель нашей встречи абсолютно ясна. Я приехал для того, чтобы установить, на каких условиях вы примете капитуляцию армии.

Грант написал условия сдачи: сдавшиеся рядовые и офицеры будут распущены по домам под честное слово не браться больше

за оружие; все вооружение, боеприпасы и провиант передается федеральной армии.

— Других условий я и не предполагал, — сказал Ли.

Грант встал, подошел к Ли, сидевшему в кресле, и передал лист бумаги, испещренный карандашными каракулями. Ли вынул свои очки, вытащил из кармана носовой платок, протер стекла, скрестил ноги, медленно и внимательно прочел документ, и впервые голос его потеплел.

— Это окажет благотворное впечатление на мою армию.

Грант согласился оставить коней солдатам, которые отправятся на свои фермы, для того чтобы заняться пахотой. Кроме того, Грант распорядился отправить войскам Ли 25 тысяч пайков.

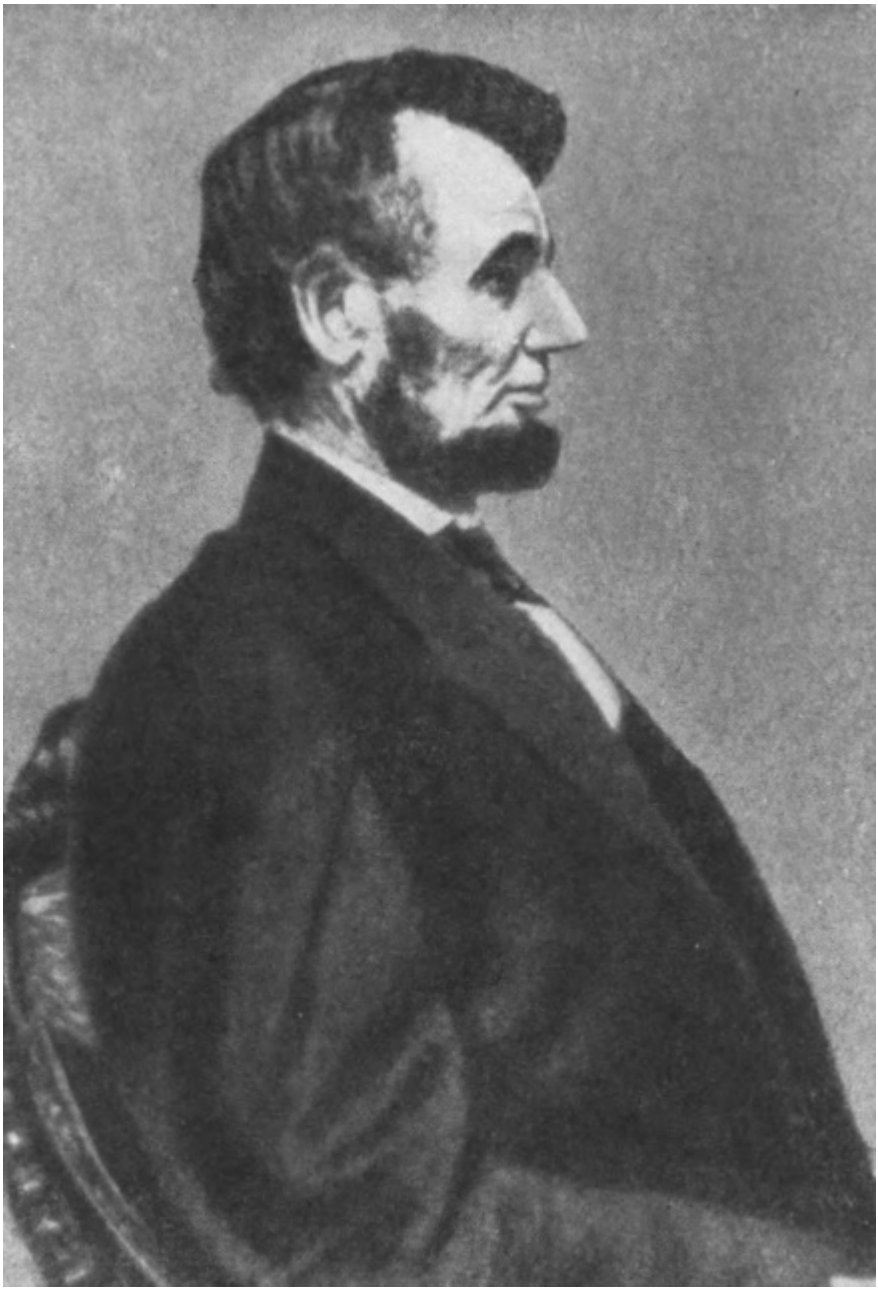
Ли написал, что он принимает условия Гранта, и подписался под этим. Теперь осталось сделать перекличку и сдать оружие. Артиллеристы приготовились дать салют в честь великого национального триумфа, но Грант запретил проявление торжества над побежденным противником, надеясь на то, что люди Ли не останутся врагами.

Ли верхом проехал по рядам армии. Он прощался со своими солдатами. Солдаты плакали, кричали, что они готовы идти в бой. Они готовы были умереть, но не сдаться.

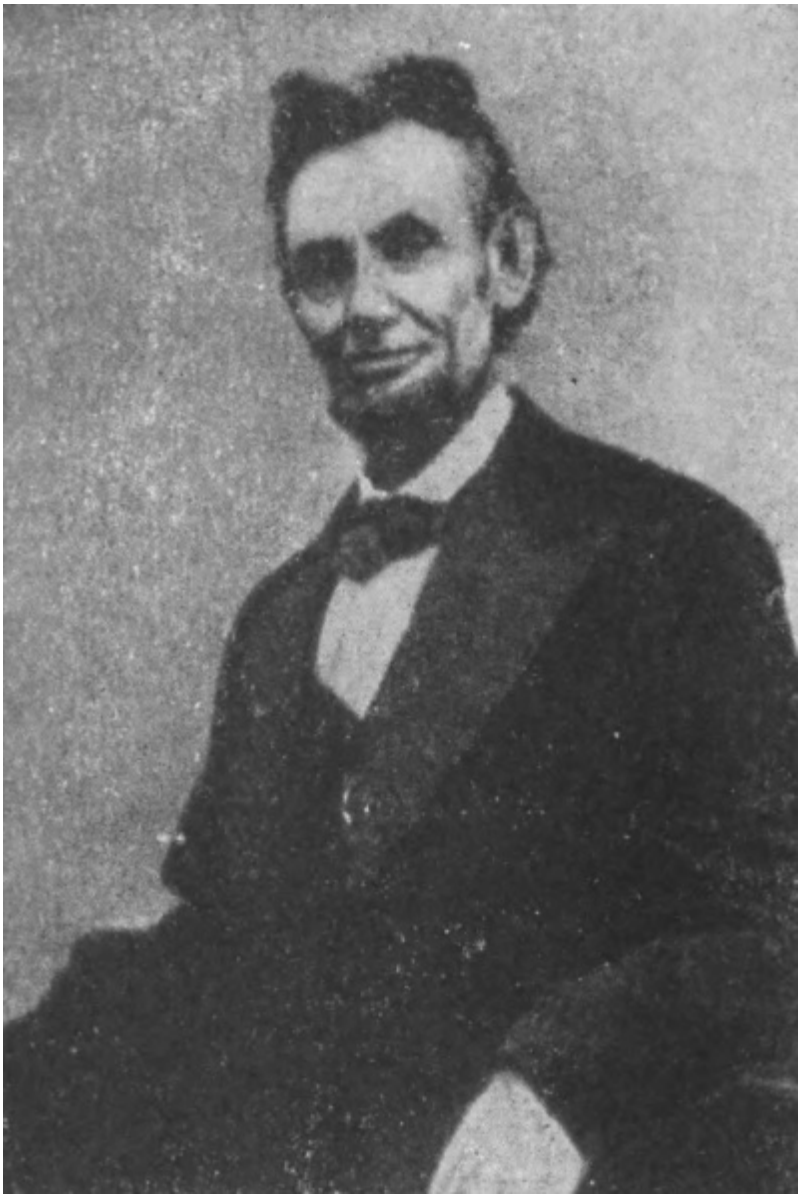
Это был знаменательный день для Гранта — в третий раз он брал целую армию в плен: он сдержал слово, данное им Линкольну, — избежать финального кровопролития.

Грант телеграфировал Стентону: «Генерал Ли сдал армию Северной Виргинии на условиях, предложенных мной». Война, по существу, кончилась.

Площадь Белого дома заполнила огромная толпа. Музыка духовых оркестров перемежалась с орудийными залпами. Сынишка Линкольна Тед показался в окне, в котором народ привык видеть президента. Тед помахал захваченным у конфедератов знаменем, и толпа завыла от восторга. Появился президент и кратко поздравил собравшихся со счастливым исходом войны. Сторонники войны и пораженцы дружно кричали: «Ура Союзу! Ура Линкольну! Ура Гранту и Шерману!» Сегодня они любили всех и готовы были закинуть свои шляпы на луну.



А. Линкольн 9 февраля 1864 года.



Последний снимок А Линкольна 19 апрели 1865 года

9. «Не в печали, а в радости сердечной»

Весь день 11 апреля Линкольн готовился к вечернему выступлению. Конгресс должен был собраться не раньше декабря, и до этого президент надеялся повести за собой большинство народа. Он готовился переделать Юг; его политической целью было как можно скорее добиться утверждения южных штатов в их прежнем положении.

Он знал свой американский народ. Паника, нужда, фанатизм, расовая ненависть, вопли о возмездии, жажда быстро разбогатеть — эти чувства охватили всех в стране. Линкольн мог бы пойти с теми, кто жаждал полной и абстрактной справедливости для негров и для этого готов был вырезать всех белых южан, установить в южных штатах негритянские правительства, поддержать их штыками армий Севера.

Президент ждал, пока толпа утихомирится. В руках он держал исписанные листы бумаги. Это был скорее доклад, нежели речь. Ноа Брукс полагал, что было «нечто устрашающее в том энтузиазме, с которым толпа встретила главу государства. Бесконечные крики приветствий следовали друг за другом, волна за волной прокатывались аплодисменты, а президент терпеливо стоял и ждал». Наконец он заговорил:

— Сегодня ночью мы собираемся не в печали, а в радости сердечной… Вся слава принадлежит генералу Гранту, его офицерам, его доблестным солдатам… Флот со своими храбрыми моряками стоял наготове, но не мог принять участия в операциях.

Каждую прочитанную страницу президент бросал на пол, а маленький Тед их подбирал и нетерпеливо требовал у отца следующую.

— Мы должны приступить к формированию, к созданию организованного общества из антагонистических элементов.

Те, кто пришел, чтобы вдоволь накричаться, дивились, сколько времени президент будет еще говорить в таком духе. Речь была, по их мнению, скучноватой. Но многие понимали, что он говорил не с теми тысячами людей, которые стоят на лужайках перед Белым домом, но со всеми американцами и европейцами.

Он уделил много времени разбору вопроса о реконструкции Луизианы. Нельзя сказать белым на Юге, что они ничтожества и что Север, с одной стороны, не поможет им и, с другой стороны, не примет их помощи. Нельзя сказать неграм, что из их рук будет выбита чаша свободы, которую они готовы поднести к своим губам. Такая политика приведет к упадку духа и парализует как белых, так и черных.

Но если, наоборот, поддержать правительство Луизианы, укрепить дух тех 12 тысяч граждан штата, которые связали свою судьбу с Союзом, тогда поднимется их энергия и Север добьется полного успеха. Он подошел к концу речи.

— Основные принципы могут и должны остаться нерушимыми. В теперешней ситуации, как говорится, мой долг, пожалуй, обратиться с новым словом к населению Юга. Этот вопрос я обдумываю и не премину выступить в нужный момент.

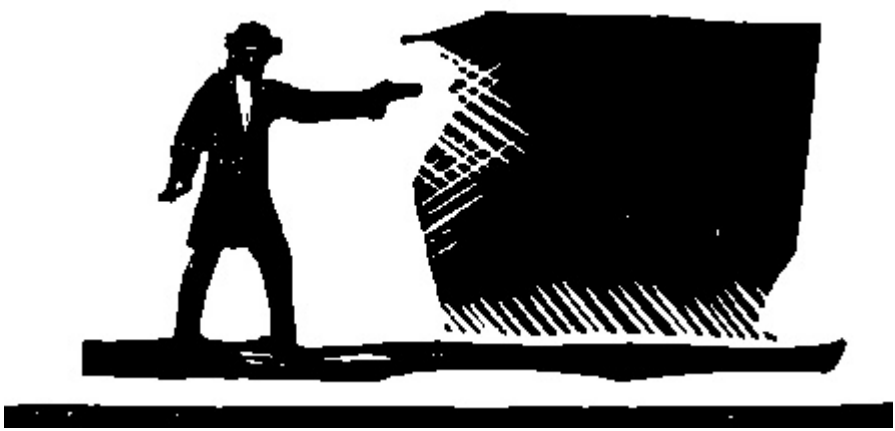
Едва он кончил свое выступление, как тут же сказал Бруксу, державшему свечу:

— Это была неплохая речь, но вы все же бросили некоторый свет на нее.

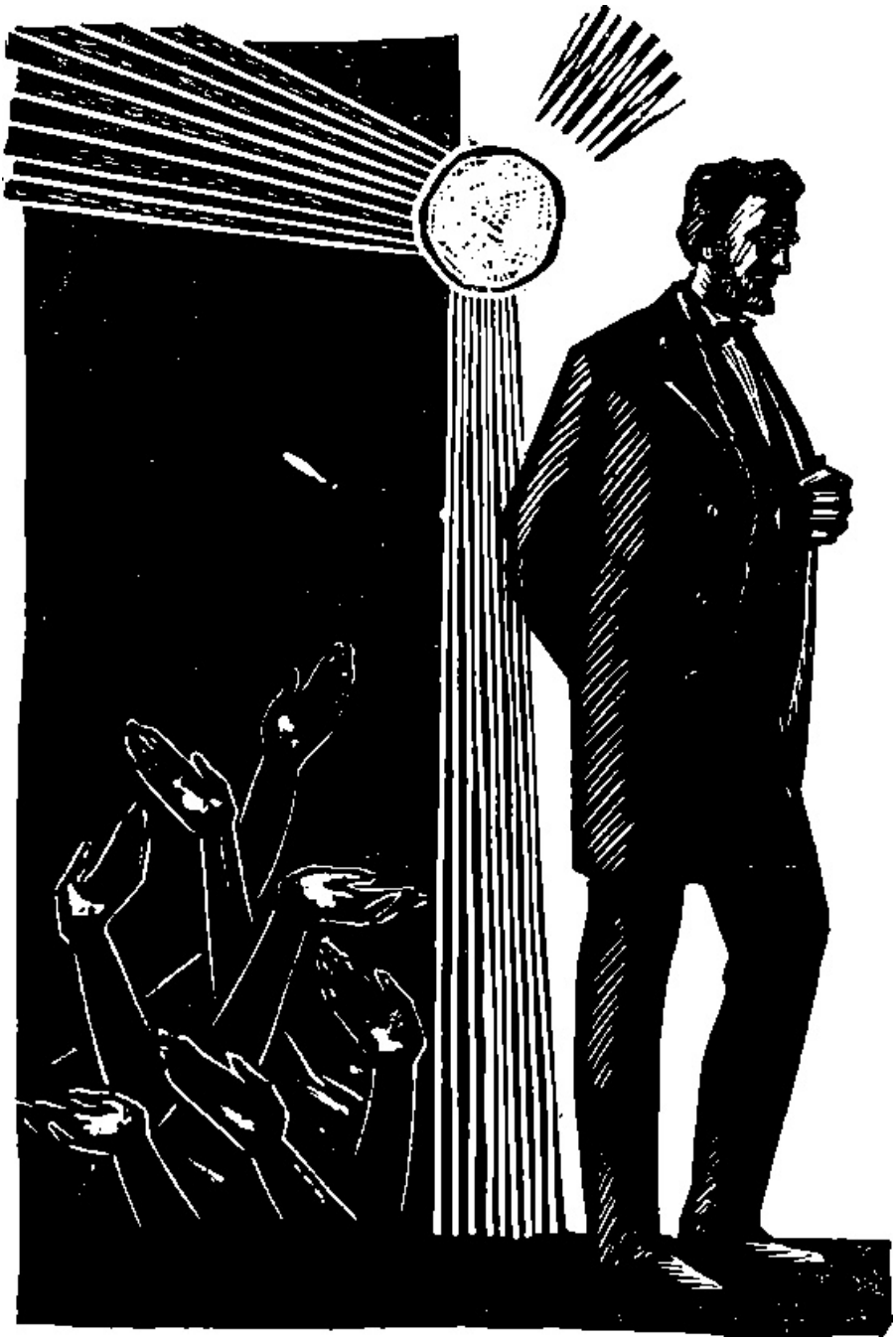
Зарокотали аплодисменты, послышались приветственные клики, но это уже было не то, что в начале вечера. Речь оказалась слишком длинной, слишком рассудочной.

Нью-йоркская «Трибюн» написала, что речь «провалилась, никакого эффекта она на слушателей не оказала», больше того, «она вызвала огромное разочарование и оставила тяжкое впечатление». Другие газеты отметили частые аплодисменты и «молчаливую внимательность».

Наступила полночь. День 11 апреля перечеркнули на всех календарях. Огни в окнах Белого дома потухли. Вашингтон уснул.



СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА



1. Переговоры. Зловещий сон

Бешенство охватило Стентона и ряд деятелей. Они решили, что президент открыто признал отложившееся в свое время законодательное собрание Виргинии. Прежде чем страсти достигли точки кипения, Линкольн сорвал все приготовления к атаке на него телеграммой Вайцелю:

> «Он (судья Кэмпбел), как видно, считает, что я созвал мятежное Виргинское законодательное собрание, как правомочное собрание штата, для того чтобы урегулировать все их разногласия с Соединенными Штатами. Ничего подобного я не сделал. Я говорил не о законодательном собрании, а о господах, которые действовали как законодательное собрание в своей поддержке мятежа… Не разрешайте им собираться, но если кто-либо приехал, обеспечьте его возвращение домой в безопасности».

Запись в дневнике Уэллеса доказывает, что президент очень склонялся к тому, чтобы предоставить мятежному законодательному собранию Виргинии широкие права, но он решительно запретил ему собираться, как только увидел, что его кабинет против этого. Было целесообразнее присоединиться к своим избранным советникам, идти с ними и… ждать.

Сьюард принадлежал к той группе деятелей, которые благоприятно относились к политике президента, базировавшейся на великодушии и доброжелательстве. Вице-президент Джонсон принадлежал к группе высоких государственных мужей, которые настойчиво требовали сурового наказания побежденных конфедератов. В Ричмонде он в беседе с Дана подчеркнул, что «преступления южан ужасны» и если их принять обратно в Союз без наказания, это будет плохим примером и грозит опасными последствиями в будущем.

Грант в этом вопросе шел за Линкольном, с которым он соглашался и в том, что северяне были против немедленного предоставления избирательного права неграм. «…Должен пройти испытательный срок, во время которого бывшие рабы должны подготовиться к пользованию благами свободных граждан…»

Мысли Шермана о мире и реконструкции совпадали с планами Гранта. Юнионист Шерман и генерал конфедератов Джо Джонстон уважали и по-своему даже любили друг друга. Они неизменно воевали честно, и каждый из них восхищался военным

искусством другого. Ни Шерман, ни Джонстон никогда не были рабовладельцами. Оба не терпели Джефферсона Дэвиса.

Три генерала из высшего командного состава и миллион солдат «единогласно», как сказал Грант, стояли за прекращение войны на любых условиях, предусматривающих восстановление Союза и отмену рабства.

Линкольна спросили, как он поступит с Джефферсоном Дэвисом. Линкольн ответил анекдотом. Вот он в передаче Лэймона:

— Когда я был еще мальчиком и жил в Индиане, я как-то утром зашел к соседу. Его сынишка, моего же возраста, держал в руках шпагатик, которым был связан негр. Я спросил мальчика, что это он делает? Тот ответил: «Отец прошлой ночью поймал шестерых негров и убил всех, кроме этого бедняги. Отец приказал мне сторожить парня до его возвращения, но я боюсь, что он убьет и этого. О Эйби, я так хочу, чтобы он сбежал». — «А ты отпусти его». — «Это не годится. Если я его отпущу, отец задаст мне перцу. Но если бы негр ушел сам, все было бы в порядке».

Линкольн продолжал:

— Если бы Джеф и его земляки скрылись, все было бы в порядке. Но если их поймают и я их отпущу, вот тут «отец задаст мне перцу».

Стентон и Лэймон чаще других предупреждали Линкольна, что существует угроза его личной безопасности. Лэймону он возражал шутками. В конверте с надписью «Убийство» к концу марта лежало уже 80 письменных угроз.

Лэймона все это очень беспокоило. Он помнил о сне, который видел Линкольн. У себя дома, в Спрингфилде, в 1860 году Линкольну в зеркале показалось двойное его изображение. В одном лицо светилось жизненной силой, в другом оно было смертельно бледным, как у привидения. Линкольну «…было ясно значение этого… Жизненное изображение предвещало, что он целым и невредимым закончит первый срок президентства, а появление привидения означало, что смерть его поразит до конца второго срока».

Будучи абсолютно практичным в повседневной жизни, следуя логике вещей, беспощадно оценивая факты, Линкольн тем не менее верил в сны. По словам Лэймона, Линкольн считал, что у каждого сна был свой смысл; нужно было быть достаточно умным, чтобы его найти.

2. Страстная пятница

В Гринсборо, в простом доме, в комнате на втором этаже, в которой стояла кровать, несколько стульев и стол, в последний раз совещались Джефферсон Дэвис, четыре министра и два генерала. Они обсуждали положение Конфедеративных Штатов Америки, его правительства, армий и дальнейшие перспективы. Они пришли к выводу, что нужно письменно запросить Шермана об условиях заключения мира. Джонстон попросил Дэвиса написать письмо, что тот и сделал. Затем они расстались.

Дэвис паковал свой личный багаж. Он имел в виду скрыться на Юге. Знал он, что немало было людей на Севере, жаждавших видеть его повешенным на бесплодной яблоне.

В Вашингтоне Линкольн снова уселся перед фотокамерой; на сей раз, впервые за четыре года президентства, он разрешил себе улыбнуться. В будущем предстояло еще бороться с бурями, но самое худшее осталось позади и уже не могло повториться.

Крестоносцы оппозиции понимали, что впереди их ждут жестокие битвы с президентом. Они намеревались подорвать руководство Линкольна республиканской партией. Они все еще не смогли разгадать существа политического гения Линкольна, посредством которого ему удавалось отражать наскоки тех, кто хотел выбить его из седла. Филлипс, Самнэр, Уэйд, Стивенс знали, что без боя дело не обойдется; каким-то образом нужно было лишить президента власти.

На календаре значилось, что пришла святая неделя, и страстная пятница выпала на 14 апреля. Люди говорили, что никогда еще они не видели президента таким сияющим, светящимся, как в эту неделю. От него остались лишь кожа да кости, ему не хватало 30 фунтов до нормального веса, щеки очень запали, но в душе у него все пело о мире на земле и благоволении к людям. И все это отразилось на фотографии, которую снял Гарднер.

План на этот день был намечен заранее: работа в кабинете до восьми утра; завтрак и прием посетителей до заседания кабинета министров в одиннадцать; ленч, возобновление приема посетителей, поездка во второй половине дня с миссис Линкольн; неофициальная встреча со старыми друзьями из Иллинойса; в течение дня и вечера одно или несколько посещений военного министерства; снова прием посетителей, затем в театр с миссис Линкольн и небольшой компанией. Таков был намеченный президентом график в день страстной пятницы.

Генерал Грант приехал с фронта. Улицы были полны

ликующими людьми, его встречали приветственными криками. Он попытался добраться пешком из отеля в военное министерство, но ему трудно было продвигаться сквозь толпы любопытных и приветствовавших его людей; ему пришлось обратиться за помощью к полиции, которая расчищала перед ним путь. Военный министр и генерал-лейтенант посовещались и решили прекратить дальнейший призыв в армию.

За завтраком Линкольн выслушал рассказ своего сына Роберта о жизни на фронте и вглядывался в привезенный сыном портрет генерала Ли.

— Хорошее у него лицо, — сказал президент. — Я рад, что война кончилась.

После завтрака пришел спикер Колфакс, конгрессмены, сенаторы. Некоторые из них просили о помиловании, об освобождении из плена и из тюрем «заблудших», «случайных», «сделавших ошибку» мятежников, и Линкольн шел им навстречу, ибо теперь ему это легче было сделать, чем во время войны.

«Вашингтон находился как бы в бреду», — записал Крук. Все праздновали, каждый по-своему. Люди делились на две категории: на опьяненных духовно и на пьяных физически. К президенту шел поток посетителей, желавших поздравить его.

Линкольну не хотелось идти в театр, где показывалась слабая пьеса «Наш американский кузен». Но миссис Линкольн горела желанием посмотреть Лору Кин в главной роли. Линкольн предложил ей пригласить Гранта с женой. Генерал принял приглашение, и сообщение об этом попало в газеты.

Но Грант потом отказался. По всей вероятности, миссис Грант сказала мужу, что чем больше она думала об этом, тем яснее ей становилось, что она не в состоянии будет выдержать вечер в обществе взбалмошной женщины, отметившей свой визит в Сити-Пойнт взрывами гнева и приступами ревности.

В страстную пятницу утром Грант впервые присутствовал на заседании кабинета под председательством президента. Если в описании Уэллеса заменить третье лицо на первое, то речь Линкольна выглядела так:

— Считаю, что само провидение помогло нам подавить мятеж после того, как конгресс прервал свою сессию, и беспокойные элементы этого органа не могут помешать нам или затруднить наши действия. Если мы проявим мудрость и благоразумие, мы сумеем вдохнуть новую жизнь в штаты и побудить их правительства успешно повести дела. Мы восстановим порядок и Союз в прежнем составе еще до того, как конгресс соберется в декабре… Надеюсь, что нам не придется применять наказания и заниматься кровавыми делами после окончания войны. Пусть ни

у кого не будет надежды на то, что я приму участие в повешении или убийстве этих людей, даже худших из них. Напугайте их так, чтобы они бежали из страны, откройте им ворота, сбросьте засовы, вселите в них панику…

Он взмахнул руками, как будто пугал овец:

— Достаточно жизней было принесено в жертву войне.

Фредерик Сьюард участвовал на этом заседании в качестве исполняющего обязанности министра иностранных дел вместо своего отца, все еще прикованного к постели из-за сломанной челюсти. Молодой Сьюард добавил некоторые детали, не замеченные Уэллесом. «Все, кто присутствовал, полагали, что для установления общего доброжелательства и дружбы хорошо бы ограничиться минимальным количеством судебных процессов». Генеральный почтмейстер Денисон спросил:

— Я полагаю, мистер президент, что вы нисколько не пожалели бы, если бы они все бежали из страны?

— Что ж, — не спеша ответил президент, — конечно, я нисколько об этом не сожалел бы; но я стою за то, чтобы их преследовали очень энергично до тех пор, пока точно не удостоверятся, что они действительно бежали.

Нужен был исчезнувший Дэвис. Живой представил бы затруднения, мертвый стал бы укором.

Хотя Линкольн опасался, что вместо гражданской начнется расовая война, он широко опубликовал свою «Прокламацию об освобождении». Линкольн понимал, что его политика в отношении южан кажется многим извилистой, его поведение — загадкой, но он добивался прочного положения в стране, имея в виду, что имущественные интересы, размеры конфискаций будут играть большую роль в восстановительном процессе.

Шаг за шагом, но цепи рабства сломали. И теперь возник конфликт между освободителями: дать неграм полную политическую свободу немедленно или попозже?

Восстановительные планы Линкольна вызвали огромное сопротивление. Радикальным республиканцам они были просто противны. Уэнделл Филлипс считал, что президент «первоклассный второстепенный деятель», медлительный, мешающий, требующий постоянного присмотра. Филлипс опасался, что президент предоставит избирательные права лишь неграм, умеющим читать и писать, и солдатам союзной армии.

Если бы противники Линкольна были только политиками, то их оппозиция потерпела бы фиаско с самого начала. Но они были еще и крестоносцами, которые считали, что это они вызвали освободительную войну, и в этом они были частично правы. Но теперь они уверовали, что это они и песня о Джоне Брауне

разгромили южан, и в этом они полностью ошибались.

Оппозиция учитывала, что предстоит долгая борьба. Им придется отнять у президента контроль над партией. Им придется лишить президента поддержки нескольких могущественных концернов, которые не только выиграли от действий Линкольна, но надеялись и впредь получать привилегии. Оппозиции придется подорвать огромную популярность президента в народе.

Филлипс, Самнэр, Уэйд, Стивенс не знали, какая стратегия поможет им преодолеть эту популярность президента. Они еще не сумели понять, в чем заключается политический гений Линкольна, с помощью которого он расстраивал планы всех, кто пытался вышибить его из седла.

К оппозиции присоединился первостатейный хамелеон Бен Батлер, выдающийся политический оборотень. В строй стал и Грили, хотя трудно было, как обычно, предвидеть, куда он дальше повернет. Со временем он станет настолько рьяно защищать Джефферсона Дэвиса, что ему придется услышать популярную песенку: «Мы повесим Гораса Грили на закисшей яблоне». Грили был очень недоволен в то время тем, что Линкольн медлил с назначением его министром почты и телеграфа.

По несчастной случайности или, вероятнее всего, по желанию и настоянию Грили письмо, посланное им Линкольну непосредственно перед предполагавшейся мирной конференцией в Ниагаре, было отправлено в Англию. В письме он требовал мира для нашей «истекающей кровью, обанкротившейся, разоренной страны». Неожиданно английская печать опубликовала это письмо в марте, сенсационно обставив американские газеты.

Редактор Уэллес оценил это по-своему: «Бедняга Грили конченый человек. У него болезненная страсть к дурной славе. Он хочет быть первым и самым заметным во всех спектаклях… То он настаивает на решительном форсировании всех боевых операций, то неожиданно требует мира и расхода в 400 миллионов, чтобы достичь этого. Честность его побуждений сомнительна. Он просто жадно добивается крупного поста». И в самом деле, мнение Уэллеса в основном оправдалось. Грили очень хотел назначения на пост министра. Более того, Грили был уверен, что из него получится превосходный президент.

Теперь Грили примкнул к оппозиции. С ней он будет идти до тех пор, пока у него не изменится настроение или какой-нибудь каприз не толкнет его к другой группировке.

При обсуждении деталей организации новых правительств южных штатов Сьюард услышал мнение президента:

— Мы не можем взять на себя назначение правительств во всех южных штатах. Их люди должны сами это сделать… хотя я

считаю, что поначалу некоторые из них не справятся со своими делами.

На этом заседание закончилось; все были уверены, что следующее заседание состоится во вторник 18 апреля.

В Вашингтон приехал новый британский посол, сэр Фредерик Брюс. Он ждал приема у президента. Линкольн сказал молодому Сьюарду:

— Завтра в два часа.

Сьюард предложил принять посла в Синем зале, и Линкольн подтвердил — да, в Синем зале.

Линкольн вызвал к себе вице-президента. Они очень редко встречались. Несколько раз он отказывал Джонсону в приеме. Сейчас он сделал несколько шагов ему навстречу и пожал ему руку.

Негритянка пробилась через нескольких стражников и достигла входа в Белый дом.

— Ни шагу дальше, мадам! — крикнул дежурный у дверей, но она нырнула ему под руку и бросилась в коридор. Дорогу ей преградил охранник.

— Ради бога, пропустите меня к мистеру Линкольну.

— Мадам, президент занят. Он не может вас принять.

То ли она вскрикнула, то ли шум проник за двери кабинета, но как она потом передавала: «Вдруг на порог вышел мистер Линкольн лично. Он стоял и смотрел на меня. Я его признала сразу. По странной улыбке… и лицо благостное. И он сказал этак сердечно, нежно: «У меня есть время для всех, кто во мне нуждается. Пропустите эту достойную женщину».

Нэнси Бушрод рассказала президенту о своей жизни, о своем муже Томе, о их рабской жизни на плантации Гарвуда под Ричмондом, о их бегстве в Вашингтон после Декларации об освобождении. Том ушел в армию, а Нэнси осталась с мальчиками-двойняшками и малюткой девочкой. Вначале она получала его жалованье каждый месяц. А потом все прекратилось. Правительство задержало выплату солдатам. Она обошла весь город в поисках работы, но Вашингтон был переполнен слугами неграми. Не может ли президент помочь ей получить жалованье Тома?

Линкольн ее выслушал и предложил прийти на следующий день, когда все документы будут готовы. И как Нэнси рассказала:

> «Я не могла открыть рот, чтобы сказать ему, что буду вечно помнить его слова. Я даже не видела его как следует… все время слезы капали.
>
> — Достойная женщина, — сказал Линкольн, —

возможно, что у вас будет не один трудный день, когда в доме будет один-единственный каравай хлеба. Все же раздайте детям по ломтику хлеба и пошлите их в школу».

Затем президент поклонился, «как будто я была всамделишная знатная дама».

Помощник военного министра Дана получил сообщение, что Джейкоб Томпсон, резидент разведки конфедератов в Канаде, который инспирировал налеты, диверсии и различного рода нарушения в районе Великих озер, должен был в ночь на 14 апреля сесть на пароход в Портланде. Стентон немедленно крикнул:

— Арестуйте его! Нет, подождите. Посоветуйтесь с президентом.

Линкольн спросил:

— Что говорит Стентон?

— Он предлагает арестовать его.

— М-да… Пожалуй, не стоит, — сказал президент. — Если поймать слона за заднюю ногу и он попытается вырваться, чтобы убежать, лучше отпустить ногу.

Узнав решение президента, Стентон счел за благо не ответить начальнику военной полиции в Портланде. Если начальник по своей инициативе произведет арест, Томпсон будет под замком, но без приказа Стентона об аресте.

Последовал перерыв в государственных делах, и Линкольн предпринял длительную поездку по городу наедине с женой в экипаже. Он отказался пригласить посторонних. Он говорил о том, что намерен после истечения срока второго президентства поехать за границу, затем заняться снова практикой в Спрингфилде и сельским хозяйством на берегах Сэнгамона. Миссис Линкольн отметила его радостное настроение, такое необычное и странное, что она не могла понять его, и это ее беспокоило.

— Я никогда в жизни не был так счастлив, — сказал он.

Страх охватил ее, и она напомнила ему:

— А разве у тебя не было такого же настроения перед самой смертью нашего мальчика?

Перед вечером Линкольн пошел пешком в военное министерство.

Линкольн обернулся к сопровождавшему его охраннику и сказал:

— Знаете, Крук, я убежден, что есть люди, которые хотят лишить меня жизни.

И, выдержав паузу, он добавил как бы про себя:

— И я не сомневаюсь, что они это сделают.

Линкольн сказал это так спокойно и уверенно, что Крук не мог не спросить:

— Мистер президент, почему вы так думаете?

— Ведь были же случаи убийств и раньше, — сказал он так же спокойно. — Я абсолютно уверен в каждом человеке из моего окружения. Никто не может совершить покушение и скрыться безнаказанно. Но если этому дано совершиться, ничем его не предотвратить.

После беседы со Стентоном Линкольн вышел к Круку. Охранник заметил, что состояние депрессии у президента кончилось. «Он говорил со мной, как обычно во время прогулок». О предполагаемом посещении театра он сказал:

— Газеты разрекламировали, что я там буду, и я не хочу обмануть ожидания публики. Иначе я не пошел бы: я не хочу идти туда.

Крука это удивило, ибо он знал, что театр всегда доставлял президенту удовольствие, в театре он обретал покой. У дверей Белого дома Линкольн посмотрел на охранника и сказал:

— Прощайте, Крук!

Это несколько озадачило охранника. Обычно президент ему говорил: «Спокойной ночи, Крук!»

В Белом доме его ждал конгрессмен Шелабарджер из Огайо. Несколько заискивая, он попросил назначить на армейскую штабную должность одного из своих избирателей. Линкольн, приятно улыбаясь, в ответ сказал, что этот случай ему напоминает одного молодого человека из Иллинойса. Некий ирландец заказал швее белую рубашку для парадного вечера. Женщина сшила ее, выстирала и отослала заказчику. Ирландец увидел, что накрахмалена не только манишка, а вся рубаха. Он ее вернул со словами, что ему не нужна рубашка, которая вовсе не рубаха, а вся воротник.

— Ваша беда, Шелабарджер, в том, что вы хотите упразднить армию и сделать один огромный штаб.

Пришел конгрессмен Джордж Ашман с ходатайством по делу клиента. Линкольн назначил прием Ашмана и его клиента на девять часов утра. Вошли миссис Линкольн, спикер Колфакс и Ноа Брукс. Президент, по словам Брукса, «был необычайно весел, он был полон надежд и веры в будущее страны, шутил, рассказывал анекдоты». Ему очень не хотелось идти в театр, и он был склонен все отменить. Когда они проходили к экипажу, Линкольн сказал:

— Грант полагает, что мы можем снизить расходы на армию

по крайней мере на полмиллиона в день. Если к этому прибавить экономию по военному флоту, то мы скоро сможем уменьшить государственный долг до вполне приемлемой суммы и поднять курс наших денег до уровня стоимости золотой валюты.

Замечательный старик Айзак Арнолд подошел к Линкольну, когда он садился в экипаж, и заговорил о своем деле. Линкольн сказал ему:

— Извините меня, я сейчас еду в театр. Приходите ко мне завтра утром.

3. Кровь на луне

В экипаже, кроме президента и его жены, сидел майор Генри Рид Ратбон, назначенный Стентоном для сопровождения Линкольна. Майор взял с собой свою невесту мисс Клару Гарис.

Столичное управление полиции отрядило Джона Паркера, одного из четырех офицеров, обычно несших эту службу, для охраны в этот вечер обитателей Белого дома. Как потом выяснилось, из этих четырех офицеров именно у Паркера оказался сомнительный послужной список.

В марте и апреле 1863 года он был под судом за различные преступления: его нашли спящим в трамвайном вагоне в то время, когда он должен был обходить дозором свой участок; в другом случае он вел себя недостойным офицера образом, прожив пять недель в доме терпимости, где он пьянствовал и стрелял из пистолета через окно. Суд установил, что он был морально распущен и вообще ненадежен.

Долго нельзя было выяснить, каким образом Паркер попал в Белый дом. Однако установили, что 3 апреля, когда его призвали в армию, миссис Линкольн на правительственном бланке написала начальнику военной полиции, что «Джон Паркер… назначен для несения службы в Белом доме по приказанию миссис Линкольн».

В девять часов президент и сопровождавшие его лица вошли в театр. Билетер провел их в ложу президента. Тысяча зрителей приветствовала появление президента аплодисментами, громкими криками; многие встали со своих мест. Президент кивал головой в знак признательности.

Из мягкого кресла-качалки, в котором Линкольн сидел, он мог видеть своих соседей по ложе, актеров на сцене и кое-кого за кулисами. В ложу вели две двери. Одна дверь была на запоре. В просторной ложе стояли дополнительные кресла, стулья, небольшая софа. И его видели только его соседи, актеры на сцене, люди за кулисами слева.

Но уединенность эта была только кажущаяся. В нескольких футах позади президента находилась входная дверь. В ней днем проделали дырочку, для того чтобы можно было наблюдать за происходящим в ложе. Тот, кто сделал эту дырочку, имел в виду следить за президентом и в удобный момент войти в ложу. Эта дверь открывалась в узкий коридор, ведущий к двери, которая выходила на балкон театра. Сделавший дырочку неизвестный должен пройти через обе двери, чтобы попасть в ложу президента. У самой двери, выходящей на балкон театра, в стене,

со стороны коридора, неизвестный приготовил два углубления, для того чтобы можно было дверь заложить прутом и предотвратить этим случайное вторжение людей, которые могут помешать неизвестному наблюдать за президентом через дырочку в две-рн. Обязанностью Паркера было неотлучно находиться у одной из дверей и неослабно сторожить коридор. Лэймон или Экерт, будь они здесь на посту, несомненно, заметили бы дырочку в двери и углубления в стене и удвоили бы бдительность.

Паркер слышит реплики актеров, заинтересовывается пьесой, уходит из коридора и занимает место в зале театра. Когда пьеса ему наскучила или, может быть, в антракте Паркер оставляет свое место на балконе, выходит на улицу и находит компанию, состоящую из кучера и ливрейного лакея президент та, для того чтобы с ними выпить. Все это на руку притаившемуся и бдительному неизвестному.

Тем временем зрители в зале театра без особых волнений следят за перипетиями действия и ждут событий на сцене.

События?! Они возникают с грохотом, при реве труб, они ошеломляют, как самые дикие, самые непостижимые, роковые, хаотические из всех, которые когда-либо потрясали и ослепляли мир.

Зал не видит этого рокового момента. Только один человек свидетель этого мгновения. Это неизвестный, тот, кто притаился и ждал, тот, кто приготовился. Он входит через дверь, ведущую с балкона в коридор, закладывает дверь железным прутом, закрепив концы его в углублениях кирпичной стены, и неслышно проходит по коридору к двери в ложу. Через дырочку он видит всех, кто сидит в ложе, и свою Живую Цель, находящуюся в мягком кресле-качалке. Бесшумно неизвестный открывает дверь и приближается к своей жертве. В правой руке у него однозарядный медный пистолет малого калибра, маленькое орудие смерти весом в восемь унций, умещающееся в кармане жилета; в левой руке зажат стальной кинжал. Он хладнокровен, точен и рассчитывает каждое свое движение. Он поднимает пистолет, вытягивает руку, прицеливается в голову, покоящуюся на расстоянии не более пяти футов, и нажимает спусковой крючок.

Маленькая свинцовая пуля, меньше полудюйма в диаметре, пробивает голову Живой Цели с левой стороны…

Майор Ратбон вскакивает со своего стула. На него бросается, занеся нож, странное человеческое существо, очень подвижное, гибкий дикий зверь, прыгающий со стремительностью тигра, — не человек, а дикая кошка. Он делает быстрый опасный выпад и наносит удар в сердце майора, успевающего заслониться правой рукой. Кинжал глубоко пронзает ее, майор шатается, отклоняется,

овладевает собой и успевает схватить сзади неизвестного, вскочившего на борт ложи. Тот снова полосует Ратбона кинжалом и прыгает в сторону сцены.

Публика не может разобраться: то ли это часть драматического действия, то ли происходит что-то необычное. Шелковый национальный флаг охватывает шпору на сапоге убийцы, и он падает в десяти футах от рампы; падает на левую ногу; хрустит большая берцовая кость чуть выше подъема.

О его преступлении публика все еще ничего не знает. Ее интересует, конечно, что означает появление этого стремительного черноволосого неизвестного с диким взглядом. Зрители видят, как он скачет огромными прыжками через сцену и исчезает в кулисах. Кто-то услышал крик Ратбона: «Держите его!» Кто-то бросился вслед за убийцей с криком: «Держите его!»

За кулисами он пробегает между ведущими актерами труппы, Лорой Кин и ее партнерами, с молниеносной быстротой бросается к дверце, ведущей на улицу. Там стоит скакун, которого держит под уздцы слабоумный мальчик по прозвищу Джон Земляной Орех. Убийца пинает мальчика и вскакивает в седло лошади. В общем от момента убийства до того мгновения, когда раздался стук копыт, проходит 60–70 секунд.

В зале театра все вскочили со своих мест. Тысяча человек стоит, двигается, суетится. Всех охватывает паника, страх перед тем, что может случиться через миг-другой. Многие стоят неподвижно, окаменевшие; они напрягаются, чтобы узнать, что случилось. Кто-то в душевной муке вопит: «Ради бога, что это такое… что произошло?»

Раздается вопль женщины. Впоследствии утверждали, что кричала миссис Линкольн. Вопль потрясает аудиторию, и многих от услышанного хватает дрожь. «Он застрелил президента!» Мужчины бросаются к сцене, перелезают через рампу. Проходы заполнены людьми, не знающими, что делать.

Прибывают 200 солдат, чтобы очистить зал театра. Теперь хаос возникает на улице. Одного мужчину обвиняют в том, что он выказал свою радость по поводу случившегося. Толпа тащит его к ламповому столбу, появляется веревка, его готовы повесить. Шесть полисменов с дубинками и револьверами в руках отбивают его и сажают в тюрьму ради его же спасения.

В ложе миссис Линкольн стонет и вскрикивает. Она успевает подхватить склоняющуюся голову мужа и не дает ему соскользнуть на пол. Майор Ратбон требует врача. Он бежит по узкому коридору, с трудом вытаскивает железный прут и открывает дверь. На балконе набилось полным-полно народу. Ратбон их всех сдерживает и пропускает лишь 23-летнего

помощника хирурга Чарльза Лила из волонтерских частей армии.

Доктор с помощью находящихся в ложе укладывает Линкольна на пол, поднимает веки у раненого и обнаруживает признаки повреждения мозга. Он проводит растопыренные пальцы сквозь слипшиеся от крови волосы, находит рану, удаляет сгусток крови, ослабляет давление на мозг и восстанавливает еле заметное дыхание; появляется слабый пульс.

Доктор Лил, став на колени, пытается усилить работу дыхательных органов; он всовывает два пальца в горло несчастного и нажимает на корень языка, чтобы освободить гортань от выделений. Приезжает военный хирург Чарльз Тафт, за ним д-р Алберт Кинг. Д-р Лил просит их поднять руки Линкольна, а сам нажимает ему на диафрагму и грудную клетку с целью усилить работу сердца. Он добивается прерывистого дыхания и улучшения пульсации. Позже он рассказал:

> «Я всем своим весом нажал на торс Линкольна, грудь к груди, лицо к лицу; несколько раз я набирал полные легкие воздуха и с силой вдувал его в рот и ноздри раненого. Добился улучшения дыхания. Выждав некоторое время, я приложил ухо к его груди и нашел, что работа сердца улучшается. Я приподнялся, наблюдал за ним несколько секунд, увидел, что президент в состоянии дышать самостоятельно и что мгновенная смерть предотвращена. Тогда я поставил свой диагноз и прогноз:
>
> — Рана смертельна; он не выживет».

Врачи решают, что теперь можно перенести президента в какой-нибудь близлежащий дом и уложить его в постель.

Солдаты под командованием капитана очищают коридор, битком набитый любопытными.

— Вон отсюда, сукины сыны! — кричит взбешенный капитан.

Солдаты и врачи несут президента к лестнице. Д-ра Лила спрашивают, можно ли отвезти Линкольна в Белый дом.

— Нет, — отвечает доктор, — он умрет в пути.

В ночном небе сверкает белая луна, по ней пробегают тяжелые, серые тучи. Вся Десятая улица, от самого входа в театр, запружена несметной толпой. Пронести сквозь нее президента нет никакой возможности. Тот же капитан подходит к Лилу:

— Доктор, приказывайте: я выполню любое ваше приказание.

Лил просит расчистить проход к ближайшему дому напротив. Капитан обнажает саблю, приказывает толпе расступиться. Ему повинуются. Процессия возобновляет свое медленное движение. Несколько раз она останавливается, и д-р Лил снимает с раны

сгустки запекшейся крови.

В передних рядах толпы, стоящей стеной по обеим сторонам, мужчины всеми силами сдерживают напор задних рядов. Люди, несущие президента, подходят к дому, но выясняется, что он заперт. У соседнего дома стоит человек со свечой в руке и приглашает к себе.

Поверженного Друга Людей укладывают на простую деревянную кровать. Часы показывают 10.45. Прошло немногим меньше получаса с момента, когда был нажат спусковой крючок.

Ноги Линкольна упираются в стенку кровати и колени чуть приподняты. Снять стенку или сломать ее не представляется возможным, и Лил укладывает президента наискосок. Наконец он лежит в полном покое.

По приказу Лила капитан очищает комнату от проникших в нее посторонних лиц и докладывает, что осталась одна лишь миссис Линкольн — он считает себя не вправе ей приказывать. Лил просит ее уйти, и она тут же уходит.

Врачи раздевают президента, детально его осматривают, посылают за горячей водой и нагретыми одеялами, требуют горчичников. Ноги Линкольна холодеют.

Раненый дышит с трудом. Пульс 44, слабый. Левый зрачок очень сузился, правый необычайно расширился. Оба глаза не реагируют на свет. Полное отсутствие сознания. Изредка слышен глубокий вздох.

Иногда миссис Линкольн разрешают приблизиться к мужу. В одно из посещений она кричит:

— Живи! Ты должен жить!

В другой раз она требует:

— Привезите Теда!.. С Тедом он будет говорить… он так его любит.

В соседней комнате от потери крови падает в обморок майор Ратбон. Его увозят домой.

Приезжает семейный врач Линкольнов — Роберт Стоун, за ним главный хирург армии Джозеф Барнс и его ассистент д-р Чарльз Крэйн. Лил докладывает своему шефу, принявшему на себя руководство, обо всем, что он сделал. В два часа утра Барнс пытается определить местонахождение пули, но вскоре врачи приходят к выводу, что это бесполезно.

В тот же час и почти в те же минуты, когда произведен был выстрел в президента, молодой человек гигантского роста скачет на лошади к дому Сьюарда, спрыгивает с коня у дверей дома, звонит, заявляет, что он прислан пользующим больного доктором и должен передать лично больному пакет с лекарством. Слуга у дверей пытается остановить гиганта, но тот быстро подымается

по лестнице, неожиданно обрушивается на Фреда Сьюарда, бьет его по голове пистолетом до тех пор, пока пистолет не рассыпается в его руках.

У молодого Сьюарда череп пробит, но он все же схватывается с вторгшимся незнакомцем, и в драке они падают на дверь, ведущую в комнату министра иностранных дел. Фред теряет сознание.

Дочь министра и солдат — брат милосердия, сержант Джордж Робинсон, вскакивают на ноги. Гигант расшвыривает их вправо и влево, пронзает Робинсона кинжалом, подскакивает к кровати, в которой министр лежит уже две недели со стальной рамкой на голове и лице. Он всаживает нож в горло больного раз за разом, трижды рассекает лицо и шею, но стальная рамка предотвращает смертельные удары. То ли сообразительность больного, то ли счастливая случайность не дают убийце завершить черное дело: министр скатывается на пол между кроватью и стеной.

Вторгшийся гигант бросается вниз по лестнице, полосует на ходу слугу, выскакивает невредимым на улицу, прыгает в седло и мчится по Вермонт-авеню в направлении к восточному предместью. Позади он оставил пять истекавших кровью раненых, разбитый пистолет, окровавленный нож и фетровую шляпу с широкими полями.

Эти кровавые нападения послужили основанием для слухов, распространявшихся по городу с невероятной быстротой, о том, что убиты почти все министры, что конфедераты подняли новое восстание, что в городе идут уличные бои, что сторонники отделения вышли из своих потаенных мест и захватили стратегические пункты для того, чтобы сделать последнюю отчаянную попытку победить.

По одному у постели президента собираются почти все министры. С коротким визитом прибывает вице-президент. Самнэр держит правую руку Линкольна и по-женски всхлипывает; в доме нет человека, у которого не было бы слез на глазах.

Над всем доминирует Стентон. Он как будто прожил все свои годы для того, чтобы в эту ночь показать все свои способности в полную силу. Он вызывает войска для удаления публики с улиц и с площадей, окружающих дом. Он приказывает пропускать в дом только правительственных чиновников и лиц, прибывающих с особыми поручениями. Он вызывает главного судью Колумбийского округа и предлагает ему приступить к расследованию дела.

Генералу Винсенту он приказывает стать комендантом дома, вызывает Гранта в Вашингтон, требует, чтобы Кенеди прислал из

Нью-Йорка немедленно лучших своих детективов, предлагает верховному судье Чэйзу подготовиться к принятию присяги у вице-президента Джонсона, публикует бюллетени о состоянии Линкольна. По словам одного из друзей, Стентон в эту ночь действовал за президента, за военного министра, за главнокомандующего; он стал и утешителем и диктатором.

Когда наступил рассвет, стало ясно, что Линкольн угасает. На улицах города всю ночь стояли группы людей, полные тревоги, ловившие вести о президенте. Уэллес, вышедший утром подышать воздухом, везде видел горестные лица. Ему задавали один вопрос: «Есть ли надежда?»

15 апреля 1865 года в 7 часов 22 минуты 10 секунд перестало биться сердце Линкольна. Глубокая река унесла в непостижимые дали, в потусторонний мир, откуда нет возврата, ребенка Нэнси Хэнкс и Тома Линкольна, мальчика из медвежьего угла, чье имя еще при жизни стало легендой, тесно переплетенной с неустанной борьбой человечества за свободу во всем мире.

Д-р Лил провел мягкую свою ладонь по напряженному лицу Линкольна и разгладил мускулы; затем он вынул две медные монеты, положил их на веки умершего и накрыл его лицо простыней…

4. Потрясение… Кто убийца?.. Пораженный горем народ

Мерный, монотонный звон колоколов раздался в Вашингтоне. За ним последовали Нью-Йорк, Бостон, Чикаго, Спрингфилд, Пеория, столицы штатов и перекрестки деревенских дорог. В течение дня безостановочно били в колокола; флаги были приспущены; черный креп вывесили в знак скорби.

Где-то в прериях Иллинойса, в графстве Колс, пришли на ферму и сообщили старой женщине горестную весть. Она сказала в ответ:

— Когда он уезжал, я знала, что живым он не вернется.

Это сказала Сара-Буш Линкольн, принявшая бремя скорби в тот день.

Эдвин Бут, актер, лучший в мире исполнитель шекспировских ролей, утром 15 апреля еще лежал в постели, когда вошел слуга и сообщил ему, что Джон Бут, его брат, стрелял в президента и убил его. Эдвин Бут говорил потом: «Как будто меня ударили молотом по голове».

Кто же был Джон Бут? Посредственный, малоизвестный актер покрыл теперь свое имя позором бесславия. Даже его друзья на Юге почти все отреклись от него, как от бешеного, совершившего предательство, преступление. Это был дьявольски коварный безумец, бретер-фехтовальщик, стрелок без промаха. лошадник. Теперь повсюду висели объявления с его портретом и именем: военное министерство обещало 50 тысяч долларов тому, кто доставит его живым или мертвым.

Джон Бут был одним из десяти детей в семье Джюниуса Брута Бута, владельца большой фермы в 25 милях от Балтимора. Джюниус Брут Бут, по-видимому, всегда был во власти эмоций, и часто сдерживающие центры не в состоянии были удержать его. Воспитали его в догмах епископальной церкви; вместе с тем он поставил себе за правило соблюдать некоторые священные дни согласно корану; католические попы считали его своим, так как он хорошо знал их обряды; в синагогах его принимали за еврея, когда он там читал молитвы на древнееврейском языке; масоны похоронили его в баптистском склепе. Принято было считать его видной фигурой в культурной жизни Америки и лучшим актером в шекспировских пьесах.

Он часто пил запоем и временами становился невменяем. У его сына Джона было где разгуляться 200 акров лесных угодий. Говорили, что «его испортили женщины», что он делал и брал все,

что ему хотелось, и обожал тайны. Непомерно росло в нем тщеславие; он был полон темных, неясных побуждений, которых близкие опасались и не могли понять; у него были планы и цели, подсказанные ему болезненными желаниями и ошеломляющим эгоизмом.

Он был недостаточно высок для ролей первых любовников, но «он возмещал этот изъян своей необычайной осанкой и привлекательностью… Он был кумиром женщин», — писал Чарльз Уиндгем.

Он подвизался на театральных подмостках Севера и с 1861 года при каждом удобном случае агитировал за дело Юга. В городе Олбэни его предупредили, что это может кончиться для него плохо. «Разве это не демократический город?» — спросил Бут. «Да, — последовал ответ, — демократический, но не раскольнический».

В 1864 году его стало заедать чувство вины: он живет в безопасности и полном комфорте в то время, когда на Юге свирепствует война и дела конфедератов все ухудшаются. Он решил совершить поступок, который спасет Юг от гибели и в то же время заставит мир застыть от драматизма этого акта. В августе 1864 года он завербовал двух сторонников для своего «предприятия». Это были Сэмюэл Арнолд и Майкл О'Лохлин — два школьных его товарища. Они наметили взять в плен или украсть президента, увезти его в Ричмонд и затем выменять на такое количество военнопленных конфедератов, которое обеспечит победу в войне.

Он жил большей частью в отеле «Нэшнл» в Вашингтоне, изучал образ жизни и обычаи Линкольна, в особенности его привычки как театрала. В театре Гровера, а также у Форда Бут был своим человеком; личную почту ему адресовали в театр Форда, где он и совершил убийство. В этих театрах он знал как свои пять пальцев все входы и выходы, все двери, закоулки, залы, коридоры, вестибюли и проходы.

В ноябре он верхом изъездил дороги Мэриленда и Виргинии к югу от Вашингтона, сутками изучал подъездные дороги, пешеходные тропинки, потайные места. Он отправил своей сестре Эйше письмо, из которого было ясно одно — его намерение доказать Югу, что он конфедерат-герой. Его шайка конспираторов собиралась в пансионе на улице Эйтч, между Шестой и Седьмой улицами. К шайке примкнули ученик провизора Дэвид Геролд, 20 лет, искавший работу, когда его повстречал Бут; затем еще один — черноволосый горбун с жидкой бороденкой, лукавый трус ср свирепым взглядом; он был немецкого происхождения, каретник из порта Тобако, Виргиния. Его, Джорджа Ацеродта, привлекла

обещанная Бутом награда в золоте. Третьим был высокий широкоплечий 20-летний атлет, гибрид быка и тигра, конфедерат, ветеран битв при Антьетаме и Чанселорвилле. Он был ранен под Геттисбергом. В январе 1865 года этот юноша, провоевавший четыре кровавых года, отчаялся, разуверился в конфедератах и дезертировал. Он шатался по улицам Балтимора, бездомный, без гроша в кармане, в отрепьях. Он нашел у Бута сочувствие, похвалу, помощь деньгами и одеждой. Он был известен как Люис Пэйн (Люис Торнтон Поуэл), чье посещение дома Сьюарда закончилось ранением пяти человек. Хозяйкой пансиона была Мэри Сурат, «почтовый ящик» конфедератов, адова шпиона, в свое время переправлявшего информацию южанам.

Ее сын Джон бросил работу клерка и вступил в шайку Бута. Ростом в шесть футов, этот худощавый, но могучий парень привел с собой Луиса Вайхмана, колеблющегося, подозрительного и осторожного молодого человека. Они дружили два года в школе. в которой Сурат готовился стать священником. Вайхман был школьным учителем в Вашингтоне и затем работал клерком в бюро генерального комиссара по делам военнопленных.

Из старых членов шайки Сэмюэл Арнолд был батраком, ненавидевшим работу на ферме, а Майкл О'Лохлин работал конюхом; он прилично управлялся с лошадьми и еще лучше со спиртными напитками. Шайка занимала семь номеров в пансионе миссис Сурат и жила на средства Бута.

Был день, когда Бут и Пэйн вдвоем рыскали по парку Белого дома. Бут подстрекал Пэйна пойти в Белый дом, послать Линкольну свою визитную карточку, войти в его кабинет в качестве просителя и там же на месте убить. У Пэйна не хватало наглости для этого, и Бут Издевался над ним.

8 апреля Вашингтон ликовал по поводу сдачи армии Ли. Пэйн, Ацеродт и Геролд ждали приказаний Бута. Вечером 11 апреля Бут и Пэйн стояли в толпе на лужайке перед Белым домом, у окна, где президент произносил свою речь. Бута трясло от бешенства, когда он слышал слова об избирательном праве для негров, о предоставлении права голоса цветным, «очень интеллигентным… и тем, кто воевал за наше дело в рядах армии». Он подстрекал Пэйна стрелять в оратора, но Пэйн отказывался — риск был слишком велик. Они ушли. Бут бормотал: «Это последняя речь в его жизни».

В своих показаниях сестра Бута — Эйше — писала, что «… если Джон сошел с ума, то это произошло в период между падением Ричмонда и ужасающим концом».

14 апреля, в страстную пятницу, между одиннадцатью и

двенадцатью часами дня он приходит в театр Форда за своей почтой и слышит, что посыльный из Белого дома договаривается о резервировании ложи для президента на этот, вечер. Он сразу приступает к действию: берет напрокат лошадь, спешит к миссис Сурат и вручает ей пакет с полевым биноклем, который она должна передать в таверну в Суратсвилле. Затем он идет в театр, видит, как вносят кресло-качалку в ложу для президента. Он осматривает замки, буравит дырочку в двери и выдалбливает углубления в штукатурке кирпичной стены.

В семь вечера Бут выходит из номера в отеле «Нэшнл». Проходя мимо клерка, он спрашивает его, не собирается ли он сегодня в театр Форда? Нет, клерк не собирается. «Там сегодня состоится замечательный спектакль», — говорит Бут. Он спешит в Герндон-Хауз и договаривается с Пэйном о синхронном по времени убийстве президента и Сьюарда. Ацеродту поручается убить вице-президента. Геролд должен отвести Пэйна к дому Сьюарда и затем поспешить на помощь к Ацеродту. На улице Ацеродт говорит Буту, что он завербовался красть людей, но не убивать. Бут бушует и осыпает его ругательствами.

Ацеродт уходит. Он вооружен револьвером, который, насколько он понимает, никогда сам не использует. Больше он никогда Бута не увидит. Рано утром следующего дня в 22 милях от Вашингтона, в Джорджтауне, Ацеродт закладывает свой револьвер за 10 долларов. Он один из трех человек, единственный, кто мог предупредить полицию о намерениях Бута.

У служебного входа в театр Форда Бут просит плотника Спанглера подержать коня, входит в здание театра, проходит под сценой, выскакивает через запасный выход в переулок, заворачивает на улицу к главному входу в театр.

Тем временем Спанглер передает уздцы юноше привратнику — Земляному Ореху,

Бут видит группу людей, окруживших экипаж президента. Они надеются взглянуть на президента, когда он выйдет из театра. Бут проходит мимо билетера Бэкингама и говорит ему, улыбаясь: «Неужели вы потребуете билет у меня?» Он спрашивает, сколько времени, и тот указывает ему на часы в вестибюле. По просьбе Бута Бэкингам дает ему кусок прессованного жевательного табака. Бут не торопится. Он неоднократно смотрел пьесу «Наш американский кузен» и знает, что скоро на сцене останется только один актер, а в кулисах женщина и мальчик. Предстоящий выход двух дам обычно вызывает в публике смех, достаточно громкий, чтобы заглушить необычный шум в ложе.

Бут проникает в коридор, ведущий к ложе npeȷ зидента. До этого момента одна из миллиона обычно возможных прихотей судьбы могла помешать Буту и сделать выстрел невозможным. Но ничто не встало на пути убийцы.

А что же тот единственный человек, чьей обязанностью, определенной присягой, было преградить путь террористу? Джона Паркера даже не судили. Лишь спустя три года его уволили из полиции за то, что он спал во время дежурства.

Ни Стентон, ни Лафайет Бэйкер, ни один член конгресса, ни одна центральная или провинциальная газета, никто из облеченных правами стражей общественного порядка не заинтересовались Паркером. А ведь сколько солдат было расстреляно за меньшие преступления!

Дело в том, что со смертью Линкольна у государственных мужей мгновенно появились новые интересы.

Конгрессмен Генри-Лоренс Доус поспешил вместе с сенатором Бен Уэйдом в Кирквуд-Хауз, чтобы приветствовать только что принявшего присягу нового президента Эндрю Джонсона. Уэйд сказал:

— Мистер Джонсон, я благодарю бога, что вижу вас здесь. В жилах Линкольна текло слишком много благостного млека, чтобы расправиться как следует с этими проклятыми мятежниками. Теперь они получат по заслугам.

Закрытое собрание радикального крыла республиканской партии в тот же день обсуждало вопрос о принятии «политической линии, менее примиренческой, чем у Линкольна», как сказал конгрессмен Джордж Джулиан.

Убийство снесло все краеугольные камни, все корни человеческих отношений, которые живой Линкольн заложил и оберегал.

Нью-йоркская «Геральд» в передовой от 16 апреля прямо заявила, что вина за убийство ложится и на редакторов газет, которые направили Бута на кровавый путь. «Ясно как день, что исходным пунктом этого ужасного акта является дьявольски злобная кампания, проводимая и развиваемая мятежной прессой Севера и Юга. Именно пресса самым отвратительным образом подстрекала на совершение этого убийства».

Журнал «Харперс уикли» обвинял заинтересованные партийные круги, их рупор — прессу, политиканов и ораторов. Прямо и косвенно, открыто и со скрытым коварством разжигали они страсти, «утверждая, что Линкольн зачинщик войны, что это он вырыл пасти могил и столкнул туда столько жертв… Невероятно, что нашлись люди, поверившие этому; что нашлись люди, сказавшие, что раз есть тирания, то не может считаться

большим преступлением убить тирана».

Миссис Чеснат записала в свой дневник: «Убит Линкольн, старина Эйби Линкольн… Почему? Кем? От этого можно сойти с ума… Я убеждена, что это подлое убийство принесет нам еще большие страдания».

В небольшом фермерском домике Шерман передал телеграмму генералу конфедератов Джозефу Джонстону: «Президент Линкольн убит в десять вечера. Стентон». На лбу у Джонстона выступили крупные капли пота. Один из лучших генералов конфедерации сказал: «Мистер Линкольн был самым лучшим нашим другом… это самое страшное бедствие для Юга». Шерман решил про себя: «Линкольн мертв, но я заключу мир по Линкольну».

Когда позже ужасная новость стала известной армии Шермана, она намеревалась сжечь город Рали дотла. Против этого выступил Логан, вмешались и другие командиры; дисциплина одержала верх.

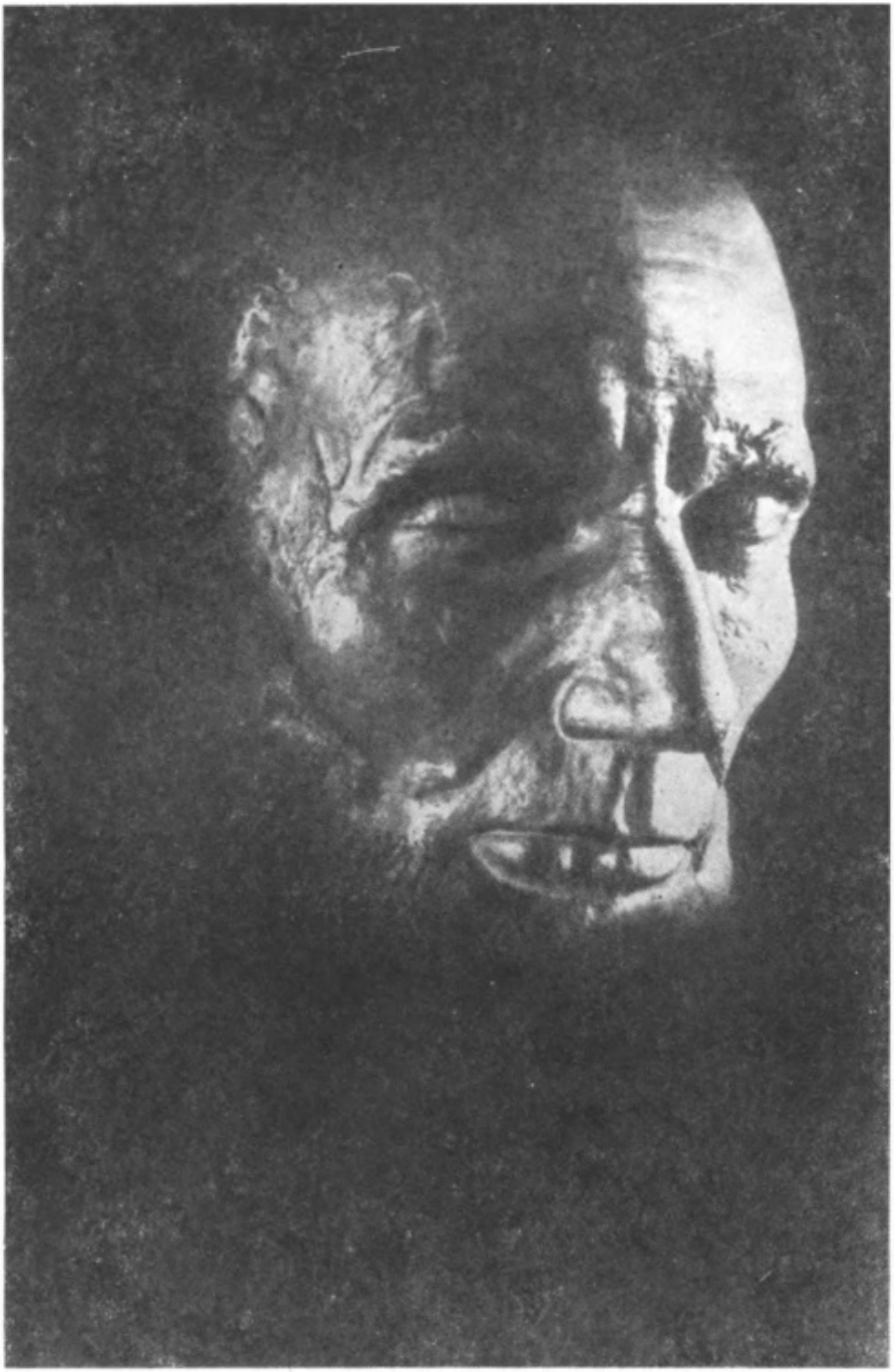
Бросили в тюрьму ведущую актрису Лору Кин и актера, мимо которых Бут пробежал после злодейского акта. Арестовали его кроткую сестру Эйше и препроводили из Филадельфии в вашингтонскую тюрьму. Его брат Эдвин заявил, что он никогда не будет больше выступать на американской сцене. Стентон неистово настаивал на розысках бежавшего Джефферсона Дэвиса.

> «Харпере уикли» сообщил: «Генерал Ли отказался выслушать подробности убийства… Он сказал, что сложил с себя командование армией мятежников, имея в виду доброту президента Линкольна, и сдался в такой же мере добросердечию последнего, сколь и артиллерии Гранта».

Однако расчеты Бута частично оправдались. Незначительное меньшинство крайних элементов на Севере и Юге ликовало. Перед входом в нью-йоркский почтамт 15 апреля кто-то громко приветствовал приятеля: «Вы слышали последний анекдот Эйби?» Через 2–3 минуты его окружила взбешенная толпа. Его били по голове под гневные возгласы: «Повесить его!», «Убейте его!», «Повесить выродка!» В спасавших его полицейских полетели камни и кирпичи.

Подвыпивший англичанин Питер Бритон шел по улице Вандеуотер и изрыгал проклятия на Линкольна: «Я приехал издалека, чтобы увидеть этого в могиле». Возбужденная толпа накинулась на него; вмешалась полиция и увела его в тюрьму.

Театр Форда в Вашингтоне, где был убит А. Линкольн.



Посмертная маска А. Линкольна.

Суд приговорил его к шести месяцам каторжных работ.

Сержант полиции Уолш нокаутировал Джорджа Уэлса, услышав его слова: «Старикан Эйби, сукин сын, мертв, но его

должны были бы убить давным-давно».

Для многих Бут стал героем. В Свампскоте, Массачусетс, некто Джордж Стоун заявил, что «это лучшие вести за все четыре года». Горожане и солдаты измазали его дегтем и вываляли в перьях.

В Чикаго на нескольких улицах владелец питейных заведений, сторонник южан, вывесил в витринах портреты Бута. Мальчишки и взрослые мужчины камнями разбили вдребезги окна этого тайного сторонника южан.

Север был в трауре. Всюду, куда достигал взгляд человека, висели символы печали. Проповеди, передовицы, разговоры на улицах, в домах, в барах, в поездах и трамваях, черные флаги и креп — все это были попытки выразить то, что высказать было невозможно. Люди пытались комментировать событие, но слов не хватало, и они замолкали.

Тысячи тысяч будут всю свою жизнь вспоминать, где они сидели, или стояли, или лежали, когда эта ужасная весть пришла к ним, что они делали в этот момент.

По холмистым прериям пограничного штата Айова носился на скакуне от фермы к ферме поселенец и на ходу бросал соседям: «Линкольна застрелили!», или: «Линкольн убит — его застрелили в театре». И это все. Всадник исчезал. Но они его слышали. Онемевшие, пораженные, они стояли неподвижно, в полном отчаянии, жаждая еще каких-то сведений. Иногда можно было услышать: «Что же теперь страна будет делать?»

Ранним утром в вагоне Филадельфийской конной железной дороги почтенный квакер раскрыл утреннюю газету, уставился в нее и воскликнул: «Мой бог! Что это значит? Линкольна убили!» В сером свете утренней зари мужчины закрыли лица руками, и горячие слезы закапали на покрытый соломой пол. Вагоновожатый вошел, чтобы удостовериться в услышанном. Потом он сошел, снял колокольчики с коней и повел дальше вагон, полный безмолвных, всхлипывающих от горя мужчин.

В тысячах магазинов хозяева приказывали продавцам закрыть магазины на весь день. Во многих школах учителя в слезах говорили детям: «Расходитесь по домам; сегодня занятий не будет».

В Чарлстоне, Южная Каролина, старая негритянка ходила по улицам с устремленным вдаль взглядом, ломала пальцы рук и вопила: «О боже! О боже! Мистер Сэм убит! О боже! Дядя Сэм убит!»

В Бостоне тысяча с лишним человек сошлись на площади Комон и попарно молчаливо маршировали; около часа они шагали, не проронив ни слова, и затем не спеша разошлись; они

нашли какое-то утешение в том, что им удалось побыть вместе, поделиться общим горем.

В одном из домов в Хантингтоне, Лонг Айлэнд, мать и ее сын Уолт Уитмен еще рано утром узнали печальную весть; они не смогли ни завтракать, ни обедать в этот день. Они передавали друг другу экстренные выпуски газет, и лишь изредка можно было услышать слово, другое — не больше. Сын решил, что ежегодно в день 14 апреля он будет уставлять свою комнату ветками сирени, для него это будет святой день в память о человеке, которого он характеризовал как «великолепнейшую фигуру на изобилующем драмами полотне девятнадцатого века».

Папаша Авраам ушел. Старина Эйби! Не будет больше рассказов об этом человеке, живущем в Белом доме в Вашингтоне. Люди сохранили газеты или вырезки из них — его речь в Геттисберге, некоторые его письма, речь, произнесенная при вторичном вступлении на пост президента. Теперь газеты выходили в черных, как креп, рамках. Нужно было сохранить память о нем, о том, что осталось, — о светлой жизни, прожитой им, о ее значении. Этого не отнять было никому.

5. «Дерево лучше всего измерить, когда оно повалено»

В огромных каменных соборах городов, в скромных деревянных церквах поселков, в маленьких бревенчатых церквушках, на перекрестках сельских дорог, в часовнях госпиталей и по крайней мере в одной государственной тюрьме, во время богослужений на кораблях военно-морского флота и в армейских лагерях в пасхальное воскресенье читались проповеди, посвященные памяти убитого президента.

Пастор Фротингам сказал, что народ горевал потому, что он потерял друга, которого любил просто как человека: «У него почти не было состояния, он не нуждался в званиях. Его личные достоинства выпирали сквозь мундир официального положения, так же как угловатость его фигуры не могла быть скрыта парадным костюмом, как кости его огромной кисти выпирали сквозь перчатки… Он был личностью с сильным характером и никак не марионеткой… Страна не прославляет его как полубога, она оплакивает его как друга. В своей работе он олицетворял народ, чьим органом и орудием президент Линкольн всегда был. Такая скромность превосходит всякое понимание, она переходит в полное самоотречение, она граничит даже со святостью… Он работал и ждал, ждал и работал… терпя многое и от своих друзей… он принимал страдания, переносил горе, прятал свои чувства и выполнял свой долг!»

Во многих проповедях и передовицах газет Линкольна приравнивали к Моисею после перехода через пустыню — оба увидели Землю Обетованную с горы лишь затем, чтобы умереть.

В десятках проповедей перед паствой из состоятельных и влиятельных прихожан радикалы настаивали на строгом суде и повешении лидеров южан. В особенности эта линия выявилась в проповедях протестантских священников в Бостоне. Однако в других городах и общинах духовенство скромно придерживалось строго духовного утешительства и избегало политики.

Примерно в гаком же духе говорили о Линкольне в костелах и синагогах. Генри Бичер в своей проповеди сказал:

> «О Иллинойс, четыре года тому назад мы взяли у тебя человека неиспытанного, из гущи народной. Мы возвращаем тебе могучего победителя. Но он не твой больше, он принадлежит нации; он теперь не наш только, а принадлежит всему миру.

О прерии! В центре этого огромного континента его прах найдет свой покой и станет священным сокровищем для паломников, несметных числом, влекомых к этой гробнице, чтобы возжечь заново свое рвение и патриотизм.

Вы, ветры, мчащиеся над широкими просторами Запада, воспойте ему реквием! Вы, люди, узрите мученика, чья кровь с отчетливостью слова изреченного умоляет о верности, о свободе, о законности».

Все громче раздавались голоса, требовавшие смертной казни не только Джефферсона Дэвиса, но и генерала Ли.

Черными типографскими рамками, передовицами, письмами читателей, вдохновенным потоком стихов газеты откликались на народное горе. Еженедельные журналы, ежемесячники тоже были обрамлены черным. Выпуск нью-йоркской «Геральд», содержавший замечательно написанную расширенную биографию Линкольна и полную подборку последних новостей, был раскуплен в Вашингтоне в течение 15 минут. На следующий день за номер этой газеты в Вашингтоне платили по 10 долларов.

Уильям Кэртис писал в еженедельнике «Харпере уикли» о Линкольне, что «…он видел дальше и глубже других, хотя в волнах смутного времени, в которые он был брошен, немногое можно было ясно рассмотреть…».

Старая пословица, хорошо известная лесорубам, вполне здесь подходила: «Дерево лучше всего измерить, когда оно повалено». История живого, действующего Линкольна кончилась. Теперь началась обширная эпопея в подлинной линкольнской традиции, в которой смешались легенды, мифы, фольклор. Верующие и атеисты, доктринеры и свободомыслящие — все они утверждали, что Линкольн принадлежит им. Письма и памфлеты изображали его то масоном, то спиритом, протестантом, католиком, евреем или человеком, у которого в жилах текла негритянская кровь. Трезвенники вполне резонно считали его своим, потому что он никогда не любил спиртного; а завсегдатаи салунов, проводившие свое время среди опилок и плевательниц, утверждали, что одни только его анекдоты доказывали, что он один из них. Но были и такие, кто предъявлял свои претензии в обобщающем утверждении: «Он был человечным».

В огромном и все увеличивающемся хоре почтительности и преклонения нашлась все же кучка людей, которая соглашалась с высказываниями империалистической и консервативной лондонской «Стандарт»: «Он не был героем при жизни, следовательно, ужасное убийство не может превратить его в

мученика». Но народ Англии, массы, чьи ярко выраженные симпатии сорвали желание правительства официально признать конфедерацию, искренне горевали о его смерти.

Во французском сенате и палате депутатов монархисты и республиканцы объединились в формальном выражении соболезнования. На собранные по двухеантимовой подписке деньги была куплена массивная золотая медаль, которую комитет из либералов просил американского посла передать миссис Линкольн со словами: «Передайте ей, что в этой маленькой коробочке сердце Франции».

Пожалуй, большее значение, с заглядом в будущее, имел марш тысячи студентов из Латинского квартала через мост Сан Мишель. Полиция устроила баррикаду, преградила путь демонстрантам, приказала им разойтись и арестовала вожаков. Однако группа из 30 студентов все-таки пробилась к миссии Соединенных Штатов и передала послу Байгелоу адрес. В нем содержался косвенный выпад против Луи Наполеона:

> «В президенте Линкольне мы оплакиваем согражданина. Нет больше стран, отгороженных своими границами. Наша родина — любая страна, в которой нет больше ни господ, ни рабов, там, где народы добились свободы или борются за нее. Мы сограждане Джона Брауна, Авраама Линкольна и Уильяма Сьюарда.
>
> Мы молодежь, которой принадлежит будущее; у нас огромная энергия, и мы ее употребим на то, чтобы добиться подлинной демократии.
>
> Тот, кого только что сразили, был гражданином республики, великие люди которой не покорители, нарушающие права и суверенность народа, а основатели и блюстители его независимости, такие, как Вашингтон и Линкольн».

В Германии многие союзы и общества, рабочие клубы, кооперативы, журналы рабочих выразили свое горе.

В Швеции отдан был приказ приспустить флаги в знак траура на всех кораблях, стоявших в гаванях Гётеборга и Стокгольма. То же произошло и в гаванях Норвегии. Тысячи норвежцев насчитывали своих кровных родственников в полках штатов Висконсина и Миннесоты. Молодой Генрих Ибсен в стремительной, бурной поэме «На смерть Авраама Линкольна» оспаривал право реакционной Европы оплакивать смерть самого выдающегося сына демократического западного мира.

На востоке — в Китае, Японии, Сиаме — принимались резолюции с выражением соболезнования.

Рассказы, легенды о Линкольне распространились на все четыре стороны света. Он оказался нужным всем. На всех континентах путешественники видели в домах бедняков портреты Линкольна; люди всегда готовы были говорить о нем. Ничто не было более пленительным, чем слово Льва Толстого, прозвучавшее из России, из Ясной Поляны: «Если кто-либо хочет понять величие Линкольна, он должен выслушать рассказы о нем разных народов. Я бывал во многих медвежьих углах. Но и там слово «Америка» произносится с таким трепетом, как будто это какой-то рай на земле или, может быть, ад. Но даже самые необразованные люди говорили о Новом Свете с уважением только в связи с именем Линкольна. Самые примитивные народы Азии говорят о нем, как об удивительном герое».

Путешествуя по Кавказу, Толстому довелось стать гостем главы черкесского племени, набожного мусульманина, который жил в горах, далеко от цивилизации; у него были неясные, детские представления о мире за пределами его владений. Он угостил Толстого лучшими яствами и напитками. По окончании пира хозяин попросил гостя рассказать о далекой от горного селения жизни. Толстой говорил о крупных государственных деятелях и знаменитых генералах, но это не вызвало особого интереса у слушателя. Все же он позвал соседей и их сыновей, чтобы послушать гостя. Полудикие наездники, дети голых каменистых гор, уселись на полу сакли и жадно слушали рассказы Толстого о русских царях, о войнах, об иностранных правителях и генералах. У него спрашивали подробности о Наполеоне, о его росте, о величине его рук, о тех, кто отливал для него пушки и пистолеты, о масти его коня. Толстой, как мог, отвечал на вопросы, но не удовлетворил их любознательности, хотя сообщил все, что знал о Наполеоне. Наконец глава племени встал — высокий седобородый конник, пахнувший кожей, лошадьми, землей, и очень серьезно сказал: «Ты до сих пор ни слова не сказал о величайшем полководце и правителе в мире. Это был герой. У него был голос мощный, как гром, его улыбка была, как восход солнца, его дела были крепки, как скала, и услаждали они, как аромат роз. Ангелы явились его матери и предсказали ей, что сын, которого она зачала, будет величайшим в мире человеком. И он действительно был так велик, что даже прощал преступления своих врагов и по-братски пожимал руки гех, кто покушался на его жизнь. Его звали Линкольн, и страна, в которой он жил, называется Америка. Страна эта так далеко, что если бы туда отправился юноша, то к концу пути он пришел бы стариком. Об этом человеке расскажи нам».

Послышались возгласы: «Будь добр, расскажи нам!» Они

обещали взамен выбрать и подарить Толстому лучшего коня.

Толстой смотрел на их сиявшие лица, на сверкавшие глаза. Он увидел грубых горцев, и это они жаждали услышать об Аврааме Линкольне. И Толстой им рассказал о мудрости Лннкольна, о правителе, который вышел из самого простого народа, поднялся из нищеты. Толстого забросали вопросами. На каждые девять из десяти вопросов он не мог ответить. Они хотели знать о привычках Линкольна, о его влиянии на людей, о его росте, о том, какой вес он мог поднять. И с изумлением они узнали, что как наездник он представлял неважное зрелище.

— Скажи нам, почему его убили? — спросил один.

Толстой сообщил все, что знал. Его слушатели были очень довольны рассказами Толстого, «бурно благодарили», а на следующее утро, когда Толстой оставлял селение, вождь подвел ему прекрасного арабского коня в знак признательности за удивительные повествования.

Вместе с Толстым в город поскакал и черкес — Толстой надеялся достать там портрет Линкольна. Ему удалось найти большую фотографию, которую он передал горцу. Тот посуровел, руки у него слегка дрожали. Со слезами на глазах он долго смотрел на портрет, как будто молился.

Толстой считал, что Линкольн не был таким великим полководцем, как Наполеон, или таким искусным государственным деятелем, как Фридрих Великий. Почему же тогда Линкольн затмил многих знаменитых людей? Потому, полагал Толстой, что Линкольн превосходил их особой нравственной силой и величием духа. Многие испытания и большой жизненный опыт помогли ему осознать, что «величайшее достижение человека — любовь к ближнему». И пояснил: «Он был тем, чем Бетховен был в музыке Данте в поэзии, Рафаэль в живописи, Христос в философии жизни. Он хотел стать божественным и достиг этого».

На большой дороге жизни, где ошибки неизбежны, он искренне следовал одному основному побудителю — заботе о благе человечества. И Толстой продолжал: «Мир первоначально обычно судит неправильно, и должны пройти века, прежде чем установится истина. Но с Линкольном все было верно с самого начала. Раньше или позже Линкольн стал бы великим человеком, даже если бы он не был американским президентом. Но лишь новые поколения. отдали бы ему должное».

Любой вид героизма обречен на забвение, если в основе его не лежат четыре абстракции, конкретизированные поступками. Толстой их перечисляет: человечность, правдивость, справедливость, жалость. Величие Аристотеля и Канта он ставил

ни во что по сравнению с величием Будды, Моисея и Христа. «Величие Наполеона, Цезаря и Вашингтона равносильно лунному лучу при свете линкольнского солнца. Его пример всеобъемлющ и будет жить тысячелетия. Вашингтон был типичным американцем, Наполеон — типичным французом, а Линкольн был гуманен, как сам мир. Он был более великим, чем вся его страна, более великим, чем все президенты, вместе взятые».

Толстой сказал журналисту Джеймсу Крилману, что из всех национальных героев и государственных мужей, известных истории, лишь «Линкольн по-настоящему велик». Линкольн был человеком, которым народ вправе гордиться. Он был младшим Христом, святым для всего человечества, его имя будет жить в веках, в легендах грядущих поколений. «Мы все стоим еще слишком близко к его величию и потому вряд ли способны оценить его божественную силу; но придет время, и наши потомки увидят, что он гораздо больше, чем мы себе представляем сейчас. Его гений слишком велик и могуч для обычного понимания, так же как солнце слишком горячо, когда его прямые лучи падают на нас».

Эмерсон так характеризовал Линкольна: «…Для своего времени он — правдивая история американского народа. Он шел впереди своего народа на шаг, на два; он замедлял движение, когда народ медлил, и ускорял свои шаги, когда народ устремлялся вперед. Он был настоящим представителем этого континента, он полностью принадлежал народу — он был его отцом».

Уолт Уитмен засыпал гроб Линкольна распустившимися цветами и зелеными ветками — охапками роз, свежими, как утро, грудами сирени, только что сорванной с кустов. Он написал стихотворение «Когда сирень в последний раз цвела на дворе», последняя строка которого гласила: «…за самого милого, умнейшего человека всех наших дней и народов — это в его добрую память».

Тысячи комментаторов считали Линкольна воплощением Свободы для негров и защиты Союза. Поставив эти две цели, Линкольн победил в войне. Низвергнут был статус собственности на негров, потерпела поражение доктрина отделения, так же как и права штатов. Негры могли теперь оставить места, где они были несчастны, и по закону свободно уходить туда, где они были также несчастны. Теперь негр больше не считался преступником, если его заставали за чтением книги; не считалось больше преступлением учить негра грамоте. Теперь многие фермеры могли переселиться на запад; можно было начать строить трансконтинентальную железную дорогу. Индустриальные,

финансовые и транспортные компании могли с чуть ли не взрывной силой сорвать сдерживающие их путы.

В результате войны Соединенные Штаты могли теперь занять свое место среди крупнейших держав мира.

Линкольн оказался выше любой исторической личности. Это было ясно для всех. От него падала самая длинная тень. Но для него самого величайшим героем был Народ. И он не уставал повторять, что он был не больше, чем орудие в руках народа.

6. Шествие и вечное молчание

В Восточном зале Белого дома покоилось тело большого человека; оно было набальзамировано и подготовлено для отправления в путь. Гроб стоял на платформе под балдахином; с него свисали банты из черного шелка и складки из крепа. Кисти, листья трилистника, серебряные звезды и шнуры украшали боковые стенки и края гроба. К щиту прикрепили серебряную дощечку с надписью:

«Авраам Линкольн
Шестнадцатый президент Соединенных Штатов.
Родился фев. 12, 1809 г.
Умер апреля 15, 1865 г.»

Это было во вторник 18 апреля; на лужайке перед Белым домом собралась небывалая масса людей, примерно 25 тысяч. Двумя колоннами они проходили через Восточный зал, двигаясь по обеим сторонам гроба; среди них было много бледных, прихрамывающих солдат из выздоравливающих команд госпиталей; женщины и дети всхлипывали, громко плакали; люди останавливались лишь на мгновение, чтобы взглянуть на человека в гробу.

В среду 19 апреля пришли 60 священников, министры, члены верховного суда, крупные чиновники, послы, генерал Грант с белой лентой через всю грудь, новый президент Эндрю Джонсон — всего 600 сановников. Миссис Линкольн все еще не могла прийти в себя и отсутствовала, но пришел Роберт Линкольн.

Священники методистской, епископальной, пресвитерианской и баптистской церквей выступили с надгробным словом.

Панихида окончилась. Загудели колокола соборов, к ним присоединились тонкие голоса с колоколен церквей, заблаговестили в Вашингтоне, Джорджтауне и по ту сторону реки в Александрии. Хрипло заревели орудия фортов, окружавших столицу; к ним присоединились армейские батареи, присланные в город.

В последний раз появился Линкольн в дверях правительственного здания. Миля пути до Капитолия. Тротуары и обочины забиты были людьми. Они на крышах, в окнах, в дверях, на балконах, на лестницах. Шестьдесят тысяч человек наблюдали траурное шествие сорока тысяч. Министр Сьюард, исколотый кинжалом, сидя на придвинутой к окну кровати, провожал гроб

со смешанными чувствами горестного сожаления о Линкольне и радости, что его самого смерть миновала. В ротонде Капитолия, под высоким белым куполом, двенадцать сержантов из резервного корпуса ветеранов подняли гроб на катафалк.

В течение ночи сменялся караул у гроба, шепотом передавались команды, тихо ступали караульные.

В десять утра двери открыли специально для раненых солдат из госпиталей, для слабых и разбитых, с пустыми рукавами и костылями. После них впустили народ. К полуночи прошло 25 тысяч человек.

В пятницу утром, 21 апреля, гроб внесли в вагон, и паровозные колокола зазвонили на всех путях вокзала. Огромная масса людей с непокрытыми головами провожала траурный поезд из семи вагонов.

Это было началом похоронного пути длиною в 1 700 миль. Поезд посетил все города и станции, которые четыре года и два месяца тому назад проехал Линкольн по дороге к первому вступлению на пост президента.

Балтимор был в трауре, и в его глубокой почтительности были видны несомненные перемены, которые произошли за четыре огненных года войны. Медленно катились колеса поезда по земле Пенсильвании. У тихих перекрестков сельских дорог ждали люди, фермеры со своими женами и детьми, кто стоя, кто верхом на конях. Они ждали часами, для того чтобы отдать последнюю дань почтения и любви. Толпы встречали поезд и в городах и в деревнях, иногда с оркестром, часто с цветами в руках — у них была надежда, что поезд остановится и тогда они возложат на гроб камелии, розы, ландыши, яркие ароматные венки.

В Гарисберге под сильным предрассветным дождем ждала 30-тысячная толпа. Она увидела гроб, утопавший в белых цветах миндаля. В субботу, в полдень 22 апреля, в Филадельфии тело Линкольна встречало полмиллиона человек. Гроб установили в Индепенденс-Хаузе. На улице колонна пришедших прощаться растянулась на 3 мили.

Мимо гроба прошло 250 тысяч человек.

Траурный поезд следовал через Нью-Йорк, Джерси-сити и другие города. Везде ждали многотысячные толпы людей. Пароход-паром перевез катафалк через реку Гудсон, подошел к пристани на улице Десбросез в Нью-Йорке. Седьмой национальный гвардейский полк построился квадратом, в центре которого двигался похоронный кортеж. Улицы по обеим сторонам были переполнены людьми.

В этот день облачение Нью-Йорка совершенно изменило лицо

города; казалось, что это другой город. И дома собственников, облицованные мрамором, и ветхие жилища, сдаваемые внаем «тем, кто перебивался хлебом со дня на день», — все были в черном крепе, задрапированы черной материей или миткалем, розетками, траурными эмблемами.

Примерно с полудня 24 апреля до полудня следующего дня останки Авраама Линкольна, обрамленные белым сатином, находились в здании муниципалитета. Час проходил за часом, а люди все шли и шли, чтобы выразить свои чувства, чтобы запомнить лицо, черты, образ Линкольна. У гроба прошли люди с разными настроениями. Здесь прошли сотни тех, кто громил, жег и грабил город, убивал полицейских и негров во время прошлогодних расистских и антимобилизационных беспорядков. Они пришли, полные любопытства, тайного торжества, ненависти и презрения. Но подавляющее большинство пришло, чтобы засвидетельствовать свою любовь и верность. Были женщины, которые пытались поцеловать лицо умершего, но стража торопила их пройти поскорее.

В полдень 25 апреля от здания муниципалитета двинулась процессия в 100 тысяч человек. Здесь были представлены все расы, национальности, религии, верования. В шествии участвовало 20 тысяч солдат. Оно длилось часами. Около миллиона людей заняло тротуары, и среди них не меньше 100 тысяч, приехавших специально в Нью-Йорк из других городов. Шествие замыкала делегация из 2 тысяч негров, многие из них были в голубой солдатской форме. Расисты ворчали, что они никогда не разрешили бы неграм участвовать в процессии.

На Юньон-сквере католический архиепископ произнес свое благословение, рабби прочел выдержку из библии, помолились и священники других верований. Наступил вечер.

Население было охвачено эпидемией стихосложения. Газеты получали рифмованные строки тысячами. Нью-йоркская «Геральд» опубликовала сообщение, что, так как стихи могут занять все страницы газеты и не будет места для новостей, редакция ни одного из присланных стихотворений печатать не будет. Чикагская «Трибюн» в редакционной заметке известила, что газета страдает от жестокого приступа поэзии, что за три дня пришло 160 стихотворении, начинающихся одинаково: «Гремите, траурные колокола», или: «Плачьте, плачьте, колокола».

25 апреля поезд шел в Олбэни. Его сопровождали костры и факелы вдоль путей, колокольный звон и гром орудий. Всю ночь до утра 26 апреля люди в трауре прощались с Линкольном в Олбэни.

Утром 26 апреля Бут нашел свою смерть. Преследуемый, как

дикий зверь, как загнанная крыса, он спрятался в сарае недалеко от Боулинг Грина, штат Виргиния. Сарай подожгли. До этого в Бута стреляли, и чья-то пуля пробила ему шею насквозь. Бута, еще живого, вытащили из огня и положили под деревом. Ему дали воды. Он пришел в себя и пробормотал: «Передайте маме… я умер… за свою родину». Его перенесли на веранду. Он шептал: «Мне казалось, что я поступаю правильно». Когда пришел доктор,

Бут еще дышал. Он посмотрел на свои руки и прохрипел: «Бесполезно! Бесполезно!» Это были его последние слова.

Похоронная процессия с телом Линкольна проследовала через Буффало, Кливленд, Крестлайн, Колумбус, Индианаполис, Плезант-Валли, Юрбейну и Лафайет, достигла Чикаго. Всюду миллионы людей медленно проходили мимо катафалка в дождь и в пекло, днем и ночью — они прощались с Авраамом Линкольном. Приходили бывшие и будущие президенты, простые люди, женщины, старики, дети. Прошло уже две недели с тех пор, как Авраам Линкольн, веселый, жизнерадостный, оставил в вечерний час Белый дом и поехал в театр Форда.

В Чикаго в похоронной процессии приняло участие 50 тысяч человек. На тротуарах собралось сто с лишним тысяч. Здесь рядом стояли прирожденные янки и потомки приехавших на «Мэйфлауэр», Сыны и Дочери революции, евреи, негры, католики, немцы, ирландцы, голландцы, шведы, норвежцы, датчане, так называемые «столпы общества» и так называемая «чернь». Иногда под тяжестью толпы кое-где хрустели и ломались деревянные тротуары. Женщины падали в обморок, сновали больничные кареты.

125-тысячная масса людей в последний раз смотрела на Человека из Иллинойса. Тысяча факелоносцев провожала гроб к вагону. Поезд неторопливо тронулся в путь к Спрингфилду.

Среди 75 тысяч прощавшихся с Линкольном было много знавших его лично. Они испытывали благоговейный трепет, они были подавлены, потрясены, недвижимы, скованы. Они прибыли из Сейлема, Питерсберга, Клэрис-Грова, Олтона, Чарлстона, Матуна и из городов и сел старого округа выездного суда. Пришли его былые клиенты, дела которых он выиграл или проиграл, адвокаты, которые выступали в суде вместе с ним или против него, соседи, видевшие его, когда он доил коров или чистил своего коня, друзья, которые, сидя вокруг накаленной печки, не раз слушали его рассказы, его высказывания по вопросам политики и религии. Целые сутки прощался с ним его родной город.

4 мая в год 1865-й нашей эры похоронная процессия тронулась от Капитолия штата к кладбищу Оук Ридж. Там

многотысячная толпа слышала последние молитвы, гимны, услышала она и повторение речи, произнесенной Линкольном в день вторичного вступления на пост президента.

Епископ Симпсон в трогательной речи выступил как истолкователь Линкольна, как предсказатель: «Бывают мгновения, которые включают в себя века. Бывают моменты, которые содержат в себе особые семена, коим суждено вырасти, развиваться и цвести в веках. Эти семена прилетели в нашу страну на крыльях времени в период, когда нужно было решить проблему, затрагивающую все государства мира. Борьба велась за свободу человека. Эта борьба имела значение не только для населения нашей страны, не просто нашего Союза. Решался вопрос о том, может ли его величество народ избрать свое правительство и определить свою жизненную судьбу. Должны ли народы остаться подданными тиранов, аристократов, подчиняться классовому господству любого сорта. Это был основной вопрос; за его решение мы боролись, и оно уже близко. Результат борьбы окажет свое влияние в грядущих веках. Если мы победим, республики распространятся по всей земле вопреки сопротивлению монархий».

Из толпы раздались крики: «Аминь! Благодарение богу!»

Каменный пол склепа покрыли ковром из вечнозеленых растений. Гроб поставили в саркофаг из черного дуба. Его заботливо украсили цветами; их рассыпали, словно символы, нагромоздили груды свежих цветов, словно хотели, чтобы цветы раскрыли сокровенное в сердцах людей или в сердце усопшего.

Ночь принесла вечную тишину.

И наступил покой.

И годы прерий, годы войны остались позади.

Послесловие

В одном из своих выступлений в канун гражданской войны Лннкольн как-то сказал: «Только события создают президента». События, связанные с резким обострением борьбы по вопросу о рабстве в 1858–1860 годах, привели к избранию Авраама Линкольна президентом США.

Бурные революционные потрясения гражданской войны 1861–1865 годов выдвинули его в ряды величайших деятелей американской демократии. Авраам Линкольн — человек, жизнь и деятельность которого принадлежат не только американскому народу, но и всему прогрессивному человечеству. В этом немаловажная причина того большого интереса, с которым читается книга Карла Сэндберга. Историческая достоверность и исключительно яркая форма изложения материала являются важнейшими достоинствами этой работы.

Большая и трудная работа была проделана переводчиками, которым пришлось наполовину сократить текст книги Сэндберга. Сокращения сделаны за счет второстепенных деталей, касающихся описаний различных событий гражданской войны и предвоенного периода. Все непосредственно касающееся жизни и деятельности Авраама Линкольна сохранено в переводе. Несмотря на значительные сокращения, переводчики сумели сохранить общую нить повествования и передать характерные особенности стиля автора.

Карл Сэндберг является также автором многотомной биографии Авраама Линкольна. Часть материала, приводимого в данной книге, взята из этого ценного издания. Большой интерес представляет цитируемая Сэндбергом оценка, которую давал Карл Маркс различным сторонам деятельности Линкольна.

Это тем более правомерно, что Маркс был современником Линкольна, пристально следил за его деятельностью и дал всестороннюю оценку Линкольна не только как политического и государственного деятеля, но и как человека. Маркс писал: «…это был человек, никогда не сдававшийся перед невзгодами, не опьянявшийся успехом, непреклонно стремившийся к своей великой цели, никогда не компрометировавший ее слепой поспешностью, спокойно соразмерявший свои поступки, никогда не возвращавшийся вспять, не увлекавшийся волной народного сочувствия, не падавший духом при замедлении народного пульса, смягчавший суровость действий теплотой доброго сердца, освещавший улыбкой юмора омраченные страстью события… он был одним из тех редких людей, которые, достигнув величия,

сохраняют свои прекрасные качества. И скромность этого великого и прекрасного человека была такова, что мир увидел в нем героя лишь после того, как он пал мучеником» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. I, стр. 93).

Деятельность Линкольна развертывалась в эпоху революционного переворота, когда классовая борьба достигла своего апогея и вылилась в ожесточенную гражданскую войну между противниками и сторонниками рабовладения. Аитирабовладельческая коалиция, возглавлявшаяся Линкольном, состояла из представителей самых различных классов и слоев населения. Трудно было создать и сплотить эту коалицию, провести ее через все превратности четырехлетней гражданской войны. На этом большом и тернистом пути неизбежны были ошибки и просчеты, от которых далеко не свободна была деятельность Линкольна.

В задачу автора не входило объяснение всех сторон сложной и противоречивой деятельности Линкольна. А противоречий этих было немало.

В первую очередь это касается позиции Линкольна в вопросе об освобождении рабов. В канун гражданской войны он говорил, что конституция США провозгласила лозунг: «Все люди созданы равными», имея в виду и негров. С другой стороны, противореча своим же высказываниям, Линкольн заявлял: «Освободить рабов и сделать их в политическом и социальном отношениях равными нам? Мои чувства против этого». Линкольн был твердо убежден в неизбежности уничтожения рабства, но тут же заявлял, что этого можно достигнуть только мирным путем, не вмешиваясь в дела рабовладельческих штатов. «Я снова и снова заявляю, — говорил Линкольн, — что не буду вмешиваться в дела штатов, где существует институт рабства».

Вступая на пост президент, Авраам Линкольн прямо заявил: «У меня нет ни прямой, ни косвенной цели нарушить установления рабовладельчества в тех штатах, где оно существует. Я считаю, что не имею законного права это сделать, у меня и желания такого нет»

Этой установки Линкольн последовательно придерживался и после начала гражданской войны. В течение полутора лет правительство Линкольна оставалось глухим к требованиям радикалов-аболиционистов, добивавшихся освобождения рабов и призыва негров в армию. Целый ряд политических, экономических и военных соображений удерживали Линкольна от освобождения рабов. Важное место среди них занимали опасения, что освобождение рабов приведет к обострению противоречий с рабовладельцами лояльных пограничных штатов.

Маркс и Энгельс резко критиковали Линкольна за консервативную политику в вопросе об отмене рабства, за «трусливое внимание к желаниям, выгодам и интересам» рабовладельцев пограничных штатов (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. II, стр. 370).

На позицию Линкольна в вопросе об освобождении рабов большое влияние оказывали реакционные круги буржуазии, которые страшились перехода к революционным методам ведения войны. По мере углубления революции Линкольн постепенно освобождался от этого влияния и под давлением широких народных масс начал пересматривать свою точку зрения, выступил за издание закона о гомстедах и за освобождение рабов.

Маркс неоднократно указывал на то, что Линкольн был медлительным и осторожным человеком, но, раз приняв какое-либо решение, «старый Эйби» никогда не отступал, а последовательно и настойчиво проводил его в жизнь».

Большой исторической заслугой Линкольна является то, что он прислушался к голосу народных масс, встал на путь уничтожения рабства и последовательно придерживался этого пути, успешно отражая все попытки реакционных кругов воспрепятствовать освобождению рабов и призыву негров в армию. Новый политический курс Линкольна обеспечил переход к революционным методам ведения войны и разгром мятежников-рабовладельцев.

Опубликование Линкольном Прокламации об освобождении рабов явилось событием огромного прогрессивного значения. Ее появление означало, что колебания Линкольна прекратились, он принял сторону аболиционистов и высказался за решительное ведение войны с целью полного разгрома мятежников-рабовладельцев.

Авраам Линкольн высоко оценивал вклад негров в разгром рабовладельцев. Когда в 1864 году от него потребовали запретить неграм сражаться в армии Севера, он ответил: «Отнимите у нас и отдайте противнику 130–140 — 150 тысяч негров, которые сейчас служат нам в качестве солдат, матросов и рабочих, и мы не сможем дольше противостоять врагу».

Уничтожение рабства, закрепленное полным военным разгромом рабовладельцев в гражданской войне, явилось крупнейшим событием не только в истории негритянского народа США, но и поворотным пунктом в истории всего американского народа. И этот крупнейший прогрессивный акт неразрывно связан с именем Авраама Линкольна. Очевидцы свидетельствовали, что после подписания Прокламации об освобождении Линкольн

сказал: «Если мое имя когда-нибудь попадет в историю, то за этот акт, и в нем — вся моя душа». Эти слова Авраама Линкольна выдержали испытание временем, освобождение рабов навеки обессмертило его имя.

Трудно согласиться с рядом положений, которые высказывает Карл Сэндберг. Так, например, нельзя безоговорочно присоединиться к оценке, которую автор дает восстанию Джона Брауна. У читателя может создаться мнение, что Браун был фанатик, который, как пишет Сэндберг, «убивал людей без суда и следствия» (стр. 135). Нет необходимости рассказывать о героическом подвиге Джона Брауна, об этом образно и ярко повествуется в книге Сэндберга. Все мысли и все действия Джона Брауна были подчинены одной идее — борьбе за уничтожение рабства. Ради этой великой идеи Джон Браун сознательно пошел на смерть. Он был уверен, что его гибель послужит новым мощным толчком к развитию борьбы за уничтожение рабства. И Джон Браун не ошибся, его героический подвиг воодушевил многие тысячи противников рабства на решительную борьбу за дело, ради которого пожертвовал своей жизнью Джои Браун. Антирабовладельческое движение поднялось на новый, более высокий этап, и Маркс писал по этому поводу: «По моему мнению, самые великие события в мире в настоящее время — это, с одной стороны, американское движение рабов, начавшееся со смерти (Джона) Брауна, с другой стороны — движение рабов в России» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 474).

Трудно согласиться с Сэндбергом, когда он утверждает, что уже в первые дни войны «Линкольн все больше присваивал себе власть диктатора» (стр. 211). Следует отметить, что в борьбе с реакционными, антиправительственными кругами Линкольн использовал только минимум тех прав, которые получает глава государства в условиях, аналогичных тем, которые создал мятеж рабовладельцев. Более того, Линкольн проявил много нерешительности и колебаний в борьбе с агентурой рабовладельцев на Севере, что серьезно ослабляло позиции антнрабовладельческих сил. Во всяком случае, Линкольн ни в коей мере не стремился к диктаторской власти.

Значительное внимание автор уделяет взаимоотношениям между Линкольном и генералом Мак-Клелланом; Сэндберг подробно анализирует порочные военные планы Мак-Клеллана, показывает, какой большой вред делу Союза наносила его медлительность при решении военных вопросов. Но следовало бы подчеркнуть, что Мак-Клеллан фактически был агентурой рабовладельцев в армии Севера. Его политические симпатии были целиком на стороне рабовладения, что не могло не

наложить глубокого отпечатка на его деятельность в качестве главнокомандующего вооруженными силами Союза.

В книге Сэндберга приводится очень интересный и документально обоснованный материал о позиции России по отношению к правительству Линкольна. Автор с полным основанием приходит к выводу, что Россия занимала дружескую позицию по отношению к Северу. Реакционные деятели Англии и Франции вынашивали далеко идущие планы вмешательства в гражданскую войну в США на стороне рабовладельцев. «Руководящие деятели Англии и Франции, — пишет Сэндберг, — готовились признать конфедерацию, но им мешала Россия» (стр. 313).

Определяя причины дружеского отношения России к правительству Линкольна, автор указывает на то, что Россия не могла поддерживать Англию и Францию, «с которыми она незадолго до этого воевала в Крыму» (стр. 314). Сэндберг приводит также и другую причину. «К тому же у России, — пишет он, — не было такой текстильной промышленности, как у Англии и Франции! страдавших от хлопкового голода» (стр. 314).

Следует подчеркнуть, что дружеская позиция царского правительства по отношению к Северу была вызвана отнюдь не благожелательным отношением монархических кругов России к прогрессивным силам США, боровшимся с рабовладельцами.

Суть вопроса заключалась в том, что Россия была заинтересована в сохранении сильных, единых Соединенных Штатов как противовеса Англин и Франции, которые были основными конкурентами России.

Говоря о русско-американских отношениях в годы гражданской войны в США, надо иметь в виду и другую сторону вопроса — отношение прогрессивной общественности России к борьбе против рабства. Прогрессивная Россия была целиком и полностью на стороне аболиционистских сил Севера. Великий русский революционный демократ Н. Г. Чернышевский писал, что рабство «лежало гнетом на всей жизни всего североамериканского народа, пятном на доброй славе его» (Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. VIII, М., 1950, стр; 353). В избрании Линкольна президентом Чернышевский видел событие огромного прогрессивного значения: «…цель, когда победа осталась на стороне партии, имевшей своим кандидатом Линкольна, этот великий день — начало новой эпохи в истории Соединенных Штатов, день, с которого начался поворот в политическом развитии великого североамериканского народа» (там же).

Чернышевский резко критиковал Линкольна за чрезмерную

умеренность и колебания в вопросе об освобождении рабов, но он выражал твердую уверенность, что Линкольн под влиянием развивающихся событий пойдет на принятие революционных мер в борьбе с мятежниками-рабовладельцами. «Едва ли можно будет избежать Линкольну этих решительных мер, если война продлится», — писал Чернышевский (там же, стр. 596).

Для правильного понимания вопроса о русско-американских отношениях в годы гражданской войны необходимо, безусловно, учитывать позицию, которую занимали в это время прогрессивные круги России.

Линкольн давал высшую оценку благожелательному отношению России к США в годы гражданской войны. Он с большим чувством симпатии, дружески относился к русскому народу. Этот факт не может не обратить на себя внимания. Американский писатель Теодор Драйзер заявлял: «Если бы Вашингтон, Джефферсон или Линкольн были живы сейчас, они бы дружили с Россией».

Линкольн был выразителем интересов прогрессивной части буржуазии США, но он питал искренние и глубокие симпатии к людям труда. Пройдя суровую жизненную школу, рано приобщившись к физическому труду, он на всю жизнь сохранил уважение и любовь к людям труда. В их деятельности, в их труде Линкольн видел основу всех богатств, которыми владеет общество. И в наши дни не потеряли своего значения слова Линкольна: «Труд предшествует капиталу и независим от него. Капитал только продукт труда и никогда не мог бы существовать, если бы раньше его не существовал труд. Труд выше капитала и заслуживает несравненно большего уважения».

Нашему, советскому читателю близки и понятны демократические взгляды Линкольна, которые находят столь широкое освещение на страницах книги Сэндберга. Линкольн внимательно прислушивался к голосу народа, он понимал необходимость неразрывной связи между народом и правительством. «Правительство народа, — говорил Линкольн, — из народа и для народа никогда не исчезнет с лица земли».

Авраам Линкольн был главой буржуазного правительства, но он резко осуждал жажду к наживе, обогащению, коррупцию, которые уже в то время разъедали американское буржуазное общество. Линкольн проявлял глубокое беспокойство за будущность своей родины. Он говорил: «В недалеком будущем наступит перелом, который крайне беспокоит меня и заставляет трепетать за судьбу моей страны. Приход к власти корпораций неизбежно повлечет за собой эру продажности и разложения в высших органах страны, и капитал будет стремиться утвердить

свое владычество, играя на самых темных инстинктах масс, пока все национальные богатства не сосредоточатся в руках немногих избранных — а тогда конец республике».

Линкольн был горячим патриотом своей родины, и вместе с тем ему ни в коей мере не была присуща национальная ограниченность, стремление замкнуться в узкие национальные рамки. Линкольн говорил, что, «кроме семейных уз, есть другие, высшие узы — узы человеческой солидарности, которая должна объединять всех трудящихся, все нации, все языки, все расы».

Линкольн был президентом США в годы самой тяжелой войны, которую когда-либо переживала страна. Он видел страшные последствия войны и знал цену мира. «Давайте приложим все усилия к тому, — говорил Линкольн, — чтобы достигнуть и сохранить справедливый и прочный мир как в самой нашей стране, так и с другими нациями». Эти слова сохраняют всю свою актуальность в настоящее время, когда народы всех стран мира видят свою главную задачу в борьбе за предотвращение новой мировой войны.

Со страниц книги Сэндберга Авраам Линкольн предстает как носитель славных революционных и демократических традиций американского народа. Эти традиции находятся на вооружении американского народа в наши дни, они были важным оружием в годы тяжелой борьбы с фашизмом. Отдавая должное великому демократу Америки, американцы, сражавшиеся с фашизмом в Испании, назвали свою бригаду его славным именем.

Советские читатели с большим интересом ознакомятся с книгой Сэндберга, которая правдиво и ярко рассказывает о жизни великого гражданина Америки Авраама Линкольна. Перевод книги Сэндберга выходит в свет, когда отмечается 100-летие гражданской войны в США, что еще больше увеличивает актуальность этой работы.

Книга Сэндберга поможет советскому читателю узнать много интересного о жнзни и деятельности Авраама Линкольна, о котором с такой теплотой говорил Н. С. Хрущев: «В нашей стране высоко чтят память Авраама Линкольна, самого человечного человека Соединенных Штатов Америки… отдавшего жизнь за освобождение людей. Мы склоняем перед ним свои головы. Его имя будет жить в веках» («Правда», 18 сентября 1959 г.).

Р. Ф. ИВАНОВ

5/X 1961 г.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. ЛИНКОЛЬНА

1809, 12 февраля — В штате Кентукки в доме бедного фермера родился Авраам Линкольн.

1816, декабрь — Семья Линкольнов переезжает в штат Индиана. Здесь Линкольны жили почти 13 лет.

1818, 5 октября — Умирает мать А. Линкольна — Нэнси Хэнкс Лнннкольн.

1819, 2 декабря — Отец Линкольна женится на вдове Саре-Буш Джонстон.

1828, лето — Первое путешествие Авраама Линкольна в качестве матроса на грузовой лодке в Новый Орлеан.

1829, осень — А. Линкольн служит продавцом в деревенской лавке.

1830, март — Семья Линкольнов переселяется в штат Иллинойс.

Лето — А. Линкольн достигает совершеннолетия, занимается самообразованием. Первые политические выступления.

1831, весна — Второе путешествие Линкольна на грузовой лодке в Новый Орлеан.

Лето — А. Линкольн переезжает в Нью-Сейлем. Здесь он живет до 1837 года.

1 августа — Линкольн впервые голосует за кандидата в члены конгресса.

Ноябрь — Линкольн начинает изучать юриспруденцию.

1832, август — Лннкольн участвует в войне с индейцами.

Август — Линкольн терпит поражение на выборах в законодательное собрание штата Иллинойс.

Осень — Линкольн и его компаньон открывают лавку в Нью-Сейлеме.

Весной 1833 года предприятие терпит крах.

1833, 7 мая — Линкольн получает должность единственного почтового служащего в Нью-Сейлемской конторе.

Осень — Линкольн назначается землемером и оставляет почту.

1834, 4 августа — Линкольн впервые избирается членом законодательного собрания штата Иллинойс.

1836, 9 сентября — Линкольн получает патент адвоката.

1837, апрель — Линкольн переезжает в Спрингфилд, где продолжает заниматься адвокатурой и политической деятельностью, направленной в значительной степени против

распространения рабовладельчества на территории неюжных штатов.

1840, весна — Обручение Линкольна с Мэри Тод.

1842, 4 ноября — Женитьба Линкольна.

1847–1849 — Линкольн избирается членом конгресса США.

1849 — Линкольн возвращается в Спрингфилд.

1851, 17 января — Умирает отец Линкольна.

1854, 16 октября — Речь Линкольна в Пеории.

1857, 24 мая — Вооруженное восстание под руководством Джона Брауна против рабовладельчества.

1858 — Публичные дебаты Линкольна с Дугласом.

1860, 27 февраля — Речь Линкольна в Купер Юньэи в нью-йорке.

1860, 6 ноября — Линкольн избран президентом США.

1861, 4 февраля — Выход южных штатов из США. Создание Конфедеративных Штатов Америки.

11 февраля — Переезд Линкольна в Вашингтон.

4 марта — Новый президент принимает присягу.

14 апреля — Захват мятежниками форта Самтер и начало гражданской войны в США.

15 апреля — Президент Линкольн объявляет призыв добровольцев в армию.

21 июля — Поражение армии северян под Булл-Рэиом.

17 ноября — Временный захват флотом северян английского корабля «Трент» и конфликт с английским правительством. Линкольн улаживает конфликт.

1862, 17 февраля — Капитуляция крепости южаи Донелсон генералу Гранту.

Май — Президент объявляет о принудительной мобилизации в армию, издает акт о земельных наделах.

Июль — Линкольн публикует закон о смертной казни за измену.

31 августа — Второй разгром северян под Булл-Рэном. Недовольство Линкольна командующим армией Мак-Клелланом.

17 сентября — Безрезультатная битва у Антьетама.

22 сентября — Линкольн публикует предварительное объявление об эмансипации негров.

Ноябрь — Поражение армии северян у Фредериксберга.

31 декабря — 2 января 1863 г. — Битва под Мэрфрисборо. Отступление армии южан.

1863, 1 января — Президент публикует окончательное объявление об эмансипации негров. Освобождение негров, принадлежавших мятежникам, без наделения землей.

1 — 4 мая — Сражение под Чанселорвиллем. Генерал Ли

наносит поражение армии северян.

1 — 3 июля Битва под Геттисбергом. Поражение южан.

4 июля — Капитуляция Виксберга генералу Гранту.

19 сентября — Битва под Чикамогой.

19 ноября — Речь президента Линкольна в Геттисберге.

27 ноября — Разгром армии южан под Чатанугой.

1864, 29 февраля — Линкольн назначает генерала Гранта главнокомандующим вооруженных сил США.

Май — Генерал Грант начинает наступление против армии генерала Ли.

21 июня — Президент посещает части действующей армии.

Июль — Успешный рейд армии южан по тылам противника; угроза захвата Вашингтона. Болтовня о мире. Готовность Линкольна вести переговоры о мире при условии безоговорочного возвращения южных штатов в Союз.

Август — Возобновление южанами разговоров о мире. Безрезультатная встреча Линкольна с представителями правительства конфедерации.

8 ноября — Вторичное избрание Линкольна президентом.

15 ноября — Начало рейда армии генерала Шермана по тылам южан.

13 декабря — Выход армии генерала Шермана к побережью Атлантики.

1865, 18 января — Принятие конгрессом по предложению Линкольна тринадцатой поправки к конституции США.

4 марта — Вторичное вступление Линкольна на должность президента США.

Март — Посещение президентом армии генерала Гранта.

29 марта — 2 апреля — Поражение южан под Питерсборо.

3 апреля — Падение столицы южан — Ричмонда.

4 апреля — Посещение Ричмонда Линкольном.

9 апреля — Капитуляция армии генерала Ли.

14 апреля — Линкольн смертельно ранен в театре реакционером Бутом.

15 апреля — Линкольн умирает, не приходя в сознание.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Маркс К., Американский вопрос в Англии. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 15, стр. 312–321.

Маркс К., Гражданская война в Северной Америке. Соч., т. 15, стр. 337–347.

Маркс К., Гражданская война в Соединенных Штатах. Соч., т. 15, стр. 348–356.

Маркс К., Рабочий митинг в Лондоне. Соч., т. 15, стр. 465–468.

Маркс К. и Энгельс Ф., Гражданская война в Америке. Соч, т. 15, стр. 497–507.

Маркс К. и Энгельс Ф., Положение на американском театре войны. Соч., т. 15, стр. 517–521.

Маркс К., К критике положения в Америке. Соч., т. 15, стр. 540–543.

Маркс К., К событиям в Северной Америке. Соч., т. 15, стр. 568–571.

Маркс К., К положению в Северной Америке. Соч., т. 15, стр. 576–579.

Энгельс Ф., Уроки Американской войны. Соч., т. 15, стр. 410–414.

Маркс К., Президенту Соединенных Штатов Америки Аврааму Линкольну. Соч., т. 16, стр. 17–19.

Маркс К., Обращение Международного Товарищества рабочих к президенту Джонсону. Соч., т. 16, стр. 98 — 100.

Фостер У., Негритянский народ в истории Америки. М., 1955.

Фонер Ф., История рабочего движения в США, т. I, М., 1949.

Дементьев И. П., Эволюция американской буржуазной историографии гражданской войны 1861–1365 гг. «Вопросы истории» № 9, 1958.

Ефимов А. В., Очерки истории США. М., 1958.

Иванов Р. Ф., Великий гражданин Америки (к 150-летию со дня рождения Авраама Линкольна). «Вестник АН СССР» № 2, 1959.

Малкин М. М., Гражданская война в США и царская Россия. М. — Л., 1939.

Очерки новой и новейшей истории США, т. [. М., 1960.

Петров Д. Б, Авраам Линкольн. М., 1959.

Potter D. M., Llnkoln and His Party in the Secession Crisis. 1942.

Williams T. H., Linkoln and the Radicals. 1941.

Williams T. H., Linkoln and His Generals. 1952.

Dennet T., Linkoln and the Civil war in Diaries and Letters of

John Hay. 1939.
Milton G. F., Abraham Linkoln and the Fifth Column. 1942.

notes

Примечания

1

Предлог.

2

Производительную деятельность.

3

Примет другой оборот.

4

Здесь игра слов: «grant» по-английски означает «даровать». Фраза читается: «Боже, даруй победу».